

3 1761 08106708 4

T2M-311/85

DUPLICATE

5892

Faint handwritten text at the top of the page.

СѢВЕРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Январь № 1.

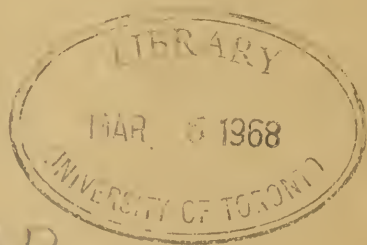
[1895 no. 1]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просс., 5
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 декабря 1894 года.

AP
50
557
1895
no. 1

При этомъ № разсылается въ отдѣльныхъ оттискахъ:
 I. Окончаніе романа Г. Сенкевича «Семейство Поланецкихъ»
 для гг. подписчиковъ, сохранившихъ абонементъ съ 1894 г.
 II. Первые двѣ части повѣсти М. Крестовской «Женская жизнь»,
 напечатанныя въ ноябрѣ и декабрѣ 1894 г. для новыхъ го-
 довыхъ подписчиковъ 1895 г. (Годовыми подписчиками считаются и под-
 писчики по разсрочкѣ, если они заявили при подпискѣ, что обязуются акурат-
 но высылать втеченіе года разсрочныя уплаты).

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАН.

I. — АНИКА ВОИНЪ Карпника мпувшаго. В. Савихина	1
II. — ОБЛАКА. Стихотвореніе Н. Минскаго.	50
III. — ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Тургеневъ въ его представленіи о смерти Д. Овсяннико-Куликовскаго.	51
IV. — ОТВЕРЖЕННЫЙ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Д. Мережков- скаго	71
V. — РАЗСКАЗЫ: 1. Въ торфяномъ болотѣ. Гейнца Товоте. 2. Малень- кій Миронъ Ивана Франка. Изъ галицкой жизни. 3. Мрачная исторія. Изъ книги повелѣть Лунджи Капуана: «Le appassionato»	113
VI. — ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ 1864 Г. В. Усти- нова	133
VII. — ИЗЪ ЛЕКОНТЪ-ДЕ-ЛИЛЯ. Стихотвореніе О. Чюминой.	152
VIII. — ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. Повѣсть въ письмахъ Маріи Крестовской	153
IX. — СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ. М. С—ля	206
X. — ИСПОВѢДЬ Анни Безантъ, съ предисловіемъ Зин. Венгеровой.	215
XI. — НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЕ. Біографическій очеркъ. В. Стасова	242
XII. — ИЗГНАННИКЪ. Стихотвореніе К. Льдова.	270
XIII. — ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО СЪ НАЧАЛА 80-хъ ГОДОВЪ. Проф. А. Исаева	271
XIV. — ПРОТИВОРѢЧІЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ. Гр. Льва Тол- стого	279
XV. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Расколъ въ радикальной журнали- стикѣ шестидесятихъ годовъ. Либеральное уподобленіе Тургенева Аско- чевскому. — Бурныя событія эпохи. — Сатирическіе фелетоны Щедрина въ «Современникѣ». — Колебаніе въ политическомъ направленіи «Современ- ника». — Выходка противъ пугилистовъ. — Насмѣшка Щедрина надъ рома- номъ Чернышевскаго. — Первая схватка съ «Русскимъ Словомъ». — Отъѣздъ Щедрина и рѣшительная битва между обоими журналами. — Вмѣшательство Писа- рева — Антоновичъ и Писаревъ о Чернышевскомъ — Чернышевскій о Чернышев- скомъ. — Побѣда «Русскаго Слова» и паденіе «Современника». А. Волынскаго.	297

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. Провинціальная печать. Нѣчто о призваніи печати и о полемикѣ — Самарскія газеты о центральномъ земскомъ печатномъ органѣ. — Прощаніе съ сельскимъ учителемъ. — «Волжскій Вѣстникъ» о позіи въ жизни. — Самоубійство. — Купеческій обѣдъ въ Уфѣ. — Жельзная дорога по южному берегу Крыма. — Дешевый кредитъ и крымскіе крестьяне. — Концертъ Балакирева въ Варшавѣ. — Нашествіе мышей па югъ. Л. Прозорова	1
II. — НѢТЪ ВѢДНОСТИ ВЪ РОССІИ. П. Кузнецова	17
III. — ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. Школьная борьба въ Англіи. С. Рыбакова	26
IV. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ На Новый годъ. — Желательные успѣхи. — Отпоръ со стороны «Моск. Вѣдомостей», «Гражданина» и «Новаго Времени». — Назначеніе графа Шувалова въ Варшаву. — Отношенія съ поляками. — 3 ¹ / ₂ % золотой заемъ. — Указъ о кредитныхъ билетахъ. — Эпизодъ изъ финансовой исторіи. — Новый пассажирскій тарифъ.	34
V. — НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. I. Нѣчто о петербургскихъ обществахъ и кружкахъ. Ө. С.	49
VI. — КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ. А) Критика: La science du point d'honneur par A. Croabbon.	54
Б) Библиографія. I. Беллетристика и дѣтскія книги. — II. Общественныя науки. — III. Естественнае и медицина — IV. Книги для народа.	57
VII. — ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Обѣдъ въ честь П. Д. Боборыкина. — Поль Верлянь. — Извлеченія изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія пугдающимся литераторамъ и ученымъ	67
VIII. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Палата депутатовъ и Е. Перье. — Мадагаскарская экспедиція. — Дѣло Дрейфуса. — Начало сессіи германскаго сейма. — Парламентская сессія въ Италіи. — Обвиненіе противъ Криспи. Л. Полонскаго	72
IX. — КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.	
X. — ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

АНИКА ВОИНЪ.

(КАРТИНКА МИНУВШАГО).

I.

Вечернее солнце затопило своими густыми багровыми лучами праздничное село; все сельскіе обыватели высыпали на улицу, всюду неся говоръ, смѣхъ, шутки. Въ глубинѣ улицы, будто гирлянда цвѣтная яркая передвигалась изъ стороны въ сторону, то кружилась — развертывалась хороводъ дѣвичій, отъ хоровода неслись по тихому воздуху стройные звуки пѣсни, звуки рожка, балалайки и еще какой-то голосистой музыкальной свистули... И хорошо было слушать издалека этотъ гулъ музыкальный и пѣсенный, — издалека было видно, что тамъ жизнь идетъ на раснашку и въ распояску!

Кое-гдѣ стояла кучками молодежь, бабы-пріятельницы; ребячій гамонъ доносился откуда-то изъ задворковъ. На нагрѣтыхъ солнцемъ завалахъ бесѣдовали старухи древнія, — передъ ихъ уже слабѣющими взорами развертывался, живою, нестрою лентой переплетался новый міръ, молодой, полный надеждъ радостныхъ, нутряной могучеи и плечевой крѣпости!.. И чуялось старухамъ, что немного времени осталось имъ быть на землѣ, что скоро ихъ позовутъ туда... къ Богу, а жизнь на землѣ останется, пойдетъ своей чередой, и быть можетъ лучше пойдетъ, счастливѣе! А давно-ли, кажется, и онѣ такъ-же беззаботно кружились въ шумныхъ дѣвичьихъ хороводахъ? Словно и по сей часъ въ ухахъ ихъ гудитъ — гулъ своихъ громкихъ пѣсень... Ахъ — жизнь прошла! Незамѣтно новые люди надвинулись, заполонили самую середину улицы.

Нѣсколько мужиковъ приспособились на толстомъ сукноватомъ бревнѣ, подъ окнами самой крайней избы села, близъ выгона. Хорошо было и у крайней избы: вся сельская улица напролетъ видна со всеми хозяй-

ствами: видѣлись изъ-за только-что распустившихся кленовъ три церковныя головы, колокольня; надъ трехъ-оконною крѣпкою избою. на тонкой сосновой жердочкѣ, выслось помело... указывая прохожему, что тутъ подъ горячую руку можно изъ сапоговъ выскочить, изъ кафтана наружку вывернуться...

Черезъ выгонъ, за положимъ его уклономъ, тянулось на-вереты яровое поле, видѣлась на полѣ дорожка узенькая,—пролегла она въ приходъ отъ погоста и, кривляя и виляя на зеленомъ раздолѣ, терялась на-конецъ въ неоглядной дали, сплошь залитой вечернимъ розовымъ отблескомъ.

Ефимъ Дмитріевъ, старшой изъ брательниковъ Митиныхъ, закушивъ «папушу» свѣжей махорки, тутъ-же, на глазахъ у сосѣдей, искрашивалъ ее на суковатомъ бревнѣ кривымъ желѣзнымъ ножомъ въ мелкія мелочи и ссыпалъ осторожно въ кисетъ. Всѣ мужики отвѣдали «свѣжаго» табака и остались имъ всѣ довольны: сразу горло захватываетъ, и такой отмѣнный запахъ даетъ, что ни одной молодницѣ на селѣ не перенести его, чтобы не запершило въ носу и въ горлѣ.

— Да, говорили мужики,—это самый настоящій, турецкій табакъ... Не даромъ эти самые турки бѣдовый народъ на свѣтѣ, — табакъ злой курятъ, хе-хе-хе!.. Погодя, разговоръ перешелъ на яровые и озимые всходы—святое и больное мѣсто всякой деревни. Ефимъ Митинъ, какъ самый старшій изъ мужицкой компаніи, — ему шелъ семьдесятъ первый годъ, давалъ направленіе общему разговору, и всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Ефимъ былъ пріятнаго вида сѣдой старикъ, невысокій, съ длинною узкою бородою, веселый, всегда и со всѣми ласковый. Смышленные и пріятливые глаза его, давно потерявшіе свой первоначальный голубой цвѣтъ, доврѣчиво глядѣли на мужиковъ,—было видно, что жизнь этого человѣка прошла въ трудахъ и заботахъ, но не было въ ней такой непогоды — которая разбиваетъ сердце. Тутъ-же среди компаніи находился и меньшой брательникъ — Прохоръ Дмитріевичъ; Прохоръ былъ тоже средняго роста, но коренастый, съ кудрявыми полусѣдыми полурыжими волосами, съ курчавой окладистой бородою, онъ выглядѣлъ лѣтъ на двѣнадцать моложе Ефима, и ничѣмъ не напоминалъ родства, но и на лицѣ Прохора и въ глазахъ его видѣлась та-же доброта нутряная, та-же пріятность, какъ черта фамильная-митинская. Митинская семья изетари считалась одною изъ лучшихъ семей на селѣ Воздвиженскомъ, и на доброту и на порядочность Митиныхъ люди крѣпко надѣялись. И если подѣлились братья, то изъ за женъ затѣялось дѣло, жены ихъ не могли въ мирѣ жить подъ одной кровлей. — Приняя—Ефимиха все поровила подъ себя забрать, чтобы ея власть была, а Меньшуха Анна, Прохориха, не хотѣла поддаться невѣстѣ, и тоже поровила, чтобы все подъ себя забрать, потому что изъ богатой породы была взята, шелковый сарафанъ да два мериносовыхъ въ домъ прине-

сла... А бываетъ, что и отъ малой искорки весь сыр-боръ задымится, задымится—разгорится, развернется широкимъ—знойнымъ пожарникомъ!..
 —^{Вечеръ}Вечеръло... Но сельская улица все гуще заполнялась праздничными сельчанами, все веселѣй, шумнѣй катилась по ней смѣхъ, пѣсни, вольныя рѣчи. Среди хоровода кто-то ходилъ лихимъ гоголемъ, присѣдалъ и выкидывалъ пятками такіе смѣшные козыри, что все покатывалось кругомъ дружнымъ смѣхомъ, что и само солнце, советѣмъ уже было собравшееся окупуться въ синѣющій за полями дубовый лѣсъ, остановилось—залюбовалось на плясуна, на всю неструю ленту шумнаго хоровода и, казалось, забыло про свой ночной отдыхъ...

И пока такъ гулко и дружно праздновало село теплый воскресный вечеръ, незамѣтно ни для кого подошелъ изъ полей къ сельской околицѣ старый служивый.

Въ кучкѣ мужиковъ, что сидѣли у крайней избы на суковатомъ бревнѣ, произошло движеніе, все уставили глаза на выгоня.

— Э, сосѣди—заговорилъ дядя Яковъ,—смотрите—воинъ христолюбивый съ котомкою за плечами подходитъ къ околицѣ! Не нищій, кажись... Откуда-бы этакой?..

А «воинъ христолюбивый», пройдя сельскія ворота, — бодро зашагалъ къ компаніи собесѣдниковъ и сдѣлавъ фронтъ, отбивъ ногою и взявши руку подъ козырекъ, громко сказалъ воздвиженцамъ:

— Здравія желаю, господа мужички! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не приводилъ Господь поглядѣть на васъ, а вотъ дошло время...

— Здорово, старичокъ!—Здорово, дѣдушка!—отвѣчали мужики на привѣтъ, и въ то-же время переглядывались между собою: откуда-де такой верткій объявился неожиданно?

А старый солдатъ уже и свой дорожный мѣшокъ опустилъ на землю, снялъ шинель свернутую на манеръ хомута и одѣтую черезъ плечо, положилъ на шинель черемуховый посошокъ, кепь, и сталъ охорашиваться: поправлять сѣдые волосы на вискахъ, протирать ладонями загорѣлое щетинистое лицо, оправлять не то сѣрые; не то сѣдые усы. А самъ такъ и кидаетъ на мужиковъ внимательные зоркіе взгляды, и стоитъ передъ ними во всей походной формѣ своей: чернобурый мундиръ съ лнялыми пуговицами подпоясанъ чернымъ, забурѣвшимъ ремнемъ, черный галстукъ повязанъ у шеи, по рукаву мундира желтыя нашивки идутъ,—все побурѣло, все запыхилось отъ времени и полевой дороги, зато грудь старика выглядѣла совершенно по праздничному: блестяли на груди ясные знаки бывшихъ военныхъ отличій — кавказскій крестъ, серебряная и бронзовая медали на цвѣтныхъ новешенькихъ ленточкахъ.

— Али все еще не признаете?—спросилъ солдатъ снова зорко оглядывая мужиковъ, и подойдя къ брательнику Митину, къ Прохору, хлопнулъ его по плечу рукою и сказалъ заволнованнымъ голосомъ:

— Братко!.. Прохоръ Митричъ, живъ... Но тутъ у стараго солдата осталая рѣчь застряла на языкѣ, лишь погода мигъ, онъ могъ добавить: живы... любезны!.. и повисъ сухенькимъ тѣломъ на широкой груди могучаго Прохора.

— Э, кто солдатъ-то,—догадался старикъ дядя Яковъ: Аника Митинъ! Вѣдь сколько годовъ и слуху не было про него. Я полъ жизни изжилъ... Онъ, право онъ, — Аника!.. Дядя Ефимъ, гляди, твой братьельникъ... воинъ христолубивый... вашъ солдатъ!

Но Ефимъ уже держалъ воина-брата въ охапкѣ, цѣловалъ его накрестъ въ усы, и чуть не плакалъ отъ нечаянной и радостной встрѣчи. Минуту спустя, и самъ догадливый старикъ — дядя Яковъ потянулся обниматься съ солдатомъ, и другіе сосѣди потянулись велѣдъ Якову, все были рады, было лестно всемъ обняться и почеломкаться съ давно невиданнымъ, неслыханымъ, но заслуженнымъ сельчаниномъ.—Все давно позабытое, кипучимъ вешнимъ ручьемъ хлынуло въ воздвиженскія сердца... Въ колодкахъ увезли Аникія изъ роднаго села «брить въ губернію». То-то было воздыханій да слезъ на селѣ!.. Не только родная мать — Митиха — до безпамятства плакала, а и родня дальняя, и чужіе,—такія тяжкія времена тогда были для простаго русскаго человѣка. Послѣ того уже никто изъ воздвиженскихъ жителей не видѣлъ Аникія; а время шло мѣсяцами, годами, десятками лѣтъ... Правда, до Митиныхъ дошло два письма да два-три обрывка слуховъ, что живъ солдатъ—слава Богу! что загнанъ онъ подъ самую Персію. А что Персія? Христосъ ее вѣдаетъ! Лѣтъ двадцать прошло—еще слухъ дошелъ, что Аника «смирить венгерца»,—потомъ дошелъ слухъ,—что рѣжется Аника съ басурманскими турками на окаянной горѣ—на Кавказѣ, что переплываетъ онъ Дунай-рѣчку... А про эту рѣчку у старинныхъ солдатъ и пѣсня была складена особенная:

А кто не былъ, братцы, за Дунаемъ—
Тотъ бѣды не знаетъ!
А мы были—бились за Дунаемъ—
Горе понимаемъ,
Холодъ-голодъ знаемъ!

Послѣ Дуная-рѣчки, лѣтъ на пятнадцать закончились всякіе слухи про Анику солдата, словно плитой свинцовой прикрылось все, пока самъ онъ цѣлъ-невредимъ не показался на сельской улицѣ.

Вѣсть побѣжала по селу о солдатѣ. У крайней избы народъ собирался десятками, всемъ любопытно было поглядѣть на него, и все село, какъ родное, привѣтствовало старика добрыми пожеланіями. На глазахъ солдата блестяли радостныя слезы, онъ не ждалъ того, что увидѣлъ. Старухи дивились въ глаза ему, что онъ живъ-цѣлъ остался, пеходивъ «такіе походы».

— Мы такъ и думали, говорили старухи, что ты, Аникушка, умерши давно!.. — Заколоть еиъ туркой али чеченцей въ самое сердце, думали мы... А тебя Богъ принесъ,—слава Богу!

Солдаты въ свой чередъ дивилися старухамъ, что онѣ — цѣлы живы, хоть многія гораздо старше его, что онъ едва помнитъ ихъ, и что онъ тоже надумывалъ иногда, что старухи давно на томъ свѣтѣ живутъ, Адаму да Ною лепешки пекутъ! — наемѣнилъ старухъ прибауткой. А про остальныхъ говорилъ:

— Эка, народу сколько, да все бравый какой! а мнѣ и не признать никого...

Наскочили изъ-за угла ребята, и ребятамъ не столько любопытствъ показался старый солдатъ, а медали на немъ.

— Гляди-косъ, гляди! — кричали ребята другъ-другу: медали-то какія золотыя висятъ!... Гляди — крестъ! словно жукъ!... И у попа этакого креста пѣту. И ребята, громко крича и радуясь чужому кресту, десятками перетовъ указывали на грудь солдата.

Аникія окружили стѣною братья и свойственники, и повели еъ почетомъ вдоль затемнѣвшей улицы, въ избу къ Ефиму. Ребята протискались въ избу межъ большихъ, и въ ихъ числѣ два сельскихъ грамотника, — Гришка да Яшка.

Не успѣлъ солдатъ Богу помолиться на образа, поздороваться съ невѣсткой Ириной-Ефимихой, какъ уже грамотники окружили его съ двухъ сторонъ и припаясь по складамъ читать на медаляхъ.

— «За турецкую вой... войну... за турецину...» — читалъ и перевиралъ Яшка.

— «За-по-ко-ре... читалъ Гришка: за-по-ко-ре... за... покоряюще!.. за-по-ко-ре»... но такъ какъ надпись шла по медали дугою, а его «*по дуго*» читать не учили», а прямо, то онъ и не узнавалъ про какое «запо-коре» въ дугѣ писано.

— «За взятіе при... пристуномъ, при... на приступкѣ!..» читалъ Яшка. Но тутъ грамотниковъ оттиснули къ печкѣ...

Дорогого гостя усадили за столъ, кругомъ усадивъ все родичи, Ирина Оедоровна загремѣла заслонкой, ухватями, — объявила ея еkläница на столѣ, чашка соленыхъ ершей, творогъ, масло.

— Эко, братецъ родимый, говорили братья: когда Господь сподобилъ увидѣться; вѣдь такъ и думали, что нѣту тебя, и въ поминанье тебя давно занесли!.. Какъ родительская суббота, нашъ дьяконъ тебя сейчасъ и помянетъ: — Аникія война! А ты, какъ орелъ сѣрый налетѣлъ изъ за облака... Слава те Господи! А точно, братецъ, больно у тебя хорошо рагаліями-то изукрашено на груди, сіяетъ пнда!.. гордыня всему селу нашему!

— Святъ Аника, вмѣшался въ разговоръ свойственникъ дядя Ге-

расимъ, тоже старикъ лѣтъ шестидесяти-пяти, а этотъ крестъ честной означаетъ что? Ишь, перьевъ-то на немъ сколько... разъ перо, два, три... восьмиперый! Тоже значить за храбрость украшаетъ грудь?

— За Шамиля...

— За Шамиля! за того за самаго Шамиля—на Кавказъ?..

— За этого самаго,—безъ подмѣсу...

— Ахъ, жукъ его, разбойника, забодай! всплеснувъ руками сказалъ Герасимъ,—чтобы, кабы намъ раньше, съ покойницей бабой знать, что ты тамъ орудуешь... А вѣдь изъ за него изъ за шельмеца въ тѣ поры я почитаю двѣ зимы не спалъ безъ опаски.—Втемяшилось тогда моей Анисѣ покойницѣ, что онъ къ намъ на село прѣдетъ—рѣзать ее... Вѣдь съ тѣмъ и умерла, помяни ее Богъ. Какъ ночь бывало, на нее, на покойницу, и нападутъ страхи.—А ну-ко, говоритъ, батя, прѣдетъ сюда Шамиль и отрѣжетъ намъ головы? И вѣдь до того бывало окаянная, помяни ее Богъ, наплететъ, что и меня одолѣютъ страхи, да такъ оба и просидимъ на печи до утра... А вишь, у тебя крестъ честной на груди!.. Что-же, точно онъ шибко опасенъ? Грозенъ?

— Да, сватъ, не больно онъ мпловиденъ. Сатана не страшнѣ!..

— О-о?.. Да ты пей, сватъ Аника, закусывай, на насъ не гляди, мы свои люди. Я хоть и за чужимъ столомъ, а ужъ у меня повадка такая, до смерти люблю человѣка запотчевать, таковъ я отъ природы естъ!.. Говоришь—сатана?..

— Сатана—одно слово! говорилъ солдатъ закусывая вышитый шкаликъ соленымъ ершомъ: усатый этакой, бородастый, приземистый, — бородаща рыжая—во! Усы—этакіе... брови нависли, и весь въ кинжалахъ кругомъ!.. И старикъ принялся рисовать Шамиля, да такъ ярко-отчетливо, какъ ни въ одной книгѣ не писано, все насторожились, все смолкло... Кавказскіе генералы — Бярятинскій, Евдокимовъ, Эллерсъ, «Вашкевичъ», Меншиковъ, будто живые, будто родные, поднялись во весь богатырскій ростъ передъ удивленными слушателями, а того больше — мужички русскіе, — солдатунки храбрые, что усыпали костями, полили горячей кровью дальнія стороны!.. Простая солдатская рѣчь, будто съ-кира острая, вырубала картины диковинныя.—Стоитъ турецкая земля,—басурманская,—а тоже люди живутъ!—пить-ѣсть хотять, по своему Богу молятся. Тамъ и проливался кровь... На тѣхъ-то поляхъ и уложены тысячами, сотнями тысячей кости мужицкія—солдатскія, кости турецкія,—будто родныя полегли онѣ другъ на другъ, и такъ будутъ лежать до еуда Божія, возстанутъ при гулкой трубѣ архангельской. А ложились они—все дымомъ заволкло, только гудъ-гудить... свиститъ, воеетъ кругомъ... Дрожитъ политая кровью земля, сотни людей валятся подъ шальными пулями, новыя сотни выступаютъ на смѣну имъ, и новыя пули кладутъ ихъ, и опять новыя сотни растутъ изъ дыма, уходятъ въ дымъ... Вре-

менами у старика всыхивали зловѣщимъ огнемъ глаза сѣрые, да у слушателей холодѣло въ спицѣ... А вотъ и медаль есть за тѣ бои смертные: Вотъ первая, вотъ вторая «на память», и написано на ней: «за турецкую войну... за храбрость...», а на другой сторонѣ крестъ Христовъ стоитъ на опрокинутомъ полумѣсяцѣ.

— А вотъ и рубецъ на ногѣ пониже колѣнки... говорилъ солдатъ, а вотъ и другой повыше колѣнки! Вотъ тутъ тоже есть штучка одна, еще выше...

То бусурманы отъ себя Аникію зарубокъ на память наставили, чтобы ужъ онъ совѣмъ никогда не забывалъ, что былъ у нихъ, Карсъ городъ бралъ, Араратъ гору видѣлъ. И какъ зайдетъ непогода, запоютъ-запилятъ тѣ зарубки турецкія, да такъ, что старому солдату все станетъ памятно... Аникій снялъ сапогъ съ ноги и сталъ засучивать вверхъ штанину съ краснымъ казеннымъ кантомъ, чтобы все показать, что имѣетъ онъ... И когда все стало видно всемъ, свать Герасимъ даль общее заключеніе, сказалъ глядя на заживленные извы:

— Ишь, братецъ ты мой, какъ раздѣляли тебя подлецы, словно у медвѣдя оглодано?.. жалко, ннда!.. У бабъ текли слезы.

— Гранаткой въ это мѣсто царапнуто, объяснялъ спокойно Аника. А вотъ это мѣсто штычкомъ прободено... она сквозная, гляди — и съ этой стороны есть примѣта! А тутъ вотъ шрапнелью должно хватило...

— Ну, свать, ну... говорилъ Герасимъ: заслуга! Вотъ это, бабы, заслуга, рѣшето словно — весь!.. Это настоящій солдатъ, безъ подмѣсу. А вы—что?..

— Дѣдушка солдатъ, говорилъ забравшійся подъ столъ и протискавшійся межъ солдатскихъ колѣней Янка: а дай-ко я на крестъ про Шамяля почитаю...

Но тутъ всехъ мальчишекъ и вмѣстѣ съ ними двухъ грамотниковъ тетка Ирина погнала вопъ изъ избы, и какъ ни упралнелъ они, а черезъ минуту уже были на улицѣ, и не прошло еще минуты, какъ загудѣло по всей стихшей и затемнѣвшей улицѣ, что «за турецкую войну, за Туречину!» за «покорѣ», «за взятіе приступомъ на приступѣ!» И, что солдатъ сидитъ за столомъ, вино пьетъ изъ рюмки, ершомъ закусываетъ, про войну говоритъ и сорокъ ранъ въ боку у него! Другой писано... Самъ царь того, Митинаго солдата, изъ своей руки крестомъ и медалью жаловалъ, и Шамяля онъ держалъ за усы, и оттого солдатъ не боится ни Микиты содѣгаго, ни волостного, ни станового!.. И долго еще гудѣло всякое разное на темной улицѣ.

А въ избѣ Ефима шла рѣчь про Кавказъ расногубельный, и того больше диву дались простые люди слыша рассказы неслыханные, и даже входили мѣстами въ сомнѣнье великое, хоть и нельзя было не вѣрить бывалому-старому, «во всю грудь изукрашенному».

— Да полно. такъ-ли, братецъ! вмѣшался Ефимъ, самъ человѣкъ не мало чего повидавшій. — Какъ-же такъ, примѣрно сказать, лѣтомъ. снѣгъ лежитъ на горѣ?.. У насъ положенье отъ Бога: какъ только дунетъ вѣснымъ тепломъ,—первое дѣло—погонитъ снѣги съ пригорковъ. еще въ долинахъ снѣгъ лежитъ на аршинъ, а ужъ по горамъ плѣшаки давно! Къ солнцу ближе...

— Сторона такая, отъ Бога такъ, говорилъ Аникій, и самъ не умѣя объяснить того, что и въ холодъ лютый и въ зной нестерпимый, лежатъ на тѣхъ горахъ заоблачныхъ-каменныхъ, вѣчно лежатъ снѣги пушистые бѣлые... Отъ Бога такъ!.. А еще есть тамъ Араратъ гора двуголовая—и-и Господи, спаси, помилуй, какая гора... Какъ поглядишь на нее, такъ весь и оседаешь книзу, — будто въ небеса ушла бѣлыми маковками, будто въ ризѣ серебряной—горитъ-переливается она на утреннемъ солнышкѣ; а то ударитъ по серебру цвѣтной радугой, — глаза-бы проглядѣлъ—не наглядѣлся-бы вѣкъ!.. А сердце все тише-тише бьется въ груди и вдругъ замретъ словно! И вдругъ тучка сѣрая затуманится надъ горой, въ ширь кругомъ пойдетъ, нахмурится, закрутитъ кругомъ, окутаетъ снятыя маковки и ударитъ громовой непогодой!

— А ковчегъ Ноевъ?—спрашивали невѣстки.

— Никакого ковчегъ нѣту... да хоть-бы и было—не видно,—говорилъ солдатъ: — такая вышь, что и орлинымъ глазомъ не оглядишь всего.

А самъ уже и набрюшникъ снялъ, чтобы способнѣй было казать роднѣ боевые рубцы кавказскіе... И на бедрѣ былъ рубецъ, и около соска тычокъ, и въ лѣвомъ плечѣ замѣтка побольше пятака мѣднаго, и тоже сквозная—на обѣ стороны!.. Казалось, все солдатское тѣло было осыпано тычками, рубцами и зазубринами «для памяти...»

— Ну, свать Аника, ну!..—говорилъ Герасимъ:—какъ только въ тебѣ душа продержалась? Вѣдь ты, примѣрно сказать, грохотъ!.. Вѣдь ты, примѣрно говоря, весь насквозь!.. Ей Богу, мы тебя такъ грохотомъ и обзовемъ на селѣ, ты весь можно сказать усѣченъ, устрѣленъ... Обнимемъ!.. Теперь ежели крестный ходъ, али другое что, сейчасъ мы тебя въ первую голову, первую святыню въ руки тебѣ, крестъ тамъ, али Мать Божію... Гордыня всему селу!—И оглядѣвъ разомъ всю фамилію, свать Герасимъ добавилъ внушительно:

— Вотъ какъ устрояетъ Христосъ: и турочекъ покололъ, и черныя моря переплылъ, и Шамяля забралъ, и Араратъ гору видѣлъ, и на насъ глядитъ!.. А мы, бабы, видѣли что? Кого закололи, что переплыли, что слышали?..

Но бабы не отвѣчали дядѣ Герасиму, онѣ стояли кругомъ стола облокотясь на руки и не сводили дружескихъ, наполненныхъ слезами глазъ со стараго воина. Во всю жизнь—всей роднѣ—никому того и въ сон-

ныхъ грезахъ не видѣлось, что наяву есть, что въ свѣтъ дѣется. И все любовнѣе, почтениѣ представлялся родной компаніи цѣтенистый старичокъ. Казалось и самъ огъ, какъ Араратъ-гора, повить цвѣтной радугой,—и «грудь горитъ рагаліями», и волосы серебрятся на вискахъ, и широкая лысина на головѣ блеститъ, отражая на себѣ свѣтъ горящей въ свѣтцѣ лучины...

— Да глядѣть что!—поправилъ Аникій Герасима:—воевать заставляли!.. Коли скомандуютъ, бывало,—или!.. ты и плинь!.. и ничего не видишь въ дыму, и первое время ждешь замирая сердцемъ: вотъ-вотъ самого сейчасъ плюнуть?.. Да какъ свалили рядомъ котораго, какъ увидѣлъ кровь,—вѣ страхи отыметъ прочь.—хоть одинъ на сто!.. А то бывало, этихъ чертей пошлютъ въ дугу гнуть, черкесовъ... Соберутъ вѣхъ, разставятъ колоннами, да какъ скомандуютъ: штрафованные впередъ!.. Да ружья возьмутъ, этакъ, на перевѣсъ, да и пошли-пошли. побѣжали!.. А ихъ-то киния кишитъ за камнями, тучей засѣли они... Кричатъ: Алла!.. Алла!.. Алла—га!.. А тутъ насбочутъ первымъ дѣломъ «штрафованные».—Урра, братцы-ребятушки!.. И пойдетъ чесать... Кругомъ только и есть, что ревъ страшный, дымъ, кровь да говядина... Какъ Пречистая выносила вонь и самъ не знаешь того, не помнишь... и долго ничего не помнишь, а вѣ жилочки такъ и подергиваетъ, и будто ледъ въ серединѣ... Вотъ и медаль есть за взятіе Ахульго, вотъ эта!.. Много костей уложено... спаси Господи!

— Братецъ милый,—говорилъ Ефимъ,—ты теперь изъ моей одворицы—ни ногой! Тутъ ты у меня въ избѣ и кончину применишь, если сподобитъ Господь... Живи здѣсь до самой смерти.—Вотъ тебѣ столяръ отцовскій, вотъ тебѣ лавка, вонъ тебѣ—печка,—вся изба тебѣ, братецъ!

— А я то на что?—перебилъ Прохоръ. — Да я за брата-солдата душу свою положу, я тоже отцовская кровь!.. И хоть изба у меня, братъ Ефимъ, похуже твоей, а печь лучше... вѣ старухи мою печку хвалятъ. А ты дѣлай по-братски, по настоящему: пуцай братъ Аника у меня полгода живетъ, да у тебя полгода и такъ до самой нашей кончины... А придетъ часъ, уговоримся чтобы похоронили насъ рядомъ вѣхъ. Пуцай говорятъ люди: «Вотъ, три брата въ песокъ лежатъ—мужики по бокамъ, а солдатъ въ серединѣ; хорошо жили братья, дружно, чтобы и всякому молодому было примѣрно!».

— Хорошо, ловко, свать Прохоръ! Мѣтко сказалъ, хвалю!—вмѣшался дядя Герасимъ.—А только, Аника Митричъ и мое слово выслушай: ужъ ты съ братьями какъ знаешь дѣлайся, а мой домнико не обойди, милости прошу, пожалуй, живи хоть все лѣто... Хоть два лѣта живи, хоть четыре! Гороху у меня осталось отъ прошлаго года четыре мѣры, да жита есть съ полусѣва... Будемъ сыты до новаго. А какъ внучонка Теренку женю, пойдетъ и лучше того!.. Я, свать Аника,

хоть и не слышу богачомъ, а Господа Бога благодарю каждый день по три раза.

— И къ намъ, дядюшка Анника, милости просимъ! И къ намъ, дѣдушка Анника, не позабудь!—говорили другіе свойственники въ одинъ голосъ.

Солдатъ только кланялся, благодарилъ родичей да расправлялъ самодовольно усы. Въ глазахъ его горѣли огни веселые, не даромъ онъ за десятки лѣтъ, почти каждый день, оживлялъ въ памяти воспоминація о родной сторонѣ, рвался душою къ ней. И вотъ она родимая, ласковая сторона! Въявъ сидитъ онъ на родительской лавкѣ, за родимымъ столомъ, увѣшанный въ полу-грудь боевыми отличіями, вино пьетъ, закусываетъ, кругомъ вся фамилія; все любятъ на него, все зовутъ нарасхватъ. Вотъ она родина милая, привѣтливая! И все давнишнее позабытое вдругъ веколыхнулось на старой памяти, колыхнулось — ходуномъ заходило... Вотъ и столъ тотъ самый, на которомъ онъ ѣлъ блинкіи махонькіи, вонъ и закоптѣлый горбатый образъ стоитъ въ образницѣ, которому онъ уже пятилѣткомъ такъ крѣпко-усердно молился...

— Друзья мои, братья мои родимые, невѣстки, свойственники, благодарю отъ сердца!—говорилъ солдатъ дрогнувшимъ голосомъ.—Не побрезгуйте, дайте боевому солдату еще поцѣловатьъ васъ въ уста за добрыя рѣчи...—И солдатъ, поднявшійся изъ-за стола, обнялъ и поцѣловалъ первѣе другихъ невѣстку Ирину Ѳедоровну, а потомъ всѣхъ другихъ по порядку.

II.

Подшли сѣнокосы, веселая и горячая пора для деревенскаго люда; мужицкая рать выбралась изъ села въ дуга, на честный бой съ травой-муравой, съ цвѣтами лазоревыми. И пошла потѣха по рѣчнымъ заливнымъ берегамъ, по лѣненнымъ лядинамъ и по долинамъ!.. На селѣ остались подростки неумные, да старики, да старухи ветхія. И какъ ни храбръ былъ по духу и по виду солдатъ, а сдался... не пригодился онъ въ мужицкую рать—луговую, несмотря на то, что и Ефимъ, и еще этакихъ-же пять стариковъ, легко управлялись съ косами въ дугахъ, и встать въ ряды со старухами да съ подростками; и спорышки мужицкой не было въ немъ, и силы не было. И на огородѣ-то горе съ нимъ: чуть поворочатъ граблями, анъ и умыкался! Знать осталась сила на поляхъ на турецкіихъ, у горъ Араратскіихъ?.. Одна Анна-Прохориша не вѣрила этому, говорила она своимъ пріятельницамъ:

— Енъ, бабыньки, все сможетъ, коли захочетъ, да хотѣнья-то у него бѣ дѣлу нѣту. И сила у него есть большая, да енъ не кажетъ ея... Енъ привыкъ на всемъ на готовомъ!

А можетъ, баба по своей глуности, зря брехнула жестокое слово, покленала лѣвню на стараго воина? Ладно, что немного на селѣ людей было, которые Аниѣ вѣрили, хоть едва-ли солдатскую славу, долгими годами накопленную, кирпичнымъ столбомъ поставленную могла свалить баба,—того, кажись, и на свѣтѣ не было?—

Однако, всего семь недѣль прошло, какъ проживалъ Аникій на родной сторонѣ, а ужъ извѣдать языка Анны-Прохорихи. Гостя у брата Прохора, старый солдатъ былъ такъ зазорно обруганъ невѣткой-Прохорихой, что въ тотъ-же часъ, забравъ свою котомку съ фигурной икатушкой внутри, гдѣ береглось имѣнье солдатское, забравъ шинель, черемуховый посошокъ,—ушелъ гостить къ свату Герасиму; а черезъ недѣлю—опять къ Ефиму. Да и тутъ, проживъ двѣ недѣльки старый солдатъ запримѣтилъ что-то пеладное. Раза-три Ефимиха такъ косо поглядѣла на гостя-воина, что тотъ не зналъ куда и дѣться отъ этихъ взглядовъ.

Да и не показалось-ли это солдату, не примерещилось-ли? Можетъ статься у Ирины Ѳедоровны такой непривѣтный взглядъ отъ природы? Да и чего Ирине косяться на старика?—онъ никого не трогаетъ, живетъ себѣ тихо-смирно. Правда, толкуютъ глухо сосѣди, что если онъ дѣлится задумаетъ, то возьметъ сполна свою «отцовскую» долю. Да то брешутъ праздные долгоязычные люди!.. Можетъ статься у стараго солдата и въ мысляхъ про дѣлежъ не бывало? И точно,—не было этого на мысляхъ; старикъ видѣлъ, что братья ему ни въ чемъ не отказываютъ, послѣднимъ дѣлятся; другое совѣмъ дѣло—невѣтки, ихія жены. Ну, да ужъ если съ тысячами разныхъ людей привелось на вѣку уживаться, то не будетъ труда ужиться съ единой Иринею Ѳедоровной; того больше можно ужиться, что хоть взглядъ и косовать-сердить у ней подѣ часъ—отъ природы, да собачиться по собачьи она не умѣетъ, а если кого норовить допять, то тихомъ дойдетъ, изъ-за чужой спины глядя...

А на Анну онъ, старый солдатъ, послѣ ссоры и чихать не захочетъ! Не даромъ онъ, когда уходилъ съ котомкою изъ ея избы,—погрозилъ, что «во вѣки вѣковъ къ ней и поса въ избу не просунеть!»

Все полюбили на селѣ старика за его доброту, за веселость души; шутками подчасъ онъ такъ и сыпалъ на разные стороны, и все такимъ, что никого не обидитъ, не зацѣпитъ. Ужъ точно, пожилъ человекъ не зря на землѣ, походилъ по ней незадаромъ!.. А какъ увѣсить грудь «арденами», какъ пройдетъ къ церкви улицей,—глядѣть любо-дорого!.. Да это одна сторона человѣческая, а и другая есть... Конечно, все записать будетъ, кто и какъ поглядитъ на нее.

Уже и три мѣсяца прошло, и четыре, какъ жилъ солдатъ на селѣ. И не только черезъ Ирину Ефимиху, у которой онъ всего больше жилъ, а черезъ Анну-Прохориху, многое-другое стало вѣдомо селу про солдата.

Узнали, что онъ не до однихъ крестовъ-медалей «достукался» своей службой, а и повыше того!

Прохориха говорила пріятельницамъ:

— Передъ тѣмъ, бабыньки, какъ принесло его на наше горе въ село, жилъ онъ за свои выслуги (да и выслуги-то вѣрно (фальшивыя) у царя въ божьемъ домѣ, пилъ-ѣлъ государское—дармовое! Да бѣсъ большой сидитъ въ немъ. Я то неопознала этого бѣса,—такой онъ, что клюкою до роговъ не достанешь... И тамъ солдатъ такъ же, какъ и у меня въ избѣ,—не ужился? Пенсіенъ, вишь, приходился ему большой, и пенсіенъ назадъ взяли. И пошло у него то самое дѣло изъ-за гороха. Наварили, вишь, въ божьемъ домѣ гороха котель, а въ горохѣ-то жукъ... Нашъ-то боецъ взялъ да и заперъ жука съ горохомъ въ бутылку, да съ бутылкой-то шастъ къ царю!.. На его бѣду—царя дома въ тотъ часъ не случилось, онъ къ набольшему побѣжалъ, который послѣ царя сейчасъ, разбудилъ того ночью о вторыхъ пѣтухахъ...—жить, говорить, нельзя вовсе,—то кисло наварять, то горько, а то, вотъ, и самого жука заварили!.. Сейчасъ назвали тутъ дохторей, жука посадили въ шпиртъ, потрошить стали и какъ испотрошили всего, объявилось, что жукъ—былъ не жукъ, а тоже горошина, только съ крыльями!.. Тутъ за нашего-то и уцѣпились всѣ: вожжали его, вожжали, да за бунтъ и выгнали вонъ изъ божьяго дома. Вотъ онъ и вспомнилъ насъ въ ту пору, и объявился здѣсь! А что рагалин эти у него на груди, такъ и на меня ихъ можно прицѣпить, и не будетъ хуже...

— То-то вотъ мы умны заднимъ временемъ!—говорили бабы,—до этакихъ чиновъ достукается, до божьяго дома и прахомъ все! Да насъ-бы туда засадили, мы бы слова въѣтъ не промолвили, ендѣли-бы, будто мухи... Тоже въѣд и у васъ свои семьи, своихъ ртовъ довольно. Еще кабы капиталу принесъ, разговоръ-бы другой. А то бають мужики, что чего-добраго заведетъ онъ раздѣлюю съ братьями... Иринья Оедоровна и то скорбитъ сердцемъ, говоритъ: хоть какое-бы ни на есть рукомесло ему, чтобы на глазахъ въ избѣ не вертѣлся!..

Повстрѣчала Анна Ирину Оедоровну на улицѣ.

— Ну, что,—говоритъ,—какъ солдатнице живетъ у тебя? Не воюеть? Не просить-ли отцовской доли? Вчера бабы сказывали, что надумалъ онъ затѣвать раздѣлюю, чтобы изъ отцовскаго наслѣдья дали ему по всякой пугубѣ, и тогда выстроится онъ на краю села самъ собою....

Подошли бабы-пріятельницы, повторили отчетливо догадку какого-то мужика о раздѣлѣ Аникія съ братьями...

Ирина Оедоровна во все лицо вспыхнула. Это была костлявая сѣдая старушка, лѣтъ шестидесяти-семи, на селѣ ее если и не ставили образцомъ хозяйки и первоумной бабой, то и изъ десятка ее нельзя было выкинуть; домъ она «держала въ рукѣ», языкомъ не молола много, и даже

невѣтку, жену большака-сына, умѣла заставить остерегаться себя,—словомъ, старушка была не послѣдняя.

— То-то онъ, пееъ бритый, такъ косо и поглядѣлъ на меня вчера!—воскликнула догадавшаяся во всемъ Ефимиха.—Вонъ у него что на мысляхъ лежитъ... того и ждала за-хлѣбъ, за-соль!.. Не даромъ у меня голова чешется третій день,—самая маковика такъ и зудитъ-зудьма, вотъ тебѣ и радость на маковку!.. Да подумаль-бы онъ, губобривецъ, дѣлать-то что? Вѣдь, бабушки, когда его забривали подъ красную шапку, такъ у свекра-то, у покойника, всего одна избенка была, съ однимъ окошкомъ, а народу одиннадцать человѣкъ въ избѣ жило! Еще меня только за годъ до этого къ вамъ на село привели, какъ теперь оглядаю все: коровенка пѣгая на дворѣ, подтелокъ, двѣ овцы, да кобыленка хромая.. Вотъ!.. А въ амбарѣ хлѣбомъ—хоть шаромъ покати! Если и прахъ-то собрать отъ прежняго, такъ на лопатѣ мало мѣста ему. Да у меня своихъ—рожденныхъ трое, да у невѣтки трое... да невѣтка, да дѣдъ, да я,—девятеро!.. Пушай потягаются съ нами. А я и на судѣ такъ скажу: судъ правильный, мы отрѣзанные ломти отъ солдата, и что видятъ люди у насъ, все своимъ горбомъ выставлено! — Ирина заплакала. — Вотъ, бабушки,—говорила она сквозь злыя слезы:—не даромъ пословица складена: не поивши—не кормивши змѣю не вырастивши... Вотъ... покормила четыре мѣсяца, и змѣя съ ухватъ выросла, ухватить хочетъ все!..

— Такъ, такъ, Ѳедоровна! соглашались бабы.—А есть и другая пословица: «храбрый самъ наскочитъ, а на тихаго сатана нанесетъ»... Вотъ и вы: жили тихо-неслышно, все шло хорошо у васъ...

Но Ирина Ѳедоровна уже не слушала бабъ, поглотилась горемъ своимъ, и сыпала горячей, ѣдкой рѣчью на всю сельскую улицу. На кучку бабъ еще пришли бабы; мужикъ одинъ подошелъ, тотъ самый, что надумалъ о «раздѣлюціи»...

— Нѣтъ, солдатское сердце, поестой, обожди! Шалишь, не объѣдешь меня! Дай-ко я перво сама поведу разговоръ: что въ домъ отъ тебя? Что ты намъ—косецъ аль орецъ? Аль любоваться намъ на тебя будто въ зеркало? А вѣдь кусокъ-то, бабушки, онъ поѣдаетъ не меньше Ефима, еще у Ефима трехъ зубовъ иѣту, а у солдата всеѣ цѣлы, да вотъ какіе широкіе!.. У меня Ефимъ трубку курить ходитъ въ сѣни, и сынъ Яковъ въ сѣни, а онъ, щетина, нарочно усядется подъ самые образа и задымитъ, какъ труба попова, ядищемъ горькимъ... Охъ, надоѣлъ по горло! Смолоду я не любила солдатовъ, и теперь не люблю, да вотъ нанесла нелегкая подъ старость лѣтъ—живи, не своди глазъ съ него!.. Не знаю, за что-то только Царь Небесный прогнѣвился на грѣшницу, ни у кого, кажись, не украла, никого не убила?.. Намедни я ему намѣтку дала: ты-бы, говорю, Аника Митричъ, хоть какое ни па есть рукомерло избобрѣлъ себѣ, хоть немного тебѣ и надо, да и рукомерло не

сидитъ за плечами. Вотъ хорошо-бы, говорю, кабы взяли тебя звонить въ святые колокола, али-бы на мельницу—глядѣть за умоломъ?.. — «А на что мнѣ, говоритъ, мельница твоя, Ѳедоровна?» Такъ-таки и сказалъ, бабуньки, слово въ слово... «Али я, говоритъ, затѣмъ отечество заступалъ животомъ, чтобы покончить жизнь въ мельничной шестернѣ, али сверзиться съ колоколни? Спасибо, говоритъ, что заботу имѣешь!» А самъ-то на лавкѣ сидитъ, и будто у него выпитое въ головѣ... потому куда-то ходилъ на село передъ этимъ... «А рукоmesла, говоритъ, я и безъ того знаю всякія: и бороды брить, и рубахи шить, и сапоги чеботарить; да только кого я брить буду, кому сапоги тачать? Коли вся сторона здѣшняя въ лаптяхъ ходитъ, а бороды не только не бреютъ, а и не чешутъ! Да и рубахи шить не къ лицу: бабамъ и дѣвкамъ зазорно будетъ... А самое главное рукоmesло у меня—война! Воевать—хоть сейчасъ готовъ! Пуцай только царь слово молвить: «А ну-ко, старики, трахните костылями въ заступу отечеству!» И сейчасъ-бы, говоритъ, взяли мы штыки въ руки, и пошли-бы съ флейтами, съ барабанами,—барабанить врага отечества! Э-эхъ, говоритъ, Ѳедоровна, кабы я тебя у Араратъ горы въ тѣ поры стрѣнулъ!..» Самъ смѣется. А у самого-то, бабуньки, и усы ходятъ и глаза свѣтятъ, индо страхи меня обуюли. Никого въ избѣ нѣту... пырнетъ, думаю, наединѣ меня, грѣшницу, ухватомъ али сковородникомъ въ бокъ, тутъ и конецъ мнѣ безъ покаянія! А ему что? Ему живыхъ людей бить не диво, ихъ приучали на это. Вотъ, сердешныя, какого гостя нанесла поганая сила!..

— Обусурманился, знать?..

— И-и, обусурманился какъ, и усы ходятъ, и глаза свѣтятъ, инда морозъ по спинѣ заходилъ у меня! Какъ начнемъ, говоритъ, барабанить, такъ только пухъ да перья посыпнутся, вотъ наше рукоmesло!

— А войны-то неслышно близко?

— То-то и горе, ласковыя, что не слыхать про нее... Ужъ я и то молюсь Богу: завари, молюсь, уху, Ватюшка, чтобы и нашему ершу было мѣсто!..

— Ну, Ѳедоровна, будутъ у васъ дѣла!

— Ой, будутъ,—соглашалась Ирина,—такія будутъ дѣла, какихъ и не было никогда! Чуетъ сердце-вѣщунъ... Вѣдь насѣлъ, какъ жорновъ на шею,—у Прохора недѣлю выжилъ, у Герасима восемь денъ, а ко мнѣ прилилъ, безъ конца... Этакъ, пожалуй, задумаетъ весь вѣкъ изжить у меня? Да нѣтъ, обожди, молодецъ, и я устрою конецъ... Не велика мнѣ отъ тебя радость!

— Охъ, правда, какая радость, коли самъ на зло подымается!—говорили бабы.—Ужъ коли все братья по отцу-матери, такъ у всехъ и жить надо поровну: у васъ мѣсяцъ да у Прохора мѣсяцъ, а тамъ-бы и на свои хлѣбы сѣсть! А онъ ваши углы разноситъ собирается! Ой, быть грѣху неизмѣрному!

III.

Вечеромъ, въ избѣ Ефима Митина разыгралась такая буря, какой отъ постановки избы и не было въ ней. Самъ мирный и покладистый старикъ Ефимъ вѣроломствомъ брата-солдата былъ задѣтъ «за самое за живое»; онъ ходилъ, горячася, взадъ-впередъ по избѣ, отъ стола къ печкѣ, грудь у него дрожала, глаза нехорошимъ отвѣчивали. А Ирина Ѳедоровна, будто колонна «штрафованныхъ» съ ружьями наперевѣсь, бѣгомъ-скачками наступала къ заробѣвшему неприятелю... «Неприятель», старый солдатъ, совѣмъ опѣшилъ отъ неожиданности, забылъ боевую выправку, и сидѣлъ на чуракѣ близъ дверей съ опущенною внизъ головою, съ уставленными въ полъ глазами.

— Недобросовѣстно этакъ!—говорилъ Ефимъ глухимъ голосомъ:— этакъ считать будемъ, мало-ли до чего насчитаемъ! И я-бы этакъ, пришелъ-бы, примѣрно сказать, къ свату Герасиму, али къ куму Захару:— давай половину мнѣ! А Господь-то, примѣрно сказать, для чего есть? Ты, братъ Аника, подумай перво: я отказалъ тебѣ въ чемъ, не поступился чѣмъ? Эхъ, совѣстно... довольно совѣстно!

— Да что ты, братко, говорилъ Аникій:— самъ ты одумайся!.. Али ты думаешь, что я тридцать-четыре года съ полками ходилъ, такъ и оскотинилъ совѣмъ?.. Ни за что вы на меня съ бабой взѣлись! Палаты я видѣлъ, дворцы, золотыхъ тыщи видѣлъ, и ничему не завидовалъ, всякому, знать, свое счастье дано!.. Такъ неужто я послѣ этого на васъ убогій уголокъ воззрися?

— Воззрися!.. Воззрися!—кричала оснилымъ отъ брани голосомъ Ирина Ѳедоровна:— всѣ бабы сказываютъ, Селифонъ-мужикъ сказывалъ, и голова у меня чесалась три дня, и сонъ я видѣла — змѣя!.. Будто змѣй, вотъ изъ этой самой щелки въ полу, кажетъ голову... а самъ все шипитъ-шипитъ, и будто самъ укусятъ меня хочеть... Твои дѣла, бритогубецъ, ты змѣй! Мало тебя Ефимъ пробираетъ, не этакъ надо тебя! Вѣдь мнѣ даже улицы стыдно было, амбаровъ стыдно, какъ бабы да Селифонъ сказывали про тебя... Не отпнайся, все знаю! Хочешь ты у насъ половину хозяйства отнять, да у Прохора половину. Отъ насъ свиною да овцу, да корову забрать собпраешься, а отъ Прохора петель, двухъ курицъ и пѣтуна! И чтобы отъ ржи, отъ овса, отъ жита, отъ бревна—отъ всего по долькѣ тебѣ, и выстроишься ты на краю села намъ въ насмѣшку... Чьи это слова? Чьи задумки?

— Ирина Ѳедоровна, невѣтка, да я и въ мысляхъ этого не держалъ никогда, хе-хе-хе!..—оправдывался солдатъ, засмѣявшись сквозь слезы,— па что мнѣ изба на краю, да еще съ пѣтухомъ, со свиной?.. Я не привыкъ къ хозяйству, я привыкъ вольной птицей жить: шинель

подъ бокомъ, кулакъ подъ головой, а сверху небо... Вотъ моя жизнь! И съ чего ты повѣрила этой сплеткѣ? Съ Селифономъ я и трехъ словъ не молвилъ. Я не найщикъ въ вашемъ домѣ. И за то спасибо отъ сердца, что бережете меня, на улицѣ не оставили... Экую сплетку нехорошую выдумали, экій грѣхъ завели пустые люди! Вотъ, Федоровна, грешусь;—гляди!.. Ничего не знаю, не вѣдаю. И ничего мнѣ по самую смерть не надо отъ васъ, только сами вы меня уголка тепла не рѣшите. Зима скоро, холода грянуть, вьюги; зануютъ кости солдатскія, тепла захотятъ на печкѣ!..—Солдатъ вдругъ зарыдалъ глухо, обидно было ему переносить напраслину.

— Не повѣрю тебѣ, бритая губа, не повѣрю!..—говорила Ефимиха:—хоть ты коровой реви, хоть ногой крестись на святыхъ, не повѣрю, ты это глаза намъ отводишь!

Сынъ Ефима—Яковъ, бородатый мужикъ, вступился за дядю, пожалѣлъ старика. Буря утихла, но послѣ нея у всѣхъ было горько внутри. Такъ прошла ночь, а на утро солдатъ захватилъ имѣнье свое: мѣшокъ со шкатулкой, шинель, черемуховый посошокъ, и перебрался въ избу къ брату Прохору. Ни Ефимъ, ни Ефимиха слова ему вслѣдъ не молвили.

IV.

Прохоръ, развѣдавъ дѣло, не повѣрилъ и съ пылинку грязной уличной выдумкѣ. Осудилъ невѣстку Иринью, а того больше брата Ефима, что умный человѣкъ замѣшался въ самое дурацкое дѣло, повѣрилъ ему. Анна молчала.

— Не тужи, братко, говорилъ Прохоръ; будемъ жить помаленьку! Вѣдь и тогда, кабы не погорячился ты самъ, все-бы хорошо было!

И все у братьевъ хорошо пошло. И время пошло за недѣлей-недѣля. Настала глухая, хмурая осень, зима за нею; зима удалась холодная, вьюжливая. Да хорошо была складена печка у Прохора, какъ ляжетъ нескотый штыками солдатъ на эту теплую печку, будто въ рай попадетъ; и кости не ноютъ, и на душѣ мягко! И понимало солдатское сердце, что за десятки лѣтъ, за тысячи верстъ, тянуло его не куда-куда, а въ это самое мѣсто. на широкую печку, на разостланную по печкѣ лучину... А по улицѣ гуляетъ вьюга-метелица, шумитъ-гудитъ, громыхаеетъ на крышахъ тесинами; до того дико свиститъ шальной вѣтеръ, пробѣгая е сквозь сельскіе частоколы и изгороди, словно вѣдьма плачетъ по лѣшему, будто покойники-грѣшники на раскаленныхъ свистулькахъ наигрываютъ!.. Да никому не страшно въ Прохоровой избѣ: горитъ дубовая лучина въ свѣтцѣ, свѣтло кругомъ, тепло кругомъ, тихо, мирно.

И долго тянулась зима та морозная, вьюжная; лишь подъ Марью Египетскую первымъ тепломъ завѣяло, да и завѣяло не обрадовало; изъ-за теплыхъ морей весна куриными шагами подвигалась къ селу. Извелись кормовые запасы, хлѣбъ извелися, огородные запасы на убыль пошли; а по оврагамъ горами лежали свѣгвые завалы. Вѣдные люди сами на себя стали раздражаться отъ недостатковъ. Подобралась нестача и къ Прохору Митину, и у него урѣзка пошла во всемъ. Но и весь постъ великій, и Святая и Ѳомина недѣля прошли хорошо. Кипѣло гдѣ-то, бурлило, рвалося наружу, да не могло вырваться. И, можетъ статья, такъ-бы и не вырвалось никогда, если бы не вздумалось свату Герасиму, спустя недѣлю по красной горкѣ, внука Терешку женить. Кажется и не время было, по нестачѣ во всемъ, да мало-ли чего на свѣтѣ не во-время дѣется!..

Сватъ Герасимъ изловчился въ голодушную пору удивить «всю окружающую». Запродалъ сорокъ дубовыхъ бревенъ, восемь красновъ холста женина, въ долги набралъ гдѣ только вѣрили, и даже тамъ захватилъ, гдѣ и самъ тому за недѣлю не вѣрилъ... По пословицѣ: одной пулей шесть медвѣдей зашибѣ! Зато и праздникъ вышелъ, до осени вспоминали люди объ этомъ праздникѣ!.. Нашлись и такіе, что и помѣялись отъ сердца, ну, да вѣдь мало-ли чему не смѣются иные люди!

Герасимъ созвалъ всю родню, какая только была въ приходѣ: племянницъ, племянниковъ, свояковъ, шурыковъ, крестниковъ, сватовъ, сватій, такъ разныхъ друзей и хорошихъ знакомцевъ. Въ головѣ гостей были братья Митины: Ефимъ съ Ириной, Прохоръ да Аника Дмитриевичъ. Паренымъ, запеченымъ, ужаренымъ—были два стола изукрашены-убраны; водки три ведра выдвинуто! Аникія, какъ самаго почетнаго, «увѣщаннаго», посадили за столъ подъ самые образа. Любо поглядѣть было на нарядное свадебное застолье! Одной только Анны Прохорихи не было на пиру, были у свата Герасима съ нею какія-то перетычки давнишнія. Зато, тутъ-же, при всѣхъ гостяхъ и при самомъ Прохорѣ, Герасимъ сталъ похваляться, что ни на какой пиръ во вѣки-вѣковъ онъ Анну Прохориху не позоветъ къ себѣ, и самъ къ ней въ избу не заглянетъ глазомъ до самой Анниной смерти.

— Ужъ ты, сватъ Прохоръ Митричъ, хошь на меня сердись, хочешь нѣтъ,—говорилъ въ простотѣ чувствъ Герасимъ, — а я правду отрѣжу: никогда твоя женка въ ладахъ съ людьми на селѣ не жила! Ядъ она, змѣя моховая!.. Тогда, въ глаза при благочинномъ отцѣ Никанорѣ, при всемъ мірѣ, меня, стараго человѣка, она остригла словно бритвой.. во вѣки-вѣковъ не забуду!.. И хоть самъ знаю,—великій грѣхъ беру на душу, а цушай!—Змѣя моховая!..

— Да, оно... вѣрно, вѣрно!—согласился Прохоръ,—есть отъ ихней природы въ Аннѣ змѣищины... А только, стало быть, сватъ, ау!..

Стало-быть, вѣкъ коротать надо вмѣстѣ, никуда мнѣ отъ ней ни уйти, ни уѣхать!..

Пиръ подымался горою; гостямъ поминутно дѣлалось «горько», молодые подслащивали ту горечь стыдливими поцѣлуями. Пирогъ подавался на столъ оханками, чарка ходила кругомъ неустанно. Свять Герасимъ охрипъ, потчуя и упрасивая гостей. Брательники Митины не отставали отъ общей честной компаніи, тоже выпили сколько душа могла.

Охмѣлѣвшій Ефимъ Дмитріевичъ цѣловалъ брата Аникія въ щетинистые усы, восхвалялъ его боевыя заслуги и пенялъ, что солдатъ за всю зиму морозливую, за всю весну вѣтряную не побывалъ въ избѣ у него.

— Братецъ-солнышко,—говорилъ Ефимъ,—коли что злое я сдѣлалъ—сдѣлалъ безъ умысла, прости меня Христа ради! Я не только тебя—родного, я всякаго человѣка жалѣю сердцемъ, всякому уступку дамъ, потому—всѣ мы люди, всѣ братья, всѣ на время здѣсь на землѣ, будто въ гостяхъ на станціи!.. А придетъ часъ, позовутъ насъ отсюда, и спросятъ... Про все спросятъ!.. А что я отвѣчу, коли даже кровь свою, родного брата приберечь не смогу? Братецъ, всю зиму я, какъ залагу на печку, какъ завоюетъ буря на улицѣ, про тебя и задумаюсь: какъ-то братко Аника тамъ? И заболитъ у меня душа, и заболитъ!.. А гордыня проклятая: гордился къ тебѣ придти поклониться... А вотъ на-же ей... поклонюсь!.. При всемъ міру поклонюсь!..

— Не надо, не надо!—кричалъ Аника:—я и такъ не сержусь... Спасибо!

Гости заполошились, но Ефимъ уже стоялъ посреди избы на колѣняхъ:

— Родимый, Аника Митричъ, братъ! Прости меня,—говорилъ онъ,—прости отъ чистаго сердца... за гордыню. На міру прости, что въ избѣ было осенью!.. Пойдемъ сейчасъ ко мнѣ на одворицу: ворота открою настѣжъ передъ тобой, избу открою... И будемъ мы жить безъ зацѣпокъ на этой станціи!..

Полюбилось гостямъ слово Ефимово, подняли они старика съ почетомъ, посадили за столъ, и того пуще пошло веселье братское, дружное. Одна Ирина Федоровна сидѣла угрюмо близъ печки, и не пустила на душу братскую мировую, но и она погода умягчилась, и зацѣла съ бабами пѣсню...

Хорошо стало Аникію отъ словъ брата, обнялись, поцѣловались они, и забыли навѣки шалую ссору. А свять Герасимъ, будто ерыга криводушный, будто сатана черный, ходилъ вокругъ стола со склянницею въ рукѣ, потчевалъ гостей, кого добромъ, кого нахрапомъ и силою. Одинъ изъ крестниковъ «не бралъ въ ротъ хмѣльного», свять Герасимъ уже девять рюмокъ вылилъ ему за пазуху.

— Пейте, друзья закадычные!—говорилъ онъ гостямъ,—на то оно и вино есть. А кто не будетъ пить—за шиворотъ буду лить! Живой души не выпущу воинъ изъ избы, пока двухъ-ведерная не усохнетъ... а завтра еще ведерную! Пуцай обо мнѣ слава идетъ по приходу: вотъ-де есть человекъ на округѣ!..

Но всему бываетъ конецъ на землѣ; ноги свата Герасима стали гнуться, угощальная ярость сама-собою ослабѣла; гости двинулись къ выходу; молодыхъ повели въ отдѣльную горницу.

А свать Герасимъ крѣпко держался за свата Аникія, еще просилъ пить на здоровье, хвалилъ его, ощущивалъ его раны, считалъ медали на груди, крестъ, и жалѣлъ, что «одного у тебя не хватаетъ, свать, Егорія»... Насилу старый солдатъ вырвался изъ объятий хлѣбосольнаго свата, и когда вышелъ на крыльцо—уже смеркалось на улицѣ, и замѣтно было, что качаетъ виномъ солдата на разныя стороны.

Идя улицей, къ дому Прохора, Аникій запѣлъ тихонько старинную рекрутскую пѣсню:

Ужъ какъ шли-прошла солдаты молодые,
За солдатами шли матери родныя.
Шли... слезами путь-дорогу поливали,
За слезами свою горя не видали...
Говорили тутъ солдаты молодые:
Полно плакать, наши матушки родныя!..
Не угнаться вамъ въ путинушкѣ за нами,
Не полить вамъ всю путинушку слезами...

Подходя ближе къ дому, Аникій Дмитричъ задумчивый и жалостный мотивъ пѣсни смѣнилъ на громкій-воинственный, запѣлъ такъ, что слышно стало по веѣмъ задворьямъ:

Авдокимовъ генераль
Много турокъ въ плѣнь забралъ. —
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Гремитъ слава про насъ!..
За рѣкою за Лобой
Мы дрались, турка, съ тобой. —
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Гремитъ слава про насъ!..
Гремитъ слава трубой
За Курой и за Лобой,
Гремитъ на весь Кавказъ —
Всему свѣту на показъ!..

И чѣмъ дальше пѣлъ старый воинъ, тѣмъ сильнѣе крѣпчалъ его обрывчатый голосъ, плотнѣе охватывали сердце боевыя воспомина- нія, кровь разжигалась, «усы ходили, глаза свѣтили» и глядѣли куда-то вдаль черезъ сѣрое подернутое вечернею дымкой поле, словно видѣли тамъ «силу турецкую». Подойдя къ избѣ и занося свою, исходившую

треть Турціи, ногу на ступеньки крыльца, чтобы идти наверхъ въ сѣни, — Аникій заигралъ наступленіе:

Та-ти—та-та! Та-ти—та-та!

Та-ти—та-а—та-а!...

И пока такъ наигрывалъ старикъ, держась рукою за переметку, лова ногою ступень, какъ слышалъ, что кто-то изъ подсѣнья обозвалъ его «пьяницей».

Солдатъ нагнулся подъ крыльцо и увидѣлъ ругателя: въ подсѣньѣ ходила изогнувшаяся дугою Анна, лова отбившагося отъ насѣдки цыпленка.

— Змѣя моховая! сказалъ солдатъ, и больше ничего не прибавивъ, молча и упорно сталъ глядѣть въ лицо Прохорихи, будто сто лѣтъ не видѣлъ ея, а и увидалъ—не шибко обрадовался.

— Ну, чего глазищи дурацкіе выпятилъ!... забранилась Анна, нестерпѣвшая солдатскаго взора:—аль не узналъ меня съ-пьяна?

— Узналъ!... Какъ не узнать—змѣя моховая! Та-ти-та-та! Та-ти-та-та! Та-ти-та-та-а!

— Чего горло то дерешь, крушоѣдъ царевъ! Чего баламутишь всю надземельную! Аль обрадовался, что дармового вина налопался?

— Сватово пилъ, не твое. Пирогамъ закусывалъ. Во-гляди, какъ брюхо пирогамъ упячкано? На, потрогай меня за пирожное брюхо, хе-хе!...

— Тыфу, песь!...

— Гляди-гляди: барабанъ словно!... Хе-хе-хе!... А у тебя подвело отъ зависти, какъ у щуки... Зависть тебя забираетъ, что не позвали туда. Хе-хе!... Вотъ, ты-бы не бранила свата Герасима, онъ бы и тебя употчевалъ до отвалу...

— Да хоть бы онъ мнѣ въ ноги кланялся и то бы я не пошла къ нему въ домъ.—Пущай къ мошельнику ходить мошельники!...

— Я царевъ слуга, баба! сказалъ солдатъ строго.

— Ты—мошельникъ! вскричала Анна, задорась солдатской строгостью: ты—разбойникъ! Ты живыхъ людей билъ до смерти... Крушоѣдъ!... Стукни-те въ лобъ обухомъ, косаремъ-те задѣнь, лежебока, въ сердце... А я почетная баба...

— Эй, Анютка! завопилъ задѣтый за живое Аникій:—ты эти слова про себя держи! Я солдатъ смиренный до времени, а придетъ время—начну рубить такъ, что отъ тебя только щена полетитъ!

— Попробуй, головорѣзъ, рубить! пуще закричала выскочившая изъ подсѣнья Прохориха, и обернувшись лицомъ въ глубь улицы, гдѣ виднѣлась чья-то пощуро стоявшая лошадь, завопила изо всей силы:

— Люди добрые, помогите! Зарубить хотятъ бѣдную бабу до смерти... Руби, песь!... Вотъ голова—руби въ темя! Люди добрые, заступитесь!

— Я тебѣ покажу, шилохвостка! кричалъ разгоряченный солдатъ, засучивая рукава мундира... Я тебя—разнесу! Я изъ чертей дуги гнуль, а изъ тебя бубликовъ чертямъ навеччу!...

— Убей, убей! визжала Анна, наскакивая на Аникія грудью, убей, дармоѣдъ, за мою хлѣбъ-соль, за добро!... На, рѣжь по горлу меня, тебѣ не въ диво!...

— Я тридцать лѣтъ царю прослужилъ вѣрой-правдой, знаки отличія имѣю, указъ имѣю такой, что и офицеру не всякому, да я объ тебя буду руки марать? Шалишь, вѣдьма, не отвѣдаешь солдатекаго кулака!... Это я тебя только постращать хотѣлъ.

— Нѣтъ, лысый, ты бей! кричала задыхаясь отъ злобы Анна:—ты меня долбони... хоть стукни чуть-чуть, хоть только колунни меня, губобривецъ!... Люди добрые, поглядите, у своей избы хотятъ убить бабу... жаловалась Анна скопившемуся на ея крикъ народу: хотѣлъ топоромъ меня стегонуть за хлѣбъ-за соль!...

Голосъ Прохорихи катился до самаго выгона.

На церковной колокольнѣ показался человекъ и принялся зорко оглядывать все село: гдѣ кричатъ—у кого задымило?... чтобы ударить пожарный набатъ на всю окружающую...

Поль-села собралось на шумъ. И хоть сердито бранился старикъ, но куда мягче Анны. А Анна сыпала на солдата всякимъ обиднымъ и горькимъ, будто изъ вѣялки. Двѣ старухи, слыша ея брань ядовитую, приняли сторону Аники Дмитринча, говоря, что и топора нигдѣ нѣту! Заступа старухъ больше того озлила Прохориху, вся злоба, накопившаяся въ бабѣ годами, вся—желчь-горечь, наслонившаяся десятками лѣтъ на печени, хлынула изъ невѣтки, какъ застоная вода изъ болота. Всей улицѣ стало вѣдомо, что старый Аникій «братскіе куски доѣдать пришелъ на село, что онъ такой дармоѣдъ-лѣнивонецъ, какихъ и не было никогда; и что спитъ онъ со свистомъ и медали на немъ фальшивыя, самъ онъ—Аника воинъ сказочный! Ничего—никогда онъ не забиралъ въ полонъ, другіе за него забирали, а онъ только царскую крупу да сухари ѣлъ, да казенное вино пилъ изъ манерочной кружки, да шинель полковую дралъ зря»... И чѣмъ дальше бранилась Анна, выходило все забористѣе, поганѣе. До того дошло, что бѣдный старикъ весь затрясся и со слезами на глазахъ тѣмъ только и отвѣчалъ невѣткѣ, что махалъ руками, да приговаривалъ одной рѣчью:

— А и врешь ты, зубастая баба, на всю улицу срамишь ни за что! Я заслуженный солдатъ, все люди видятъ заслуги мои...

— Ты не солдатъ! кричала Анна: ты—дармоѣдъ!...—Самъ онъ, бабыньки, говорилъ Прохору, какой онъ солдатъ хорошій... Послали ихъ воевать, анералъ кричить: пали, ребята по туркій! Они—хватъ палить

изъ ружья, а курковъ-то у ружей и нѣту, на печкѣ вояки лежали, да тамъ и оставили курки эти...

— А и врешь ты, Анютка, оправдывался солдатъ,—совсѣмъ не про себя я это рассказывалъ!...

Прохоръ лежалъ въ избѣ на лежанкѣ, въ сладкой похмѣльной дремѣ, но и онъ слышалъ гулкой шумъ подъ окошками, въ хмѣльномъ про- сонѣ кинулся онъ изъ избы на улицу, и пожалѣвъ жену Анну, хотѣлъ зашутить Анникія, кричалъ ему:

— Ты мнѣ не братъ! Ты медвѣдю братъ, всѣмъ звѣрямъ!... Не смѣй обижать мою Анну... Не смѣй близко подходить къ избѣ нашей; недостойнъ ты у насъ въ избѣ жить! Ходи по деревнѣ, какъ пастухъ, али нищій,—отъ дома къ дому!...

Тутъ ужъ не только старухи, а и всѣ молодницы и мужики вступилась за воина, рассказали все Прохору. И Прохоръ, не долго думая, зашутилъ въ ухо Аннѣ... А солдата схватили за руки и стали тянуть его въ избу, чтобы жить тамъ тихо-согласно до самой смерти... Но грѣхъ, изъ невеличкаго ростка, обернулся въ вѣтвистое-кряковистое дерево, зашумѣлъ листвою. Про мирную-согласную жизнь не время было разговоръ вести; Анна вошла и причитала на всю улицу всякое жалостное.

Не прошло и часу времени, какъ солдатъ, съ котомкою на плечѣ, съ шинелью, съ посошкомъ въ рукѣ, среди сгустившейся вечерней тьмы, шагаль улицей рядомъ съ братомъ Ефимомъ, въ избу къ Ефиму.

У.

— Охъ, ужъ надоѣли мнѣ эти гости бритые! ворчала Ирина Ефимиha, спустя недѣлю по Терешкиной свадьбѣ, но такъ ворчала старуха на первыхъ порахъ, что только сама и слышала свою рѣчь. А Анна всѣ темныя силы своей души перенесла на солдата, при всякомъ случаѣ срамила старика на селѣ, и травила на него Ирину. Хорошимъ пособникомъ въ этомъ подломъ дѣлѣ Аннѣ Прохорихѣ была сельская голодуha. Все пріѣдалось у всѣхъ, и у Ефима на нѣтъ выходило въ сусѣкѣ.

— Обѣветъ онъ васъ въ круговую! говорила Анна Ирнѣ Ѳедоровнѣ.—Я теперь и руками и ногами молюсь, что Богъ отнесъ отъ меня обѣдалу... А ты погорюешь, вотъ увидишь, какъ погорюешь! Мой совѣтъ: гони ты его вонъ помаленьку, на Ефима не гляди, сама гони!... Сегодня облай—на чемъ свѣтъ, завтра облай—на чемъ свѣтъ, послѣ завтра... онъ и выйдетъ! Пущай опять на войну идетъ. Одно горе, Иршенька: ты баба тихая. Вотъ кабы я,—я бы его опять въ три дня выжила!... на что другое Богъ не далъ мнѣ талану большого, а на это далъ волю... Дай-ко я зайду въ избу къ тебѣ, пособачу его хорошенько!...

— Да иѣту его въ избѣ, говорила Ирина, — ушелъ на озеро рыбу ловить... Ужъ Богъ съ нимъ, пуцай живеть, сыты будемъ.

Но дня черезъ три, Анна опять уловила Ефимику... И не прошло и недѣли послѣ встрѣчи невѣстокъ, какъ между Ефимомъ и Ириной велся такой разговоръ:

— Все село смѣется на насъ, говорила старуха, всѣ бабы говорятъ въ одинъ голосъ: у васъ своихъ девятеро, а вы еще нахлѣбника подцѣнили! Невѣстка Анна говоритъ, что онъ царю служилъ службу, — то пуцай къ царю и обѣдать идетъ!...

— Глупая баба, да вѣдь онъ царю служилъ за насъ, братьевъ! Вѣдь можетъ статься, кабы братъ Аника не пошалъ въ службу, то мнѣ бы забрали лобъ?

— И пуцай бы тебѣ, дураку, забрали!... Умиѣ бы сталъ отъ того... А то борода, что метла, а ума иѣту. Этакіе хомуты надѣваешь, на цѣлый вѣкъ фдуна берешь!

— Грѣхъ тебѣ будетъ, Ирinya, большой грѣхъ будетъ! Вѣдь какъ ни раскидывай, а братъ Аника воинъ почтенный, за всѣхъ за насъ стоялъ грудью, вѣрой-правдой служилъ! Можетъ, кабы не онъ, да не другіе съ нимъ, — давно бы насъ турки забрали подъ свою власть? И вѣла бы ты маханину, а вѣровать бы тебя заставили мѣсяц!..

— Перестань, Ефимъ! Это тебѣ солдата жалко; а я солдатомъ и смолоду никогда не любила... Ты за солдата горой стоишь, а меня хоть въ бучило готовъ?..

— Что мнѣ — въ бучило тебя? Я всѣхъ жалѣю — большого и малого. А онъ старецъ бѣдный, изъяны у него на всемъ тѣлѣ. Вѣдь всѣ мы гости на этой станціи. А придетъ часъ, затрубятъ Христовы архангелы во рожки: собирайтесь, православные, дошло у васъ до предѣла! И поведутъ насъ въ гробахъ на кладбище, а вся суета, жадность вся наша останется на этой станціи. Вотъ ты и пойми мозговиной!... Братко Аника можетъ статься и двухъ годовъ не протянетъ...

— А ежели до ста годовъ протянетъ? А теперь ему всего шесть-десять седьмой идетъ.

— Никогда этого небывало, Ирinya! это тебя жадность да грѣхи обуяли. Зло тебѣ глаза заслѣвило.

— Это тебѣ, дураку, заслѣвило! Бабы сказываютъ, что иные и по двѣсти, и по триста годовъ живали!...

Ефимъ опустил голову.

— Ну, Ирinya! сказалъ онъ раздумчиво: — полвѣка я прожилъ съ тобой, а только теперь испозналъ, что ты сатана съ рогами!...

— Въ бучило кинусь! вдругъ завопила старуха: не хочу больше жить съ тобой, коли ты, старый быкъ, промѣнялъ меня на солдата!...

— Валяй въ бучило! загорячился Ефимъ.

— И побѣгу!... Обожди маленько—сейчасъ!... Радуйся, пещь этакой, моей смерти. Вотъ, обмотаю тряпичей голову и кинусь сейчасъ съ обрыва!... Полно маяться миѣ, настрадалась я на этомъ свѣтѣ съ тобой!...

Ирина Ѳедоровна стала искать тряпицу въ углу, чтобы обмотать голову.

— Живи, прохлаждайся!... кричала она сквозь слезы,—радуйся на ширинѣ безъ меня. Набери еще лоботрясовъ такихъ и разметаи домъ по щепкѣ... они помогутъ, они умѣютъ!... Ни сѣютъ, ни вѣютъ они, а за столъ садятся въ первую голову. Сейчасъ вотъ соберусь какъ на праздникъ, и убѣгу изъ села безъ оглядки!...

— Да куда ты побѣжишь, вѣдьма? Вѣдь коли тебя узнаютъ, тебя и съ придачей не возьмутъ нигдѣ!

— Возьмутъ, разбойникъ, меня всѣ возьмутъ, да я то никому не дамъ! Я вѣкъ здѣсь буду... я только попытать тебя захотѣла, что покажется изъ тебя? Давно я примѣчаю, что ты меня хочешь изъ дома выжить, да нѣтъ, двои вѣки проживу—не уйду никуда, не на таковскую старушку наѣхалъ, дѣдъ!... Сама я васъ съ солдатомъ выживу помаленьку, сегодня чуть-чуть, да завтра чуть-чуть, да еще этакъ... Вотъ, сяду на лавку и буду сидѣть попадѣй до вечера. Вотъ, погляди, какъ я сѣла!..

Ирина сѣла въ передній уголъ и стала прихорашиваться: одергивала фартукъ, рукава на рубахѣ, приглаживала выбившіеся изъ подъ повойника волосы и вызывающе глядѣла въ глаза Ефиму.

Старикъ понялъ, что и въ этомъ дѣлѣ не совладать ему со старухой, что завершитъ она зло какъ задумала, и ничѣмъ не помѣшаешь ей въ томъ. Онъ ушелъ изъ избы, хлопнувъ сердито дверью.

Жалко было Ефиму брата Аникія, да и себя жалко; чужалъ старикъ, что не будетъ покоя ему отъ Ирины, а онъ долгіе годы все грезилъ о спокойной жизни, объ отдыхѣ сердца, и казалось спокой былъ близко... Да брата Аникія выдвинула жизнь издала. Теперь опять все надо начинать сызнова, сызнова Ирина, какъ ржа, будетъ ѣсть его, ѣсть не торопясь, но и не останавливаясь... Улучшивъ часокъ—одинъ на одинъ—Ефимъ открылся во всемъ Аникію.

Отдѣлавъ Ефимовы рѣчи, старый солдатъ серьезно призадумался надъ своей горькой долей; и чѣмъ больше раскидывалъ въ головѣ мыслями, того нерадостнѣй дѣлалось на душѣ. Тамъ—позади, никакой опоры не было у солдата: минушіе походы, бои кровавые, тысячи знакомыхъ лицъ,—все сномъ казалось теперь. Ужъ тамъ новые люди стоятъ, готовые на новые бои и походы, и въ старомъ солдатѣ тамъ не имѣютъ нужды! Незримо ушли годы, жизнь ушла, и въ головѣ отъ всего этого—сбородъ неразборный! Разсчитывалъ отдохнуть солдатъ отъ былой маяты на родной сторонѣ, отдохнувши—мирно залечь на воздвиженскомъ клад-

бищѣ, рядомъ съ родителями, да и тутъ онибоя на много!.. Старикъ совѣмъ яено стало, что онъ «одинъ» остался на свѣтѣ, хоть много родни кругомъ. И до того не по себѣ стало ему отъ думъ, что хоть бѣги опять въ линейные батальоны, бери ружье въ руки и начинай служить— «новую!..»

А не послѣднимъ былъ Аникій Митинъ въ полкахъ государевыхъ, не даромъ и медали и нашивки дали ему, а попалъ въ бабьи лапы и не видно стало заслуженнаго воина! Не великъ звѣрь—баба, да поди-ко съ ней: коли захочеть, такъ ни крестовъ, ни медалей не признаеть она, одно дѣло—будеть грызть безустанно... И будь ты съ этакой лихой бабой хоть семи пядей во лбу, а затоскуешь тоскою смертной!

VI.

Годъ съ мѣсяцемъ прошли, какъ жиять старикъ на селѣ, и видѣли его только разъ во хмѣлю, въ Терешкину свадьбу, но пришли дни, что всякую недѣлю не диво было увидѣть хмѣльного солдата на улицѣ.

— Ну, что, дѣдушка, говорили сердобольныя бабы, встрѣчая старика въ такомъ видѣ на сельской улицѣ:—знать не съ радости качаетъ тебя, какъ былинку? Знать только зеленымъ виномъ и разводишь тоску? Охъ, на горе ты попалъ въ наше мѣсто... Охъ, на горькое-горюшко, на соленое!.. За твои-бы заслуги тебя-бы на рукахъ носить, а они въ грязь тебя топчуть.

— Ничего—пройдетъ! отвѣчалъ солдатъ бабамъ:—Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья!

— Эхъ, родимый, какое счастье тутъ! дивились бабы.—Ужъ спрота ты горькая, ужъ поглядѣть на тебя—сейчасъ слеза прошибаетъ! Хоть бы умереть тебѣ?..

— Видали мы смерть! отвѣчалъ солдатъ,—дастъ Богъ до ста годовъ дожить—слава Богу, не дасть—хоть сейчас!..

Точно ему было съ избными бабами, точно—съ уличными. Все у нихъ слова... слова, а души почти не было. Только и сталъ видѣть старый Аника сладкія минуты, когда въ кабацѣ засидится, или возьметъ бродничекъ и уйдетъ на озеро ловить плотву серебряную.

VII.

Тихо въ избѣ,—ни бабъ, ни ребятъ нѣту въ ней, веѣ по дѣламъ разбрелись. Только Аникій сидитъ на лавкѣ у стола, изогнувшись надъ своей фигурной шкатулкой, и все раздумываетъ тѣ же старья-надоѣвшія думы: коли выгонять совѣмъ изъ избы—куда дѣваться на старости? Ужели и впрямь, какъ пастуху, отъ дома къ дому ходить?

Перебираетъ солдатъ въ шкатулкѣ приборы походные: чугунную бритву, игольникъ, ножницы, кривыя блестящія шилья, цуговицы. Тутъ же, на днѣ шкатулки, лежитъ десятка три старинныхъ пятикопеечниковъ, съ десятокъ серебряниковъ, трехрублевка бумажная-рыжая,—вотъ и все имущество стариковское, если не считать шинель, мундиръ съ медалями, да посошекъ черемуховый. Куда дѣваться съ такимъ имѣньемъ: какъ наладить новую жизнь со старыми пятаками, со старыми надорванными силами? И что ни возьметъ солдатъ въ руки, все напоминаетъ ему былую подневольную жизнь; не много радостей помнилось ему отъ этой жизни, но лишь примѣрять теперешнее,—выходить горчѣе прежняго! Тамъ хоть и приходилось ложку за голенищемъ носить, да смѣло подходи къ котелку, ѣшь во все зубы, что Богъ послалъ да кошеваръ сварилъ; а тутъ, какъ глянеть Ирина Федоровна, какъ обмѣрять отъ рта до брюха, такъ и масляный кусокъ застрянетъ въ горлѣ, Думаетъ такъ солдатъ, а самъ все осматриваетъ кривыя шилья, да перебираетъ мѣдныя цуговицы,—только и осталось друзей вѣрныхъ отъ долгой походной жизни, что лежать здѣсь—на днѣ шкатулки!

— Одна, двѣ, три... десять, восемнадцать; двадцать три, двадцать четыре, да вотъ еще, одна съ гранатой попала, антирелійская... Эко, наконилось добра!.. Вуду-ка теперь деньги считать; сосчитаю, пойду въ кабакъ—прогуляю все до послѣдоковъ, раздерусь напослѣдоковъ съ Иришкой, а тамъ, видно будетъ, что затѣвать послѣ драки!.. Эхъ, пятачки-пятачки, полтиннички! Вѣдь сколько за жизнь денегъ прошло между рукъ, кабы запруда этакая была на деньги, копить-бы ихъ,—вотъ бы я показалъ Иришкѣ себя! Взялъ-бы такъ пукетъ сторублевыхъ, да по носу ее, по носу, чувствууй, моль, ядовитая вѣдьма! Хе-хе-хе!..

— Разъ-пятакъ, два пятака, три... Нѣтъ, буду лучше на копейки считать—больше окажется! Три пятака—пятнадцать, еще пятакъ—двадцать; еще,—двадцать пять! Тридцать... сорокъ, семьдесятъ, сто! Вотъ оно, какъ хорошо пошло... Сто двадцать пять, сто сорокъ!

Тихо въ избѣ, никого нѣтъ въ избѣ близъ солдата, и въ то-же время чего-то неловко стало солдату, словно кто незримый сидитъ недалечко.. солдатъ даже оглянулся кругомъ, но никого не было. Онъ придвинулся плотнѣе къ столу, разгорячился, будто и впрямь считалъ «сотенныя».

— Сто сорокъ пять, сто шестьдесятъ!.. да бумажками—три ста... Серебромъ есть-тоже...

Въ дверную щелку Аникію померенчился чей то внимательный глазъ... Старикъ небеса услѣдилъ его хорошенько: точно, блеститъ глазъ за дверной щелью! То Ирина Федоровна подглядывала.

Неарокомъ толкнулась старуха на солдатскіе счеты, и только теперь ясно вспомнила и оцѣнила шкатулку солдатскую, что валялась избросѣвъ, засунутая въ парусинный мѣшокъ, подъ лавкою...

— То-то, хитерь, щетина! говорила себѣ Ирина Ѳедоровна:— тамъ-де нѣтъ ничего, отъ того и уложена просто!.. Вѣдь и у Прохора жилъ, и у Герасима, и вездѣ проглядѣли на наше счастье! Я—все открыла... Вотъ какъ люди живутъ умѣючи: чужіе хлѣбы ѣдятъ, а какъ хозяева вонь изъ избы, начинаютъ учитывать казну серебряную!

Заслыша про «сто шестьдесятъ», да про «три ста бумажками». Ирина Ѳедоровна обомлѣла на мѣстѣ. плотище прильнула къ щели и боялась дыхнуть всей грудью, чтобы не пропустить чего.

Солдатъ сидѣлъ бокомъ къ столу, и не видно было всего, что онъ дѣлаетъ, зато слышно,—такъ и гремитъ, такъ и звенитъ на столѣ серебро печатное! Старикъ опять внимательно покосился на щель, и совѣмъ увѣрился, что точно блеститъ глазъ за дверью. Злая шутка мелькнула у него въ головѣ.

— Сто семьдесятъ! сказалъ онъ громко:—сто-девяносто!.. двѣсти пятьдесятъ, три ста!—И Аникій такъ забрякалъ тяжелыми пятаками, что затрещала столешница.—Триста девяносто одинъ, четыре ста!

Ирину Ѳедоровну за дверной щелью охватило баннымъ тепломъ, въ потъ кинуло; она прилегалась къ щели то правымъ глазомъ, то лѣвымъ, то одно ухо прикладывала къ ней, то другое, и жалѣла, что у ней глаза и уши не вмѣстѣ прилажены...

— Родители—батушки, говорила себѣ старуха—казны-то, казны-то сколько накоплено!.. Этакой казны во всю жизнь не изжить! А я, подлая, хотѣла солдата вонь выживать! Да его надо беречь нуще глаза, его послалъ ко мнѣ самъ Христось, за простоту мою.

— Четыреста сорокъ, семьдесятъ... пять сотъ десять! —И опять грохъ—брякъ пятаками, опять затрещала столешница...

У Ирины оборвалось терпѣнье, она какъ шальная растворила скрипучую дверь и скакнула въ избу, и тутъ же опомнилась, что проманку дала... А солдатъ, съ быстротою вѣтра смель со стола «казну» и шкатулка его въ мигъ очутилась подъ лавою, словно и не было ничего..

— Исполохался, вишь, что застигла! подумала Ирина, и чтобы не показать виду, стала шарить рукою за печкой, будто разыскивала что по хозяйству, и погода заговорила равнодушно къ Аникію:

— Ты бы, Митричъ, на огородъ сходить, огуречки бы полилъ, да и поѣлъ бы ихъ заодно... Нынче, слава Богу, уродилось много огуречковъ. Въ службѣ-то царской, небось, вась огуречками баловали не часто?

— Да ужъ не часто, Ѳедоровна, таить не буду! Развѣ, бывало, на походѣ гдѣ-нибудь забѣжишь въ огородъ, въ Турціи тамъ, или на горѣ Араратской...

— Вотъ, вотъ!.. Я хоть въ солдатахъ и не служила, а понимаю все, и всякому солдату я вѣрю. Я вѣдь только спаружи собакой вы-

гляжу въ иной часъ, а внутри у меня всегда одна дума: кабы не солдаты, думаю, такъ можетъ статья давно бы насъ турки забрали подъ свою силу?

— Все можетъ быть!.. согласился солдатъ, а самъ глядѣлъ куда-то въ запечье.

— Такъ сходи, Митричъ, полей огуречки, сколь не трудно, да и поѣшь на здоровье. А рѣпки захочешь, и рѣпку выдерни изъ гряды, и коли устанешь—прилягъ на травку!.. Теперь хорошо на травѣ — сверху солнце, а съ боковъ вѣтерки теплые раздуваютъ!.. Годы твои не ребячьи, да и сама я не дѣвочка, вѣрю старости по себѣ. Вѣрю, по пословицѣ, всякому звѣрю, только ежу-погожу!.. Это я невѣстку—Прохориху ежомъ прозываю; лукавая баба, а языкъ—хвостъ овечій!

Солдатъ вышелъ на огородъ. Послѣ своей неожиданной выходи, старику до того стало весело, что онъ и про кабакъ позабылъ, и грузную тоску съ него будто чудодѣйной рукою сняло; поливалъ огурцы, а самъ все посмѣивался въ усы да въ брови...

— Эко натворилъ ловко! говорилъ солдатъ, эка надумалъ выдумку! Пуцай вотъ теперь потѣетъ да думаетъ, да зарится на мои капиталы, хе-хе!..

Ирина Ѳедоровна вынула изъ подъ лавки шкатулку солдатскую: не велика шкатулочка, будто игрушка ребячья—сундучекъ ихній; иное мѣсто жестью обложено, иное мѣдью, а иное серебромъ, словно! Сейчасъ видно—затѣя барская, да только въ рукахъ у солдата... И ни ключа, ни замка нѣтъ нигдѣ, а заперта, словно запаяна! Повернула старуха такъ, повернула этакъ, а въ серединѣ шкатулки на разные тоны звонъ гудитъ, бередитъ черезъ уши Иринино ретивое...

— Наша будетъ! говорила Ирина. — Теперь, хоть убей меня, а Анику Митрича я не отпущу изъ рукъ!..—И она снова принялась облюбовывать заброшенную шкатулку, и до того залюбовалась ею, что жалко изъ рукъ выпускать, такъ-бы вотъ весь вѣкъ и держала ее близъ сердца, словно дитю ласковую...

— Кабы съ огурцовъ-то его разнесло!.. вотъ бы хорошо было!.. Мелькнуло вдругъ у старухи въ мозгу... Похоронили бы его всей родней, а шкатулочка бы мнѣ, грѣшницѣ... Вотъ хорошо-бы? Тогда-бы и Ефимъ у меня не шибко вертѣлся, да и другіе-бы не вертѣлись... А то велика-ли шишка—невѣстка, и то норовитъ подкопаться. Ишь, какъ хорошо звенитъ въ серединѣ!.. ишь—ухъ, какъ бренчитъ сладко!..

Ирину опять охватило ознобомъ кругомъ, а внутри какъ вода въ котелкѣ ключомъ закипаетъ, брызжетъ черезъ края—на всѣ стороны.

— Крѣпится надо, отъ себя таять надо! раздумывала Ирина:—такъ казать, что и сама ничего не знаю-не понимаю...

Ефимъ шагнулъ въ избу изъ сѣней. Старуха оторопѣла, но невыпустила изъ рукъ шкатулки, а крѣпче прижала ее къ груди.

— Ты чего? спросилъ Ефимъ, оглядывая зорко жену, и самъ въ первый разъ заглядѣлся фигурной шкатулкой.

— Во—отъ... заговорила Ирина Федоровна,—она... шкатулка самая эта!.. Какъ быть теперь? и голосъ ея захрипѣлъ, слезы брызнули изъ глазъ дождемъ осеннимъ.—Ужъ и не знаю, Ефи-имъ, заголосила старуха: приведетъ-ли Господь дождать радостей! Измызгалась я, бѣдная, за часъ-время..

— Да чего ты? Чего?.. спрашивалъ Ефимъ, самъ пороя потрогать руками шкатулку, но Ирина ловко увернулась отъ старика.

— Тфу! сплюнулъ Ефимъ.—Никакъ ошалѣла баба на старости!.. Чего ты, вѣдьма, ее охватила этакъ?

— Не гони вонъ А-анику!.. Береги его пуце глаза...

— Ай, батюшки, старуха ума рехнулась!.. говорилъ заробѣвшій Ефимъ, и уставясь на жену испуганными глазами, сталъ отступать къ избной двери, чтобы въ случаѣ чего—шмыгнуть на улицу.

— Не рехнулась я, дѣдь... Цѣлехонька я, какъ смолоду. А только, не гони... стереги!..

— Да развѣ я гналъ когда-нибудь брата Анику? спросилъ того болѣе удивленный Ефимъ.—Это ты поѣдаешь его, да Анна.

— Грѣшила, Ефимушка, по дурости моей грѣшила... теперь не буду! Теперь я ему худого слова не молвлю. Теперь пушай онъ хоть на головѣ въ избѣ ходить, и то не зайнусь поперечить! Вѣдь, коли тебѣ братъ родной, то и мнѣ не чужой. Онъ страдунецъ... Шутка-ли эстолько городовъ отбрыкать со штыкомъ въ рукѣ?

— Окаянная баба, да ты говори толкомъ мнѣ! горячился Ефимъ, а дыханіе въ груди дѣлалось все учащеннѣе, старикъ чего-то догадывался, но чего?—не могъ догадаться.

— Сбивала я масло въ сѣняхъ... Только ты, Ефимъ, держи мои слова на запорѣ, вся наша жизнь въ словахъ этихъ! Сижу этакъ, сама-вертъ-вертъ рогаткой въ горшкѣ, а онъ-то въ избѣ сидитъ...

— Кто—онъ?

— Эхъ, ты какой, да все Аника!.. Сидитъ онъ этакъ въ избѣ, а мнѣ все что-то въ ушахъ звенитъ: динь-динь! динь-динь! Ну, думаю, быть непогодѣ! Да и еще думаю: а нуко-съ погляжу, что Аника одинъ въ избѣ дѣлаетъ? Приставила глазъ къ щелкѣ, а онъ сидитъ за столомъ, вотъ этакъ, и звенитъ на столѣ серебро печатное, червонное золото...

Ефимъ открылъ глаза шире, понятился отъ жены къ печкѣ; дыханіе у него захватило въ груди.—Вотъ она догадка—куда шарахнулась?

— И слышу я, родимый ты мой Ефимушка: — сто семьдесятъ, двѣсти, триста! Полтора ста — четыре ста!.. Меня то всю словно кипяткомъ обдало... и боязно мнѣ, и радостно. Стронуться съ мѣста

хочу—стронуться не могу, закричать хочу благимъ матомъ,—зажало въ горлѣ!.. А онъ такъ и названиваетъ червонными, такъ и грохаетъ, индо столь трещитъ!

Ефимъ оиать попробовалъ подойти къ женѣ, поддержать руками шкатулку, но Ирина оиать вывернулась отъ него. Въ груди старика такъ и настукивало, будто два кузнеца работали въ ней, наваривая новые демеша къ сохѣ; въ головѣ проснулись такія мысли, какихъ казалось тамъ и на ночлегѣ не было никогда. Первая мысль была—вырвать изъ рукъ Ирины шкатулку фигурную и бѣжать съ нею изъ уѣзда вонъ!.. Или такъ сдѣлать, чтобы спровадить Ирину вонъ изъ уѣзда! Ефимъ чуюль сердцемъ, что не ужиться имъ теперь вмѣстѣ: ему, шкатулкѣ и бабѣ Иринѣ; что если раньше они съ Ириной согласно жили, то жили до времени... Старикъ уже не правилъ мыслями, а онѣ имъ: завожжали, сѣли-поѣхали!.. Онъ поглядѣлъ въ лицо Ирины, лицо ея было блѣдно, глаза горѣли; самъ онъ чувствовалъ, что и у него жаръ въ глазахъ, жаръ во всемъ тѣлѣ... Нежданно объявившіеся «капиталы», недобытые трудомъ и терпѣніемъ, сразу все стариковскіе устои на боги накренили.

Но тутъ Ирина разомъ поставила мужа отъ размычивыхъ мыслей къ дѣйствительности.

— Гляди, Аника съ огорода идетъ! сказала она, торопливо укладывая въ мѣшокъ шкатулку.—И помни, дѣдъ: до самой смерти никому ни полслова! Пущай Аника Митричъ первый человекъ въ избѣ, будто ни тебя, ни меня нѣту въ ней, а есть онъ одинъ — воевода!.. А то разнюхаетъ невѣстка Анна, да свать Герасимъ,—смутятъ Анику, и все наше кровное пропадетъ—пропадомъ!

Долгіе годы жили на селѣ Воздвиженскомъ Ефимъ съ Ефимихою, переживали и горе и радости, иное время ночей не спали, но такая имъ ночь подошла въ этотъ день, какой за всю жизнь не было. Сновъ не снится, глаза не смыкаются, всякія—разныя думы ходятъ по головѣ, и на сердцѣ не столько радостно, сколько боязно, что вотъ—вотъ «разнюхаетъ» Анна Прохориха, свать Герасимъ, другіе разнюхаютъ, и пойдетъ муть по селу, и переманятъ солдата съ червонными, тѣ переманятъ—у кого языкъ ласковѣе. И будетъ близко локоть, да не укусишь его!

Бѣдный Ефимъ всю ночь такъ и не додумался, что дѣлать ему? Раза два мелькала у него въ головѣ, что лучше, кабы у брата Аникія не было ничего, совсѣмъ бы тогда на душѣ легко было, а теперь—словно брусъ навалило на сердце! Старикъ поднялся утромъ съ лавки разбитый, умаянный горячешною безсонницей, словно всю ночь лѣтнюю онъ запряженъ былъ въ телѣгу...

Ирина Ѳедоровна бодрѣе выглядѣла, она просвѣтлилась... надумала на лежанкѣ, что умѣнье да ласка—все возьмутъ, ласковое телятя двухъ

матокъ сосеть! А гибкости душевной и въ ту, и въ ту сторону у Ирины было не мало и смолоду.

Съ того-же утра «умѣнье и ласка» пошли рука объ руку, поддерживая другъ-друга, зорко-неукоснительно стремясь къ намѣченной цѣли, къ солдату съ его шкатулкой.

Годами сложившіеся «порядки» въ избѣ стали быстро мѣняться. Первымъ дѣломъ — завтракъ, который всегда и вѣсьмъ устраивался на скорую руку, и «что ни понало на зубы», былъ налаженъ для Аникія по особенному.

— Ты, Аника Митричъ, не садись съ артелью, говорила Ирина Ѳедоровна, — вѣдь имъ-то перекусить поскорѣй да и за дѣло браться, а тебѣ, слава Богу, торопиться некуда, ты на своемъ солдатекомъ вѣгу поторопишься вволю... Теперь и отдохнуть не грѣхъ! Ужо-тко я тебѣ яичекъ печенныхъ, да творожку изготавлю.

Большакъ-сынъ поглядѣлъ на мать удивленно и качнулъ головой, невѣстка покоенлась и на солдата и на сверковь вмѣстѣ; Ефимъ скоблилъ рукою въ затылкѣ и силился уразумѣть задумку Ирину. Но Ирина Ѳедоровна такъ стояла въ семьѣ, что никому не было охоты переходить ей дорогу.

— Ой-ли! говорилъ солдатъ: — ужъ не будетъ-ли шибко жирно. Ѳедоровна? Въ глазахъ его блестяло что-то лукавое, которое Иринѣ Ѳедоровнѣ занятой своими мыслями, было совѣсьмъ не въ примѣту.

— Не будетъ, не будетъ, родимый! отвѣчала она: — творожокъ у насъ свой, да и курочки свои — не чужія, десятокъ ихъ, да пѣтунокъ одиннадцатый; а ты во всей избѣ одинъ — разъединственный! Не даромъ у тебя вся грудь изукрашена.

И какъ солдатъ ни упирался, черезъ малое время на столѣ передъ нимъ очутились три яйца печеныхъ, чашка съ творогомъ и поверхъ творога комъ масла.

Для Аникія настала новая жизнь, жизнь унитыванія стараго солдатакаго тѣла всякой отборной снѣдью. Но какъ ни огрубѣла человѣческая натура на далекихъ походахъ, а подъ-часъ становилось ей не подъ силу... За себя стыдно было, за другихъ стыдно. Отъ молодыхъ пошла глухая вражда противъ Ирины Ѳедоровной, противъ солдата, вѣсь чего-то догадывались, но разгадать не могли. И Богъ — вѣсть чего въ иной головѣ не было продумано на ихъ счетъ!

Невѣстка первая пустила слухъ по селу, что межъ ея свекровью и дядей Аникой «нехорошее есть». Многіе тому не повѣрили, но многіе наоборотъ слишкомъ повѣрили, сознавая, что злая сила и горами ворочаетъ, — повѣривъ — ужаснуясь грѣху небывалому! И проходя улицей, мимо избы Ефима норовили прошмыгнуть скорѣй, словно въ подпольѣ у старика развелось гнѣздовище змѣиное.

Ирина Ѳедоровна совсѣмъ сбилась съ ногъ; и сны ей грезились самые нехорошіе. То снилось, что домовою ея душить лѣзетъ, то будто деверь Прохоръ и свать Герасимъ выводятъ Анику Дмитріича изъ ея избы подъ-руки, а невѣстка Анна идетъ позади ихъ, поетъ пѣсню веселую и несетъ черезъ плечо, въ парусинномъ мѣшкѣ, шкатулку фигурную, сама глядитъ насмѣшливо на Ирину. То грезилось, что Аника живетъ какъ жилъ въ ея избѣ тихо-ладно, да шкатулки не было съ нимъ, будто Ефимъ удальнулъ ея!... Старуха просыпалась съ замирающимъ сердцемъ, обливаясь холоднымъ потомъ, и осторожно спускаясь съ лежанки, трясущимися руками ощупывала шкатулку.

Теперь всѣ ея старческія заботы ударились въ одну сторону — утрафить солдату деверю.

Чуть свѣтъ брезжить, Ирина затопила печь, налаживала обмачки сметанныя, гремѣла сковородами, и хоть въ избѣ были и дѣти и внуки ея, не видѣла ихъ, видѣла она только двѣ вещи неразрывно связанныя съ ея душою крѣпкими узами—солдата да шкатулку его, да себя въ серединѣ ихъ...

— Эй, ребятаки, будила она молодыхъ: вставать пора, будетъ дрыхнуть! Ефимъ, чего колодой лежишь? люди работать пошли! Аника Митричъ, подымайся, ласковый, блинками закусывать...

Невѣстка встала и злорадно посмѣивалась. Ефимъ поднялся съ лавки и, оглядѣвъстряню, поглядѣлъ на Ирину такими глазами, что, казалось, будь у него еще два глаза—и этихъ бы стало мало!

— Охъ, Ѳедоровна, говорилъ солдатъ:—да вѣдь сегодня среда, кажись? Грѣшно, пожалуй? А у тебя вона сколько обмачекъ скоромныхъ налажено!

— Ничего, ласковый, Богъ проститъ. Въ дняхъ сбилась я... Садись, Аника Митричъ, садись Ефимъ! Садись, Яковъ, Егоръ, Андрей, Степанида... А вы, ребятаки, обождите часокъ, пушай большаки поѣдятъ.— Середы-то нонче, Аника Митричъ, не всѣ соблюдаютъ; иной только оттого соблюдаетъ, что скороми лишней нѣтъ въ домѣ, а у насъ — слава Богу!

Невѣстка фыркнула на всю избу и сказала тихонько, но такъ, что всѣ слышали: «Столовѣры завелись въ домѣ, среду—пятницу почитать перестали, да и другихъ сманиваютъ»!.. Ирина Ѳедоровна будто не слышала, и терла отымалкой сковороду.

Ефимъ краснѣлъ, силясь проглотить скоромный блинъ въ «неуказанный день», но у него першило въ горлѣ. Невѣстка нацѣдила квасу корецъ, отрѣзала ломоть хлѣба, посолила его и ошершисъ на печку спиной стала завтракать. Яковъ, мужъ ея, тоже не сѣлъ за блины, и уходя куда-то вонъ изъ избы такъ хлопнулъ дверью, что стекла въ окнахъ задребезжали. Одни Степанидины ребята радовались блинамъ, да Аникій

Дмитринчъ ѣлъ ихъ съ большимъ аппетитомъ, помакивая въ яичную обмачку разомъ двумя блинами.

А Ирина Ѳедоровна, работая по сковородамъ отымалкой, повернула лицо къ солдату, и забывъ свою тонкую осторожность, заговорила ему:

— Что я, Аника Митринчъ, собираюсь сказать тебѣ...—Солдаты насторожили уши. — Собираюсь я все сказать, что щикатулочка у тебя подъ лавкой стоитъ... Въ подполье бы ее, али въ хлѣбный амбаръ убрать?

— Да зачѣмъ, Ѳедоровна, ее такъ далеко? спросилъ солдатъ и добавилъ:—вѣдь въ щикатулкѣ ничего нѣту.

— Нужды нѣтъ, Дмитринчъ, что нѣтъ ничего! Вишь, она у тебя какая затѣйная: иное мѣсто серебромъ околочено, иное мѣдью, а по угламъ сталью? Мало-ль чего не сдѣтается съ ней: ребята чужія ходятъ въ избу,—тяпнетъ иной озорникъ косаремъ по ней, забурина будетъ!..

— Да оно—вѣрно... А только щикатулка пуцай стоитъ здѣсь подъ лавкой; она всю жизнь мою близко ко мнѣ была, и теперь я съ нею не разстанусь... Подарилъ мнѣ ее нашъ ротный, капитанъ Яшинъ,—любилъ, покойникъ, меня, берегъ... Наканунѣ штурмы у Карса позвалъ онъ меня въ палатку къ себѣ и говоритъ мнѣ: «Митринъ, возьми щикатулку себѣ, и при щикатулкѣ два червонца возьми. Дарю на память отъ меня,—мнѣ не надо. Да помни—полковницкая, отъ полковника Черенкова въ карты выиграна!» А на другой день пошли мы на штурму... И, помяни его Царь небесный, такъ-таки пластикомъ и уложили серденнаго въ первую голову. Какъ теперь гляжу: лежитъ, руки раскинулъ, глаза закатываетъ подъ лобъ, а самъ все говоритъ: «впередъ, братцы! впередъ, ребяташки»!.. Тутъ мы двинулись, и капитанъ потерялся навѣки изъ виду...

— Ай, Митринчъ, какія страсти рассказываешь! исполнилась старуха:—ажно у печки стоять — беретъ жуть... Эко, ты повидаль чего! Ну, пуцай твоя щикатулка подъ лавкой лежитъ... твоя воля въ томъ. а я такъ, къ слову, чтобы грѣха не вышло изъ за ребятъ. Кабы ты былъ чужой намъ?.. На-ко, еще два горяченькихъ, а вотъ третій — поджаристый,—умасливай ихъ поуще!.. Ефимъ, будетъ тебѣ обѣдаться! ты кажись девятнадцатый блинъ лопаешь? — оставь ребятамъ. Вотъ, Митринчъ, еще два румяныхъ...

— Будетъ, будетъ, благодарю—спасибо!.. говорилъ солдатъ:—сытъ я.

Ефимъ вздохнулъ тяжко, поглядѣлъ себѣ на животъ, и выйдя смиренно изъ за стола, сталъ креститься на закончѣный горбатый образъ.

УШ.

— Да полно, такъ-ли? говорилъ Ефимъ, подобравъ уединенный часокъ, своей старухѣ. — Вижу я, убиваешься ты, на себя непохожа

стала. На тебя глядѣвши — у меня вся душа изболѣлась. Ужъ коли судьбой намъ означено, такъ никуда *они* не уйдутъ! А можетъ и нѣтъ ничего у брата? Можетъ приснилось тебѣ, а ты убиваешься? И идетъ по всему селу — слухъ нехорошій, все догадались, только про другое совѣмъ.

— Да пуцай говорятъ! отвѣчала Ирина Ѳедоровна.—А солдатъ нашъ, и щикатулка наша... На вилы, на ножи пойду, а Анику Мятрѣича не уступлю Прошкѣ!

— Тфу, дура! Да я про то и говорю тебѣ, что можетъ статься ты зря напугаешь на себя славу, можетъ у брата—чихъ въ щикатулкѣ? Я и самъ пробовалъ заглянуть въ нее, да больно хитречки заперта: ни ключа, ни замка, а словно запаяна!.. И точно, звонъ идетъ въ серединѣ.

— «Звонъ въ серединѣ»... А ты послушай, когда онъ высчитываетъ, вотъ тогда-бы и понялъ ты про «звонъ въ серединѣ»!.. Тогда повѣришь, каково сладко мнѣ, самъ дугой изогнешься!.. Улови часокъ, когда онъ одинешенекъ въ избѣ сидитъ, да и прислушай изъ сѣней въ щель... Вотъ, щелка хорошая есть, тутъ я и гляжу всегда... Вѣдь и намъ, и внукамъ нашимъ, и правнучкамъ не прожить того. Шустошь-бы купили... Идетъ!..

Старики оборвали свой разговоръ; въ сѣняхъ слышался скрипъ половицъ, солдатъ шелъ въ избу, а позади него — гурьбою внучатки Ириныны.

Въ Ефимовомъ домѣ все пошло «вверхъ ногами», сынъ большакъ почти не жилъ въ избѣ, раза два схватывался браниться съ матерью, невѣстка отбилась отъ рукъ, забирала все подъ свою власть, все дѣлала поперекъ свекрови, а свекровь, занятая своими думами, будто и не примѣчала того. Внуки казали языки бабкѣ и ругали ее «солдатихой». Ефимъ, угарауливая когда пуетъ отъ народа изба, забирался въ нее—трясти щикатулку... Не разъ глаза его вдумчиво останавливались на торчащемъ за лавкою топорѣ, чтобы раздробить все обухомъ. Но устои долгой добросовѣстной жизни были крѣпки въ мужицкомъ нутрѣ, всякій разъ Ефимъ поборалъ сатану, съ стыдливомъ чувствомъ уходилъ изъ избы, оставляя въ мѣшкѣ щикатулку.

А между солдатомъ и Ириной Ѳедоровной завязалось какъ-бы сродство душевное, игра небывалая... Какъ только солдатъ оставался одинъ въ избѣ, онъ чувствовалъ, что глядитъ на него недреманный глазъ, и старикъ вынималъ изъ мѣшка щикатулку и начиналъ считать. Онъ уже и самъ пересталъ понимать: для чего высчитываетъ? Но что-то тянуло его. Чувствовалъ старикъ, что недреманный глазъ имъ доволенъ, его считаньемъ чуткое ухо сыто, и солдату дѣлалось въ нутрѣ какъ-то особенно...

Теперь для Ирины Федоровной ужь никакихъ сомнѣній не оставалось: есть деньги, большія деньгиици, огромныя!—одинъ разъ до восьми сотъ дошло... И въ дверную щель, и въ дымовое окошко, со всѣхъ сторонъ поделушивала за солдатомъ старуха, и хотъ немного увидѣла, за то все-вее выслушала... А уши ея не могли обмануть, всю жизнь служили они старухѣ «вѣрой и правдой»:—такъ—таки до восьми сотъ ровно—копейка въ копейку вогнапо!

— Ужъ чтобы ему до тысячи прикопнить?—раздумывала съ сожалѣнiемъ Ирина,—тогда-бы... Когда все ко мнѣ перейдетъ, всѣ-бы такъ и величали меня—Оришой тысящицей... А теперь буду восьмисотельница!.. Ну, да и то хорошо, слава Богу.

Въ такія минуты Ирина Федоровна забывала и Прохора съ Аниной, и свата Герасима, всѣхъ на свѣтъ! И алчность ея росла все выше.

Ефимъ—наоборотъ, день ото дня терялъ вѣру и ему легче становилось отъ своего безвѣрія, что «все это одиѣ Иринины выдумки». Онъ самъ раза три усаживался въ сѣняхъ подъ дверью, но ничего «не выходило» ему; солдатъ или недвижно сидѣлъ, или также недвижно лежалъ на лавкѣ. Тогда Ирина Федоровна надумала послушать вмѣстѣ. Ефиму она велѣла лечь въ сундукъ, который стоялъ въ сѣняхъ и былъ складочнымъ мѣстомъ всякой хозяйственной всячины, а сама уѣхалась подъ дверью. И не прошло минуты, какъ забренчало въ избѣ, зазвенѣло, загрохало!.. Вскорѣ солдатскій голосъ слышался въ сѣняхъ совѣмъ явственно:

— Полтораста, триста, четыреста! Шесть сотъ, семь сотъ, семь сотъ семьдесятъ!..

Ефиму сдѣлалось неловко внутри сундука, коротко, тѣсно, удушливо; онъ потихоньку сталъ выбираться вонъ, чтобы и дыхнуть повольнѣй, и ближе къ счету, но нечаянно зацѣнился ногою за стоящую вблизи кадку, кадка упала съ грохотомъ, самъ старикъ съ шумомъ рухнулъ на полъ... Въ избѣ все смолкло...

Ефимъ опрометью бросился изъ сѣней на задворья, съ задворья къ гумну. Ирина Федоровна бѣжала слѣдомъ за нимъ, кричала ему:

— Ну, что, Ѳомка невѣрный, вѣринишь теперь Оришьѣ! Сколько наслушался?

— До восьми сотъ почитай!..—говорилъ Ефимъ и уткнулся разгоряченной головою въ соломенный стогъ.—Теперь вѣрю!.. А только, я думалъ, что полегче на душѣ будетъ, но чую, что будетъ хуже... Грѣха-то сколько!

— Замолимъ грѣхи! Свѣчей кунимъ, попу дадимъ денегъ; не этикіе грѣхи откупаются, а у насъ свое—кровное... Молись крѣпче Богу, да помни: кромѣ меня съ тобой — нѣтъ наслѣдника у солдата! Пуцай вся родня что хочеть дѣлаетъ... Я хотъ на рогачь, хотъ на тоноръ полѣзу, а щикатулка моя... Я наслѣдница у Аники!..

— А я-то?—спросилъ Ефимъ.

— Ну... и ты... И ты—тоже! Только давай вмѣстѣ держать уши чутко, а глаза остро.

И Ирина Ѳедоровна стала объяснять мужу, какъ надо держать «уши чутко, а глаза остро», чтобы ни родня, ни сосѣди, ни самъ Анника,—ничего не подумали. Долго таянулись совѣщанія старика со старухою, все они извѣсили, все порѣшили стоя за стогомъ соломы, но въ концѣ вышло, что прибавить къ тому, что было, ничего не прибавили. Будеть жить солдатъ, все хорошо пойдетъ; уйдетъ солдатъ—сманить его кто-нибудь лучшей жизнью,—все пропало у Ефима съ Ефимихой!

Ефимъ, неторопливый и разсудительный во всякомъ дѣлѣ, за стогомъ соломы заторопился мыслями, сбился съ линіи и весь отдался въ управу своей старухѣ.

Невѣстка всю власть въ избѣ забрала въ свои руки. Старики со-вѣмъ отбились отъ распорядковъ: то любовно шушукались за угломъ, то схватывались и пушили другъ друга горячей бранью.

Передъ солдатомъ зачерилъсь снова буревья тучи вдали... Раза три невѣстка поглядывала на дядю-солдата до того выразительно, что чудилось старику, будто онъ и ниже ростомъ, и тоьше и старѣе дѣлается отъ ея взглядовъ. Новая метла мететь чисто, чего добраго, скоро въ домѣ, кромѣ самой метлы, и не останется ничего, всѣхъ стариковъ развоюетъ на стороны! Куда дѣваться тогда? А за мѣсяць сладкаго жптя—на особливомъ совѣмъ положеніи—солдатъ до того набаловался около блиновъ да обмачекъ, что разетаться съ этимъ не легко было...

Но стоило Ирину Ѳедоровну «захотѣть послушать» и солдатъ, влекомый какой-то незримой силой, вынимать изъ мѣшка шкатулку, нажималъ потайные затворы и принимался высчитывать... Только эти подслушанья и бодрили старуху. Но проходилъ часъ, и снова сомнѣнія одолевали ее; и днемъ и ночью стало казаться ей, что солдатъ глядитъ свысока, пыхтитъ богатствомъ своимъ, не признаетъ ихъ родными; и что Прохоръ и свать Герасимъ развѣдали все.

Страшныя мысли западали минутами въ Ирину голову: изжить со свѣта Анкиа! Да Аннику сживешь—Ефимъ останется, Прохоръ съ Анной останется, — сживешь Ефима да Прохора, — свать Герасимъ есть... А всѣхъ сжить не подь силу!..

Время шло. Боль напихала на сердцѣ, тоска пригнетала душу. Ирина Ѳедоровна, замѣтно для всѣхъ сельчанъ, костенѣть стала, сохнуть тѣломъ и выдвигаться на видъ мостолыжками. Все это было слѣдствіемъ нутряного огня, повседневною натуги сердца. Зато душа старухи закалялась все тверже... Уже ни сна, ни ѣды, почти вовсе старухи не требовалось, она жила какимъ-то духомъ и даже невѣстку свою приводила тѣмъ въ удивленье великое.

— О-хти!..—отвѣчала старуха на разспросы бабъ сельскихъ:—до того неможется, до того отбилась я, бабушки, отъ Фды, что и просвиру-бы не съѣсть, кабы просвиру дали... И отъ чего немочь такая — сама не придумаю!

На Прохора начало раздумье. Многое ему пришлось услышать за это время... Многому онъ вѣрилъ лишь въ половину, но все-же понималъ, что у брата Ефима не ладно въ домѣ, что тамъ чего-то не достаетъ, чего-то есть большіе задники... Но ничего придумать не могъ, и положилъ все на время, время-де все окажется!

IX.

Невѣткины ребята добрались-таки до солдатской шкатулки... Они хорошо запомнили бабкины рѣчи, оглядѣли ее всю—вокругъ... Солдатъ былъ на озерѣ, старуха съ невѣткой дожинали въ полѣ остатки овса, сыновья помогали имъ. Ефимъ налаживалъ поломанное колесо, заколачивалъ въ ступицу дубовыя спицы; вдругъ онъ замѣтилъ, что влукъ его, нятилѣтокъ Тимошка, носить что-то въ рукахъ по улицѣ... Приглядѣлся Ефимъ хорошенько—шкатулку Тимошка носитъ, ребятамъ кажется... Духъ захолонуло у старика, онъ подбѣжалъ къ Тимошкѣ, вырвалъ у него шкатулку изъ рукъ, прикрылъ ее полой балахона, и пустился безъ оглядки, черезъ огороды, въ гумно къ себѣ...

Раздольно было внутри гумна, ничей посторонній глазъ не вздумаетъ заглянуть туда, давно-бы надо занести шкатулку сюда! Да какъ ни вертѣлъ старикъ дрожащими руками шкатулку, шкатулка лишь издавала жалобный звонъ внутри, но оставалась попрежнему запертой. Въ стѣнѣ торчалъ обломокъ косы, Ефимъ выдернулъ изъ стѣны стальной обломокъ и сталъ просовывать его въ створъ шкатулки. Употѣлъ старикъ, измаялся ровно надъ молотъбой, потъ съ него лилъ ручьями, а шкатулка не открывалась, берегла свои тайны.

— Хоть въ Сибирь пойду, а ужъ такъ не разстанусь теперь!—говорилъ Ефимъ, то туда, то сюда засовывая въ створъ обломокъ.—Пронадай все! Измучила ты меня, проклятая, сна, покоя рѣшила...

Шкатулка не открывалась.

— Въ дребезги разобью!..—бормоталъ старикъ, трепеща всеъмъ тѣломъ, негодуя и задыхаясь, и билъ обломкомъ косы по шкатулкѣ, шнырялъ ковшомъ ее.—Погибну-пропаду!.. Все равно.

Вдругъ, ковшомъ нажало по чему-то «завѣтному», послышался тонкій звонъ, и шкатулка раскрылась сама собою... Воспаленнымъ глазамъ Ефима ясно представилось пугро шкатулки. Имѣнье солдатское лежало въ ней во всемъ сборѣ: игольничъ, шилья, вару кусокъ, бритва, пуговицы, гребешокъ и четыре серебряника.

Охолодѣвшій старикъ сидѣлъ теперь безмолвно и неподвижно надъ «своимъ дѣломъ», уставясь глазами на солдатскіе инструменты, сердце его учащенно билось въ грудную стѣну... Но чѣмъ онъ дольше глядѣлъ внутри шкатулки, тѣмъ легче, мягче дѣлалось на душѣ.

— Господи, батюшка!—проговорилъ старикъ ограждая себя широкимъ крестомъ: — спасибо, что устроилъ такъ хорошо, жить можно будетъ!..

И отложивъ на кучу невѣяннаго зерна шкатулку, сталъ креститься и молиться на гүменную стѣну. Въ стѣнѣ былъ сукъ, этотъ сукъ и выбралъ Ефимъ исходною точкой своихъ моленій. И казалось ему, что то не сукъ въ бревнѣ, а что-то живое, доброе, которое, чѣмъ онъ крѣпче и жалостнѣй молится, тѣмъ больше вытягиваетъ въ себя черноту его души старой. Корыстное чувство, такъ неожиданно и такъ плотно охватившее старика, стало понемногу распускать свои змѣинныя кольца; Ефиму дѣлалось все легче, отраднѣе. И когда онъ намолился до изнеможенія, заглушилъ совѣсть свою, то опять склонился надъ раскрытой шкатулкой.

— Какъ просто внутри у ней, какъ жалостно!.. — говорилъ старикъ:—а я то надумалъ что? Широкой жизнью пожить захотѣлъ на чужое, на горькое... И вдругъ все нутро заходило опять, слезы набѣжали въ глаза, покатались — посыпались однѣ за другими... — Какое имѣнье убогое скоплено!..

Онъ—Ефимъ—богатѣй, король въ сравненіи съ этимъ бѣднымъ бездомнымъ солдатомъ! И какъ должно быть нелегко было этому сѣдому муштрованному старику, выдавшему всякіе виды на бѣломъ свѣтѣ, играть въ негожую игру съ бабой Ириной, чтобы умягчить ее маленько хоть ложью, хоть обманомъ ребяческимъ защитить свою догорающую жизнь отъ людской безопасности... А еще славились Митины! Самъ Ефимъ десятки разъ слышалъ неліцемерныя похвалы себѣ отъ сосѣдей, похвалы брату—Прохору.

Старикъ долго, не отводя глазъ, смотрѣлъ на дно раскрытой шкатулки, будто внутрь книги таинственной, отъ чернокнижника добытой. Жалко, до боли ѣдкой стало жалко Аникія, себя жалко, самому себя стыдно! Онъ чувствовалъ, что оправданія нѣтъ, что будь въ шкатулкѣ все то, о чемъ Ирина такъ много нашептывала ему, и онъ-бы сгибъ... Онъ понималъ, что не сразу-же вѣлаась въ него эта чернь, а копилась годами долгими, жди время,—выхода вонъ—наружу! И вотъ дожиль... сѣдой, уважаемый на селѣ, но страшный себѣ, стоитъ теперь на срамномъ позорищѣ: передъ своей неудачей разбуженной совѣстью!

Потемнѣло въ гумнѣ; потемнѣло на огородахъ. Но Ефимъ сидѣлъ. выжидалъ полной темени, зазорно было ему и сумерекъ. Въ полночь онъ вернулся въ избѣ къ себѣ, и сталъ осторожно шарить подъ лавкою, оты-

скивая нарушенный мѣшокъ, чтобы уложить шкатулку въ него и... тутъ-же почувялъ, что кто-то крѣпко ухватилъ его костяными пальцами за волосы... То была баба Ирина.

— Воры въ избѣ! Воры! — закричала она страшнымъ голосомъ. — Подымайтесь, ребята, вздувайте огонь... Всю избу ограбить хотятъ!..

Ефимъ рвался изъ рукъ жены втихомолку, но не могъ вырваться... Откуда сила да ловкость взялась у старухи: и волосы Ефима, и длинная борода его, все мигомъ очутилось въ ея рукахъ цѣпкихъ... Вздули огонь, и тутъ только ясно увидѣли, что никакихъ воровъ нѣту, а стоять среди избы свои—кровные люди, на людей непохожіе...

Два младшихъ сына принялись разнимать стариковъ, но это не легко было, пальцы старухи окостенѣли.

— Ошалѣла ты, что-ль, окаянная? — забормотала Ефимъ: — брось!.. Своихъ хватаешь за волосы...

— Не винти, песь! — кричала Ирина: — Насквозь тебя вижу! Свои хуже чужихъ стали нынче... Нынче самой себя бояться надо. Да и цѣпляя ночи не сплю, не объегоришь меня!..

Невѣстка пришла на шумъ изъ другой избы, мужъ ея, всѣ глядѣли, не понимали. Исполоханные вичатки сидѣли по угламъ на постелькахъ, громко рыдая и дера въ головенкахъ ногтями. Ирина тряслась вся, сѣдые волосы ея растрепались и безобразными прядями свисали на плечи, на лицо... Ефимъ освободился наконецъ изъ ея рукъ и торопливо поднялся на печку, легъ тамъ.

Солдатъ сидѣлъ раздѣтый на лавкѣ и грустно-вдумчиво смотрѣлъ на суматоху въ избѣ, хоть не до брата съ невѣсткой было ему, а самому до себя, что-то пехороннее гуляло у него подъ кожей съ самаго вечера, до нутра ледянымъ сверломъ доходило... Днемъ онъ былъ на озерѣ съ бродничкомъ, ловилъ рыбу, да потерялъ равновѣсіе и вывалился вонъ изъ челна, измокъ, иззябъ въ осенней водѣ, едва челнъ поймалъ, едва къ берегу выбрался... Но не въ первый разъ пришлось солдату окунаться въ воду, купался онъ и въ венгерскихъ рѣкахъ, и въ кавказскихъ быгаль, и въ турецкихъ, да все было здорово. А вотъ, за грѣхи тяжкіе захватило, звать, на родномъ озерѣ!..

Ирина Федоровна все «шумѣла» въ избѣ.

Аникій только теперь ясно понялъ, до чего дошли старики; такимъ ребромъ стало дѣло, что и приступиться къ нему было страшно; надо выбрать другое время, покончить грѣхи, растолковать все толкомъ. Да хоть и зачинится дѣло, все-же большіе рубцы останутся... Случайной взбалмошной шуткой, довелъ онъ любимого брата «до самаго до послѣдняго...» довелъ онъ, заслуженный, увѣщенный «отличіями», отбѣивающій тридцать четыре года «вѣрой и правдой», не бывшій никогда подлецомъ и съ чужими. А вотъ, довелось на краю жизни сбить, соблазнить своихъ

кровныхъ, темныхъ бѣдныхъ людей, пустить ядовитые корни на всю семью молодую!.. Да, мудреная штука—жизнь, и штука въ ней иной частью—горькой бѣдой оборотится.

Едва успокоили бабу Ирину, ребятъ неумныхъ; едва все успокоились. Да и было дивиться чему: ни брани, ни ссоры не было во весь день, тишина была тихая, и вдругъ въ полночь глухую—драка. А и смолodu Ефимъ съ Ефимихой не доходили до такого позорища. Знать не даромъ говорятъ люди, что въ полночь силы нечистыя поднимаются, крещенымъ людямъ ступаютъ на головы, креста не признаютъ, образы, и хозяйничаютъ на землѣ до перваго пѣтушинаго окрика... Передъ невѣсткой, да передъ Яковомъ раскрылась вдругъ пная завѣса... не старикъ старуху поймалъ темною ночью, а она старика... Они поняли что-то... по что?.. И они заснуть не могли все время.

Ефимъ будто крѣпко спалъ на печи; Ирина Федоровна будто заснула крѣпко... А на дѣлѣ—ни одинъ изъ старыхъ людей въ избѣ и не думалъ спать. Ефимиха говорила себѣ въ мысляхъ: «Давно я примѣчала за нимъ, что у него зло на умѣ, да нѣтъ, шалишь, батя, я буду наследница у Аники!» Ефимъ думалъ: «Эка ерамота! Эко позорище неслыханное, невжливое... Такъ и надо... Мало мнѣ, мало!..»

А старый солдатъ разнемогая совѣмъ: будто ходятъ у него подъ кожей горячіе мураши, и будто вода родниковая ключевая нѣтъ-нѣтъ ударитъ холодной струей прямо къ сердцу! Дрожь охватывала все тѣло. отъ сердца начиналась она, проходила по всемъ жиламъ, по всемъ суставамъ. Подъ утро онъ уже метался на лавкѣ въ бреду, вскакивалъ, собирался бѣжать куда-то.

Все молодые и Ефимъ съ ними, поднялись съ пятыми пѣтухами и ушли молотить на гумно. Старуха, возбужденная ночнымъ событіемъ, побѣжала къ своей пріятельницѣ, къ одинокой старой бобылкѣ, Завьялихѣ, отвести душу...

— Ахъ, ягода, да на тебѣ и лица совѣмъ нѣту!—говорила проснувшаяся Завьялиха, увидя раннюю гостью въ избѣ.—Аль случилось что нехорошее? Спаси насъ, Господи!..

— Случилось, Матвѣевна... Только давно случилось, а теперь доходить стало!.. Измоталась я вся!.. Измучилъ онъ меня, до могилы довелъ... А ужъ я-ли не ублажаю его, не берегу его! И ни заботы, ни работы ему, все сами дѣлаемъ... одна забота ему оставлена—ѣшь да пей сколько душа захочетъ, да не уходи никуда. Такъ нѣтъ! Всего чело-вѣку мало, всемъ онъ неублаженъ... А придетъ хмѣльной изъ-подъ елки, какъ колесо кривое, за все зацѣпляетъ, все ему на дорогѣ, не по-путру все ему. Тутъ къ нему и пристѣнитъ не смѣй неумѣючи!.. Тутъ я, какъ раба безответная, и такъ и такъ передъ нимъ лебежу... иной разъ, коли въ избѣ большого народа нѣтъ, а малышки одни, я и на коряч-

какъ около него обойду... Засмѣется. «довольно, молвить, Федоровна, уважила!» и взглядъ этакъ поласковѣй словно едѣласть...

— Неужто Ефимъ Митричъ такъ блажить?—спросила въ удивленнѣ Завьялиха.

— Эго шибанула куда, Ефимъ! Ефимъ—воръ, Ефимъ несть! вотъ кто твой Ефимъ объявился... Меня обокрасть хотѣлъ. Аника-богатѣй вочааетъ этакъ, вотъ кто! Носъ кверху, глаза въ потолокъ, руки въ боки... да какъ засядетъ подъ образа, какъ пуститъ разными виштилками-разводами изъ своей трубки, хоть изъ избы бѣги вонъ... Да и нелюбо, а помалкиваю. Пришелъ вчера съ рыболовли: мокрехонекъ, весь трыется, въ озеро, вишь, ввалился... Я ему сейчасъ рубаху чистую, порты чистыя, олучки, все новенькое!.. Да ужъ все-бы я иетерѣла, носеструшка, только-бы онъ не уходилъ никуда, только-бы жилъ; а жить-то онъ и не хочетъ! Вотъ, только за малый часокъ до теперешняго, лежитъ на лавкѣ и говоритъ самъ себѣ, а я слушаю:

— Окаянство!.. Окаянство, говоритъ, одолѣло... Вѣжать надо изъ этихъ мѣстовъ безъ оглядки! Жарко здѣсь, страшно. На святомъ мѣстѣ сатана сплетъ гнѣздо... Окаянство!..

— А какое, носеструшка, въ моей избѣ окаянство? И образа у меня, и вода крещенская, все, какъ у прочихъ людей на селѣ... Сама я—любъ разбиваю въ угоду ему, и ребятишекъ своихъ, внучатъ, заставляю: кланяйтесь, заставляю, дѣдѣкъ-солдату ниже, подленяйтесь ласковѣ! И щикатулочку-то возьму въ руки: этакъ поверну, и гвоздочкомъ поковыряю, ничто не беретъ, знать заклятье положено!.. А только, какъ все изъ избы уйдуть, онъ считать начнетъ казну золотую..

— Казну золотую?..

— Золотую, золотую, носеструшка! Всякую недѣлю онъ все свое богатство заново пересчитываетъ!.. На прошлой недѣлѣ мы съ Ефимомъ до восьми сотъ наслунали, и все червонными-золотыми...

— Червонными... до восьми сотень?..—переспросила Завьялиха, широко открытыми глазами озирая Ирипу.

— До' восьми, до восьми, ласковая!—твердо отвѣчала Ирина.—А на прошлой недѣлѣ до восьми сотъ съ половиной дошелъ!.. И бумажкой, и мѣдью, всячиной.

— До восьми съ половиной? Ай, батюшки роднецькіе!.. Ай, миліенщикъ какой у васъ!..

— Миліенщикъ, Матвѣевна... Стою я вотъ этакъ притулившись за дверью, а онъ думаетъ нѣтъ никого за дверью. Раскрылъ щикатулку и давай брякать... брякаетъ-звонить, а самъ присчитываетъ: полтораста, триста, четьреста! И что насчитаетъ сотельную, возьметъ пригоршнями и грохъ оная въ щикатулку! А оттуда оная вынимаетъ новенькіе... Только я хочу въ избу заглянуть, а онъ хватъ все въ оханку, будто

и нѣтъ ничего! И такъ запретъ безъ замка, что хоть полдня отмыкай не отмыкнешь ничѣмъ!.. Думаю въ Оселкино къ Матренѣ-ворожейкѣ сходить... Душа у меня, какъ камень стала. Иные подумаютъ, отчего я такая, что и просвиры мнѣ не съѣсть, кабы дали? Окаменѣла я... А ну-ко-ся, разсердитесь на меня, али на кого другого въ семьѣ, да и уйдеть къ Прошкѣ? А вѣдь хлѣба одного солдату куля два скормлено...

— Потрафлять надо...

— Рыбой бьюсь! Рабой безотвѣтной маюсь!.. Измоталась вся, хоть завтра въ песокъ клади. Только ты, посестра, ни-ни!.. Держи ты мои рѣчи за пазухой... разгорячилась я, наболтала... А что станешь дѣлать? Одна я, а одной-то вотъ съ мыслями и не управиться, вотъ и разбѣжались онѣ у меня, какъ щиплята... Да кабы еще на Ефима надежда была, а то Ефимъ-то хуже разбойника подорожного...

— Не грѣши, Оринья! Ефимъ твой Митричъ хорошій мужикъ, я всегда радуюсь на него.

— Худой!.. Ой, худой, ласковая! Хуже его, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ... Чуетъ мое ретивое — обманетъ меня Ефимъ, какъ только задремлю крѣпко, — сейчасъ обманетъ! Унесетъ все скопленное, золотое... Вѣдь ужъ я его ловила у щикатулки!

— Ефима Митрича ты изловила у щикатулки?

— Э!.. Чего только не было у насъ, ласковая! говорила Ирина, озираясь кругомъ:—чего только не было... Да вотъ, не далеко за правдой бѣгать: сею вотъ ночью... слышу я: «скрипъ-скрипъ! скрипъ-скрипъ!..» по избѣ, а въ избѣ-то темно, хоть глаза выколи... «Скрипъ-скрипъ!..» Тутъ я кошачьимъ манеромъ съ полатей на полъ, хватъ рукой! — анъ за волосы человѣка схватила, анъ—воръ въ рукахъ! Кричу благимъ матомъ: Дуй, ребята, огонь,—воры въ избѣ! Вдули огонь, а воръ-отъ Ефимка!..

— Экія у васъ дѣла были! дивилась старая и набожная Завьялиха, и въ удивленіи чувствъ качала головою и всплескивала ладошками.

— Да то-ли еще было, посеструшка! говорила потерявшая голову Ирина Федоровна: — хуже было, въ три миліена хуже!.. Вотъ только душа у меня окаменѣла болѣвши, вотъ мнѣ и не придумать всего, что было.

Завьялиха опять всплеснула ладонями; до того показались ей дивны рѣчи Иринины, что вотъ-бы, сейчасъ, сію минуту, Ілія пророкъ въ своей огненной колесницѣ проѣхалъ-бы, загремѣлъ-бы ядренымъ громомъ на потолокъ, — дивнѣе-бы не было! Кто-бы могъ на мысляхъ держать, что у дряхлаго солдата этакое скоплено? Не даромъ онъ украшенъ весь орденами, нашивками, пришелъ на село... И такъ тихо-тихо, словно сирота горькая, а вонъ она—сирота показалась!

— Только ты, посестра, держи мои слова подь замкомъ, растерялась я, разболталась. Настанетъ время—и тебѣ дамъ червоннаго!..

И, сказавъ это, старуха побѣжала варить похлебку для молотильщиковъ; на улицѣ разсвѣло совѣмъ явственно. А старая Завьялиха все стояла на серединѣ избы, разбитая мыслями, наполоханная солдатской денежной силницей. Въ ея головѣ одно ясніи всего складывалось: какъ послѣ Аники «загремятъ» братья Митины, рожномъ на все село выступятъ! А вѣдь смерть у человѣка не за горами, а за плечами. Не мало тоже и Аинку Митрича на землѣ поломали, и вдругъ ходитъ онъ—ходитъ земляной улицей, да и уйдетъ совѣмъ въ землю, а петлѣнное золото останется на землѣ... То-то живымъ будетъ радостей!.. Старухѣ не приходило и въ голову, что какъ ни копаютъ люди золото отъ сотворенія блага свѣта, какъ ни берегутъ его, а все его пѣтъ, да мало!.. Утекаетъ—усыхаетъ оно, а гдѣ?.. Самый жадный человѣкъ того никогда не замѣтитъ... Какъ родилось оно — неизвѣстно, такъ и сотрется оно не въ примѣту...

А въ вечеру того-же дня, старой Завьялихѣ стало вѣдомо, что Аника-солдатъ послѣдніе часы коротаетъ,—бредитъ, горитъ весь горя, и все куда-то бѣжать собирается. Такъ прошла ночь, другая ночь, третья... На четвертый день вѣсть прошла по селу, что умеръ солдатъ Аника. Но смерть солдата никому не показалась на селѣ дивомъ особеннымъ,—и до него умирали люди, да и послѣ него умереть ихъ не мало!

Но въ этотъ день старой Завьялихѣ совѣмъ невтерпѣжъ подошло... Зайди къ «посестрѣ» Иривѣ, — она Евфимиху и признать побоялась,—та была величава и самоувѣренна, и подругу свою Завьялиху совѣмъ не примѣтила.

Солдатъ лежалъ на столѣ вымытый, одѣтый въ бѣлую рубаху, въ порты, подпоясанный краснымъ гаруснымъ пояскомъ. Лицо его было серьезно-спокойное, только около глазъ, отъ висковъ, сложились какія-то морщинки особенныя, будто старикъ наморщилъ лицо, собираясь сказать кому-то свои завѣтныя думы, но раздумался зря болтать, закрылъ глаза, да такъ и оставилъ на лицѣ выраженіе—изжитаго, недосказаннаго!

Ирина Федоровна плясала въ душѣ... Не даромъ прожила она время на свѣтѣ... умненько прибрала она «цикатулку» солдатскую, въ тотъ самый мигъ прибрала, когда душа изъ тѣла трогалась у солдата... унесла ее изъ избы осторожнымъ манеромъ въ хлѣбный амбаръ, законала въ сусѣкѣ, въ сѣмянной ржи...

Старая Завьялиха пошла къ Аинѣ Прохорихѣ. Ея наболѣвшее за эти дни сердце тоже хотѣло высказаться, и ея думы, какъ цыплята малые, разбѣжались въ разныя стороны. Не прошло и часу послѣ того, какъ была у «посестры» Завьялиха, а въ избѣ Прохора — «дымъ котлыкомъ стоялъ»,—и брань, и слезы—все смѣшалось въ одну нераз-

борную... Еще черезъ часъ «дымъ коромысломъ» перешелъ въ избѣ къ свату Герасиму, и въ ту-же минуту по всему селу, до глухого нутра поповой горницы.

Завечерѣло. Ефимъ строгаль скобелкой сосновыя доски на гробъ; повеселая была работа, но все же—обыкновенная мужику; въ деревнѣ «ученыхъ» мастеровъ-гробовщиковъ нѣту... Ребята полегли спать; вся молодежь полегла. Ирина Ѳедоровна, въ первый разъ за полгода, такъ хорошо-сладко спала, какъ не спала и въ молодости. Пѣтухъ пропѣлъ на насѣтѣ... Ефимъ все строгаль да подливалъ. Солдатъ лежалъ на столѣ. Вдругъ Ефиму заслышались голоса; голоса откуда-то изъ осенней мглы все надвигались ближе къ избѣ и черезъ малое время совсѣмъ стали явственны... Въ сѣняхъ послышалась топотня... Старикъ оробѣлъ, уставился взглядомъ на растворившуюся дверь избы, но въ тотъ же мигъ успокоился,—живые люди входили въ избѣ. Первый попался ему на глаза братъ Прохоръ, позади него—сельскій, дѣдъ Яковъ, свать Герасимъ, а еще позади—еще мужики.

Прохоръ, все время, какъ жилъ солдатъ у Ефима, не бывалъ въ избѣ у Ефима. Теперь на лицѣ его было что-то злое, нахальное.

— Здравствуй, братецъ родимый! заговорилъ Прохоръ не снимая шапки и не покрестясь на образъ:—съ наслѣдствомъ тебя!... Да не косись, не косись!... вѣдь и мы не чужіе, тоже покойничка почитаемъ... Чай и намъ червончиковъ съ десятокъ перепадетъ отъ милости твоей?... всѣ родные. Гдѣ щикатулка братняя съ золотыми?

Мужики стояли въ рядѣ, подлѣ двери, одинъ сельскій староста присѣлъ на лавку и глядѣлъ сурово на засуетившагося Ефима, словно и самъ былъ наслѣдникомъ не послѣднимъ.

— Эхъ, братецъ, какое горе!... бормоталъ умиленно Ефимъ, глядясь печально въ Прохорово лицо... Вотъ... умеръ бѣдняга, и такъ тихо-тихо!... А передъ этимъ все прощенья чего-то просилъ, и тебя поминалъ два раза!... И тебя, свать Герасимъ, поминалъ тоже... Экое горе!...

— Дѣдъ Ефимъ, щикатулку на столъ! сказалъ сельскій:—буде тебѣ зѣби-то заговаривать намъ... Такъ какъ наслѣдство осталось большое, то всѣмъ надо законную часть удѣлить!

— Да вотъ, ребятушки, щикатулка братняя здѣсь стоитъ... Все время подъ лавкой она, съ первыхъ дней. Голосъ старика задрожалъ, лицо вспыхнуло. Онъ наклонился подъ лавку, пошарилъ рукой, но щикатулки не было въ этомъ мѣстѣ. Ефимъ вынулъ изъ свѣтца лучину, съ лучинной сталъ подъ лавку оглядывать, но подъ лавкой лежалъ одинъ мѣшокъ парусинный.

— Да что за притча! говорилъ Ефимъ:—все время стояла она здѣсь подъ лавкой, а теперь нѣту?..

— Какую щикатулку ищешь, песь старый? заговорила всякая ея полатей Ефимиха:—шпанный ихъ, пьяницъ, вонъ по затылку!.. Никакой щикатулки и не было никогда, это тебѣ, дураку, во снахъ померещилось!

Ефимъ остановился съ горящею лучиной въ рукѣ, другою упирался на только-что сколоченный гробъ, и то глядѣлъ на сосѣдей, то на расходившуюся Ирину.

— Свать Ефимъ, буде-те младенца играть! сказалъ Герасимъ:—не къ твоимъ волосамъ это... Говори лучше—всю истинную! Али не видишь, что пришла ипутация?

— Бѣсъ!.. Бѣсъ плѣшивый! — кричала на Герасима Ирина Федоровна:—съ чего ты взялъ щикатулку? Ошалѣлъ ты вѣрно, аль подъ елкой наакался хмѣльного?.. Ишь, глаза-то у тебя... Ишь!.. Мотыга этакой!.. Ишь глаза, какъ у волка!..

— Я знаю, гдѣ шкатулка!—сказалъ самодовольно уемѣхаясь Прохоръ. — Небожь, тоже и мы не дураками родились. Пойдемте, сосѣди! Шкатулка въ амбарѣ стоитъ; моя баба все полусутки подкарауливала... Невѣстка Оринья что-то въ амбаръ снесла.

— Песь! волкъ!..—завопила Ирина:—я въ амбаръ курицу несла подъ фартукомъ...

Мужики все разомъ захохотали:

— Экое слово молвила: — курицу въ хлѣбный амбаръ снесла!..— Ха-ха-ха!.. Ай-да тетка Оринья, ловко умѣешь вывертываться!

— Курицу, курицу!—стояла на своемъ Ирина:—а вы все—мошеляники, пьяницы все, дураки!.. А я почестная баба...

Долго «ипутаты» розыскивали въ амбарѣ шкатулку. У дверей амбара слышался шумный говоръ множества голосовъ, но все они покрывались голосами невѣстокъ Митиныхъ.

— Вотъ она... Эво!..—кричалъ торжествуя свать Герасимъ, вынимая изъ глубины ржи шкатулку.—Эво... во!.. Господа ипутаты, гляди!..

Но когда принесли шкатулку въ избу къ Ефиму, да оглядѣли ее хорошенько, то все увидѣли, что вся она повешенько исковырена чѣмъ-то острымъ, а когда засунули въ створъ лезвие топора, раскрыли ее,—все отступили назадъ...

Жадными глазами глянула внутрь шкатулки Ефимиха... и, какъ взглянула, всплеснула отчаянно руками и завопила дико на всю избу:

— Ахъ, разбойникъ, ахъ воръ треклятый, все выгрѣбъ!..

И зарыдавъ истерически, ухвативъ себя за сѣдые волосы, старуха яростно затоптала ногами о полъ и хрипло причитала глядя въ одно мѣсто:

— Были деньги... Были!.. Много было тутъ денегъ!.. Сама я сто разъ видѣла—слышала, какъ покойникъ считалъ золотые.—Отсчитаетъ тыщу—и грохъ!.. Отсчитаетъ другую—опять грохъ ее въ щикатулку! Воръ!.. воръ!.. воръ!.. Охъ, смередушка моя подошла... помогите!..

Ирина грохнулась на полъ; невѣстка и сыновья подхватили ее и уложили на лавку; но старуха дрыгала ногами, рвала на груди рубаху свою, скрипѣла обломками зубовъ во рту...

— Ну, свать, гдѣ-же *они*, показывай!—приступилъ къ Ефиму Герасимъ. — Хоть ты и ловко задумалъ, да не вышло по твоему, такъ ужъ кажи міру всю истинную!.. Изъ большого, стало-быть, надо подѣлиться и съ маленькими; не ты одинъ любишь деньги, можетъ статься и я люблю ихъ?..

— Свать!—заговорилъ Ефимъ обращаясь къ Герасиму: — жили мы съ тобой всю жизнь дружно, вѣрно жили... И ни у тебя, ни у меня не было лихой напасти, вотъ такъ, чтобы на все село срамоту слышали люди, чтобы сердце у тебя рвалось на куски!.. Да вотъ... Меня напасть постигла, пустая можно сказать напасть, ребятамъ малымъ забава... Да вотъ... Часы-то такіе странные, душа евоная еще здѣсь по избѣ летаетъ, еще мѣсто неуказано ей...

— Злодѣй, воръ... Грабитель! кричала Ирина Федоровна, брыкаясь въ рукахъ сыновей, будто щука застрявшая въ неводѣ.—Пустите меня къ нему ближе... Воръ!.. Отводить глаза хочешь міру... Пустите меня... Искусая!..

— Повѣрь мнѣ, свать... Повѣрь, вотъ, Господу Богу: не было ничего, вѣтъ, и не будетъ вовѣки... Вотъ!—И Ефимъ широко покрестяся на образъ, передъ которымъ тихо горѣла желтая восковая свѣча «за упокой души»,—окинулъ яснымъ взоромъ въ глаза всѣхъ соеѣдей: Неповинна душа у меня, не было ничего!..

— Запирается! кричалъ Прохоръ. — Дѣлай повальный обыскъ, господа шутаты! Шарь сперва въ подпечѣ... а потомъ—рой все, что ни попадетъ подъ руку! Изъ дому не выносили,—моя жена караулила...

Грубо, неумѣло, но рѣшительно принялись мужики за повальный обыскъ,—ощупали первѣй всѣхъ Ефима... Но проискавъ вездѣ до бѣлаго утра, переполошивъ всѣхъ, перерывъ все на потолокъ, въ рундукъ, въ подполье,—депутаты не нашли ни копейки изъ солдатскаго золота.

Прохоръ скрежеталъ зубами и кидалъ на Ефима злобные взгляды.—Ловкачъ! говорилъ онъ: мастакъ, умно схоронилъ!.. Да и мы, братъ, тоже не дураки уродились... Измотаемъ!..

— Ай, свать! Ай, Ефимъ Митричъ! говорилъ свать Герасимъ: не думалъ я, что ты проворный такой!.. Шутка-ли, — всю родню на кривомъ колесѣ объѣхалъ, до червончика все обчистилъ!.. Ай, свать!.. Шутъ старый, воръ! — вѣдь и у меня есть внучатки махонькіе... вѣдь и имъ хочется... Дай имъ хоть по одному золотому! Хоть на всѣхъ шестерыхъ два дай!

Герасимъ готовъ былъ расслакаться. Добрая, простая душа его до глубины возмущилась Ефимовой «ловкостью».

Ефимъ, торопясь, обрываясь и спутываясь сталъ объяснять депутатамъ «всю притчу отъ самаго зачала и до самаго—края», не пожалѣлъ и себя въ разсказѣ, какъ на гумиѣ обломкомъ косы работалъ... Но разсказъ этотъ еще яефѣй доказалъ мужикамъ, что старикъ отводитъ глаза міру, что онъ такой «песъ», какого они въ немъ и не думали за всю жизнь!

А оправившаяся Ирина Ѳедоровна кричала на всю избу силнымъ голосомъ:

— Міръ православный,—не вѣрьте ему! Онъ—воръ! Онъ всю жизнь потихоньку воровствомъ промышлялъ... Онъ—человѣка убилъ!...

Ефимъ поглядѣлъ на жену, грустно покачалъ головой, но ничего не отвѣтилъ и сѣлъ уничтоженный подъ образами, на лавку.

— Вишь, свать, ты, примѣрно сказать, и почище дѣла раздѣлывалъ! говорили свать Герасимъ: человѣка убилъ... Съ тобой, значить, разговоры коротки!.. Вотъ оно... Когда Богъ выворотилъ изъ тебя все наружу!..

— Кандаляшки ему надѣтъ! кричалъ Прохоръ. — Дядя Назаръ, бѣги къ сотекому въ избу, бруелетки возьми...

— Гдѣ деньги, песъ, сказывай?—кричала Ирина Ѳедоровна насканывая на старика и тормоша его за рубаху:—я наследница у Аника!

Подъ окнами шумѣлъ народъ; мальчишки вскарабкивались на наличники, заглядывали съ улицы внутрь избы. Шкатулку опечатали сельской печатью, на которой значилось: «Воздвиженскій сельскій староста», и убрали до времени въ избу къ сотекому.

Въ день похоронъ Аникія, — Ефима «забрали», и на собственной телѣгѣ увезли въ уѣздъ для расправы.

До Масляной Ефимъ былъ въ уѣздѣ. Тягали туда и Ирину Ѳедоровну и Завялиху; Прохора, Анну, свата Герасима и многихъ другихъ «тягали» туда, но ничего не добились. Начальство навело бумагой справки по мѣстамъ прежняго жительства «отставного рядового Аникія Митина», по съ прежнихъ мѣстъ тоже бумагой отвѣтили, что старикъ былъ такъ-же убогъ и бѣденъ, какъ библейскій Іовъ на кучѣ навоза за чертой города... А про смертоубійство, изрывъ за сорокъ лѣтъ все ахлоботья въ уѣздномъ архивѣ, ничего не нашли. Были опиванцы, были висельники, угарники, утопленники, но убитаго ни на одной бумагѣ не значилось. Да и сама Ирина Ѳедоровна отперлась отъ своего оговора.

— Прогорѣло ваше!..—говорили воздвиженцы, встрѣчая Прохора да Герасима.—Объегорилъ старикъ всю фамилію!..

— Этакого солдата хорошаго повалили... Тутъ не чистое дѣло!..—говорили между собою сельскія бабы:—креста у нихъ нѣту.

— Щикатулочку захотѣли скорѣй!..

— И вывернули!

— Вѣрно дали кому что надо...

— А Прохориха-то какого маху дала!.. Рысь-баба, а вотъ дала-таки маху!

Ветрѣчая Прохориху, бабы говорили участливо:

— Да какъ-же ты, Анна Федотьевна, прозѣвала этакое? Вѣдь ужъ на все ты шустра, а тутъ—на-ко!..

— Руки грызу, сердешныя бабыньки, — отвѣчала Анна: — сатана знать попуталь, не пустиль... И сама не знаю, какъ проглядѣла!

— Блиско локоть, да вотъ не укуешишь его!..

— Охъ, не укуешишь, сердешныя!—соглашалась Анна и принималась утирать фартукомъ набѣгавшія горькія слезы.

Х.

Ефима «выпустили на волю», онъ пришелъ на село исхудалый, больной. «Село» глядѣло на Ефима не прежнимъ «глазомъ». Всѣ были твердо увѣрены, что «хитрый» старикъ выгребъ все солдатское «за благо-время» и гдѣ-нибудь засунулъ между хоромами. Двѣ-три души брезгливо отнеслись къ старику, столько лѣтъ знали они его по хорошему, примѣръ съ него брали, а и онъ—песъ! Но большинство «хвалило въ душѣ» старика за проворство, готово было ему при первомъ случаѣ кланяться въ поясъ.—Умный человекъ, одно слово! Кто нынче отъ себя отпихнетъ? Всѣ сельскіе богатѣи этакъ-же работали, не съ неба валилось имъ, а отъ простоты людской!

Ефимъ былъ до того потрясенъ «бѣдой», и новымъ отношеніемъ къ нему многихъ сельчанъ, особливо неукротимыхъ родственниковъ, что началъ сторониться людей, норовилъ «крюками» ходить, домашнюю работу справлялъ не подъ окнами избы, какъ заведено было, а въ задворьѣ, чтобы порѣже сталкиваться съ сосѣдями.

Ирина Федоровна, казалось, совсѣмъ успокоилась; казалось, она одна на селѣ выработала правильный взглядъ на мужа... Стала неизмѣннымъ, вѣрнымъ другомъ изломанному душевно Ефиму, будто и не было ничего между ними... Да не долго то продолжалось; неутомный бѣвъ вылѣзъ опять наружу...

— Не тужи, дѣдъ! говорила ободряюще Ирина Федоровна:—переме-летя — мука будетъ! Хоть и териши, да есть за что!.. И внучкамъ нашимъ, и правнучкамъ до конца вѣка... Гдѣ заложено у тебя?..

— Подлая! говорилъ брезгливо старикъ:—отвяжись!.. И безъ того я умаюшь сердцемъ... Припомни,—концы сводить скоро, умирать скоро!..

— Да ужъ бранишь!.. Лайся... Твой верхъ. Ты забралъ вожжи въ руки! Отъ умаго человекъ и брани послушать лестно... Я—раба... И отъ тебя ни шагу теперь, хоть ты меня цѣномъ бей, смолчу я... окостенѣла! Собакой буду твоей... Пустошку купимъ.

Прохоръ «загулялъ» съ горя,—сталъ проинвать все домашнее и при встрѣчѣ съ Ефимомъ—кричалъ ему:

— Богачъ, здравствуй! Воръ — грабитель! Аль на тотъ свѣтъ золото понесешь? Кажи! Хануга, загребало!.. А вотъ покажи мнѣ богатство свое, а я-то сейчасъ и подь ерестъ тебя... Въ темную тебя засажу, клоповъ кормить твоей шкурой! Да какой же ты богачъ послѣ этого? Этакого богача я портами могу застегать!..

И чуть свечерѣетъ на селѣ, ночь займетъ, возвращаясь «изъ подь елки», пьяный Прохоръ заглядывалъ черезъ окошки въ избу Ефима и коли замѣчалъ старика въ избѣ, принимался хлестать по стекламъ снятыми съ ногъ портами, кричалъ насмѣшливо:

— Сторонись, богачъ, застегая!.. Гра-абитель!.. Воръ!—И Прохоръ начиналъ плакать и вопить дико на всю затихшую улицу: Господа — сосѣди, вотъ гдѣ хануга живетъ... Эво его изба!.. Вотъ онъ на лавкѣ сидитъ... Шарапъ! Застегая!..

А время шло... Въ селѣ Воздвиженскомъ давно похоронили всѣхъ «старыхъ Митиныхъ», — и Ирину, и Ефима, и Прохора, всѣ они лежали въ песокѣ, на кладбищѣ. А у «новыхъ Митиныхъ» все еще *мустоши* не было. Многое измѣнилось на селѣ за то время: чте сторѣло, что выставилось наружу заново, сама улица была заново вычищена, обрыта канавами, дубками обсажена, старые *богачи* извелись, новые пришли имъ на смѣну; лишь *люди* остались на селѣ «въ томъ-же видѣ— по старому»: бѣдные, темные, предоставленные игрѣ шальныхъ—нежданыхъ случайностей, безмысленныхъ, ни для кого не полезныхъ страданій. Глухо на селѣ, грустно!

В. Савихинъ.

ОБЛАКА.

О Боже! Миръ создавъ, его Ты сдѣлалъ вѣчнымъ,
А самъ исчезъ въ твореніи Своемъ.
Окованный пространствомъ безконечнымъ,
Миръ долженъ быть. Ничто не можетъ въ немъ
Пропастъ или возникнуть. Нѣтъ могилы
Въ кругу вещей и колыбели нѣтъ.
Пылинка малая, ничтожный трепетъ силы
Безвредными пройдутъ черезъ пучину лѣтъ.
Надъ всѣмъ, что движется иль мирно цѣпенѣтъ,
Какъ рабство вѣчное, безсмертье тяготѣтъ.

И я боюсь безсмертья. Вѣчный прахъ
Во мнѣ рождаетъ холодъ отчужденья,
Слѣпая сила мнѣ внушаетъ страхъ.
Лишь формы я люблю и отраженья.
Лишь формы исчезаютъ. Только ихъ
Сжигаетъ смерть лобзаніемъ свободы.
Лишь имъ улыбку нѣжныхъ устъ своихъ
Шлетъ красота. Твой отблескъ средь природы.
Легчайшая изъ формъ—людской души мечта
Съ ней дружна,—оттого и смерть, и красота.

Мгновенныхъ образовъ безслѣдное мельканье,
Твердитъ мнѣ о Твоей таинственной судьбѣ.
Причастный смерти, я причастенъ и Тебѣ,
О, жертва, чей алтарь—все мірозданье—
Даруютъ мнѣ восторгъ, томящій какъ печаль,
Всѣ проявленья смерти иль разлуки.
Люблю я замирающіе звуки.
Неясныхъ чертъ исполненную даль.
Но высшей радостью душа моя объята
Предъ зрѣлищемъ небесъ въ прощальный часъ заката.

Тамъ царство образовъ. Тамъ свѣтлая игра
Лучей и воздуха и отблескъ ихъ летучій.
Тамъ поясъ золотой снимаетъ день могучій
И надѣваетъ ночь вѣнецъ изъ серебра.
Тамъ таинство любви и жертвоприношенье.
Тамъ льется кровь зари на голубой помостъ
И блещетъ кроткій взглядъ рожденныхъ въ смерти звѣздъ.
Тамъ смѣна чистыхъ формъ, безцѣльность и движенье.
Тамъ все, чѣмъ въ тишинѣ питается мечта:
Свобода и печаль, и смерть, и красота.

Н. Мипскій.

ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ.

ОЧЕРКЪ III.

Тургеневъ въ его представленія о смерти *).

I.

Приеущая всему живому—по крайней мѣрѣ животному—привязанность къ жизни и инстинктивный страхъ смерти подвергаются въ мѣрѣ человѣческомъ коренному измѣненію и осложненію. Измѣняющимъ и осложняющимъ началомъ являются, во-1-хъ, возникновеніе и развитіе личности и, во-2-хъ, весь аппаратъ понятій, относящихся къ жизни и смерти.

Развитіе личности, повидимому, влечетъ за собою усиленіе страха смерти. Въ животномъ царствѣ, гдѣ личности нѣтъ, а есть только особи, едва ли существуетъ это чувство въ томъ видѣ или смыслѣ, въ какомъ оно свойственно человѣку. Животное молчаливо признаетъ власть смерти надъ собою, покорно подчиняется этому роковому закону и умираетъ безропотно—точно отправляя послѣднюю функцію жизни, состоящую въ забастованіи ея процессовъ. Человѣчество уже въ глубочайшей древности протестовало противъ смерти, и всѣ религіи были яркимъ выраженіемъ этого протеста. Сущность послѣдняго, при всемъ разнообразіи религіозныхъ и мнѣологическихъ представленій у разныхъ народовъ и въ разные періоды, оставалась одна и та-же и сводилась къ тому, что съ наивною, свойственной архаическому мышленію, смертью просто-на-просто отрицалась. Человѣкъ не могъ и не хотѣлъ допустить абсолютнаго небытія, полнаго уничтоженія своей личности, и былъ убѣжденъ въ продолженіи жизни за гробомъ. Такимъ образомъ, смерти совѣтъ не было, а была только жизнь, дѣлившаяся на двѣ неровныя части: до гроба и за гробомъ. Такой взглядъ въ значительной степени парализовалъ животный страхъ смерти, во всякомъ случаѣ это былъ уже страхъ не смерти,

*) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1894, май, октябрь.

а—новой жизни, да и тотъ подвергался большимъ колебаніямъ и измѣненіямъ, смотря по тому, въ какомъ видѣ рисовалась загробная жизнь. Въ большинствѣ случаевъ боялись не самаго факта.—перехода отъ одной жизни къ другой, а—возможности попасть за гробомъ въ плохія условія существованія.

Чтобы уяснить себѣ этотъ сортъ «страха смерти», нужно вспомнить, что въ томъ фазисѣ развитія, который мы имѣемъ въ виду, не было того, что обозначается терминомъ «индивидуализмъ»: личность была тѣсно связана съ группою (родомъ, общиною, государствомъ, племенемъ), и существованіе виѣ этихъ связей съ цѣлымъ казалось, если не психологической невозможностью, то по крайней мѣрѣ величайшимъ бѣдствіемъ. Личность не была самостоятельнымъ цѣлымъ: она была частью, органомъ другого, коллективнаго, цѣлага. Поэтому и жизнь за гробомъ представлялась благополучною и счастливою только при томъ условіи, если связь съ цѣлымъ будетъ сохранена нерушимою. Это достигалось культомъ душъ умершихъ. И, умирая, человѣкъ боялся не уничтоженія, котораго не признавалъ, и даже не перехода въ новую форму существованія, а только того, какъ-бы группа, часть которой онъ составлялъ при жизни, не перестала совершать необходимый культъ его душъ.

Мысли и чувства, съ которыми человѣкъ умиралъ, были въ сравненіи съ нашими—совсѣмъ другого порядка. Для наглядности и приблизительно можно было-бы сравнить ихъ съ тѣми, которыя овладѣвають душой современнаго человѣка, когда онъ, въ силу необходимости, переселяется, напримѣръ, изъ Европы въ Америку, сохраняя связи съ семьей и получая отъ нея средства существованія.

Но переселеніе на тотъ свѣтъ, конечно, не обходилось безъ тѣхъ особыхъ сопутствующихъ чувствъ, которыя вызывались представленіемъ окоченнаго или гнѣющаго трупа и вообще всей обстановки смерти. Эти чувства однакоже находились въ прямой зависимости не отъ самихъ объектовъ, ихъ внушающихъ, а отъ формы ихъ апперценціи, отъ способа ихъ изображенія въ мысли. Страшный образъ всегда страшнѣе факта. Боязнь, внушаемая фактомъ, усугубляется, если этотъ фактъ апперцепируется образомъ, который самъ по себѣ страшень, и наоборотъ, онъ теряетъ добрую долю своего пугающаго значенія, если ему сопутствуютъ образы, неспособные пугать.

Теперь спрашивается: почему собственно образъ былъ страшень, — какое свойство дѣлало его пугающимъ воображеніе?

Было-бы ошибочно думать, что чувство страха находилось въ прямой зависимости отъ того, что такой-то образъ (напр. смерти) былъ снабженъ извѣстными «странными» атрибутами. Скорѣе наоборотъ: страшные атрибуты сами явились результатомъ того чувства, которое внушалось даннымъ образомъ,—какъ извѣстною формою мысли. Человѣкъ долженъ былъ

сначала испугаться, а потомъ уже выразить свой испугъ—помощью «странныхъ» признаковъ, которыми онъ и снабдилъ данный образъ. Испугался же онъ потому собственно, что способъ пониманія даннаго явленія былъ у него такой, который совершенно резонно и послѣдовательно приводилъ къ психологической необходимости бояться. Дѣло въ томъ, что явленіе,—все равно какое: хорошее или дурное, полезное или вредное, приятное или отвратительное.—анперцепировалось въ формѣ живого мнѹнческаго существа, одареннаго *волею* и *сверхчеловѣческой силою*. Такъ понимались смерть, болѣзни, любовь, гнѣвъ, голодъ, буря, свѣтъ, огонь и все, что угодно. Само по себѣ явленіе могло быть хорошее, приятное, полезное, но разъ оно понималось, какъ живое существо, одаренное волею и могучею силою, то его нужно было бояться, его приходилось ублажать, умиловать: иначе оно могло разсердиться и причинить человѣку вредъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ образы были пугающими, грозными, и напр. любовь, счастье, радость были столь-же опасны и страшны, какъ и смерть, болѣзни, гнѣвъ и пр. Человѣкъ прежде всего и больше всего боялся *чужой воли и силы*,—и устрашающіе атрибуты явились уже какъ результатъ этой боязни.

Поскольку древніе мыслили мнѹнологически, постольку они вѣчно были во власти разныхъ опасеній и страховъ. Оттуда—въ древнихъ религіяхъ огромное значеніе *культа*, какъ средства ублажить «явленіе» и тѣмъ избавиться отъ грозящей съ его стороны опасности и освободиться отъ страха.

Изъ всего вышесказаннаго не трудно сдѣлать выводъ, что чувство страха должно было идти на убыль вмѣстѣ съ постепеннымъ устраненіемъ въ мысли образовъ чисто-мнѹлогическихъ, т. е. по мѣрѣ того, какъ исчезало въ этихъ образахъ представленіе волевого начала и сверхчеловѣческой сознательной силы. Иначе говоря: страхъ уменьшался или совсѣмъ исчезалъ—когда въ сознаніи на мѣсто мнѹлогическаго дѣятеля вступала его замѣна и метаморфоза—безжизненная субстанція, конкретная или отвлеченная. Но нѣкоторая тѣнь прежнихъ страховъ все еще сохраняется, именно потому, что «субстанція» (грамматически—имя существительное) есть непосредственная преемница «мнѹлогическаго дѣятеля» и таитъ въ себѣ—замаскированныя, стертыя, поблекшія — черты послѣдняго.

Итакъ, *смерть* была нѣкогда страшна потому собственно, что это было мнѹнческое существо, одаренное своею волею и громадною, сверхчеловѣческой силою. Съ теченіемъ времени такая концепція отжила свой вѣкъ и перешла въ форму субстанціи, мыслившейся сперва, какъ родъ конкретнаго существа, только безъ воли и сознанія, а потомъ въ видѣ отвлеченнаго понятія. По мѣрѣ этихъ превращеній, страхъ идетъ на убыль.—и, наконецъ, совершенно исчезаетъ, когда явленіе смерти перестаетъ отли-

ваться въ форму какой-бы то ни было субстанціи и переносится въ другую сферу мышленія—«глаголомъ», становится понятіемъ извѣстнаго процесса. До сихъ поръ чувствуется, что выраженіе «*смерть пришла къ нему*» звучитъ страшнѣе, чѣмъ выраженіе «*онъ умираетъ*».

«*Смерть пришла*»—это формула, въ которой дремлетъ старый миѳъ. Его можно—въ нѣкоторомъ смыслѣ—пробудить, и вмѣстѣ съ нимъ проснутся, опять-таки въ извѣстной мѣрѣ, давно забытые страхи.

Художественный опытъ такого пробужденія миѳа смерти и ея страха сдѣланъ Тургеневымъ въ «Призракахъ».

«*Онъ умираетъ*» — это формула, въ которой уже нѣтъ и слѣдовъ миѳа. Превращенная въ художественную картину, она не пробудитъ прежнихъ страховъ, нѣкогда ассоціированныхъ съ миѳомъ. Во всемірной литературѣ смерть Базарова есть одно изъ гениальнѣйшихъ воспроизведеній смерти,—и оно не вызываетъ никакого ужаса, ибо оно есть художественное развитіе формулы «онъ умираетъ».

Разсмотримъ же и сравнимъ эти двѣ картины или формы художественной апперцепціи смерти, «Призраки» и «Смерть Базарова».

Но сперва сдѣлаемъ слѣдующій выводъ изъ вышеизложенныхъ соображеній:

Въ старину, когда личность была поглощена цѣлымъ (родомъ, общиной, государствомъ, религіознымъ союзомъ), когда не было того ея развитія, которое называется «индивидуализмомъ», а умы вращались въ предѣлахъ и формахъ миѳологическаго мышленія,—тогда «страхъ смерти» не былъ еще страхомъ уничтоженія, а былъ только боязнью переменъ образа жизни,—переселенія, опасеніемъ потерять связь съ цѣлымъ,—и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что древніе меньше боялись смерти, чѣмъ мы.

Съ ростомъ индивидуализма, съ развитіемъ и осложненіемъ личной жизни и переменною взглядовъ на загробную участь — растетъ страхъ смерти, превращаясь въ настоящій ужасъ передъ пропастью небытія, передъ перспективою уничтоженія личности. Но параллельно этому развитію чувства, внушаемаго явленіемъ смерти, идетъ противоположное движеніе: съ переходомъ мысли отъ миѳа къ высшимъ нормамъ исчезаетъ страхъ передъ смертью, какъ существомъ, одареннымъ волею и сверхчеловѣческой мощью,—и съ этой стороны страхъ смерти идетъ на убыль.

II.

«Призраки»—это чрезвычайно-любопытная, въ психологическомъ отношеніи, попытка дать художественное выраженіе тому страху или даже ужасу смерти, который характеристиченъ именно для современнаго человѣка.

Современный человѣкъ боится смерти именно потому, что для него смерть это—безусловное прекращеніе земной жизни. При этомъ разница не

велика, раздѣляетъ-ли онъ христіанскій догматъ безсмертія души или нѣтъ, ибо этотъ догматъ не допускаетъ возможности построить загробное бытіе души по образцу земной жизни, и вѣрующій христіанинъ, когда онъ обуреваемъ страхомъ разстаться съ жизнью, готовъ повторить слова эпикурейца Люція въ «Трехъ смертяхъ» Майкова:

До тайнъ грядущихъ нѣтъ намъ дѣла:
Окопчу-ль здѣсь свой бранный вѣкъ,
Иль будетъ жить душа безъ тѣла,—
Все буду я—не человѣкъ...

Когда чувство привязанности къ жизни, такъ сказать, настораживается, когда человѣкомъ овладѣваетъ тоска и жалость къ самому себѣ въ виду возможности вдругъ перестать быть человѣкомъ, разстаться съ обычнымъ теченіемъ жизни, ея тепломъ и свѣтомъ, ея добромъ и зломъ, заботами, привязанностями, печальми, радостями, дѣлами и пустяками, — тогда возникаетъ то мучительное содраганіе, тотъ холодный ужасъ, который одинаково можетъ быть названъ и страхомъ уничтоженія, и страхомъ безсмертія.

Однимъ изъ палліативныхъ средствъ избавиться отъ этого страха служить возвращеніе къ мнѣ, къ матеріалистическому взгляду на «душу», какъ на матеріальное существо, какъ на *тѣло*, только—изъ очень тонкаго, невидимаго, воздухообразнаго вещества, тѣло, которое и послѣ смерти продолжаетъ жить, витая гдѣ-то въ космическомъ пространствѣ. Современный *спиритизмъ* есть не что иное, какъ именно возвращеніе къ мнѣ, вызванное между прочимъ страхомъ смерти и безсмертія, которому все еще подверженъ цивилизованный человѣкъ.

Спиритизмъ былъ чуждъ ясному и здоровому уму Тургенева, но привязанность къ жизни и страхъ смерти были душевными пружинами, которыя дѣйствовали у Тургенева, быть можетъ, съ большей силою, чѣмъ у многихъ. Большая привязанность къ жизни, склонность придавать ей особливую цѣну—это, если не ошибаюсь, отличительная черта большихъ умовъ и дарованій (разумѣется, при душевномъ здоровьи). Наиболѣе привязанное къ жизни существо—это гений. Для него жить значить мыслить и творить, а это одно изъ самыхъ чарующихъ, самыхъ заманчивыхъ проявленій жизни. Но не всегда такое тяготѣніе къ жизни сопровождается соответственнымъ страхомъ смерти. Есть умы и натуры чрезвычайно жизнерадостные и въ то же время относящіеся философски-спокойно къ грозному призраку смерти, къ ежеминутной возможности умереть. Таковъ былъ, наприимѣръ, Ренанъ. Но не таковъ былъ Тургеневъ. Мысль о смерти, о «ничтожествѣ», какъ онъ выражался, была для него мучительной и ужасающей. Она навязывалась его уму, какъ «проклятый» вопросъ, какъ роковая проблема, отъ которой нельзя отвернуться и только—въ извѣстной мѣрѣ—можно «отдѣлаться» художественнымъ ея

воспроизведеніемъ (какъ Лермонтовъ отъ своего Демона «отдѣлался» стихами *)).

Результатомъ этого стремленія «отдѣлаться» отъ проблемы смерти и явились въ послѣдовательномъ порядкѣ послѣднія главы «Отцовъ и Дѣтей» (смерть Базарова), «Призраки» (1863) и «Довольно».

«Призраки» — произведеніе очень богатое содержаніемъ, которое однакоже только намѣчено бѣлыми штрихами. И прежде всего здѣсь схваченъ тотъ контрастъ, который существуетъ между обыденной жизнью человѣка съ ея повседневымъ обиходомъ, привычной прозой, гдѣ, повидимому, нѣтъ мѣста ничему выходящему изъ ряда вонъ, ничему общему, не личному, а тѣмъ болѣе мистическому, и — той огромной сферой, которая слагается изъ совокупности всего, что такъ или иначе выходитъ за предѣлы обыденности. Съ удивительнымъ, ему свойственнымъ мастерствомъ рисовать бѣлыми, едва замѣтными штрихами, Тургеневъ даетъ чувствовать этотъ контрастъ: «Я долго не могъ заснуть и безпрестанно переворачивался съ боку на бокъ. Чортъ бы побралъ эти глупости съ вертящимися столами! подумаль я... Да ужъ не во снѣ ли я все это вижу?» спросилъ я себя наконецъ. Я позвалъ ключницу. — «Марѳа, въ которомъ часу я легъ вчера на постель — не помнишь?» — «Да кто-жь тебя знаетъ, кормилецъ . . .» и т. д. (XVII). — Эти и другія — немногія — строки, относящіяся къ обыденной обстановкѣ, къ текущему обиходу жизни, и потерянные среди вѣхъ этихъ летаній, видѣній, призраковъ, грозныхъ зрѣлищъ природы, производятъ тотъ эффектъ, который иначе схваченъ въ великолѣпномъ стихотвореніи Тютчева:

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной;
Такъ наша жизнь кругомъ объята снами.
Настанетъ ночь, — и звучными волнами
Стихія бѣеть о берегъ свой...

И въ самомъ дѣлѣ. Совокупность впечатлѣній, интересовъ, чувствъ и другихъ душевныхъ моментовъ, образующихъ нашу непосредственную дѣйствительность, является какъ бы крошечнымъ островкомъ, потеряннымъ въ океанѣ представленій, идей, образовъ, составляющихъ другую дѣйствительность, съ которой мы не имѣемъ непосредственнаго соприкосновенія. Природа, исторія, прошлое человѣчества, его будущее, міръ идей и идеаловъ, загробныя тайны, все мистическое (при чемъ все равно, — принимается-ли оно, какъ нѣчто положительное, или присутствуетъ въ сознаніи только, какъ величина отрицательная) — все это, въ сравненіи

*) Еще въ 1857 г. мысль Тургенева останавливалась на вопросѣ о «смерти», въ связи съ созерцаніемъ «стихійнаго» въ природѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна первая страница «Пѣздки въ Польшу» (1857), гдѣ между прочимъ сказано: «Мнѣ дѣла до тебя нѣтъ, говорить природа человѣку, я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть».

съ «положительностью», «осязаемостью» нашей ближайшей дѣйствительности, нашей узкой повседневной жизни, уподобляется фантастическому міру сновъ, который только и ждетъ, чтобы человѣкъ пересталъ «бодрствовать» въ сознаниі своемъ непосредственнаго существованія, чтобы онъ оторвался отъ узъ, приковывающихъ его къ текущей минутѣ, — и тогда «стихія» обнаруживается и «бьетъ о берегъ свой»...

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ
Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челя,—
Приливъ растетъ—и быстро насъ уноситъ
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ...

«Стихія» представляетъ полную противоположность «островку быденнаго сознанія». На послѣднемъ все, конечно, предѣльно, измѣрено, установлено, обусловлено и «понятно». Стихія—неизмѣрима, безконечна, безпредѣльна и полна таинственнаго. Въ ней все мистично, ибо она слагается не изъ фактовъ, а изъ явленій. Явленія мистичны по самой природѣ своей, причинная связь есть тайна, законъ — таинственъ. Это метафизическія понятія, чуждыя обыденному сознанію. Это — «неизмѣримость темныхъ волнъ», въ которой даже все человѣческое, историческое становится загадочнымъ, потому что въ ней оно освобождается отъ иллюзіи произвола и случайности и переносится въ сферу закономерности. Возникаетъ предчувствіе высшаго закона, заправляющаго міромъ человѣческимъ,—закона, который окажется не менѣе таинственнымъ, чѣмъ законы природы,—въ туманѣ очерчиваются великія проблемы добра и зла, жизни и смерти, цѣлей, идеала...

Небесный сводъ, горящій славою звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,—
И мы плывемъ, пылающею бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены...

Въ «Призракахъ» художественною формою мысли схвачены нѣкоторыя — существенныя — вопросы «бездны», затронуты важнѣйшія сферы «стихиі»: природа, исторія, человѣчество, красота,—въ особенности-же—жизнь и смерть,—тѣ самые вопросы, которые трактуются въ «Довольно». И тамъ, и здѣсь они ставятся и рѣшаются одинаково—въ духѣ безотраднаго пессимизма.

Природа показана преимущественно съ той стороны, которою она такъ рѣзко противорѣчитъ представленію о ней, свойственному «островку быденности». Съ точки зрѣнія послѣдняго, она—только часть привычной обстановки, и на ней лежитъ печать какой-то не то пошлости, не то прирученности. Въ «Призракахъ» она взята, какъ грозная стихія, передъ мощію которой безпомощенъ человѣкъ,—стихія, дышащая разрушеніемъ и смертью,—сама безсмертная, вѣчная. Конкретными образами, въ которыхъ это воспроизведено, служатъ «Островъ Вайтъ» и «Понтійскія болота».

«Надъ головою тяжелыя, дымныя тучи; онѣ тѣснятся, онѣ бѣгутъ, какъ стадо злобныхъ чудовищъ... а тамъ, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Бѣлая гѣна судорожно сверкаетъ и кипитъ на немъ буграми—и, вздымая косматыя волны, съ грубымъ грохотомъ бьетъ оно въ громаднѣйшій, какъ смоль чернѣйшій утесъ. Завываніе бури, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны, тяжкій плескъ прибоя, въ которомъ по временамъ чудится что-то похожее на вопли, на далекіе пушечные выстрѣлы, на колокольный звонъ,—раздирающій визгъ и скрежетъ прибрежныхъ гольшей. Внезапный крикъ невидимой чайки, на мутномъ небосклонѣ шаткѣй остова корабля — *всюду смерть, смерть и ужасъ...*» (IX).

«Смерть и ужасъ»—вотъ рѣшеніе вопроса, вотъ идея, «представленная» картиной «Островъ Вайтъ». Таковъ-же смыслъ и картины, изображающей Понтійскія болота.

«Это было огромное, тусклое пространство, повидному не поросшее травой и пустое; тамъ и сямъ, по всему его протяженію, подобно небольшимъ обломкамъ зеркала, блистали стоячія воды; вдали смутно виднѣлось неслышное, недвижимое море. Крупныя звѣзды сіяли въ промежуткахъ большихъ красивыхъ облаковъ; тысячеголосная, немолчная и все таки не громкая трель поднималась отовсюду—и чуденъ былъ этотъ пронзительный и дремотный гулъ, этотъ ночной голосъ пустыни...—Понтійскія болота, промолвила Эллисъ. Слышишь лягушекъ? Чувствуешь запахъ сѣры?—Понтійскія болота... повторилъ я, и оцущеніе величавой унылости охватило меня. — Но зачѣмъ принесла ты меня сюда, въ этотъ печальный, заброшенный край?...» (XII).

Этимъ двумя образами схвачена все та-же «глухонѣмая, слѣпорожденная сила», о которой говорится въ «Довольно».

Исторія и человечество очерчены также образами, которые по своему говорятъ о *смерти* и *разрушеніи* и вселяютъ либо все тотъ-же ужасъ, либо отвращеніе. Это, во-первыхъ, явленіе головы Цезаря и крики легионновъ,—чудный образъ, въ которомъ удивительно схвачена *стихійность* историческаго, человѣческаго, и показанъ тотъ-же *страшный* духъ явленія, который присущъ грознымъ силамъ природы. «На языкѣ человѣческомъ нѣту словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы—и я тотчасъ-же умру.—Эллисъ! простоналъ я:—я не хочу, я не могу, не надо мнѣ Рима, грубаго, грознаго Рима... Прочь, прочь отсюда!» (XIII). — Таковъ-же смыслъ и явленія Стеньки Разина (XVI). Если эти двѣ картины можно сопоставить, по духу и смыслу, съ изображеніемъ острова Вайта, то картина бульварнаго Парижа съ размалеванными коготками (XIX) и глава XXII, начинающаяся такъ: «слуша-а-ай! раздался въ ухахъ моихъ протяжный крикъ. Слуша-а-а-ай! словно съ отчаяніемъ

отозвалось въ отдаленіи. Слуша-а-а-й! замерло гдѣ-то на концѣ свѣта...»,—сближаются отчасти съ «Понтійскими болотами».

Красота показана и ея чары обрисованы съ истинно-тургеневскою яркостью красокъ и музыкой рѣчи въ гл. XIV *). Здѣсь дано сочетаніе обаятельныхъ ощущеній, производящихъ тотъ душевный эффектъ, который въ одно и то-же время и чувствуется, какъ «красота», какъ «эстетическое наслажденіе», и мелькаетъ въ сознаніи, какъ нѣчто неуловимое, ускользающее, мимолетное, возможное и невозможное, однимъ словомъ—какъ *счастье*.

Это все та-же таинственная «красота», о которой въ «Довольно» сказано, что «для нея достаточно одного мгновенія, чтобы быть вѣчной».

Въ результатъ всѣхъ этихъ созерцаній—природы, исторіи, людей, красоты, пошлости и т. д.—получается то самое настроеніе, изображеніе котораго составляетъ сюжетъ и задачу «Довольно». Здѣсь, въ «Призракахъ», оно описано такъ: «грустно стало мнѣ, и какъ-то равнодушно-скучно. И не потому стало мнѣ грустно и скучно, что пролетала я именно надъ Россіей. Нѣтъ! Сама земля, эта плоская поверхность, которая растилалась подо мною, весь земной шаръ съ его населеніемъ, мгновеннымъ, немощнымъ, подавленнымъ нуждою, горемъ, болѣзнями, прикованнымъ къ глыбѣ презрѣннаго праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этотъ наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступила илѣеень, величаемая нами органическимъ, растительнымъ царствомъ; эти люди-мухи, въ тысячу разъ ничтожнѣе мухъ, ихъ слѣпленныя изъ грязи жилища, крохотные слѣды ихъ мелкой, однообразной возни, ихъ забавной борьбы съ неизмѣняемымъ и неизбѣжнымъ,—какъ это мнѣ вдругъ все опротивѣло...» (XXIII).

На первый взглядъ, такой выводъ можетъ показаться довольно неожиданнымъ.—пожалуй, плохо вяжущимся съ тѣмъ зрѣлищемъ грандіознаго, грознаго, таинственнаго, которое такъ рельефно очерчено въ «Призракахъ». Несоответствіе или кажущееся противорѣчіе выступить еще ярче, если мы будемъ имѣть въ виду «Довольно», разсматриваемое какъ прямое продолженіе «Призраковъ». Вотъ одно мѣсто изъ «Довольно», представляющееся, по мысли, духу и тону, особенно близкимъ къ только-что приведенной выдержкѣ изъ «Призраковъ»: «...страшно то, что нѣтъ ничего страшнаго, что самая суть жизни мелко-неинтересна и нищенски плоска. Проникнувшись *этимъ* сознаніемъ, отвѣдавъ *этой* полынни, никакой уже медъ не покажется сладкимъ—и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полного сближенія, безвозвратной преданности—даже оно теряетъ все свое обаяніе; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью».

*) Isola Bella.

Итакъ, съ одной стороны—страхи и ужасы, съ другой—«нѣтъ ничего страшнаго». Противорѣчіе это—только кажущееся. Это собственно противорѣчіе словъ, а не соотвѣтственныхъ душевныхъ моментовъ, и оно совершенно сгладится, если мы, ставъ на точку зрѣнія Тургенева, обратимся къ разбору главной «фигуры» «Призраковъ»—*смерти*.

Нужно припомнить все, что выше было сказано о мышленіи Тургенева. Умамъ того типа, къ которому принадлежалъ нашъ художникъ, свойственно и привольно мыслить «субстанціями». Этотъ пошибъ мысли приводитъ къ тому, что незамѣтно для самого мыслителя на первый планъ выдвигается и чуть-ли не ставится въ центрѣ вселенной—*личность*, живая человѣческая личность, какъ *существо*. И это существо страстно любить жизнь, страшно боится смерти. Умереть, т. е. перестать быть тѣмъ же существомъ, исчезнуть, какъ индивидуальность — для него это величайшее зло, ужаснѣе котораго быть ничего не можетъ. Оттуда между прочимъ и страхъ силъ природы, боязнь всего стихійнаго, всего закономѣрнаго, передъ чѣмъ «личность» такъ ничтожна. Ей уютно и тепло на томъ «островкѣ обыденности», о которомъ мы говорили выше, и она инстинктивно боится разстаться съ этимъ маленькимъ міркомъ своимъ, гдѣ она у себя дома, гдѣ она сознаетъ себя существомъ, индивидуумомъ, «я». А между тѣмъ ея развитіе фатально влечетъ ее къ *стихи*; расширение сферы мысли неудержимо переноситъ человѣка въ эту страшную бездну, и постепенно онъ приучается не бояться ея. Но страхи все еще живучи—пока человѣкъ продолжаетъ мыслить субстанціями, упорно понимая себя, какъ безусловное (а не относительное) *существо* и трактуя вселенную съ точки зрѣнія субъективныхъ благъ этого своего «существа». Въ связи съ такой постановкой—является между прочимъ наивное и ни на чемъ не основанное утвержденіе, будто величайшее счастье—это «счастье любви», конечно—между мужчиной и женщиной.

Становясь на эту точку зрѣнія, данную въ «Призракахъ» и «Довольно»,—точку *субъективно-индивидуалистическую*, мы легко поймемъ всю возможность и даже психологическую необходимость перехода отъ *страховъ* «стихи», обуревающихъ личность, къ тому душевному упадку, той апатіи, той усталости, которыя являются результатомъ сознанія подавляющаго контраста между ничтожностью, безцлѣмъ личности и всемогуществомъ смертоноснаго начала, дѣйствующаго во вселенной.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ разсмотрѣнію главнаго вопроса, которому собственно и посвящены «Призраки»,—вопроса о *смерти*. И прежде всего вспомнимъ тотъ ужасъ и то чувство безпомощности, которые овладѣли жаждущей жизни Эллисъ, когда она увидѣла «Смерть».

«...Ужасъ, томительный ужасъ кривилъ, искажалъ блѣдныя, почти стертыя черты Эллисъ. Я не видалъ ничего подобнаго даже на живомъ, человѣческомъ лицѣ. Безжизненный. туманный призракъ, тѣнь... и этотъ

замирающій страхъ...—Эллисъ, что съ тобой? проговорилъ я наконецъ.— Она, она... отвѣчала она съ усліемъ... она!—Она? Кто она?—Не называй ея, не называй, торопливо пролетѣла Эллисъ.—Надо спастись, а то всему конецъ—и навсегда... Посмотри: вонъ тамъ!—Я обернулъ голову въ сторону, куда указывала мнѣ тренущая рука,—и увидалъ... *ничто дѣйствительно страшное*».

Вотъ тутъ-то и осуществляется художественное пробужденіе всѣхъ ужасовъ, похороненныхъ въ формулѣ «смерть пришла».

Два начала становятся лицомъ къ лицу: личность и смерть. Все прочее, что существуетъ въ мірѣ, какъ-бы ступеньвается, блекнетъ, стирается въ сознаниіи, образуя лишь фонъ, на которомъ тѣмъ отчетливѣе выступаютъ эти два начала, два «существа». Одно изъ нихъ—положительное, оно живетъ и хочетъ жить, жить какъ можно полнѣе, обладать полною и разнообразіемъ чувствъ, желаній, ощущеній,—всего, что входитъ въ понятіе психической жизни. Оно стремится быть самобытнымъ, самоудовлѣющимъ, эгоистическимъ «я», и сфера чистой мысли, отвлеченныхъ созерцаній, среди которыхъ исчезаетъ это «я», такъ-же мало его удовлетворяетъ, какъ и то разрѣженное, эфирное состояніе, въ какомъ находится Эллисъ. Осужденная витать въ сферѣ чистыхъ созерцаній, быть лишь зрительницей жизни, прошлой и настоящей, Эллисъ страстно жаждетъ быть непосредственной участницей въ жизненной драмѣ, снова стать плотью, наполниться кровью, вновь овладѣть функціями животнаго организма, снова превратиться изъ состоянія безтѣлеснаго «я», витающаго въ пространствѣ, созерцающаго великія зрѣлища природы и исторіи и ничего небоящагося, кромѣ смерти, въ полуживотное, называемое человѣкомъ, привязанное къ землѣ, подверженное всяческому невзгодамъ и всего боящееся, даже собственныхъ своихъ созерцаній.

И вотъ, по его образу и подобию, только въ отрицательной проекціи, построяется отрицательная «личность» смерти. Если личность человѣческая хочетъ быть тѣломъ и имѣть образъ, то смерть это — «нѣчто, не имѣющее опредѣленнаго образа» и «тѣмъ она страшнѣе» (XXIV). Почему *безъ-образное* должно быть непремѣнно страшнѣе имѣющаго опредѣленный образъ? А потому, что будучи въ силу этой безъ-образности, безформенности, прямо-противоположно человѣку, оно, это непонятное, чуждое, темное нѣчто, все-таки понимается, какъ существо и надѣлено волею и сверхчеловѣческою силою. Будь оно сколько-нибудь человѣкообразно или хотя-бы «животнообразно», оно, при всей своей ужасной и злобной мощи, все-таки казалось-бы какъ-то ближе, понятнѣе, доступнѣе человѣку и у послѣдняго возникала-бы иллюзія нѣкоторой возможности соглашенія, умилоствленія. Теперь нѣтъ и этого ничтожнаго палліатива: воскрешенный мнѣ уже не отливается въ форму зооморфическую или антропоморфическую, не является въ привычномъ видѣ стра-

шилища, созданнаго младенческимъ воображеніемъ древнихъ. Мисль воскресаетъ въ формѣ гораздо болѣе страшной, пригодной не для того только, чтобы пугать дѣтей, но способной испугать мыслителя: страшное и отвратительное явленіе предстоить сознанію, какъ безформенная, неопредѣлимая, непостижимая субстанція, которой приписывается объективное бытіе, воля и ужасающая мощь,—субстанція, дѣйствующая какъ «сила, которой нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно» (XXIV). И человѣкъ, объятый ужасомъ и въ сознаніи своей безпомощности, можетъ только воскликнуть: «кто ты, что ты, грозная масса?» (ibid.). И если онъ захочетъ описать эту «грозную массу», эту «идущую силу», — ему придется, вмѣстѣ съ Тургеневымъ, прибѣгнуть къ такимъ терминамъ и метафорамъ, которые только кажущимся образомъ воспроизводятъ вѣщный предметъ, а въ сущности выражаютъ лишь то подавляющее чувство страха и отвращенія, во власти котораго находится человѣкъ. «Что-то тяжелое, мрачное, изжелто-черное, пестрое, какъ брюхо ящерицы—не туча и не дымъ, медленно, змѣинымъ движеніемъ, двигалось надъ землею... Гнилымъ, тлетворнымъ холодкомъ несло отъ нея—отъ этого холода тошнило на сердцѣ, и въ глазахъ темнѣло, и волосы вставали дыбомъ...» (XXIV).

Такой страхъ дѣйствуетъ на душу угнетающимъ образомъ, и въ результатѣ является упадокъ духа, мрачно-безотрадный взглядъ на вещи, все представляется человѣку ничтожнымъ, мгновеннымъ, обреченнымъ на гибель. «Ничтожество, ничтожество!» повторяетъ человѣкъ слова умирающей Эллисъ. Это то самое состояніе духа, которое испытывалъ Базаровъ въ тѣ минуты, когда «чувствовалъ скуку да злость», когда ему приходили въ голову мысли о томъ, что «часть времени, которую ему удастся прожить, такъ ничтожна передъ вѣчностью» («Отцы и Дѣти», XXI), когда, наконецъ, въ виду грознаго призрака смерти, онъ говорилъ: «попробуй отрицать смерть: она меня отрицаетъ и—баста!» (XXVII).

И вотъ, «мучительно содрагаясь при одной мысли о ничтожествѣ» (какъ герой «Призраковъ», XXV), человѣкъ фатально переходитъ отъ этого содроганія къ тому беспощадному анализу, къ тому разлагающему и мертвящему міропониманію, образчикъ котораго данъ въ «Довольно», и роковой выводъ или вопросъ, указанный въ послѣдней главѣ этого «отрывка», уже всплываетъ въ его сознаніи: «чѣмъ заставить себя стряхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, если только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба, закралась въ голову?...»

Послѣдній аккордъ: «Нѣтъ... нѣтъ... довольно... довольно... довольно...»

III.

Было-бы очень прискорбно для меня, если-бы кто-нибудь, прочитавъ эти страницы, понял-бы ихъ такъ, что я приписываю Тургеневу суевѣрное убѣжденіе въ существованіи какого-то страшнаго, именуемаго Смертью и въ самомъ дѣлѣ обладающаго волею и сверхъестественной силою. Такого убѣжденія или вѣры у Тургенева, конечно, не могло быть. Тѣмъ не менѣе страхъ, сопутствующій подобной вѣрѣ, и его результаты,—угнетенное состояніе мысли, унылый взглядъ на вещи,—далеко не были чужды ему и отъ времени до времени проявлялись съ большою энергіей, побуждая его гений къ художественному воспроизведенію этихъ душевныхъ состояній, плодомъ чего и явились «Призраки» и «Довольно». — Во всемъ этомъ нѣтъ ничего психологически-невозможнаго: это весьма распространенное психологическое явленіе,—что извѣстное душевное состояніе, первоначально возникавшее какъ результатъ извѣстнаго вѣрованія, отнюдь не исчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ и готово всякій разъ оживиться, — лишь только оживляется въ сознаніи соответственная *форма мысли*, напр. такой-то образъ, хотя-бы уже и не было убѣжденія въ дѣйствительномъ, внѣ сознанія, существованіи вещи, отвѣчающей данному образу. Такъ, образованный человѣкъ, не вѣрящій въ привидѣнія, можетъ испугаться до обморока, когда «привидѣніе» въ самомъ дѣлѣ явится ему, хотя онъ отлично знаетъ, что это процессъ субъективный, что это галлюцинація. Въ этомъ смыслѣ не будетъ абсурдомъ сказать, что [можно бояться чорта и не вѣря въ него. Помимо явленій галлюцинаціи и иллюзіи, разныя чувства, напр. страха, радости и т. д., связываются непосредственно съ извѣстными формами мысли, съ данными способами апперцепціи впечатлѣній, при чемъ все равно—приписываетъ-ли человѣкъ этимъ формамъ объективное бытие (какъ «близну» — камню), или уже утратилъ эту наивность мышленія. Возьмемъ такой примѣръ. Когда люди думали, что напр. *интвг. радость, любовь, зависть, порокъ* и пр.—это какія-то *существа* или «дѣмоны» (въ древнегреческомъ смыслѣ—*δαίμονια*), вселяющіеся въ человѣка или на него вліяющіе, тогда вѣрили и въ существованіе *Счастья* (удачи), какъ особаго существа, къ которому можно обращаться съ просьбами, изъясненіями разныхъ чувствъ и т. д. Понятно, что подобное вѣрованіе было сопряжено съ цѣлымъ порядкомъ чувствованій, напр. опасенія, благодарности, удовольствія, неудовольствія — по отношенію къ этому существу или въ виду его наличности. Съ теченіемъ времени это вѣрованіе исчезло, какъ исчезли и другія ему подобныя. Но форма мысли, ему отвѣчающая, осталась и продолжаетъ дѣйствовать, конечно—не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а какъ склонность ума схватывать понятія «шанса»,

«удачи—неудачи» категорією субстанціи, именуемой *счастьемъ*. Пусть ей не придается уже миологическій образъ, какой придавался ей въ старину,—а все таки умъ современнаго человѣка съ трудомъ удерживается отъ искушенія приписывать этому «счастью» нѣкоторое реальное бытіе. И напр. человѣкъ, приступающій къ рискованному предпріятію, пускающійся въ далекія и трудныя странствованія, строящій планы карьеры, политической дѣятельности и т. д., невольно поворачиваетъ свой умъ въ сторону чего-то, внѣ его находящагося, какого-то *счастья*, которое можетъ прійти и уйти, осчастливить и погубить,—и соотвѣтственный порядокъ чувствъ уже шевелится въ его душѣ. Этотъ порядокъ чувствъ исчезнетъ изъ обихода лишь тогда, когда соотвѣтственныя явленія (шансы, удача—неудача, понятія случайности, вѣроятности) будутъ схватываться другою категорією мысли, напр. тою, которая постулируется математическою теорією вѣроятности. Тогда исчезаетъ и тотъ *фатализмъ*, который до сихъ поръ еще связанъ съ идеей счастья и является источникомъ особыхъ чувствъ.

Теперь возвратимся къ вопросу о смерти и посмотримъ, какъ устраненіе въ мысли субстанціальной формы ея апперцепціи приводитъ къ устраненію ея страха, — какъ художественное изображеніе, основанное уже не на формулѣ «смерть пришла», а на формулѣ «онъ умираетъ», и способное вызывать разныя чувствованія, напр. жалости, скорби, уже безсилно пробудить чувство *страха*.

● Такова «смерть Базарова».

Какъ извѣстно, «смерть» и не думала приходить къ Базарову, а просто, заразившись, по несчастной случайности, трупнымъ ядомъ, онъ вдругъ началъ умирать. Процессъ умирающаго былъ очень тяжелый, мучительный и—въ смыслѣ психологическомъ—въ высокой степени трагичный. Прекращалось богатое душевное существованіе, угасала смѣлая и крѣпкая мысль, могучій волевой аппаратъ переставалъ дѣйствовать,—все эти рѣдкія и цѣнныя душевныя явленія или функціи должны были уничтожиться безвременно, не исполнивъ своего жизненнаго назначенія. Базаровъ умираетъ молодымъ, полнымъ силъ, — ему мучительно хотѣлось жить, онъ страстно любилъ жизнь, понимая ее какъ мысль, трудъ и борьбу. Его умъ только-что начиналъ расправлять свои крылья и пробовать свои силы въ смѣлыхъ отрицаніяхъ,—жизненный трудъ еще предстоялъ, его манила перспектива борьбы и подвиговъ,—вдругъ вся эта роскошь духа случайно и бессмысленно упраздняется.—«Сила-то, сила», говоритъ умирающій, «вся еще тутъ, а надо умирать!.. Старикъ, тотъ по крайней мѣрѣ успѣлъ отвыкнуть отъ жизни, а я...» И въ потухающемъ сознаніи всплываетъ страшная идея смерти. Какой образъ прійметъ она? Предстанетъ-ли она уму въ видѣ какого-нибудь грознаго страшлища, и вмѣстѣ съ тѣмъ воскреснутъ-ли все страхи міа? Или явится она въ формѣ

отвлеченнаго начала, неопредѣлага, неостижимаго и тѣмъ болѣе пугающаго,—какъ иѣкая таинственная и безъ-образная субстанція, которая однако дѣйствуетъ, идетъ, надвигается? Нѣчто подобное уже намѣчалось въ умѣ Базарова, когда онъ сказалъ: «Да, поди, попробуй отрицать смерть,—она меня отрицаетъ. и баста».

Эти слова были критическимъ моментомъ, поворотнымъ пунктомъ въ психологическомъ процессѣ смерти Базарова. И кто знаетъ, если бы обстановка и всѣ условія этой смерти были иныя, все движеніе мыслей и чувствъ умирающаго, быть можетъ, направилось-бы въ другую сторону, въ ту, которая намѣчается этимъ признакомъ всемогущаго, роковаго, закономернаго значенія отрицательнаго начала, именуемаго Смертью. Это начало уже вырисовывалось въ сознаніи какъ «нѣчто» и притомъ такое, передъ тѣмъ останавливалась дерзкая, всеотрицающая мысль Базарова. Еще шагъ дальше въ этомъ направленіи, въ этомъ мучительномъ сосредоточеніи мысли на объективированномъ образѣ смерти,—и вмѣсто умирающаго челоѣка, которому страстно хочется жить, по который вовсе не *боится* умереть (чего тутъ въ самомъ дѣлѣ «бояться?»), мы видѣли-бы смертнаго, наивно не желающаго примириться съ тѣмъ, что онъ смертенъ, и безсильно мечущагося въ припадкѣ суевѣрнаго ужаса передъ какимъ-то чудищемъ, которое вотъ-вотъ сейчасъ прійдетъ и схватитъ его. Движеніе въ этомъ направленіи (въ направленіи «Призраковъ») могло-бы осуществиться только въ томъ случаѣ, если бы Базаровъ умиралъ въ полномъ одиночествѣ, заброшенный, неоплаканный, забытый всѣми; если бы не было возлѣ него плачущей и молящейся матери, растерявагося, обезумѣннаго отъ горя отца, если бы вообще вся обстановка была другая, тогда его мысль отъ созерцанія грознаго облика смерти не перескочила-бы вдругъ въ ту полосу, гдѣ возможенъ героизмъ предсмертной пропнн, сказавшейся въ словахъ: «Кто тамъ плачетъ? Мать? Вѣдная! Кого-то она будетъ кормить теперь своимъ удивительнымъ борщомъ? А ты, Василій Ивановичъ, тоже, какется, нюнншь? Ну, коли христіанство не помогаетъ, будь философомъ, стоикомъ, что-ли! Вѣдь ты хвастался, что ты философъ...» При иныхъ условіяхъ, *этотъ* душевный мотивъ былъ-бы невозможенъ—да и не нуженъ. Сильная личность, въ родѣ Базарова, натура, построенная на умѣ и волѣ, конечно, хочетъ до конца остаться неизмѣнною и умереть такою, какою была всю жизнь. Она отстанваетъ себя, свое «я», свою гордость. Но для успѣнности такого отстанванія необходимо, чтобы около нея были люди, да не какіе-нибудь—посторонніе, чужіе, равнодушные, безразличныя, а свои, близкіе, любящіе, удивляющіеся, жалѣющіе, убитые горемъ. И тѣмъ болѣе они скорбятъ, жалѣютъ, поражены, растеряны, тѣмъ легче умирающему умирать и, умирая, сохранять равновѣсіе духа, спокойствіе, быть героемъ и шутить въ этотъ грозный и торжественный часъ.

Евгеній Базаровъ и хотѣлъ и, при данныхъ условіяхъ, легко могъ

умереть все тѣмъ-же Евгеніемъ Базаровымъ, не теряя себя, не утрачивая ни одной характерной черты своего «я». Ему было легко исполнить это, ибо тутъ-же находился пораженный горемъ, безконечно-любящій отецъ, который говорилъ: «возможно-ли это дѣло, чтобы ты умеръ, ты, Евгеній? Гдѣ-же послѣ этого справедливость?..» Ему было легко умирать, потому что онъ зналъ, что вонъ тамъ «возлѣ двери на низенькой скамеечкѣ сидитъ Арина Власьева», сидитъ и ничего не въ силахъ сообразить, не въ состояніи опомниться, отдать себѣ отчетъ въ томъ ужасающемъ событіи, которое теперь совершается. Онъ могъ умирать безтрепетно, самоувѣренно, бодро, сохраняя всю свою пронию, все свои сарказмы, потому что зналъ, что, когда испустить послѣдній вздохъ, то произойдетъ нѣчто... шекспировское, рассказанное Тургеневымъ съ потрясающимъ лаконизмомъ въ слѣдующихъ строкахъ: «...Василіемъ Ивановичемъ обуяло внезапное изступленіе. «Я говорилъ, что я возропщу», хрипло кричалъ онъ, съ пылающимъ, перекошеннымъ лицомъ, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, какъ-бы грозя кому-то, «и возропщу, возропщу!» Но Арина Власьева, все въ слезахъ, повисла у него на шеѣ, и оба вмѣстѣ пали ницъ. «Такъ,—рассказывала потомъ въ людской Анфисушка,—рядышкомъ и понурили свои головки, словно овечки въ полдень...»

Легко умирать, когда возлѣ умирающаго кипитъ и бьетъ неоскудѣваемый ключъ животворной психической силы, напр. силы родительской любви. Тогда умирающему можно и побаловать себя и позаботиться о томъ, какъ-бы еще лучше обставить свою смерть, такъ, чтобы это было по возможности полное самоутвержденіе личности. И вотъ онъ проситъ отца послать за Одинцовой: «Евгеній, молю, Базаровъ кланяться велѣлъ и велѣлъ сказать, что умираетъ...» Онъ зналъ, что она придетъ. Ему страстно захотѣлось увидѣть еще разъ, въ послѣдній разъ, эту женщину, которую онъ любилъ, и сказать ей: «какая вы славная!» И любопытно было ему посмотрѣть, какъ она будетъ держать себя. Какой вкладъ внесетъ въ обстановку смерти? Сожалѣніе, горе, страхъ?

Она явилась. Она стояла передъ нимъ «такая красная». Онъ ей сказалъ, что болѣзнь заразительна и она рискуетъ. Она «быстро перешла комнату и сѣла на кресло возлѣ дивана, на которомъ лежалъ Базаровъ». Все это было очень интересно и помогало Евгенію Базарову оставаться Евгеніемъ Базаровымъ и мѣшало смерти быть тѣмъ страшлищемъ, передъ которымъ теряется и исчезаетъ человѣческое «я».

Смерти не было, а былъ умирающій человѣкъ, который продолжалъ оставаться самимъ собою, продолжалъ мыслить умно и саркастически. «Старая штука смерть, а каждому вновь», говоритъ онъ. И это очень хорошо сказано: смерть—не страшлище, не субстанція, не особое начало въ природѣ, это—просто «старая штука», какъ и все прочее—любовь, рожденіе, счастье, горе, молодость, старость,—все это «старыя штуки, а

каждому вновь». Когда такая «штука» случается,—съ непривычки становится жутко, вотъ и все.

Перечитайте съ начала до конца эти удивительныя страницы, повѣствующія о томъ, какъ умиралъ Базаровъ, не забудьте также (я придаю этому особливую важность) вновь перечувствовать и заключительный аккордъ «Отцовъ и Дѣтей», начинающійся словами «есть небольшое сельское кладбище»... и оканчивающійся такъ: «Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое-бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце не скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи «равнодушной» природы,—они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной». — Передумайте, переживайте *все это*, и тогда на вопросъ: что собственно воспроизведено здѣсь, какое именно явленіе было предметомъ художественнаго творчества? — вы отвѣтите такъ: *это не была смерть, это не былъ ужасъ смерти.*

Да, это не была смерть: «старая штука» умиранія была изображена для того, чтобы дорисовать до конца сильную личность Базарова; это было необходимо «для полноты характеристики», какъ раньше для той-же цѣли понадобилось описаніе другой «старой штуки» — любви. Итакъ, художественно-аннотированный предметъ—до вовсе не смерть и не торжество смерти, а самъ Базаровъ, его натура, его умъ, его «я», его торжество надъ смертью и всѣми страхами ея.

«Смерть Базарова» это—*апофеозъ* его личности. Съ тѣмъ вмѣстѣ данъ и другой апофеозъ—любви, именно любви родительской.

Василій Ивановичъ и Арина Власьева съ ихъ безграничной, безумной, идолопоклоннической любовью къ сыну—это образы изъ числа тѣхъ, которыми Тургеневъ обезсмертилъ свое имя.

Великій художникъ, рисуя смерть Базарова, самъ сталъ на точку зрѣнія Василія Ивановича и Арины Власьевны, и—оттуда—особый колоритъ картины, такой, что если бы его претворить въ звуки и переложить на музыку, то вышла-бы симфонія, въ которой не было-бы аккордовъ страха смерти, не было-бы проклятій и стоновъ умирающаго, а звучали-бы и торжествовали звуки любви, горя, жалости, самоотверженія. Смерть Базарова — это не пѣснь о смерти, объ уничтоженіи, о томъ «ничтожествѣ», которое воспѣто въ «Призракахъ» и «Довольно», это—безсмертная пѣснь о безсмертной любви, любви, передъ которой безсильна сама смерть. Пусть исчезаетъ предметъ любви,—любовь остается, и нѣтъ ей предѣла, и нѣтъ ей конца. Это любовь — *торжествующая*, которая имѣетъ всѣ права сказать: «смерть, гдѣ жало твое?»

И вотъ глубокий смыслъ картины: грозный фантомъ смерти, связанный съ извѣстной формой мысли (формулой «смерть пришла», «она меня

отрицаетъ — и баста»). на мигъ мелькнулъ въ сознаниіи и исчезъ. и вмѣстѣ съ нимъ исчезли и его страхи. Что-же вытѣснило его, что стало въ сознаниіи на его мѣсто?—На его мѣсто стала другой фантомъ, другая субстанція — «личность», «я», и предсмертное движеніе мысли направилось по формулѣ: «я умираю». Эта формула — въ распространенномъ видѣ—гласитъ приблизительно такъ:

«Я умираю — я дѣлаю послѣднее дѣло своей жизни, а вы всѣ, кто тутъ есть, смотрите, какъ я буду умирать. жалѣйте, плачьте, рыдайте, удивляйтесь».—Таковъ смыслъ того, что говоритъ умирающій Базаровъ Одинцовой: «Вы посмотрите, что за безобразное зрѣлище: червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! задача есть, вѣдь я гигантъ. А теперь вся задача гиганта — какъ-бы умереть крилично, хотя никому до этого дѣла нѣтъ... Все равно: вилить хвостомъ не стану»...

Что-же помогло этой формулѣ стать на мѣсто той? Что дало фантому личности перевѣсъ надъ фантомомъ смерти? Мы видѣли, что это сдѣлала сила любви,—одно изъ тѣхъ началъ, которыми преимущественно жьва и сильна личность. Отнимите у нея это *подспорье*, и она спасуетъ передъ смертью,—какъ это мы и видимъ въ «Призракахъ» и «Довольно».

Быть можетъ, самъ Базаровъ, умирая, смутно чувствовалъ это и впервые оцѣнилъ своихъ рѣтелей,—когда онъ говорилъ Одинцовой: «Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого челоуѣка Россія теряетъ... Это чепуха; но не разувѣряйте старика. Чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось... вы знаете. И мать приласкайте. Вѣдь такихъ людей, какъ они, въ нашемъ большомъ свѣтѣ—днемъ съ огнемъ не сыскать»...

Если такимъ образомъ въ «смерти Базарова» личность челоуѣческая, окрыленная силою любви, торжествовала надъ смертью, то въ «Призракахъ» и «Довольно» будетъ наоборотъ: уединенная, обезоруженная, съ потухшимъ внутреннимъ свѣтомъ, личность будетъ показана въ ея крушеніи, въ ея ничтожествѣ,—и это будетъ пѣснь о торжествующей смерти.

Взятая вмѣстѣ, какъ одно поэтическое цѣлое, «Отцы и Дѣти», «Призраки» и «Довольно» для грядущихъ вѣковъ, когда личность въ ея отношеніяхъ къ обществу будетъ поставлена иначе и сама возвысится до иного самоопредѣленія, останутся важнымъ документомъ, великимъ памятникомъ эпохи, характерными чертами которой были крайнее развитіе личности въ направленіи эгоистическомъ, отсутствіе гармоніи между личностью и обществомъ, борьба противоположныхъ интересовъ,—эпохи, когда, на почвѣ односторонняго индивидуализма, возвеличеніе личности, ея апофеозъ или рядомъ и чередовались съ ея крушеніемъ, ея «ничтожествомъ».

Какъ выразитель духа эпохи, Тургеневъ далъ въ Базаровѣ, «Призракахъ» и «Довольно» яркое выраженіе этой черты и связанныхъ съ нею

думъ и чувствъ, — цѣлаго міросозерцанія. Съ этой стороны, фигура Базарова, сама по себѣ продуктъ творчества объективнаго, явилась представительницею нѣкоторыхъ субъективныхъ движеній ума и сердца художника.

Черезъ 15 лѣтъ послѣ «Отцовъ и Дѣтей» творческая мысль Тургенева остановилась еще разъ на созерцаніи природы, чуждой самому художнику, еще болѣе противоположной ей, чѣмъ Базаровъ, и въ то-же время являющейся какъ-бы провозвѣстницею новаго уклада личности. новыхъ стремленій ея: Тургеневъ создалъ самый объективный изъ всѣхъ изображенныхъ имъ положительныхъ мужскихъ типовъ, — типъ *Соломина*, главнаго героя «Нови», къ разбору котораго мы и обратимся въ слѣдующихъ главахъ.

Д. Овсянко-Куликовскій.

Въ храмѣ.

Здѣсь, при мерцаніи свѣчей,
Ты долго, горячо молилась;
Я видѣлъ,—по щекѣ твоей
Слеза алмазная катилась
И кротко свѣтлый ликъ Христа
Глядѣлъ съ иконы чудотворной...
Я зналъ, душа твоя чиста,
Ясна, какъ свѣжій ключъ нагорный.
Блѣдна, измучена, съ тоской
Отчаянья въ глубокомъ взорѣ.
Крестись дрожащею рукой,
Ты небу повѣряла горе...
Ужель суровая судьба
Твоей весны не пощадила
И преждевременно борьба
Надежду раннюю убила!
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, ты
Пришла съ колѣнопреклоненьемъ
Оплакать юныя мечты.
Непощаженныя сомнѣньемъ...

*
*
*

Съ тѣхъ поръ въ минуту черныхъ думъ
Когда меня тревога гложетъ
И сомнѣвающійся умъ
Утѣшить хочетъ и не можетъ,
Вхожу я въ тихій этотъ храмъ,
Гдѣ все обвѣяно молитвой.
Тебѣ молюсь, твоимъ слезамъ,
Подавленный житейской битвой,
Готовый пасть къ твоимъ ногамъ...

В. Умановъ-Каплуновскій.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ двадцати стадіяхъ отъ Цезарей Каппадокійскою, на лѣсистыхъ отрогахъ Аргейской горы, при большой римской дорогѣ, былъ источникъ теплой, цѣлебной воды. Каменная плита съ грубо высѣченными человѣческими изваяніями и греческой надписью свидѣтельствовала, что нѣкогда родникъ посвященъ былъ братьямъ Діоскурамъ, Каостору и Поллуку. Изображенія языческихъ боговъ, оставшіе неприкосновенными, считались изображеніями христіанскихъ святыхъ, Козьмы и Даміана.

На другой сторонѣ дороги, противъ Св. Источника, была построена небольшая «табэрна», крытая соломой лачуга, съ грязнымъ скотнымъ дворомъ и навѣсомъ для куръ и гусей. Въ кабачкѣ можно было получить козій сыръ, подубѣлый хлѣбъ, медъ, оливковое масло и довольно терпкое мѣстное вино. Табэрну содержалъ лукавый армянинъ Сирофеникъ.

Перегородка раздѣляла табэрну на двѣ части, одна—для простого народа, другая—для болѣе почетныхъ гостей. Подъ потолокомъ, почерпывшимъ отъ ѣдкаго дыма, висѣли конченые окорока и пучки душистыхъ горныхъ травъ (жена Сирофеника, Фортуната, была добрая хозяйка).

У табэрны дурная слава. Ночью добрые люди въ ней не останавливались; ходили слухи о темныхъ дѣлахъ, совершенныхъ въ этой лачугѣ. Но Сирофеникъ былъ пронырливъ, умѣлъ дать взятку, гдѣ нужно, и выходилъ сухъ изъ воды.

Перегородка состояла изъ двухъ тоненькихъ колонокъ, на которыя была натянута, вмѣсто занавѣски, старая полипявшая хламида Фортунаты. Колонки, съ наивною претензiей на дорическiй стиль, — составляли единственную роскошь кабачка и гордость Сирофеникса. Нѣкогда позолоченныя, онѣ давно уже растрескались и облупились. Прежде яркo-лиловая, теперь пыльно-голубая ткань хламиды пестрѣла многочисленными заплатами и сѣдлами всѣхъ завтраковъ, ужиновъ и обѣдовъ, напоминавшими добродѣтельной Фортунатѣ дѣсять лѣтъ ея семейной жизни.

Въ чистой половинѣ, отдѣленной занавѣскою, на единственномъ ложѣ, узенькомъ и во многихъ мѣстахъ продраннымъ, за столомъ, съ оловяннымъ кратаромъ и кубками вина, возлежалъ римскiй военный трибунъ шестнадцатаго легiона, девятой когорты, Маркъ Скудило. Маркъ былъ провинциальный щеголь, съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, при видѣ которыхъ бойкiя рабыни и дешевыя гетеры городекскихъ предмѣстiй восклицаютъ, въ простодушномъ восторгѣ: «какой красивый мужчина!» Въ ногахъ его, на той-же лектикѣ, въ почтительной, неудобной позѣ, сидѣлъ краснощиный толстякъ, страдавшiй одышкой, съ голымъ черепомъ и рѣдкими сѣдыми волосами, зачесанными отъ затылка на виски, сотникъ восьмой центурiи, Публiй Аквила. Поодаль на полу, двѣнадцать римскихъ легионеровъ играли въ кости.

— Клянусь Геркулесомъ, воскликнулъ Скудило, я-бы лучше хотѣлъ быть послѣднимъ въ Константинополѣ, чѣмъ первымъ въ мышиной норѣ. Развѣ это жизнь, Публiй? Ну, по чистой совѣсти отвѣчай — развѣ это жизнь? Знать, что кромѣ учений да казармы, да лагерей ничего впереди. Стгнѣшь въ вонючемъ болотѣ и свѣта не увидишь!...

— Да, — жизнь здѣсь, можно сказать, невеселая, согласился Публiй. — Ну, ужъ зато и спокойно...

Старого центурiона занимали кости. Это была интереснѣйшая партiя. Дѣлая видъ, что слушаетъ болтовню начальника, поддакивая ему, онъ исподтишка сѣдидилъ за игрою солдатъ и думалъ: «если рыжiй ловко метнетъ, пожалуй выиграетъ». Впрочемъ, для приличiя, Публiй спросилъ трибуна, какъ будто это его интересовало:

— Почему-же, — ты говоришь, — на тебя сердитъ префектъ Гельвидiй?

— Изъ-за женщины, другъ мой, все изъ-за женщины...

И Маркъ Скудило, въ принадлежъ болтливой откровенности, съ таинственнымъ видомъ, на ухо сообщилъ центурiону, что префектъ, «этотъ старый козелъ Гельвидiй», приревновалъ его къ прiѣзжей гетерѣ, Лилибеянкѣ. Скудило хочетъ сразу какой-нибудь важной услугою возвратить себѣ милость Гельвидiя. Недалеко отъ Цезарей, въ крѣпости Мацелдумъ, заключены Юлианъ и Галлъ, двоюродные братья царствующаго им-

ператора Констанція, племянники Константина Великаго, послѣдніе отпрыски несчастнаго дома Флавіевъ. При вступленіи на престолъ, изъ боязни соперниковъ, Констанцій умертвилъ родного дядю, отца Юліана и Галла, Юлія Констанція, брата Константина. Пало еще много жертвъ. Но Юліана и Галла пощадили, сославъ въ уединенный замокъ Мацеллумъ. Префектъ въ Цезареѣ, Гельвидій, былъ въ больномъ затрудненіи. Зная что новый императоръ ненавидитъ двухъ отроковъ, напомиравшихъ ему о преступленіи, Гельвидій и хотѣлъ, и боялся угадать волю Констанція. Юліанъ и Галлъ жили подъ вѣчнымъ страхомъ смерти. Ловкій трибунъ Скудило, мечтавшій о возможности придворной карьеры, понялъ изъ намековъ начальника, что онъ не рѣшается принять на себя отвѣтственность и напуганъ сплетнями о замышляемомъ бѣгствѣ послѣдниковъ Константина. Тогда Маркъ Скудило рѣшился отпратье съ отрядомъ легионеровъ въ Мацеллумъ и на свой страхъ арестовать заключенныхъ, чтобы отвезти ихъ въ Цезарею, полагая, что нечего бояться двухъ несовершеннолѣтнихъ, всеми брошенныхъ спроть, ненавистныхъ императору. Этимъ смѣлымъ подвигомъ онъ надѣялся возвратить себѣ милость префекта Гельвидія, утраченную изъ-за рыжеволосой Дилибеянки.

Впрочемъ, Публію сообщилъ онъ только часть плановъ и притомъ крайне осторожно.

— Что-же ты хочешь дѣлать, Скудило? Развѣ получены какія-нибудь предписанія изъ Константинополи?

— Никакихъ предписаній. Никто ничего навѣрное не знаетъ. Но слухи, видишь-ли, тысячи различныхъ слуховъ и ожиданій, и намеки, и сedomовки, и угрозы, и тайны, о, тайнамъ вѣтъ конца!... Всякій дуракъ смѣетъ исполнить то, что сказано. А ты угадай безмолвную волю владыки!... Вотъ за что благодарятъ. Посмотримъ, попробуемъ, пощемъ. Главное смѣлѣе, смѣлѣе, осѣнивъ себя вкестнымъ знаменіемъ!... Я на тебя полагаюсь, Публій!... Можетъ быть, мы съ тобою скоро будемъ пить при дворѣ вино посланце этого...

Въ маленькое рѣшетчатое окошко падалъ углылый свѣтъ ненастнаго вечера. Однообразно шумѣлъ дождь.

Рядомъ, за толкой глиняной стѣнкой со многими щелями, былъ хлѣвъ. Оттуда пахло навозомъ. Слышалось кудаханье куръ, искъ цыплятъ и хрюканье свиней.

Молоко цѣдилось въ звонкій сосудъ: должно быть, хозяйка доила корову. Солдаты поссорившись изъ-за вынгрыша, ругались шопотомъ. У самаго пола, между новыхъ прутьевъ, чуть прикрытыхъ глиной, въ щель выглянула пѣжная и розовая морда поросенка. Онъ поналъ къ западню, къ могъ вытащить головы назадъ и жалобно пищалъ.

Публій подумалъ:

— Ну, пока что, а мы ближе къ скотному, чѣмъ царскому двору.

Тревога его прошла. Трибуну, послѣ неумѣренной болтовни, тоже было скучно. Онъ взглянулъ на сѣрое дождливое небо въ окошкѣ, на глупую морду поросенка, на кислый осадокъ сквернаго вина въ оловянномъ кубкѣ, на грязныхъ солдатъ,—и злость его изяла.

Онъ застучалъ кулакомъ по столу, качавшемуся на неровныхъ ногахъ.

— Эй, ты, мошенникъ, хриstopродавецъ, Сирофеникъ! Поди-ка сюда. Что это за вино, негодяй?

Прибѣжалъ кабатчикъ. У него были черные, какъ смоль, волосы въ мелкихъ кудрешахъ, и такая-же черная борода, даже съ синеватымъ отливомъ, тоже въ безчисленныхъ мелкихъ завиткахъ. Въ минуты супружеской вѣжлости Фортуната говорила, что борода Сирофеникса подобна гроздьямъ сладкаго винограда. Глаза у него были тоже черные и необыкновенно сладкіе. Сладчайшая улыбка не сходила съ румяныхъ губъ. Онъ походилъ на карикатуру Діониса, бога вина, и весь казался чернымъ и сладкимъ.

Кабатчикъ клялся и Моисеемъ, и Диндименой, и Христомъ, и Геркулесомъ, что вино—превосходное; но трибунъ объявилъ, что знаетъ, въ чьемъ дому недавно былъ зарѣзанъ памфилійскій купецъ Глабріонъ, и что выведетъ когда-нибудь его, Сирофеникса, на чистую воду. Испуганный армянинъ бросился со всѣхъ ногъ на погребъ и скоро съ торжествомъ вынесъ оттуда бутылку необыкновенной формы, широкую, плоскую внизу, съ толкимъ горлышкомъ, всю покрытую благородною плѣсенью и мхомъ, какъ будто сѣдую отъ старости. Сквозь плѣсень коегдѣ видѣлось стекло, но уже не прозрачное, а мутное, слегка радужное. На кипарисовомъ этикеткѣ, привѣшенномъ къ горлышку, можно было разобрать начальныя буквы: «*Anthosmium*» и дальше: «*annorum centum*». — «*столѣтнее*».

Но Сирофеникъ увѣрялъ, что уже во времена императора Діоклитіана вино было больше ста лѣтъ.

— Черное? съ благоговѣніемъ спросилъ Публій.

— Какъ деготь, и душистое, какъ амброзія... Эй, Фортуната, для этого вина нужны лѣтнія, хрустальныя чаши. И дай-ка намъ сюда чистаго, блага сѣнга изъ ледника...

Фортуната принесла два кубка. Лицо у нея было съ цвѣтомъ полнаго здоровья, съ пріятной желтоватой бѣлизной, какъ у самыхъ жирныхъ сливокъ. Казалось, отъ нея пахнетъ деревенскою свѣжестью, молокомъ и павозомъ.

Кабатчикъ взглянулъ на бутылку со вздохомъ удивленія и поцѣловалъ горлышко. Потомъ осторожно снялъ восковую печать и откупорилъ. На дно хрустальнаго кубка положили сѣнгу. Вино полилось гу-

стою, черною, пахучею струею, и сизъгъ таялъ отъ прикосновенія огненнаго антоемія, хрустальныя стѣнки сосуда помутились и запотѣли отъ холода. Тогда Скудило, получившій образованіе на мѣдные гроши (онъ былъ способенъ смѣшать Гекубу съ Гекатой), произнесъ съ гордостью единственный стихъ Марціала, который помнилъ:

«Candida nigrescant vetulo crystallae Falerno!»

— Подожди. Будетъ еще вкуснѣе...

И Сирофеникъ опустилъ руку въ глубокій карманъ, досталъ крошечный флакончикъ изъ цѣльнаго оникса, и съ чувственной улыбкой, осторожно подлилъ въ вино каплю драгоценнаго аравійскаго киннамона. Капля упала въ черную антоемію, какъ мутно-бѣлая жемчужина, и растаяла. Въ комнатѣ повѣялъ сладкій, странный запахъ.

Пока трибунъ съ восторгомъ, медленно пилъ, Сирофеникъ прищелкивалъ языкомъ и приговаривалъ:

— Виблосское, Маронейское изъ Фракіи, Лаценское изъ Хіуса, Икарійское,—все передъ этимъ дрянъ...

Темнѣло. Скудило отдалъ приказъ собираться въ путь. Легіонеры одѣли панцири, шлемы, на правую ногу желѣзный поножія, взяли щиты и конья.

Когда они вышли за перегородку Исаврекіе пастухи, похожіе на разбойниковъ, сидѣвшіе у очага, почтительно встали передъ римскимъ трибуномъ. Онъ былъ полонъ чувства собственнаго достоинства, въ головѣ шумѣло, въ жилахъ былъ огонь благороднаго панитка. На порогѣ приступилъ къ нему человекъ въ странномъ восточномъ одѣяніи, въ бѣломъ плащѣ съ красными поперечными полосами, — и съ высокимъ, многоэтажнымъ головнымъ уборомъ изъ валеной шерсти, — перепдекой тіарой, похожей на цѣлую башню. Скудило остановился. Лицо у Перса было тонкое, длинное, исхудалое, желто-оливковаго цвѣта. Узкіе прощательныя глазки—съ глубокою и хитрою мыслью. Во всѣхъ движеніяхъ чувствовалось важное спокойствіе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ бродячихъ фокусниковъ и астрологовъ, которые съ гордостью называли себя халдеями, магами, пирѣтами и математиками. Онъ тотчасъ-же объявилъ трибуну, что имя его Ногодаресъ; онъ остановился у Сирофеникса проѣздомъ; держитъ путь изъ далекой Адіабены къ берегамъ Тоническаго моря, къ знаменитому философу и теургу,—Макиму Эфесскому. Магъ попросилъ позволенія показать свое искусство и погадать на счастье трибуна.

Закрыли ставни. Персъ что-то приготавливалъ на полу. Вдругъ раздался легкій трескъ. Веѣ притихли. И красноватое пламя поднялось тонкимъ длиннымъ языкомъ изъ бѣлаго дыма, клубами наполнившаго комнату. Ногодаресъ приложилъ къ своимъ безкровнымъ губамъ тростниковую, дву-

ствольную дудочку, заигралъ, и звукъ былъ томный, жалобный, напоминавшій лидійскія похоронныя пѣсни. Пламя, какъ будто отъ этого жалобнаго звука, пожелтѣло, померкло, потомъ засвѣтилось грустно-нѣжнымъ, блѣдно-голубымъ сіяніемъ. Магъ подбросилъ въ огонь сушеной травы. Разлился крѣпкій, пріятный запахъ. Запахъ тоже казался грустнымъ: такъ благоухаютъ полузасохшія травы, въ туманные вечера, надъ мертвыми пустынями Арахозіи или Дрангіаны.

И послушная жалобному звуку двуствольной дудочки, огромная змѣя стала медленно выползати изъ чернаго ящика, у ногъ волшебника, развивая съ шелестомъ упругія кольца, блестящія металлическимъ блескомъ. Тогда онъ заплѣлъ протяжнымъ, тихимъ голосомъ, такъ что казалось, что пѣснь доносится издалека. И много разъ повторялъ все одно и то же слово: «Мара, мара, мара». Змѣя обвилась вокругъ его худого стана, и ласкаясь, съ нѣжнымъ шипѣніемъ, приблизила плоскую, зелено-чешуйчатую головку съ глазами, сверкавшими подобно карбункуламъ, къ самому уху волшебника: длинное раздвоенное жало мелькнуло со свистомъ, какъ будто она что-то сказала ему на ухо. Волшебникъ бросилъ на землю дудочку. Пламя опять наполнило комнату мутно бѣлымъ дымомъ, но на этотъ разъ съ тяжелымъ одуряющимъ, словно могильнымъ запахомъ,—и сразу потухло. Сдѣлалось темно и страшно. Вѣбъ были въ смятеніи. Но когда открыли ставни, и упалъ свинцовый свѣтъ дождливыхъ сумерекъ, отъ змѣи и отъ ея чернаго ящика не было ни слѣда. Лица казались мертвенно-блѣдными.

Ногодаресъ подошелъ къ трибуну:

— Радуйся!.. Тебя ожидаетъ великая и скорая милость блаженнаго Августа, императора Констанція...

Потомъ онъ нѣсколько мгновеній пытливо смотрѣлъ на руку Скудило, на очертанія ладони, и быстро наклонившись къ его уху, такъ что никто не могъ слышать, сказалъ шопотомъ:

— Кровь, кровь великаго цезаря на этой рукѣ!..

Скудило не на шутку испугался.

— Какъ ты смѣешь, проклятая халдейская собака?.. Я — вѣрный рабъ!..

Но тотъ почти насмѣшливо заглянулъ ему въ лицо пронизательными, хитрыми глазами и прошепталъ:

— Чего ты боишься?.. Черезъ много лѣтъ... И развѣ безъ крови бываетъ слава?

Когда солдаты вышли изъ табѣрны, уже гордость и радость наполнили сердце Скудило. Онъ подошелъ къ Св. Источнику, набожно перекрестился и выпилъ цѣлебной воды, призывая съ усердною мольбою Козьму и Дамьяна, втайнѣ надѣясь, что предеканіе Ногодареса не окажется тщетнымъ. Потомъ вскочилъ на великолѣннаго канадокій-

скаго жеребца и далъ знакъ, чтобы легіонеры выступали въ путь. Знаменоносецъ, «драконоарій», поднятъ знамя,—въ видѣ дракона, изъ пурпурной ткани. Трибуну слишкомъ хотѣлось похвастать передъ толпою, высылавшею изъ кабака Сирофеникса. Онъ зналъ, что опасно, но не могъ удержаться, охьяненный виномъ и гордостью. Протянувъ мечъ по направленію къ ущелію, покрытому туманомъ, онъ громко и гордо скомапдовалъ:

— Въ Мацеллумъ!..

Процесса шонеть удивленія; были произнесены имена Юліана и Галла.

Трубачъ, стоявшій впереди, подалъ сигналъ, затрубилъ въ мѣдную «букцину», загнутую кверху въ нѣсколько завитковъ, подобно рогу барана.

Протяжный звукъ римской трубы разнесся далеко по ущельямъ, и горное эхо повторило его.

I.

Въ огромной спальнѣ Мацеллума, бывшаго дворца каппадокійскихъ владыкъ, царилъ мракъ.

Постель десятилѣтняго Юліана была жесткая: голое дерево, прикрытое барсвоею шкурой. Мальчикъ самъ такъ хотѣлъ. Не даромъ старый учитель Мардоній, боготворившій древнюю мудрость, воспитывалъ его въ строгихъ началахъ стоической философіи.

Юліану не спалось. Вѣтеръ подымался изрѣдка, порывами и жалобно, какъ пойманный звѣрь, завывалъ въ щели. Потомъ вдругъ становилось тихо. И въ странной тишинѣ слышно было, какъ несчастья, крупныя капли дождя падали, должно быть, съ большой высоты, на звонкія каменные плиты. Юліану казалось, что въ черномъ мракѣ сводовъ онъ улавливаетъ иногда быстрое шуршаніе летучей мыши. Онъ различалъ сонное дыханіе брата, спавшаго (то былъ излѣженый и прихотливый мальчикъ) на мягкомъ ложѣ, подъ стариннымъ запыленнымъ балдахиномъ, послѣднимъ остаткомъ роскоши каппадокійскихъ царей. Въ сосѣднемъ покоѣ слышался тяжелый храпъ педагога Мардонія.

Вдругъ маленькая кованая дверца потайной лѣстницы въ стѣнѣ тихонько скринула, отворилась, и лучъ свѣта ослѣпилъ глаза Юліану. Вошла старая рабыня Лабда; она держала въ рукѣ мѣдную лампаду.

— Няня, мнѣ страшно... Не уноси огня...

Старуха поставила лампаду въ полукруглую каменную нишу надъ изголовьемъ Юліана.

— Не спишь?.. Ужъ не болитъ-ли головка?.. Хочешь поѣсть?.. Вироголодь кормить васъ старый грѣшникъ Мардоній. Медовыхъ лепешекъ принесла. Вкусныя!... Отвѣдай...

Кормить Юліана было любимымъ занятіемъ Лабды. Но днемъ не позволялъ ей Мардоній, и она приносила лакомства тайкомъ, ночью.

Лабда, полуслѣпая старуха, едва таскавшая ноги, ходила всегда въ черной монашеской одеждѣ. Ее считали Тессалійской вѣдьмой. Но она была набожной христіанкой. Самыя мрачныя, древнія и новыя суевѣрія слились въ ея головѣ въ странную религію, похожую на безуміе. Молитвы смѣшивала она съ заклинаніями, олимпійскихъ боговъ съ козлоногими бѣсами, церковные обряды съ волшебствомъ. Вся она была увѣшана крестиками, кощунственными амулетами изъ мертвыхъ костей и ладонками съ мощами святыхъ.

Старуха любила Юліана благоговѣйной и суевѣрной любовью, считая мальчика единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ императора Константина, а Констанція—убійцей и воромъ престола.

Лабда знала, какъ никто, все генеалогическое дерево, все вѣковѣчныя семейныя преданія дома Флавіевъ, помнила Юліанова дѣда, Констанція-Хлора. Кровавыя придворныя тайны хранились въ ея памяти. По почамъ старуха разсказывала Юліану все, безъ разбора. И передъ многими, чего дѣтскій умъ еще не могъ понять, сердце его уже замирало отъ смутнаго ужаса и негодованія. Съ тусклымъ взоромъ, равнодушнымъ и однообразнымъ голосомъ, разсказывала она эти страшныя, безконечныя повѣсти, какъ разсказываютъ древнія сказки.

Поставивъ лампаду, Лабда перекрестила Юліана, посмотрѣла, цѣлнула на груди его янтарный амулетъ, и произнесла нѣсколько заклинаній, чтобы отогнать злыхъ духовъ,—скрылась.

Юліанъ задремалъ тяжелымъ полусномъ. Ему было жарко, его мучили рѣдкія, тяжкія капли дождя, падавшія въ тишинѣ, съ высоты, какъ-будто въ звонкій сосудъ.

И онъ не могъ различить, спитъ-ли онъ или не спитъ, ночной-ли вѣтеръ шумитъ, или дряхлая Лабда, похожая на парку, лепечетъ и шепчетъ ему на ухо странныя семейныя преданія. То, что онъ слышалъ отъ нея и что самъ видѣлъ въ дѣтствѣ, смѣшивалось въ одинъ тягостный бредъ.

...Онъ видѣлъ трупъ великаго императора на грандіозномъ катафалкѣ. Мертвецъ нарумяненъ и набѣленъ, хитрая многоэтажная прическа изъ фальшивыхъ волосъ сдѣлана искусными парикмахерами. Маленькаго Юліана подводятъ, чтобы въ послѣдній разъ онъ поцѣловалъ руку дяди. Ребенку страшно, онъ ослѣпленъ пурпуромъ, діадемой на фальшивыхъ кудряхъ и великолѣпнымъ драгоценнымъ камнемъ, блестящимъ при погребальныхъ свѣчахъ. Сквозь тяжелыя арабійскія благовонія, первый разъ въ жизни слышитъ онъ запахъ смерти, запахъ тлѣнія. Но придворные, епископы, евнухи, военачальники привѣтствуютъ императора, какъ живого, послы передъ нимъ преклоняются и благо-

дарятъ его, соблюдая пышный этикетъ, чиновники провозглашаютъ эдикты, законы, постановленія сената, испрашиваютъ соизволенія мёртвеца, какъ-будто онъ можетъ еще слышать, и лѣтливый шопотъ проносится надъ толпой: люди увѣряютъ, что онъ такъ великъ, что, по особой милости Провидѣнія, одинъ только царствуетъ и послѣ смерти.

Мальчикъ знаетъ, что онъ убилъ своего сына. Вся вина молодого героя была въ томъ, что народъ слишкомъ любилъ его. Сынъ былъ оклеветанъ мачихой, она полюбила пасынка грѣшной любовью и отомстила ему, какъ Федра Иннолиту. Потомъ оказалось, что жена Кесаря въ преступной связи съ однимъ изъ рабовъ, состоявшихъ при императорской конюшнѣ, и ее задушили въ раскаленной банѣ. Пришла очередь и благороднаго Лицинія. Трунъ на трунѣ, жертва за жертвой... Монархъ, мучимый совѣстью, молилъ объ очищеніи іерофантовъ языческихъ мистерій, — ему отказали. Тогда епископъ Озіи увѣрилъ его, что у одной только религіи есть таинства, способныя очистить и отъ такихъ преступленій. И вотъ пышный «лабарумъ», знамя съ монограммой Христа изъ драгоценныхъ камней, сверкаетъ теперь надъ катафалкомъ сыноубійцы...

...Юліанъ хотѣлъ проснуться, открыть глаза и не могъ. Звонкія капли непрежнему падали, какъ тяжелыя, рѣдкія слезы, и вѣтеръ шумѣлъ, но ему казалось, что шумитъ не вѣтеръ, а Лабда, старая парка, шепчетъ, лепечетъ ему на ухо беззубыми устами страшныя сказки о домѣ Флавіевъ.

Юліану снится, что онъ въ холодной сырости, рядомъ съ порфировыми саркофагами, наполненными прахомъ царей, въ подземельѣ, родовомъ скленѣ Констанціи Хлора. Лабда укрываетъ его и прячетъ въ самый темный уголь, между гробами, и укутываетъ больного Галла, дрожащаго отъ лихорадки. Вдругъ, наверху, во дворцѣ, изъ покоя въ покой, подъ каменными сводами гулкихъ, пустынныхъ аркадъ, раздается предсмертный вопль. Юліанъ узнаетъ голосъ отца, хочетъ отвѣчать крикомъ и броситься къ нему. Но Лабда удерживаетъ ребенка костлявыми руками и шепчетъ: «молчи, молчи, а то придутъ!..» — и закрываетъ его съ головой. Потомъ раздаются торопливые шаги по лѣстницѣ, все ближе, ближе. Лабда креститъ мальчиковъ и шепчетъ заклинанія. Стукъ въ дверь, — и при свѣтѣ факеловъ, врываются воины Кесаря: они переодѣты монахами. Ихъ ведетъ епископъ Евсевій Никомедійскій. Панцири сверкаютъ подъ черными рясами. «Во имя Отца и Сына и Св. Духа! Отвѣчайте, — кто здѣсь?» Лабда съ дѣтскими пригласилась въ углу. И опять раздается: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, — кто здѣсь?» И еще въ третій разъ. Потомъ съ обнаженными мечами убійцы шарятъ по угламъ. Лабда кидается къ ногамъ ихъ, показываетъ больного Галла, безпомощнаго Юліана: «Побойтесь Бога! Что мо-

жетъ сдѣлать императору пятилѣтній младенецъ?..» И воины всѣхъ тронихъ заставляють цѣловать крестъ въ рукахъ Евсевія и присягнуть новому императору. Юліанъ помнитъ большой кипарисовый крестъ съ эмалью, изображающей Спасителя: внизу, на темномъ старомъ деревѣ, видны слѣды свѣжей крови, обогрѣнной руки убійцы, державшаго крестъ. Можетъ быть это—кровь отца его или одного изъ шести двоюродныхъ братьевъ,—Далматія, Аннибаліана, Непотіана, Константина Младшаго, или другихъ. Черезъ семь труповъ братоубійца перешагнуль, чтобы вступитъ на престолъ, и все совершилось во имя Распятаго на крестѣ. И еще, и еще—много жертвъ, которыхъ и перечислить, и вспомнить нельзя...

Юліанъ проснулся отъ ужаса и отъ тишины. Звонкія, рѣдкія капли перестали падать. Вѣтеръ затихъ. Лампада, не мерцая, горѣла въ нишѣ неподвижнымъ, тонкимъ и длиннымъ языкомъ. Онъ вскочилъ на постели, прислушиваясь къ ударамъ собственного сердца. Тишина была мертвая и невыносимая.

Вдругъ, внизу раздались громкіе голоса и шаги, изъ покоя въ покой, подъ каменными сводами гупкихъ, пустынныхъ аркадъ, здѣсь, въ Мацеллумѣ, какъ тамъ, въ гробницѣ Флавіевъ. Юліанъ вздрогнулъ, ему показалось, что онъ все еще бредитъ. Шаги приближались, голоса становились явственнѣй. Тогда онъ закричалъ:

— Братъ!.. Братъ!.. Ты спишь?.. Мардоній!.. Развѣ вы не слышите?..

Галлъ проснулся. Мардоній, босой, съ растрепанными сѣдыми волосами, въ ночной коротенькой туникѣ, евнухъ съ морщинистымъ, желтымъ и одутловатымъ лицомъ, похожій на старую бабу,—бросился къ потайной двери.

— Солдаты префекта!.. Одѣвайтесь скорѣй!.. Надо бѣжать...

Но было поздно. Послышался лягъ желѣза. Маленькую кованую дверь запирали снаружи. На каменныхъ столбахъ большой лѣстницы мелькнуль свѣтъ факеловъ, и въ немъ—пурпурное знамя драконнарія и блестящій крестъ съ монограммой Христа на шлемѣ одного изъ легионеровъ.

— Именемъ правовѣрнаго и блаженнаго Августа, императора Констанція,—я, Маркъ Скудило, трибунъ легиона Фретензисъ, беру подъ стражу Юліана и Галла, сыновей патриція Юлія.

Мардоній, съ мечомъ въ рукахъ, стоялъ, преграждая путь солдатамъ, передъ закрытой дверью спальни, въ самой воинственной позѣ. Мечъ былъ тупой, никуда негодный. Онъ служилъ старому педагогу только для того, чтобы во время уроковъ Иліады показывать ученикамъ, на живомъ примѣрѣ, въ классическихъ позахъ, какъ сражался Гекторъ съ Ахилломъ. Школьный Ахиллъ едва ли бы сумѣлъ за-

рѣзати и курицу. Теперь онъ размахивалъ тупымъ мечомъ передъ посохъ Публія, но вѣвъ правиламъ воениаго искусства время Гомера. Публія, который былъ пьянъ, это взбѣсило:

— Прочь съ дороги, пузырь, старая падалъ, раздувальнй мѣхъ! Прочь, если не хочешь, чтобы я проткнулъ и выпустилъ изъ тебя воздухъ!..

Онъ схватилъ за горло Мардонія и отбросилъ его далеко, такъ, что тотъ ударился о стѣну и едва не упалъ. Скудило подбѣжалъ къ дверямъ спальни и распахнулъ ихъ.

Неподвижное пламя мѣдной лампы всколыхнулось и поблѣднѣло въ красномъ свѣтѣ факеловъ.

И трибунъ первый разъ въ жизни увидѣлъ двухъ послѣднихъ потомковъ Констанція Хлора. Галль казался высокимъ и крѣпкимъ. Но кожа у него была тонкая, блѣлая и матовая, какъ у молодой дѣвушки. Глаза свѣтло-голубые, лѣживые и равнодушные. Бѣлорурье, какъ лепъ—(общій знакъ Константинова рода), вьющіеся волосы покрывали мелкими кудрями толстую, здоровую шею. Несмотря на возмужалость тѣла и на легкій пухъ начинающейея бороды, восемнадцатилѣтній Галль казался теперь мальчикомъ: такое наивное недоумѣніе и ребяческій ужасъ были на лицѣ его. Губы дрожали, какъ у маленькихъ дѣтей, когда они готовы заплакать, и онъ мигалъ безпомощно вѣками, розовыми, опухшими отъ сна, съ очень свѣтлыми рѣсницами и торопливо крестясь шепталъ: «Господи помилуй, Господи помилуй».

Юліанъ былъ ребенкомъ тощимъ, худенькимъ и блѣднымъ. Лицо некрасивое и неправильное. Волосы жесткіе, гладкіе и черные. Носъ слишкомъ большой. Нижняя губа выдающаяся. Но поразительны были глаза его, дѣлавшіе лицо однимъ изъ тѣхъ, которыхъ, разъ увидѣвъ, нельзя забыть,—большіе, странные, измѣнчивые, съ недѣтскимъ, напряженнымъ и болѣзненно-яркимъ блескомъ, который иногда казался сумасшедшимъ. Публій, много разъ видѣвшій въ молодости Константина Великаго, подумалъ:

— Этотъ мальчишка будетъ похожъ на дядю.

Страхъ Юліана передъ солдатами печезъ. Онъ чувствовалъ только злобу. Крѣпко стиснувъ зубы, перекинувъ черезъ плечо барсовую шкуру съ постели, онъ смотрѣлъ на Скудило пристально, изъ подлобья, и нижняя выдающаяся губа его дрожала. Въ правой рукѣ, подъ барсовой шкурой, онъ сжималъ рукоятку тонкаго, персидскаго кинжала, тайно подареннаго ему Лабдой. Остріе было отравлено опаснымъ ядомъ.

— Волченокъ!..—молвилъ одинъ изъ легионеровъ, указывая на Юліана своему товарищу.

Скудило хотѣлъ уже переступить порогъ спальни, когда у Мардонія явилась новая, спасительная мысль. Онъ отбросилъ бесполезный

мечъ, уцѣпился за платье трибуна, и вдругъ завопилъ пронзительнымъ, неожиданно-тонкимъ бабьимъ голосомъ:

— Что вы дѣлаете, негодяи!.. Какъ смѣете оскорблять посланнаго императоромъ Констанціемъ? Миѣ поручено отвезти ко двору этихъ царственныхъ отроковъ. Августъ возвратилъ имъ свою милость! Вотъ приказъ изъ Константинополя...

— Что онъ говорить?.. Какой приказъ?..

Скудило взглянулъ на Мардонія. Морщинистое, старушечье лицо свидѣтельствоваало о томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ евнухъ. Трибунъ никогда раньше не видѣлъ Мардонія, но хорошо зналъ, въ какой милости евнухи при дворѣ императора.

Мардоній поспѣшно вынулъ изъ глубокаго библиотечнаго ящика, съ пергаментными свитками Гезіода и Гомера, свертокъ и подалъ его трибуну.

Скудило, развернувъ, поблѣднѣлъ. Онъ прочелъ только первыя слова, увидѣлъ имя императора, называвшаго себя въ эдиктѣ «наша вѣчность» (*nostra aeternitas*), и не разобралъ ни года, ни мѣсяца. Когда трибунъ замѣтилъ при сверткѣ огромную, хорошо ему знакомую государственную печать изъ темно-зеленаго воску на позолоченныхъ тесемкахъ, въ глазахъ у него помутилось. Онъ чувствовалъ, что колѣни подгибаются.

— Прости!.. Это ошибка!..

— Ахъ, вы бездѣльники!.. Прочь отсюда, чтобы духу вашего не было!.. Еще пьяны! Все будетъ извѣстно императору!..

Мардоній поскорѣе вырвалъ изъ дрожащихъ рукъ Скудило бумагу.

— Не губи меня!.. Всѣ мы—братья, всѣ мы—грѣшныя люди... Умоляю тебя именемъ Христа!

— Знаю, знаю, что вы дѣлаете именемъ Христа, негодяи!.. Прочь отсюда!

Блѣдный трибунъ подалъ знакъ отступленія. Тогда Мардоній снова поднималъ тупой мечъ и, размахивая имъ, сталъ въ классическую позу древняго воина. Одинъ только пьяный центуріонъ рвался къ нему и кричалъ:

— Пустите, пустите! Я проткну его и посмотрю, какъ лопнетъ Старый пузырь!..

Пьянаго увели подъ руки.

Когда шаги умолкли, и Мардоній убѣдился, что опасность миновала, онъ громко захохоталъ. Все его дряблое, женоподобное тѣло колыхалось отъ смѣха. Старикъ забылъ важность, приличную педагогу, и въ ночной туникѣ подпрыгивалъ на своихъ слабыхъ, голыхъ ногахъ, крича отъ восторга:

— Дѣти мои, дѣти! Хвала Гермесу! Ловко мы ихъ провели!.. Эдиктъ уже три года какъ отмѣненъ. Дураки, дураки!..

Передъ солнечнымъ восходомъ Юліанъ успуль крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ. Онъ проснулся поздно, бодрый и веселый, когда блѣдно-голубое небо сіяло въ рѣшетчатомъ высокомъ окнѣ снами.

III.

Утромъ былъ урокъ катехизиса. Богословіе преподавалъ другой учитель, аріанскій пресвитеръ, съ руками вѣчно мокрыми, холодными и костлявыми, съ уныло-свѣтлыми, лягушечьими глазами, сгорбленный и высокой какъ шесть, худой какъ щетка, монахъ Евтропій. У него была непріятная привычка, тихонько лизнувъ ладонь руки, быстро приглаживать ею облѣзлые, сѣденькіе височки и непременно тотчасъ-же послѣ этого, вкладывая пальцы въ пальцы, слегка пощелкивать суставами. Юліанъ зналъ, что за однимъ движеніемъ неминуемо послѣдуетъ другое, и это его мучительно раздражало. Евтропій носилъ черную рясу, заплатанную, со многими пятнами, увѣряя, что носитъ плохую одежду изъ смиренія; на самомъ дѣлѣ онъ былъ скряга.

Евсевій Никомедійскій, духовный опекунъ Юліана, избралъ этого наставника.

Монахъ подозрѣвалъ въ своемъ маленькомъ питомцѣ «тайную строитивость ума», которая, по мнѣнію учителя, грозила Юліану вѣчною погибелю, если онъ не исправится.

И Евтропій неумоимо говорилъ о тѣхъ чувствахъ, которыя ребенокъ обязанъ питать къ своему благодѣтелю, императору Констанцію. Объяснялъ-ли онъ текстъ Новаго Завѣта или аріанскій догматъ, или пророческую аллегорію,—все сводилось къ этой цѣли, къ этому «корню святого послушанія и синовней покорности». — Казалось, религія смиренія и любви, мученическія жертвы—только рядъ ступеней, по которымъ тріумфаторъ Констанцій восходитъ на престолъ. Но иногда, въ то время, какъ аріанскій монахъ говорилъ о благодѣяніи императора, оказавшемъ ему, Юліану, мальчикъ смотрѣлъ прямо въ глаза учителю глубокимъ и молчаливымъ взоромъ. Онъ зналъ, что въ это мгновеніе думаетъ монахъ, такъ-же, какъ тотъ зналъ, что думаетъ ученикъ. И они объ этомъ не говорили ни слова.

Но послѣ того,—если Юліанъ останавливался, забывъ какой-нибудь текстъ, или перечисленіе именъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ, или плохо выученную молитву,—Евтропій, молча, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него своими лягушечьими глазами и тихонько бралъ его за ухо двумя пальцами, какъ-будто лаская. Ребенокъ чувствовалъ какъ медленно вшивались въ его ухо два острыхъ, жесткихъ ногтя. Евтропій, несмотря на видимую угрюмость, обладалъ насмѣшливымъ и по своему веселымъ правомъ. Онъ давалъ ученику самыя нѣжныя названія: «дорогой мой»,

«первенецъ души моеи», «возлюбленный сынъ мой», и посмѣвался надъ его царственнымъ происхожденіемъ. Каждый разъ, ушпнувъ за ухо, когда Юліанъ блѣднѣлъ не отъ боли, а отъ злости, Евтропій произносилъ подобострастно:

— Не изволить-ли гнѣваться твое величество на смиреннаго и худоумнаго раба Евтропія?..

И лизнувъ ладонь, приглаживалъ свои височки, и слегка потрескивалъ пальцами, прибавляя, что злыхъ и лѣнивыхъ мальчишковъ хорошо, очень-бы хорошо иногда поучить лозою, что объ этомъ даже упоминается въ Священномъ Писаніи, что лоза темный и строптивый умъ весьма просвѣщаетъ. Говорилъ онъ это только для того, чтобы смирить «бѣсовскій духъ гордыни» въ Юліанѣ: мальчикъ зналъ, что Евтропій не посмѣетъ исполнить угрозу; да и самъ монахъ былъ втайнѣ убѣжденъ, что ребенокъ скорѣе умретъ, чѣмъ позволить себя высѣчь. И все-таки учитель по-часту и по-долгу говорилъ объ этомъ.

Въ концѣ урока, при объясненіи какого-то текста, Юліану случилось заикнуться объ антиподахъ, о которыхъ онъ слышалъ отъ Мардонія. Можетъ быть, Юліанъ сдѣлалъ это нарочно, чтобы взбѣсить монаха. Но тотъ разсмѣялся тоненькимъ разсыпчатымъ смѣхомъ, тщательно закрывая ротъ ладонью.

— И отъ кого ты только слышалъ, дорогой мой, объ антиподахъ?.. Ну, насмѣшилъ ты меня, грѣшнаго, насмѣшилъ! Знаю, знаю, у стараго глупца Платона кое-что о нихъ говорится. И ты такъ и повѣрилъ, что люди вверхъ ногами ходятъ!..

Евтропій сталъ обличать безбожную ересь философовъ. Не постыдно-ли думать, что люди, созданные по образу и подобію Божію, ходятъ на головахъ, издѣваясь, такъ сказать, надъ твердью небесной? Когда же Юліанъ, обиженный за любимыхъ мудрецовъ, упомянулъ о сферичности земли, Евтропій вдругъ пересталъ смѣяться и пришелъ въ такую ярость, что весь побагровѣлъ и затопалъ ногами.

— Отъ Мардонія, отъ язычника ты послушался богопротивной лжи!

Когда онъ сердился, то говорилъ запинаясь и брызгая слюною. Слюна эта казалась Юліану ядовитой. Монахъ съ ожесточеніемъ напалъ на всѣхъ мудрецовъ Эллады. Онъ забылъ, что передъ нимъ ребенокъ, и говорилъ уже серьезно цѣлую проповѣдь, задѣтый Юліаномъ за слишкомъ большое мѣсто. Старика Пноагора, «выжившаго изъ ума», онъ обвинялъ въ безстыдной дерзости. Ему казалось, что о бредняхъ Платона и говорить не стоитъ. Онъ просто называлъ ихъ «омерзительными», ученіе Сократа «безразсуднымъ».

— Почитай-ка о Сократѣ у Діогена Лаэртія, — сообщалъ онъ Юліану злорадно, — найденъ, что онъ былъ ростовщикомъ, да кромѣ

того, зацпталъ себя гнуснѣйшими пороками, о коихъ и говорить-то неприветливо.

Но особенную ненависть возбуждалъ въ немъ Эпикуръ:

— Я не считаю сего и стоящимъ отвѣта. Скотство, съ какимъ онъ погружался во все роды похотей, и низость, съ какою дѣлался рабомъ чувственныхъ удовольствій, довольно показываютъ, что онъ былъ не человѣкъ, а скотъ!..

Немного успокоившись, онъ принялся объяснять какой-то неудовимый схоластическій отъѣнокъ арианскаго догмата, съ такой-же яростью нападавая на ортодоксальную, вселенскую церковь, которую Евтропій называлъ еретической.

Въ окно, изъ роскошнаго запущеннаго сада, вѣяло свѣжестью. Юліанъ дѣлалъ видъ, что внимательно слушаетъ Евтропія. На самомъ дѣлѣ, онъ думалъ о другомъ, онъ думалъ о своемъ любимомъ учителѣ Мардоніи, вспоминалъ его мудрыя бесѣды, чтенія Гомера и Гезіода. Какъ они были не похожи на уроки монаха!

Мардоній не читалъ, а пѣлъ Гомера, по обычаю древнихъ раскодовъ, Лаба смѣялась, что онъ «воетъ, какъ песъ на луну». И въ самомъ дѣлѣ, непривычнымъ людямъ было сначала смѣшно. Старый внухъ тщательно скандировалъ каждую стопу гекзаметра, размахивая въ тактъ руками, и торжественная важность была на желтомъ, морщинистомъ лицѣ его. Но тоневкій, бабій голосокъ становился все громче и громче. Юліанъ не замѣчалъ уродства старика и видѣлъ только живую, страстную душу, взволнованную великой красотой. Холодъ наслажденія пробѣгалъ по его спинѣ. Божественные гекзаметры переливались и шумѣли какъ волны. Онъ видѣлъ прощаніе Андромахи съ Гекторомъ, Одисея тоскующаго по своей Итакѣ, на островѣ Калипсо, передъ унылымъ пустыннымъ моремъ. И сердце Юліана щемила сладкая боль, тоска по милой, вѣчно-прекрасной Элладѣ, родинѣ боговъ, родинѣ всехъ, кто любитъ красоту. Слезы дрожали въ голосѣ учителя, слезы текли по его желтымъ щекамъ.

Иногда Мардоній говорилъ мальчику о мудрости, о суровой добродѣтели, о смерти героевъ за свободу. О, какъ и эти рѣчи были непохожи на рѣчи Евтропія! Мардоній рассказывалъ ему жизнь Сократа. Когда доходилъ до Аполоніи передъ аонскимъ народомъ, учитель вскакивалъ, становился въ торжественную позу и декламировалъ наизусть рѣчь философа. Лицо его дѣлалось спокойнымъ и немного презрительнымъ. Казалось, что говорить не подсудимый, а судья народа. Сократъ не просить милости. Вся власть, все законы государства — ничто передъ свободой духа человѣческаго. Аоняне могутъ умертвить его, но никогда не отнимутъ свободы и счастья у его безсмертной души. И когда этотъ спящъ, варваръ, бывшій купленный рабъ съ береговъ

Бориссена, громко произносила «свобода!»—Юліану казалось, что въ этомъ словѣ такая нечеловѣческая красота, что передъ ней блѣднѣютъ даже образы Гомера, и смотря широко открытыми, почти безумными глазами на учителя, онъ весь дрожалъ и холодѣлъ отъ восторга...

Мальчикъ проснулся отъ грезъ, почувствовавъ прикосновеніе къ уху костлявыхъ, холодныхъ пальцевъ. Урокъ катехизиса кончился. Ставъ на колѣни, онъ прочелъ благодарственную молитву.

Потомъ, вырвавшись отъ Евтропія, поскорѣ побѣжалъ къ себѣ въ комнату, взялъ книгу и направился въ любимый уголокъ сада, чтобы читать на свободѣ. Книга была запретная, *Симпозионъ* богохульнаго и нечестиваго Платона. На лѣстницѣ Юліанъ печально столкнулся съ ухидившимъ Евтропіемъ.

— Подожди, подожди-ка, дорогой мой! Что это за книжечка у твоего величества?

Юліанъ взглянулъ на него спокойно и подаль книгу.

На пергаментномъ переплетѣ Евтропій прочелъ заглавіе большими буквами «Посланія Апостола Павла». Онъ отдалъ, не развернувъ.

— Ну, то-то-же... Помни, я за твою душу отвѣчаю передъ Богомъ и передъ великимъ государемъ. Не читай еретическихъ книжекъ, въ особенности-же тѣхъ философовъ, суетную мудрость коихъ я сегодня довольно обличилъ.

Это была обычная хитрость мальчика. Онъ завертывалъ опасныя книги въ переплеты съ невинными заглавіями. Юліанъ научился лицемерить съ дѣтства съ недѣтскимъ совершенствомъ. Онъ обманывалъ съ наслажденіемъ, въ особенности-же Евтропія. Иногда притворялся, хитрилъ и лицемерилъ, безъ особенной нужды, по привычкѣ, съ чувствомъ злобной и метительной радости, обманывалъ всѣхъ, кромѣ Мардонія.

Въ Мацеллумѣ, между безчисленными праздными слугами и служанками, не было конца интригамъ, клеветамъ, сплетнямъ, подозрѣніямъ, доносамъ. Вся эта грязная придворная челядь, надѣясь выслужиться, днемъ и ночью слѣдила за царственными братьями, попавшимъ въ немилость. Съ тѣхъ поръ, какъ Юліанъ себя помнилъ, онъ ждалъ смерти со дня на день, и мало-по-малу почти привыкъ къ вѣчному страху, зналъ, что ни въ домѣ, ни въ саду не можетъ сдѣлать ни одного шага, ни одного движенія, которое ускользнуло-бы отъ тысячи любопытныхъ, невидимыхъ глазъ. Ребенокъ многое слышалъ, многое понималъ, но поневолѣ долженъ былъ дѣлать видъ, что не слышитъ и не понимаетъ. Однажды къ нему донеслось нѣсколько словъ бесѣды Евтропія съ подосланнымъ отъ Констанція шпиономъ, въ которой монахъ называлъ Юліана и Галла «царственными щенятами». Въ другой разъ, въ галереѣ, подъ окнами кухни, мальчикъ печально

подслушать, какъ старый пьяница поварь, раздраженный какой-то дерзостью Галла, говорилъ своей любовницѣ, рабинѣ, перемывавшей грязную посуду: «Господь да сохранить мою душу, Присцилла, — но я только удивляюсь, какъ это ихъ еще не придушили!..»

Когда Юліанъ, послѣ урока катехизиса, выбѣжалъ изъ дома и увидѣлъ зелень деревьевъ, онъ вздохнулъ свободнѣе.

Вѣчные свѣта двуглавой вершины Аргея бѣлѣли на голубомъ небѣ. Отъ близкихъ ледниковъ вѣяло прохладой. Аллеи уходили въ даль непропиаемыми сводами южныхъ «каменныхъ» дубовъ, съ мелкими блестящими, черно-зелеными листьями; кое-гдѣ прорывался лучъ и трепеталъ на зелени платановъ. Только съ одной стороны сада не было свѣта. Тамъ онъ кончался обрывомъ. Внизу распростиралась мертвая пустыня до самаго горизонта, до Антитавра. Она дышала зноемъ, а въ саду шумѣли прохладныя воды, низвергались съ грохотомъ, били фонтанами, лепетали струйками подъ кущами олеандровъ. Мацеллумъ, столѣтъя тому назадъ, былъ любимымъ пріютомъ роскошнаго и подубезумнаго царя Каппадокіи, Аріарафа.

Юліанъ, съ книгой Платона, направился въ уединенный гротъ, недалеко отъ обрыва. Тамъ стоялъ козлоногій Панъ, играющій на флейтѣ, и маленькій жертвенникъ. Въ каменную раковину струилась вода изъ львиной пасти. Входъ былъ затканъ чайными розами. Между ними видѣлись холмы пустыни, туманно-голубые, волнообразные, какъ море. Запахъ чайныхъ розъ наполнялъ пещеру, и въ ней было-бы душно, если-бы не ледяная струйка. Вѣтеръ приносилъ желто-бѣлые лепестки, усыпалъ ими землю, воду бассейна, и слышно было жужжаніе пчелъ въ темномъ, тепломъ воздухѣ.

Юліанъ, лежа на мху, читалъ «Пиръ». Онъ многого не понималъ. Но прелесть книги была въ томъ, что она — запретная.

Отложивъ Платона, онъ опять завернулъ его въ переплетъ «Посланий Апостола Павла», тихонько подошелъ къ жертвеннику Пана, взглянулъ на веселаго бога, какъ на стараго сообщника, и, разрывъ груды сухихъ листьевъ, досталъ изъ внутренности жертвенника, проломаннаго и прикрытаго тоненькой дощечкой, предметъ, старательно завернутый тканью. Осторожно развернувъ, мальчикъ поставилъ его передъ собой. Это было его созданіе, великолѣпный игрушечный корабль, «либуриякая трирема». Онъ подошелъ къ бассейну и опустил корабль въ воду. Трирема закачалась на маленькихъ волнахъ.. Все готово, — три мачты, снасти, весла, носъ позолоченъ, паруса — изъ шелковой тряпочки, подаренной Лабдой. Оставалось придѣлать руль, и мальчикъ принялся за работу. Стругая дощечку, онъ изрѣдка поглядывалъ на даль, сквознившую между розами, на волнообразные холмы. И надъ своимъ игрушечнымъ кораблемъ скоро забылъ онъ всѣ обиды, всю свою ненависть и вѣчный страхъ

смерти. Въ этомъ гротѣ онъ воображалъ себя затеряннымъ гдѣ-то среди волнъ, въ пустынной пещерѣ, высоко надъ моремъ, хитроумнымъ Одисеемъ, строящимъ корабль, чтобы вернуться на милый островъ Итаку. Но тамъ, среди холмовъ, гдѣ бѣлѣли крыши Цезарей, какъ пѣна на стоящемъ моря, крестъ, маленькій блестящій крестъ надъ базиликой, мѣшалъ ему. Этотъ вѣчный крестъ! Онъ старался не видѣть, утѣшаясь триремой.

— Юліанъ!.. Юліанъ!.. Да гдѣ-же онъ? Въ церковь пора! Евтропій зоветъ тебя въ церковь!..

Мальчикъ вздрогнулъ и поспѣшно спряталъ трирему въ отверетіе жертвенника.

Потомъ поправилъ волоса, одежду, и когда онъ выходилъ изъ грота, лицо его снова приняло непроницаемое и недѣтское выраженіе глубокаго лицемѣрія, словно жизнь отъ него отлетѣла.

Евтропій, держа за руку Юліана своей холодной, костлявой рукой, повелъ его въ церковь.

IV.

Аріанская базилика Св. Маврикія была почти цѣликомъ построена изъ камней разрушеннаго храма Аполлона.

Священный дворъ, такъ называемый «атріумъ», окружали съ четырехъ сторонъ колоннады. По срединѣ журчалъ фонтанъ для омовенія молящихся. Въ одномъ изъ боковыхъ портиковъ была древняя гробница изъ рѣзнаго потемнѣвшаго дуба. Въ гробницѣ покоились чудотворныя мощи Св. Мамы. Евтропій заставлялъ Юліана и Галла строить каменную раку надъ мощами. Работа Галла, который считалъ ее пріятнымъ атлетическимъ упражненіемъ, подвигалась. Но стѣнка Юліана то и дѣло рушилась. Евтропій объяснялъ это тѣмъ, что Св. Мама отвергаетъ даръ мальчика, одержимаго духомъ бѣсовской гордости.

Около гробницы толпились больные, ждавшіе исцѣленія. Юліанъ зналъ, зачѣмъ они приходятъ. У одного аріанскаго монаха были въ рукахъ вѣсы. Богомольцы, — многіе изъ далекихъ деревень, отстоявшихъ на нѣсколько парасарговъ, — тщательно взвѣшивали куски льняной, шелковой или шерстяной ткани, и положивъ ихъ на гробъ св. Мамы, молились по-долгу, иногда цѣлую ночь до утра. Потомъ, ту-же ткань снова взвѣшивали, чтобы сравнить съ прежнимъ вѣсомъ. Если ткань была тяжелѣе, значитъ, молитва исполнена, благодать святого вошла, подобно ночной росѣ, выпала въ шелкъ, ленъ или шерсть, и теперь ткань могла исцѣлять недуги. Но часто молитва оставалась неуслышанной, ткань не тяжѣла, и богомольцы проводили у гроба дни, недѣли, мѣсяцы. Здѣсь была одна бѣдная женщина, нѣкая старица Θεодула: одни считали ее полоумной, другіе святой. Она уже цѣлыя годы не отходила отъ гроб-

ницы Мамы. Больная дочь, для которой странница сначала просила исцеления, давно умерла, а Феодула по-прежнему молилась о кусочекъ полинявшей, истрепанной ткани.

Изъ атриума три двери вели въ аріанскую базилику: одна — въ мужское отдѣленіе—«андропъ», другая въ женское — «матронікіонъ», третья—въ отдѣленіе для монаховъ и клира.

Вмѣстѣ съ Галломъ и Евтропіемъ, Юліанъ вошелъ въ среднюю дверь. Онъ былъ «анагностомъ» у Св. Маврикія, т. е. церковнымъ чтецомъ. Его облекала длинная черная одежда съ широкими рукавами. Волосы, умащенные елеемъ, придерживались тоненькой тесьмой, для того чтобы при чтеніи не падали на глаза. Онъ прошелъ среди народа, скромно потупившись. Блѣдное лицо, почти произвольно, принимало выраженіе лицемѣрнаго, необходимаго, давно привычнаго смиренія.

Онъ взошелъ на высокій аріанскій амвонъ.

Фрески на одной изъ стѣнъ изображали мученическій подвигъ Св. Евоніи. Палачъ схватилъ голову страдальцы и держалъ ее откинутаю назадъ, неподвижно. Другой, открывъ ротъ щипцами, приближалъ къ ея горлу чашу, должно быть, съ расплавленнымъ свинцомъ. Рядомъ изображена была другая сцена мукъ. Та-же Евонія привѣшена къ дереву за руки, и палачъ стругаетъ орудіемъ пытки ея окровавленные, почти дѣтскіе члены.

Подъ фресками была надпись: «Кровью мучениковъ, Господи, церковь твоя украшается, какъ багрянцею и виссономъ».

На противоположной стѣнѣ были изображены грѣшники, пылающіе въ аду. Наверху видѣлся рай со святыми угодиками; одинъ изъ нихъ срываетъ румяный плодъ съ адемскаго дерева, другой пѣлъ, играя на гусяхъ, а третій наклонился, опираясь на облако, и смотрѣлъ на адскія муки съ тихой улыбкой.

Внизу была надпись: «тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовой».

Больные отъ гроба Мамы вошли въ церковь. Это были хромые, слѣпые, калѣки, разслабленные, дѣти на костыляхъ, похожіе на стариковъ, бѣсноватые, юродивые, блѣдныя лица съ воспаленными вѣками, съ выраженіемъ тупой и безнадежной покорности. Когда хоръ умолкалъ, въ тишинѣ слышались сокрушенныя воздыханія церковныхъ вдовъ — «калогрій», въ темныхъ одеждахъ, или позвякиваніе веригъ старца Памфила. Въ продолженіе многихъ лѣтъ, Памфилъ ни съ однимъ человекомъ не молвилъ слова и только повторялъ: «Господи! Господи! дай мнѣ слезы, дай мнѣ умиленіе, дай мнѣ память смертную!»

Воздухъ былъ теплый, какъ въ склепѣ, — тяжелый, пропитанный ладаномъ, запахомъ воска, гарью лампадъ, дыханіемъ всѣхъ этихъ больныхъ.

Въ тотъ день Юліанъ долженъ былъ читать Апокалипсисъ.

Проносились страшные образы Откровения. Вотъ блѣдный конь въ облакахъ, имя которому Смерть. Племена земныя тоскуютъ, предчувствуя кончину міра. Солнце мрачно, какъ власяница, и луна сдѣлалась какъ кровь. Люди говорятъ горамъ и камнямъ: падите на насъ и сокройте насъ отъ лица, сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца. Ибо пришелъ великій день гнѣва его, и кто можетъ устоять?

Повторялись пророчества: «Люди будутъ искать смерти и не найдутъ ея; пожелаютъ умереть и смерть убѣжитъ отъ нихъ».

Раздавался вопль: «блаженны мертвые!» Это было кровавое избіеніе народовъ. Виноградъ брошенъ въ великое точило гнѣва Божія, и ягоды истошаны, и потекла кровь изъ точила даже до уздъ конскихъ, на тысячу шесть сотъ стадій.

«И люди проклинали Бога небеснаго отъ страданій своихъ и язвъ своихъ; и не раскаялись въ дѣлахъ своихъ. И Ангель возопшъ: кто поклоняется Звѣрю и образу его, тотъ будетъ пить вино ярости Божіей, вино цѣльное, приготовленное въ чашѣ гнѣва Его, и будетъ мучимъ въ огнѣ и сѣрѣ, передъ святыми Ангелами и Агнцемъ. И дымъ мученій ихъ будетъ восходить во вѣки вѣковъ и не будетъ имѣть покоя ни днемъ, ни ночью поклоняющийся Звѣрю и образу его».

Юліанъ умолкъ. Въ церкви была тишина. Въ испуганной толпѣ слышались только тяжелыя вздохи, удары головой о плиты, и звяканья цѣпей юродиваго: «Господи! Господи! Дай мнѣ слезы, дай мнѣ умиленія, дай мнѣ память смертную!»

Мальчикъ взглянулъ наверхъ, на огромный полукругъ мозаики между столбами аркады. Это былъ *аріанскій* образъ Христа, грозный, темный, исхудалый ликъ въ золотомъ ореолѣ и діадемѣ, уже похожей на діадему византійскихъ императоровъ, почти старческаго, съ длиннымъ тонкимъ носомъ и строго сжатыми губами. Десятицей онъ благословлялъ міръ, въ лѣвой рукѣ держалъ книгу, а въ книгѣ было начертано: «Миръ вамъ. Я свѣтъ міра». Онъ сидѣлъ на великолѣпномъ тронѣ, и римскій императоръ (Юліану казалось что это—Констанцій) лобызалъ Его ноги.

А между тѣмъ, тамъ, внизу, въ полумракѣ, гдѣ сіяла одна только лампада, виднѣлся барельефъ на саркофагѣ первыхъ временъ христіанства. Тамъ были изваяны маленькія граціозныя Неренды, пантеры, веселые тритоны, а рядомъ—Моисей, простодушный Иона съ китомъ, Орфей, укрощающій звуками лиры хищныхъ звѣрей, вѣтка оливы, голубь, рыба, паивные символы чистой, дѣтской вѣры. И среди нихъ, — Пастырь Добрый, пещуцій Овцу на плечахъ, заблудшую и найденную Овцу, душу грѣшника. Онъ былъ радостенъ и простъ, этотъ босоногий юноша, съ лицомъ безбородымъ, смиреннымъ и кроткимъ, какъ лица бѣдныхъ поселянъ. У него была улыбка райскаго веселія. Юліану казалось, что

никто уже не знает и не видит Добраго Пастыря, и съ этимъ маленькимъ изображеніемъ пныхъ временъ для него былъ связанъ какой-то далекій, дѣтскій сонъ, который онъ иногда хотѣлъ вспомнить и не могъ. Отрокъ съ овцой на плечахъ смотрѣлъ на него, на него одного съ таинственнымъ упрекомъ. И Юліанъ шепталъ слово, слышанное отъ Мардонія: «Галилеянинъ!..»

Въ это мгновеніе, упавъ изъ окна, косые лучи солнца, задрожали столбомъ въ облакѣ опііама, и оно, тихо колеблясь, какъ будто подымало всыхнувшій золотымъ ореоломъ грозный темный ликъ аріанскаго Христа. Хоръ торжественно грянулъ:

«Да молчитъ всякая плоть человѣка и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ, и ничто-же земное въ себѣ да помышляетъ. Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ съѣдъ вѣрнымъ. Предходятъ-же Сему лица Ангельскія, со всякимъ началомъ и властію, многоочити херувими и шестокрилати серафими, лица закрывающе и вошюще пѣнь: Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!»

И пѣнь, какъ буря, проносилаь надъ склопенными головами молящихся.

Образъ босоногаго юноши, Добраго Пастыря, уходилъ въ неизмѣримую даль, но все еще смотрѣлъ на Юліана съ упрекомъ, и сердце мальчика сжималось не отъ благоговѣнія, а отъ нестерпимаго ужаса передъ этой тайной, которую во всю жизнь ему не суждено было разгадать.

V.

Изъ аріанской базилики онъ вернулся въ Мацеллумъ, захватилъ съ собою советъмъ готовую, тщательно завернутую «трирему», и никѣмъ не замѣченный, (Евтропій уѣхалъ на нѣсколько дней), выскользнулъ изъ воротъ крѣпости и побѣжалъ мимо церкви Св. Маврікія къ соедному храму Афродиты.

Роца богини соприкасаеь съ кладбищемъ христіанской церкви. Вражда и споры, даже судебные процессы между двумя храмами никогда не кончались. Христіане требовали разрушенія нечестиваго капища, жрецъ Олимпіодоръ жаловался на церковныхъ сторожей: по ночамъ они тайно вырубали вѣсковые кипарисы заповѣдной роцы и копали могилы для христіанскихъ покойниковъ въ священной землѣ Афродиты.

Юліанъ вступилъ въ роцу. Теплый воздухъ охватилъ его. Полуденный зной выжалъ изъ сѣрой волокнистой коры черныхъ кипарисовъ капли смолы. Юліану казалось, что въ полумракѣ вѣтъ дыханіе Афродиты.

Между деревьями бѣлѣли статуи. Здѣсь былъ Эротъ, натягивающій лукъ. Должно быть, грубый церковный сторожъ, издѣваясь надъ идо-

домъ, отбилъ мраморный лукъ. Въмѣстѣ съ двумя хорошенькими ручками бога, оружіе любви покоилось въ травѣ, у подножія статуи. Но безрукій мальчикъ попрежнему, выставивъ одну пухлую ножку впередъ, цѣлился съ рѣзвой улыбкой.

Юліанъ вошелъ въ домикъ жреца Олимпіодора. Комнаты были крохотныя, тѣсныя, почти игрушечныя, но уютныя. Никакой роскоши, скорѣе бѣдность. Не было ни ковровъ, ни серебра. Простые каменные полы, деревянная мебель, дешевыя амфоры изъ обожженной глины. Но въ каждой мелочи было изящество. Ручка простой кухонной лампы изображала Посейдона съ трезубцемъ. Это была древняя, чудная работа. Иногда Юліанъ подолгу любовался на стройныя формы глиняной вазы съ дешевымъ оливковымъ масломъ. Всюду на стѣнахъ виднѣлись легкія фрески: то Нереида, сидящая верхомъ на водяномъ чешуйчатомъ конѣ, то пляшущая молодая богиня въ длинномъ пеплумѣ съ вьющимися воздушными складками.

Все смѣялось въ домикѣ, облитомъ солнечнымъ свѣтомъ. Смѣялись nereиды на стѣнахъ, пляшущія богини, тритоны, даже морскіе чешуйчатые кони, смѣялся мѣдный Посейдонъ на ручкѣ лампы. Тотъ-же смѣхъ былъ и на лицахъ обитателей дома. Они родились веселыми. Они не умѣли быть некрасивыми, злобными и скучными. Имъ было довольно двухъ дюжинъ вкусныхъ оливъ, бѣлаго пшеничнаго хлѣба, кисти винограда, нѣсколькихъ кубковъ вина, смѣшаннаго съ водою,—чтобы счесть это за цѣлый пиръ, чтобы жена Олимпіодора Діофана, въ знакъ торжества, повѣсила на двери лавровый вѣнокъ.

Юліанъ вошелъ въ маленькій садикъ атриума. Подъ открытымъ небомъ бѣлъ фонтанъ, рядомъ, среди нарциссовъ, аканѳовъ, тюльпановъ и миртъ стояло небольшое бронзовое изваяніе Гермеса, крылатаго, смѣющагося, какъ все въ домѣ, готоваго вспорхнуть и улетѣть. Надъ цвѣтникомъ, на солнцѣ вилась бабочка и пчелы.

Подъ легкой тѣнью портика на дворѣ, Олимпіодоръ и его семнадцатилѣтняя дочь Амариллисъ играли въ изящную, аттическую игру «коттабу». На столбикѣ, вбитомъ въ землю, поперечная перекладина качалась, подобно коромыслу вѣсовъ. Къ обимъ концамъ ея привѣшены небольшія чашечки. Подъ каждой поставленъ сосудъ съ водою и съ маленькой мѣдной статуэткой. Надо было, съ нѣкотораго разстоянія, плеснуть изъ кубка виномъ такъ, чтобы попасть въ одну изъ чашекъ и чтобы, опустившись, она ударила о мѣдную статуэтку.

— Играй, играй-же. За тобой очередь!—кричала Амариллисъ.

— Разъ, два, три!

Олимпіодоръ плеснулъ и не попалъ. Онъ смѣялся дѣтскимъ смѣхомъ; странно было видѣть высокаго человѣка съ просѣдью въ волосахъ увлеченнымъ игрою, подобно ребенку.

Дѣвушка красивымъ движеніемъ голой руки, откинувъ лиловую тунику, плеснула виномъ,—и чашечка коттабы, ударившись, зазвенѣла.

Амариллисъ захопала въ ладоши и захохотала.

Вдругъ въ дверяхъ они увидѣли Юліана.

Всѣ начали его цѣловать и обнимать. Амариллисъ кричала:

— Діофана! Гдѣ-же ты?.. Посмотри, какой гость пришелъ. Скорѣе!.. Скорѣе!..

Діофана прибѣжала изъ кухни.

— Юліанъ, мальчикъ мой милый! Что ты какъ будто похудѣлъ?.. Давно мы тебя не видали...

И она воскликнула, сіяющая отъ веселія:

— Ну, радуйтесь, дѣти мои. Сегодня у насъ будетъ настоящій ниръ. Я приготовлю вѣнки изъ свѣжихъ розъ, закажу цѣлыхъ три окуна и съѣлаю сладкія инбирныя печенья!..

Въ эту минуту молодая рабыня подошла и шепнула Олимпіодору, что богатая патриціанка изъ Цезареи желаетъ его видѣть, имѣя дѣло къ жрецу Афродиты. Онъ ушелъ.

Юліанъ и Амариллисъ стали играть въ коттабу.

Тогда неслышно на порогѣ появилась десятилѣтняя, тоненькая, блѣдная и бѣлокурая дѣвочка, младшая дочь Олимпіодора,—Психея. У нея были голубые, огромные и печальные глаза. Одна во всемъ домѣ, она казалась непосвященной Афродитѣ, чуждой общему веселью. Она жила отдѣльной жизнью, оставалась задумчивой, когда всѣ смѣялись, и никто не зналъ, о чемъ она скорбитъ, чему радуется. Отецъ считалъ ее жалкимъ существомъ, неспособно-больной, испорченной недобрымъ глазомъ, чарами вѣчныхъ враговъ своихъ, галилеянъ. Они изъ мести отняли у него ребенка. Чернокудрая Амариллисъ была любимой дочерью Олимпіодора. Но мать тайкомъ баловала Психею и съ ревнивой страстностью любила больного ребенка, не понимая его внутренней жизни.

Психея, скрываясь отъ отца, ходила въ базилику Св. Маврікія.

Не помогали ни ласки матери, ни мольбы, ни угрозы.

Жрецъ въ отчаяніи отступился отъ Психеи. Когда говорили о ней, лицо его омрачалось и принимало недоброе выраженіе. Онъ увѣрялъ, что, изъ за печестія ребенка, виноградникъ прежде благословляемый Афродитой, сталъ приносить меньше плодовъ, что довольно было маленькаго золотого крестика, который дѣвочка носила на груди, для того, чтобы осквернить храмъ Афродиты.

— Зачѣмъ ты ходишь въ церковь? — спросилъ ее однажды Юліанъ.

— Не знаю. Тамъ хорошо. Ты видѣлъ Добраго Пастыря?

— Да, видѣлъ... Галилеянцъ!.. Откуда ты про него знаешь?..

— Мнѣ старушка Феодула рассказала. Съ тѣхъ поръ я хожу

въ церковь. И отчего это, скажи мнѣ Юліанъ, отчего они все такъ ненавидятъ Добраго Пастыря?..

Олимпіодоръ вернулся торжествующій, и разсказалъ о своей бесѣдѣ съ патриціанкой. Это была молодая, знатная дѣвушка. Женихъ разлюбилъ ее. Она думала, что онъ околдованъ чарами соперницы. Много разъ ходила она въ христіанскую церковь, усердно молилась на гробницѣ Св. Мамы. Ни посты, ни бдѣнія, ни молитвы не помогли. «Развѣ христіане могутъ помочь!»—заключилъ Олимпіодоръ съ презрѣніемъ и взглянулъ исподлобья на Пенхю, которая внимательно слушала.

— И вотъ христіанка пришла ко мнѣ! Афродита исцѣлитъ ее!

Онъ показалъ съ торжествомъ двухъ связанныхъ бѣлыхъ голубковъ. Христіанка просила принести ихъ въ жертву богинѣ любви.

Амариллисъ, взявъ голубковъ въ руки, цѣловала нѣжные красные клювы и увѣряла, что ихъ жалко убивать.

— Отецъ, знаешь что! Мы принесемъ ихъ въ жертву, не убивая.

— Какъ?... Развѣ можетъ быть жертва безъ крови?

— А вотъ какъ. Пустишь на свободу! Они улетятъ прямо въ небо, къ престолу Афродиты... Не правда-ли?... Богиня тамъ, въ небѣ. Она приметъ ихъ... Позволь, пожалуйста, милый!...

Амариллисъ такъ нѣжно цѣловала его, что онъ не имѣлъ духу отказать.

Тогда дѣвушка развязала и пустила голубковъ. Они затрепетали бѣлыми крыльями съ радостнымъ шелестомъ и полетѣли въ небо, «къ престолу Афродиты». Заслоняя глаза рукою, жрецъ смотрѣлъ, какъ исчезаетъ въ небѣ жертва христіанки. И Амариллисъ прыгала отъ восторга и хлопала въ ладоши:

— Афродита! Афродита! Прими эту безкровную жертву!...

Олимпіодоръ ушелъ. Юліанъ торжественно и робко приступилъ къ Амариллисъ. Голосъ его дрогнулъ, когда онъ тихо произнесъ имя дѣвушки, и щеки вспыхнули.

— Амариллисъ! Я принесъ тебѣ...

— Да, я уже давно хотѣла спросить, что это такое у тебя?...

— Это...—трирема...

— Трирема? Какая? Для чего? Что ты говоришь?

— Настоящая, либурнская!...

Онъ сталъ быстро развертывать подарокъ и вдругъ почувствовалъ непреодолимый стыдъ и робость.

Амариллисъ смотрѣла въ недоумѣніи.

Онъ окончательно смутился и взглянулъ на нее съ мольбою, оцупкая игрушечный корабль въ бассейнѣ фонтана.

— Ты не думай, Амариллисъ... вѣдь это трирема—настоящая... Съ парусами... Видишь,—плаваетъ, и руль есть...

Но Амариллисъ громко хохотала надъ подаркомъ:

— Какой ты смѣшной! На что мнѣ трирема? Недалеко съ ней уплывешь! Это корабль для мышей или цикадъ!... Подари лучше Психеѣ, она будетъ рада. Видишь, съ какой жадностью смотреть!...

Юліанъ былъ глубоко оскорбленъ. Онъ старался принять равнодушный видъ, но чувствовалъ, что слезы сжимаютъ ему горло, концы губъ дрожатъ и оцускаются. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, — удержался отъ слезъ и сказалъ:

— Я вижу, что ты ничего не понимаешь...

Подумалъ и прибавилъ:

— Ты ничего не понимаешь... въ искусствѣ...

Но Амариллисъ еще громче хохотала.

Къ довершенію обиды, ее позвали къ жениху. Это былъ богатый самосскій купецъ. Онъ слишкомъ сильно душился, одѣвался безвкусно и дѣлалъ грамматическія ошибки въ разговорѣ. Юліанъ его ненавидѣлъ. Весь домъ омрачился и радость исчезла, когда онъ узналъ, что пришелъ Самосецъ.

Изъ сосѣдней комнаты доносилось радостное щебетаніе Амариллисъ и голосъ жениха.

Юліанъ схватилъ свою дорогую, настоящую, либурнекую трирему, стоившую ему столько трудовъ, сломалъ мачту, сорвалъ паруса, перепуталъ снасти, растопталъ, изуродовалъ корабль, не говоря ни слова, съ тихою ненавистью, къ немалому ужасу Психеи.

Амариллисъ вернулась. На лицѣ ея были слѣды чужого счастья, тотъ избытокъ жизни, чрезмѣрная радость любви, когда молодымъ дѣвушкамъ нужно хоть кого-нибудь обнимать и цѣловать.

— Юліанъ!... Прости меня!... Я обидѣла тебя... Ну, прости-же, дорогой мой!... Видишь, какъ я тебя люблю... люблю...

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, Амариллисъ, откинувъ тунику, обвила его шею голыми, свѣжими руками. И сердце его упало отъ сладкаго страха: онъ увидѣлъ такъ близко отъ себя, какъ никогда еще, огромные, влажно-черные глаза. Отъ нея пахло сильно, — какъ отъ цвѣтовъ, — когда все лицо прячешь въ букетъ. Голова мальчика закружилась. Она прижимала тѣло его къ своей упругой молодой груди. Онъ закрылъ глаза и почувствовалъ на губахъ мучительно-долгой поцѣлуй.

— Амариллисъ! Амариллисъ! Гдѣ-же ты?...

Это былъ голосъ Самосца. Юліанъ изо всей силы оттолкнулъ дѣвушку. Сердце его сжалось отъ боли и ненависти.

Онъ закричалъ: «оставь, оставь-же меня!...» — вырвался и убѣжалъ.

— Юліанъ! Юліанъ!

Не слушая, бѣжалъ онъ прочь изъ дома, черезъ виноградникъ, черезъ кипарисовую рощу и остановился только у храма Афродиты.

Онъ слышалъ какъ его звали, слышалъ веселый голосъ Діофаны, возвѣщавшей, что пибирное печенье готово, и не отвѣчалъ. Его стали искать. Онъ спрятался въ лавровыхъ кустахъ у подножья Эрота и перреждалъ. Подумали, что онъ убѣжалъ въ Мацеллумъ. Въ домѣ приехали къ его угрюмымъ странностямъ.

Когда все утихло, онъ вышелъ изъ засады и взглянулъ на храмъ Богини Любви.

Храмъ стоялъ на довольно высокомъ холмѣ, открытый со всѣхъ сторонъ.

Бѣлый мраморъ іоническихъ колоннъ, облитый солнцемъ, съ нѣгой купался въ лазури,—и темная, теплая лазурь радовалась, обнимая этотъ мраморъ, холодный и бѣлый какъ снѣгъ. По обимъ угламъ, фронтоны были увѣнчаны двумя акротерами въ видѣ Грифоновъ: съ поднятою когтистою лапою, съ открытыми орлиными клювами, съ круглыми женскими сосцами, они вырѣзывались гордыми, строгими очертаніями на голубыхъ небесахъ.

Юліанъ по ступенямъ вошелъ въ портикъ, тихонько отворилъ незапертую мѣдную дверь и вступилъ во внутренность храма, въ священный «наосъ».

На него повѣяло прохладой и тишиной.

Склонявшееся солнце еще озаряло верхній рядъ капителей съ тонкими завитками, похожими на локоны. Внизу былъ сумракъ. Съ треножника пахло непломъ сожженной мирры.

Юліанъ робко поднялъ глаза, прислонившись къ стѣнѣ, и притаивъ дыханіе, замеръ.

Это была Она. Подъ открытымъ небомъ стояла посрединѣ храма, только что изъ пѣны рожденная, холодная, бѣлая Афродита-Анадіомена, во всей своей нестыдящейся наготѣ. Богиня какъ будто съ улыбкой смотрѣла на небо и море, удивляясь прелести міра, еще не зная, что это—ея собственная прелесть, отраженная въ небѣ и морѣ, какъ въ вѣчныхъ зеркалахъ. Прикосновеніе человѣческихъ одеждъ не оскверняло ее. Такой стояла она тамъ, вся цѣломудренная и вся нагая, какъ это безоблачное, почти грозно синее небо надъ ея головой.

Юліанъ смотрѣлъ ненасытно. Время остановилось. Вдругъ онъ почувствовалъ, что трепеть благоговѣнія пробѣгаетъ по его тѣлу. Мальчикъ, въ темныхъ монашескихъ одеждахъ, опустился на колѣни передъ Афродитой поднимая лицо, прижавъ руки къ сердцу.

Потомъ онъ все также вдали, все также робко, сѣлъ на подножіе колонны, не отводя отъ нея глазъ, и щека его прислонилась къ холодному мрамору. Тишина сходила въ его душу. Онъ задремалъ. Но и сквозь сонъ чувствовалъ ея присутствіе. Она одускала къ нему ближе и ближе. Тонкія, бѣлыя руки обвились вокругъ его шеи. Ребенокъ от-

давался съ безстрастной улыбкой безстрастнымъ объятьямъ. До глубины его сердца проникалъ холодъ блага мрамора. Эти свѣтлыя объятія не походили на болѣзненно-страстныя, тяжкія, знойныя объятія Амариллисъ. Душа его освобождалась отъ земной любви. То былъ послѣдній покой, подобный амброзіиной ночи Гомера, подобный сладкому отдыху смерти.

Когда онъ проснулся, было темно. Въ четвероугольникъ открытаго неба сверкали звѣзды. Серпъ луны кидалъ сіяніе на голову Афродиты.

Юліанъ всталъ. Должно быть, Олимпіодоръ приходилъ, но не замѣтилъ или не хотѣлъ разбудить мальчика, угадавъ его горе. Теперь на бронзовомъ треножникѣ краснѣли свѣжій угли, и струйка благовопнаго дыма подымалась къ лику богини.

Юліанъ, съ радостной улыбкой, подошелъ и взялъ изъ хризолитовой чашечки, между ногами треножника, нѣсколько зеренъ душистой смолы и бросилъ на угли алтаря. Дымъ за клубился обильнѣе.

И розовый отблескъ огня вьсхнулъ, какъ легкій румянецъ жизни на лицѣ богини, сливаясь съ блескомъ поворожденнаго мѣсяца.

Чистая Афродита — Уранія какъ будто сходила отъ звѣздъ на землю.

Юліанъ наклонился и поцѣловалъ ноги изваянія.

Онъ молился ей:

— Афродита! Афродита! Я буду любить тебя вѣчно!..

И горячія слезы падали на холодныя, мраморныя ноги Изваянія.

VI.

Въ одномъ изъ грязныхъ и бѣдныхъ кварталовъ Селевкии Сирійской, на берегу Средиземнаго моря, торговой гавани Великой Антіохіи, узенькія кривыя улицы выходили на площадь у набережной. Моря не было видно изъ-за лѣса мачтъ и снастей.

Дома состояли изъ безпорядочно нагроможденныхъ клѣтушекъ, обмазанныхъ глиной. Съ улицы онѣ иногда прикрывались истрепаннымъ ковромъ, похожимъ на грязное лохмотье, или циновкой. Во вѣсхъ этихъ углахъ, клѣтушкахъ, переулочкахъ съ тяжелымъ запахомъ помоевъ, прачешень и бань для рабочихъ, копонились разнообразный, нищій, голодный сбродъ.

Солнце, сжигавшее засухой землю, закатилось. Слетали сумерки. Зной, пылъ и мгла еще тягостнѣй повисли надъ городомъ. Съ рынка вѣялъ душливый запахъ мяса и овощей, пролежавшихъ весь день на жарѣ. Полуголые рабы съ кораблей носили по сходямъ тюки на плечахъ. Одна сторона головы была у нихъ обрита. Сквозь лохмотья виднѣлись рубцы отъ ударовъ. Во все лицо у многихъ чернѣли клейма,

выжженные каленымъ желѣзомъ. Иногда это были двѣ латинскія буквы С и F, что значило— «Save Fugem», «Берегись Вора».

Зажигались огни. Несмотря на приближеніе ночи, суетня и говоръ въ тѣсныхъ переулкахъ не утихали. Изъ соседней кузницы слышались раздрающіе уши удары молота по желѣзнымъ листамъ, вешивало зарево горна, клубилась копоть. Рядомъ, рабы, хлѣбобеки—голые, покрытые съ головы до ногъ бѣлою, мучною пылью, съ красными воспаленными отъ жара вѣками, сажали хлѣба въ нечи. Сапожникъ въ открытой лавчонкѣ, откуда пахло клейстеромъ и кожей, тачалъ сапоги при свѣтѣ лампадки, сидя на корточкахъ и во все горло распѣвая пѣсни на варварскомъ языкѣ. Изъ клѣтушки въ клѣтушку, черезъ переулокъ двѣ старухи, настоящія вѣдьмы, съ растрепанными сѣдыми волосами, кричали и бранились, протягивали руки, чтобы сѣшиться,—и все это изъ-за веревки, на которую онѣ вѣшали сушиться тряпье. А внизу торговецъ, спѣша издалека къ утру на рынокъ, на костлявой, ободранной клячкѣ, въ ивовыхъ корзинахъ везъ цѣлую гору несвѣжей рыбы. Прохожіе отъ невыносимаго запаха отворачивались и ругались. Толстоцекаій жиденокъ съ красными кудрями, наслаждаясь оглушительнымъ гвалтомъ, колотилъ въ огромный мѣдный тазъ. Другія дѣти,—крохотныя, безчисленныя, рождавшіяся и умиравшія каждый день цѣлыми сотнями въ этой нищетѣ,—валялись, визжа какъ поросята, вокругъ лужъ съ апельсинными корками; съ яичными скорлупами. Въ еще болѣе темныхъ и подозрительныхъ переулкахъ, гдѣ жили мелкіе ворышки, гдѣ изъ кабачковъ пахло сыростью и кислымъ виномъ, матросы со всѣхъ концовъ свѣта ходили обнявшись и орали пьяныя пѣсни. Надъ воротами лупанара былъ повѣшенъ фонарь съ безстыднымъ изображеніемъ, посвященнымъ богу Цріану, и когда на дверяхъ приподымали покровъ, «центону», внутри видѣлся тѣсный рядъ каморочекъ, похожихъ на стойла. Надъ каждой была надпись съ цѣною. Въ душной темнотѣ бѣлѣли голыя тѣла женщинъ.

И надъ всѣмъ этимъ шумомъ и говоромъ, надъ всей этой человѣческой грязью и бѣдностью, слышались далекіе вздохи прибоа, ропоть невидимаго, безконечнаго моря.

У самыхъ окопъ подвальной кухни финикійскаго купца оборванцы играли въ кости и болтали. Изъ кухни долеталъ теплыми клубами чадъ кипящаго жира, запахъ пряностей и жареной дичи. Голодные вдыхали его, закрывая глаза отъ наслажденія.

Христіанинъ, красильщикъ пурпура, выгнанный съ богатой тирской фабрики за воровство, проговорилъ, съ жадностью обсасывая листъ мальвы, выброшенный поваромъ:

— Что въ Антіохіи, добрые люди, дѣлается, объ этомъ и говорить-то на ночь страшно!.. Намедни голодный народъ растерзалъ пре-

фекта Θεοσιла. А за что, Богъ вѣсть!.. Когда дѣло кончили, вспомнили, что бѣдняга былъ добрый и благочестивый человѣкъ. Говорятъ, цезарь на него указалъ народу.

Тогда дряхлый старичокъ, очень некусный карманный ворюшка, произнесъ:

— Я видѣлъ однажды цезаря. Не знаю... Мнѣ понравился. Молоденькій, волоски свѣтлые какъ лепъ. Личико сытое, по добренькое. А сколько убійствъ, Господи, сколько убійствъ! Разбой!.. По улицамъ ходить бояться...

— Все это—не отъ цезаря, а отъ жены его, отъ Константины: вѣдьма!..

Странные люди подошли къ разговаривавшимъ и наклонились, какъ-будто желая принять участіе въ бесѣдѣ. Если-бы свѣтъ отъ кухонной печи былъ сильнѣе, можно-бы разсмотрѣть, что лица ихъ гриммированы, одежды замараны и разорваны неестественно, какъ у нищихъ на сценѣ. Несмотря на лохмотья, руки у самаго грязнаго были бѣлыя и тонкія, съ розовыми, обточенными ногтями. Одинъ изъ нихъ сказалъ товарищу тихонько на ухо:

— Слушай, слушай, Агамемнонь: здѣсь то-же говорятъ о цезарѣ.

Тотъ, кого назвали Агамемнономъ, казался пьянымъ. Онъ пошатывался. Борода, неестественно-густая и длинная, дѣлала его похожимъ на фантастическаго разбойника. Но глаза были добрые, ясно-голубые и даже какъ-будто дѣтскіе. Товарищи удерживали его испуганнымъ шопотомъ:

— Осторожнѣе...

Карманный ворюшка жалобнымъ голосомъ заговорилъ, точно запѣлъ:

— Нѣтъ, вы только скажите мнѣ, мужи-братья,—ну, развѣ это хорошо?.. Хлѣбъ дорожаетъ каждый день. Люди мрутъ какъ мухи. И вдругъ... Нѣтъ, вы только подумайте, хорошо-ли это? Намедни изъ Египта пріѣзжаетъ огромнѣйшій трехмачтовый корабль. Обрадовались. Думаемъ,—хлѣбъ. Цезарь, говорятъ, вышесалъ, чтобы накормить народъ. И что-же, что бы это было, добрые люди—ну, какъ вы думаете, что?.. Пыль изъ Александріи, особенная, розовая, ливійская, для натиранія атлетовъ, пыль—для собственныхъ придворныхъ гладіаторовъ цезаря, пыль—вмѣсто хлѣба! А? Развѣ это хорошо?—заклучилъ онъ, дѣлая негодующіе жесты ловкими воровскими пальцами.

Агамемнонь подталкивалъ товарища.

— Спроси скорѣе имя! Спроси имя!

— Тихе, нельзя... Потомъ...

Чесальщикъ шерсти замѣтилъ:

— У насъ еще въ Селевкіи спокойно. А въ Антіохіи—предательства, доносы, шпіонства!..

Красильщикъ, который въ послѣдній разъ лизнулъ мальву и отбросилъ ее, убѣдившись, что она потеряла всякій вкусъ, проворчалъ себѣ подъ носъ, мрачно:

— А вотъ, дастъ Богъ, человѣческое мясо и кровь скоро будутъ дешевле хлѣба и вина.

Чесальщикъ шерсти, горькій пьяница и философъ, тяжело вздыхалъ:

— Ох-ох-охъ!.. Вѣдные мы людишки!.. Блаженные олимпійцы играютъ нами какъ мячиками. То вправо, то влево, то вверхъ, то внизъ: люди плачутъ, — а боги смѣются!

Товарищъ Агамемнона успѣлъ вмѣшаться въ разговоръ и ловко, какъ-будто небрежно, выспросилъ имена. Онъ даже подслушалъ то, что странствующій сапожникъ сообщилъ на ухо чесальщику о заговорѣ на жизнь цезаря, предполагаемомъ среди солдатъ преторіи.

Потомъ, отойдя на нѣсколько шаговъ, записалъ имена разговаривавшихъ пизанскимъ стилосомъ на восковыя дощечки, гдѣ хранилось много именъ.

Въ это время съ рыночной площади донеслись хриплые, глухіе, подобные реву какого-то подземнаго чудовища, не то смѣющіеся, не то плачущіе звуки гидравлическаго органа. Слѣпой рабъ-христіанинъ за четыре обода въ день, у входа въ балаганъ, накачивалъ воду, производившую въ механизмѣ эти смѣшные и плачевные звуки.

Агамемнонъ потащилъ спутниковъ въ балаганъ, обтянутый, на подобіе палатки, голубою тканью съ серебряными блестками. Фонарь озарялъ черную доску, вмѣсто афиши, съ программой представляема, написанной мѣломъ по-сирійски и по-гречески.

Внутри было душно. Пахло чеснокомъ и копотью масляныхъ лампъ. Въ дополненіе органа, пицали двѣ провзительныя флейты и черный эоіопъ, вращая бѣлками, ударялъ въ бубны.

Плясунъ прыгалъ и кувыркался на канатѣ, хлопая въ тактъ руками. Онъ пѣлъ модную пѣсенку:

Huc, huc convenite nunc
 Spaolocinaedi!
 Pedem tendite,
 Cursum addite...

Этотъ худой, курносый газръ, «динедусъ» былъ старъ, отвратителенъ и веселъ. Съ его бритаго лба струились капли пота, смѣшаннаго съ румянами. Морщины, залѣпленные бѣлилами, походили на трещины стѣны, у которой известка таетъ подъ дождемъ.

Когда онъ удаллся, органъ и флейта умолкли. На подмостки выбѣжала пятнадцатилѣтняя дѣвочка, чтобы исполнить знаменитую, до безумія любимую народомъ пляску — «кордаксъ». Отцы церкви ее громилы,

римскіе законы воспрещали, — ничего не помогало. Кордакѣ плясали всюду, бѣдные и богатые, жены сенаторовъ и уличныя танцовщицы.

Агамемнонъ проговорилъ съ восторгомъ:

— Что за дѣвочка!..

Благодаря кулакамъ спутниковъ, онъ пробился въ первый рядъ.

Худенькое, смуглое тѣло пубянки обвивала, только вокругъ бедръ, почти воздушная розовая ткань. Волосы подымались надъ головой, мелкими, пушисто-черными кудрями, какъ у женщины Эѳіоніи. Лицо дѣвочки строгаго египетскаго типа, напоминало лица сфинксовъ.

«Кроталистрія» начала плясать, какъ будто скучая, лѣживо и небрежно. Надъ головой, въ тонкихъ рукахъ, мѣдныя тимпаны, — такъ называемыя «кротали» — едва слышно бряцали.

Потомъ движенія ускорились, и вдругъ, изъ подъ длинныхъ рѣсницъ, сверкнули желтые глаза, прозрачные и гордые, какъ у хищныхъ звѣрей. Она выпрямилась, и мѣдныя кротали зазвенѣли пронзительно съ такимъ вызывомъ, что вся толпа дрогнула и замерла.

Тогда дѣвочка закружилась, быстрая, тонкая, гибкая какъ змѣя. Ноздри ея расширились. Изъ горла вырвался странный крикъ. При каждомъ порывистомъ движеніи, двѣ маленькія, темныя груди, какъ два сѣдыхъ плода подъ вѣтромъ, трепетали, стянутыя зеленой, шелковой сѣткой, — и острые, сильно парумяненные концы ихъ алѣли, выступая изъ подъ сѣтки.

Толпа ревѣла отъ восторга. Агамемнонъ безумствовалъ, — товарищи держали его за руки.

Вдругъ дѣвочка остановилась, какъ будто въ изнеможеніи. Легкая дрожь пробѣгала съ головы до ногъ по смуглымъ членамъ. Наступила тишина. Надъ закинутой головой пубянки съ почти неуловимымъ, замирающимъ звономъ, быстро и вѣжно, какъ два крыла пойманной бабочки, трепетали тимпаны. Желтые глаза потухли. Но въ самой глубинѣ ихъ мерцали двѣ искры. Лицо было строгое, грозное. А на слишкомъ толстыхъ, красныхъ губахъ, на губахъ сфинкса, дрожала слабая улыбка. И мѣдныя кротали замерли въ тишинѣ.

Толпа такъ закричала и захлопала, что голубая ткань съ блестками всколебалась, какъ парусъ подъ бурей, и хозяинъ думалъ, что балаганъ его рухнется.

Спутники не могли удержать Агамемнона. Онъ бросился, приподнявъ занавѣсъ, на сцену, черезъ подмостки, въ отдѣленіе для танцовщицъ и актеровъ.

Товарищи говорили ему на ухо:

— Подожди!.. Завтра все будетъ сдѣлано. А теперь могутъ...

Агамемнонъ перебилъ.

— Не завтра, — сейчасъ!..

Онъ подошелъ къ хозяину, хитрому съдому греку Мирмексу, и сразу, почти безъ объясненій, высмалъ ему въ полу тунники пригоршню золотыхъ монетъ.

— Кроталистрія твоя рабыня?

— Да. Что угодно... моему господину?

Мирмексъ съ изумленіемъ смотрѣлъ то на разорванную одежду Агамемнона, то на золото.

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

— Филлисъ.

Онъ и ей далъ денегъ не считая. Гребъ что-то шепнулъ на ухо Филлисъ. Она высоко подбросила звонкія монеты, поймала ихъ въ ладонь, и засмѣявшись, сверкнула на Агамемнона золотистыми хищными глазами. Онъ сказалъ:

— Пойдемъ со мною!

Филлисъ накинула на голыя смуглыя плечи темную хламиду и выскользнула, вмѣстѣ съ нимъ, на улицу.

Она спросила покорно:

— Куда?

— Не знаю.

— Къ тебѣ?

— Нельзя. Я живу въ Антиохіи.

— А я только сегодня на кораблѣ пріѣхала въ этотъ городъ и ничего не знаю.

— Что-же дѣлать?

— Подожди, я видѣла давеча въ сосѣднемъ переулкѣ незапертый храмъ Пріана. Пойдемъ туда.

Филлисъ потащила его смѣясь. Товарищи хотѣли слѣдовать; онъ сказалъ:

— Не надо. Оставайтесь здѣсь.

— Берегись!.. Возьми по крайней мѣрѣ оружіе. Въ этомъ кварталѣ опасно...

И вынувъ изъ подъ одежды короткій мечъ, въ родѣ кинжала, съ великолѣпной рукояткой, одинъ изъ спутниковъ подалъ его почтительно.

Спотыкаясь во мракѣ, Агамемнонъ и Филлисъ вошли въ глубокій, темный переулокъ, недалеко отъ рынка.

— Здѣсь, здѣсь!.. Не бойся... Входи...

Они вступили въ преддверье маленькаго, пустыннаго храма. Лампада на цѣпочкахъ, готовая потухнуть, слабо освѣщала грубыя, старія колонны.

— Притвори дверь!..

И Филлисъ неслышно сбросила на каменный полъ мягкую, темную хламиду. Она беззвучно хохотала. Когда Агамемнонъ сжалъ ее въ объятыхъ,

ему показалось, что вокруг тѣла его обвилась опасная, горячая и гибкая змѣйка. Желтые хищные глаза сдѣлались огромными и страшными.

Но въ это мгновеніе изъ внутренности храма раздалось пронзительное гоготаніе и неистовое хлопаніе бѣлыхъ крыльевъ, поднявшихъ такой вѣтеръ, что лампада едва не потухла.

Агамемнонъ выпустилъ изъ рукъ Филлисъ и пролетѣлъ:

— Что это?..

Въ темнотѣ мелькнули какія то бѣлыя фигуры, похожія на призраки. Окончательно струсившій Агамемнонъ невольно перекрестился.

— Да что-же это? Съ нами крестная сила!..

Въ эту минуту что-то сильно ущипнуло его за ногу. Онъ закричалъ отъ боли и страха. Потомъ схватилъ неизвѣстнаго врага за горло. Другого пронзилъ мечомъ. Поднялся оглушительный крикъ и визгъ, и гоготаніе, и хлопаніе. Лампада въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, чтобы угаснуть, вспыхнула,—и Филлисъ закричала смѣясь:

— Да это гуси, священные гуси Пріапа!.. Что ты надѣлалъ!..

Дрожащій и блѣдный побѣдитель стоялъ, держа въ одной рукѣ окровавленный мечъ, въ другой—убитаго гуся.

Извнѣ послышались громкіе голоса и цѣлая толпа съ фавелами ворвалась въ храмъ. Впереди была старая жрица Пріапа, Скабра. Она мирно, по своему обыкновенію, распивала вино въ соеднемъ кабацкѣ, когда услыхала крики священныхъ гусей,—и поспѣшила на помощь съ толпою ночныхъ бродягъ. Крючковатый красный носъ, сѣдые растрепанные волосы, глаза съ острымъ блескомъ, какъ два стальныхъ клинка, дѣлали жрицу Пріапа похожей на фурію. Она вошла:

— Помогите!.. Помогите!.. Храмъ оскверненъ!.. Священные гуси Пріапа убиты! Видите, это—христиане-безбожники. Держите ихъ!

Филлисъ, закрывшись съ головой плащомъ, убѣжала. Толпа въ одну минуту увлекла на рыночную площадь Агамемнона, который такъ растерялся, что не выпускалъ изъ рукъ мертваго гуся. Скабра звала «агораномовъ»,—рыночныхъ стражей.

Съ каждымъ мгновеніемъ толпа увеличивалась.

Товарищи Агамемнона прибѣжали на помощь. Но было поздно: изъ притоновъ, изъ кабацковъ, изъ лавокъ, изъ глухихъ переулковъ мчались люди, привлеченные шумомъ. На лицахъ было то выраженіе радостнаго и восторженнаго любопытства, которое всегда является при уличномъ происшествіи. Бѣжалъ кузнецъ съ молотомъ въ рукахъ, соедки-старуха, булочникъ, обмазанный тѣстомъ, сапожникъ мчался прихрамывая. И за веѣми рыжеволосый, крохотный жиденокъ летѣлъ, съ визгомъ и смѣхомъ, ударяя въ оглушительный мѣдный тазъ, какъ-будто звоня въ набатъ.

Скабра вошла, вѣднвившись когтями въ одежду Агамемнона:

— Подожди!.. Доберусь я до твоей гнусной бороды! Клочка не оставляю. Ахъ ты, падалъ, воронья снѣдь!.. Да ты, ночной бродяга, и веревки не стоишь, на которой тебя повѣсятъ!

Явились наконецъ заспанные агораномы очень подозрительной наружности, болѣе похожіе на ночныхъ воровъ, чѣмъ на блюстителей порядка.

Въ толпѣ былъ такой оглушительный крикъ, и смѣхъ, и брань, что никто ничего не понималъ. Кто-то вопилъ: «убійцы!», другіе: «ограбили!», третьи: «пожаръ!»

Но въ это мгновеніе, побѣждая все, раздался громоподобный голосъ полуголаго, рыжаго гиганта, съ лицомъ, покрытымъ веснушками, по профессіи—банщика, по призванію—рыночнаго оратора:

— Граждане! Слушайте меня и вѣрьте. Я давно уже слѣдилъ за этимъ мерзавцемъ и его спутниками. Они записываютъ имена. Это—шпіоны, шпіоны Цезаря!..

Скабра, исполняя давнее намѣреніе, видѣвшись одной рукой въ бороду Агамемнона, другой—въ волосы. Онъ хотѣлъ оттолкнуть ее, но она рванула изо всей силы и, къ общему изумленію, длинная, черная борода и густые волосы остались у нея въ рукахъ: старуха грохнулась навзничь. Передъ народомъ, вмѣсто Агамемнона, стоялъ красивый юноша съ вьющимися, мягкими, свѣтлыми, какъ ленъ, волосами и маленькой бородкой.

Толпа умолкла отъ изумленія. Потомъ опять загудѣлъ голосъ банщика:

— Видите, граждане, это—передѣтые доносчики!..

Кто-то крикнулъ:

— Бейте!... бейте!..

Толпа заколыхалась. Полетѣли камни. Товарищи обступили мнимаго Агамемнона и обнажили мечи. Чесальщикъ шерсти былъ сброшенъ первымъ ударомъ. Онъ упалъ, обливаясь кровью. Жиденка съ мѣднымъ тазомъ растоптали. Лица сдѣлались звѣрскими.

Въ это мгновеніе, десять огромныхъ рабовъ-пафлагонцевъ, съ пурпурными носилками на плечахъ, растолкали толпу.

— Спасены!—воскликнулъ бѣлокурый юноша и бросился съ однимъ изъ спутниковъ въ носилки.

Пафлагонцы подняли ихъ на плечи и побѣжали.

Разъяренная толпа остановила-бы и растерзала ихъ на мѣстѣ, если-бы кто-то не крикнулъ:

— Да развѣ вы не видите, граждане?.. Это цезарь, самъ цезарь Галлъ!..

Народъ остолбенѣлъ отъ ужаса.

Пурпурныя носилки, покачиваясь на спинахъ рабовъ какъ лодка на волнахъ,—исчезали въ глубинѣ неосвѣщенной улицы.

Шесть лѣтъ прошло съ того дня, какъ Юліанъ и Галлъ были заключены въ кашпадокійскую крѣпость Мацеллумъ. Императоръ Констанцій возвратилъ имъ свою милость. Девятнадцатилѣтняго Юліана вызвали въ Константинополь, и потомъ позволили ему странствовать по городамъ Малой Азіи, Галла императоръ сдѣлалъ своимъ соправителемъ, «цезаремъ» и отдалъ ему въ управленіе Востокъ. Впрочемъ, неожиданная милость не предвѣщала ничего добраго. Констанцій любилъ поражать враговъ, услышвъ ихъ подозрительность чрезмѣрными ласками.

— Ну, Гликонъ, какъ-бы теперь ни убѣждала меня Константина, я больше не выйду на улицу съ поддѣльными волосами. Кончено!..

— Мы предупреждали твое величество, что опасно...

Но цезарь, лежа на мягкихъ подушкахъ носилокъ, забылъ недавній страхъ. Онъ уже смѣялся:

— Гликонъ! Гликонъ! Ты видѣлъ, какъ проклятая старуха покачивается навзничь, съ бородой въ рукахъ! Смотрю,—а ужъ она лежитъ!..

Когда они вошли во дворецъ, цезарь приказалъ:

— Скорѣе—душнестую ванну и потомъ ужинать. Я проголодался.

Придворный подошелъ съ письмомъ.

— Что это, Норбанъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, дѣла — до завтрашняго утра.

— Милостивый цезарь, важное письмо, прямо изъ лагеря императора Констанція.

— Отъ Констанція!.. Что такое?.. Подай!..

Онъ распечаталъ, прочелъ и поблѣднѣлъ. Колѣни его подкосились. Если-бы придворные не поддержали Галла, онъ грохнулся-бы на полъ.

Констанцій, въ самыхъ изысканныхъ, даже льстивыхъ выраженіяхъ приглашалъ своего «нѣжно любимаго» двоюроднаго брата Галла въ Медіоланъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ повелѣвалъ, чтобы ему немедленно прислали два легіона, стоявшіе въ Антиохіи, единственную защиту Галла. Констанцій хотѣлъ обезоружить и заманить врага.

Когда цезарь принялъ въ себя, онъ произнесъ слабымъ голосомъ:

— Позовите жену...

— Супруга милостиваго государя только-что изволила уѣхать въ Антиохію.

— Какъ?.. И ничего не знаетъ?..

— Не знаетъ.

— Господи!.. Господи!.. Да что-же это такое?.. Безъ нея!.. Скажите посланному отъ императора... Да нѣтъ, не говорите ничего. Я не знаю... Развѣ я могу безъ нея?.. Пошлите гонца!.. Скажите, что цезарь умоляетъ вернуться. Господи, что-же дѣлать!..

Онъ ходилъ растерянный, хватаясь за голову, крутилъ дрожащими пальцами мягкую, свѣтлую бородку и повторялъ безпомощно:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не поѣду ни за что... Лучше смерть!.. О, я знаю Констанція!..

Подошелъ другой придворный съ бумагой.

— Отъ супруги цезаря. Уѣзжая, она просила, чтобы ты немедленно подписалъ.

— Что?.. Опять смертный приговор!.. Клемацій Александрійскій!.. Это—слишкомъ, такъ нельзя... По три въ день!

— Твоя супруга изволила...

— Ахъ, да все равно!.. Давайте чернила!.. Теперь все равно... Только зачѣмъ она уѣхала?.. Развѣ я теперь могу одинъ?..

И подписавъ приговоръ, онъ взглянулъ своими дѣтскими, ясно-голубыми и добродушными глазами.

— Ванна готова и ужинъ сейчасъ подаютъ.

— Ужинъ? Не надо... Впрочемъ, что такое?..

— Есть трюфели изъ Африки.

— Свѣжія?

— Только что привезли.

— Не лучше-ли подкрѣпиться?.. А?.. Какъ вы думаете, друзья мои?.. Я такъ ослабѣлъ... Трюфели?.. Я утромъ еще думалъ...

На растерянномъ лицѣ его промелькнула легкомысленная улыбка.

Передъ тѣмъ чтобы войти въ прохладную воду, съ мутно-бѣлымъ, опаловымъ дѣвтомъ отъ благовоній, цезарь проговорилъ, махнувъ рукою:

— Все равно, все равно!.. Не надо думать... Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. Можетъ быть Константина какъ-нибудь и устроить!..

И откормленное, розовое лицо уже совсѣмъ просвѣтлѣло, когда онъ съ привычнымъ наслажденіемъ погрузился въ душистую ванну. Цезарь крикнулъ веселымъ голосомъ:

— Скажите повару, чтобъ къ трюфелямъ—непремѣнно кислый, красный соусъ!

УП.

Въ городахъ Малой Азіи,—Никомедіи, Пергамѣ, Смирнѣ, девятнадцатилѣтній Юліанъ, искавшій эллинской мудрости, слышалъ о знаменитомъ теургѣ и софистѣ, Ямвликѣ изъ Халкиды, ученикѣ Порфирія неоплатоника, о «божественномъ Ямвликѣ», какъ всѣ его называли.

Онъ поѣхалъ къ нему въ городъ Эфесъ.

Ямвликъ былъ старичокъ, малепькій, худенькій, сморщенный.

Онъ любилъ жаловаться на свои недуги, подагру, ревматизмъ, головную боль. Ругалъ врачей, но усердно лѣчился у нихъ. Съ наслажденіемъ говорилъ о припаркахъ, настойкахъ, лѣкарствахъ и пластыряхъ. Ходилъ въ мягкой и теплой двойной туникѣ, даже лѣтомъ, и никакъ не могъ согрѣться. Солнце онъ любилъ какъ ящерица.

Съ ранней юности Ямвликъ отвыкъ отъ мясной пищи и говорилъ о ней съ искреннимъ отвращеніемъ. Онъ не понималъ, какъ люди могутъ ѣсть живое. Служанка приготавлила ему особую ячменную кашу, немного теплаго вина и меду. Даже хлѣба старикъ не могъ разжевать беззубыми челюстями.

Вокругъ него толпилось множество учениковъ, почтительныхъ, благоговѣйныхъ, — изъ Рима, Антиохіи, Карфагена, Египта, Месопотаміи, Персіи. Всѣ вѣрили, что Ямвликъ творить чудеса. Онъ обращался съ ними какъ отецъ, которому надоѣло, что у него—такъ много маленькихъ, безпомощныхъ дѣтей. Когда они начинали спорить или ссориться, учитель махалъ руками съ гримасой физической боли. Онъ говорилъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, и чѣмъ громче становился крикъ спорящихъ, тѣмъ Ямвликъ говорилъ тише. Онъ не выносилъ шума, ненавидѣлъ громкіе голоса и скрипячія сандалии.

Разочарованный Юліанъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ на прихотливаго, зябкаго и больного старичка, не понимая, какая власть притягиваетъ къ нему людей.

Онъ припоминалъ рассказъ о томъ, какъ ученики видѣли, однажды ночью, Божественнаго, во время молитвы, поднятаго чудесною силою надъ землею на десять локтей и окруженнаго ореоломъ золотого сіянія; другой рассказъ о томъ, какъ Учитель, въ Сирійскомъ городѣ Гадарѣ, вызвалъ изъ двухъ горячихъ источниковъ Эроса и Артароса, одного радостнаго свѣтло-кудраго, другого скорбнаго, темнаго генія любви. Оба ласкались къ Ямвлику какъ дѣти и по его мановенію исчезли.

Юліанъ прислушивался къ тому, что говорилъ учитель, и не могъ найти власти въ словахъ его. Метафизика школы Порфирія казалась мертвой, сухой и мучительно-сложной. Ямвликъ какъ будто игралъ, побѣждая въ спорахъ діалектическія трудности. Въ его ученіи о Богѣ, о мірѣ, объ Идеяхъ, о Плотиновой Тριάдѣ было глубокое книжное знаніе—и ни искры жизни. Юліанъ ждалъ не того.

И все-таки, онъ ждалъ и не уходилъ.

У Ямвлика были странные, зеленые глаза, которые еще болѣе рѣзко выдѣлялись на потемнѣвшей сморщенной кожѣ лица. Такого зеленоватаго цвѣта бываетъ иногда вечернее небо, между темными тучами, передъ грозой. Юліану казалось, что въ этихъ глазахъ, какъ-будто нечеловѣческихъ, но еще менѣе божественныхъ сверкаетъ та сокровенная, высшая, *змѣная* мудрость, о которой Ямвликъ ни слова не говорилъ ученикамъ. Но вдругъ усталымъ, тихимъ голосомъ, Божественный спрашивалъ, почему не готова ячменная каша или припарки, жаловался на подагру,—и обаяніе исчезало.

Однажды онъ гулялъ съ Юліаномъ за городомъ, на берегу моря. Былъ иѣжный и грустный вечеръ. Вдали, надъ гаванью Панормось, бѣ-

лѣли терассы знаменитаго храма Артемиды Эфесской, увѣнчанныя статуями. На песчаномъ берегу Капстра (здѣсь, по преданію, Латона родила Артемиду и Аполлона) тонкій, темный тростникъ не двигался. Дымъ многочисленныхъ алтарей изъ священной рощи Ортигии, подымался къ небу прямыми столбами. Къ югу синѣли горы Самоса. Прибой былъ тихъ, какъ дыханіе спящаго ребенка; прозрачныя волны набѣгали на укатанный, черный песокъ. Пахло разогрѣтой дневными лучами соленой водой и морскими травами. Заходящее солнце скрылось въ облака и позлащало ихъ громаду.

Ямвлигъ сѣлъ на камень, Юліанъ опустился къ его ногамъ. Учитель гладилъ жесткіе, черные волосы Юліана:

— Тебѣ грустно?

— Да.

— Знаю, знаю. Ты ищешь и не находишь. Ты не имѣешь силы сказать: Онъ есть,—и ты не смѣешь сказать: Его нѣтъ.

— Какъ ты угадалъ, учитель?

— Бѣдный мальчикъ! Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я страдаю той-же болѣзнию. И буду страдать до смерти. Развѣ я больше знаю Его, чѣмъ ты? Развѣ я нашелъ? Это—вѣчныя муки дѣторожденія. Передъ ними все остальные муки — ничто. Люди думаютъ, что страдаютъ отъ голода, отъ жажды, отъ боли, отъ бѣднестн: на самомъ дѣлѣ, они страдаютъ только отъ мысли, что, можетъ быть, Его нѣтъ. Это—единственная скорбь міра. Кто дерзнетъ сказать: *Его нѣтъ*, и кто знаетъ, какую надо имѣть нечеловѣческую силу, чтобъ сказать: *Онъ есть*.

— И ты, даже ты никогда къ Нему не приближался?

— Три раза въ жизни я не пыталъ восторгъ, полное сліяніе съ Нимъ. Плотинъ четыре раза. Порфирій—пять. У меня было три мгновенія въ жизни, изъ-за которыхъ стоило жить.

— Я спрашивалъ объ этомъ твоихъ учениковъ: они ничего не знаютъ.

— Развѣ они смѣютъ знать? Съ нихъ довольно и шелухи мудрости. Ядро почти для всехъ людей—смертельно.

— Пусть-же я умру, учитель, дай мнѣ его!

— Ты посмѣешь?

— Посмѣю! Говори, говори-же!

— Что я могу тебѣ сказать? Я не умѣю... И хорошо-ли говорить объ этомъ?.. Прислушайся къ вечерней тишинѣ, она лучше всякихъ словъ говорить...

Онъ все попрежнему гладилъ Юліана по головѣ, какъ ребенка. Ученикъ подумалъ: «вотъ *оно*,—вотъ, чего я ждалъ!». Онъ обнялъ колѣни Ямвлига и, поднявъ къ нему глаза съ мольбою, произнесъ:

— Учитель! Сжался!.. Открой все... Не покидай меня!..

Имвликъ заговорилъ тихо, про себя, какъ будто не слыша и не вида ученика, устремивъ странно-неподвижные, зеленые глаза свои на тучи, изнутри позлащенные солнцемъ:

— Да, да... Мы все забыли Голосъ Отчий. Какъ дѣти, разлученныя съ Отцомъ отъ колыбели, мы и слышимъ, и не узнаемъ его. Надо, чтобы все умолкло въ души, все небесные и земные голоса. Тогда мы услышимъ Его голосъ. Пока сияетъ разумъ и какъ полуденное солнце озаряетъ душу, мы остаемся сами въ себѣ, не видимъ Бога. Но когда разумъ склоняется къ закату, на душу нисходитъ восторгъ, какъ почная роса. Злые не могутъ чувствовать восторга. Только мудрый дѣлается лирой, которая вся содрогается и звучитъ подъ рукою Бога. Откуда этотъ свѣтъ, озаряющій душу? Не знаю. Онъ приходитъ внезапно, когда не ждешь. Его нельзя некатъ. Богъ не далеко отъ насъ. Надо приготовиться. Надо быть спокойнымъ и ждать, какъ ждуть очи, чтобы солнце взошло, «устремилось»,—по выраженію поэта, — «изъ темнаго Океана». Богъ не приходитъ и не уходитъ. Онъ только является. Вотъ—Онъ. Онъ отрицаніе міра, отрицаніе всего, что есть. Онъ—ничто, Онъ—все!..

Имвликъ всталъ съ камня и медленно простеръ пехудалыя, слабыя руки.

— Тихе, тихе, говорю я—тише! Внимайте Ему все! Вотъ—Онъ. Да умолкнетъ земля и море, и воздухъ, и даже небо!.. Внимайте! Это Онъ наполняетъ міръ, проникаетъ дыханіемъ атомы, озаряетъ матерію,—Хаосъ, «предметъ ужаса для боговъ»,—какъ вечернее солнце позлащаетъ эту темную тучу.

Юліанъ слушалъ и ему казалось, что голосъ учителя, слабый и тихій, наполняетъ міръ, достигаетъ до самаго неба, до послѣднихъ предѣловъ моря. Но скорбь Юліана была такъ велика, что она вырвалась изъ его груди невольнымъ вздохомъ:

— Отецъ мой, прости, но если такъ,—зачѣмъ жизнь? зачѣмъ эта вѣчная смѣна рожденія и смерти? зачѣмъ страданіе? зачѣмъ зло? зачѣмъ тѣло? зачѣмъ сомнѣніе? зачѣмъ тоска по невозможному?

Имвликъ взглянулъ кротко, опять провелъ рукою по его волосамъ и отвѣтилъ:

— Вотъ гдѣ тайна, сынъ мой. Зла нѣтъ, тѣла нѣтъ, міра нѣтъ, если есть Онъ. Или Онъ, или міръ. Намъ кажется, что есть зло, что есть тѣло, что есть міръ. Это—призракъ, обманъ жизни. Помни, у всѣхъ—одна душа, у всѣхъ людей и даже безсловесныхъ тварей. Все мы вмѣстѣ покоплись нѣкогда въ лонѣ Отца, въ свѣтѣ не мерцающемъ. Но однажды взглянули съ высоты на темную, мертвую матерію, и каждый въ ней увидалъ свой собственный образъ, какъ въ зеркалѣ. И душа сказала себѣ: «я могу, я хочу быть свободной! Я—какъ Онъ! Неужели я не

дерзну отпасть отъ Него и быть всѣмъ?» Душа, какъ Нарциссъ — въ ручьѣ, плѣнилась красотой собственнаго образа, отраженнаго въ тѣлѣ. И тогда она пала, хотѣла пасть до конца, отдѣлиться отъ Бога навѣки и не могла. Ноги смертнаго касаются земли, чело — выше горныхъ небесъ. И вотъ, по вѣчной лѣтницѣ рожденія и смерти, души, всѣ существа восходятъ и нисходятъ то къ Нему, то отъ Него. Пытаются уйти отъ Отца — и не могутъ. Каждой душѣ хочется самой быть Богомъ, но напрасно: она скорбитъ по Отчому лону, на землѣ ей нѣтъ покоя, она жаждетъ вернуться къ Единому. Мы должны вернуться къ Нему, и тогда всѣ будутъ Богомъ, и Богъ будетъ во всѣхъ. Развѣ ты одинъ тоскуешь о Немъ! Посмотри, какая небесная грусть въ молчаніи природы! Прислушайся! Развѣ ты не чувствуешь, что все груститъ о Немъ?..

Солнце закатилось. Золотые, какъ будто раскаленные, края облаковъ потухали. Море сдѣлалось блѣднымъ и воздушнымъ какъ небо, небо — глубокимъ и яснымъ какъ море. По дорогѣ промчалась колесница. Въ ней были юноша и женщина, можетъ быть, двое влюбленныхъ. Женскій голосъ запѣлъ грустную и знакомую пѣснь любви. Потомъ все опять затихло и сдѣлалось еще грустнѣе. Быстрая, южная ночь слетала съ небесъ. Юліанъ прошепталъ:

— Сколько разъ я думалъ, отчего такая грусть въ природѣ. Чѣмъ она прекраснѣе, тѣмъ грустнѣе...

Ямвликъ промолвилъ съ улыбкой:

— Да, да... Посмотри, она хотѣла-бы сказать, о чемъ груститъ и не можетъ. Она — пѣмая. Спитъ и старается вспомнить Бога во снѣ, сквозь сонъ, но не можетъ, отягощенная матеріей. Она созерцаетъ Его смутно и дремотно. Всѣ міры, всѣ звѣзды, и море, и земля, и животныя, и растенія, и люди, все это — сны природы о Богѣ. То, что она созерцаетъ, рождается и умираетъ. Она создаетъ однимъ созерцаніемъ, какъ бываетъ во снѣ, создаетъ легко, не зная ни успія, ни преграды. Вотъ, почему такъ прекрасны и вольны ея созданія, такъ безцѣльны и божественны. Игра сновидѣній природы — подобна игрѣ облаковъ. Безъ начала, безъ конца. Кромѣ созерцанія, въ мірѣ нѣтъ ничего. Чѣмъ оно глубже, тѣмъ оно тише. Воля, борьба, дѣйствіе — только ослабленное, недоконченное или помраченное созерцаніе Бога. Природа, въ своемъ великомъ бездѣйствіи, создаетъ формы, подобно Геометру; существуетъ то, что онъ видитъ. Она рождаетъ, изъ своего материнскаго лона, формы за формами. Но ея безмолвное, смутное созерцаніе — только образъ иного яенѣйшаго. Природа ищетъ слова и не находитъ. Природа — спящая мать Кибела, съ вѣчно закрытыми зѣницами. Только человѣкъ нашелъ слово, котораго она искала и не нашла. Душа человѣческая — это природа, открывшая сонныя вѣжды, проснувшаяся и готовая увидѣть Бога — уже не во снѣ, а въявѣ, лицомъ къ лицу...

Первыя звѣзды выступили на потемнѣвшемъ и углубившемся небѣ: онѣ то совсѣмъ потухали, то вспыхивали, словно вращались, какъ привѣшенныя къ тверди, крупныя алмазы. Затеплились новыя и новыя, непечислимыя. Являиць указалъ на нихъ.

— Чему уподоблю міръ, всѣ эти солища и звѣзды? Я уподоблю ихъ сѣти, закинутой рыбаками въ море. Богъ объемлетъ вселенную, какъ вода объемлетъ сѣть. Сѣть движется, но не можетъ остановить воду, и міръ хочетъ и не можетъ уловить Бога. Сѣть движется, но Богъ спокоенъ, какъ безиредѣльный океанъ, въ который закинута сѣть. Если-бы міръ не двигался, Богъ не создавалъ-бы ничего, не вышелъ-бы изъ покоя, ибо зачѣмъ и куда ему стремиться?.. Тамъ, въ царствѣ вѣчныхъ Матерей, въ лопѣ Міровой Души, таятся сѣмена, Идеи-Формы всего, что есть и было—и будетъ, таятся Логосъ зародышъ и кузнечика, и былинки, и рядомъ—олимпійскаго бога.

Тогда Юліанъ воскликнулъ громко, и голосъ его раздался въ тишинѣ природы, подобно крику смертельной боли:

— Кто-же Онъ? Кто Онъ? Зачѣмъ Онъ не отвѣчаетъ, когда мы зовемъ? Какъ Его имя? Я хочу знать Его, слышать и видѣть. Зачѣмъ Онъ бѣжитъ отъ моей мысли? Гдѣ Онъ?

— Бѣдное дитя, что значитъ—мысль передъ Нимъ. Ему нѣтъ имени. Онъ таковъ, что мы умѣемъ сказать лишь то, чѣмъ Онъ не долженъ быть, а то, что Онъ есть, мы не знаемъ. Но развѣ ты можешь страдать и не хвалить Его, развѣ ты можешь любить и не хвалить Его, развѣ ты можешь проклинать и не хвалить Его? Создавшій все, самъ Онъ—ничто изъ всего, что создалъ. Когда ты говоришь: «Его нѣтъ», ты воздаешь ему не меньшую хвалу, чѣмъ если молвишь: «Онъ есть». О немъ ничего нельзя утверждать, ничего,—ни бытія, ни сущности, ни жизни, потому что Онъ—выше всякаго бытія, выше всякой сущности, выше всякой жизни. Вотъ почему я сказалъ, что онъ—отрицаніе міра, отрицаніе твоей мысли. Отрекись отъ сущаго, отъ всего, что есть, и тамъ, въ безднѣ безднъ, въ глубинѣ несказаннаго мрака, подобнаго свѣту, ты найдешь Его. Отдай Ему и друзей, и родныхъ, и отчизну, и небо, и землю, и себя самого, и свой разумъ. Тогда ты уже не увидишь свѣта, ты самъ будешь—свѣтъ. Ты не скажешь: Онъ и Я; ты почувствуешь, что Онъ и Ты—одно, и душа твоя поемѣется надъ собственнымъ тѣломъ, какъ надъ призракомъ. Тогда—молчаніе, тогда не будетъ больше словъ. И если міръ въ это мгновеніе рушится, ты будешь радъ, потому что зачѣмъ тебѣ міръ, когда ты останешься съ Нимъ? Душа твоя не будетъ желать, потому что Онъ не желаетъ, она не будетъ жить, потому что Онъ—выше жизни, она не будетъ мыслить, потому что Онъ—выше мысли. Мысль есть исканіе свѣта, а онъ не ищетъ свѣта, потому что самъ онъ—Свѣтъ. Онъ проникаетъ всю душу и пре-

творяеть ее въ Себя. И тогда, безстрастная и одинокая, она поконтя выше разума, выше добродѣтели, выше царства идей, выше красоты, въ безднѣ, въ допѣ Отца Свѣтовъ. Душа становится Богомъ, или, лучше сказать, только вспоминаеть, что во вѣки вѣковъ она была, и есть, и будетъ Богомъ.
Такова, сынъ мой, жизнь олимпійцевъ, такова и жизнь людей богоподобныхъ и мудрыхъ: отреченіе отъ всего, что есть въ мірѣ, презрѣніе къ земнымъ страстямъ, бѣгство души къ Богу, котораго она видить лицомъ къ лицу».

Онъ умолекъ, и Юліанъ уналь къ его ногамъ, не смѣль прикоснуться къ нимъ, и только поцѣловаль землю, которой ноги святого мужа касались. Потомъ ученикъ подняль лицо и заглянулъ въ эти странные, зеленые глаза, въ которыхъ сіяла разоблаченная тайна «змѣиной» мудрости. Они казались спокойнѣе и глубже самаго неба: какъ будто изливалась изъ нихъ чудотворная сила. Юліанъ прошепталъ:

— Учитель, ты можешь все. Я вѣрю! Прикажи горамъ—горы сдвинутся! Будь, какъ Онъ! Сдѣлай чудо! Сотвори невозможное, помилуй меня! Я вѣрю!

— Бѣдный сынъ мой, о чемъ ты просишь? То чудо, которое можетъ совершиться въ душѣ твоей, развѣ не больше всѣхъ чудесъ, какія я могу сотворить? Дитя мое, развѣ не страшное и не благодатное чудо—та власть, во имя которой ты дерзаешь сказать: Онъ есть, а если Его нѣтъ, все равно,—*Онъ будетъ*. И ты говоришь: «Да будетъ Онъ, я такъ хочу!».

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ.

I. Въ торфяномъ болотѣ.

Гейнца Товоте. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Арабажиной.

Утомительный лѣтній вечеръ...

Степь мечтаетъ подъ послѣднимъ лучомъ заходящаго солнца.

Отъ темной земли подымается одуряющій запахъ.

Воздухъ жарко дрожитъ надъ болотомъ. и солнце умираетъ.

Ночь приближается...

Овцы блеютъ въ хлѣву одинокаго домика.

Кругомъ садъ и немного поди; картофельный огородъ.

Немного дальше лежатъ нѣсколько колоссальныхъ гранитныхъ камней въ желтомъ пескѣ, изъ котораго вырвались наружу только отдѣльные короткіе кустики травы.

А тамъ растянулся лѣсъ изъ спутанныхъ елокъ, березъ, ольшинъ; тамъ и сямъ сочныя кучки буковъ и между ними цвѣтуція лужайки.

Повсюду на землѣ густой хворостъ.

Изъ лѣсу выходятъ двое—мужчина и дѣвушка.

Онъ обнимаетъ дѣвушку. Она молода, ей едва семнадцать лѣтъ. Она красива, только глаза ея глядятъ какъ-то странно: не открыто и искренно, въ нихъ какъ будто лежитъ какая-то тайна.

Они идутъ къ дому.

У длинныхъ ямъ, въ которыхъ собирается грязная вода, лежитъ черный торфъ. Они садятся и мужчина начинаетъ говорить. Онъ говоритъ ей тихо и убѣдительно. Это вѣроятно что-нибудь печальное.— Дѣвушка прислоняется къ нему, обнимаетъ его за шею и они цѣлуются. А потомъ они встаютъ и дѣвушка бросается къ нему на грудь. Это

разлука, хотя и на короткое время. Мужчина долженъ идти въ городъ на три недѣли въ солдаты.

Онъ мужицкїй сынъ, а она дочь бѣднаго сушильщика торфа. Онъ цѣлуетъ ее еще разъ и ищетъ ея взгляда, но она опускаетъ глаза на землю. Тогда онъ оставляетъ ее и она медленно идетъ по направленію къ дому. Она нагибается нѣсколько разъ, чтобы сорвать полевой цвѣтокъ и входитъ въ легко огороженный садъ. Корова мычитъ ей навстрѣчу изъ полуотвореннаго хлѣва и овцы блеютъ своимъ рѣзкимъ бляньемъ.

Она входитъ въ домъ. Около двери она еще разъ оборачивается.

Ей кажется, что вдалекѣ она узнаетъ чей-то обликъ.

Но она не киваетъ ему...

Голосъ матери зоветъ ее...

Стемяло и масляная лампочка тускло мерцаютъ изъ окна.

Мужчина останавливается и глядитъ вслѣдъ дѣвушкѣ, въ то время какъ она медленно уходитъ.

Онъ хочетъ позвать ее назадъ, но зачѣмъ?

Они сказали ему, что она не стоитъ того, чтобы онъ такъ любилъ ее и противился отцу.

Онъ не слушаетъ ихъ, тѣхъ, кто говоритъ это, потому что любить дѣвушку.

Она красива, даже въ грязномъ, темномъ платьѣ, на которомъ видны слѣды болота. Она вѣдь должна копать торфъ: тяжелый грязный трудъ!

Мужчина все еще глядитъ ей вслѣдъ. Такъ стемяло, что онъ едва можетъ отличить ее, когда она входитъ въ избу.

Теперь она исчезаетъ.

Ночь.

Надъ степью нѣмая тишина. Ни вѣтерка, ни звука, ни одна птица не пролетитъ.

Степь спать.

* *
*

... Молодой мѣсяцъ превратился въ полный. Мужчина возвращается назадъ. Онъ фхаль цѣлый день. Дома онъ рассказываетъ про городъ, а потомъ сѣлъ ужинать. Потомъ онъ пошелъ наверхъ, чтобы лечь спать.

Онъ сказалъ, что усталъ. Старики тоже ложатся спать.

Еще разъ взглянули они на ставни, еще разъ подергали заноры у дверей и потомъ наступаетъ тишина въ домѣ...

Тишина въ домѣ... На дворѣ же бушуетъ буря среди ночи. И туманный лѣсъ то окутывается тьмой, то выступаетъ подъ рѣзкимъ свѣтомъ луны, который въ движущемся туманѣ рисуетъ фантастическіе образы. Туманъ подымается отъ земли и хочетъ лечь надъ нею, но буря налетаетъ и разрываетъ воздушную ткань и гонитъ передъ собой легкія облака.

Черныя тучи на небѣ собираются въ цѣлыя кучи, какъ овцы въ грозу... А когда тучи приближаются къ полной лунѣ, онѣ какъ будто разлетаются, луна какъ будто растворяетъ ихъ.

Темная, могучая, облачная стѣна не пропускаетъ ни одного луча. Только на краяхъ замѣтно, что она покрываетъ мѣсяць. Тамъ просвѣчиваетъ и голубымъ и желтымъ.

И буря поетъ свою пѣсню...

Въ большомъ крестьянскомъ домѣ стукнуло окно. Не вѣтеръ-ли это сорвалъ ставню?..

Теперь совсѣмъ темно...

Чу! шелестъ и царапанье объ стѣну.

Можетъ быть воры?—Но собаки вѣдь молчатъ.

И вотъ какая-то фигура проскальзываетъ мимо забора и прячется за дровами, т. е. большое, голое болото освѣщено луной. Буря прогнала туманъ и только надъ лохматымъ верескомъ какъ будто лежитъ что-то бѣлое.—Но вотъ на равнину надвигается чернота.—Тучи проглотили луну.

Мужчина летитъ черезъ стѣну, какъ будто его преслѣдуетъ буря, какъ будто онъ хочетъ перегнать тучи.

Онъ пролетаетъ мимо лѣса и только на другомъ концѣ его останавливается, чтобы передохнуть.

Тамъ стоитъ хижина кональщика торфа, окутанная саваномъ тумана, окруженная воемъ бури.

Три недѣли прошли съ тѣхъ поръ, какъ этотъ мужчина стоялъ на этомъ самомъ мѣстѣ и прощался. Теперь первые свои шаги онъ направляетъ къ одинокому домику.

Онъ подходитъ къ нему. Проходя мимо хлѣва, онъ сгибается. Онъ долженъ обойти вокругъ дома. Дѣвушка живетъ тамъ.

Онъ хочетъ еще сегодня увидѣть ее, поговорить съ ней... Буря улеглась на нѣсколько времени. Туманъ двигается и ликъ луны закрытъ.

Онъ подходитъ ближе. Въ рукѣ онъ держитъ горсточку пшена. Онъ хочетъ бросить его въ окно, чтобы разбудить ее.

Но онъ спотыкается.

Впереди его что-то зашуршало, но онъ ничего не можетъ различить. Ночь слишкомъ темна, туманъ слишкомъ густъ.

Теперь онъ видитъ: это мужчина!—Значитъ, кромѣ меня, сюда приходитъ еще ктонибудь?—Кровь закипѣла въ немъ.

Онъ идетъ дальше, осторожно... но сухой сукъ отъ сложенныхъ дровъ громко трещитъ подъ его ногой. Наверху стукнуло окно.

Теперь онъ видитъ бѣлую фигуру, которая высовывается изъ окна. Это дѣвушка, которая хочетъ посмотреть, что тамъ такое на дворѣ?

И онъ вдругъ содрагается.

— Прощай Францъ!—слышится тихій шопоть.

Онъ пугается.

Тотъ человѣкъ тоже киваетъ. Тамъ стоитъ лѣстница, немного сдвинутая въ бокъ.

И вдругъ онъ понялъ: другой рядомъ съ нимъ?!—Вотъ онъ осторожно направляется къ забору.

Буря вдругъ завываетъ такъ, какъ-будто хочетъ сравнять хижину съ землей. Но сквозь шумъ ея звучать крики отчаянной ярости. Сложенныя дрова разсыпались...

Тамъ у забора беззвучно борются двое... Собаки съ яростью лаютъ. Дѣвушка исчезла съ крикомъ. Она вылетаетъ изъ дома. Вѣтеръ хлопаетъ открытой дверью, какъ будто онъ хочетъ расщепить ее.

Предсмертный крикъ раздается въ туманѣ, потомъ наступаетъ тишина.

Собаки сорвались. Но ихъ лай не долго продолжается. Съ опущенными хвостами ползаютъ онѣ вокругъ человѣка, лежащаго на землѣ. Кругомъ него лужа крови. Надъ нимъ наклоняется другой человѣкъ. Но теперь онъ вскакиваетъ и топчетъ, который онъ самъ не знаетъ какъ попалъ въ его руки,—выскальзываетъ изъ его пальцевъ. Дѣвушка стоитъ передъ нимъ. Лучъ мѣсяца скользнулъ надъ тремя фигурами. Дѣвушка въ умирающемъ узнала того, съ которымъ она только что прощалась; она кидается на него, зоветъ его: Францъ!

У другого судорожно дергается рука; онъ почти хочетъ снова поднять оружіе, чтобы убить и эту женщину.

Но вотъ въ домѣ зашевелились...

Кто-то приближается со свѣтомъ.—Онъ оглядывается и вдругъ понимаетъ.

Дикій прыжокъ и онъ уже на той сторонѣ низенькаго забора и снова летитъ онъ черезъ степь какъ стрѣла. Но теперь его преслѣдуетъ убійство. За собой онъ слышитъ погоню собакъ, но онѣ не могутъ найти его слѣдъ. Туманъ слишкомъ густъ. Онѣ безпомощно фыркаютъ и нюхаютъ сырую землю, и испускаютъ жалобный и продолжительный вой. Онъ рѣзко раздается въ ухахъ преслѣдуемаго. Буря доносить его къ нему.

Ему кажется, что преслѣдователи близко, но голоса собакъ постепенно затихаютъ и, наконецъ, совсѣмъ смолкаютъ. Надъ нимъ шумитъ лѣсъ, въ которомъ гуляетъ буря. Могучими руками раздвигаетъ онъ кусты и сырыя вѣтви съ шумомъ закрываются за нимъ...

* *
*

Ночь...

Но ночь въ душной тюрьмѣ. Убійцу поймали и привезли въ городъ. Маленькая мрачная келейка, впрочемъ достаточно большая, чтобы не задохнуться въ ней. Окно, но такое маленькое и съ такой частой желѣз-

ной рѣшеткой, что даже днемъ свѣтъ только едва осмѣливается проникать туда. Съ улицы доносится шумъ волнующейся жизни. Экипажи проѣзжаютъ, иѣшеходы спуютъ у высокихъ стѣнъ, такъ какъ слѣдственная тюрьма лежитъ посреди большого города.

Онъ слышитъ шумъ и грохотъ экипажей, онъ видитъ свѣтъ, который едва проникаетъ къ нему, слабый и умирающій.

Онъ въ тюрьмѣ и за этими стѣнами долженъ кончать свои дни. безконечные годы! Только мертвымъ выйдетъ онъ отсюда.

Когда его помилуютъ, онъ будетъ уже измученный старикъ съ безсильными руками.

Онъ думаетъ о своей широкой, свободной степи, объ веселыхъ жаворонкахъ, объ пасущихся овцахъ, и на него пахнуло одуряющимъ запахомъ болота.

Онъ оглядывается вокругъ.

Тѣсныя, сырыя стѣны. Жесткая постель и жалкая пища...

И онъ садится на желѣзную кровать и думаетъ объ той дѣвушкѣ и дикая злость переполняетъ его душу. Ярость и отвращеніе возмущаются въ немъ.

Онъ не можетъ раскаяться въ своемъ дѣяніи. Дѣвушка должна была-бы умереть вмѣстѣ. Какъ гнались они за нимъ, какъ прятался онъ во тмѣ лѣсовъ; какъ-будто не человѣкъ онъ, а дикій звѣрь! И потомъ, когда онъ услышалъ, что она, та, которую онъ любилъ, выступила противъ него...

Его вина подтвердилась только съ помощью ея показаній и ей должно быть доставило наслажденіе то, что она могла отдать его душу чорту. Его трясло, когда онъ думалъ объ томъ, какъ они его выдали.

И впереди долгіе годы ужаснаго покаянія за его мечь!..

Онъ встаетъ и выглядываетъ изъ маленькой оконной дыры. Тамъ внизу свобода, жизнь,—тутъ вѣчный плѣнъ и смерть.

Онъ дергаетъ желѣзную рѣшетку, но она смѣется надъ его силой.

И измученный онъ падаетъ.

А потомъ онъ встаетъ и съ громаднымъ усиліемъ разрываетъ одѣяло на длинныя полосы и старательно связываетъ ихъ. Его руки немного дрожатъ, но онъ заставляетъ себя быть покойнымъ...

И усердно работаетъ онъ надъ своимъ произведеніемъ, крѣпко скручивая полосы, чтобы онѣ не могли разорваться

Когда на разсвѣтѣ вошли въ его камеру, чтобы позвать на работу, онъ былъ мертвъ.

Онъ повѣсился

Вороны каркаютъ вокругъ одинокаго домика и у окна сидитъ блѣдная дѣвушка и пристально глядитъ на болото—и вздрагиваетъ каждый разъ, когда злобѣщая птица издастъ свой крикъ.

Она тусклыми глазами глядитъ вдаль, гдѣ стѣпь понемногу сливается съ облаками и исчезаетъ въ нихъ.

Сегодня пришла сюда вѣсть, что онъ повѣсился въ тюрьмѣ...

Она содрогается и неподвижно глядитъ на темную сырую стѣпь...

А дымящаяся стѣпь продолжаетъ спать... Вороны каркаютъ... и медленно плывутъ сѣрыя тяжелыя облака надъ торфянымъ болотомъ.

II. Маленькій Миронъ.

Ивана Франка. Изъ галицкой жизни. Переводъ съ малорус. Н. Арабажиной.

I.

Маленькій Миронъ — удивительный ребенокъ. Отецъ утѣшается имъ и говоритъ, что онъ замѣчательно умный ребенокъ; но вѣдь отецъ, известное дѣло, пристрастный судья. Къ тому-же отецъ Мирона—человѣкъ уже въ лѣтахъ, долго не могъ дождаться ребенка и, значить, какой бы онъ ни былъ, для него онъ и «золотой», и «умный», и «красивый». Сосѣди потихоньку шептались, что Миронъ «какой-то не такой, какъ другіе»; когда идетъ—размахиваетъ руками, что-то самому себѣ мурлычить подъ носъ, возьметъ прутикъ, хлещетъ имъ по воздуху или скапиваетъ голочки у будяка.

Среди другихъ дѣтей онъ кажется застѣнчивымъ и неловкимъ, а если вдругъ заговорить о чемъ-нибудь, то такое несообразное, что старшіе, услышавъ его, только плечами пожимаютъ.

— Василь!—обращается маленькій Миронъ къ маленькому Василью,—ты до какихъ поръ умѣешь считать?

— Я? а до какихъ поръ нужно считать? Пять, семь, сорокъ-десять...

— Сорокъ-десять! ха-ха-ха! А сколько-же этого сорокъ-десять?

— Ну, а сколько-же это должно быть? Я не знаю.

— Да вѣдь это несколько! Вотъ садись только, будемъ считать!

Василь садится, а Миронъ начинаетъ считать, каждый разъ постукивая налокъ о землю:—Одинъ, два, три, четыре...

Василь слушалъ, слушалъ, а потомъ всталъ и побѣжалъ. Миронъ ничего не замѣчаетъ: сидитъ стучитъ и считаетъ дальше и дальше. Подо-

шелъ старый Рябина, кашляетъ, крехтитъ и вздыхаетъ—Миронъ не слышитъ, и все свое. Старикъ остановился возлѣ него, слушаетъ... Миронъ досчиталъ уже до четырехсотъ.

— А ты! Ну что за чудной ребенокъ, — сказалъ старикъ своимъ обыкновеннымъ, немного носовымъ голосомъ;—ты что дѣлаешь?

Маленькій Миронъ отъ неожиданности даже упалъ, и устремилъ свои испуганные глазенки на стараго Рябину.

— Да ты святую землю ъешь, ей-Богу! Ты развѣ не знаешь, что земляца наша мама? Дай сюда эту палку!

Миронъ отдалъ, даже не понимая, чего хочетъ отъ него старикъ. Рябина швырнулъ палку далеко прочь въ крапиву. Миронъ чуть-было не заплакалъ, не такъ о палкѣ, какъ о томъ, что старикъ прервалъ его счетъ.

— Иди домой, да читай «Отче нашъ», вотъ что, а не дѣлай такіа глупости!—сказалъ старикъ съ суровымъ видомъ и пошелъ дальше. Миронъ долго глядѣлъ ему вслѣдъ, все еще не понимая, за что это старикъ разсердился на него и чего онъ отъ него хочетъ.

II.

Маленькій Миронъ больше всего на свѣтѣ любить бѣгать одинъ по зеленымъ цвѣтуцимъ лугамъ, между широколиственными лопухами и прекрасной полевой ромашкой, любить ушиваться сладкимъ ароматомъ росы, покрывающей конюшину, любить украшаться съ ногъ до головы привязчивымъ ренейникомъ; но всего больше привлекаетъ Мирона ручей, черезъ который нужно идти на пастбище, небольшой, тихій, горный ручеекъ съ глубокими ямами и обрывистыми берегами, журчащей водой и глинистымъ дномъ, покрытымъ мелкими каменными плиточками, поросшими мягкими зелеными водорослями, длинными, какъ шелковыя ленты; этотъ ручей истинное наслажденіе для Мирона, постоянная приманка для него. Тамъ любить онъ сидѣть цѣлыми часами, зарывшись въ высокую зеленую траву, или въ густую лапчатую листву прибрежнаго папоротника. Сидитъ онъ и вглядывается въ плещущую воду, въ сгибающуюся подъ напоромъ волны траву, глядитъ на головлей, которые время отъ времени то вылѣзаютъ изъ своихъ норокъ или выплываютъ изъ болѣе глубокаго мѣста и шныряютъ по дну въ погонѣ за водяными червями, то высовываютъ свою тупую, усатую мордочку изъ воды, вдохнуть воздухъ и затѣмъ снова поспѣшно убѣгаютъ въ свою норку, какъ-бы отвѣдавъ особенно вкуснаго кушанья.

А въ это время солнце жаритъ съ безоблачнаго темно-синяго неба и грѣетъ плечи и все тѣло маленькаго Мирона, но не печетъ его изъ-за широкаго листа. Хорошо ему. Его небольшіе сѣрые глазенки быстро бѣгаютъ, его дѣтскій лобикъ морщится—мысли начинаютъ шевелиться въ его головѣ.

— Вот солнышко,—отчего оно такое небольшое, а титя говорилъ, что оно большое? Это вѣрно въ небѣ такая небольшая дырка прорѣзана, что его только чуть видно! — Но сейчасъ-же въ головѣ его возникаетъ другая мысль:

— Да, а какъ-же это такъ? Гдѣ восходить—тамъ маленькая дырка, а гдѣ заходить тамъ тоже дырка! Развѣ дырка вмѣстѣ съ солнцемъ по небу ходить?

Это не можетъ помѣститься въ его головѣ, и онъ даетъ себѣ слово, что какъ скоро онъ придетъ домой, то сейчасъ-же спроситъ у тити, какъ это въ небѣ для солнца дырка прорѣзана?

— Миронъ! Миронъ!—слышенъ издалека крикъ. Это мать зоветъ его. Миронъ услышалъ ея голосъ и опомнился: онъ сбѣжалъ съ берега къ броду, чтобы перейти черезъ ручей, но сейчасъ-же останавливается. Много разъ уже проходилъ онъ черезъ ручей и ничего, а теперь вдругъ новое явленіе бросилось ему въ глаза. Онъ стоялъ какъ разъ спиною къ солнцу и, глядя въ воду, увидѣлъ вдругъ вмѣсто мелкаго дна, камешковъ и мягкихъ зеленыхъ водорослей—одну бездонную, глубокую синеву. Онъ не зналъ, что то было небо, усмѣхавшееся ему изъ воды, и задумался. Какъ-же тутъ идти въ такую глубину? И откуда это она вдругъ взялась? Онъ остановился и сталъ серьезно разглядывать эту глубину. Все одно и то-же. Онъ присѣлъ,—одно и то-же, только у самаго берега видны знакомые камешки, да слышно обыкновенное милое журчанье воды на бродѣ. Онъ повернулся лицомъ къ солнцу, глубина исчезла, бродъ такой-же, какъ и былъ. Это открытіе и обрадовало, и удивило его. Онъ началъ поворачиваться во всѣ стороны, радуясь чудесному явленію. А про маминъ зовъ совсѣмъ и забылъ.

И долго стоялъ такъ надъ бродомъ маленькій Миронъ, то наклоняясь, то поворачиваясь, но лѣзть въ воду все какъ-то не осмѣливался. Ему казалось, что вотъ-вотъ посреди гладкаго каменстаго брода земля раздвинется и засіяетъ подъ ручьемъ бездонная синяя глубина между высокими берегами и полетитъ онъ въ эту глубину далеко-далеко и исчезнетъ въ ней, какъ камень, брошенный въ глубокую, темную криницу!.. И кто знаетъ, сколько времени стоялъ-бы Миронъ надъ бродомъ, когда-бы къ ручью не подошелъ сосѣдъ Мартынъ, съ вилами и граблями снѣшившій на сѣнокосѣ.

— А ты чего здѣсь стоишь? Вонъ тебя matka кличетъ; чего не идешь домой?

— Да я хочу идти, да боюсь!

— Чего?

— Да вонъ—смотри!—И онъ показалъ на бездонную синеву на водѣ. Мартынъ не понялъ.

— Ну, чего-же тутъ бояться? Вотъ-же мелко!

— Мелко?—недовѣрчиво переспросилъ Миронъ.—А вѣдь вотъ-же какая глубина!

— Глубина?—Поди! Это еще не глубина,—сказалъ Мартынь, и какъ былъ въ ходакахъ, такъ и перешелъ черезъ бродъ, даже мало замочивъ обувь. Переходъ Мартына придавалъ Мирону смѣлости и онъ перешелъ черезъ воду и побѣжалъ огородомъ домой.

— Какой глухой мальченка! Пять лѣтъ, а еще броду боится—проворчалъ сосѣдъ и пошелъ за своимъ сѣномъ.

III.

А когда лѣтомъ изъ дому всѣ старшіе пойдутъ въ поле, Миронъ остается одинъ, но онъ не сидитъ въ избѣ. Въ избѣ онъ боится; боится «дѣда въ углахъ», т. е. тѣней, боится пузатой нечки, черной внутри отъ сажки, боится толстой деревянной клюки, вбитой въ окно, употребляющейся для пропуска дима отъ лучинъ, которыми освѣщаютъ зимой. Миронъ остается на дворѣ. Тамъ онъ можетъ себѣ гулять, рвать травку и рщипывать ее на куски, строить избы изъ щепокъ и палочекъ, которыя лежатъ на дровяномъ дворѣ, или просто-на-просто лежать себѣ и грѣться на солнцѣ и слушать чириканье воробьевъ на яблонькахъ, да глядѣть на синее небо. Хорошо ему!—и на дѣтскій лобикъ снова какъ-бы тучка набѣгаетъ; это—приходятъ мысли.

— А отчего это человѣкъ все видитъ? и небо, и траву, и тятю, и маму?—приходитъ ему въ голову ни съ того, ни съ сего этотъ вопросъ.— Или, почему слышитъ? Вонъ ястребъ «кевкаетъ», курицы кудахчутъ... Что это такое, что я это слышу?—Ему кажется, что человѣкъ все это дѣлаетъ ртомъ, и видитъ, и слышитъ. Онъ раскрываетъ ротъ: ну, такъ и есть, видно все, слышно все...

— А можетъ нѣтъ? можетъ глазами?

Онъ замуриваетъ глаза.

— Ова! ничего не видно!—раскрываетъ ихъ—и видно, и слышно; онъ снова замуриваетъ ихъ—не видно, но слышно.

— Еге! такъ вотъ оно какъ! Глазами видно, а чѣмъ-же слышно?—Снова раскрываетъ и закрываетъ ротъ — слышно! — потомъ глаза: все-таки слышно!—А вотъ пришла мысль закрыть пальцами уши. Шумъ—шумъ—шумъ!—А это что такое? Слышенъ шумъ, но не слышно ни кудаханья куръ, ни «кевканья» ястреба. Онъ отнимаетъ пальцы—слышно кудаханье, а шума нѣтъ. И въ другой разъ то-же самое.

— И что это такое?—разсуждаетъ самъ съ собой Миронъ.—Еге, знаю! Ушами слышу кудаханье, а пальцами шумъ! А вотъ какъ, вотъ какъ!

Онъ дважды пробуетъ—такъ, совсѣмъ такъ!

Когда пришли жнецы къ обѣду, онъ въ прыпочку побѣжалъ къ отцу:

— Тятя, тятя! А я что-то знаю!

— Что такое? мое дитятко!

— Я знаю, что человекъ видитъ глазами.

По лицу отца пробѣгаетъ усмѣшка.

— А ушами слышитъ кудахтанье, а пальцами шумъ.

— Какъ, какъ?

— Да такъ, что коли не затыкать уши пальцами, то слышно, какъ курица кудахчетъ, а коли заткнуть, такъ слышенъ только шумъ!

Отецъ захохоталъ, а мать, строго взглянувъ на Мирона, замахнулась на него ложкой и сказала:

— Будеть тебѣ, будетъ! Такой большой парень, что могъ-бы скоро жениться, а говорить такія глупости! Отчего ты никогда не *подумаешь* о томъ, что хочешь сказать, а все такъ и ляпаешь, какъ на лопатѣ вывозишь! Вѣдь человекъ все слышитъ ушами—и кудахтанье, и шумъ.

— А отчего-же онъ не слышитъ сразу? Только, если не затыкать ушей, то слышишь кудахтанье, а коли заткнуть, такъ слышенъ шумъ?—спросилъ мальчикъ.—Вотъ попробуйте сами!—И онъ для убѣдительности заткнулъ уши пальцами.

Мать пробурчала еще что-то, но отвѣта на этотъ вопросъ не нашла.

IV.

И ужъ всего больше горя было у Мирона съ этимъ думаньемъ! Не умѣлъ думать, да и только. Что только бывало скажетъ, — все какъ-то не такъ, какъ надо; все мать, или кто-нибудь другой говорить ему:

— Да чего ты, оболтусъ, не *подумаешь* раньше, что хочешь сказать, а такъ зря болтаешь, какъ тотъ болтъ у двери болтается!

И какъ только бѣдный Миронъ ни мучился, чтобы выдумать и сказать что-нибудь умное—нѣтъ не можетъ, да и только. Бѣдный Миронъ пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ не умѣетъ думать.

Вотъ разъ сидитъ вся семья за обѣдомъ, вокругъ большого стола по серединѣ избы. Мать подаетъ капустнякъ. Капустнякъ хорошій, съ саломъ, да еще и крупной засыпанъ. Всѣ ѣдятъ его молча. Маленькій Миронъ проглотилъ двѣ-три ложки, а потомъ удивился тому, что въ избѣ такъ тихо стало, никто и слова не скажетъ. Ни съ того, ни съ сего покажись ему, что именно теперь долженъ онъ что-нибудь сказать. Но что-бы тутъ такое сказать? Нужно раньше подумать, а то всѣ будутъ смѣяться, да еще и мама выбранить. Что-бы тутъ сказать? И малевкій Миронъ начинаетъ думать. Какъ несъ онъ ложку ото рта къ мискѣ, такъ и застыла она въ воздухѣ вмѣстѣ съ рукой. Глаза неподвижно вперились въ пустое пространство, а потомъ невольно остановились на образѣ Божіей Матери, висѣвшемъ на стѣнѣ; только губы Мирона двигаются,

точно что-то шепчуть. Слуги это увидали, переглянулись между собой, толкнули другъ друга локтемъ, а дѣвка-работница даже шепнула старому Ивану:

— А вотъ онъ сейчасъ какую-нибудь глупость выстрѣлитъ!

— Вотъ неизвѣстно,—началъ медленно Миронъ,—почему Божія Матерь глядитъ, глядитъ, а капусты не ѣсть?

Бѣдный Миронъ, хоть какъ мучился, ничего лучшаго придумать не могъ, можетъ быть потому, что его насильно заставляли думать «такъ, какъ люди». Смѣхъ, хохотъ, обыкновенная брань матери, вмѣстѣ съ «оболтусомъ».—Бѣдный Миронъ заплакалъ.

— Такъ что же, если я не умѣю думать такъ, какъ люди — сказалъ онъ, обтирая слезы.

V.

Что изъ него будетъ? Какой цвѣтокъ разовьется изъ этой почки? Это предсказать не трудно. Встрѣчаются въ нашихъ селахъ довольно часто такія удивительныя и странныя дѣти. Все у нихъ съ малолѣтства не такъ, какъ у людей: и походка, и видъ, и волосы, и слова, и поступки. А если придется такому ребенку вѣкъ жить подъ темной сельской крышей, безъ болѣе широкаго развитія, безъ болѣе яснаго и точнаго знанія, если съ малыхъ лѣтъ не понимающіе родители начнутъ напихивать въ него все «какъ у другихъ людей», то имъ и удастся подавить въ ребенкѣ прирожденную наклонность къ своеобразному; ничѣмъ не развиваемыя и заглушенныя способности ребенка опѣмѣютъ и зачахнутъ въ зародышѣ, а изъ маленькаго Мирона выйдетъ плохой хозяинъ или, что еще хуже, не вполне заглушенная живость ума и характера толкнетъ его на злое, такъ какъ не сможетъ развиваться во что-нибудь доброе, и станетъ онъ безпокойнымъ человѣкомъ, быть можетъ даже преступникомъ, а то и просто знахаремъ, вѣрующимъ въ выдумки своей собственной фантазіи, и будетъ онъ искренно, отъ чистаго сердца туманить темный людъ.

Но если такой ребенокъ нападетъ на любящаго, а главное не на слишкомъ богатаго отца, который захочетъ и сможетъ тянуться изъ послѣднихъ силъ, чтобы открыть своему ребенку очи и свѣтъ, чтобы дать ему образованіе, то тогда—что-жъ тогда? Развѣ думаете вы судьба ребенка будетъ лучшей? Какъ бы не такъ! Въ школѣ ребенокъ будетъ на удивленіе всѣхъ хвататься за ученье, будетъ имъ ушиваться, какъ больной свѣжимъ воздухомъ, и кончить тѣмъ, что, познавъ свѣтъ истины, захочетъ и въ жизни проводить то, чему онъ научился. И станетъ маленькій Миронъ горячимъ проповѣдникомъ правды и новыхъ истинъ, и понесетъ онъ ихъ къ темнымъ и погибающимъ подъ родныя стрѣхи... И незавидная же тогда доля ждетъ его! Навѣститъ онъ и стѣны тюрьмы и другіе притоны горя, муки и насилія людей надъ людьми, а кончить тѣмъ,

что либо погибнетъ гдѣ-нибудь въ бѣдности, одиночествѣ и отчужденности отъ всѣхъ людей, гдѣ-нибудь на чердакѣ, либо изъ тюремныхъ стѣнъ вынесетъ зародышъ смертельной болѣзни, которая раньше времени сведетъ его въ могилу, а можетъ быть, утративъ вѣру въ святую, великую истину, начнетъ заливать свои страданья и муки водкой, пока не дойдетъ до полнаго безпамятства. Вѣднйй. маленькій Миронъ!..

III. Мрачная исторія.

Изъ книги новеллъ **Луиджи Капуана** «Le appassionate». Переводъ съ итальянскаго С. П.

— Ты лжешь! — закричалъ баронъ, поблѣднѣвъ какъ смерть, весь дрожа, бросая молниеносные взгляды на стараго слугу, который стоялъ передъ нимъ блѣдный, какъ и онъ, съ опущенной головой и лицомъ, по которому текли слезы:

— Ваше сіятельство!..

Старикъ сложилъ руки, какъ бы для молитвы.

— Сознайся что ты лгалъ! Сознайся!

Онъ задыхался отъ бѣшенства.

Старикъ закрылъ лицо руками, не отступая, не защищаясь.

— Я сказалъ святую правду. У меня такая же душа какъ и у васъ, и я не хочу угодить въ адъ.

У барона опустились руки. Ошеломленный, онъ оглянулся, не вѣря своимъ ушамъ.

Комната наполнилась свѣтомъ. Въ раскрытыя окна врывалось изъ сада виллы благоуханіе весны. Чирканье воробьевъ надъ крышей и между деревьями, крикъ курицъ и индюковъ на дворѣ, веселый лай собакъ, звучали въ эту минуту какъ праздничный хоръ.

Баронъ провелъ рукою по лбу, покрытому холоднымъ потомъ. Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума; сердце его разрывалось.

— И ты самъ видѣлъ, своими глазами?

— Да, ваше сіятельство, вотъ этими глазами. Клянусь Богомъ!

И, положа руку на сердце, Юсифъ поднялъ вверхъ глаза.

— Это ужасно!

Баронъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ не въ состояніи былъ

больше говорить и только глазами настойчиво спрашивал дрожащего слугу.

— Такъ, такъ; каждый разъ когда баронъ уѣзжалъ въ Палермо или когда оставался почевать на виллѣ во время уборки винограда и маслины. Я не рѣшался говорить, боясь, что мнѣ не повѣрятъ... Ахъ, я говорилъ вамъ, что баронесса была слишкомъ молода для вашего сѣятельства!

Баронъ плакалъ какъ ребенокъ, опершись локтями о столъ.

— Это ужасно! Какъ это было глупо! Нужно было все предвидѣть! Вина вся моя... О, я глупецъ!.. Самъ дьяволъ вѣрно внушилъ мнѣ жениться во второй разъ!

Кровь волною бросилась ему въ голову и перемѣнила все его мысли. Ужасные проскты мщений въ безпорядкѣ, одинъ за другимъ, рисовались въ его воображеніи. Онъ совѣмъ забылъ о старикѣ Юсифѣ, который рыдалъ въ углу.

— Благодарю!—сказалъ баронъ, дѣлая усиліе, чтобы прійти въ себя и вытирая глаза.

— Ваше сѣятельство должны простить меня. Совѣсть меня грызла за то, что я молчалъ. Но теперь... что вы сдѣлаете, ваше сѣятельство? Не должно отчаиваться! Пошлите его куда-нибудь подальше...

— Сынъ мой!.. Сынъ мой!.. бормоталъ баронъ, хватаясь за волосы.

* * *

Барону Руссо-Скаро было 49 лѣтъ, когда онъ женился на 20-лѣтней Антуанеттѣ Пьетранера.

— Ты дѣлаешь большую глупость, — говорилъ ему его дядя, аббатъ монастыря Св. Бенедиктина.

— Антуанетта—воплощеніе доброты;—отвѣтилъ баронъ.

— Она останется всегда мачихой...

— Георгію 15 лѣтъ. Теперь онъ въ коллегіи, затѣмъ онъ поступить въ университетъ, потомъ мы его женимъ...

— Но ты вѣдь не молодъ...

— Я хорошо сохранился.

Во время свадебнаго путешествія ихъ принимали за отца и дочь. Впечатлѣніе это, однако, скоро изгладилось изъ памяти барона и первый годъ ихъ супружеской жизни прошелъ спокойно.

Баронесса любила уединеніе. Она была серьезна, почти грустна; мужъ не зналъ, чѣмъ ее развлечь. Влюбленный баронъ старался чѣмъ-нибудь вознаградить разницу въ лѣтахъ и онъ осыпалъ ее подарками.

— Еще?—воскликнула Антуанетта при каждомъ новомъ сюрпризѣ.

— Никогда не будетъ достаточно! говорилъ онъ, цѣлуя ее въ лобъ. Одно только желаніе мучило его:

— Если-бы я имѣлъ сына отъ нея! Тогда она казалась бы мнѣ моею...

Но сынъ не рождался, однако.

— Тѣмъ лучше!—воскликнула она, когда баронъ съ грустью затрогивать этотъ вопросъ.—Развѣ у насъ нѣтъ Георгія?

— Да, да, но это совершенно другое,—отвѣчала онъ вздыхая.

И дѣйствительно, въ ихъ домѣ не было веселья: солнце не проникло къ нимъ своими лучами.

Она проводила дни, пожирая романы и описанія различныхъ путешествій. Мужа она не любила, но все-таки она не питала къ нему отвращенія. Родители такъ хотѣли и она имъ подчинилась, хотя это ей дорого стоило. Иной разъ сердце ея волновалось чѣмъ-то неопредѣленнымъ. Ее тревожили какія-то надежды, какое-то желаніе. Она смѣшивала болѣзнь своей души съ недугомъ тѣла и обращалась за совѣтомъ къ доктору. А докторъ напрасно сыпалъ латинскими рецептами:

— Нервы!

Но рецепты эти ни къ чему не приводили.

* *

— Знаешь, Георгій скоро вернется домой,—сообщилъ однажды вечеромъ баронъ женѣ.

Антуанетта не обнаружила ни радости, ни неудовольствія, а только слегка удивилась.

— А!

Баронъ полагалъ, что пріѣздъ Георгія не будетъ ей пріятенъ и, какъ бы извиняясь, поспѣшилъ прибавить:

— Ему нездоровится. Врачи посоветовали ему пробыть нѣсколько мѣсяцевъ на родинѣ.

— Хорошо сдѣлаетъ.

Она продолжала разсѣянно читать.

Баронъ стоялъ какъ на угляхъ. Онъ истолковалъ это равнодушіе въ дурную сторону.

— Когда?—спросила баронесса послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Скоро.

— Нужно будетъ приготовить комнату...

— Мы выѣдемъ на дачу. Апрель и май проведемъ тамъ. Тебѣ это не нравится?

— Напротивъ.

Баронъ почувствовалъ, что большая тяжесть свалилась у него съ души.

* *

Вилла Чельзо-Неро была живописно расположена зданіемъ въ два этажа среди апельсиннаго сада. За изгородью росъ японскій кизиль; яблони, груши, лимоны и апельсины показывали свои сверкающія на солнцѣ вершины, бронзово-зеленаго цвѣта. Воздухъ былъ весь пропитанъ ароматомъ.

Вначалѣ между баронессой и ея пасынкомъ установились нѣсколько натянутыя отношенія. Георгію не ловко было называть мамой такую молодую мачиху; ей какъ-то не удавалось называть его просто Георгіемъ; она называла его «маленькимъ барономъ». Они совершали вмѣстѣ съ барономъ длинныя прогулки пѣшкомъ или верхомъ на лошадяхъ. Иногда они отирались одни, если баронъ оставался, чтобы посмотреть за работой калабрійскихъ крестьянъ, которые выкапывали бассейны. Менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли натянутость между мачихой и пасынкомъ пропала; они уже говорили другъ другу ты. Барону это было очень пріятно.

Георгій, хилый, блѣдный, съ свѣтлорусыми волосами и чрезвычайной нѣжностью во взглядѣ, казался положительно ребенкомъ. Его мелодичный, женственный голосъ смущалъ баронессу. Когда онъ говорилъ, она пристально вглядывалась въ него. Такая нѣжная свѣжесть пробуждала въ ней, въ нѣкоторомъ безпорядкѣ, первыя ощущенія дѣвушки. Пріятная дрожь пробѣгала по всему тѣлу; сердце ея билось тревожно.

Цѣлое утро они проводили вмѣстѣ на лугу, усыпанномъ цвѣтами и залитомъ свѣтомъ солнца; онъ лежалъ ничкомъ въ травѣ, подъ тѣнью анельсиннаго дерева, она сидѣла на подушкѣ, принесенной Георгіемъ. Пока онъ читалъ вслухъ, постоянно напругая голосъ, Антуанетта слушала его, работая крючкомъ. Отъ времени до времени его прекрасные черные глаза сверкали въ тѣни вѣтвей; иногда взоръ ихъ застывалъ на какой-нибудь отдаленной точкѣ.

— Ты знаешь, что въ коллегіи я тебя ненавиждѣлъ? — сказалъ ей однажды Георгій, очищая анельсинъ.

— Почему?

— Мнѣ представлялось, что ты некрасива. Но...

— Развѣ я не такъ гадка, какъ ты думалъ?

— Ты прекрасна!

Онъ произнесъ эти слова свободно, съ дѣтскимъ восхищеніемъ, продолжая при этомъ очищать анельсинъ.

Баронесса встала и, развернувъ книгу, положила ее на вѣтку. Затѣмъ она медленно пошла впередъ по дорожкѣ. Георгій пошелъ за ней, чтобы предложить ей анельсинъ.

— Не хочу. Благодарю.

— Ну, половину...

— Не хочу, не хочется.

— Ну, четверть!

— Не хочу.

Она улыбнулась, посмотрѣвъ ему въ глаза. Лицо ея приняло нѣжное выраженіе.

Георгій поднесъ ей кусокъ ко рту.

— Возьми половину.

Она уступила, чтобъ ему угодить. Георгій съѣлъ другую половину.
— Какъ сладко!
— Дай мнѣ читать.—сказала баронесса блѣднѣя.

* * *

Георгій былъ мальчикъ и ничего не замѣчалъ. Онъ нашелъ дома не чужую, вторгнувшуюся женщину, а сестру, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже больше—друга, и былъ счастливъ.

— Блаженная молодость!—воскликнула въ глубинѣ души Антуанетта.

Она однако не всегда обращалась съ нимъ ровно. То она была съ нимъ нѣжна и мягка, то вдругъ впадала въ рѣзкій тонъ.

— У нея разстроены нервы,—говорилъ Георгій.

— Тебѣ можетъ быть нездоровится?—спрашивалъ ее баронъ?

— Нѣтъ; почему я должна себя чувствовать нездоровой?

— Мнѣ говорилъ Георгій: у Антуанетты разстроены нервы.

Баронесса опустила голову и нахмурила брови. Баронъ истолковалъ это по-своему: онъ увидѣлъ здѣсь ту-же печаль, которая терзала и его, то-же страстное желаніе, которое такъ долго не осуществлялось...

— Присутствіе Георгія — постоянный поводъ для возбужденія этой мысли, невольная обида законнымъ стремленіемъ сердца! Я понимаю это, къ сожалѣнію! Но кто виноватъ?.. Георгій уже возстановилъ свое здоровье: онъ долженъ возвратиться въ коллегію. Тѣмъ лучше...

Но когда онъ объявилъ это рѣшеніе, баронесса возразила:

— Мальчикъ еще не поправился. Почему съ такой поспѣшностью отсылать его? Ты хочешь возбудить подозрѣніе, что я, мачиха, хочу держать его вдали отъ тебя? Вакаціонное время приближается. Въ октябрѣ Георгій будетъ совершенно здоровъ.

— Я думалъ этимъ сдѣлать тебѣ удовольствіе! Мнѣ пріятно, что я ошибся!

* * *

Въ городѣ жизнь Антуанетты и Георгія проходила еще однообразнѣе. Чтеніе и роиль развлекали ихъ по временамъ. Дни казались вѣчностью. Вечеромъ, во время обычной прогулки по аллеѣ, Георгій, подъ руку съ мачихой, говорилъ съ ней о всякихъ пустякахъ и былъ съ ней фамильяренъ, какъ съ товарищемъ. Однажды онъ разказалъ ей о своей любовной связи въ 10 лѣтъ. Это было ребячество.

— А потомъ?

— Потомъ?.. Ничего.

Она оперлась крѣпче на его руку, медленно продолжая идти впередъ, устремивъ глаза на звѣздное небо. Вдругъ, высвободивъ свою руку, чтобы согрѣть ее, она, по какому-то капризу, ускорила шаги. Остановившись немного спустя, она сказала:

— Я хочу вернуться домой. Вечеръ слишкомъ прохладенъ...

— Напротивъ, теперь тепло!..

Придя домой, она посиѣнно переодѣлась, потомъ усѣлась на маленькой тѣрассѣ, прислонивъ голову къ желѣзнымъ периламъ. Она покачивалась въ креслѣ, закрывъ глаза.

— Баю-бай, баю-бай!—пѣлъ въ полголоса Георгій, улыбаясь и облекая рукой качаніе.—Баю-бай!

Волосы и рука Антуанетты, прислоненные къ желѣзной палкѣ перилъ, были озарены свѣтомъ луны, надавшимъ съ боку. Остальная часть ея фигуры скрывалась въ тѣни, и въ этой тѣни сверкала бѣлизна ея зубовъ между полуоткрытыми губами, сложенными въ улыбку.

— Баю-бай!

— Георгій, смирно! смирно!

И, чувствуя отливъ силъ, она старалась удержать его руку.

Георгій, однако, какъ упрямый мальчикъ, не переставалъ качать ее. Вдругъ онъ обдалъ ее свѣжимъ воздухомъ и убѣжалъ.

Антуанетта векочила, какъ будто это дуновеніе хлестнуло ее по лицу. Она кусала губы, проводила рукою по волосамъ, задыхаясь отъ волненія. Георгій смѣлся въ углу комнаты, внотьмахъ.

* *
* *

Баронъ уѣхалъ въ Палермо; они продолжали забавляться въ комнатахъ, бѣгали, прятались за дверьми какъ дѣти, когда они уставали отъ чтенія или когда имъ надоѣдала игра на рояли.

Два раза они ѣздили въ каретѣ въ Чельзо-Неро на нѣсколько часовъ, чтобы погулять по саду съ лимонами и апельсинами, или побродить подъ арками на лугу, засаженномъ масличными деревьями, или подъ навѣсомъ, пересѣкавшимъ виноградный садъ.

Поздно вечеромъ, когда они возвращались домой, Антуанетта прижималась въ уголъ кареты, молча смотрѣла на Георгія, который не могъ ее видѣть; отъ времени до времени плечи ея судорожно вздрагивали. Тогда она закрывала глаза и опускала голову. Георгій, прижавшись въ противоположный уголъ кареты, ничего не замѣчалъ. Если онъ оборачивался къ своей мамахъ и встрѣчалъ ея острый взглядъ, по лицу его пробѣгала совершенно дѣтская, невинная улыбка. Тогда и она грустно улыбалась и протягивала руку, чтобы приласкать съ материнскою нѣжностью свѣтлорусые волосы, которые надали ему на лобъ. Пульсъ бился у нея сильнѣе и маленькая, бѣлая рука ея дрожала.

Въ одно изъ этихъ возвращеній, Георгій, принявъ серьезный видъ, сказалъ ей:

— Въ воскресенье мнѣ исполнится 17 лѣтъ. Я дѣлаюсь взрослымъ.

Антуанетта посмотрѣла на него такъ, какъ если бы эти слова означали что-то особенное:

— 17 лѣтъ!

* * *

Черезъ недѣлю они поѣхали снова въ Чельзо-Неро, на этотъ разъ верхомъ на лошадахъ.

Быль лѣтній день. По небу блуждали разорванныя облака. Въ воздухѣ была разлита истома. Къ вечеру, между тѣмъ, когда они собирались уѣзжать, пошелъ мелкій дождикъ, который казался завѣсой, опустившейся противъ заходящаго солнца.

— Лѣтній дождь! сказалъ Георгій, наблюдая погоду изъ окна.

Баронесса, нахмуривъ лобъ, сжавъ губы, смотрѣла молча на небо и на поля, прислушиваясь къ шуму дождя и листьевъ, шелестѣвшихъ отъ вѣтра. Въ отдаленіи раздавались раскаты грома; гроза приближалась, предвѣщаемая молніей.

Лошади, уже осѣдланныя, ржали и топали подъ навѣсомъ конюшни. Дождь все усиливался и усиливался. Солнце скрывалось за огромными, чернѣющими, грозowymi тучами.

— Куда вы хотите ѣхать, ваше сіятельство? спросилъ хозяинокъ баронессу.—Дождь будетъ лить всю ночь.

Георгій, не скрывая радости, воскликнулъ:

— Какой пріятный сюрпризъ!

Хозяйка появилась въ бѣломъ передникѣ изъ грубаго холста въ дверяхъ комнаты и спросила:

— Не прикажете-ли зажечь свѣчу? Приготовить постели? Сварить ужинъ съ омарами? Есть свѣжія яйца; пастухъ попозже принесетъ сливочнаго сыра...

— Превосходно! Bravo!

Георгій шумѣлъ какъ ребенокъ, между тѣмъ, какъ баронесса, прислонившись къ окну, слегка кусала кончикъ указательнаго пальца, устремивъ глаза въ темное поле.

Канавы шумѣли подъ каменной мостовой передъ домомъ. Огни, зажженные крестьянами для сушки мокраго платья, бросали чрезъ открытую дверь нижняго этажа длинныя полосы красноватаго свѣта, по которому отъ времени до времени пробѣгали странныя длинныя тѣни. Георгій на минуту спустился внизъ къ крестьянамъ и оттуда голосъ его доносился вверхъ частыми раскатами серебрястаго смѣха.

Затѣмъ онъ вернулся, продолжая смѣяться.

— Какой забавный пастухъ! Всѣ смѣются надъ нимъ! Онъ боится вѣдьмъ, которыя выпускаютъ его коровъ, чтобы бѣсить его. Одважды ночью, говоритъ онъ, вѣдьмы вымазали волосы коровъ, такъ-что, если-бы

онъ ихъ сталъ рѣзать, онъ навѣрное умеръ-бы при первомъ къ нимъ прикосновеніи.

— А гдѣ-же постельное бѣлье? Здѣсь слѣдуетъ спать, не раздѣвшись, въ одеждѣ.

Затѣмъ, поискавъ въ шкафу, они нашли двѣ пары оставшихся на случай простынь. Съ шумомъ стали они готовить постель. Георгій вырвалъ одну свернутую простыню; Антуанетта прикинулась рассерженной.

— Какъ ты неловокъ!

И они продолжали разворачивать простыни, неудержимо смѣясь, бросаясь на кровать одинъ съ одной стороны, другая съ другой, совершенно изнемогая отъ смѣха. То-же самое они продѣлали въ другой комнатѣ, у постели Георгія.

Ужинъ показался роскошнымъ.

— Какъ хороши эти омары!

— Какъ вкусенъ этотъ крестьянскій хлѣбъ!

Сидя другъ противъ друга, опершись локтями о столъ, ведя безсвязный, отрывочный разговоръ, они не сибшили разойтись по своимъ комнатамъ. Георгій, немного сонный, она съ томными, сверкающими глазами, влажными, воспаленными сильнѣе обыкновеннаго губами,—они бесѣдовали тихимъ голосомъ, съ постоянными перерывами.

Георгій поднялся первый, развязалъ галстукъ, разстегнулъ воротничокъ рубахи, изъ-за которой выглянула бѣлая, какъ пѣна и какъ-бы выточенная шея. Антуанетта пошла вмѣстѣ съ нимъ, машинально сѣла въ ноги его постели, а потомъ вдругъ встала, взявшись за ручку двери.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Дождь шелъ еще сильнѣе, но равномерно; вдали раздавались глухіе раскаты грома. Вся деревня спала.

Баронесса начала раздѣваться, распустила волосы на полубожаженные плечи. Она провела холодными, влажными, какъ у больной, руками по лбу. Вдругъ, она, въ чемъ была, шатаясь какъ пьяная, сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ комнатѣ Георгія.

* * *

Это была она!

Вѣдному мальчику никогда и въ голову не приходило, что это могло случиться.

Увы, все готовилось постепенно!

Ничто не мѣшало имъ. Они не думали о настоящемъ, не заботились о будущемъ. Ничто не смущало ихъ. Все было подавлено бредомъ страсти, разразившейся вдругъ, точно молнія на ясномъ небѣ, въ ихъ спокойной жизни. Онъ задыхался въ ея страстныхъ объятіяхъ и вызывалъ

въ ней нервный трепеть своимъ почти дѣтскимъ тѣломъ, бѣлымъ, свѣжимъ, мягкимъ, какъ бархатъ, своимъ нѣжнымъ смѣхомъ, своими глубокими глазами. Никто не мѣшалъ имъ. Имъ помогало все: свободное уединеніе, слѣпое довѣріе того, кто ничего рѣшительно не подозрѣвалъ, и небо, и земля, которыя въ сициліанскую осень преисполнены всѣхъ соблазновъ весны.

* * *

Преторъ, полицейскій бригадиръ и два друга барона на цыпочкахъ вошли внотьмахъ.

Баронъ зажегъ спичку; рука, въ которой онъ держалъ ее высоко, чтобы освѣтить брачное ложе за пологомъ, судорожно дрожала.

— Будьте снисходительны, господинъ баронъ!—умолялъ его преторъ тихимъ голосомъ, крѣпко сжимая его руки.—Будьте великодушны! Еще есть время!

— Я дѣлаю слишкомъ много, если взываю только къ закону,—отвѣтилъ баронъ.

И преступники были разбужены бригадиромъ. Остолбенѣвъ отъ ужаса, они не произнесли ни слова.

Послѣ того утра, ставни замка Руссо Скарро никогда больше не открывались. Вилла Чельзо Неро опустѣла...

Всякій разъ, какъ старый аббатъ монастыря Св. Бенедиктина проходить случайно мимо этого замка, онъ воспоминаетъ катастрофу съ послѣднимъ отпрыскомъ его фамиліи, и сердце его сжимается отъ боли.

— Если вы увидите страшное разрушеніе, любилъ повторять съ горечью этотъ монахъ,—говорите, не боясь ошибиться: здѣсь была женщина!

Основныя начала Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г.*).

Es wächst der Mensch in seinen
höheren Zwecken!

Schiller.

Недавно минуло 30 лѣтъ со времени обнародованія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Въ именномъ указѣ сенату, въ которомъ оно предписывалось, Императоръ Александръ II говорилъ: «Разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы находимъ, что они вполне соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Панихъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ Нашемъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго».

Восторженно были встрѣчены новые законы; никто открыто не заявлялъ себя врагомъ ихъ, никто не возражалъ противъ суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ. Но жизнь текла... Прошло не много времени и сначала одинокіе, разрозненные, потомъ сплетающіеся въ громкій хоръ, раздались голоса противъ началъ судебныхъ уставовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь выдвигала новые вопросы и недоумѣнія, не предвидѣнные и не предрѣшенные составителями судебныхъ уставовъ. И рядомъ шло законодательство, удовлетворяя эти новые запросы жизни новыми постановленіями въ развитіе основныхъ началъ судебныхъ уставовъ или прислушиваясь къ наиболее крикливымъ общественнымъ тенденціямъ, въ разрѣзъ имъ. Въ наше время нѣтъ уже единства и послѣдовательности въ содержаніи судебныхъ уставовъ, съ которыми они вы-

*.) Съ 1884 года эти уставы называются Судебными Уставами Императора Александра II.

ступили въ свѣтъ. Нѣтъ и единства въ отношеніи къ нимъ общества. Общество распадается на два враждебныхъ лагеря: крикливыхъ противниковъ уставовъ, указывающихъ на несоотвѣтствіе ихъ основныхъ началъ съ условіями нашей государственности и общественнаго быта и болѣе скромныхъ и молчаливыхъ сторонниковъ, твердо вѣрующихъ въ общечеловѣческую необходимость и примѣнимость этихъ началъ. Законодательство играетъ среднюю роль, стараясь примирить начала судебныхъ уставовъ съ новыми вѣяніями, частичными, не объединенными мѣрами, и часто ставитъ ненужныя заплата на кривыхъ мѣстахъ... Настало время разобраться въ этой разногласицѣ и противорѣчійхъ. Правосудіе—дѣло слишкомъ важное и нужное, чтобъ зависѣть отъ постановленій противорѣчивыхъ. Оно должно опираться на твердыя, неизблемыя основанія. Снова твердо установить эти распатанныя жизнью основанія, примостивъ ихъ плотнѣе къ современному складу жизни — составляетъ задачу новой комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Она разсудитъ эту длинную тяжбу жизни съ судебной реформой Императора Александра II. Но каково-бы ни было вынесенное ею рѣшеніе, мы твердо убѣждены, что основные принципы этой реформы останутся нетронутыми. Они слишкомъ разумны, слишкомъ цѣлесообразны, слишкомъ общепризнаны. И жизнь не разбила ихъ. Только близорукіе алармисты могутъ пугать ихъ мнимой несвязуемостью съ нашимъ государственнымъ или общественнымъ бытомъ. Каждое государство для обезпеченія собственной прочности и благоденствія необходимо должно насадить судъ правый и справедливый и, стало-быть, каждому народу должны быть даны все гарантіи правосудія. И нечего опасаться, будто-бы народъ не сумѣетъ воспользоваться этими гарантіями, такъ-же, какъ и нечего разсчитывать, что онъ сразу воспользуется ими въ совершенствѣ. Эти первые неувѣренные неосторожные шаги заставятъ впоследствии народъ только тверже, крѣпче стать на собственные ноги и изъ-за нихъ вовсе не захѣмъ брать его на вѣчныя помочи.

Такъ именно и рѣшали этотъ вопросъ благородные составители уставовъ 20 ноября. Они не сомнѣвались, что «хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество». (Журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта 1862 г., стр. 183). Они предвидѣли главное возраженіе, которое всегда и вездѣ служило существеннымъ препятствіемъ всякаго улучшенія въ законодательствѣ; будто-бы законодательныя предположенія, въ сущности правильныя и полезныя, не могутъ быть приведены въ исполненіе, потому что общество къ тому не приготовлено. И на это возраженіе они отвѣчали такъ: «Если законодательныя предположенія правильны, то они и благовременны. Трудно думать, чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были приготовлены къ дурному и не зрѣлы для хорошаго. Правильное образованіе судебной части составляетъ во-

прось самой настоятельной необходимости въ Россіи, притомъ-же разумный законъ никогда не дѣлаетъ зла; можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона *нового*, онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ истиннымъ свойствомъ его, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства». Ихъ не останавливали и предполагаемый недостатокъ людей, на которыхъ-бы могла опереться реформа. Они соглашались, что законы не могутъ создавать людей. Тѣмъ не менѣе, если законы таковы, что люди находятъ въ нихъ средство для достиженія дурныхъ цѣлей, то люди развращаются; если законы такъ неясны, что ихъ не понимаютъ и не могутъ понять, то люди и не знаютъ законовъ; если законы таковы, что они не могутъ быть строго исполняемы даже добросовѣтными людьми, то люди не исполняютъ законовъ. И потому, если возраженіе о недостаткѣ людей понять въ томъ смыслѣ, что нѣтъ достаточнаго числа людей добросовѣстныхъ, знающихъ законы и могущихъ ихъ приводить въ дѣйствіе, то усовершенствованіе законовъ становится необходимымъ, ибо безъ того и не будетъ людей въ этомъ смыслѣ (Соображенія государственной канцеляріи 1862 г.). Почти каждое новое учрежденіе сначала дѣйствуетъ не вполне удовлетворительно; но если оно соответствуетъ потребностямъ общества, то вскорѣ привлекаетъ нужныхъ ему дѣятелей, которыхъ прежде и въ виду не было. (Жур. Соед. Департ., стр. 173).

Это довѣріе къ людямъ, эта вѣра въ прогрессъ составляетъ характерную черту судебной реформы, и отнюдь нельзя упрекать за это ея дѣятелей въ излишнемъ оптимизмѣ. Всякая великая реформа опирается по крайней мѣрѣ на признаніе людей зрѣлыми, совершеннѣйшими, способными понять собственный интересъ. Недовѣріе, подозрительность, тѣмъ болѣе чловѣковенавистничество порождаютъ только временное, случайное, шаткое. Все прочное, тѣмъ болѣе вѣчное создано вѣрой въ людей, надеждой на нихъ, любовью къ нимъ. И жизнь оправдала надежды составителей судебныхъ уставовъ. Судебныя установленія, созданныя ими, дѣйствовали даже въ первое время вполне удовлетворительно. И послѣдовавшая перестройка ихъ вызвана во всякомъ случаѣ не неспособностью, негодностью судебныхъ дѣятелей, а соображеніями посторонними.

Это служить тѣмъ болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ правильности отправнаго пункта составителей уставовъ, что они проводили коренную реформу среди самыхъ неблагоприятныхъ условий, въ народѣ, громадная часть котораго еще «вчера» состояла изъ рабовъ и рабовладельцевъ. Судебная реформа тѣсно и необходимо связана съ крестьянской. Это та-же громадная освободительная реформа. Крестьянская реформа отмѣнила крѣпостное право въ законахъ, судебная—изгоняла его

изъ жизни. И ея основныя начала какъ нельзя лучше способствовали этой задачѣ.

Первымъ изъ этихъ началъ является отдѣленіе судебной власти отъ административной. Печальная картина дореформеннаго суда объясняется по преимуществу смѣшеніемъ этихъ властей. Всѣ административныя власти, начиная отъ становаго пристава и кончая министромъ, соединяли въ себѣ разнородныя обязанности, вмѣшиваясь въ силу самаго закона въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя значеніе суда, останавливали правильное исполненіе правосудія. Не говоря о томъ, что при такомъ порядкѣ открывалось широкое поле для всевозможныхъ интригъ и протекцій, его существованіе необходимо искажало судебную дѣятельность. «Администрація требуетъ отъ управляемыхъ исполненія закона и предупреждаетъ нарушеніе законнаго порядка, а судъ возстановляетъ порядокъ уже нарушенный, и опредѣляетъ послѣдствія его нарушенія. Если одна и та-же власть и предъявляетъ требованіе и сама-же обсуждаетъ послѣдствія его неисполненія, то очевидно обвиняемые не могутъ имѣть никакихъ оградженій отъ неправильнаго примѣненія ихъ. При соединеніи администраціи и суда въ однѣхъ рукахъ ничто не представляетъ ручательства въ томъ, что каждая изъ двухъ властей, административная и судебная, будетъ держаться въ ея естественныхъ предѣлахъ». (Журн. Соед. Деп., стр. 162). Въ этомъ твердо были убѣждены составители уставовъ и примѣры изъ практики такого подневольнаго суда слишкомъ ярко стояли предъ ихъ глазами. Освобожденіе суда отъ всякаго вліянія администраціи поэтому было ихъ первымъ и основнымъ стремленіемъ. И они со свойственной имъ послѣдовательностью провели его въ организацію новаго суда. Только при этомъ условіи новый судъ могъ пріобрѣсти необходимое довѣріе гражданъ и выполнять ту великую задачу, которая лежитъ на правомъ судѣ: быть разсудникомъ и укрѣпителемъ чувства законности. Это чувство основывается на сознаніи, что требованія закона всеми и всегда исполняются. При дореформенномъ «повсемѣстномъ неуваженіи къ закону и повседневному его нарушеніи» оно, конечно, не могло развиваться. Новыя судебныя учрежденія должны были породить и воспитать его.

Для успѣха въ такой задачѣ требовалось прежде всего приблизить органы судебной власти къ народу. Только когда безпрестанно возникающія маловажныя дѣла получаютъ справедливое разрѣшеніе, успѣхи политическаго воспитанія народа могутъ быть достигнуты, только тогда убѣдятся оны, что право не есть нечто смутное, капризное, пожалуй «не для него писанное», а ясный и непреложный для всѣхъ и каждаго фактъ. Вопросъ объ организаціи этихъ низшихъ близкихъ къ народу судей является труднѣйшимъ вопросомъ судоустройства. Эти судьи должны пользоваться особымъ довѣріемъ мѣстныхъ жителей. Только при такомъ условіи они мо-

гуть выполнять свою главнѣйшую задачу—примиреніе. Между тѣмъ самая многочисленность ихъ не даетъ возможности правительству назначить дѣйствительно достойныхъ людей на эти должности. Совершенно правильно разсуждали составители уставовъ. Выборъ отъ правительства, значитъ выборъ отдѣльнымъ начальникомъ. А это по большей части означаетъ, что выборъ переходитъ въ руки канцелярій и секретарей, т. е. такихъ лицъ, которыя при всей своей добросовѣстности не должны-бы пользоваться этимъ правомъ и при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ не могутъ исполнять его съ полною увѣренностью и убѣжденіемъ въ достоинствѣ избранныхъ ими органовъ правительства. Вышнимъ, центральнымъ органамъ, очевидно, не подѣ силу найти надлежащее число подходящихъ людей. Выборъ въ силу необходимости долженъ быть передать мѣстнымъ органамъ. Между тѣмъ чѣмъ ниже передавать право назначенія судей, тѣмъ болѣе рождается ихъ значеніе и неудивительно, что въ такихъ случаяхъ выборъ лицъ бываетъ нерѣдко основанъ не столько на достиженіи главной цѣли—избирать достойныхъ людей,—сколько на произволѣ, который весьма часто руководствуется совершенно иными побужденіями и приводитъ къ весьма неудовлетворительнымъ результатамъ. (Журн. общ. собр. Госуд. Сов., стр. 2). На основаніи этихъ соображеній было постановлено избраніе мировыхъ судей мѣстными жителями. Составителей уставовъ не пугало указаніе на недостаточное у насъ развитіе гражданской жизни и чрезъ это неспособность мѣстныхъ жителей найти въ своей средѣ подходящихъ людей. «Что бы ни говорили»:—отвѣчали они,—«о недостаточномъ у насъ развитіи гражданской жизни, во всякомъ случаѣ развитіе жизни такъ-же, какъ и огонь, требуетъ матеріала и слѣдовательно для того, чтобы обыватели хорошо пользовались выборнымъ правомъ, надобно, чтобы они имъ пользовались какъ могутъ и умѣютъ, иначе они никогда имъ пользоваться не будутъ, и если выборное начало есть указываемое самою жизнью средство отыскивать людей, то правительство этимъ средствомъ не будетъ пользоваться вполне». (Суд. Уставы изд. Госуд. канцелярій, ч. III, стр. 15). Свое предпочтеніе выборнаго начала они подкрѣпляли еще тѣмъ соображеніемъ, что довѣренныя отъ правительства лица могутъ при избраніи точно такъ-же ошибаться, какъ и мѣстные обыватели. Но ошибки обывателей падаютъ на нихъ самихъ, а ошибки довѣренныхъ отъ правительства лицъ падаютъ на самое правительство, что значительно ослабляетъ общее довѣріе, которымъ правительство должно пользоваться.

Главное возраженіе противъ выборнаго начала—это срочность выборовъ. Мировые судьи, избранные на три года, не пользуются необходимой самостоятельностью: заинтересованные въ переизбраніи, они ставятся въ зависимость отъ своихъ избирателей. Между тѣмъ эта срочность требуется для того, чтобы мировые судьи были судьями по общему довѣ-

рію, наличность котораго необходимо провѣрять по истеченіи опредѣленнаго времени...

Но любопытно, что нѣкоторые изъ составителей уставовъ (напримѣръ Д. Ровинскій) не соглашались съ этой необходимостью срочныхъ выборовъ и проектировали несмѣняемость мировыхъ судей на общемъ основаніи, а Государственный совѣтъ смотрѣлъ на срочность выборовъ какъ на мѣру временную. Въ общемъ собраніи было постановлено: предполагаемое установленіе мировыхъ судей есть учрежденіе новое и потому было-бы неудобно эту судебную должность на первое время допустить по безсрочному выбору, что могло-бы имѣть вредныя послѣдствія въ тѣхъ случаяхъ, когда выборъ мировыхъ судей въ какихъ-либо мѣстностяхъ не оправдаетъ своего назначенія. (Журн. общ. собр. Государ. сов. 1862 г., стр. 2).

Впрочемъ, общее довѣріе избравшихъ въ связи съ нѣкоторымъ имущественнымъ цензомъ (около 500 руб. доходу) избраннаго, по идѣе составителей уставовъ, до нѣкоторой степени возмѣщали недостатокъ несмѣняемости мировыхъ судей. Прибавимъ еще, что составители уставовъ требовали отъ мировыхъ судей по крайней мѣрѣ средняго образованія, исходя изъ бесспорно вѣрной мысли, что «на такомъ важномъ поприщѣ, какъ судебное, должны быть употреблены въ дѣйствіе всѣ силы, поддерживающія нравственное достоинство человѣка, а образованность имѣть бесспорно самое благотѣльное на нравственные качества вліяніе». (Суд. уст. изд. Гос. канц., ч. III, стр. XXXV).

Въ общихъ-же судебныхъ мѣстахъ несмѣняемость судей является непремѣннымъ условіемъ. Составители уставовъ были убѣждены, что удовлетворительное отиравленіе правосудія зависитъ столько-же (если не больше) отъ достоинства судей, сколько и отъ совершенства законовъ. Поэтому, по мнѣнію ихъ, для усилія въ судебномъ преобразованіи необходимо изыскать снособы къ привлеченію на службу по судебному вѣдомству и къ удержанію на ней лицъ, достойныхъ носить высокое званіе судей и другихъ судебныхъ чиновъ. Выборъ ихъ требуетъ особой осмотрительности, а служба по судебному вѣдомству должна представлять соотвѣтственныя важности ея преимущества. Крупнѣйшимъ и необходимѣйшимъ изъ этихъ преимуществъ является самостоятельность судей. Она есть безъ всякаго сомнѣнія одно изъ самыхъ надежныхъ ручательствъ въ правильномъ отиравленіи правосудія и потому одно изъ главныхъ условій хорошаго судоустройства. Всякое подчиненіе судебного мѣста лицу или мѣсту правительственному, ослабляя высокое значеніе суда, ограничиваетъ право его примѣнять законъ безпристрастно, не взирая на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. Конечно, судья, проникнутый чувствомъ долга, не станетъ торговаться съ совѣстью для угожденія кому-бы то ни было. Но учрежденія имѣють

дѣло съ дѣйствительнымъ, а не съ идеальнымъ порядкомъ вещей и не могутъ не принимать въ расчетъ людскихъ страстей и слабостей. Чтобы обезопасить судей отъ всѣхъ этихъ унижающихъ (подчасъ и уничтожающихъ) правосудіе вліяній, требуется поставить ихъ въ независимое отъ всякаго начальства положеніе. Этому и служить институтъ неемѣняемости судей: члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть увольняемы безъ прошенія, не могутъ быть переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія на то.

Но неемѣняемость судей вовсе не есть ихъ безответственность. Наоборотъ, она мыслима только при отвѣтственности судей за всякое нарушение закона, за всякую неправду. Но отвѣтствуютъ судьи только передъ судомъ, наказанія на ихъ налагаются только судомъ и дисциплинарныя взысканія не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла особымъ дисциплинарнымъ порядкомъ.

Только такая самостоятельность и независимость судей можетъ привлечь къ нимъ необходимое довѣріе обывателей. Это довѣріе къ судебнымъ мѣстамъ имѣетъ своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ сокращеніе числа судебныхъ инстанцій. Многочисленность судебныхъ инстанцій, существовавшихъ до реформы (число ихъ доходило до 12 или 13), или правильнѣе, многочисленность переходовъ дѣлъ для повѣрки и новаго разсмотрѣнія въ высшихъ инстанціяхъ было необходимымъ послѣдствіемъ недовѣрія къ судебнымъ учрежденіямъ. Дѣла въ силу закона т. е. порядкомъ ревизіоннымъ поднимались съ низшей инстанціи въ высшую. Особая организація новыхъ судебныхъ мѣстъ допускала возможность ограничить разсмотрѣніе дѣлъ двумя инстанціями и притомъ самое разсмотрѣніе дѣла высшею инстанціей обусловить обращеніемъ къ ней сторонъ (жалобой тяжущихся или подеудимаго, или гражданскаго исца, или протестомъ прокурора), т. е. установить порядкомъ апелляціонный.

Съ другой стороны, то-же довѣріе къ судебнымъ мѣстамъ отнимало *raison d'être* судовъ сословныхъ. Паличность ихъ, коренясь, конечно, въ общемъ нашемъ сословномъ строѣ, обусловлена была преимущественнымъ довѣріемъ сословія къ судьямъ, выбраннымъ изъ собственной среды. Коренной недостатокъ этихъ старыхъ сословныхъ судовъ заключался въ томъ, что они не имѣли почти никакой связи съ общею судебною организаціею, не были подчинены почти никакому контролю и потому дѣйствовали нерѣдко произвольно, разнообразно и весьма часто исключительно въ виду интересовъ своего сословія. Новый судъ не могъ терпѣть этой разорванности въ своихъ учрежденіяхъ, этихъ обветшавшихъ сословныхъ перегородокъ. Обратимъ вниманіе на то, что составители уставовъ вообще высказывались противъ сословнаго начала. Счастливые свидѣтели эмансипаціи, они въ правѣ были надѣяться, что «сословныя отношенія нынѣ утрачиваютъ всякое значеніе и становятся несообразными съ новыми усло-

вими нашей жизни» (Журн. соед. департ. 1862 г., стр. 16). По крайней мѣрѣ въ свой новый судъ они не допускали эти остатки старины. Они напирали на то, что мировые судьи избираются всеми сословіями и въ этомъ видѣли залогъ большей усѣшности выборовъ мировыхъ судей сравнительно съ прежними выборами сословныхъ судей (Суд. уставы изд. госуд. канц. ч. III, стр. 47). Точно также и въ общія судебныя мѣста они приглашали всехъ достойныхъ людей, исходя изъ вѣрной мысли, что «въ странѣ, стоящей далеко не на высокой степени цивилизаціи, только предоставленіемъ безирепятственнаго доступа къ должностямъ по судебной части всемъ способнымъ и свѣдущимъ лицамъ можно воспользоваться всеми личными силами общества, которое не въ состояніи еще доставлять въ изобиліи дѣятелей, могущихъ исполнять удовлетворительно чрезвычайно трудныя обязанности судей, прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей» (Тамъ-же, стр. 142). А выше уже было указано, что они рѣшительно отвергли всякое различіе подсудности по сословіямъ. Статьи 17 основныхъ положеній уголовного судопроизводства гласила категорично: Различіе подсудности по сословіямъ отмѣняется. Благородная и простая мысль, что все люди имѣютъ равное право пользоваться всеми гарантіями правосудія, была всегда съ составителями судебныхъ уставовъ. Если-же они оставили нетронутымъ крестьянскій (волостной) судъ, то только на время и въ расчетѣ на то, что недовольные его рѣшеніемъ могутъ обратиться къ мировымъ судьямъ. Это исключеніе не мѣшало имъ признавать, что только «единство суда и равенство всехъ передъ судомъ есть лучшее ручательство справедливости рѣшеній, силы, святости и непоколебимости законовъ» (Журн. соед. департ. 1862 г., стр. 158).

Этому единству суда не противорѣчило различіе мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій. Мировая юстиція не представляла изъ себя нѣчто оторванное, изолированное отъ общей юстиціи: она была слетена съ послѣдней общими мѣрами для поддержанія въ ней строгой законности. Общій прокурорскій надзоръ, дисциплинарная отвѣтственность мировыхъ судей передъ судебной палатой, уголовный судъ надъ ними за преступленія по должности въ той-же палатѣ и наконецъ высшій надзоръ кассационныхъ департаментовъ сената, все это стягивало все судебныя учрежденія, какъ отдѣльные прѣдѣлы, въ одинъ величавый храмъ правосудія подъ общимъ куполомъ верховнаго блюстительства сената.

Единство суда находитъ свое необходимое завершеніе въ единомъ кассационномъ судѣ сената, простирающаго свою власть на все суды Имперіи. «Чѣмъ учрежденіе сената будетъ болѣе сосредоточено,—разсуждали составители судебныхъ уставовъ,—и чѣмъ кругъ дѣйствій его и степень власти его будутъ обшириѣе, тѣмъ выше будетъ его значеніе. Въ этомъ смыслѣ кассационныя департаменты сената, которые по самому существу своему не могутъ имѣть надъ собой никакого вышшаго учрежденія и по-

торымъ долженъ принадлежать надзоръ за порядками судопроизводства и правильнымъ толкованіемъ законовъ во всѣхъ судахъ Имперіи, будутъ дѣйствительно верховнымъ мѣстомъ для управления правосудіемъ въ Имперіи и охраненія силы законовъ» (Суд. уставы, изд. госуд. канц., ч. III, стр. 17).

Таковы тѣ коренныя принципы, которые составители уставовъ считали необходимымъ заложить въ основаніе устройства судовъ для того, чтобы дать имъ возможность дѣйствительно выполнять ихъ высокую и неотложно нужную миссію: утверждать и укрѣплять чувство законности. Но этихъ принциповъ было еще мало. Требовалось еще для той-же цѣли внести новыя, живыя начала въ формы, приемы судопроизводства.

Основнымъ порокомъ нашего дореформеннаго судопроизводства было слѣдственное или инквизиціонное начало, на которомъ былъ построенъ какъ гражданскій, такъ и уголовный процессъ. Сущность этого начала заключалась въ томъ, что изъ процесса изгонялась всякая самостоятельность тяжущихся или обвиняемаго.

Дѣло возникало, разматривалось, двигалось по инстанціямъ почти безъ всякаго активнаго участія сторонъ, основанное исключительно на письменныхъ актахъ и непроглядно окутанное канцелярской тайной. Судьи при гражданскомъ дѣлѣ самъ изыскивалъ доказательства, самъ направлялъ дѣло, даже самъ ставилъ существенные вопросы для разрѣшенія.

Въ общемъ, гражданскій процессъ сильно походилъ на уголовный, тѣмъ болѣе, что даже начинались тяжбы иногда по инициативѣ суда. Въ уголовныхъ дѣлахъ один и тѣ-же судьи соединяли въ себѣ разнороднѣйшія обязанности обвинителей, защитниковъ и безпристрастныхъ судей подсудимаго.

Этотъ ненормальный, невозможный порядокъ судебныя уставы замѣнили новымъ, состязательнымъ. Состязательный порядокъ призываетъ стороны къ живой непосредственной самопомощи. Въ гражданскомъ процессѣ всѣ дѣйствія совершаются самими тяжущимися; обязанности суда— чисто пассивныя: они состоятъ только въ томъ, чтобы вывести изъ представленныхъ ему доводовъ и обстоятельствъ, какія именно событія должны почитаться истинными и примѣнить къ нимъ точную силу законовъ. Въ уголовномъ процессѣ начало состязательности приводитъ прежде всего къ отдѣленію обвинительной власти, вручаемой особымъ чинамъ (прокурарамъ), отъ судебной и потомъ къ надѣленію обвиняемаго юридически опытнымъ защитникомъ въ видахъ уравновѣшенія силъ обвиненія и защиты. Но въ уголовномъ дѣлѣ судъ не играетъ такой исключительно пассивной роли, какъ въ гражданскомъ: онъ не ограничивается доводами и доказательствами сторонъ и употребляетъ всѣ мѣры къ выясненію истины. Нечего и говорить, какъ необходимо въ такомъ сложномъ и важномъ дѣлѣ, какъ уголовное обвиненіе, это проведеніе начала раздѣленія труда,

которое допускаетъ возможность каждой сторонѣ сосредоточить все свои силы на обвиненіи или защитѣ. Что-же касается до гражданского процесса, то для каждаго ясно, насколько здѣсь необходима состязательность: очевидно, никто не можетъ такъ хорошо и полно подкрѣпить, доказать свои претензіи или свои опроверженія, какъ лично заинтересованные въ дѣлѣ, т. е. тяжущіеся. Если это простое и здравое начало не было признаваемо въ недавнемъ прошломъ, то это объясняется своеобразными отношеніями, бывшими между всеми правительственными мѣстами и всеми гражданами. Въ сущности, въ старину (и даже въ недалекую) у насъ все обыватели (за малыми исключеніями) почитались несовершеннолѣтними и потому подлежащими опекаѣ со стороны разнаго рода правительственныхъ мѣстъ. Всякая самодѣятельность считалась и ненужной и непозволительной и во всякомъ случаѣ посягающей на право административной власти быть, по выраженію Каткова, «всѣмъ во всемъ». Отсюда выясняется громадное общественное значеніе судебной реформы: она по крайней мѣрѣ изъ области суда вытѣснила легенду объ административномъ, такъ сказать, несовершеннолѣтіи всехъ и каждаго.

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ состязательности является устность процесса вмѣсто старой письменности. Разъ сами стороны призваны защищать себя или свое дѣло, то очевидно гораздо разумнѣе требовать отъ нихъ устныхъ показаній, чѣмъ письменныхъ документовъ. При этомъ условіи дѣло пойдетъ и скорѣе и, конечно, спорнѣе. Если въ гражданскомъ дѣлѣ, гдѣ все основывается на чисто формальныхъ доказательствахъ, можно безъ всякаго неудобства изложить свои претензіи или опроверженія на бумагѣ, то въ уголовномъ дѣлѣ, гдѣ обсуждается живая личность человѣка, рискованно, если не безумно довѣрять больше мертвому языку бумаги, чѣмъ живому слову человѣка. Каждому ясно, какъ легко исказить факты при письменномъ изложеніи ихъ даже не намѣренно, а еще легче намѣренно. Во всякомъ случаѣ, въ записи факты являются передъ читателемъ, такъ сказать, не «*an naturel*», а облитыми (невольно или вольно) точкой зрѣнія записавшаго ихъ. Каждому ясно также, что читать—это совѣмъ не то, что слышать, тѣмъ болѣе слышать и видѣть человѣка. Только при послѣднемъ условіи можно составить себѣ самое близкое къ истинѣ представленіе о томъ, что онъ хотѣлъ сказать, что онъ сказалъ, и насколько можно вѣрить его словамъ. Всемъ извѣстно, какъ много значитъ тонъ, взглядъ, жестъ, улыбка—все малѣйшія черточки психологическаго портрета человѣка, для взвѣшиванія достовѣрности его словъ, а стало быть и для рѣшенія уголовного дѣла. Если старый судъ не додумался до этой простой истины, то на это у него были особыя причины. Современный докторъ лѣчитъ больного, соображаясь со всеми индивидуальными особенностями болѣзни, онъ не можетъ лѣчить, не видя, не осмотрѣвъ паціента. А старый врачъ-кудесникъ

изобрѣталь панацею и раздавалъ ее въ тѣхъ или другихъ дозахъ отъ всякъхъ недуговъ. Такъ и старый судъ больше волхвовалъ, чѣмъ лѣчилъ. Онъ былъ снабженъ точнымъ и строгимъ росписаниемъ признаковъ болѣзней и средствъ къ ихъ искорененію. Ему оставалось только рѣшить: подходитъ или не подходитъ данный фактъ подъ признакъ болѣзни, и подъ какой именно признакъ, «совершенный» или «несовершенный». Бѣдный кудесникъ! эта роль шарлатана была навязана ему законодательствомъ. Это росписание признаковъ болѣзней была, такъ-называемая, формальная теорія доказательствъ, которою законодатель хотѣлъ сковать произволь судъ. Законодательство исходило, конечно, изъ симпатичной мысли: обезопасить общество отъ произвольныхъ, пристрастныхъ рѣшеній суда. Но выбранное имъ для достиженія этой цѣли средство было совсѣмъ неудачное. Произволь уничтожается не сковываніемъ свободы, а противопоставленіемъ свободѣ (дискреціонной власти) правительственныхъ органовъ гарантіей свободы обывателей. Только при строгомъ признаніи взаимныхъ правъ и обязанностей, т. е., что строго определеннымъ правамъ даннаго органа власти соответствуютъ определенныя обязанности гражданъ, а съ другой стороны извѣстнымъ правамъ гражданъ отвѣчаютъ извѣстныя обязанности этого органа, только при этомъ признаніи возможна успешная и полезная всякому и каждому дѣятельность правительственныхъ органовъ.

Формальная-же теорія, указывая на нѣкоторыя доказательства, какъ на совершенныя по самому роду ихъ и не требуя отъ судьи личнаго убѣжденія въ истинѣ доказываемаго, приучала судью къ формальному, механическому приложенію искусственныхъ условій достовѣрности къ даннымъ случаямъ, и потому, естественно, приводила нерѣдко къ несправедливымъ осужденіямъ. Но еще чаще она толкала судью къ среднему приговору: оставленію въ подозрѣніи. Боясь съ одной стороны осудить невиннаго, а съ другой—освободить виновнаго и путаясь въ тщетныхъ усиліяхъ упрятать всю сложную жизнь въ заготовленные по шаблону формы и мѣрки, судьи охотнѣе всего подписывались подъ этимъ приговоромъ-компромиссомъ. Оставленные въ подозрѣніи, составляли настоящую язву общества и обыкновенно, освобожденные отъ суда, тѣмъ не менѣе подвергались административной ссылкѣ. Подобные приговоры рашатывали послѣднее довѣріе народа къ суду.

Формальная теорія доказательствъ вытекала изъ недоувѣрія законодателя къ суду. Поэтому новый судъ въ ней не нуждался. И ему было предоставлено оцѣнивать силу и достовѣрность доказательствъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда. Это былъ громадный и потому необходимый шагъ суда въ сторону правосудія. Пестрая, безконечно разнообразная жизнь не можетъ быть уложена никакимъ обра-

зомъ въ напередъ заготовленные рамки. Какъ-бы ни былъ мудръ и прозорливъ законодатель, онъ можетъ уловить только общее правило, всегда слишкомъ грубое, слишкомъ широкое, слишкомъ безъ разбора хватающее. Такое общее правило можетъ послужить развѣ только руководствомъ къ рѣшенію, но никакъ не рѣшеніемъ вопроса. Такъ даже къ личному признанію подсудимаго нельзя относиться безусловно и всегда, какъ къ «совершенному» доказательству виновности, какъ къ «царицѣ доказательствъ», выражаясь языкомъ старой юрисдикціи. Бываетъ личное признаніе для того, чтобъ скрыть настоящаго преступника, или по недоразумѣнію: подсудимый просто не пойметъ хорошенько вопроса и отвѣчаетъ «да». Обсудить всѣ детали даннаго факта, взвѣсить его во всей его житейской и психологической обстановкѣ и сообразно съ этимъ рѣшить вопросъ о большей или меньшей силѣ его, какъ доказательства—можетъ судья, только руководясь своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, а не указаніемъ законодателя.

Но вѣрѣя вопросъ о виновности или невинности подсудимаго внутреннему убѣжденію судей, судъ долженъ представлять подсудимому и обществу гарантіи въ томъ, что это внутреннее убѣжденіе судей будетъ основано на разслѣдованіи дѣйствительно всей обстановки даннаго дѣянія, затѣмъ въ томъ, что оно будетъ основано на внимательномъ и обстоятельномъ вниканіи въ эту обстановку и, наконецъ, въ томъ, что оно не будетъ ни одностороннимъ, ни тѣмъ менѣе пристрастнымъ.

Первая гарантія достигается дѣлымъ рядомъ постановленій новаго процесса: стороны (прокуроръ или частный обвинитель, подсудимый, его защитникъ, гражданскій истецъ) имѣютъ неограниченное право представлять на разсмотрѣніе суда все то, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ дѣлу, судъ обязанъ исчерпать и лично имъ усмотрѣнныя доказательства; судебное слѣдствіе воспроизводится на глазахъ судей, пренія сторонъ освѣщаютъ съ разныхъ точекъ зрѣнія представленный матеріалъ и т. д.

Вторая гарантія дается гласностью судопроизводства. Въ этомъ значеніи гласности не сомнѣвались составители судебныхъ уставовъ. «Гласность въ уголовномъ судопроизводствѣ», разсуждали они, «въ такой степени и въ такой мѣрѣ содѣйствуетъ къ объясненію истины, къ огражденію подсудимаго и къ побужденію самихъ судей къ тщательному изученію дѣлъ и къ правосудному ихъ рѣшенію, что въ пользѣ ея не можетъ быть никакого сомнѣнія» (Журн. соед. департ., стр. 180). Старые поклонники капцелярской тайны пугали реформаторовъ, будто судъ послужитъ «школой разврата», будетъ имѣть вредное вліяніе на нравственность. На это имъ резонно замѣчали, что преступленія «явно соблазнительныя и оскорбительныя для нравственнаго чувства» будутъ судимы при закрытыхъ дверяхъ. «Что-же касается до прочихъ преступленій, то

если нельзя отрицать, что въ некоторыхъ случаяхъ огласка преступныхъ дѣяній можетъ имѣть вредное вліяніе, нельзя не сознать также, что изобличеніе виновныхъ, извѣстность о наказаніи, которому они подвергаются, и въ особенности довѣріе къ правильности приговора, произнесеннаго гласно, при соблюденіи всѣхъ обрядовъ, ограждающихъ невинность подсудимыхъ, некунають это неудобство и представляютъ значительныя выгоды въ пользу гласности уголовныхъ судилищъ» (Тамъ-же). Нельзя не откликнуться всей душой на это указаніе общественнаго значенія гласности. Только при гласности судъ можетъ дѣйствительно исполнять свою благородную роль—насаждать чувство законности. Правъ Бептамъ: мало того, чтобъ законъ *былъ* хороши; надо, чтобъ онъ *казался* такимъ. Какъ-бы ни была совершенна организація суда, разъ люди не знаютъ, не видятъ ея, они будутъ относиться къ ней съ недоувѣріемъ. Скрытность, утаиваніе, секретничанье—признакъ слабости, боязни обнаружить собственную безсодержательность, негодность. Тайна дѣйствуетъ только подавляющимъ, устрашающимъ образомъ. Но развѣ судъ можетъ страшить? Онъ долженъ вызывать безусловное довѣріе къ себѣ. Старый судъ-кудесникъ, можетъ быть, благоразумно скрывалъ непроницаемой тайной свою безобразную, нелѣпую организацію. Но онъ не вызывалъ ничего, кромѣ ужаса, презрѣнія и проклятій. Новый судъ, увѣренный въ себѣ, смѣло открылъ свои двери и всѣ и каждый можетъ убѣдиться, что въ немъ сдѣлано все, чтобъ оградить общество отъ осужденія невинныхъ и освобожденія виновныхъ.

Когда въ общемъ собраніи государственнаго совѣта обсуждался вопросъ о гласности судопроизводства, одинъ членъ (графъ Панинъ) высказался противъ допущенія гласности въ сенатѣ. Онъ, повидимому, полагалъ, что уважать сенатъ можно, только не зная порядка его дѣлопроизводства. Но остальные члены не согласились съ его предложеніемъ. «Польза открытаго судопроизводства, составляющаго прямое послѣдствіе состязательнаго процесса», говорили они;—«такъ и неоспоримое преимущество гласнаго суда передъ закрытымъ, въ настоящее время признаны всѣми и потому не требуютъ подробныхъ доказательствъ. Если-же введеніе сего начала признается необходимымъ въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ и именно съ тою цѣлью, чтобы не только обезпечить открытіе истины, но и возвысить самое значеніе судебныхъ мѣстъ, то примѣненіе его еще необходимѣе въ высшей инстанціи тѣмъ болѣе, что въ Государственномъ Совѣтѣ единогласно принято правило, что высшая судебная инстанція должна рѣшать дѣла окончательно. Кромѣ того, чѣмъ выше поставлено судебное мѣсто, тѣмъ необходимѣе, чтобы дѣйствія его были всѣми открыты и могли служить лучшими средствами къ развитію понятія о важности закона, и о послѣдствіяхъ его нарушенія» (Жур. госуд. совѣта, общее собр. 27-го авг. 1862 г., стр. 29—30).

Дѣйствительно, только при допущеніи гласности во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ и при рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, это, по выраженію Каткова, «всеоживляющее, всевозбуждающее» начало можетъ выполнить свое благое назначеніе. «Уклоненіе-же отъ гласности, рѣшилъ государственный совѣтъ, неминуемо возбуждаетъ недовѣріе къ негласному суду и множество зловредныхъ толковъ» (Жур. госуд. сов. 1864 г., стр. 116).

Наконецъ требуется гарантировать общество и подсудимаго отъ односторонности и пристрастности приговора. Это достигается, во-первыхъ, отдѣленіемъ въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи и предоставленіемъ рѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ; во-вторыхъ, многочисленностью судей, принимающихъ участіе въ рѣшеніи дѣла и наконецъ, въ-третьихъ, широкимъ правомъ отвода судей, какъ обвиняемымъ, такъ и обвинителемъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда рѣшеніе вопросовъ о виновности и наказаніи принадлежитъ однимъ и тѣмъ-же судьямъ, то судьи часто стараются опредѣлить степень вины такъ, чтобы подсудимый подлежалъ тому наказанію, которому судьи желали его подвергнуть. Затѣмъ, чѣмъ болѣе лицъ признаютъ по совѣсти виновность или невиновность подсудимаго, тѣмъ болѣе вѣроятія, что ихъ убѣжденіе есть истина дѣйствительная. Когда судьи въ мнѣніяхъ своихъ связаны закономъ (формальной теоріей доказательствъ), то и меньшее число голосовъ можетъ имѣть преимущество предъ большимъ, если оно ближе подходит къ требованію закона, чѣмъ послѣднее. Но когда судьи даютъ мнѣнія лишь по внутреннему убѣжденію, тогда сильнѣйшимъ можетъ быть только то мнѣніе, которое соединяетъ въ себѣ болѣе голосовъ и поэтому именно необходимо, чтобъ судъ, рѣшающій по совѣсти вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго, былъ по возможности въ наибольшемъ составѣ. (Жур. соед. департ. 1862 г., стр. 181—182).

Эти простыя и вѣрныя соображенія привели составителей судебныхъ уставовъ къ введенію у насъ суда присяжныхъ. Они предвидѣли главное возраженіе противъ суда присяжныхъ въ Россіи: нашъ народъ слишкомъ мало развитъ для дѣятельности присяжнаго судьи. Но это возраженіе не казалось имъ убѣдительнымъ. Конечно, развитіе народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учреждений; но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва-ли не желательнѣе всякаго другого учрежденія, такъ-какъ онъ распространяетъ въ народѣ понятія о справедливости. Неразвитость нашего народа, по мнѣнію составителей уставовъ, не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ суда присяжныхъ, но, напротивъ, представляетъ основаніе къ противоположному заключенію, потому-что такой-то именно народъ и нуждается въ судахъ, которые-бы волюгѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе. (Тамъ-же, стр. 183).

Къ тому-же присяжное начало само по себѣ такъ просто, такъ справедливо и потому такъ понятно для народа, что введеніе его вовсе не представляетъ особенныхъ затрудненій даже и при невысокой развитости нашего народа. Для рѣшенія по совѣти вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, имѣть нужды ни въ специальномъ юридическомъ образованіи, ни въ судебной практикѣ: этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ всякимъ, даже необразованнымъ человѣкомъ, разъ онъ имѣетъ здравыя понятія. Отъ присяжнаго засѣдателя требуется не вниканіе въ юридическія тонкости преступнаго дѣянія: если таковыя встрѣтятся, обязанность предсѣдателя суда толково разъяснить ихъ присяжнымъ. Отъ него общество идетъ умѣнья понять подсудимаго, вникнуть въ его душу, разглядѣть всю его житейскую обстановку, и эти задачи, очевидно, не подь силу юрист-технику, а только человѣку, который несравненно ближе стоитъ къ средѣ преступника и притомъ входитъ въ нее безъ готовыхъ юридическихъ понятій. Это соображеніе особенно большой вѣсъ имѣетъ въ Россіи, «потому-что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ. Поэтому между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ нижнихъ сословій замѣчается большое различіе». (Жур. соед. департ., стр. 184).

Составителей уставовъ не останавливало и указаніе на политическое значеніе суда присяжныхъ, значеніе, будто-бы не связуемое съ нашею государственностью. «Такое мнѣніе теоретиковъ, замѣчали они, много пріятствовало введенію этого учрежденія въ разныхъ государствахъ». Мы видѣли, какой неотложной необходимостью вызывается этотъ институтъ. Разъ правосудный процессъ требуетъ его: онъ долженъ быть введенъ, во что-бы то ни стало. Имѣетъ-ли онъ политическій характеръ или нѣтъ,—это не важно, это во всякомъ случаѣ не первое. А первое и важнѣйшее—это его юридическій характеръ громадной и незамѣнимой важности. И отсюда-то и нужно исходить при обсужденіи суда присяжныхъ, ибо первая и существенная задача государства—устройство правильнаго суда, снабженнаго всѣми, *всѣми* гарантіями правосудія. Ибо безъ правосудія государство не можетъ имѣть ни благоденствія, ни прочности и вся остальная его дѣятельность будетъ требовать затраты гораздо большихъ силъ и приводить къ гораздо меньшимъ результатамъ. Это понимали еще въ XV-мъ вѣкѣ: «Les royaumes, читаемъ въ ордонансѣ 1453 года, sans bon ordre de justice ne peuvent avoir ni durée ni fermeté aucune».

Оно и понятно. Одна физическая сила не можетъ сообщить дѣйствительную прочность, тѣмъ болѣе благосостояніе государству. И то и другое возможно только при развитомъ сознаніи гражданъ своихъ обязанно-

стей и нравъ. т. е. при крѣпкомъ чувствѣ законности. А это чувство нарождается путемъ постоянного, повседневнаго опыта, что права признаются, не нарушаются, обязанности исполняются, не искажаются. И воспитать это чувство есть прямая задача суда, которую онъ, конечно, можетъ выполнять только при возможно совершенной организаціи. И такая дѣятельность суда отражается на всѣхъ сферахъ государственной жизни. Это хорошо понимали составители судебныхъ уставовъ. Когда имъ указывали на недостатокъ у государства средствъ для введенія новыхъ судебныхъ учреждений, они отвѣчали, что этотъ недостатокъ, независимо отъ общихъ экономическихъ условий, происходитъ въ особенности отъ несовершенства основныхъ органовъ управленія правосудія, составляющаго главную причину упадка промышленности и кредита. Промышленность возможна только при кредитѣ. А кредитъ только тогда, когда кредиторы увѣрены, что найдутъ защиту своихъ правъ въ судахъ. Такимъ образомъ самый недостатокъ денегъ, по ихъ убѣжденію, составляетъ не возраженіе противъ усовершенствованій въ судебномъ вѣдомствѣ, а доказательство ихъ необходимости. (Соображенія Госуд. Канц. 1862 г.).

Поэтому гадательныя опасенія за политическій характеръ суда присяжныхъ являются неумѣстными и близорукими. Тѣмъ болѣе, что, какъ вѣрно замѣчали составители уставовъ, отъ законодателя зависить обставить это учрежденіе условіями, при которыхъ оно не могло-бы имѣть никакого политическаго характера. Они соглашались, что лучше допустить на первое время нѣкоторыя изыятія изъ общаго правила о рѣшеніи вопроса о виновности присяжными, нежели совершенно лишить народъ *самаго естественнаго и справедливаго* суда. (Жур. соед. департ., стр. 184).

Конечно, судъ присяжныхъ можетъ принести желаемую пользу обществу только тогда, когда онъ будетъ составленъ изъ людей «добрыхъ», а не «лихихъ», какъ выражались въ старину, изъ людей безукоризненной нравственности и заслужившихъ полное и безусловное довѣріе общества. Только при этомъ условіи присяжные окажутся выразителями лучшей части общества и ихъ приговоръ можетъ быть признанъ за приговоръ общественной совѣсти. Это соображеніе показываетъ, какъ необходимо установить подлежащій порядокъ призыва присяжныхъ къ засѣданіямъ. Никакое учрежденіе не можетъ достигнуть своего назначенія, если правила его организаціи не соотвѣтствуютъ его цѣли. Первымъ правиломъ призыва присяжныхъ является — всесословность, ибо только въ этомъ случаѣ приговоръ присяжныхъ служитъ выраженіемъ *общественной* совѣсти, а не мнѣніемъ того или другаго сословія. Вторымъ правиломъ является ограниченіе обязанности быть присяжнымъ засѣдателемъ извѣстными условіями, которыя-бы обезпечивали съ одной стороны самостоятельность сужденія присяжнаго (имущественный цензъ),

съ другой стороны его разумность (образовательный цензъ). Впрочемъ, признавая все значеніе образовательнаго ценза, составители Уставовъ не приняли его даже въ его минимумѣ—требованіе только грамотности, на томъ основаніи, что принятіе его при маломъ распространеніи грамотности въ Россіи противорѣчило-бы первому правилу организаціи присяжнаго суда—всесословности—ибо исключало-бы изъ его состава большую часть нашего крестьянства. Третьимъ правиломъ служить составленіе изъ общаго списка лицъ, имѣющихъ права быть присяжными засѣдателями, особаго списка лицъ, призываемыхъ къ дѣйствительному участию въ судебныхъ засѣданіяхъ, составленіе довѣренными выборными представителями общества на основаніи нравственной оцѣнки лица. Наконецъ, четвертымъ правиломъ составители Уставовъ считали полное невмѣшательство администраціи въ составленіе этихъ списковъ. Они полагали, что только при соблюденіи этого условія судъ присяжныхъ будетъ вызывать то общественное довѣріе, которое сообщаетъ нравственную силу его приговорамъ. Составители Уставовъ правильно замѣчали, что никто не можетъ быть въ одномъ и томъ-же дѣлѣ и стороною и судьей. Поэтому губернаторы, какъ первые въ губерніяхъ блюстители пользы государственныхъ и общественнаго порядка, должны принимать сколь возможно мѣры участія въ избраніи присяжныхъ, дабы не подать никакого повода къ подозрѣнію, что судъ присяжныхъ составленъ въ одностороннихъ видахъ обвиненія изъ агентовъ административной власти и не подорвать тѣмъ довѣрія къ этому учрежденію. Участіе губернаторовъ должно быть только блюстительное, т. е. они могутъ исключать изъ списковъ тѣхъ лицъ, которыя несоотвѣтствуютъ предписаннымъ въ законѣ условіямъ; предоставленіе-же имъ непосредственнаго избранія изъ общихъ списковъ было-бы несогласно съ началомъ отдѣленія судебной власти отъ административной. Учрежденіе присяжныхъ при такомъ порядкѣ ихъ избранія не достигало-бы своего назначенія, потому что не доставляло-бы даже тѣхъ огражденій, которыя предоставляетъ постоянный судъ, составленный изъ опытныхъ юристовъ. (Жур. соед. Департ., стр. 322).

Такъ организованный судъ присяжныхъ служить наилучшей гарантіей подсудимаго отъ приговора несправедливаго, односторонняго. Но нужно обезпечить его отъ случайнаго подбора судей, которые по какимъ либо причинамъ могутъ отнестись пристрастно именно къ данному подсудимому или данному дѣлу. Такое обезпеченіе дастъ широкое право отвода судей. Безусловно судья долженъ быть устраненъ отъ разсмотрѣнія дѣла, если онъ близкій родственникъ или свойственникъ подсудимаго или одного изъ тяжущихся, лично заинтересованъ въ исходѣ тяжбы и т. д. Но эти общія законныя причины къ отводу судей были бы далеко не полны въ отношеніи присяжныхъ засѣдателей. Есть множество поводовъ, которыхъ ни опредѣлить, ни даже предвидѣть заранѣе было-бы

невозможно, а они между тѣмъ должны служить основаніемъ къ устраненію многихъ лицъ отъ участія въ постановленіи уголовного приговора, рѣшающаго вопросъ о чести и дальнѣйшей судьбѣ подсудимаго. Въ виду этого, составители Уставовъ установили достаточно широкое право немотивированнаго отвода присяжныхъ засѣдателей какъ обвинителемъ, такъ и обвиняемымъ. Изъ списка 30 присяжныхъ, изъ которыхъ путемъ жребія выбираются 12 для рѣшенія даннаго дѣла, прокуроръ имѣлъ право отвести шестерыхъ, а подсудимый столько, чтобъ въ списокѣ ихъ осталось не менѣе 18. (Ст. 656 уст. уг. суд. изд. 1864 г.).

Таковы основные принципы Судебныхъ Уставовъ въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ рукъ составителей ихъ 20 ноября 1864 года. Намъ остается только добавить, что новый судъ представлялъ изъ себя замкнутое цѣлое, обособленное не только отъ административной, но и отъ законодательной власти. Ему были даны законы и на основаніи этихъ законовъ онъ долженъ былъ рѣшать всѣ дѣла. Подъ угрозой наказанія за отказъ въ правосудіи онъ не могъ останавливаться предъ неясностью, неполнотой, недостаткомъ или противорѣчіи законовъ, но долженъ былъ въ этихъ случаяхъ руководиться общимъ смысломъ закона. Такимъ образомъ новому суду запрещено было обращаться за вѣчными указаніями къ законодателю и тѣмъ безконечно затягивать теченіе дѣлъ. Онъ былъ признанъ способнымъ на самостоятельное мышленіе, на независимую работу. И судъ пересталъ быть нелѣпой пристройкой къ законодательному дворцу и выросъ въ прекрасное прочное зданіе.

Мы оглядѣли краеугольные камни этого зданія новаго суда. Мы видѣли, какъ мудро примощены они къ основной цѣли его. Понявъ и принявъ эту цѣль, мы должны принять и тѣ начала, которыя обуславливаютъ, укрѣпляютъ ея преслѣдованіе. Если цѣль суда—правосудіемъ утверждать чувство законности, то основныя начала судоустройства и судопроизводства должны быть именно тѣ, которыя мы только что описали. Правый судъ не можетъ быть въ неволѣ у администраціи—проводится отдѣленіе суда отъ администраціи; онъ долженъ быть близокъ, доступенъ народу—устанавливается институтъ мѣстныхъ мировыхъ судей. Эти судьи должны быть довѣренными людьми даннаго общества:—утверждается выборное начало. Всѣ судьи должны быть самостоятельны, — учреждается несмѣняемость ихъ. Судъ долженъ единообразно примѣнять законы во всѣхъ мѣстахъ и ко всѣмъ лицамъ—основывается единство суда и равенство его для всѣхъ. Для правильнѣйшаго рѣшенія дѣла судъ долженъ обратиться къ самопомощи сторонъ: вводится состязательность. Состязательность необходимо влечетъ за собой устность процесса, которая разбиваетъ формальную теорію доказательствъ и приводитъ къ принятію внутренняго убѣжденія судей. А судъ по внутреннему убѣжденію требуетъ, какъ необходимой гарантіи, введенія гласности и суда присяжныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что основныя принципы судебныхъ уставовъ тѣсно связаны между собой и объединены одной великой идеей, идеей правосудія. Разъ признается необходимость правосудія, признается и необходимость этихъ принциповъ. Такъ возможно-ли отступленіе отъ нихъ?

Бываютъ періоды общественнаго смятенія, когда государство какъ-бы отказывается отъ преслѣдованія высокихъ культурныхъ задачъ, разчитанныхъ на цѣлую эпоху; оно предпринимаетъ рядъ временныхъ мѣръ для того, чтобы обезпечить себѣ въ будущемъ выполненіе своего прямого, великаго назначенія. Эти временныя мѣры, навѣяанныя смятеніемъ, идутъ иногда въ разрѣзъ съ началами, заложенными прежде въ эпоху спокойствія. Но приходитъ время и онѣ отпадаютъ какъ сухія вѣтви съ крѣпкаго, здороваго ствола.

Этихъ новыхъ вѣтвей, быть можетъ, уже сухихъ,росло не мало и на Судебныхъ Уставахъ. Даже основныя принципы ихъ не остаются въ томъ чистомъ, послѣдовательно развитомъ видѣ, въ какомъ они были подарены Россіи Императоромъ Александромъ II въ памятный день 20-го ноября 1864 г. 30 лѣтъ жизни и по нимъ провели не мало морщинъ. Вызваны-ли эти морщины органическою необходимостью, суть-ли онѣ дѣйствительныя признаки старости, обветшалости этихъ принциповъ, или онѣ составляютъ что искусственное, вѣшнее, уступки времени, тѣ въ будущемъ необходимо сухія вѣтви, о которыхъ мы говорили, — подробно изслѣдовать этотъ вопросъ послужитъ задачею нашей второй статьи.

Здѣсь-же замѣтимъ еще, что, конечно, составителями уставовъ 1864 г. было далеко не все сдѣлано и далеко не все сдѣлано совершенно. Развить заложенныя ими начала и усовершенствовать формы, въ которыхъ они выливаются, такова задача будущаго движенія законодательства. Снять сухія вѣтви съ могучаго дерева, дать возможность живѣе и свободнѣе простираться его свѣжимъ вѣтвямъ, повсюду разсадить его благодѣтельныя отростки,—такова задача новой комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части.

И мы горячо надѣемся, что она, какъ и та памятная комиссія, выработаетъ «новые законы, истекающіе не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости, въ той степени, въ какой они выработаны наукой и опытомъ», (Суд. Уст. 1864 г. изд. госуд. канц., ч. I, стр. III) и подаритъ намъ, какъ и ея предшественница, законодательный сборникъ, самое чтеніе котораго будетъ утѣшать и успокаивать въ смутные періоды общественной жизни, успокаивать убѣжденіемъ въ томъ, что не переводятся люди, воодушевленные любовью къ человѣку и служеніемъ правдѣ, одной только правдѣ.

В. Устиновъ.

Изъ Леконтъ де-Лиля.

* * *

Подъ небомъ лазурнымъ, гдѣ алою розой
Весеннее утро цвѣтеть —
Природа чарующей кажется грѣзой,
И радостно иташекъ лѣсныхъ хороводъ
Подъ сѣнью дубравы тѣнистой поеть
О небѣ лазурномъ, гдѣ алою розой
Весеннее утро цвѣтеть.

И, капли за каплей, вода ключевая
На камень сбѣгаетъ, журча,
Прозрачные лилій листы омывая, —
И чутко съ разсвѣтомъ газель молодая
Внимаетъ въ прохладѣ лѣсной, у ключа,
Какъ тихо струится вода ключевая,
Сребристою трелью журча.

Тропинкой подъ сводомъ деревьевъ зеленыхъ
Терявшейся въ смутной дали —
Съ зарею румяной или двое влюбленныхъ, —
И птицы имъ пѣли, и розы цвѣли,
И легкій туманъ поднимался съ земли
Подъ сѣнью густою деревьевъ зеленыхъ
Терявшихся въ смутной дали.

Объята волшебною пѣгой забвенья,
Все далѣ шла молодая чета,
И вѣчнымъ казалось ей это мгновенье,
Лазурныхъ небесъ и земли красота,
И длился чарующій мигъ сновидѣнья, —
Объята волшебною пѣгой забвенья,
Все далѣ шла молодая чета.

Лазурное небо, гдѣ алою розой
Весеннее утро, какъ прежде, цвѣтеть —
Не тѣнить ихъ больше отрадною грѣзой,
И радостно иташекъ лѣсныхъ хороводъ
Имъ больше подъ сѣнью листвы не поеть
О небѣ лазурномъ, гдѣ алою розой
Весеннее утро цвѣтеть

0. Чюмина.

ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Повѣсть въ письмахъ.

(Продолженіе).

28-го апрѣля 1857 г.

Вчера, къ вечеру, пріѣхали мы въ нашу милую Ольховку! Нашу! Сколько счастья, сколько значенія въ этомъ маленькомъ словѣ! Наша любовь, нашъ домъ, наше желаніе! Наше, все общее, все вмѣстѣ, все пополамъ! О Варюша, Варюша! я самая счастливая женщина въ мірѣ!

И вотъ мы въ нашей Ольховкѣ, которая очень понравилась Володѣ и домомъ и садомъ и мѣстоположеніемъ своимъ. Въ домѣ все уже было приготовлено къ нашему пріему; комнаты * убраны и освѣщены, а па крыльцѣ насъ встрѣтили хлѣбомъ солью дворовые и крестьяне. Многіе изъ нихъ, особенно женщины, плакали отъ радости, поздравляя насъ; вѣдь я выросла у нихъ на глазахъ! И эта безсознательная, но твердая связь такъ крѣпка, что ее не порвали даже годы продолжительной разлуки. Вчера, едва завидѣвъ съ дѣтства знакома мнѣ мѣста и памятные до сихъ поръ лица крестьянъ и дворовыхъ, я сразу почувствовала, что вернулаея «къ себѣ», къ своимъ. Только моя бѣдная старушка няня не встрѣтила уже насъ. Она мирно спитъ въ землѣ за церковной оградой, невдалекѣ отъ могилъ батюшки и маменьки. Мы уже были у нихъ сегодня... Какая хорошая мысль пришла Дмитрію—посоветовать намъ прямо изъ-подъ вѣнца ѣхать въ Ольховку! И какъ я благодарна ему за это. Да, онъ правъ; именно здѣсь, въ старомъ дѣдовомъ домѣ, который уже видѣлъ столько молодыхъ паръ, должны мы провести нашъ медовый мѣсяць.

Когда я показывала сегодня Володѣ весь домъ съ его старинными комнатами, убранными старомодной жесткой мебелью, комодами изъ краснаго дерева съ бронзой и горками съ екатерининскимъ фарфоромъ по угламъ мнѣ все казалось, что все эти дѣдушки и бабушки, которыхъ я не знала, но безъ которыхъ не было-бы и меня, смотрятъ на насъ съ Володей изъ своихъ рамъ и улыбаются намъ, желая счастья и любви... Долго бродили мы съ нимъ по старому, запущенному саду и никогда еще этотъ садъ и этотъ домъ не охватывали меня такимъ страннымъ чувствомъ и не казались мнѣ полными такого глубокаго значенія... Отъ всего этого вѣяло какой-то нѣжною, задумчивою грустью, чѣмъ-то уже ушедшимъ и далекимъ, но эта грусть была пріятна какъ тихій лѣтній вечеръ. И какъ пріятно было мнѣ показывать Володѣ наше маленькое владѣніе, каждый памятный для меня чѣмъ-нибудь уголокъ! Какъ радостно было подмѣчать на его лицѣ удовольствіе и чувствовать, что и ему почти все нравится здѣсь и что со временемъ и онъ полюбитъ все это такъ-же, какъ давно уже люблю я сама.

Но какъ хорошо быть вдвоемъ, совѣмъ вдвоемъ! Знаешь-ли, что когда послѣ завтрака, вы все вышли провожать насъ на крыльцо и ваши милья, улыбавшіяся мнѣ сквозь слезы на прощанье лица, въ послѣдній разъ мелькнули предо мной и я не почувствовала въ сердцѣ своемъ той глубокой печали, какую до сихъ поръ всегда испытывала при разставаніи съ кѣмъ-нибудь изъ васъ—я поняла, что для меня началась новая жизнь, въ которой все счастье и весь смыслъ будутъ отнынѣ заключены въ одномъ человѣкѣ—и человѣкъ этотъ былъ мой мужъ и мы сидѣли рядомъ съ нимъ, счастливые, любящіе, соединенные навѣки и Богомъ и людьми и своей любовью! Я радостно взглянула на него и онъ привлекъ меня къ себѣ и осыпалъ поцѣлуйми мое лицо и руки. — «Жена моя! моя дорогая, милая жена моя!» сказалъ онъ мнѣ тихо и въ глазахъ его я увидѣла такіе-же счастливыя и растроганныя слезы, какія чувствовала въ своихъ. Жена! Его жена! Какое великое, прекрасное слово! О да, мой дорогой, мой любимый мужъ, Господь видитъ мое сердце и знаетъ, что всей душой хочу я быть тебѣ женой преданной, вѣрной и любящей до послѣдняго дня моего! Хочу дѣлать съ тобою всю радость и все горе, какое Господу угодно будетъ послать намъ.

О Варюша, что я могу еще сказать тебѣ? Я такъ счастлива! Ты взяла съ меня слово, написать тебѣ тотчасъ-же по пріѣздѣ нашемъ въ деревню, и вотъ я исполняю его; но подумай сама, могу-ли я писать теперь! Да и вотъ уже 27 минутъ, что я пишу, а онъ сидитъ въ со-сѣдней комнатѣ поджидая когда я кончу и уже торопитъ меня.

Прощай, прощай, моя дорогая. Крѣико и нѣжно расцѣлуй отъ меня

всѣхъ моихъ... Скажи имъ, что я прошу у нихъ прощенья за мою невольную измѣну имъ... Но могла-ли я не измѣнить!

Скажи тетѣ, что и дорога и погода благопріятствовали намъ. Весна здѣсь въ полномъ разгарѣ, все расцвѣло и зазеленѣло. Яблони и вишни стоятъ какъ снѣгомъ обсыпанныя въ своемъ чудномъ уборѣ блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ, а въ полѣ весь день заливаются жаворонки. И какъ прекрасна, какъ радостна кажется весна въ природѣ, когда и въ душѣ ликуеть такая-же сіяющая весна!

Твоя счастливая Катя.

Москва. 1857 г.
Сентябрь.

Дорогая Варюша! Мы совсѣмъ погружены въ хлопоты и заботы по устройству своего гнѣздышка. До сихъ поръ я всегда была довольно равнодушна къ обновамъ и тяготилась разтѣздами по магазинамъ, но теперь я нашла въ этомъ совсѣмъ новое и неожиданное удовольствіе. Мы съ Володей и покупаемъ и устриваемъ все сами. Это намъ наша умница тетя Луиза посоветовала. Сначала мы было принялись за это не очень охотно, особенно Володя, которому казалось, что такъ только даромъ уйдетъ пропасть времени, а толку все равно не выйдетъ, потому что по неопытности и непрактичности мы устроимъ все это гораздо хуже и дороже, чѣмъ устроила-бы такая чудесная хозяйка, какъ тетя Луиза.

Но милая наша Mutterchen (я теперь тоже такъ зову ее) настояла на своемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—сказала она намъ рѣшительно—вы сами не понимаете, сколько удовольствія будете извлекать изъ того! Посмотрите на птицъ! Посмотрите какъ онѣ радостно, какъ усердно хлопочутъ надъ своими гнѣздами; имъ тоже никто не помогаетъ, никто ихъ не учитъ и онѣ тоже сначала бываютъ неопытны, а посмотрите какъ все хорошо выходитъ! Поступайте такъ-же и вы, мои милыя дѣти, свивайте сами свое гнѣздышко, а я буду только преподавать вамъ совѣты и, повѣрьте, что тогда всякая щетка, что вы выберете и купите сами, будетъ приносить вамъ удовольствіе.

Ну не прелесть-ли наша Mutterchen? Какъ я люблю въ ней эту чисто нѣмецкую складочку ума!

И вотъ мы послушались и благодарны ей теперь всей душой.

Мы сами наняли себѣ квартиру (на Никитской, недалеко отъ нихъ и отъ университета, чтобы Володѣ удобно было ходить) небольшую, но зато особнякъ и такую свѣтлую и уютную, что я цѣлыми днями готова не выходить изъ нея, особенно теперь, когда идетъ эта «уборка гнѣзда».

Мы съ Володей не хотимъ никакой роскоши и рѣшили устроиться какъ можно проще, лишь-бы было тепло, удобно и уютно и намъ и всякому, кто придетъ къ намъ. Мебель мы частью купили новую, частью выписали изъ Ольховки, гдѣ много хранилось лишняго по кладовымъ.

Но какъ тетя права была, утверждая, что всякая щетка, купленная нами сообща, будетъ доставлять намъ удовольствіе. Повѣришь-ли, что я теперь чуть не съ наслажденіемъ хожу съ Володей по магазинамъ за разными покушками и надо видѣть какъ мы съ нимъ иной разъ хитримъ и плутуемъ другъ съ другомъ, чтобы только угодить одинъ другому и выбрать не то, что нравится больше себѣ, а то, что нравится другому. Я стараюсь угадывать его желаніе по его глазамъ, но онъ, противный, дѣлаетъ то-же самое и иногда дѣло изъ-за этого кончается чуть не размолвкой!

Впрочемъ, гораздо чаще вкусы наши благополучно сходятся и тогда мы веселые и довольные торжественно привозимъ домой какой-нибудь судонокъ, лампу, скатерть или даже половую щетку! И весь домъ призывается къ разсматриванію обновъ, начиная съ Дороевча на кухнѣ и кончая гостями, если они случатся при этомъ.

И если-бы ты знала съ какой любовью, съ какой заботой вколачиваемъ мы всякій гвоздь и прискрепваемъ мѣсто каждому стулу! Мы (съ помощію Захара и Дуняши) сами свои обойники, свои столы (право, Володя самъ отполировалъ себѣ весь письменный столъ) и съ какимъ усердіемъ мы съ нимъ трудимся! Я по цѣлымъ днямъ хожу въ передникѣ съ засученными рукавами, а Володя безъ сюртука и жилета, потому что оба мы только и дѣлаемъ, что лазимъ по лѣстницамъ и столамъ, вбивая гвозди и навѣшивая шторы и занавѣси.

Можетъ быть это смѣшно, но когда намъ удастся что-нибудь удачно повѣсить или приколотить, мы такъ радуемся и торжествуемъ, что чуть не танцуемъ отъ удовольствія... да иногда, признаться, даже и танцуемъ!

— Хорошо?—съ гордостью спрашиваетъ Володя только-что водрузивъ на мѣстѣ какую-нибудь картину.

— Хорошо!—отвѣчаю я съ восторгомъ и мы цѣлуемся, потому что и картина повѣшена хорошо и намъ еще лучше.

Когда Ольга или братья застаютъ насъ въ такомъ видѣ, они всегда подтруниваютъ надъ нами.

— Погодите, погодите — говоритъ флегматично Ольга — скоро остынете! Я тоже лазила!

А Дмитрій смѣется и говоритъ, что мы съ Володей теперь «въ остромъ періодѣ» и увѣряетъ, что когда общіе знакомые спрашиваютъ его о насъ и о томъ, что мы подѣлываемъ — онъ будто-бы всегда отвѣчаетъ:

— Вколачиваютъ гвозди во всѣ стѣны и блаженствуютъ сидя на дѣстницахъ и столахъ.

Мы съ Володей хотимъ скорѣй женить его самого, чтобы онъ не насмѣхался надъ другими.

Да, Варекъ; право мнѣ иногда кажется, что мы снова обратились въ дѣтей, счастливыхъ, счастливыхъ дѣтей, которыхъ къ тому же даже и не наказываютъ за шалости! Вотъ ужъ могу сказать, что когда въ прошломъ году я только что влюбилась въ Володю и страдала изъ за него, противнаго, мнѣ въ голову не приходило, что онъ, въ сущности, такой еще ребенокъ! По крайней мѣрѣ иногда онъ можетъ дурачиться, хохотать и прыгать по стульямъ, какъ расшалившийся 12-лѣтній мальчуганъ. А мнѣ то онъ представлялся тогда какимъ-то «мудрымъ и ученымъ мужемъ, съ всегда нахмуреннымъ челомъ» и я только одного боялась, какъ бы не показаться ему ужъ слишкомъ глухой.

Мнѣ часто хочется, что-бы ты подсмотрѣла-бы какъ-нибудь, когда мы съ нимъ такъ развозимся и разшалимся. Право, мы иногда поднимаемъ такую возню, что даже Гекторъ, прелестный, молодой сестеръ, Володинъ любимецъ, котораго еще щенкомъ подарилъ ему одинъ пріятель, приходитъ въ недоумѣніе и не понимая, что мы это шутя или въ серьезъ, начинаетъ съ отчаяннымъ визгомъ и лаемъ бросаться между нами, стараясь разнять насъ и оттащить другъ отъ друга и дѣло кончается всегда тѣмъ, что на сцену является Дуняша, съ напереткомъ и иглой, пришивать оторванные Гекторомъ оборки. Мы съ этимъ Гекторомъ уже большіе друзья, такъ что Володя слегка даже ревнуетъ его ко мнѣ и уже называетъ его измѣнникомъ.

Ты спрашиваешь изъ кого состоитъ нашъ «домашній штатъ»?

Изъ очень немногихъ, милая. Для себя я взяла одну Дуняшу; можетъ быть, ты помнишь ее немного? Она была приставлена ко мнѣ въ горничныя еще покойной маменькой и 7 лѣтъ тому назадъ изъ за этой глупой исторіи съ Львовымъ чуть не попала въ Оренбургскую губернію. Съ тѣхъ поръ какъ я тогда ее отвоевала, она предана мнѣ всей душой и всегда мечтала только о томъ, чтобы снова попасть въ мои горничныя. У нея бѣдной былъ очень неудачный романъ; она влюбилась въ муратовскаго кучера (наши сосѣди по Ольховкѣ), а тотъ, несчастный, попалъ какъ-то подъ опалу стараго Муратова и былъ сданъ въ солдаты. Да, тяжела доля нашихъ несчастныхъ крестьянъ... Что касается мужа, то при немъ остался его человекъ Захаръ, молодой, умный малый, который хоть и вольный, но съ дѣтства еще живетъ у Володи и очень къ нему привязанъ. Поваромъ-же мы взяли ольховскаго нашего Дороенча.

Насъ только двое и намъ этого штата за глаза. Володя всегда воз-

муцался нашимъ русскимъ, дворянскимъ обычаемъ держать на трехъ-четырехъ господъ по 20 человекъ челяди. Да намъ теперь это было бы и невозможно. Средства наши вовсе не велики... Да, вотъ, кстати, по поводу этого... Ты да и всѣ почти (конечно за исключеніемъ дяди и братьевъ) упрекаете насъ за то, что мы отпустили нашихъ крестьянъ на волю. Ты спрашиваешь меня, «какъ могли вы это сдѣлать! Какъ не подумали о своихъ будущихъ дѣтяхъ, которыхъ добровольно разорили, отнявъ у нихъ большую часть состоянія!» Ты пишешь: «боюсь что вы раскаетесь когда нибудь въ этомъ великодушномъ, но неблагоприятномъ и необдуманномъ поступкѣ!» Нѣтъ, Варя, не раскаемся! Я увѣрена, что не раскаемся! Отпустить на волю моихъ крестьянъ давно было моею заветною мечтой. Мнѣ всегда было противно сознаніе что я имѣю рабовъ! Есть что-то унизительное и недостойное въ этомъ не только для нихъ, этихъ рабовъ, но и для тѣхъ, кто владѣетъ ими. Страстная, полная святой вѣры и надежды проповѣдь объ освобожденіи ихъ нашей Раны и вообще все, что я видѣла и слышала потомъ въ семьѣ дяди, все что почерпнула изъ книгъ не прошло для меня даромъ, а глубоко зашло въ душу и мучило меня уже въ то время, когда я еще впервые только стала задумываться надъ этими вещами и робко искать свѣта въ темнотѣ. Потомъ, за-границей, предоставленная сама себѣ и поневолѣ освобожденная отъ вѣковыхъ предразсудковъ родной страны, я стала много читать и размышлять и научилась на многое глядѣть иначе. Я поняла, какое это страшное, ничѣмъ неоправдываемое зло—крѣпостное право! Поняла сколько горя, жестокости и несправедливости, возмутительныхъ и страшныхъ, таитъ оно въ себѣ и мысленно дала себѣ клятву—отказаться по отношенію своихъ крестьянъ отъ этого, позорящаго челоуѣчество, недостойнаго права, какъ только получу возможность дѣйствовать самостоятельно. Послѣ смерти маменьки я не разъ просила о томъ дядю Семена, но онъ, вполнѣ согласный со мной въ принципѣ и давно уже давшій своимъ крестьянамъ большіе надѣлы и отпустившій ихъ на самый ничтожный оброкъ, не допускалъ меня сдѣлать это немедленно, а уговорилъ подождать. Теперь я понимаю чего онъ ждалъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я сдѣлала это не иначе, какъ съ согласія моего будущаго мужа, который могъ взглянуть на это дѣло совѣмъ иначе и упрекнуть потомъ не только меня, но и его какъ опекуна.

Но я была такъ счастлива, что человекъ сдѣлавшійся моимъ мужемъ, всей душой откликнулся на эту мысль и былъ тѣмъ болѣе радъ этому, что поступая такимъ образомъ его убѣжденія могли не расходиться съ дѣломъ.

Да и подумай сама, Варя, какъ могли мы не сдѣлать этого! Мы, которымъ судьба дала столько счастья! Какъ могли мы не пожелать сдѣлать хоть сколько-нибудь счастливыми и другихъ! Наше счастье такъ

велико, такъ прекрасно, что намъ невольно хочется подѣлиться имъ съ другими меньшими обдѣленными братьями нашими. Вспомни слова Христа!

Нѣтъ, нѣтъ, я вѣрю, вѣрю всей душой, что ни я ни мой дорогой мужъ никогда не раскаемся въ этомъ поступкѣ, а та благодарность, тѣ жаркія молитвы, которыми они осыпали насъ, вымолятъ намъ у Господа милости и прощенія въ тотъ день, когда наступитъ какое-нибудь горе.

Не раскаемся уже потому, что день этого освобожденія ихъ былъ лучшимъ быть можетъ днемъ въ нашей жизни и право я не знаю, кто былъ счастливѣе—они-ли, получившіе, наконецъ, свободу или мы, давшіе имъ ее!

Знаю только, что когда мы вышли къ нимъ на крыльцо послѣ того какъ они всемъ селомъ пришли къ намъ изъ церкви и все они, всей толпой и старики и женщины и дѣти стали на колѣни и до земли въ ноги поклонились намъ—о, Варя, какая это была хорошая минута! Сколько-бы я ни жила, я не забуду ее и она освѣтитъ мнѣ тяжелые дни! Мнѣ казалось, что самъ Христосъ прошелъ среди насъ и слезы хлынули изъ глазъ моихъ...

Я взглянула на мужа онъ стоялъ тоже блѣдный отъ волненія, но лицо его было такое просвѣтленное, такое хорошее что если-бы я еще не любила его, то полюбила-бы съ этой минуты! Нѣтъ, Варя, человѣкъ долженъ дѣлать хоть время отъ времени добрыя дѣла, ужъ для одного того, чтобы хоть изрѣдка, хоть мгновеньями чувствовать въ душѣ своей тотъ растроганный, святой восторгъ, что хоть на нѣсколько минутъ очищаетъ душу отъ всего мелкаго, суетнаго, злого и приподнимаетъ ее къ подножію Бога!

Что-же изъ того, что мы стали теперь, какъ ты пишешь, чуть не на половину бѣднѣе! Во-первыхъ, съ такимъ мужемъ, какъ мой, умнымъ, энергичнымъ, трудолюбивымъ, трудно впасть въ нищету, особенно, когда оба мы, слава Богу, молоды, здоровы и оба готовы работать, а во-вторыхъ, развѣ не осталось у меня все-таки имѣніе, которое даже за надѣломъ крестьянъ землю, стоитъ все-таки тысячъ 40! А еще домъ въ N. А профессорское жалованье мужа! Неужели-же все это бѣдность? Несчастны-же, въ такомъ случаѣ, богатые люди, какъ имъ трудно быть богатыми! Но съ нашими маленькими потребностями Богъ дастъ хватить не только на нашъ вѣкъ, но и дѣтямъ, коли они будутъ, что-нибудь останется. Да и о чемъ такъ много толковать! Что мы такое особенное сдѣлали? Немножко опередили событія, вотъ и все! О чемъ все эти разговоры, сожалѣнія и упреки; когда все мы, слава Богу, живемъ чуть не наканунѣ великаго дня всеобщаго освобожденія! Уже недалеко то время, повѣрь мнѣ, когда вся Россія станетъ праздновать его!

И сколько-бы злобы, интригъ и негодованія мысль эта ни вызывала въ нѣкоторой, меньшей, слава Богу, части общества, сколько-бы ни возставали противъ нея съ безсильной ненавистью и яростью, она все таки-же осуществится и настанетъ наконецъ великій, радостный день, когда она перестанетъ быть только робкою мечтой. И мы доживемъ еще до этого прекраснаго дня и будемъ праздновать его! Вѣрю этому всей душой. Не хочу, не могу не вѣрить. Вѣрь и ты, моя дорогая, вѣрь, вѣрь!

Всегда твоя Катя.

Ноябрь, 1857 г.
Москва.

Ты интересуешься, милая моя Варюша, какъ приняла насъ бабушка? Дѣйствительно, я все это время забывала описать тебѣ этотъ пріемъ, хотя особеннаго въ немъ ничего не было.

Послѣ свадьбы, по пути въ Ольховку, мы заѣзжали въ Н. нарочно, чтобы, такъ сказать, представиться ей.

Она приняла насъ довольно милостиво, предварительно впрочемъ заставивъ прождать ее добрыхъ четверть часа въ угловой гостиной, въ которой она принимаетъ только по торжественнымъ днямъ и важныхъ особъ.

Эти четверть часа мы провели въ бесѣдѣ съ старикомъ Архишечемъ (помнишь можетъ его, онъ былъ еще батюшкинымъ дядькой), который чуть не плакалъ отъ радости, что меня, какъ онъ выразился, «наконецъ Господь пристроилъ». Очевидно, они всѣ здѣсь считали меня на этотъ счетъ безнадежной.

Но какъ мало мѣняются нѣкоторые люди, особенно тѣ, что живутъ тихой, покойной, далекой отъ мірской суеты жизнью. Вотъ хоть-бы этотъ Архишечъ. Я съ дѣтства помню его все такимъ-же, какъ и теперь. То-же восковое, худенькое, тщательно выбритое личико, обрамленное сѣдыми на бокъ зачесанными волосами; тотъ-же коричневый, длинно-полый съ блестящими пуговицами кафтанъ и даже, кажется, тотъ-же самый гороховый жилетъ. Онъ точно застылъ на одномъ градусѣ и ни годы, ни время не мѣняютъ его. За эти 20 лѣтъ, что я помню себя, все и всѣ измѣнились вокругъ меня, а они съ бабушкой все тѣ-же и эти 20 лѣтъ скользнули по нимъ, оставивъ менѣ слѣда, чѣмъ на другихъ два года. Итакъ, чрезъ четверть часа, двери торжественно распахнулись; Архишечъ съ достоинствомъ, но скромно подался назадъ, въ сторонку къ дверямъ и вошла бабушка, съ своими двумя прижималками по бокамъ, что дало потомъ поводъ Володѣ подтрунить и сказать, что она вышла точно архіерей съ двумя священниками.

Не доходя до насъ на полдорогѣ, посреди комнаты, она остановилась и окинула насъ своимъ орлинымъ взглядомъ.

И вотъ что значить впечатлѣнія дѣтства! Представь, что вѣдь я до сихъ поръ немного трушу ее; по крайней мѣрѣ при ея торжественномъ выходѣ я сильно смутилась и робко подошла къ ней и поцѣловавъ ея руку чуть слышно отрекомендовала ей Володю. Она нѣсколько секундъ молча пронизательно и безцеремонно оглядывала его съ головы до ногъ, такъ-что онъ не шутя началъ ужъ-было хмуриться, но она милостиво протянула ему для поцѣлуя руку и сказала, что онъ «ничего себѣ; по виду кажется человѣкъ не дурной».

Володя весь вспыхнулъ. Онъ вообще терпѣть не можетъ этихъ торжественныхъ родственныхъ сценъ, но все-же, дѣлать нечего, почтительно приложился къ ея ручкѣ.

Послѣ этого бабушка величественно сѣла на диванъ, а насъ пригласила сѣсть по сторонамъ на креслахъ. Володя ей положительно понравился. Она была къ нему не только милостива, но даже ласкова. А я, правду сказать, сильно трусила этого свиданія. Отъ бабушки вѣдь всего станеть; она церемониться не будетъ, и ужъ одно то, что Володю въ душѣ она навѣрное считаетъ «не своимъ», потому что дѣдъ его былъ простой священникъ, заставляло меня опасаться, какъ-бы она не дала ему этого почувствовать, изъ-за чего, при Володиномъ самолюбіи, могла бы произойти Богъ знаетъ какая непріятность.

Но все слава Богу обошлось благополучно и бабушка даже громко заявила, что я «такого мужа еще и не стою».

Со мной она была по обыкловенію сурова и почти не обращала никакого вниманія на мое присутствіе, говоря исключительно съ Володей; но я, конечно, на это не обижалась и только радовалась, что хоть съ Володей-то она поладила.

Я замѣтила, что съ мужчинами бабушка вообще гораздо милостивѣе, чѣмъ съ женщинами. Ихъ она по крайней мѣрѣ хоть уважаетъ.

Когда подали чай—тоже очень торжественно, на фамильномъ серебрянѣ и прислуживали три «гайдука», какъ говоритъ сама бабушка, которая никогда не удостоиваетъ знать имена своихъ молодыхъ слугъ и только стариковъ въ видѣ особой милости называетъ Дунька, Васька, Фомка и т. д.; исключеніе дѣлается только для Архипа, да и то вѣрно потому, что онъ лѣтъ на 10, если не больше, старше ея,—такъ вотъ, когда подали чай, бабушка обращалась къ Володѣ уже на ты и сама потчивала его печеньемъ и вареньемъ.

— А жену-то держи построже — говорила она ему, ничуть не стѣсняясь моимъ присутствіемъ—воли много не давай! А то вы, ношншіе-то мужья, стыдъ смотрѣть на васъ! Одно званіе, что мужъ! Женамъ-то только руки лижутъ да за ихъ юбками бѣгаютъ! Длушечка,

да милочка, а душечки-то отъ нихъ носы воротятъ. А ты помни, что ты мужчина и въ домѣ глава и требуй себѣ повиновенія и почтенія. На то она тебѣ и жена! Коли ты жену уважать себя не научишь, такъ и отъ другихъ уваженія не жди! Дуракомъ у всѣхъ прослывешь и надъ тобой-же всѣ смѣяться будутъ. А ты рукъ-то ей не лижи, да на колѣняхъ передъ ней съ дуру не стой, она тебѣ вѣдь жена, а не архіерей! съ нашей-то сестрой, что строже, то лучше! тебя-же больше любить будетъ!

Володя пилъ чай и посмѣивался. Я видѣла по его глазамъ, что бабушка его заинтересовала; онъ слушалъ ее съ удовольствіемъ и отвѣчалъ ей въ добродушно шутовомъ тонѣ.

Я же хотѣла было напомнить ей, какъ она со своимъ собственнымъ мужемъ когда-то обращалась, которому подъ конецъ, разсердившись на него за что-нибудь, по три дня бывало изъ его комнаты выходить не приказывала. Да ужъ промолчала, Богъ съ ней... На прощанье она велѣла вынести изъ своей комнаты старинный образъ Нерукотвореннаго Спаса въ жемчужной ризѣ и благословила насъ имъ. А мнѣ подарила еще и брильянтовой фермуаръ, который надо будетъ передѣлать, потому что теперь такихъ больше не носятъ. Впрочемъ, куда мнѣ его надѣвать, пускай такъ лежитъ, можетъ быть когда-нибудь впоследствіи и пригодится.

На обратномъ пути, мы опять заѣзжали къ ней и она приняла насъ уже запросто въ своей комнатѣ и снова совѣтовала Володѣ держать меня построже, что онъ ей шутя и обѣщалъ.

Но какое странное чувство овладѣваетъ мной каждый разъ, какъ я вхожу въ этотъ опустѣлый домъ! Все, каждый уголокъ его, каждая комната поднимаетъ во мнѣ воспоминанія дѣтства и первой юности моей, что протекли здѣсь! Боже мой; кажется, что все это было уже такъ давно, давно... и точно не со мной, а съ кѣмъ-то другимъ, чью исторію я знаю... Гдѣ всѣ они, батюшка, маменька, няня! гдѣ онѣ милыя тѣни, съ которыми такъ тѣсно связано было начало моего существованія! Какъ все это безслѣдно исчезло! Остался одинъ звукъ, пустой звукъ ихъ именъ! Такъ и мы когда-нибудь уйдемъ и отъ насъ останется звукъ однихъ именъ... Какая странная загадочная вещь жизнь?

Вотъ я такъ любила ихъ всѣхъ и существованіе мое было такъ тѣсно связано съ ними, что казалось всѣ наши существованія сливались вмѣстѣ и нельзя было отдѣлить одно отъ другихъ. И вотъ они ушли, а я живу и тотъ пробѣлъ, который на мигъ внесла ихъ смерть въ мою жизнь, уже заросъ и жизнь снова кажется мнѣ прекрасной и радостной, а сердце мое полно уже другой любовью и не чувствуетъ ни пустоты, ни страданія и все прежнее со всѣми его привязанностями, радостями и горестями кажется мнѣ только далекимъ сномъ!...

Кто знаетъ, если послѣ нашей смерти въ насъ остается сознаніе

прожитой нами здѣсь жизни, не кажется-ли намъ и самая эта жизнь, которая здѣсь на землѣ давала намъ столько волненій, столько страданій и радостей, столько горя и счастья такимъ-же промелькнувшимъ сномъ?... Люди рождаются, живутъ, борются и исчезаютъ какъ тѣни, не оставляя послѣ себя даже пустоты...

Но какъ затихъ зато нашъ домъ, когда-то такой многолюдный и оживленный. Чѣмъ-то незилымъ пахнетъ отъ него! Эти пустые покои, съ чинно разставленною и закрытою чехлами мебелью, на которой никто никогда не сидитъ; эти люстры и зеркала, затянутыя отъ мухъ голубой кисеей... Какъ все это уныло и холодно... Удивляюсь, какъ можетъ жить здѣсь бабушка, совѣмъ одна, окруженная только своими приживалками, монашками да челядью. Для нее этотъ домъ долженъ быть особенно полонъ печальными воспоминаніями; сколькихъ она уже пережила въ немъ, сколькихъ похоронила.. Вѣдь кромѣ папеньки она схоронила раньше двухъ дочерей и сына, которые умерли уже взрослыми людьми. И все это когда-то жило здѣсь, волновалось, любило, горевало и веселилось, наполняя домъ живыми людьми, громкими голосами, смѣхомъ и слезами... Неужели прошлое никогда не воспоминается ей, неужели она удовлетворена своимъ холоднымъ, одинокимъ, гордымъ въ своемъ спокойствіи и равнодушіи къ другимъ существованіемъ? Какъ хотѣла-бы я знать, о чемъ думаетъ она въ долгіе зимніе вечера, освѣщаемые по старинному, одной сальной свѣчой, поставленной на кругломъ столѣ, посрединѣ ея комнаты...

Но вотъ пришелъ Володя, я слышу его голосъ... Допишу тебѣ, милочка, это письмо завтра...

14-е ноября.

Цѣлыхъ пять дней все не удавалось докончить это письмо къ тебѣ, моя Варюша. Зато сегодня намѣрена дать тебѣ подробный отчетъ по вѣснмъ твоимъ вопросамъ.

Ты спрашиваешь, спустились мы наконецъ съ нашихъ лѣстницъ? Спустились, спустились, милочка. Все уже устроено, все готово и рядомъ съ нашей спальней есть небольшая запасная комнатка, на случай, если одна милая моя подруга, которую я очень люблю, вздумаетъ пріѣхать къ намъ погостить.

Потомъ ты хочешь, чтобы я описала тебѣ, какъ мы проводимъ день? Постараюсь, по мѣрѣ силъ и умѣнья, удовлетворить твое желаніе; только вѣдь это, пожалуй, выйдетъ слишкомъ длинно, хотя для меня день нашъ представляется короткимъ, какъ прекрасный мигъ.

Итакъ начинаю!

Утромъ, часовъ около 8, Гекторъ, съ которымъ я уже познакомила тебя въ началѣ этого письма, начинаетъ тихонько повизгивать и

скрестись въ пашу дверь. Я просыпаюсь, вскакиваю, выпускаю его и мы нѣжно здороваемся и обнимаемся съ нимъ, послѣ чего онъ тихонько ложится у Володиной постели и ждетъ пока я одѣнусь, а я иду въ уборную, моюсь и плескаюсь какъ люблю холодной, почти ледяной водой, надѣваю затѣмъ свѣжій, только что накрахмаленный бѣлый капоть и накалываю на голову маленькій кружевной чепчикъ. Мнѣ очень нравится носить по утрамъ эти маленькіе чепчики. Они придаютъ такой «дамскій» видъ и... и ваша покорная слуга должна вамъ признаться, сударыня, что она дѣлаетъ это не безъ кокетства и смотрится при этомъ въ зеркало не безъ удовольствія, а главное очень внимательно! Она не на шутку желаетъ нравиться своему милому мужу и пользуется его богатырскимъ сномъ, старается привести себя въ достаточно изящный видъ! А вы еще изволили обвинять ее за то, что она стала черезчуръ серьезна и совѣмъ не умѣетъ кокетничать и заниматься собой! Какъ видишь, женщицѣ нужно найти только человѣка, которому она хочетъ нравиться и тогда она быстро и скажу, даже инстинктивно научается и кокетничать и заниматься собой. Затѣмъ я иду осматривать, все-ли въ порядкѣ въ моемъ маленькомъ царствѣ. Захожу даже на кухню и серьезно разсматриваю припененную Дороевичемъ провизію; взвѣшиваю ее, нюхаю, шудаю и вообще, чтобы не уронить себя въ его глаза, притворяюсь очень опытной хозяйкой, хотя тебѣ могу сознаться на ушко, что до сихъ поръ никакъ не научусь отличать кострець отъ бедра и куропатку отъ рябчика.

Дороевичъ у насъ домашній философъ и страшный скептикъ, презирающій слегка весь родъ людекой, за исключеніемъ только бабушки да покойнаго батюшки, къ которымъ онъ относится положительно съ благоговѣніемъ. Онъ даже, кажется, думаетъ, что міръ былъ созданъ именно для нихъ, а люди, кто-бы они ни были, только для того, чтобы служить имъ. Намъ, особенно мнѣ, онъ искренно преданъ и относится съ почитительной, по снисходительной лаской, въ родѣ того, какъ относится къ малымъ неразумнымъ господамъ дѣтямъ.

Пока я продѣлываю предъ нимъ комедію съ осмотромъ провизіи, онъ тоже играетъ свою комедію и притворяется, будто-бы вѣритъ моему пониманію, но по его глазамъ и рѣдѣнкой сѣдой бородкѣ, которую онъ лукаво теревитъ, я вижу что онъ думаетъ про себя, съ полудосадой съ полулаской:

— Ну что-жъ, тѣшься, тѣшься, коли охота есть; что-жъ и я тебя потѣшу!...

«Натѣшившись» и осмотрѣвъ все мои милыя владѣнія, въ которыхъ съ утра уже ярко свѣтитъ солнце, и налюбовавшись въ сотый разъ навсякій цвѣтокъ и стулъ, я иду будить «благовѣрнаго», какъ говоритъ Ольга.

Но разбудить моего милого благовѣрнаго—это дѣлая исторія!

Каждый вечерь онъ строго наказываетъ намъ съ Захаромъ «непремѣнно» разбудить его не позднѣе 8-ми часовъ и ни подь каѣмъ видомъ, не взирая ни на какія его мольбы и негодованіе, не давать ему снова засыпать. И каждое утро онъ тѣмъ же не менѣе не желаетъ просыпаться, бранится, гонитъ вонъ Захара и сердится даже на меня, если я слишкомъ усердно, какъ ему утромъ это всегда кажется, выполняю его вечернюю просьбу.

Наконецъ, совмѣстными усиліями съ Захаромъ намъ кое-какъ удается окончательно поднять его и тогда я благоразумно ретируюсь на нѣкоторое время, оставляя его уже всецѣло на рукахъ Захара, который вотъ уже 15 лѣтъ изо дня въ день добросовѣтно продѣлываетъ одну и ту же исторію. Черезъ полчаса, Володя наконецъ выходитъ совѣмъ одѣтый, но все еще сильно не въ духѣ и все еще слегка недовольный и мной и Захаромъ за усердное выполненіе его наказа. Но я уже привыкла къ этому и знаю что съ утра, пока не выпьетъ первый стаканъ кофе съ горячими сухарями, онъ у меня всегда не въ духѣ.

Онъ сумрачно проглядываетъ газету, не обращая никакого вниманія ни на мой свѣжій, пріятно шуршащій капотъ, надъ которымъ столько потрудилась Дуняша, ни на кокетливый чепчикъ, который я такъ заботливо прикалывала для него предъ зеркаломъ, ни на мои взгляды и улыбки и вообще старается не замѣчать ни меня, ни Гектора.

Гекторъ благоразумно забивается подъ столъ, чтобы его не было видно, а я, по собственному выраженію Володи, дѣлаю лукавую физиономію, притворяясь, что «хожу по одной половицѣ» и сиѣщу только скорѣй налить ему спасительный кофе.

Выпивъ его, Володя слегка проясняется и начинаетъ замѣчать, что солнце ярко свѣтитъ въ окна, а его жена очень мила въ своемъ хорошенькомъ чепчикѣ и что Гекторъ не получалъ еще его обычной, утренней порціи сухарей, а главное онъ спокоенъ, что теперь благодаря намъ не опоздаетъ на лекцію и у него есть даже свободный часокъ времени въ запасъ. Все это заставляетъ его примириться съ нами: онъ перестаетъ хмуриться и чувствуя, что опять провинился предъ всѣми, начинаетъ шутить и заигрывать и со мной и съ Гекторомъ и съ Захаромъ.

Тогда солнце вдругъ начинаетъ свѣтить еще ярче, я начинаю смѣяться и трунить, Гекторъ осторожно вылѣзаетъ изъ подъ стола и весело машетъ хвостомъ, въ ожиданіи своихъ сухарей и только одинъ Захаръ, которому въ этихъ случаяхъ достается всегда сильнѣе всѣхъ, нѣсколько скептически говоритъ:

— А вотъ завтра опять браниться будете!

Но до завтра еще далеко, а сегодня восхитительно и мы съ Володей цѣлуемся и смѣемся чуть не до слезъ, припоминая какъ мы его будили и какъ «онъ брыкался».

Но послѣ завтрака надо торопиться въ университетъ. Володя гонитъ меня скорѣй переодѣваться (я каждое утро хожу провожать его, развѣ ужъ очень дурная погода не позволитъ), Гекторъ, знающій время не хуже насъ, съ веселымъ лаемъ бросается въ переднюю, а я бѣгу въ спальню, скорѣй надѣвать платье и бобровую шапочку, подарокъ мужа. По дорогѣ обратно я подбѣгаю къ окну, поглядѣть сколько градусовъ и съ ужасомъ вижу, что въ передней нашему миру грозитъ опять опасность.

Неумолимый барометръ показываетъ 15 гр., а Володя я вижу намѣревается надѣть легкое, едва подбитое ватой пальто и сердце мое немедленно сжимается тоской, при одной мысли какъ онъ рискуетъ!

Я уже вижу его простудившимся, больнымъ, въ жару, въ бреду—чуть даже уже не умирающимъ и съ мольбой показываю ему глазами на шубу.

Но Володя дѣлаетъ видъ, что ничего не понимаетъ и только опять слегка хмурится, а Захаръ стоитъ въ недоумѣннн и не знаетъ, кого ему слушать: умоляющій-ли взглядъ барыни, указывающій ему, потихонько отъ барина—на шубу или жестъ барина, внушительно приказывающій подать пальто.

— Ну, давай-же—говоритъ Володя нетерпѣливо, почти рѣзко обращаясь къ Захару (хотя я понимаю, что это ласковое обращеніе относится въ сущности ко мнѣ)—чего же ты ждешь?

— Володя!.. съ робкой мольбой произношу я.

Но «Володя» уже разсердился и, не дожидаясь больше колеблющагося Захара, самъ схватываетъ съ вѣшалки пальто и неловко, не попадая сразу въ рукава, торопится надѣть его.

— Что «Володя»!—говоритъ онъ сердито и даже нарочно усиленно сердито, потому что подобная сцена повторяется чуть не изо дня въ день, съ тѣхъ поръ какъ наступила зима. — Что Володя! повторяетъ онъ—я давно знаю, что я Володя, а вотъ тебя, Катя, я уже 20 разъ просилъ не приставать ко мнѣ съ глупостями!

«Съ глупостями!» Я выпыхиваю и обижаюсь чуть не до слезъ.

Хороши «глупости!» простудиться, заболѣть, быть можетъ даже умереть!

Но я знаю уже тцету своихъ дальнѣйшихъ просьбъ и молча съ оскорбленнымъ видомъ закусываю губу и замолкаю, думая о томъ, какъ все мужчины, а мужья въ особенности несправедливы и жестоки.

— А вотъ ты сама, говоритъ онъ мнѣ—отчего опять не надѣвешь теплыхъ сапожекъ?

— Мнѣ не холодно! говорю я презрительно пожимая плечами.

Но Володѣ вѣроятно въ свою очередь представляется, какъ я простужусь, заболѣю и даже тоже можетъ быть умру и потому онъ вдругъ приходитъ въ негодованіе:

— Не холодно! Слышите! Не холодно!—вскрикиваетъ онъ съ такимъ негодованіемъ, точно я говорю какую-нибудь самую возмутительную вещь.—На дворѣ 15 гр., а ей не холодно и она изволить гулять безъ теплыхъ сапожекъ! Это чтобы опять простудиться только! И все изъ франтовства!

— Когда я простужалась? и потомъ почему мнѣ въ 15 гр. должно быть холодно, а тебѣ жарко?—спрашиваю я его съ насмѣшкой въ голосѣ, но съ радостью въ душѣ, потому что ничто меня такъ не трогаетъ въ немъ, какъ эта постоянная забота о моемъ здоровьѣ.

— Ну ладно, ладно, надѣвай—говоритъ Володя уже спокойнѣе, потому что холодное пальто уже на немъ—нечего разсуждать—я мужчина, а ты женщина, вы все постоянно простужаетесь!

— Удивительная логика! Я женщина и потому при 15 гр. морозѣ мнѣ должно быть холодно, а онъ мужчина и потому при такомъ же морозѣ ему должно быть тепло! говорю я насмѣшливо и мнѣ и смѣшно и досадно, и обидно и весело; хочется и браниться съ нимъ и разцѣловать его за его «удивительную логику». Но тѣмъ не менѣе сапожки я все-таки надѣваю, потому что Володя съ рѣшительнымъ видомъ стоитъ у дверей и повидимому не желаетъ выходить до тѣхъ поръ, пока я его не послушаюсь.

И дѣлать нечего, слушаюсь.. Но при этомъ невольно припоминаю бабушкины наставленія ему и замѣчаю въ душѣ, что онъ всегда съ гораздо большимъ сознаніемъ своего права предъявляеть свои требованія ко мнѣ нежели я свои къ нему. И мнѣ дѣлается немного обидно за себя и за женщинъ вообще и молча, слегка надувшись, я выхожу вѣдѣ за нимъ на лѣстницу.

А Володя не безъ нѣкотораго удовольствія сознаетъ себя побѣдителемъ и торжествуя по этому поводу, подливаетъ еще масла на огонь.

— Я, матушка, слава тебѣ Господи, не малевкѣй—говоритъ онъ съ самодовольнымъ видомъ идя впереди меня—я самъ знаю, что мнѣ дѣлать! Я 35 лѣтъ такъ хожу! А ты, Катюша, лучше всего не вмѣшивайся не въ свое дѣло!

«Да, да—думаю я не безъ горечи—конечно мы ихъ рабыни, въ сущности! Настъ такъ и воспитываютъ «рабынями». Его дѣло лишь тогда бываетъ и моимъ дѣломъ, когда онъ самъ этого хочетъ—а какъ только это ему неудобно, такъ это сейчасъ становится, «не моимъ дѣломъ!» Отчего же я и вообще мы жены почти никогда не рѣшаемся сказать имъ: «это не твое дѣло!» Вѣдь они же говорятъ

намъ это безъ всякой церемоніи... И потомъ—овдовѣть! кажется это ужъ прямо мое дѣло! По настоящему, онъ теперь даже и права не имѣеть такъ рисковать! Его жизнь принадлежитъ уже не одному ему»...

Но высказывать все это Володѣ вслухъ я не рѣшаюсь и только сухо замѣчаю ему, что «онъ хуже маленькаго». И мы выходимъ на улицу и нѣкоторое время идемъ не подъ руку, а порознь и молча.

Но погода такъ хороша, снѣгъ такъ весело скрипитъ подъ ногами, морозъ такъ приятно щиплетъ щеки и Гекторъ такъ радостно лаетъ, что понемногу я прощаю Володѣ, убѣждаясь и сама, что онъ дѣйствительно не можетъ простудиться, заболѣть и умереть, когда жизнь такъ прекрасна.

И я тихонько просовываю руку подъ его локоть и улыбаюсь ему.

Володя смѣется и торжествуя еще больше, крѣпко прижимаетъ локтемъ мою руку.

— Удивительно! — говоритъ онъ уже совѣмъ развеселившись, — удивительно, какъ всѣ вы женщины любите изображать Грибоѣдовскую Наталью Дмитріевну!

Но я и на это уже не обижаюсь и только смѣясь слегка ударяю его по рукѣ своей муфтой. Мы улыбаемся другъ другу и мнѣ такъ хорошо, такъ радостно идти рядомъ съ нимъ рука объ руку и чувствовать сквозь его несчастное жиденькое пальто теплоту нѣжно прижимающей меня къ себѣ его руки. Мы идемъ съ нимъ быстро, быстро, такъ что намъ почти жарко несмотря на 15° морозъ.

Въ воздухѣ крутить легкой снѣжокъ; извозчики съ добродушными, красными отъ мороза лицами и съ запушенными инеемъ бородами, весело похлопываютъ рукавицами и предлагаютъ намъ прокатиться. И отъ нихъ, и отъ лошадей, и отъ насъ самихъ идетъ клубами паръ и отъ этого щиплющаго мороза и клубящагося повеюду пара мнѣ почему-то кажется, что жить еще пріятнѣе еще радостнѣе; я невольно улыбаюсь и думаю про себя:

«Ну что-жъ что рабыни!... ну цускай рабыни... развѣ жизнь отъ этого хуже?... и потомъ, вѣдь это-же даже счастье, подчиняться когда любишь!...»

Возлѣ университета мы прощаемся, но намъ жалко разстаться другъ съ другомъ, что часто мы нарочно проходимъ мимо него до слѣдующаго угла, чтобы только хоть минутку еще побыть вмѣстѣ.

Проводивъ Володѣ, я почти всегда забѣгаю на часокъ къ своимъ, чтобы поболтать немного съ дядей и братьями и выпить чудеснаго тетинаго кофе, хоть дома только-что пила свой. Отворяетъ мнѣ всегда самъ Сережа; онъ уже знаетъ часъ моего прихода и поджидаетъ зна-

комый ему звонокъ. Мы весело здороваемся, онъ снимаетъ съ меня шубку и теплые сапожки и хотя его больная рука слегка затрудняетъ его при этомъ, но онъ такъ наловчился владѣть другою, что никому не уступаетъ эту обязанность, которую разъ навсегда объявилъ своей.

Мы входимъ въ залъ, гдѣ тетя уже ждетъ насъ съ кофейникомъ на самоварѣ.

Мой Гекторъ тоже уже чувствуетъ себя здѣсь совсѣмъ какъ дома, съ шумной радостью влетаетъ въ комнату и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока со всѣми не перездоровается. Тетя наливаетъ намъ кофе и при этомъ мы съ ней обсуждаемъ, изъ какого тѣста лучше выходить булки и на какомъ рынкѣ покупать провизію и какъ выгоднѣе скроить изъ куска полотна наволоки такъ, чтобы ихъ вышло больше.

Тетя вооружается очками и пожницами, раскладываетъ на столѣ полотно и долго и глубокомысленно вымѣриваетъ прежде чѣмъ приступить къ кройкѣ.

Дядя ходитъ по залѣ, понюхивая своей короткой трубочкой и разсѣянно, но съ удовольствіемъ прислушивается къ нашимъ «бабьимъ» разговорамъ, какъ пренебрежительно окрестилъ ихъ Дмитрій.

Но Дмитрій часто возмущается ими:

— Это просто непостижимо! — говоритъ онъ почти съ негодованіемъ. — Стоитъ только женщицѣ выйти замужъ и она немедленно обабится! И дѣтей еще не успѣетъ нарожать, какъ глядишь самая развитая изъ нихъ въ дѣвушкахъ начинаетъ уже, вмѣсто литературы и искусства, интересоваться говядиной и простынями.

Я немножко конфужусь, немножко думаю про себя, что это отчасти правда, но настроеніе мое такое блаженное, что никакіе упреки не могутъ испортить его.

— Ахъ Дмитрій—говорю я слегка оправдываясь—ну какой ты странный! Вѣдь безъ этого-же нельзя!

Но Дмитрій не сдается и только хуже сердится.

— Нельзя, нельзя! — кричитъ онъ — а отчего-же прежде можно было? Отчего-же ты прежде не интересовалась почему говядина и какъ лучше кроить наволоки?

— Боже мой—говорю я смѣясь — да просто потому что прежде въ этомъ не было для меня ни надобности, ни смысла!

— А теперь явился?

— А теперь явился!

— Непостижимо, просто непостижимо!—воскликаетъ Дмитрій.

Но моему милому Сережѣ всегда непріятно, когда кто нибудь «нападаетъ» на меня.

— Да оставь ты ее въ покоѣ—говорить онъ брату—чего ты на нее опять наскочилъ!

И онъ беретъ мою руку и нѣжно цѣлуетъ ее, точно этимъ и заступаясь за меня и утѣшая меня и показывая, что для него я все такая-же какъ была и прежде.

— Все это законъ жизни! — говоритъ дядя Семень, который своимъ кроткимъ чуткимъ сердцемъ понимаетъ и меня и Дмитрія. — Все это жизнь...—говоритъ онъ задумчиво.

— Да помилуй!—кричитъ Дмитрій—какая-же это жизнь? Въ чемъ-же она тутъ! Неужели въ наволокахъ? Да послѣ этого, бракъ страшное зло! Помилуйте, видишь дѣвушку высоко развитую духовно, видишь, какъ все ее интересуешь, все волнуешь, на все она отзывается, всеѣмъ готова жертвовать ради идеи добра и истины и думаешь: «Какая дивная женщина выйдетъ изъ нея! Какая жажда познанія таится въ ней! Какое благородство ума и сердца!» Смотришь и благоговѣешь! И ждешь отъ нея чего-то прекраснаго, идеальнаго, возвышеннаго! А она, глядь, какъ замужъ выскочила—первый вопросъ: «а почему говядина?» И вѣдь хуже всего то, что этотъ вопросъ затмѣваетъ для нея все остальное, все отодвигаетъ на задній планъ!

Мы все смѣемся его искреннему негодованію, а тетя Луиза говоритъ:

— Вотъ погоди—женишься, самъ-же отъ своей жены будешь того-же требовать!

— Да вотъ въ этомъ-то ужасъ положенія и заключается!—вскрикиваетъ Дмитрій съ полнымъ уже отчаяніемъ. — Въ этомъ-то главное зло и есть, что онѣ не только сами бабятся, но и насъ вмѣстѣ съ собой бабятъ! Вотъ вамъ живой примѣръ Илья! Мы все видимъ, что сдѣлала изъ него Ольга, въ какіе нибудь три, четыре года! Да вы еще погодите, я увѣренъ, что и Владиміръ, несмотря на весь свой характеръ и умъ, не минуетъ общей участи!. Да онъ кажется даже и теперь уже сталъ не совсемъ безучастенъ къ вопросу: «почему говядина».

— Ну что-жь—говоритъ тетя Луиза—это значить, что онъ будетъ хорошимъ хозяиномъ! Это не худо!

— Да поймите-же, ради Создателя, что и мужчина и женщина прежде всего должны стремиться не къ тому, чтобы стать хорошими хозяевами, а къ тому, чтобы сдѣлаться людьми! людьми! Понимаете, людьми! и для большаго нашего пониманія, Дмитрій усленно машетъ руками и ерошитъ себѣ волосы, которые и безъ того торчатъ у него всегда въ разныя стороны.

— Да чѣмъ-же это одно другому мѣшаетъ? — спрашиваетъ тетя Луиза съ недоумѣніемъ.

— Мѣшается-сь — очень мѣшается! — кричить Дмитрій уже съ озлобленіемъ потому что въ эту минуту сердится и на меня и на мать за то, что мы являемся представительницами враждебныхъ ему идей.

И онъ пускается съ жаромъ объяснять намъ, почему это мѣшается и должно мѣшаться: по тетя Луиза только машетъ рукой, что обозначаетъ, что Дмитрій, неисправимый мечтатель, занесся опять въ такія заоблачныя сферы, куда у ней, женщины благоразумной, нѣтъ ни малѣйшаго желанія слѣдовать за нимъ.

Тогда дядя Семенъ опять выступаетъ нашимъ всеобщимъ примирителемъ.

— Все это тотъ-же законъ жизни — говоритъ онъ намъ опять. — Катюша теперь счастлива и покойна и какъ птичка на вѣткѣ, только что свившая себѣ гнѣздышко, сидитъ и поетъ свою пѣсню о наволокахъ и маленькой люлькѣ, которую страстно ждетъ. И все эти пустыя и ничтожныя на нашъ взглядъ вещи для нея полны теперь смысла и радости и въ данную минуту дѣйствительно быть можетъ ближе и интереснѣе всякихъ великихъ, но отвлеченныхъ вопросовъ! Не забывайте, что это первое ея счастье и не мѣшайте ей насладиться имъ вполне. Богъ вѣсть, что дастъ ей еще жизнь потомъ...

И предъ этой загадочной неизвѣстностью будущаго все мы невольно на минуту задумываемся и споры наши умолкаютъ. На мгновеніе мнѣ дѣлается жутко и я съ тоской спрашиваю себя, неужели эта моя жизнь, которая мнѣ кажется теперь такой радостной и это мое счастье, такое полное и прекрасное — могутъ со временемъ испортиться?...

Что-же разрушить ихъ! Кто мнѣ скажетъ это?... И неужели наша любовь, такая глубокая и нѣжная теперь, можетъ уменьшиться и... и даже исчезнуть совсѣмъ?... И неужели-же счастье и любовь такъ-же хрупки, такъ-же непрочны, какъ и сама жизнь?... И мнѣ дѣлается такъ холодно, что я невольно вздрагиваю и ежусь, точно откуда-то изъ этого темнаго, загадочнаго будущаго на меня пахнуло вдругъ могильнымъ холодомъ...

— Боже мой, Боже мой — говорю я про себя — помилуй насъ...

Но Дмитрій вспоминаетъ, что ему пора уходить; я тоже встаю и начинаю собираться.

Увидѣвъ, что я надѣваю шляпу, Гекторъ начинаетъ снова громко лаять и кидаться къ дверямъ, чтобы ихъ отворили. Сергѣй опять съ нѣжной заботой помогаетъ мнѣ одѣться, а тетя говоритъ, чтобы я не забыла купить русскихъ прошивокъ для злополучныхъ наволокъ и вдругъ, безъ всякой особенной причины, мнѣ опять дѣлается весело и радостно на душѣ и я говорю себѣ:

— Почему-же сейчасъ воображать себѣ что-нибудь страшное, мрачное, дурное?... Можетъ быть все будетъ отлично... и даже гораздо вѣроятнѣе, что все будетъ хорошо...

Я смѣюсь какимъ-то шуткамъ Сережи и Дмитрія, съ которымъ мы все таки-же друзья, хоть онъ и недоволенъ мной немного. Но вѣдь— это только такъ, больше «изъ принципа».

Отъ тети, если Сережа не провожаетъ насъ, мы съ Гекторомъ бѣжимъ домой.

Я люблю ходить скоро, Гекторъ конечно тоже и мы съ нимъ летимъ такъ быстро, что, несмотря на все крѣпчущій морозъ, намъ положительно жарко и мы прибѣгаемъ домой—я съ мокрымъ подъ шапочной лбомъ, а Гекторъ съ высунутымъ на сторону языкомъ, оба захавшіеся, но оба такіе веселые и довольные, что даже и дома не можемъ еще сразу успокоиться и возмиса съ нимъ какъ два товарища. Самое большое удовольствіе для Гектора это лизнуть меня непременно въ лицо, отчего я всячески уклоняюсь и онъ бѣгаетъ за мной по всемъ комнатамъ, визжитъ, хватаетъ меня за платье и прыгаетъ мнѣ лапами до плечъ; я смѣюсь, увертываюсь и захопываю у него подъ носомъ двери.

Наконецъ мы оба устаемъ и «утомоняемся», какъ говоритъ Дуняша.

Я беру книгу или работу и сажусь на моемъ любимомъ креслѣ подлѣ печки; Гекторъ укладывается въ растяжку у ногъ моихъ, на коврѣ, и Дуняша приноситъ намъ чай.

Дуняша любитъ разсказывать мнѣ все, что случается не только съ ней и у насъ и въ нашемъ домѣ, но даже и то, что произошло въ сосѣдней улицѣ.

Я охотно слушаю ее, во-первыхъ потому, что меня интересуетъ ея своеобразное сужденіе о людяхъ и вещахъ, а во-вторыхъ потому, что знаю, что кромѣ меня ей не съ кѣмъ поговорить «по душѣ».

Мы съ ней въ домѣ единственныя представительницы женскаго пола, и она смотритъ на меня не только какъ на барыню, которой предана всей душой, но отчасти, какъ и на подругу. Мы вѣдь съ ней вмѣстѣ росли. Если репертуаръ текущихъ событій ничѣмъ особеннымъ не выдается, мы обращаемся къ воспоминаніямъ. Вспоминаемъ Ольховку, Н., маменьку, бабушку, няню, бабушку, ея монашенокъ и приживалокъ, «Львовскую исторію», изъ-за которой Дуняша, чуть-было не угодила въ пожизненную ссылку въ Оренбургскую губернію и то смѣемся, то задумываемся объ этихъ уже ушедшихъ въ вѣчность дняхъ...

Но все время, что я пью чай, Дуняша неизмѣнно стоитъ подлѣ меня у дверей и, прижавъ къ груди маленькій подносъ, на которомъ подаетъ мнѣ чай, разсказываетъ разныя разности. Это ужъ ея часть. Кажется, между ею и Захаромъ начинается маленькій романъ. Она ему видимо очень нравится, да и онъ ей тоже. Ну, что-жь, я буду отъ души за нихъ рада, если это устроится и готова быть ихъ свахой. Она, бѣдная, не мало перестрадала на своемъ вѣку, можетъ быть Гос-

подъ и пошлетъ ей теперь счастье. А Захаръ человекъ хорошій и вѣрный. Я даже ужъ и мужу это предсказывала, но онъ только смѣется и говоритъ:

— И что это у васъ, женщины, за страсть! Не успѣеть сама выйти замужъ, и ужъ сейчасъ давай другихъ женить!

— Но вѣдь это дѣлаютъ вѣроятно только тѣ—говорю я, цѣлуя его—которымъ самимъ замужемъ живется хорошо!

— Развѣ что такъ! соглашается онъ, но тѣмъ все его участіе къ этому сватовству и кончается. Я-же пошемпугу продолжаю его.

Послѣ чаю Дуняша уходитъ, а я сажусь за книги.

Мнѣ такъ много нужно еще прочесть, столькому подлѣчиться, чтобы быть хоть сколько-нибудь подходящей женой для моего милаго, умнаго и ученаго мужа.

Чаще всего я сажусь у него въ кабинетъ за его письменнымъ столомъ, хотя дѣлать это нужно съ нѣкоторой опаской. Володинъ письменный столъ въ нѣкоторомъ родѣ святая святыхъ и находится тоже въ вѣдѣніи «его личныхъ дѣлъ». Боже упаси, если онъ замѣтитъ, что я пыталась завести тутъ свой порядокъ и имѣла дерзость вытереть на немъ пыль или переложить бумаги! Такое мое самоуправство кончается нерѣдко слезами и грустными размышленіями моими опять-таки о работѣ женщинъ и несправедливости мужчинъ и упреками въ посягательствахъ на свободу его личности съ его стороны.

За этимъ священнымъ столомъ я тщательно прочитываю всѣ заготовляемыя Володиѣ лекціи, которыя онъ обыкновенно оставляетъ дома, такъ какъ съ кафедры читаетъ ихъ всегда на память. Но онъ еще не знаетъ, что его жена одна изъ самыхъ усердныхъ его ученицъ. Я хочу сдѣлать ему сюрпризъ и когда вполне вникну въ нихъ и изучу ихъ, я попрошу его сдѣлать мнѣ маленькій экзамень. Воображаю, какъ онъ будетъ изумленъ!

Въ такихъ занятіяхъ время проходитъ часовъ до 3-хъ, когда мы съ Ректоромъ опять начинаемъ волноваться и выказывать всѣ признаки нетерпѣнія, ожидая каждую минуту звонка нашего «хозяина». Иногда, если погода очень ужъ заманчива, мы съ Ректоромъ идемъ къ нему на встрѣчу. Теперь мы идемъ уже гораздо тише чѣмъ утромъ. Это нарочно, чтобы протянуть какъ-нибудь время до минуты встрѣчи. Но вотъ вдали показывается знакомая, милая характерная фигура и сколько-бы кругомъ нея ни было снующаго взадъ и впередъ, заслоняющаго ее собой народа, мы съ Ректоромъ всегда уже отличаемъ ее еще за сотню шаговъ и радостно ускоряемъ шаги. И каждый разъ, завидѣвъ одинъ другого, мы еще издали невольно начинаемъ улыбаться и стремиться навстрѣчу другъ другу, какъ два магнита, а сходясь, протягиваемъ руки съ такой радостью, съ такой всихивающей вдругъ любовью,

точно не видались нѣсколько лѣтъ. Но отъ слишкомъ «шумныхъ изліяній восторга» мы воздерживаемся; даже Гекторъ только скромно помахиваетъ хвостомъ и старается тихонько лизнуть руку «барина», но и онъ уже не прыгаетъ, не лаетъ, не скачетъ до плечъ; онъ тоже знаетъ, что «мы на улицѣ», а съ улицы «очень просто и въ участокъ попасть», какъ говоритъ нашъ домашній философъ Дорооенчъ. Зато когда мы не идемъ Володѣ навстрѣчу а остаемся ожидать его дома, Гекторъ такъ и сидитъ уже все время съ настроженными ушами!

Наконецъ, раздается этотъ желанный звонокъ — сильный, властный, настоящей «хозяйскій» звонокъ.

Въ одну минуту всё мы, т. е. Захаръ, Гекторъ и я, срываемся съ своихъ мѣстъ и чуть не сталкиваясь по дорогѣ другъ съ другомъ, бросаемся въ переднюю. Но Захаръ все-таки опережаетъ насъ и торжественно распахиваетъ двери. И едва въ этихъ дверяхъ успѣетъ показаться знакомая, дорогая мнѣ фигура, какъ я уже бросаюсь къ ней, обнимаю ея холодную шубу, цѣлую мокрое, все покрывшееся пнемъ по бородѣ лицо, и минуту не помню себя отъ радости, что онъ опять здѣсь, съ нами, подлѣ меня, живой, цѣлый и невредимый. Гекторъ тоже визжитъ, прыгая опять чуть не до потолка и такъ размахиваетъ при этомъ своимъ пушистымъ хвостомъ, что всёмъ отъ него достается, и мнѣ, и Захару, и самому «виновнику торжества». Хотя нашъ «хозяинъ» и знаетъ уже по опыту, что готовится ему по приходѣ домой, но каждый разъ все-таки едва можетъ опомниться отъ сдѣланной ему «встрѣчи» и первыя минуты оглушенный лаемъ, объятіями и поцѣлуями, всегда имѣетъ видъ немного растерянный и даже жалкій. Но онъ голоденъ, нашъ милый хозяинъ! Скорѣй, скорѣй кормить его! Дуняша уже торжественно несетъ въ столовую дымящуюся миску горячаго, вкусно пахнущаго супа.

Мы садимся другъ противъ друга и я съ счастливымъ лицомъ (которое невольно сама у себя чувствую) наливаю ему скорѣй тарелку его любимыхъ щей и первыя минуты, любуясь и умиляясь тому аппетиту и удовольствію, съ которымъ Володя принимается за нихъ, почти забываю ѣсть сама.

И такое счастливое, любующееся выраженіе не у меня одной. Я подмѣчаю его и у Захара и у Дуняши; мы всегда въ первыя минуты Володинаго возвращенія не палубуемся на него и вообще чувствуемъ себя счастливѣе и покойнѣе, когда нашъ милый хозяинъ дома. Захаръ не надыхнется на своего барина, а Дуняша, любя меня, раздѣляетъ всё мои чувства и впечатлѣнія.

Покончивъ со щами и своей любимой кашей, Володя приходитъ въ отличное расположеніе.

Первый голодъ удовлетворенъ и онъ принимается разсказывать мнѣ все происшествія дня: кого видалъ, какъ читалъ, съ кѣмъ говорилъ, что слышалъ и т. д. А я слушаю и разспрашиваю съ такимъ вниманіемъ и интересомъ, точно мы съ нимъ не видались не пять часовъ, а по крайпей мѣрѣ пять дней.

Но это потому, что я хочу знать все, все, всякую мелочь, всякую подробность, чтобы составить себѣ въ умѣ полную картину тѣхъ часовъ, что онъ провелъ безъ меня. Потомъ онъ, въ свою очередь, разспрашиваетъ меня, гдѣ я была, что дѣлала и я тоже должна во всемъ отдать ему подробнѣйшій отчетъ.

Но самое лучшее наше время — это вечеръ.

Иногда къ намъ приходятъ братья или дядя, иногда мы къ нимъ идемъ; но чаще всего мы проводимъ вечеръ вдвоемъ.

Я беру какую-нибудь работу, а Володя читаетъ мнѣ вслухъ. Мы садимся съ нимъ въ нашей спальнѣ подлѣ моего рабочаго столика на одномъ диванѣ, близко, близко другъ къ другу и намъ такъ уютно, такъ хорошо.

Гекторъ растягивается опять подлѣ печки и сладко дремлетъ.

Теперь мы съ Володей читаемъ Огюста Конта, ученіемъ котораго онъ очень интересуется, а недавно перечли Вѣблинскаго; нерѣдко читаемъ Герцена, котораго Володя достаетъ у одного знакомаго.

Я люблю слушать Володино чтеніе. Онъ читаетъ такъ спокойно, такъ осмысленно, и голосъ у него такой глубокой, хорошей, точно еще яснѣе, еще глубже передающій всякую мысль автора.

Когда я чего-нибудь не понимаю или не знаю, онъ беретъ мою руку въ свою и, лаская ее, объясняетъ мнѣ все, пока я вполне не пойму и не усвою себѣ.

Я слушаю его, смотря въ его милое мнѣ лицо и, слѣдя умомъ за его словами, умудряюсь про-себя думать часто совѣмъ о другомъ. Я думаю: отчего лицо любимаго нами человѣка кажется намъ такимъ прекраснымъ, хотя, быть можетъ, въ дѣйствительности оно вовсе не красиво, такимъ «особеннымъ», такимъ одухотвореннымъ и выдающимся среди всѣхъ остальныхъ лицъ, хотя быть можетъ въ немъ нѣтъ ничего особеннаго и выдающагося! Вотъ хоть-бы, напримѣръ, лицо моего Володи, вѣдь если разберешь его, что въ немъ хорошаго? Носъ у него широкій, чисто русскій, изъ «породы набалдашниковъ», какъ подсмѣивается надъ нимъ Дмитрій; глаза близорукие и безъ очковъ сейчасъ-же теряютъ всякое выраженіе, кромѣ болѣзненнонапряженнаго; зубы неровные и желтоватые; лобъ, правда, высокій и прекрасный, но начинаетъ уже удлинняться отъ надвигающейся лысинки и уже теряетъ свои изящныя очертанія. Только во-

лосы да борода дѣйствительно хороши. Волнистые, длинныя, мягкіе и такого славнаго русаго цвѣта.

А вѣдь вотъ мнѣ его лицо кажется прекраснѣе всѣхъ самыхъ тонкихъ и прекрасныхъ лицъ и я не промѣняла-бы его ни на какое красивѣйшее лицо въ мірѣ. То-есть, понимаешь, я-бы не желала, чтобы это его некрасивое въ сущности, но такое милое, такое близкое и понятное мнѣ лицо, которое уже однимъ своимъ безпомощнымъ выраженіемъ мигающихъ глазъ, когда онъ снимаетъ очки, способно чуть не до слезъ трогать меня, вдругъ превратилось-бы въ прекраснѣйшее, но чужое мнѣ лицо! Для меня оно не можетъ стать лучше, чѣмъ есть теперь.

— Да ты меня не слушаешь! говоритъ онъ вдругъ, замѣчая мое разсѣянное выраженіе лица.

— Нѣтъ, говорю я—слушаю и могу повторить тебѣ все, все, что ты сейчасъ говорилъ... только...

— Только думаешь сама о другомъ! прерываетъ онъ съ легкимъ неудовольствіемъ и выпускаетъ мою руку изъ своей. Я улыбаюсь и смотрю на него качая головой.

Минуту мы молчимъ и задумчиво смотримъ другъ на друга.

— О чемъ ты думаешь? тихонько спрашиваетъ онъ и снова притягиваетъ къ себѣ мою руку.

— Я думаю... говорю я прижимаясь къ его груди—я думаю... думаю, какое у тебя хорошее лицо и... и какъ я люблю тебя.

— Глупенькая! говоритъ онъ съ улыбкой и нѣжно цѣлуетъ меня.

И вдругъ мнѣ вспоминается при этомъ покойная маменька и отецъ... Вспоминаются ея влюбленные въ него глаза, робко искавшие бывало его взгляда и радостно всхливавшіе при малѣйшей его ласкѣ... Вспоминается, какъ нѣжно цѣловала она его руки, когда онъ давалъ ихъ ей и какъ самъ онъ при этомъ снисходительно трепалъ ее по щекѣ... И я тоже цѣлую руки моего мужа... Неужели это та-же исторія! То-же страстное глубокое обожаніе съ одной стороны и снисходительная ласка съ другой?.. На минуту сердце во мнѣ сжимается и болитъ какъ уязвленное за мать, за себя, за всѣхъ насъ, женщинъ...

Но мнѣ стоитъ только взглянуть въ милое мнѣ лицо, чтобы успокоиться отъ всѣхъ невольныхъ налетающихъ порой дурныхъ благодарныхъ мыслей... Развѣ есть какое-нибудь сходство между отношеніями моего Володи ко мнѣ и отношеніями покойнаго отца къ матери моей! Развѣ подмѣчала я когда-нибудь въ лицѣ отца столько нѣжности, столько любви къ ней... и скажемъ прямо, столько страсти даже! Развѣ была въ ихъ отношеніяхъ эта ласка, эта дружба, это довѣріе другъ къ другу, эта равноправность, наконецъ! Вѣдная моя мать всегда

больная и смиренная, глядѣла на отца, какъ на какое-то высшее лучезарное божество, которому все можно и предъ которымъ сама она могла только преклониться и благоговѣть, исполняясь счастьемъ отъ всякой его развѣянной, небрежно брошенной ей ласки. Маменька даже не могла бы понять (а не только уже не стремилась къ тому), что мужъ съ женой могутъ быть друзьями, тѣми безконечно близкими другъ другу друзьями, какъ мы съ Володей, не умѣющими ни радоваться, ни огорчаться порознь, ни скрывать что-нибудь другъ отъ друга! Нѣтъ, нѣтъ, благодареніе Богу, мнѣ кажется, что бракъ совсѣмъ измѣнился съ тѣхъ поръ. Это чувствуется не только у насъ, но и на всѣхъ вообще молодыхъ супругахъ. Нѣтъ больше господина и рабы, какъ было въ старину, а есть скорѣй только друзья. Бракъ сталъ болѣе равноправнымъ.

И все-таки-же мнѣ кажется, что такая любовь, какъ моя къ мужу, почти грѣхъ! Вѣдь въ немъ—мое все!—моя жизнь, мое счастье, мои всѣ помыслы! Вѣдь онъ для меня почти Богъ! тотъ земной Богъ, о которомъ сказано: «не сотвори себѣ кумира!» А развѣ я не сотворила себѣ этого кумира въ лицѣ его?

Порой мнѣ дѣлается страшно этой мысли и кажется, что рано или поздно Господь накажетъ меня за эту страстную, безпредѣльную, все вытѣсненную изъ сердца моего любовь къ нему. Знаешь-ли ты, какъ я люблю его? Одна мысль о возможности смерти его уже охватываетъ меня такимъ ужасомъ и болью, что я падаю какъ безумная предъ Господомъ на колѣни и молю:

— Меня, Господи, меня, меня, но не его!

О пусть всѣ бѣдствія, всѣ страданія, всѣ страшныя болѣзни, что быть можетъ предназначены ему, падутъ на мою голову—лишь-бы онъ остался невредимымъ и счастливымъ.

Мысль что онъ можетъ умереть преслѣдуетъ меня; иногда даже ночью она вдругъ пронизываетъ меня и я разомъ просыпаюсь, вскакиваю чуть не съ трепетомъ и жадно прилепливаюсь къ дыханію его. И если нѣсколько минутъ я не слышу его—холодный потъ выступаетъ у меня на лбу и замираетъ сердце, какъ умирая. Но зато какое успокоеніе, какую радость приноситъ мнѣ его первое нечаянное движеніе во снѣ! Я разомъ успокаиваюсь и чуть не плачу отъ радости, отъ счастья, что онъ живъ, живъ, что онъ все попрежнему тутъ подлѣ меня и я крещусь сама, крещу его, мою жизнь (потому что безъ него нѣтъ для меня жизни) и со слезами благодарю Бога, точно Онъ чудомъ какимъ-то воскресилъ его для меня уже изъ мертвыхъ! Не грѣхъ-ли все это? Не безуміе-ли? Эти мысли часто смущаютъ мой покой и мучатъ меня укорами совѣсти и каждый вечеръ я молю Господа, чтобы Онъ простилъ-бы мнѣ мою любовь и не покаралъ-бы за нее... не отнял-бы его у меня... Я люблю молиться предъ сномъ у моей божицы (она фамильная, перешла ко мнѣ

отъ маменьки); предъ ней горитъ всегда неугасимая лампада. Въ эти тихіе часы, когда все стихаетъ, душа какъ-то ближе къ Богу и молитва глубже проникаетъ въ нее. Я гляжу па темные, какъ-бы благословляющіе лики святыхъ, слабо озаренные мягкимъ свѣтомъ лампы и мнѣ чудится, что они слышатъ меня, понимаютъ меня, охраняютъ отъ всякаго зла и горя и несутъ мою молитву къ Господу и слезы невольно льются изъ глазъ моихъ, а уста сами слагаютъ жаркую, благодарную молитву! О, мужчины не знаютъ и не понимаютъ эту сладость молитвы! Случалось, что Володя заставалъ меня такъ стоящей на колѣняхъ предъ божницей и я видѣла, что онъ не понималъ моего растроганнаго, пламеннаго экстаза и если не удивлялся ему вслухъ, не порицалъ его, то только изъ деликатности и уваженія къ чужой вѣрѣ, къ чужой молитвѣ... Но въ сердцѣ своемъ я чувствовала, что онъ не понимаетъ и удивляется мнѣ... и это единственно, въ чемъ у насъ съ нимъ нѣтъ полного единенія... Меня это глубоко огорчаетъ и прежде я не разъ осторожно заговаривала съ нимъ объ этомъ, страстно желая вдохнуть въ него мою вѣру... Но онъ уклонялся и я видѣла, что ему это непріятно. Онъ не мѣшаетъ вѣрить и молиться мнѣ, но мнѣ кажется, что самъ онъ не можетъ и не хочетъ слѣдовать тому-же. Иногда они съ братомъ Дмитріемъ слегка даже подшучиваютъ надо мной, а въ моемъ лицѣ и надъ всѣми женщинами вообще. Они говорятъ, что всѣ мы (женщины) немного идолопоклонницы и что религія наша не въ идеѣ, а въ обрядахъ; не въ Богѣ, а въ образахъ, потому что когда мы молимся, то молимся не великому божественному началу, слишкомъ отвлеченному и таинственному для нашего будто-бы пониманія, а именно тѣмъ самымъ, Божіей Матери, Спасителю и Николаю Чудотворцу, что изображены на нашихъ образахъ и повѣшены предъ нами въ церквахъ и божницахъ и что образа эти въ сущности намъ будто-бы гораздо ближе и дороже самого Бога, ужъ потому, что они всегда тутъ подлѣ насъ, видимые, привычные и понятные намъ и что если бы въ религіи уничтожить ихъ и обряды, мы, женщины, почувствовали-бы себя глубоко несчастными и поколебались-бы даже въ самой вѣрѣ своей. Они смѣются надъ нами и говорятъ, что мы даже и молимся лучше по специально предназначеннымъ и положеннымъ на то днямъ и что въ страстной четвергъ или пятницу намъ гораздо легче придти въ молитвенный экстазъ, чѣмъ въ какой-нибудь другой, обыкновенный, простой четвергъ и пятницу.

Иногда подобными разсужденіями, которыми они нарочно поддразниваютъ меня—они доводятъ меня до полнаго негодованія и даже слезъ. Въ одномъ они правы. Мы, женщины, вѣримъ спокойнѣе и проще ихъ. И вѣра наша проще и довѣрчивѣе. Они измучиваютъ себя собственнымъ

анализомъ и скептицизмомъ и въ концѣ концовъ поневолѣ приходять къ банкротству.

Разъ я привела имъ слова Христа, Который сказалъ:

— «Кто не приметъ Царства Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него!»

Но Дмитрій, который дѣйствительно изучилъ Евангеліе и преклоняется предъ нимъ, какъ предъ величайшей книгой міра—понустился на меня и доказалъ, что слова эти сказаны совѣмъ не по поводу этого, а что мы со своимъ обожаніемъ образовъ ушли не дальше эскимосовъ, у которыхъ тоже есть свои чествуемые ими идолы, которыхъ они то цѣлуютъ, то бьютъ.

Но пусть они говорятъ, что хотятъ, а все таки-же великое счастье умѣть молиться. Молиться со страстнымъ наслажденіемъ, молиться съ сладкими слезами, съ такой растроганной душой, что точно вся она вдругъ раскрывается предъ Богомъ, просвѣтленная и стремящаяся къ Нему, вся наполненная одной глубокой вѣрой, одной великою любовью къ Нему, къ міру, къ людямъ Его... И какъ легко, какъ свѣтло дѣлается на душѣ послѣ такой молитвы... Какъ довѣрчивѣе живется...

Но что я! Боже мой... прости, Варюша, сама не знаю, какъ это вырвалось у меня... Впрочемъ, ты вѣдь тоже женщина, ты тоже быть можешь переживала такія же минуты и поймешь меня и не осудишь... Я съ тобой, какъ съ своей совѣстью. Все изливаю тебѣ. Крѣпко цѣлую тебя моя далекая, милая мнѣ подруга.

Твоя Варя.

Инварь. 1858 г.
Москва.

Да, милая, ты угадала! И если-бы ты знала, какъ мы счастливы! Съ какимъ нетерпѣніемъ и даже страхомъ, что вдругъ «этого» не будетъ вовсе и въ то-же время съ глубокой, упорной надеждой, что это будетъ, будетъ непременно, должно быть, не можетъ не быть—ожидала я всѣ первые полгода исполненія моей завѣтной мечты. Какъ ни велико, какъ ни прекрасно было наше счастье, какъ ни хорошо намъ было вдвоемъ, а все таки-же оба мы невольно чувствовали, что «безъ этого» оно будетъ неполно! Точно Вожьего благословенія нѣтъ, когда бракъ не освящается ребенкомъ.

Мы не высказывали другъ другу своей внутренней тревоги. Особенно онъ, мой дорогой, добрый мужъ, угадывая, что мучить меня, старался незамѣтно успокоить меня и намекалъ, что это не всегда бываетъ сразу, что иногда проходитъ и годъ, и два и кончалъ всегда тѣмъ, что намъ и такъ хорошо. Но я чувствовала, что онъ говоритъ

неискренно, а самъ ждеть и желаетъ этого, еще, быть можетъ, сильнѣе меня самой. Я замѣчала это по разнымъ неуловимымъ мелочамъ, по печально вырывающимся у него словечкамъ, а главное потому пытливо-нѣжному, точно чего-то ожидающему отъ меня, чего-то ищущему во мнѣ взгляду его, который онъ, лаская меня, порой невольно останавливалъ на мнѣ.

И въ эти минуты во мнѣ всегда поднималось сознание какой-то вины предъ нимъ... Знаешь, такое чувство, что точно я не сдержала слово, не оправдала какого-то довѣрія, какой-то надежды, возлагавшейся на меня... Точно я невольно обманывала и разочаровывала его въ себѣ...

Порой мнѣ даже приходило въ голову, что если этого не случится вовсе, онъ можетъ разлюбить меня и будетъ имѣть на то право, а я не буду имѣть права даже роптать на него, И я горячо молила Господа, чтобы «это» явилось скорѣй!..

Такъ шло до середины октября, когда я впервые почувствовала что-то... Что-то еще неясное, неуловимое, въ чемъ я даже не могла отдать себѣ отчетъ, но что вдругъ охватило меня радостной надеждой. Но я такъ боялась ошибиться, что даже самую себя боялась тѣшить этой певѣрной, быть можетъ, мечтой, а Володѣ вовсе ничего не говорила. 14-го ноября, какъ сейчасъ помню этотъ день, я встала утромъ какъ всегда, но начавъ причесываться, вдругъ почувствовала себя дурно. Голова внезапно закружилась, въ ушахъ зазвенѣло, сердце точно замерло и похолодѣло въ груди и въ то-же время меня такъ затошнило, что я едва дошла до спальни.

Тамъ я прилегла на кушетку и нѣсколько минутъ лежала, не будучи въ состояніи поднять голову и говорила сама себѣ и съ радостью, и съ страхомъ:

— Неужели!.. Неужели!..

Я хотѣла позвать Володю и сказать ему... нѣтъ, не сказать, а просто обнять его, припасть къ нему на плечо и заплакать и засмѣяться отъ радости.

Но онъ крѣпко спалъ, а дурнота моя прошла такъ-же внезапно, какъ и явилась и тогда сомнѣніе снова закралось въ меня, хотя были уже и другія доказательства.

Я сказала себѣ «нѣтъ, лучше подожду немного» и въ тотъ-же день, помню, сѣла писать тебѣ (помнишь то длинное подробное письмо, котораго ты желала) и даже тебѣ, прости мнѣ дорогая, не написала ничего.

Это можетъ быть смѣшно, но знаешь, я такъ этого желала, что стала даже суевѣрной и... и боялась взглянуть! Не смѣйся, милочка, надъ твоей счастливой дурочкой!

Но вечеромъ меня вдругъ опять сильно затошнило и тутъ я уже поняла окончательно, что это не спроста, что это «начало».

Я ушла къ себѣ въ комнату, ушла предъ моею «языческой», какъ говорить мой Володя, божницей и заплакала! Миѣ было такъ хорошо, что я не могла не молиться. Да и могла-ли я не молиться, могла-ли не благодарить Господа я, къ которой Онъ такъ милосердъ! Онъ далъ миѣ столько счастья и исполнилъ теперь и послѣднюю мольбу мою къ Нему! Боже мой! какъ я молилась!.. Часто нельзя такъ молиться.

Потомъ я вытерла мои счастливыя слезы, встала и пошла къ Володѣ.

Онъ занимался у себя въ кабинетѣ и сидя за письменнымъ столомъ, что-то писалъ.

Я подошла къ нему, обняла его сзади и тихою позовала его.

И вѣрно въ лицѣ моемъ, еще заплаканномъ, но улыбающемся было что-нибудь особенное, потому что онъ вдругъ бросилъ писать и обернувшись ко мнѣ спросилъ съ тревогою и изумленіемъ:

— Что? что? что съ тобой!

Я опустила предъ нимъ на колѣни, взяла его руки въ свои и молча смотрѣла ему въ глаза.

И онъ понялъ меня.

Я видѣла, какъ мѣнялось милое лицо его, какъ растерянное изумленіе и тревога въ немъ перешли въ волненіе, потомъ въ пытливый, еще не увѣренный, еще сомнѣвающийся, но уже вѣрній, вѣрній мнѣ вопросъ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать мнѣ, но вдругъ схватилъ меня за руки, поднялъ какъ легкое перушко къ себѣ на колѣни и такъ прижалъ къ груди своей, что я сильнѣе чѣмъ когда-нибудь поняла, какъ онъ страстно желалъ этого и какъ счастливъ теперь!..

Я прижалась къ груди его и заплакала... Заплакала отъ сознанія нашей любви, нашего огромнаго счастья, отъ радости, что не обманула его надежду...

Съ тѣхъ поръ я все шлю распашенки, а мой милый мужъ, возвращаясь домой каждый разъ такъ теперь снѣннѣе, такъ торопливо бѣжитъ въ мою комнату и уже въ дверяхъ, съ тревогою и радостью, точно каждый день ожидая какихъ-нибудь необыкновенныхъ новостей, спрашиваетъ меня:

— Ну что? Ну, какъ мы?

И онъ бережно и неловко, потому что постоянно боится какънибудь нечаянно толкнуть и ушибить меня, обнимаетъ меня и любовно прижимая къ себѣ, пытливо и вѣрно смотритъ мнѣ въ лицо и повторяетъ:

— Ну, какъ мы, какъ мы, мой Катюшочекъ?

И глаза его съ восторгомъ смотрятъ въ мои глаза, точно онъ въ нихъ ищетъ увидеть то, что еще тайна для насъ обоихъ—ищетъ душу нашего будущаго ребенка! Но для насъ «онъ» уже не будущее, это

уже настоящее, великое и прекрасное настоящее—больше чего уже ничто не будетъ въ нашей жизни...

И знаешь, до чего онъ доводитъ свою деликатность ко мнѣ теперь! Онъ старается предугадать все, что только можетъ встревожить и взволновать меня, чтобы отстранить все это отъ меня. И его забота отъ самаго крупнаго проходитъ до послѣднихъ мелочей. Онъ даже пересталъ опаздывать, когда куда-нибудь идетъ одинъ (что, впрочемъ, вообще странная рѣдкость и вынуждается только какой-нибудь крайностью), а уходя старается приходить всегда минута въ минуту, какъ сказалъ. Обыкновенно онъ у меня не отличался на этотъ счетъ большой аккуратностью и частенько, заболтавшись съ кѣмъ-нибудь, возвращался часомъ, а то и двумя позднее обѣщаннаго. И вотъ представь, какая я глупая! Чего я только бывало не придумаю въ этотъ просроченный часъ, какихъ ужасовъ не воображу себѣ! Иногда мое беспокойство принимало такіе размѣры, что я не имѣла силы скрыть его по возвращеніи Володи домой, за что получала нерѣдко жестокіе разносы отъ него. Но теперь, помня это мое свойство, онъ самъ уже чуть не больше моего тревожится, если запоздаетъ на нѣсколько минутъ. А съ какимъ сосредоточеннымъ видомъ водитъ онъ меня теперь гулять. Надо видѣть, какіе свирѣпые взгляды бросаетъ онъ на каждого, кто только осмѣливается слишкомъ близко пройти отъ меня. У него положительно развилась маія страха, которая не на шутку преслѣдуетъ его; ему все кажется, что кто-нибудь меня толкнетъ, ушибетъ, что я сама, наконецъ, упаду какъ-нибудь! и онъ носится со мной точно съ какой-нибудь драгоценной, хрустальной вазой. Даже на улицу не пускаетъ одну и безъ него я не смѣю выйти иначе какъ съ братьями, или съ тетей Дуизой, или, въ крайнемъ случаѣ, съ Дуняшей. Бѣдный дядя Семенъ исключенъ изъ списка моихъ провожатыхъ, какъ человѣкъ слишкомъ разсѣянный для такой великой обязанности. Зато Сережа, несмотря на свою деревянную ногу и болѣзную руку, пользуется его особеннымъ довѣріемъ. Милый Сережа, какъ тепло принялъ онъ извѣстіе о моей беременности!..

Когда я ему призналась въ этомъ, онъ поблѣднѣлъ и первыя минуты не могъ ничего сказать отъ волненія. Потомъ онъ взялъ мои руки и молча прижалъ ихъ къ своему лицу и долго нѣжно цѣловалъ ихъ.

И отъ этой молчаливой, глубокой ласки, сердце мое сжалось болью и жалостью за него.

Мнѣ Господь далъ такъ много, а у него... вся жизнь испорчена и несалѣва, какъ и его бѣдное тѣло.

— Сережа—сказала я ему тихо—отчего ты не женишься?

Онъ грустно улыбнулся и хотѣлъ что-то сказать, но я, зная, что онъ скажетъ, не дала ему говорить и прервала его:

— Неправда, неправда, Сережа!—сказала я горячо, — неправда!

И знаю, я уверена, что всякая дѣвушка, которую ты изберишь, если въ ней будетъ хоть немного ума и сердца, всей душой полюбитъ тебя и съ радостью согласится быть твоей! Вѣрь моему женскому сердцу, женскому чутью, Сережа!

Но оны только еще иѣжиѣ прижалъ мои руки къ своимъ губамъ и покачалъ головой.

— Поздно, Катюша, поздно...—сказалъ оны тихонько и я видѣла, что глаза его наполнились слезами.

— О, Сережа—сказала я ему—если ты не хочешь думать, что достоинъ любви любой изъ насъ, ужъ за одну душу свою, такъ взгляни-же наконецъ на себя, взгляни на свое прекрасное лицо! Чѣмъ ты хуже другихъ? вѣдь то, что ты считаешь въ себѣ порокомъ, калѣчествомъ, только еще больше украситъ тебя въ глазахъ той женщины, которая полюбитъ тебя! Вѣрь-же мнѣ, Сережа, вѣдь я-же сама женщина! Боже мой, да если-бы я не любила Володю, то видитъ Богъ, первая-же страстно любила-бы тебя! А ты добровольно отказываешься отъ счастья, ты, который такъ достоинъ его! Зачѣмъ ты это дѣлаешь! зачѣмъ!...

Но Сережа вдругъ вышутить мои руки и, уронивъ голову на столъ, зарыдалъ такъ неожиданно для меня, что я испугалась.

— Молчи, молчи, Катя!.. не говори этого, не говори никогда!..—воскликнулъ оны рыдая.

Я бросилась къ нему, встала предъ нимъ на колѣни, взяла его руки и ласкала ихъ, не зная какъ утѣшить его, какъ отогрѣть его болѣзненно-робкое сердце. Я чувствовала, что въ моихъ словахъ было что-то неосторожное, что едѣлало ему больно, а между тѣмъ я всей душой хотѣла заставить его снова вѣрить въ себя, вѣрить въ то, что оны достойна любви многихъ и многихъ другихъ людей, которые требуютъ и получаютъ ее, какъ свое неотъемлемое право.

Богъ знаетъ, что дала-бы я, чтобы его любила та дѣвушка, которую полюбитъ оны самъ! Это была-бы самая дорогая, самая милая мнѣ подруга. Но горе въ томъ, что оны съ своей болѣзненной деликатностью самъ не считаетъ себя въ правѣ связать судьбу женщины съ своей участью, съ участью больного, никому ненужнаго калѣки, какимъ оны считаетъ себя.

У меня сердце разрывалось отъ жалости, при видѣ его слезъ. Впервые еще видѣла я эти тяжелыя, горькія слезы мужчины и оны производили на меня такое гнетущее впечатлѣніе, что я сама готова была плакать вмѣстѣ съ нимъ.

Но оны поемпогу успокоился и у меня-же еще просилъ прощенья за то, что не сдержался, расплакался какъ маленькій и напугалъ меня.

— Нѣтъ, Катюша, не будемъ больше никогда объ этомъ гово-

рять...—сказалъ онъ мнѣ потомъ—но будь покойна только въ одномъ, дорогая, что пока мнѣ и такъ хорошо... а если у меня не будетъ, быть можетъ, никогда своей собственной семьи, то... будетъ твоя...

— Этого мало, Сережа!—сказала я грустно,—я по опыту знала, какъ этого мало, какъ это все не то.

— Нѣтъ, Катя—сказалъ онъ—съ меня довольно! А вотъ лучше... возьми меня въ крестные отцы твоего ребенка!

— Съ восторгомъ—воскликнула я радостно—отъ всей души и съ восторгомъ!

И мы съ нимъ горячо обнялись и поцѣловались. Милый, милый мой Сережа, болитъ у меня за него сердце!.. Ну, прощай, моя дорогая, не смѣю больше писать. Володя, у котораго *idée fixe*, что все мнѣ можетъ повредить теперь, не позволяетъ даже и писать длинныхъ писемъ. Мой противный, дорогой деспотъ. Крѣпко цѣлую тебя, милочка.

Твоя Катя.

P. S. Все-бы хорошо, одно вотъ только—постоянно тошнить! Но право я такъ счастлива, что даже и эта несносная тошнота, которая въ сущности порядкомъ мучитъ меня, кажется мнѣ почти пріятной и желанной. Вотъ до чего можетъ дойти женщина!..

Мартъ, 1858 г.

Москва.

Мое здоровье, дорогая моя, очень удовлетворительно и я совѣмъ «молодцомъ», какъ говоритъ наша Роза Карловна.

Роза Карловна, это новое, но очень важное теперь лицо въ нашемъ домашнемъ обиходѣ, которому суждено играть не малую роль въ пріемѣ нашего первенца.

Она принимала всѣхъ дѣтей Ольги, по рекомендаціи которой Володя пригласилъ ее ко мнѣ. Это очень пріятная, полная, бѣлокурая пѣмка, съ чрезвычайно добродушнымъ лицомъ и правомъ. Мнѣ она очень нравится и я быстро къ ней привыкла той какой-то совершенно своеобразной привязанностью и чувствомъ какой-то особенной близости, которую, вѣроятно, всѣ женщины готовящіяся быть матерями чувствуютъ къ своимъ акушеркамъ, конечно если тѣ имъ хоть сколько-нибудь симпатичны. Но надо видѣть вмѣстѣ съ нею Володю! Положительно я еще никогда и ни къ кому не видала отъ него столько вниманія, столько почтенія и даже послушанія. Она стала для него настоящимъ оракуломъ и каждый ея совѣтъ и приказаніе онъ спѣшитъ немедленно исполнить и при этомъ непременно «въ точности».

И, Боже упаси, если при этомъ кто-нибудь имѣеть дерзость противѣрить или просто осмѣливается замѣтить, что дѣло еще не къ сѣху, можно не торопиться или вообще что-нибудь въ этомъ родѣ. Это лучший способъ уронить себя теперь въ его глазахъ.

И все прошу Розу Карловну, чтобы она посоветовала Володѣ не браниться по утрамъ, когда его будятъ, а вставать быстро и послушно и право думаю, что если бы она намекнула, что это будетъ полезно для здоровья матери и ребенка, то онъ въ серьезъ-бы началъ вставать съ ибтухами.

Но когда онъ слишкомъ ужъ засуетится съ чѣмъ нибудь, Роза Карловна только добродушно похлопываетъ его по плечу и говоритъ поембиваясь: «Они все такіе... въ первый разъ!»

Дмитрій такъ тотъ только рукой машетъ и называетъ теперь Володю не иначе, какъ «невмѣняемымъ». Дмитрій бредитъ изданіемъ журнала, о которомъ прежде и Володя мечталъ вмѣстѣ съ нимъ, но теперь у моего милаго мужа все изъ головы вылетѣло и Дмитрій странно негодуется на него.

— Помилуй, братецъ—говоритъ онъ ему часто—да вѣдь съ тобой нынче разговаривать даже нѣтъ никакой возможности! Я предъ нимъ программу нашего будущаго журнала развиваю, а онъ, вдругъ, спохватывается, что забылъ купить какіе-то бинты по приказанію своей Розы Карловны! Чортъ знаетъ, что такое! Ну развѣ ты не невмѣняемый! Съ нимъ о дѣлѣ толкуютъ, а онъ о бинтахъ!

И нашъ несправимый «разноситель», какъ окрестилъ его Сережа, сердито срывается съ мѣста и убѣгаетъ отъ насъ въ полномъ негодованіи.

Зато я очень сошлась съ Ольгой. Въ сущности она прекрасная женщина и очень не глупая, а ужъ въ этихъ дѣлахъ компетентна пожалуй не меньше самой Розы Карловны.

Мы теперь нерѣдко собираемся все вмѣстѣ днемъ, когда наши мужья расходятся по своимъ дѣламъ и цѣлые часы проводимъ въ кройкѣ и шитьѣ разныхъ маленькихъ одѣялъ и свивальниковъ. Тетя Луиза по этой части большая мастерица и подучиваетъ меня и право мнѣ кажется, что я еще никогда не проводила время такъ пріятно, какъ на этихъ нашихъ утреннихъ «дамскихъ засѣданіяхъ», какъ говоритъ подтрунивающей надъ нами Дмитрій.

Но ты, моя милая баловница! Зачѣмъ ты прислала мнѣ такую роскошь, въ видѣ твоего прелестнаго, голубого атласнаго одѣяльца и кружевной подушки? Вѣдь это скорѣй какому-нибудь наслѣдному принцу въ пору, чѣмъ моему будущему мальчугану (потому что это будетъ мальчикъ, я увѣрена). Мнѣ такъ хочется, чтобы это былъ мальчикъ и чтобы онъ какъ можно больше походилъ-бы на своего папу. Мы его такъ и зовемъ уже Воликъ, въ честь отца. Дмитрій смѣется и говоритъ,

что мнѣ одного Владиміра мало, такъ я уже о другомъ мечтаю. Но твое одѣяльце—такая прелесть, что тетя Луиза находитъ для него единственное назначеніе «быть тщательно свернутымъ и аккуратно убраннымъ въ комодъ, гдѣ-бы оно не могло пылиться и пачкаться!»

А Ольга не шутя совѣтуетъ приберечь его до крестинъ первенца моего будущаго первенца и тогда преподнести его въ даръ будущей невѣсткѣ!

Вотъ видишь ты, моя легкомысленная мотовка, какая разница въ эстетическихъ потребностяхъ насъ москвичей и васъ петербуржцевъ!

Но вотъ чѣмъ я хотѣла съ тобой подѣлиться... «Онъ» уже началъ двигаться! Когда я почувствовала въ первый разъ его движеніе, то въ первую минуту почти испугалась этого непривычнаго мнѣ ощущенія: но чрезъ секунду я поняла, что это значить и сердце мое радостно забилось. Я инстинктивно вскочила и стала прислушиваться къ этимъ первымъ, робкимъ движеніямъ моего дитяти, которыми оно точно уже просилось въ жизнь, точно хотѣло сказать мнѣ что-то прекрасное, великое и таинственное, что было такъ понятно моей слушающей его душѣ и такъ невозможно передать словами. О, Варя, какой это великій мигъ въ жизни женщины, почувствовать въ себѣ первое движеніе своего ребенка!

Съ тѣхъ поръ какъ я его ношу, мнѣ кажется, что я сама стала какъ-бы чище и лучше душой. Стала ко всему мягче и добрѣе; всѣ чувства во мнѣ сдѣлались словно тоньше и воспримчивѣе. Эта жизнь, такъ таинственно развивающаяся во мнѣ и уже такъ дорогая, такъ уже близкая мнѣ, жизнь существа непорочнаго еще какъ ангель, душа котораго быть можетъ витаетъ еще гдѣ-то въ далекомъ непонятномъ, недостижимомъ для меня пространствѣ вселенной и въ то-же время уже живетъ во мнѣ—какъ-бы возвышаетъ и очищаетъ и меня самую отъ всего злого и недостойнаго. Я хочу быть достойной этой чистой души, которую ношу подъ сердцемъ своимъ.

Какъ понимаю я теперь горе женщинъ, не имѣющихъ дѣтей! Какой это создаетъ печальный, ничѣмъ не замѣнимый пробѣлъ въ ихъ существованіи! Говорять—муки! Боже мой, да что значать всѣ эти муки, всѣ эти физическія страданія, которыя выкупаются такимъ великимъ счастьемъ! Вѣдь муки пройдутъ и кончатся, а дитя останется! Нѣтъ, нѣтъ, что до меня, то право я съ радостью готовлюсь принять эти муки и не боюсь ихъ! Впрочемъ, Ольга говоритъ, что это оттого, что я ихъ еще не испытала.

— А вотъ попробуешь—повторяетъ она—такъ небось другой разъ радоваться-то перестанешь.

Что-же, можетъ быть она и права; она вѣдь женщина опытная и впритомъ чудесная мать, безумно любящая своихъ дѣтей.

Недавно она ужасно насъ всѣхъ насмѣшила, сказавъ: «носить дѣтей всегда готова, кормить ихъ грудью люблю больше всего на свѣтѣ, а вотъ рожать пускай-бы лучше мужу!»

Ну, а какъ ты, моя милочка, поживаешь? Ты мнѣ о себѣ ничего не пишешь! Что твой «бѣби?»

У насъ въ Москвѣ стоитъ теперь удивительная погода. Тепло, какъ другой разъ и въ апрѣлѣ не бываетъ и все таетъ на солнцѣ.

Люблю я мою милую Москву въ эти великопостные дни, когда въ воздухѣ гудко разливается благовѣсть ея церковей! Люблю эту первую весну! Есть въ ней что-то бодрящее, жизнерадостное! Я воспользовалась хорошими днями и тѣмъ, что теперь шестая недѣля, когда говѣльщики въ пемного, и начала г вѣть.

Дуныша говѣть выѣтъ со мной. Володя безъ нея не позволяетъ мнѣ ходить въ церковь, боясь, по своему обыкновенію, что меня тамъ затолкаютъ. Да я, впрочемъ, и очень рада ходить съ нею. Когда я смотрю, какъ она молится такъ просто, съ такой дѣтски-безмятежной вѣрой, мнѣ и самой дѣлается на душѣ такъ легко и спокойно, такъ хорошо молиться подлѣ нея.

Когда мы съ нею сегодня возвращались изъ церкви, намъ все попадала народъ съ вербами. Вербы, вербы повсюду и дѣти и старики несутъ ихъ, а на наперти, подлѣ церковей, мелкіе разносчики продаютъ ихъ цѣлыми корзинами. У меня съ дѣтства еще сохранилось какое-то нѣжное, теплое чувство къ этимъ пушистымъ сѣрымъ пучечкамъ.

Знаешь, когда я вижу ихъ, мнѣ всегда представляется, что я опять маленькая восьмилѣтняя дѣвочка, представляется наша большая, съ низкимъ потолкомъ дѣтская въ X. моя старушка няня и ея разубранные фарфоровыми яйцами и огромными розами отъ куличей образа, висѣвшіе въ углу комнаты; вспоминается, какъ она бывало, придя отъ всенощной въ суббѣту вербой недѣли съ такимъ уже пучечкомъ въ рукахъ, тянулась, вставъ на свой сундучокъ, къ образамъ, чтобы примостить свою вербу къ «Царицѣ Небесной!» И мнѣ, какъ живая, представляется ея маленькая худенькая фигура, съ прозрачнымъ, восковымъ личикомъ, въ темненькомъ ситцевомъ платьѣ и черномъ заколотомъ подъ подбородкомъ платочкѣ на головѣ.

Милая моя старушка! гдѣ ты?.. видишь-ли свою любимую питомицу, о которой столько понечалилась на своемъ вѣку?... Видишь-ли ея счастье, радуешься-ли ему?... А можетъ быть она и вымолила мнѣ его...

Такъ вотъ, когда я вижу эти пучечки вербъ, я не могу удержаться, чтобы не закупить ихъ. Такъ было и сегодня: мы съ Дунышей закупили ихъ цѣлый ворохъ и придя домой разставили ихъ въ банки чуть не по всѣмъ окнамъ.

Сегодня день особенно хорошъ, съ крышъ такъ и капаетъ. Я имѣю обыкновеніе кормить по утрамъ голубей. Они уже знаютъ меня и своей часъ и всегда около этого времени начинаютъ слетаться на сосѣднія карнизы и внимательно посматриваютъ своими круглыми глазами на мое окно, поджидая когда я отворю форточку, и когда я сегодня отворила ее, на меня такъ и пахнуло весной. Небо было синее, какъ въ маѣ, съ крышъ повсюду капали блестящія капли, въ воздухѣ пахло талымъ снѣгомъ и благовѣсть сосѣднихъ церквей гулко разлилася кругомъ.

Я смотрѣла на это голубое небо, на эти блестящія капли, на моихъ голубей, радужныя шейки которыхъ переливались на солнцѣ какъ опалы и меня вдругъ охватило такое радостное чувство, такой восторгъ отъ одного только сознанія, что я живу, живу и вижу все это, чувствую, наслаждаюсь этимъ! О жизнь, прекрасный даръ Божій, какъ я люблю ее! И какъ тянетъ всегда весной куда нибудь въ деревню, ближе къ природѣ. Только нынѣшній годъ едва-ли мы куда нибудь поѣдемъ. Ну, до свиданья, моя дорогая, крѣпко цѣлую тебя.

Твоя Катя.

Май, 1878 г.
Москва

Нѣтъ, моя дорогая, теперь уже рѣшено окончательно—мы никуда не поѣдемъ. Опасно при моемъ положеніи далеко заѣзжать тѣмъ болѣе, что Роза Карловна не можетъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. У нея есть еще другія пациентки. Дядина семья тоже осталась, только братъ Дмитрій поѣдетъ потомъ въ Севастополь, отдѣлывать памятникъ нашей милой Раисѣ.

Я съ нетерпѣніемъ жду конца и чѣмъ меньше остается времени, тѣмъ нетерпѣливѣе я жду его. Миѣ такъ хочется скорѣй прижать къ груди мое дорогое дитя. Но въ тоже время я немножко теперь трушу, должно быть это Ольга запугала меня своей опытностью. Но какъ ты тронула меня, моя дорогая, своимъ желаніемъ пріѣхать ко миѣ на роды. Даже Володя былъ этимъ растроганъ. Боюсь только что трудно тебѣ будетъ вырваться изъ дома на такой долгій срокъ. Все-таки разсчитать вполне правильно нельзя. Роза Карловна говоритъ, что ошибка педѣли на двѣ всегда можетъ выйти и тогда тебѣ придется пожалуй уѣхать не дождавшись конца и уже невозможно будетъ пріѣхать опять на крестины. А подумай сама, какія-же крестины безъ крестной матери! Нѣтъ ужъ лучше мы дадимъ тебѣ телеграмму въ день «событія» и тогда ты немедленно выѣзжай, а пока всѣмъ сердцемъ обнимаю тебя моя дорогая. Расцѣлуй отъ меня тетю Соню. Какъ ея ноги? Лучше-ли ей?

Всегда твоя Катя.

7 июня, 1858 г.

Москва.

Ахъ, Варюша, какъ это вышло страшно неудачно, что ты заболѣла какъ разъ вмѣстѣ со мной и не можешь прѣѣхать. Какъ это ты простудилась, моя милая? Но до тебя мы все таки крестить не будемъ, подождемъ твоего выздоровленія. Изъ телеграммы мужа ты уже знаешь, родная, что мальчикъ нашъ родился 31-го мая. Сегодня ему идетъ 8-ой день и явился онъ, значитъ, почти на три недѣли раньше, чѣмъ мы его ждали. Я пишу тебѣ это письмо въ постели и потихошкку... Миѣ вѣдьно лежать смиренно и не волноваться, но это болше Володя мудритъ, который съ самаго дня родовъ все воображаетъ меня чуть не на краю гроба. А въ сущности я право совѣмъ уже здорова и могла бы встать еще три дня тому назадъ. Миѣ такъ хочется скорѣй описать тебѣ все это. Я знаю, что миѣ это не повредитъ, я пишу лежа и карандашомъ и совѣмъ не напрягаю силъ. Напротивъ, миѣ очень удобно и покойно. А между тѣмъ, душа моя такъ полна, что я не могу не подѣлиться съ тобой. Сейчасъ, подлѣ меня кромѣ Дуняши никого нѣтъ, все разошлись по разнымъ дѣламъ, а Дуняша хоть и охаетъ, что «отъ барина достанется», но запретить миѣ все-таки не смѣетъ.

Итакъ, сегодня 8-й день и я чувствую себя отлично и завтра намѣреваюсь уже встать. Мой мальчикъ лежитъ спеленутый подлѣ меня и тихо спитъ, прижмокивая во снѣ своими крохотными, теплыми губками. Я кормлю его сама. Мы съ Володей давно такъ рѣшили, а послѣ родовъ прѣѣзжалъ Берлихъ, осмотрѣлъ меня и мое молоко и нашелъ, что я могу быть отличной кормилицей. Крошкой нашей онъ тоже остался очень доволенъ и назвалъ его «славнымъ ребенкомъ». А вѣдь не даромъ, Варюша, Ольга то меня пугала! Не только я не испытала раньше никогда чегонибудь хоть отчасти похожего на эти страданія, но даже и представить себѣ не могла, чтобы возможно было-бы такъ страдать!

Теперь, когда они, эти страданія, кончились и я снова здорова, а мое дорогое дитя лежитъ уже подлѣ меня, я понимаю, что въ нихъ не было ничего неестественнаго, жестокаго и напраснаго. Теперь, получивъ за нихъ свою награду, я понимаю, что награда эта такъ велика и прекрасна, что въ сущности страданія, по сравненію съ ней, не такъ уже велики... И я уже не ропщу, не возмущаюсь противъ нихъ и даже снова готова буду покорно принять ихъ, если Господу угодно будетъ послать намъ втораго ребенка. Но въ ту страшную ночь, когда въ продолженіе 13 часовъ я мучилась въ самыхъ ужасныхъ мукахъ, какія только могутъ быть посланы человѣчеству и никто и ничто не могло не только прекратить ихъ, но даже хоть скольконибудь облегчить ихъ миѣ—я обезумѣла отъ страданія и душу мою охватило возмущеніе и ропотъ на Бога не за то, что онъ обрушиваетъ всю тяжесть искупленія на

насъ женщинъ, а за то, что Онъ Милосердный и Правый заставляетъ выкупать естественнѣйшее на землѣ счастье—счастье материнства—такими адскими страданіями—страданіями, которыхъ люди въ самой свирѣпой жестокости своей не могли достигъ въ утонченнѣйшихъ попыткахъ придуманныхъ ими.

Развѣ я отказывалась отъ материнства, развѣ хотѣла избѣжать его? Вѣдь я же радостно шла навстрѣчу ему—за что же такъ жестоко мучить меня за него!

Ольга, нѣжная и любящая жена, говоритъ, что во время родовъ, почти всегда ненавидятъ мужа.

Я этого не испытывала и даже плохо понимаю тѣхъ женщинъ, которыя возмущаются больше всего тѣмъ, что страданіемъ расплачиваются онѣ однѣ, тогда какъ мужчины получаютъ только наслажденіе. Не думаю, чтобы я чувствовала себя легче, если-бы знала, что мой мужъ проходитъ чрезъ тѣ-же муки, чрезъ ту же опасность. Вѣрнѣе, что отъ этого утроились-бы только и мои страданія, тогда какъ теперь я знаю, что хоть онъ, по крайней мѣрѣ, не страдаетъ, и спокойная за него, невольно ищу въ немъ поддержки и ободренія. Ищу, чтобы онъ отдалъ мнѣ себя на эти часы всего—со всею его любовью, со всею энергіей, со всею терпѣніемъ, со всею мужествомъ, чтобы въ его любви, въ его мужествѣ, въ его терпѣніи могла бы почерпать мужество, терпѣніе и энергію я сама, во имя нашей любви.

Да и развѣ тѣ нравственныя страданія, которыя испытываютъ мужья, смотря на наши муки и зная что безсильны облегчить ихъ, не равносильны нашимъ, хотя и страшнымъ, но все-таки же только физическимъ! Я представляю себѣ на его мѣстѣ, представляю его сраженнымъ какимъ-нибудь тяжкимъ недугомъ, мучающимъ его на моихъ глазахъ и... и не хочу мѣняться съ нимъ, потому-что при одной этой мысли меня охватываетъ такой ужасъ, который хуже всякихъ родовъ, и я предпочитаю принять на себя все страданія и болѣзни, лишь-бы не видѣть страдающимъ его.

Да онъ, мой бѣдный, не мало тоже измучился за эту памятную намъ ночь!

Первыя боли начались у меня около 4-хъ часовъ дня, за обѣдомъ.

Булбонъ я еще ѣла кое-какъ, думая, что быть можетъ это фальшивая тревога, но жаркого и сладкаго уже не въ состояніи была ѣсть; хотя чтобы не пугать Володю и не перебивать ему обѣдъ, дѣлала видъ что ѣмъ.

Но онъ, все послѣднее время слѣдившій за каждымъ моимъ движеніемъ, понялъ, что мнѣ нехорошо и встревожился.

Я увѣряла, что мнѣ совсѣмъ еще не больно (и это была правда) и утрашивала его спокойно кончать обѣдъ, но у него бѣднаго пропалъ

всякій аппетитъ и онъ сейчасъ-же поскакалъ за Розой Карловной, а Захара отправили за тетей и Ольгой.

Я осталась съ Дувяшей и старалась приготовить все такъ, какъ учила насъ Роза Карловна, но моя Дуяша такъ растерялась, что все валялось у нея изъ рукъ и пока тетя не прѣехала, мы съ ней толкомъ ничего не умѣли устроить.

Тети прѣехала съ торжественнымъ и серьезнымъ лицомъ и крѣпко поцѣловала меня.

— Nun ruhig, mein Kind, ruhig сказала она мнѣ, какъ когда-то говорила бывало во время оно. Въ минуты волненія она всегда начинаеть иѣнать русскую рѣчь съ нѣмецкой.

Тети мигомъ все устроила, уговаривая въ то-же время меня быть молодцомъ и не очень пугаться боли, потому-что боли—это пустяки, которые скоро кончатся, а зато потомъ все будетъ хорошо и я буду чувствовать себя какъ въ раю.

— А главное, Kinderchen, сказала она съ заботой въ лицѣ и нѣжно трепля меня по плечу—помни, что рожать будешь не ты одна! Всѣ женщины рожаютъ!

Я и сама это знала и еще раньше мысленно дала себѣ слово не кричать, не стонать и не слишкомъ поддаваться воображенію страха и болей.

Мнѣ всегда казалось, что женщины вообще нѣсколько преувеличиваютъ эти муки и доказательствомъ того видѣла нашихъ крестьянокъ, нерѣдко приносящихъ съ поля, гдѣ онѣ работаютъ до послѣднихъ минутъ, новорожденныхъ дѣтей своихъ въ подолахъ сарафана.

И сначала крѣпиться было не трудно, такъ что когда возвратился съ Розой Карловной запыхавшійся, съ растеряннымъ испуганнымъ лицомъ Володя, я еще сама вышла къ нимъ навстрѣчу и смѣясь говорила ему, что мнѣ вовсе не такъ больно и чтобы онъ не беспокоился.

Но уже чрезъ три часа, забывъ всѣ свои благія намѣренія, я кричала на весь домъ, а еще часа чрезъ два — почти уже не сознавала ничего, кромѣ своихъ неистовыхъ страданій и то звала Володю къ себѣ и схватывала его за руки, то снова отталкивала его отъ себя и падала въ изнеможеніи.

Все, что происходило потомъ, я уже помню какъ во снѣ, какъ въ тяжеломъ, безобразномъ кошмарѣ, отъ котораго просыпаешься задыхаясь и въ холодномъ поту.

Смутно помнится мнѣ, какъ появилась откуда-то Ольга, наклонилась ко мнѣ, говоря:

— Ага, что я тебѣ говорила, а ты мнѣ не вѣрила! Вотъ теперь вѣришь!

Помнится, какъ въ спальнѣ зажгли свѣчи и заставили ихъ отъ меня

чѣмъ-то темнымъ и я поняла, что значить уже вечеръ, а можетъ быть и ночь, а конца все еще нѣтъ...

Помню, какъ двигались вокругъ меня какія-то фигуры и открывая глаза я видѣла встревоженные лица тети и Розы Карловны и плачущую Дуняшу, а ближе всѣхъ ко мнѣ блѣдное, испуганное лицо Володи, который вытиралъ полотенцемъ катившійся вѣрно съ моего лица холодный потъ.

Помню, какъ онъ наклонился надо мной и цѣловалъ мой мокрый лобъ, мои глаза, мои волосы и молилъ меня «потерпѣть еще чутьчку, еще немножко только для него!» И на мгновение я какъ-бы приходила въ себя, видѣла ясно все окружающее и говорила себѣ:

— Да, да... для него... для него...

И я ловила его руку и прижимала ее къ себѣ; но чрезъ минуту все снова спутывалось и смѣшивалось въ моемъ представленіи и мнѣ казалось, что я плаваю въ какомъ-то зеленомъ отъ боли пространствѣ и вмѣстѣ со мной плаваютъ въ немъ какіе-то круглые небольшие черные шары, начиненные болѣю, и когда такой шаръ медленно и плавно, точно откуда-то издалика приближался ко мнѣ, меня охватывалъ ужасъ и я кричала какимъ-то страннымъ, не своимъ голосомъ, котораго не узнавала и пугалась сама, а шаръ, приблизившись ко мнѣ, вдругъ лопался и разлетался милліонами яркихъ, бѣлыхъ, огненныхъ иглъ и всякая игла его была страшная боль и вся эта боль, невыносимая, нечеловѣческая устремлялась въ меня и я снова безумѣла и теряла сознаніе, а пробуждаясь чрезъ нѣсколько минутъ, снова видѣла себя все въ томъ-же зеленомъ пространствѣ, наполненномъ этими страшными, черными, лопающимися шарами и снова видѣла, какъ одинъ изъ нихъ отдѣлялся и опять медленно и плавно начиналъ приближаться ко мнѣ...

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ я безсознательно, колвульсивно закусила зубами руку моего бѣднаго Володи и до крови прокусила ее. Но почувствовавъ во рту вкусъ крови, я опомнилась и увидѣвъ кровь на его рукѣ, поняла, что сдѣлала. Я испугалась и стала цѣловать ее, а онъ, мой дорогой, добрый мужъ, говорилъ мнѣ, что это ничего, что это все пустяки и ему совѣмъ не больно и думая, что этимъ хоть сколько-нибудь поможетъ мнѣ заглушить чувство боли, парочно протягивалъ мнѣ руки, чтобы я кусала ихъ.

И я злая, обезумѣвшая отъ страданія, брала эти бѣдныя руки и то стискивала ихъ зубами, находя въ этомъ какое-то страшное, болѣзненное облегченіе и стараясь только не прокусывать ихъ до крови, то снова плакала и цѣловала ихъ...

Такъ прошла должно быть вся ночь, потому что раскрывъ какъ-то глаза я замѣтила вдругъ, что тета Луиза тушитъ свѣчи, а на бѣлой

шторъ окна играетъ розовый лучъ восхода. Тогда я припомнила, что заболѣла еще наканунѣ за обѣдомъ и отчаяніе охватило меня. Конца все еще не было и я уже не вѣрила, что онъ можетъ придти когда-нибудь. Миѣ казалось, что муки эти будутъ продолжаться вѣчно и ничто и никогда уже не спасетъ меня отъ нихъ!

Но слѣдующій затѣмъ періодъ былъ вѣрно періодомъ полного безпамятства, потому что я не могу припомнить больше ни своихъ ощущеній, ни мыслей, ни даже самыхъ страданій.

Очнулась я, какъ миѣ потомъ говорили, чрезъ нѣсколько часовъ спустя и первое, что я услышала очнувшись, это было какое-то хлопанье. Точно кого-то били рукой по голому тѣлу.

Я открыла глаза и увидѣла надъ собою лицо тети Луизы. Она улыбалась миѣ и что-то говорила, а Роза Карловна стояла невдалекѣ спиной ко миѣ и хлопала рукой по голенькой спинкѣ ребенка.

— Ну вотъ, ну вотъ—сказала тетя Луиза, держа меня за руку— ну вотъ и кончено!

Но это слово «кончено»—испугало меня. Все мои мысли были еще такъ спутаны, что я не сразу даже поняла, чей это ребенокъ на рукахъ Розы Карловны. Миѣ представилось, что тетя Луиза говоритъ о какомъ-то страшномъ концѣ, но въ эту минуту раздался вдругъ рѣзкій плачъ ребенка и онъ разомъ привелъ меня въ себя.

Я поняла, что это кричитъ мой, мой собственный, мой желанный ребенокъ, котораго я такъ долго и такъ страстно ждала и ради котораго такъ страдала сегодня. Я собрала все послѣднія силы и поднялась на постели.

— Покажите, покажите миѣ его!—закричала я, протягивая къ нему руку.

Но голосъ мой былъ такой странный и слабый, что я сама испугалась его.

— *Ruhig, ruhig, mein Kinderchen* — сказала тетя, испуганно махая на меня рукой и, осторожно поддерживая за плечи, она уложила меня обратно и не давала привстать, а Роза Карловна бережно поднесла ребенка къ моему лицу, чтобы я могла лучше видѣть его и, держа его на одной рукѣ, другой тихонько раскрыла пеленочки, въ которыхъ онъ былъ уже завернутъ.

— Ну, вотъ и мы, вотъ и мы!—сказала она улыбаясь и миѣ и ему своимъ ласковымъ, добродушнымъ лицомъ.—Ну, вотъ посмотрите на насъ, мама, какой мы славный мальчикъ.

— Мальчикъ!.. Мальчикъ!..—повторила я радостно и счастье охватило все мое существо—вотъ оно мое дорогое, желанное дитя! Наконецъ-то, наконецъ!..

Я съ радостью и любопытствомъ смотрѣла на его крохотное, тихо копошащееся тѣлце и крошечное, какъ сморщенный кулачокъ, и тоже совѣмъ красное личико, и какое-то теплое, блаженное опущеніе разливалось во мнѣ... Точно я вся разомъ согрѣлась и мнѣ вдругъ страшно захотѣлось спать. Я опустила голову (такую слабую и наибольшую, что она казалась мнѣ совѣмъ пустой и кружилась при малѣйшемъ моемъ движеніи) и задремала.

Но это было уже послѣднее мое ощущеніе, а затѣмъ я вѣрно сейчас-же крѣпко заснула и проспала нѣсколько часовъ подъ-рядъ...

Но вотъ я слышу, пришелъ Володя... Больше нельзя писать... Онъ ни за что не позволитъ, да и я сама уже страшно устала... даже голова заболѣла... Пожалуй теперь достанется... Допишу, милочка моя, какъ-нибудь потомъ, а теперь скорѣй прячу это письмо подъ подушку...

14-го іюня.

11-го меня наконецъ спустили съ постели. Моя выходка съ письмомъ къ тебѣ, моя дорогая, не обошлась таки для меня безъ маленькаго наказанія.

Володя, войдя, нашелъ, что у меня слишкомъ возбужденный видъ и перепугался, а приѣхавшая вскорѣ Роза Карловна подтвердила, что дѣйствительно открылся легкій жарокъ и результатомъ всего этого было то, что вмѣсто 9-го дня мнѣ позволили подняться только на 12-й, хотя кромѣ самаго ничтожнаго жара и маленькой головной боли у меня потомъ ничего не было.

А все-таки я рада, что успѣла описать тебѣ все подробно; вреда отъ этого большого не произошло, а впечатлѣніе могло-бы ослабѣть. Но знаешь, какъ отрадно встать послѣ такой болѣзни!

Я чувствовала себя такъ радостно и легко, точно вмѣстѣ съ моимъ мальчикомъ вновь сама возродилась къ жизни.

Утромъ 11-го пришли Роза Карловна, тетя и Ольга, все въ свѣтлыхъ, нарядныхъ лѣтнихъ платьяхъ, точно къ именинницѣ и помогли мнѣ встать и одѣться.

Онѣ нарядили меня въ бѣлый батистовый капотъ съ вышивкой гладью и такъ старались надо мной, что, по выраженію Дуняши, «словно къ вѣнцу собирали».

— Первый разъ молодой матери всегда надо выходить нарядной, хорошенькой и веселой! сказала Роза Карловна, прикалывая на мои волосы прелестный кружевной чепчикъ.

— А потомъ?—спросила я—потомъ развѣ не надо?

Но Ольга засмѣялась и отвѣтила вмѣсто Розы Карловны:

— Э матушка! про всѣхъ не нарядишься! Вотъ погоди, какъ родишь штучекъ 5—7, такъ небось праздновать-то перестанешь!

Это у нашей Ольги, въ сущности безконечно доброй и любящей, ужъ въ крови — одинаковая черта съ Дмитриемъ, недаромъ онъ ей братъ—говорить обо всѣмъ съ легкой ироніей и скептицизмомъ. Но мы ихъ обоихъ знаемъ и понимаемъ, что этимъ тономъ они только маскируютъ душевную глубину чувствъ.

Когда я была совсѣмъ готова, онѣ посадили меня на старинное дѣдушкино сафьяновое кресло на колесикахъ и позвали Володю, чтобы онъ вывезъ меня.

Но онъ, мой дорогой, былъ такъ взволнованъ, что сразу не могъ даже везти меня, а прежде всего молча горячо прижалъ меня къ своему сердцу и долго цѣловалъ мое лицо и руки.

И лицо его при этомъ было такое хорошее, такое смягченное глубокимъ, растроганнымъ выраженіемъ, что я взглянула на него, на его глаза полные слезъ и съ этой минуты уже окончательно примирилась съ перенесенными муками... Вѣдь онѣ были только маленькимъ тернистымъ путемъ къ большому, прекрасному счастью. Счастьемъ еще лучшему, еще вышему, чѣмъ даже то, которое до сихъ поръ было у насъ...

Потомъ мой милый мужъ самъ бережно и торжественно вывезъ меня въ залъ, гдѣ насъ уже ждали дядя и братья.

День былъ чудный, всѣ окна были распахнуты настежь. Утромъ прошелъ недолгій лѣтній ливень и послѣ него изъ сада пахло смолистымъ запахомъ молодыхъ березъ.

Все было залито солнцемъ и на всѣхъ окнахъ и столахъ стояли огромные букеты сирени и ландышей, успѣвшихъ расцвѣтаться за мою болѣзнь. Это мой милый Сережа, зная какъ я люблю цвѣты, принесъ и разставилъ повсюду эти букеты...

Увидѣвъ насъ, Дмитрій и Илья (мужъ Ольги) громко закричали «ура», а дядя и Сергѣй молча расцѣловали меня.

— Ну слава Богу, слава Богу... говорилъ дядя и такого радостнаго, оживленнаго лица я давно уже не видѣла у него.

Да и у всѣхъ были такія довольныя счастливыя лица, всѣ такъ лаекали меня, что, право, слезы чуть не брызнули у меня изъ глазъ... За что они, мои дорогіе, такъ любятъ меня, такъ балуютъ! Но я боялась заплакать; тетя сказала, что это дурная примѣта плакать, принимая поздравленія поворожденному... Но вѣдь это слезы такія счастливыя, такія благодарныя—онѣ не могутъ привести несчастью моему мальчику...

Теперь мнѣ не хватаетъ только тебя родная. Поправляйся и прїѣзжай скорѣй, скорѣй! Мнѣ такъ о многомъ надо еще рассказать тебѣ! Вѣдь въ письмѣ всего не опишешь.

Крѣпко цѣлую тебя

Твоя всей душой Катя.

22-го іюня 1858 г.

Москва.

Варюша, дорогая, твой планъ восхитителенъ! Даже Володя пришелъ отъ него въ восторгъ. Ёдемъ, ёдемъ, милая, на конецъ всего лѣта въ нашу Ольховку. Можно будетъ прожить тамъ весь Сентябрь. Боже мой, если-бы ты знала, какъ я рада, что ты рѣшилась ѣхать вмѣстѣ съ нами. Я просто не вѣрю такому счастью. Подумай — провести вмѣстѣ три мѣсяца! Только не передумай, пожалуйста. Забирай своего бабочку, свою англичанку и прїѣзжай. Берлихъ смотрѣлъ меня послѣ родовъ и нашель, что хотя у меня «все въ порядкѣ», но подкрѣпиться немного деревенскимъ воздухомъ и покоемъ было-бы очень не дурно. Конечно, этихъ словъ было достаточно, чтобы успокоить Володю и онъ теперь слышать больше не хочетъ о томъ, чтобы досиживать лѣто въ Москвѣ, какъ мы сначала думали. Дядя, тетя и Сергѣй тоже собираются прїѣхать погостить, а Дмитрій уѣхалъ въ Севастополь. Телеграфируй, когда выѣзжаешь и выѣзжай, милая, скорѣй. Володя просто бредитъ тѣмъ, чтобы скорѣй увезти насъ въ деревню. Итакъ до скорого, значить, свиданія, дорогая, а пока крѣпко цѣлую тебя, милочка.

Твоя всегда Катя.

Р. S. А помнишь, когда мы съ тобой вмѣстѣ были въ Ольховкѣ? Это было въ годъ смерти покойнаго папеньки! Больше семи лѣтъ тому назадъ! Боже мой, какъ ужъ все это было давно, давно и какія мы съ тобой были тогда еще глупенькія дѣвочки! Скорѣй-же, скорѣй, Варекъ.

Декабрь, 1858 г.

Москва.

На той недѣлѣ моему Волику исполнилось уже полгода! Да, не шутите съ нами, мы уже большіе, у насъ есть уже два зуба и мы пытаемся что-то лепетать. «Папа» и «мама» у насъ еще не выходитъ, но зато мы уже знаемъ нашего папу и умѣемъ отличать его отъ другихъ мужчинъ, указывая на него своей маленькой рученкой.

А какъ мы улыбаемся мамѣ, нашей мамѣ, которая кормитъ насъ

своей грудью! Что другое, а ужь эту-то грудь мы прекрасно знаемъ, и когда насъ подносятъ къ ней и кладутъ на колѣни, мы уже сами нетерпѣливо цѣпляемся за пуговицы лифа, точно силясь растегнуть ихъ своими крохотными пальчиками. Да, и у такого даже крохотнаго существа есть уже сознание собственности! Грудь, кормящая его—это его собственность и онъ чувствуетъ это и сердится, если ее не даютъ ему сразу и властно хватается ее рученкой, когда наконецъ дадутъ, точно защищая ее отъ посягательствъ другихъ...

Какъ жаль, Варичка, что ты не сама кормила твоего Андрюшу. Я вообще нахожу, что у насъ въ Петербургѣ въ воспитаніи ребенка отводить боннѣ слишкомъ крупную и преобладающую роль надъ матерью.

А между тѣмъ, вѣдь это цѣлый новый міръ для молодой матери! И міръ такой прекрасный, такой чистый и полный неизвѣданнаго еще и ни съ чѣмъ не сравнимаго счастья! Если-бы не этотъ мучительный, постоянно преслѣдующій страхъ, что съ нимъ можетъ что-нибудь случиться, что онъ можетъ заболѣть, можетъ... Боже! отъ одной мысли замираетъ сердце... можетъ умереть, то миѣ кажется, что счастье, которое мы находимъ въ нашемъ ребенкѣ, было-бы лучшимъ и полнѣйшимъ счастьемъ, какое только люди и особенно мы женщины можемъ испытывать.

Каждый его лепетъ, каждое движеніе, каждая улыбка трогаютъ меня до слезъ и наполняютъ этимъ счастьемъ! Я часами могу смотрѣть на него; часами стою на колѣнахъ предъ пянной постелью, на которой его всегда пеленаютъ, разсматривая въ сотый разъ каждый его пальчикъ, цѣлуя каждое мѣстечко его тепленькаго, мягкаго и нѣжнаго какъ пухъ тѣльца. Могу часами улыбаться ему и говорить съ нимъ на томъ «китайскомъ нарѣчій», какъ называетъ его Дмитрій, безмысленномъ по своей содержательности и безцѣльности, состоящимъ изъ однихъ ласковыхъ восклицаній, междометій и тѣхъ маленькихъ, смѣнныхъ, въ сущности ничего собой не обозначающихъ, словечекъ, которыя никто другой кромѣ насъ матерей не понимаетъ и не употребляетъ.

А когда я кормлю его грудью! Какое это наслажденіе! Чувствовать, какъ живые дающіе силы и жизнь соки переливаются изъ меня въ него, въ это крохотное теплое существо, лежащее у моей груди и улыбающееся миѣ своимъ милымъ пахнущимъ парнымъ молокомъ ротикомъ!

Существо въ которомъ чудесно воплотились и соединились онъ, мой любимый, дорогой миѣ мужъ, и я сама! Существо, какъ-бы олицетворяющее собой вѣнецъ нашей любви! По крайней мѣрѣ, все лучшее въ ней, все болѣе высокое, все то ради чего человѣчеству прощается грѣхъ его паденія!

И когда я держу его такъ на своихъ рукахъ и смотрю, какъ онъ улыбается миѣ своими синими глазками, уже теперь похожими на глаза

отца, мнѣ чудится порой, что это онъ самъ, мой Володя, тотъ Володя, какимъ онъ былъ 35 лѣтъ назадъ, когда лежалъ на рукахъ матери своей такимъ-же крохотнымъ существомъ, какимъ лежитъ теперь на моихъ рукахъ его сынъ, и оба они такъ сливаются для меня въ одно нѣчто цѣлое нераздѣльное, что я почти не могу провести черту, гдѣ начинается для меня одинъ и кончается другой.

Но, представь, что самъ Володя какъ ни жаждалъ имѣть сына, какъ ни любить его теперь все-таки не понимаетъ меня вполне и какъ это ни странно, какъ ни смѣшно, но даже слегка ревнуетъ меня къ нему. Ревнуетъ къ самому себѣ!

Онъ часто теперь говоритъ на тему, что женщины все склонны преувеличивать и никогда ни въ чемъ не умѣютъ найти чувство мѣры и границы. Въ насъ, по его словамъ, почти во всѣхъ, за самыми рѣдкими исключеніями, есть какая-то врожденная потребность едѣлаться тотчасъ-же рабынями своей любви, а вмѣстѣ съ этимъ и добровольными мучительницами самихъ себя.

Онъ не хочетъ понять той постоянной тревоги, которую я не въ силахъ подавлять въ себѣ по отношенію нашего ребенка, и не понимаетъ этого упорно-преслѣдующаго меня страха потерять его.

— Ну, можно-ли такъ отравлять себѣ жизнь! говоритъ онъ мнѣ съ упрекомъ, да и съ чего ты взяла, что съ нимъ непременно должно приключиться что-то ужасное, какія-то болѣзни, несчастія, смерть! $\frac{7}{10}$ человечества выживаютъ благополучно, а твоего почему-то сейчасъ-же должны постичь всякія бѣдствія! Удивительно! Ахъ ужъ эти женщины!

Этимъ «ахъ ужъ эти женщины!» какъ во французскихъ пѣсенкахъ куплеты заканчиваются теперь всѣ наши семейныя прошествия, объясненія и недоразумѣнія. Сердитея онъ на меня также и за то, что я перестала правильно спать и каждую ночь вскакиваю по нѣсколько разъ посмотрѣть, какъ спитъ мой Воликъ, не надо-ли ему чего нибудь, не мокрый-ли онъ?

Сначала онъ и въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, спалъ въ нашей комнатѣ и его люлька стояла рядомъ съ нашей постелью, но чрезъ нѣсколько времени Володя взмолился чтобы его понадали.

— Помидуй, матушка! — жаловался онъ, — вѣдь такъ спать невозможно! Онъ кричитъ чуть не по цѣлому часу и каждый часъ! Гдѣ-же тутъ спать правильнымъ, крѣпкимъ сномъ? Вѣдь я человѣкъ рабочій а если такъ будетъ продолжаться, то я кончу тѣмъ, что и лекціи не въ состояніи буду читать!

Ну понятно, что послѣ такихъ жалобъ, мой бѣдный Воликъ былъ изгнанъ отъ своей мамы и переведенъ въ соседнюю комнату къ нянѣ.

Конечно, Володя правъ, говоря что онъ человѣкъ рабочій и что ему прежде всего нуженъ хорошій сонъ и ужъ конечно не я захочу

мучить его; но скажи мнѣ пожалуйста, отчего-же мы, матери, не чувствуемъ этой усталости и разбитости, послѣ такъ-же плохо проведенной ночи?

И десять разъ въ ночь проснусь и вскочу къ моему Волику, да два раза его припосеять ко мнѣ кормить, а между тѣмъ, утромъ я поднимаюсь даже еще кажется свѣжѣе и бодрѣ чѣмъ прежде, а если иногда и болить голова, то что это въ сущности за важность! Лишь-бы моему милому мальчику было покойно и хорошо.

Да, моя дорогая, повидимому чувства отца и даже такого въ сущности любящаго какъ Володя и чувство матери совсѣмъ различны! И мнѣ кажется, что ихъ чувство не только эгоистичнѣе, но и холоднѣе и бѣднѣе нашего. Они, имѣя ребенка, ставятъ вопросъ такъ:

— Я, жена, ребенокъ!

Мы же совсѣмъ обратно. У насъ прежде всего:

— Ребенокъ, мужъ и, наконецъ, мы сами. И я думаю, что вся наша жизнь складывается сообразно этому порядку. Мы съ дѣтства свыкаемся съ своимъ З М и посвящая жизнь на служеніе другимъ, сами скромно остаемся въ тѣни.

Это и естественно! Мы, имѣя ребенка и особенно перваго, всѣми инстинктами души спѣшимъ насладиться счастьемъ своего материнства «кушаемъ въ немъ, утоаемъ», какъ говоритъ все тотъ-же Дмитрій. а каждый мужчина, кромѣ того что онъ мужъ и отецъ, при этомъ еще и профессоръ, у котораго есть своя работа, своя аудиторія, свои лекціи и чиновникъ, у котораго свой департаментъ, свои входящія и исходящія и офицеръ, у котораго свой полкъ, своя рота и купецъ, у котораго своя торговля и помѣщикъ, у котораго свое хозяйство и священникъ, у котораго свои церкви и пастыри и докторъ, у котораго свои пациенты и т. д.

Мы же въ большинствѣ случаевъ только жены и матери и потому всѣ потребности ума и сердца вносимъ въ то, что называется нашей семьей, тогда какъ они попрежнему и даже главнымъ образомъ остаются общественными дѣятелями и ужъ конечно каждаго изъ нихъ гораздо больше интересуетъ и волнуетъ, будетъ-ли наиримѣрь преобразованъ университетъ, улучшатъ-ли податную систему, проведутъ-ли новую желѣзную дорогу, оставятъ-ли на своемъ посту того-то и того-то и какого направленія будетъ придерживаться тотъ-то и тотъ-то, чѣмъ то, что у ихъ ребенка сдѣлался вдругъ колики въ животикѣ или прорѣзался первый зубокъ— эти страшныя колики, отъ которыхъ мы теряемъ голову и этотъ прелестный первый зубокъ, который доставляетъ намъ столько торжества и радости. Конечно и они заинтересуются имъ пожалуй на минутку и даже скажутъ:

— Неужели? а ну-ка покажи, покажи его шельмеца!

И если въ это время завернетъ какой-нибудь пріятель, то они и съ нимъ подѣлятся мимоходомъ пріятной новостью, но чрезъ часъ забудутъ и о ней и... и о самомъ ребенкѣ если только тотъ не напомнитъ имъ о себѣ крикомъ.

Я вовсе не хочу этимъ сказать, что правы мы, а не они; нѣтъ, отчего-же, я даже охотно соглашаюсь съ ними, что насъ женининъ материнство нѣсколько суживаетъ, отодвигая для насъ все остальное на задній планъ. Но вѣдь это оттого, что оно само по себѣ такъ богато, такъ разнообразно въ своихъ чувствахъ и впечатлѣніяхъ, что не мудрено если оно захватываетъ насъ цѣлкомъ и охлаждаетъ на время ко всему прочему. Это простой законъ природы, который оправдывается не только на людяхъ и на животныхъ, но и на птицахъ и насѣкомыхъ.

Разница только въ томъ, что мы женщины понимаемъ равнодушіе ихъ отцовъ, въ сущности гораздо болѣе чувствительное и оскорбительное для насъ матерей чѣмъ это обыкновенно они думаютъ и не только понимаемъ, но и примиряемся и даже считаемся съ нимъ, смотря на него почти какъ на ихъ естественное право, а они и не понимаютъ и не прощаютъ намъ нашего страстнаго материнства, а часто даже негодуютъ за него на насъ и насмѣхаются надъ нами, задѣвая и оскорбляя тѣмъ насъ еще даже больше, чѣмъ своимъ равнодушіемъ. Я, напримѣръ, сама чувствую, что съ тѣхъ поръ, какъ стала матерью, охладѣла почти ко всему, что такъ или иначе не касается моего ребенка. Всѣ мои мысли такъ сосредоточены на немъ, такъ полны имъ, что все остальное не то чтобы перестало существовать для меня или интересоваться меня, но только кажется мнѣ не важнымъ и не интереснымъ по сравнению съ тѣмъ великимъ, что я имѣю и чѣмъ полно теперь все мое существо. Я даже театръ разлюбила! даже читать стала гораздо меньше! Когда мнѣ случается бывать теперь въ театрѣ, я почти мученица, потому что меня не переставая тревожитъ все одна и та же мысль: «что то дома! все-ли тамъ благополучно? Не случилось-ли чего пибудь? Не ушла-ли няня, бросивъ Волика на произволъ судьбы, въ кухню гдѣ она всегда забалтывается? «И безпокоюсь этими мыслями, я не могу уже ни сосредоточиться на пьесѣ, ни увлекаться, какъ бывало прежде, игрой любимыхъ артистовъ и кончаю всегда тѣмъ, что, къ полному негодованію мужа и Дмитрія, уѣзжаю домой съ середины спектакля. А наши прежнія, милыя чтенія по вечерамъ вѣдухъ, вдвоемъ совѣтъмъ испортились и часто служатъ только причиной ссоръ и неприятностей. Володя не можетъ простить мнѣ, что часто на самомъ интересномъ мѣстѣ я, заслышавъ плачъ Волика, вдругъ вскакиваю, бросаю работу, книгу и лечу въ дѣтскую, оставаясь тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ вполне не успокоится и не затихнетъ.

Конечно чтеніе прерывается, впечатлѣніе расхолаживается, Володя

дается и не хочет больше читать, особенно если это повторится раза два, три подрядъ.

Тогда опять уже съ раздраженіемъ бросаетъ книгу, кричитъ, что это ни на что не похоже, что онъ брать себѣ жену и друга, а не кормилицу и пиявку и хлопнувъ дверью уходитъ къ себѣ въ кабинетъ, а то и вовсе изъ дому; и чтобы отметить мизъ, возвращается нарочно какъ можно позже, когда я ужъ истерзаюсь вся поджидая его. Я же чувствую себя одновременно и виноватой и обиженной и не только за себя, но и за ребенка, у котораго онъ чуть не отнимаетъ естественное право кричать и вѣсть, когда тому этого хочется. Развѣ онъ самъ маленькій не кричалъ точно такъ-же, не требовалъ къ себѣ такимъ-же крикомъ свою мать, не призывалъ ее, когда хотѣлъ ей груди или былъ мокрый или у него что-нибудь болѣло! Развѣ не обязана я прежде всего быть готовой каждую минуту придти на помощь къ моему ребенку, пока онъ еще такъ малъ и беспомощенъ! И, наконецъ, развѣ я виновата, что природа вложила въ насъ это глубокое, всегда полное страстной тревоги чувство материнства, не давъ въ то-же время въ такой-же пропорціи его и имъ?

Но дѣлать нечего; такъ какъ въ то-же время, я невольно сознаю, что правъ по своему и Володя, то опять въ сотый разъ примиряюсь со всѣми этими нашими недоразумѣніями и всячески стараюсь загладить въ немъ дурное впечатлѣніе... Но увь... опять до перваго лишь крика, когда опять, руководимая только своимъ инстинктомъ матери, снова невольно все бросаю и лечу въ дѣтскую и снова раздражаю этимъ моего мужа...

Да, какъ это ни странно, но, увь вѣрно, что ребенокъ вмѣсто того, чтобы еще плотнѣе соединить между собой двухъ любящихъ людей, часто скорѣй слегка разъединяетъ ихъ, въ силу различнаго пониманія и отношенія къ одному и тому-же вопросу.

Зато мы, женщины, тетя Луиза, Ольга и я все больше и больше сближаемся другъ съ другомъ и почти ежедневно, когда наши мужья расходятся по своимъ занятіямъ, сходимся, другъ у друга (чаще всего у меня) и проводимъ вмѣстѣ все утро. Тутъ уже наступаетъ исполнѣ наше «женское царство», по выраженію Дмитрія.

Я сама часто задумываюсь надъ этимъ вопросомъ: отчего до моего выхода замужъ и даже послѣ него до моей беременности общество мужчинъ и ихъ разговоры интересовали меня гораздо больше, чѣмъ общество и разговоры женщинъ? Отчего, напримѣръ, съ той-же самой Ольгой, съ которой я теперь такъ сошла, до моей беременности я не находила ничего общаго? Теперь-же она, эта Ольга, которую почти нельзя представить себѣ иначе какъ беременной или кормящей, стала вдругъ такъ близка, такъ понятна моему сердцу, что я положительно съ огромнымъ

удовольствіемъ провожу съ нею чуть не всѣ дни и никогда съ нею не скучаю какъ скучала бывало прежде, когда мы часто рѣшительно не знали о чемъ говорить другъ съ другомъ.

Теперь-же тема у насъ не истощается, хотя говоримъ мы почти все объ одномъ и томъ-же: о нашихъ дѣтяхъ, ихъ особенностяхъ, ихъ болѣзняхъ, животикахъ, зубахъ, ростѣ, о ихъ свивальникахъ, одѣяльцахъ и т. д. безъ конца.

Тетя Луиза не только намъ не мѣшаетъ, но сочувствуетъ этому всей душой! Она сама рожала, кормила, росла и эта тема уже благодаря однимъ воспоминаніямъ интересуетъ ее не меньше нашего. Послѣ смерти Раисы и несчастія съ Сергѣемъ она стала очень молчалива и часто цѣлыми часами ее можно видѣть застывшей все въ одной и той-же позѣ, съ глазами устремленными въ одну точку и о чемъ-то глубоко задумавшейся; но тутъ она всегда оживаетъ, расцвѣтаетъ и дѣлается опять прежней веселой, добродушной тетей Луизой, которая такъ любила, бывало, поболтать и пошутиться.

Иногда къ намъ присоединяется и Роза Карловна; тогда мы уже окончательно блаженствуемъ. Мы сидимъ, пьемъ чай и въ то-же время кроимъ, шьемъ что-нибудь (по большей части все тѣже одѣяльца и чепчикки) и болтаемъ. Когда приходитъ время давать грудь моему Волику мы идемъ всѣ вмѣстѣ. Я кормлю, а онѣ сидятъ подлѣ, смотрятъ, даютъ мнѣ разные совѣты, вспоминаютъ какъ кормили своихъ и право наслаждаются кажется не меньше моего.

— Прекрасный ребенокъ—говоритъ одобрительно Роза Карловна, которая чувствуетъ особенную нѣжность ко всѣмъ тѣмъ дѣтямъ, которыхъ принимала.

И она беретъ моего Волика, приподнимаетъ его на одной рукѣ чтобы лучше чувствовать его вѣсъ и восклицаетъ съ торжествомъ:

— Ого! прибавилось! опять прибавилось! фунтика два съ прошлаго раза прибавилось.

Тетя Луиза тоже беретъ его на руки и тоже сочувственно и съ гордостью киваетъ головой, подтверждая сей пріятный фактъ. Потомъ то же самое дѣлаетъ Ольга и, наконецъ, я сама, хотя я то ужъ давно знаю, что онъ у меня растетъ не по днямъ, а по часамъ.

— А мой Сережа,—говоритъ тетя Луиза,—какъ только родился, такъ ужъ вѣсилъ 10 фунтовъ, а въ полгода дошелъ до полуцуда! Всѣ такъ и называли его богатыремъ!

Но при этихъ словахъ ей вѣрно вспоминается какъ жестоко распорядилась судьба съ ея бѣднымъ богатыремъ.

— Да—говоритъ она, глубоко вздыхая—да... а вотъ что вышло потомъ...—и глаза ея наполняются слезами.

На минуту мы всё замолкаемъ и грустно задумываемся, а мое сердце сжимается тоской и страхомъ.

Я гляжу на моего дорогого Волика, безмятежно сосущаго своими парными губками мою грудь и невольно думаю:

— Что-то предстоитъ и тебѣ, моя радость? Что-то дать тебѣ жизнь?.. Будетъ-ли она для тебя нѣжной заботливой матерью или злой мачихой?..

И эта загадочная таинственная людская судьба, полная неизвестности, которую никто не въ силахъ предугадать—невольно страшитъ меня за моего мальчика и я крѣпче прижимаю его къ себѣ. О если-бы грудью своей я могла защитить его отъ всякихъ невгодъ и страданій! Если-бы, хотя-бы цѣной собственной жизни, собственного счастья, могла-бы купить ему у судьбы счастье и здоровье. Какъ ни прекрасно оно, мое настоящее счастье, какъ ни люблю я свою жизнь—я не пожалѣла-бы ихъ для него...

Но онъ улыбается мнѣ своими синими отцовскими глазами, точно успокаивая меня и на душѣ у меня стихаетъ и просвѣчиваетъ вѣрой и упованіемъ... Все Богъ дастъ, будетъ хорошо...

Но Ольга отрываетъ меня отъ моихъ думъ.

Она стоитъ подлѣ меня на колѣняхъ, чтобы лучше видѣть какъ Воликъ сосетъ.

— Это хорошо, говоритъ она—что у него зубы плохо рѣжутся; легче потомъ будутъ идти, да и кормить не такъ больно, а то мой Саша всю мнѣ грудь бывало до крови кусаетъ зубенками.

Роза Карловна замѣчаетъ, что это часто бываетъ, а тетя Луиза смѣется и любовно похлопывая Ольгу по плечу говоритъ, что та сама такъ-же бывало кусалась, когда тетя Луиза кормила ее.

Мы всё смѣемся и я гляжу на толстую, беременную Ольгу въ широкомъ ваточномъ канотѣ и мнѣ такъ трудно представить ее себѣ моимъ маленькимъ Воликомъ, потому что всё грудные дѣти представляются мнѣ въ его видѣ.

Но вотъ Воликъ уже сытъ. Онъ оторвался отъ груди и смѣется, смотря на каждую изъ насъ по очереди съ какимъ-то страннымъ точно знающимъ что-то больше насъ выраженіемъ на своемъ миломъ личикѣ. Мы всё ласкаемъ, цѣлуемъ его, забавляемся съ нимъ еще нѣсколько времени и наконецъ сдаемъ его нянѣ и сами возвращаемся снова въ залъ. къ нашему круглому столу, съ остывшимъ уже на немъ самоваромъ и обрѣзками накроенныхъ чепчиковъ и распашенокъ.

Мы еще подъ впечатлѣніемъ только что проведенныхъ въ дѣтской минутъ и тетя Луиза еще полна не улегшимися воспоминаніями.

Она разсказываетъ, какъ покойница Раиса родилась съ длинными темными волосиками на головкѣ и въ рубашечкѣ.

Я вспоминаю Раису, ея строгое вдохновенное лицо, мой восторгъ предъ ней и благоговѣніе—и все это кажется мнѣ бывшимъ уже такъ давно, давно... И сердце мое остается спокойнымъ, почти холоднымъ при этомъ воспоминаніи, которое еще годъ или полтора назадъ такъ волновало меня...

Да, все, все сосредоточилось теперь на одномъ крохотномъ существѣ и какъ ни мало оно, это дорогое мнѣ крохотное существо, оно все-же заслонило собой для меня весь міръ...

Но вотъ скоро три часа. Мои дамы начинаютъ собираться домой. Передъ уходомъ мы еще разъ все вмѣстѣ отправляемся взглянуть на Волнка и тамъ всегда немного забалтываемся о какомъ-нибудь интересномъ предметѣ, касающемся все тѣхъ-же зубковъ, животиковъ и одѣялецъ. Наконецъ, тетя Луиза испуганно спохватывается, что ее давно ждуть дома и мы поспѣшно начинаемъ прощаться. Но Роза Карловна вспоминаетъ, что забыла дать мнѣ какой-то необходимый совѣтъ, для котораго специально пришла и мы снова останавливаемся все, сначала въ спальнѣ, потомъ въ залѣ, потомъ въ передней; потомъ Ольга вспоминаетъ, что забыла что-нибудь (она всегда что-нибудь забываетъ) и идетъ искать, а вмѣстѣ съ ней возвращаемся и мы и тоже ищемъ все забытую и куда-то исчезнувшую вещь; наконецъ вещь найдена, мы опять все цѣлуемся, прощаемся, въ пятый разъ передаемъ другъ-другу послѣднія порученія и совѣты и снова стоимъ въ залѣ, стоимъ въ спальнѣ, стоимъ въ передней, стоимъ даже на лѣтницѣ, съ которой онѣ гонять меня, боясь что я простужусь.

— Уходи, Катя, простудись!—говоритъ Ольга, уже спускаясь.

Но я стою перегнувшись черезъ перила и смотрю какъ онѣ спускаются. Мнѣ вовсе не холодно и такъ почему-то хорошо, что уходить не хочется.

— Смотрите—кричитъ Роза Карловна, поднимая ко мнѣ свое полное пріятное лицо—смотрите молоко застудите!

Я вспоминаю о молокѣ, пугаюсь и быстро скрываюсь за дверь. Молоко застужать нельзя! Это почти преступленіе или по меньшей мѣрѣ страшное несчастіе. Что-же будетъ тогда съ Воликомъ! И я снова бѣгу къ нему въ дѣтскую, снова опускаюсь передъ нимъ на колѣни, цѣлую его, снова болтаю съ нимъ на «китайскомъ нарѣчій» и снова мечтаю надъ нимъ сладкими грезами, которыя только болѣзненно, съживаются порой отъ налетающаго мгновеніями все того-же мучительнаго страха потерять его...

Но вотъ Гекторъ, точный какъ часы, начинаетъ скрестись въ дверь, слегка взвизывая отъ нетерпѣнія и отвлекаетъ меня на минуту.

Это онъ просится, чтобы его выпустили на улицу навстрѣчу мужу. Теперь онъ уже одинъ ходитъ встрѣчать Володю и кажется сердится на меня за это. По крайней мѣрѣ онъ выходитъ теперь на улицу уже безъ прежняго громкаго радостнаго лая, съ которымъ выбѣгалъ бывало, когда ходилъ вмѣстѣ со мной и если я сама выпускаю его въ дверь, онъ проходитъ мимо меня съ опущенной, недовольной мордой и не глядя на меня. И иногда, какъ это ли смѣшно, но при видѣ этой опущенной морды и недовольно поджатаго хвоста меня охватываютъ какіе-то неопредѣленные укору совѣсти и я думаю, что быть можетъ Дмитрій отчасти правъ, когда говоритъ, что въ нашемъ домѣ мужчины теперь заброшены (онъ, кажется, и Гектора причисляетъ сюда-же), а женщины и дѣти торжествуютъ. Но, конечно, онъ шутить и все это вздоръ.

Крѣпко цѣлую тебя, моя дорогая: что подблываетъ твой маленькій Андрияша? Пожалуйста пиши мнѣ о немъ почаще и подробнѣе. А мужу кланяйся.

Твоя всегда Катя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мар. Крестовская.

Сельскохозяйственный Совѣтъ

И ЕГО ПЕРВАЯ СЕССИЯ.

Весною ходили настоятельные слухи о томъ, что въ наступившемъ 1895 г. будетъ созванъ всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Императорское московское общество сельскаго хозяйства ходатайствовало о созывѣ такого съѣзда въ Москвѣ. Ходатайство не было уважено и въ поясненіе было сказано, что всероссійскій съѣздъ сельскохозяевъ предполагается созвать въ Петербургѣ. Не знаемъ, что думаетъ «Гражданинъ» о выборѣ мѣста для съѣзда, но самый всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ ему понравился. При всей своей подозрительности, «Гражданинъ» никакихъ посягательствъ не предусматривалъ. Однако, не вездѣ такъ взглянули на всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Онъ признанъ несвоевременнымъ и отложенъ на неопредѣленное время. Въ наступившемъ году состоится только первая сессія сельскохозяйственнаго совѣта, засѣданія котораго начнутся 7-го января, какъ о томъ уже объявлено въ «Извѣстіяхъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», отъ 30 ноября.

Объявленіе министерства земледѣлія о предстоящемъ открытіи засѣданій сельскохозяйственнаго совѣта, прежде всего, выясняетъ роль и значеніе совѣта. «Правительствомъ,—сказано въ объявленіи,—давно сознана необходимость сближенія сельскохозяйственной администраціи съ хозяевами-практиками, въ видахъ приданія правительственнымъ мѣропріятіямъ характера, болѣе отвѣчающаго нуждамъ сельскаго хозяйства, а равно для болѣе полнаго и всесторонняго ознакомленія съ послѣдними. Съ особою силою потребность въ такомъ сближеніи стала сказываться съ конца восьмидесятихъ годовъ, отмѣченныхъ началомъ тяжелаго экономическаго кризиса и въ особенности послѣ неурожая 1891 года, обнаружившаго многія темныя стороны отечественнаго земледѣлія, подчерк-

нущаго его важнѣйшіе недостатки и указавшаго на тѣ препятствія, которыя тормозятъ его правильное развитіе.

Въ числѣ этихъ препятствій выдающееся мѣсто должно быть отведено разрозненности дѣйствій мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ силъ, часто весьма въ своихъ начинаніяхъ почтенныхъ, но не всегда плодотворныхъ, въ силу недостаточной объединенности единичныхъ усилій. Съ другой стороны и дѣйствія сельскохозяйственной администраціи, какъ бы оторванныя отъ дѣйствительности, не давали практикѣ сельскаго хозяйства и его неотложнымъ нуждамъ всего того, что можетъ дать отечественному земледѣлію энергическая помощь со стороны правительства, дружно согласованная съ объединенными усиліями частнаго почина.

Въ виду этого, при преобразованіи бывшаго министерства государственныхъ имуществъ, представлялось существенно необходимымъ образовать при новомъ министерствѣ такой совѣщательный сельскохозяйственный органъ, на обязанности котораго лежало-бы, при участіи представителей администраціи и сельскохозяйственной промышленности, съ одной стороны, и практикомъ сельскаго хозяйства, съ другой, обсужденіе мѣропріятій законодательнаго и административнаго свойства, направленныхъ на пользу сельскаго хозяйства».

Вотъ къ какой роли предназначается сельскохозяйственный совѣтъ. Онъ является совѣщательнымъ органомъ при министерствѣ земледѣлія для обсужденія «мѣропріятій законодательнаго и административнаго свойства». Почему такое счастье должно быть удѣломъ одного министерства земледѣлія и однихъ сельскохозяйственныхъ нуждъ.—понять трудно. Всѣ соображенія, приведенныя въ пользу совѣщательнаго органа при министерствѣ земледѣлія для обсужденія сельскохозяйственныхъ вопросовъ, съ равнымъ успѣхомъ могутъ быть примѣнены и въ пользу такого-же совѣщательнаго органа при всякомъ другомъ министерствѣ для обсужденія подвѣдомственныхъ ему дѣлъ и вопросовъ. Конечно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду только идею, вызвавшую къ жизни сельскохозяйственный совѣтъ, не касаясь его личнаго состава. Идея любого учрежденія можетъ быть весьма цѣлесообразной и въ то-же самое время личный его составъ можетъ быть явнымъ отступленіемъ отъ идеи, положенной въ основу даннаго учрежденія. При учрежденіи памятнаго 3-го отдѣленія первый его начальникъ, шефъ жандармовъ Бенкендорфъ, обратился къ Николаю I съ просьбою дать ему въ руководство инструкцію. Николай I взялъ чистый платокъ и, вручая его Бенкендорфу, сказалъ: «вотъ твоя инструкція,—тѣмъ болѣе утреши имъ слезъ несчастныхъ, тѣмъ лучше исполнишь свое назначеніе». Вотъ до какихъ предѣловъ можетъ доходить злая проія судьбы, и мы опасаемся, чтобы она не разразилась и надъ сельскохозяйственнымъ совѣтомъ.

Сельскохозяйственный совѣтъ образованъ при министерствѣ земледѣ-

лія «въ видахъ приданія правительственнымъ мѣропріятіямъ характера, болѣе отвѣчающаго нуждамъ сельскаго хозяйства, а равно для болѣе полного и всесторонняго ознакомленія съ послѣдними». Спрашивается, на кого здѣсь всѣ эти нужды возлагаются? Очевидно, не на агентовъ правительства, а на мѣстныхъ людей, занимающихся земледѣіемъ и сельскимъ хозяйствомъ. Поэтому, мѣстнымъ людямъ и слѣдовало-бы отвести такую роль, которая отвѣчала-бы надеждамъ, на нихъ возлагаемымъ. На самомъ-же дѣлѣ, въ общемъ составѣ сельскохозяйственнаго совѣта мѣстные люди играютъ весьма скромную роль. Совѣтъ состоитъ подъ предѣлательствомъ министра, изъ его товарища, директоровъ департаментовъ земледѣія и лѣсного, управляющихъ отдѣлами земельныхъ улучшеній, а равно сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики, предѣлателя ученаго комитета, предѣлателя лѣснаго спеціальнаго комитета, двухъ членовъ отъ министерства земледѣія и государственныхъ имуществъ, по одному члену отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія и Императорскаго Двора и удѣловъ, а также пятнадцати членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ и вообще лицъ, близко знакомыхъ съ нуждами и интересами сельскаго хозяйства. Эти пятнадцать членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ и вообще лицъ близко знакомыхъ съ нуждами и интересами сельскаго хозяйства, имѣютъ противъ себя также пятнадцать членовъ, набранныхъ изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ, причемъ министерство земледѣія представляется десятью членами. Эти десять членовъ могутъ думать только то и голосовать только въ пользу того, что согласно со взглядами предѣлателя. Представители другихъ вѣдомствъ скорѣе всего въ своихъ взглядахъ будутъ солидарны съ членами министерства земледѣія, какъ люди одной и той-же среды. Среди пятнадцати членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ добрая половина, навѣрно, будетъ смотрѣть на дѣло тѣми-же глазами. Вѣдь всѣ пятнадцать членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ выбираются лично министромъ земледѣія и утверждаются въ своемъ званіи на годъ Высочайшею властью. Однако, всякій склоненъ выбрать себѣ въ совѣтники лишь лицъ подходящихъ къ своимъ взглядамъ и стремленіямъ. Въ виду этого, можно утверждать, что въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ уже напередъ заготовлено такое большинство, которое нельзя признать состоящимъ изъ самостоятельныхъ и вполнѣ независимыхъ членовъ, занимающихся земледѣіемъ и сельскимъ хозяйствомъ вообще. При такомъ составѣ едвали сельскохозяйственный совѣтъ окажется на высотѣ той идеи, которая вызвала его къ жизни. Всѣ мѣропріятія законодательнаго и административнаго свойства, проишедшія чрезъ такой сельскохозяйственный совѣтъ, едвали много выиграютъ въ смыслѣ надлежащаго ихъ согласованія съ настоящими нуждами сельскохозяйства. Необходимо согласовать личный составъ совѣта съ тѣми надеждами, которыми на него возлагаются, и съ

той идеи, которая положена въ его основаніе. Для достиженія этой цѣли не можетъ быть выбора между двумя или тремя разными путями. Тутъ имѣется только одинъ путь, а именно: замѣна системы прямого назначенія членовъ изъ числа сельскихъ хозяевъ системою выборовъ. Члены сельскохозяйственнаго совѣта изъ мѣстныхъ людей должны выбираться мѣстными-же людьми. Сколько намъ извѣстно, при разработкѣ положенія о сельскохозяйственномъ совѣтѣ эта система выборовъ имѣла за себя многихъ сторонниковъ и можно лишь сожалѣть о томъ, что имъ не удалось отстаивать свои планы, къ которымъ рано или поздно придется возвратиться. Кромѣ того, «въ видахъ приданія сельскохозяйственнымъ мѣропріятіямъ характера, болѣе отвѣчающаго нуждамъ сельскаго хозяйства, а равно для болѣе полнаго и всесторонняго ознакомленія съ послѣдними», необходимо увеличить число членовъ изъ мѣстныхъ выборныхъ людей, но крайней мѣрѣ до 30 человекъ противъ 15, набираемыхъ изъ чиновъ разныхъ министерствъ. Въ то-же самое время, повинувся голому справедливости, не мѣшало-бы вспомнить, что сельскохозяйственные интересы Россіи централизируются въ той средѣ, которая своими руками обрабатываетъ землю. Кто скажетъ, что люди этой среды не помогли-бы сельскохозяйственному совѣту въ осуществленіи его задачи по приданію мѣропріятіямъ правительства характера болѣе отвѣчающаго нуждамъ сельскаго хозяйства? Быть можетъ, кто-нибудь изъ мѣстныхъ людей, появившихъ въ число членовъ первой сессіи сельскохозяйственнаго совѣта, почувствуетъ себя правдивно обязаннымъ заявить, что центръ сельскохозяйственныхъ интересовъ вовсе не представленъ въ совѣтѣ.

Правда, въ совѣтѣ могутъ обсуждаться только тѣ дѣла и вопросы, которые допущены для обсужденія его предѣдателемъ, т. е. министромъ земледѣлія. Это обстоятельство нельзя признать особенно благоприятнымъ для плодотворной дѣятельности сельскохозяйственнаго совѣта. Можно думать, что свобода преній по сельскохозяйственнымъ вопросамъ, выражаемая словами «Гражданина», не представляетъ никакого посягательства на прочность устоевъ. Совѣтъ, въ сущности говоря, не имѣетъ никакихъ правъ и никакихъ обязанностей. Нѣтъ такихъ дѣлъ и вопросовъ, которыми совѣтъ обязанъ заниматься, а равнымъ образомъ нѣтъ такихъ дѣлъ и вопросовъ, которыми онъ имѣлъ-бы право заняться. Въ ст. 33, Положенія о министерствѣ земледѣлія сказано, что на разсмотрѣніе совѣта вносятся то и другое и пятое и десятое, но вообще совѣтъ можетъ обсуждать только тѣ «вопросы и дѣла, къ сельскому хозяйству относящіеся, по коимъ министръ признаетъ необходимымъ выслушать мнѣніе совѣта». Одинъ министръ можетъ находить много такихъ вопросовъ, другой—мало, а третій и вовсе не найдетъ такихъ вопросовъ, по которымъ ему было-бы необходимо выслушать мнѣніе совѣта. Такимъ образомъ, въ законѣ не установлено никакихъ гарантій для самаго существованія совѣта. Въ

ст. 31 положенія о министерствѣ земледѣлія сказано, что «совѣтъ собирается ежегодно по распоряженію министра». Министръ воленъ сдѣлать такое распоряженіе, но не обязанъ, а потому онъ воленъ и не собирать совѣтъ ежегодно. Далѣе, по всѣмъ дѣламъ разсмотрѣннымъ совѣтомъ ведутся журналы съ изложеніемъ его заключеній и мнѣній какъ большинства, такъ и меньшинства. Но всѣ эти заключенія и мнѣнія совѣта не имѣютъ никакой обязательной силы. Въ ст. 39 сказано: «журналы совѣта представляются министру, который даетъ указанія относительно дальнѣйшаго направленія дѣлъ, по которымъ журналы состоялись». Говоря другими словами, журналы совѣта со всѣми его заключеніями, могутъ подлежать немедленной сдачѣ въ архивъ и могутъ получить нѣкоторое или полное движеніе, и притомъ въ духѣ заключеній совѣта или вопреки этимъ заключеніямъ. Законъ категорически требуетъ только одного, а именно, чтобы журналы обязательно прилагались къ представленіямъ, которыя вносятся въ государственный совѣтъ по вопросамъ, обсуждавшимся въ совѣтѣ.

Надъ такими условіями своей дѣятельности и своего личнаго состава совѣтъ долженъ подумать въ свою первую сессію. Необходимо сначала обезпечить себѣ условія для плодотворной дѣятельности, а потомъ уже можно приниматься и за самое дѣло. Пусть на это уйдетъ первая сессія совѣта, за то слѣдующія сессіи окажутся болѣе плодотворными, чѣмъ онѣ могутъ быть при данныхъ условіяхъ дѣятельности сельскохозяйственнаго совѣта.

Такимъ образомъ, первая сессія сельскохозяйственнаго совѣта должна быть посвящена пересмотру всѣхъ статей положенія о министерствѣ земледѣлія, опредѣляющихъ составъ и условія дѣятельности совѣта. Въ такомъ случаѣ совѣтъ дѣйствительно начнетъ свои занятія съ начала, а не съ конца. Правда, программа занятій первой сессіи совѣта уже установлена и всякія въ ней измѣненія допускаются не иначе, какъ за мѣсяць до начала сессіи. Но дѣло въ томъ, что отъ установленной программы занятій для первой сессіи совѣта необходимо отказаться, во первыхъ, потому, что при ея составленіи и опубликованіи нарушена ст. 33 и 34 положенія о министерствѣ земледѣлія, а во-вторыхъ, потому, что она предполагаетъ начать дѣло съ конца, а не съ начала.

На разсмотрѣніе первой сессіи сельскохозяйственнаго совѣта вносятся слѣдующіе дѣла и вопросы:

1) Проектъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ сѣздахъ. 2) Проектъ нормальнаго устава мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ. 3) Объ изданіи нормальнаго устава сельскохозяйственныхъ товариществъ взаимной помощи. 4) О мѣрахъ для содѣйствія со стороны министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ сельскохозяйственной дѣятельности земствъ. 5) Какія мѣры необходимо

предпринять по сельскохозяйственному образованию, независимо отъ увеличенія числа существующихъ специальныхъ заведеній трехъ типовъ—высшаго, средняго и низшаго? 6) О включеніи представителей мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ въ составъ совѣтовъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній вѣдства министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. 7) О мѣрахъ къ распространенію улучшенныхъ породъ скота и снабженію хозяевъ племенными производителями. 8) О мѣрахъ къ распространенію въ хозяйствахъ специальныхъ культуръ. 9) О мѣрахъ къ распространенію въ крестьянскихъ хозяйствахъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. 10) О содѣйствіи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ къ учрежденію опытныхъ и показательныхъ полей въ частныхъ хозяйствахъ. 11) О желательныхъ измѣненіяхъ въ лѣсоохранительномъ законѣ. 12) О мѣрахъ къ предупрежденію распространенія подвижныхъ пестковъ. 13) Объ организациіи страхования посѣвовъ отъ градобітія.

Во всей этой программѣ совершенно отсутствуютъ дѣла и вопросы аграрной политики. Это и есть основной недостатокъ программы, сразу уже поворачивающій дѣло къ концу, а не къ началу. Сельско-хозяйственный совѣтъ, какъ и само министерство земледѣлія, призваны къ заботамъ о поднятій земледѣлія и сельскаго хозяйства вообще. Въ этихъ заботахъ они прежде всего должны обратить вниманіе на то, что препятствуетъ насажденію разныхъ улучшеній въ земледѣліи, а потомъ могутъ перейти и къ самимъ улучшеніямъ. Унадокъ техники въ области земледѣлія всецѣло обуславливается безпорядками въ области крестьянскаго землевладѣнія. При тѣхъ условіяхъ, которыми въ данное время обставлено крестьянское землевладѣніе, нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія. Прежде всего нужно было-бы обратить вниманіе на то, къ чему могутъ тецерь свестись все разговоры объ улучшеніи техники въ крестьянскомъ земледѣліи, если крестьянинъ сталъ бѣжать съ земли, т. е. съ тѣхъ выпаханныхъ клочковъ земли, которые называются надѣлами. Тутъ уже логически само собою возникаетъ вопросъ о взаимномъ отношеніи между усиліями въ технику земледѣлія и суммою налоговъ, надающихъ на доходы отъ земледѣлія. Вѣдь, если полностью забираться все доходы отъ крестьянскаго земледѣлія, то что-же можетъ оставаться у крестьянъ на улучшеніе земледѣлія? На самомъ-же дѣлѣ, какъ всякому извѣстно, платежи въ крестьянскомъ хозяйствѣ, за рѣдкими исключеніями, даже превышаютъ доходы отъ земли и побочныхъ заработковъ. Когда у массы населенія не остается никакихъ сбереженій на затраты по улучшенію своего хозяйства, то и нечего утѣшать себя разговорами о поднятій «отечественнаго» земледѣлія. Министерство земледѣлія могло это испытать на своей собственной судьбѣ. Разъ у него нѣтъ средствъ, достаточныхъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ нуждъ, то ему

остаются все проекты разныхъ мѣропріятій сложить въ архивъ до болѣе благопріятнаго будущаго. До нѣкоторой степени въ такомъ положеніи оно и оказалось. Представленія имъ смѣты расходовъ на наступающій 1895 г., по сообщеніямъ газетъ, урѣзаны до крайнихъ предѣловъ. Но если-бы газеты объ этомъ ничего не сообщали, то всякій напередъ долженъ былъ предвидѣть, что, при данныхъ отношеніяхъ между министерствомъ финансовъ и земледѣлія, смѣты послѣдняго будутъ урѣзаны. При всеобъемлющей компетенціи министерства финансовъ, завѣдующаго у насъ и внутренней экономической политикой, министерство земледѣлія большіхъ средствъ не получить, тѣмъ болѣе, что министерство финансовъ само желаетъ руководить интересами земледѣлія при помощи своего хлѣботорговаго отдѣленія, играющаго роль второго министерства земледѣлія. При такихъ условіяхъ смѣты министерства земледѣлія всегда будутъ осариваться и, такимъ образомъ, нужды земледѣлія будутъ приноситься въ жертву конкуренціи двухъ разныхъ вѣдомствъ и будутъ вѣчно ждать своего удовлетворенія.

Въ виду этого, вопросъ объ обезпеченіи министерства земледѣлія надлежащими средствами долженъ предшествовать вопросу о тѣхъ разныхъ проектахъ, которые не мѣшало-бы привести въ исполненіе. Нужно освободить смѣту министерства земледѣлія отъ тѣхъ случайностей, которыя оно теперь переживаетъ. Смѣта должна обсуждаться сельскохозяиственнымъ совѣтомъ, хотя-бы для того пришлось-бы перенести его засѣданія къ концу октября или къ началу ноября. Послѣ утвержденія смѣты сельскохозяиственнымъ совѣтомъ, она должна прямо поступать въ государственный совѣтъ.

Гарантировавъ безопасность смѣты на нужды земледѣлія отъ разныхъ исправленій, отрицающихъ наличность этихъ нуждъ, сельскохозяиственный совѣтъ могъ-бы перейти къ обсужденію всѣхъ тѣхъ мѣръ и способовъ, при помощи которыхъ затраты на пользу сельскаго хозяйства могли-бы принести наиболѣе плодотворные результаты. Но и въ этомъ отношеніи программа занятій первой сессіи сельскохозяиственнаго совѣта, какъ мы сказали, грѣшитъ противъ той истины, что всякое дѣло нужно начинать съ начала, а не съ конца.

Наконѣцъ, самое составленіе и опубликованіе программы слишкомъ приближены къ началу сессіи совѣта. Программа была опубликована въ «Извѣстіяхъ министерства земледѣлія и государственныхъ имѣностей» отъ 30 ноября, а открытіе засѣданій совѣта назначено на 7 января. Такимъ образомъ программа стала извѣстной за мѣсяць и 7 дней до начала сессіи. По смыслу ст. 33 и 34 положенія о министерствѣ земледѣлія члены совѣта, сельско-хозяиственные общества и частныя лица могутъ внести свои предложенія о дополненіи программы, а равно и доклады по вопросамъ, намѣченнымъ въ программѣ, не позднѣе какъ

за мѣсяць до начала сессіи совѣта. Предполагаемъ, что членамъ совѣта программа была разослана ранѣе ея опубликованія, но зато уже частныя лица, благодаря позднему ея опубликованію, лишены возможности предложить дополненія къ программѣ, и приготовить доклады по вопросамъ, поставленнымъ въ программѣ. Можно думать, что не въ лучшемъ положеніи оказались и разныя общества, занимающіяся вопросами сельскаго хозяйства, и земскія учрежденія. До 7 декабря, т. е. за мѣсяць до открытія сессіи совѣта Императорское московское общество сельскаго хозяйства и Императорское вольно-экономическое общество въ Петербургѣ не послали ни дополненій къ программѣ, ни докладовъ по вопросамъ, намѣченнымъ въ программѣ. Трудно предположить, чтобы указанныя общества, получивъ заблаговременно программу занятій первой сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта, такъ индифферентно отнеслись къ дѣлу и къ своимъ прямымъ обязанностямъ. Однако, едва-ли въ лучшемъ положеніи оказались и члены сельско-хозяйственнаго совѣта. Въ извѣщеніи о предстоящемъ открытіи засѣданій совѣта, напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ» министерства отъ 30 ноября, между прочимъ сказано: «по вѣрмъ перечисленнымъ выше вопросамъ будутъ заготовлены въ министерствѣ доклады, съ необходимыми цифровыми данными и соображеніями. Означенные доклады, по мѣрѣ ихъ отпечатанія, будутъ разсылаться гг. членамъ совѣта».

Значитъ, 30 ноября, т. е. за мѣсяць и семь дней до открытія сессіи совѣта, еще не были готовы доклады по вопросамъ программы. Если по мѣрѣ напечатанія доклады начали разсылать членамъ совѣта, начиная съ 1 декабря и, допустимъ, закончили разсылку ихъ 7 декабря, то все-таки состоялось нарушеніе ст. 33 и 34 положенія о министерствѣ земледѣлія. Въ этихъ статьяхъ установлено, что дополненія къ программамъ занятій совѣта и доклады по вопросамъ, намѣченнымъ въ программѣ, должны поступать отъ членовъ совѣта не поздне, какъ за мѣсяць до начала сессіи. Теперь за мѣсяць до начала сессіи члены совѣта только получаютъ доклады. Въ такомъ-же положеніи оказались какъ учрежденія, такъ и частныя лица, о которыхъ говорится въ ст. 33 Положенія о сельскохозяйственномъ совѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, оповѣщеніе министерства отъ 30 ноября заканчивается слѣдующими словами: «министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ обращается какъ къ гг. членамъ совѣта, такъ и къ упомянутымъ въ ст. 33 положенія о сельскохозяйственномъ совѣтѣ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбою, въ случаѣ, если они признаютъ нужнымъ съ своей стороны дополнить изложенную выше программу какими-либо другими вопросами, или внести на обсужденіе совѣта доклады, какъ по намѣченнымъ здѣсь, такъ и по предлагаемымъ ими вопросамъ, доставить свои соображенія по означеннымъ предметамъ въ отдѣлъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики, по возмож-

ности *заблаговременно*». Это упоминаніе о заблаговременности при одно-временномъ заявленіи, что доклады еще только готовятся и по мѣрѣ напечатанія будутъ разсылаемы, достаточно говорить само за себя. Теперь нужно обратить вниманіе на то, чтобы заблаговременно вспомнить о правахъ членовъ совѣта, учреждений и лицъ, упомянутыхъ въ 33 ст. положенія о сельскохозяйственномъ совѣтѣ.

Благодаря позднему опубликованію программы и позднему изготовленію докладовъ по вопросамъ программы, они лишены предоставленныхъ имъ правъ за мѣсяць послать свои замѣчанія и соображенія. Такимъ образомъ, первая сессія совѣта созывается при условіяхъ, явно не отвѣчающихъ смыслу положенія о сельскохозяйственномъ совѣтѣ, а потому ее нельзя признать законно подготовленной и созванной съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ формальностей. Но существу-же дѣла сессія также вызываетъ не мало недоразумѣній. Если члены совѣта получили всѣ доклады по вопросамъ программы 7 декабря, то они, въ виду наступившихъ праздниковъ, не успѣютъ съ ними ознакомиться и составить свои вполнѣ мотивированныя соображенія по поводу докладовъ. Благодаря поздней разсылкѣ программы, они не успѣютъ къ 7 января подготовиться къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые въ ней намѣчены. Такимъ образомъ, первая сессія сельскохозяйственнаго совѣта будетъ состоять въ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, къ обсужденію которыхъ члены его вовсе не подготовлены заблаговременно. Члены совѣта, желая избѣжать вполнѣ возможныхъ и вполнѣ справедливыхъ нареканій за легкомысленное отношеніе къ дѣлу и сознавая свою тяжелую нравственную отвѣтственность, должны на первомъ-же засѣданіи совѣта заявить о томъ, что они не успѣли подготовиться къ обсужденію вопросовъ программы и разсмотрѣнію заготовленныхъ докладовъ. Принимая во вниманіе, что тѣ же вопросы программы и доклады, вопреки закону, не могли быть заблаговременно разсмотрѣны въ обществахъ, занимающихся сельскохозяйственными вопросами, и частными лицами, члены совѣта должны хлопотать, чтобы вся намѣченная программа ихъ занятій была снята съ очереди. Не нужно замѣнить тѣми вопросами, относительно которыхъ въ обществѣ и въ печати установилось вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Мы выше намѣтили эти вопросы и съ нихъ начать нужно просто потому, что всякое дѣло начинаютъ съ начала, а не съ конца. Достаточно, если совѣтъ въ первую сессію займется пересмотромъ тѣхъ статей закона, которыя опредѣляютъ его дѣятельность. Для этого обсужденія не требуется предварительной подготовки. Всѣ возникающіе тутъ вопросы носятъ общій характеръ и ихъ рѣшеніе диктуется простыми соображеніями здраваго смысла и интересами справедливости.

М. Ст.—н.

ИСПОВѢДЬ.

Анни Безантъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди мемуаровъ и автобіографій, знаменующихъ своей многочисленностью конецъ вѣка, новая книга Анни Безантъ, извѣстной общественной дѣятельницы въ Англіи, обращаетъ на себя особое вниманіе. Подобно дневникамъ выдающихся людей, живущихъ жизнью своего вѣка, автобіографія Анни Безантъ представляетъ собой краснорѣчивую страницу психологіи времени. Будущій историкъ переживаемой нами эпохи не пройдетъ мимо этой правдивой исповѣди, такъ просто рисующей духовную жизнь выдающейся по уму и душевной силѣ женщины. Психологическій интересъ этого «document humain» можетъ сравниться только съ другою женскою автобіографіей, дневникомъ Маріи Башкирцевой, такъ сильно волновавшимъ умы нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Марія Башкирцева и Анни Безантъ представительницы различныхъ теченій одного и того-же времени, онѣ съ одинаковой полнотою и искренностью отражаютъ различныя стороны современности, одинаково полны сознанія своей силы и вѣры исключительно въ голосъ собственной души. Марія Башкирцева одна изъ первыхъ отразила новыя настроенія, совмѣщающія крайній скептицизмъ съ идеалистическими и отчасти мистическими порывами; ея дневникъ былъ исходнымъ пунктомъ тѣхъ сложныхъ литературныхъ и эстетическихъ движеній, которымъ присвоена условная, ничего не объясняющая кличка декадентства. Та-же психологическая подкладка чувствуется во всей дѣятельности Анни Безантъ и отражается въ ея автобіографіи. Борьба противорѣчивыхъ стремленій, контрасты вѣры и безвѣрія перенесены у нея изъ области чисто психологической, въ интеллектуальную; ее занимаютъ не нюансы настроеній, а истина тѣхъ или другихъ убѣжденій, она полна не культомъ самой себя,

а какой-то стихійной любовью къ человечеству, жаждою подвиговъ самопожертвованія. Но перипетіи ея духовной борьбы, тревожное исканіе новыхъ формъ, соответствующихъ глубинѣ ея порывовъ—все это роднитъ сильную личность англійской проповѣдницы и агитаторши съ артистическимъ темпераментомъ Башкирцевой. Обѣ онѣ сильно и глубоко отразили характеръ нашей переходной эпохи — жажду вѣры и потребность любви съ одной стороны, и съ другой—неспособность согласовать свои душевные порывы ни съ одной изъ существующихъ религіозныхъ или философскихъ формъ, неспособность къ цѣльной, не знающей колебаній дѣятельности.

Анни Безантъ сильно занимаетъ собой вниманіе англійскаго общества за послѣднія двадцать лѣтъ и имя ея связано съ столь противоположными явленіями общественной жизни, что, казалось-бы, участіе въ одномъ исключаетъ возможность связи съ другимъ. Будучи женой англиканскаго пастора, за котораго она вышла замужъ изъ симпатій къ его священнической миссіи, она черезъ нѣсколько лѣтъ открыто порвала всякія связи съ церковью и примкнула къ атеистическому движенію, во главѣ котораго стоялъ знаменитый Брэдлоу. Навлекая на себя всеобщее негодованіе и жертвуя не только положеніемъ въ обществѣ, но своими материнскими чувствами, Анни Безантъ выказала послѣдовательность своей натуры и не остановилась передъ практическими послѣдствіями своихъ новыхъ убѣжденій. Вѣрная помощница Брэдлоу въ тяжелые дни его политической карьеры, она была руководительницей массовыхъ движеній, связанныхъ съ пропагандой матеріализма и обнаружила нравственное мужество, близкое къ героизму, въ своихъ столкновеніяхъ съ обществомъ. Но въ самыя разгаръ дѣятельности Брэдлоу, Анни Безантъ внезапно — такъ это могло по крайней мѣрѣ показаться публикѣ и даже друзьямъ пламенной атеистки—сняла съ обложки журнала Брэдлоу свою подпись и въ слѣдующемъ номерѣ журнала печатно заявила о новой переменѣ своихъ убѣжденій, о своемъ несогласіи съ ученіемъ матеріалистовъ. Очень скоро послѣ этого она сдѣлалась дѣятельнымъ членомъ социалистическихъ ассоціацій, примкнула къ «фабианскому обществу» (Fabian Society) и вся ушла въ практическую дѣятельность, руководясь при этомъ определенными экономическими теоріями. Этотъ фазисъ ея жизни былъ столь-же преисполненъ любовью къ людямъ и готовностью служить имъ, какъ предыдущія ступени ея духовнаго развитія, и ея сильная, талантливая личность положила глубокій отпечатокъ на социалистическую пропаганду въ періодъ ея участія въ ней.

Но социализмъ былъ у Анни Безантъ такой-же переходной ступенью какъ и атеизмъ. Въ 1889 г., въ Парижѣ, она познакомилась съ временно жившей тамъ Е. П. Блаватской; увлеченная сначала ея личнымъ обаяніемъ, она ближе познакомилась съ ея ученіемъ и нашла въ теософій

разрешеніе тѣхъ душевныхъ сомнѣній, на которыя не находила отвѣта ни въ англиканствѣ, ни въ ученіяхъ матеріалистовъ и экономистовъ. Теософія — послѣднее ученіе, въ которое увѣровала Анни Безантъ и которому остается вѣрна до сихъ поръ. Превзвѣнная проповѣдница радикальныхъ политическихъ теорій, громившая передъ собраніями въ много тысячъ людей эксплуатацію капиталистическаго строя, призывавшая къ открытому возмущенію, продолжаетъ и теперь выступать передъ тысячной толпою; ея выдающійся ораторскій талантъ, искренность и убѣдительность ея рѣчей до сихъ поръ привлекаютъ толпу слушателей на устраиваемыя ею чтенія и собранія. Но общій тонъ ея проповѣдей измѣнился вмѣстѣ съ измѣнившимся содержаніемъ: не въ экономическихъ теоріяхъ видитъ она спасеніе человечества, а въ углубленіи человека въ самого себя. Восторженная любовь къ свободѣ смѣнилась вѣрой въ неуловимую «карму», и Анни Безантъ ѣздитъ по всеѣмъ странамъ, гдѣ господствуетъ англійская рѣчь, проповѣдуя аскетическое отношеніе къ жизни и излагая основы ученія махатмъ. Усердная сподвижница Блаватской при жизни послѣдней, преданная дѣлу до фанатизма, Анни Безантъ сдѣлалась преемницей Блаватской послѣ ея смерти. Въ настоящее время она состоитъ предѣлательницей лондонской вѣтви теософическаго общества (Blavatsky Lodge), завѣдуетъ филантропическими дѣлами общества и сосредоточиваетъ все духовныя силы на пропагандѣ теософій перомъ и словомъ, въ особенности словомъ, которымъ она владѣетъ въ такомъ совершенствѣ.

Достигла-ли Анни Безантъ конечнаго фазиса своей душевной жизни въ теософію, этого, конечно, предвидѣть нельзя, несмотря на убѣжденность, съ которой она говоритъ теперь о найденномъ ею пути къ истинѣ. Нельзя усомниться въ искренности теософическихъ воззрѣній Анни Безантъ, но можно надѣяться, что они уступятъ мѣсто иному міросозерцанію, идеализмъ котораго не нуждается въ такихъ подтвержденіяхъ, какъ надающія съ потолка письма, явленія астральныхъ тѣлъ и т. п. Эту надежду цѣнителей и доброжелателей Анни Безантъ раздѣляетъ Гладстонъ, посвятившій большую статью разбору ея автобіографіи. «Будемъ надѣяться, говоритъ онъ, «ради нея самой, что м-съ Безантъ совершитъ полный кругъ вѣрованій и закончитъ гдѣ-нибудь вблизи пункта, изъ котораго вышла».

Автобіографія Анни Безантъ даетъ внутреннюю исторію поразительныхъ метаморфозъ, нестриящихъ ея жизнь. У поверхностныхъ наблюдателей человѣческихъ поступковъ, эти частые и странные переходы вызвали лишь недоувѣріе къ силѣ характера Анни Безантъ, енисходительное пренебреженіе къ ея женской слабости и податливости; высказывались даже мнѣнія о томъ, что лишенная инициативы проповѣдница увлеклась прежде всего людьми, стоящими во главѣ того или другаго движенія, и

слѣдую за ними, дѣлалась послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Конечно, мысль о пассивности Анни Безантъ исчезаетъ при первомъ знакомствѣ съ ходомъ ея жизни—не жепекая слабость, а героическая стойкость въ исканіи истины нужна была для того, чтобы такъ безстрашно идти противъ общественнаго мнѣнія въ вопросахъ вѣры и нравственности, какъ это дѣлала женщина, начавшая свою оппозиціонную дѣятельность съ двадцати-пяти лѣтъ. Не подъ чужими вліяніями складывалась ея умственная жизнь — это ясно видно изъ того, что первые и рѣшительныя сомнѣнія въ истинности церковныхъ ученій возникли у нея среди пѣтпетической обстановки ея семейнаго очага; только пройдя наединѣ съ самой собой тяжкій путь колебаній и сомнѣній и утративъ окончательно вѣру, она стала искать людей, которые раздѣляли ея изменившіеся взгляды. То же самое происходило и въ позднѣйшіе моменты разочарованій и переходовъ, отъ которыхъ она сама страдала больше всего, не считая себя, однако, въ правѣ поступиться истиной, ради внѣшняго покоя. Нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ внѣшнія вліянія или поверхностное шатаніе незрѣлаго ума, лежитъ въ основѣ жизни Анни Безантъ. Она ярко и полно отразила въ себѣ контрасты, уживающіеся въ современной душѣ и вносящіе тревогу не только въ душевную, но и въ умственную жизнь.

Автобіографія Анни Безантъ освѣщаетъ шагъ за шагомъ всѣ трудности пройденнаго ею пути, и въ ея простомъ и искреннемъ изложеніи, исторія ея сомнѣній и исканій становится близкой и понятной современному читателю. Много людей съ чуткой душой проходили черезъ пережитые ею фазисы духовной жизни, но, рѣдко кто имѣлъ мужество согласовать свою жизнь съ внушеніями души и, прислушиваясь только къ голосу собственной совѣсти, неуклонно слѣдовать по пути познанной истины, какъ-бы къ этому ни относились окружающіе.

Книга Анни Безантъ встрѣчена была англійской критикой тѣми разнообразными отзывами, которыми въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются произведенія, посвяція отпечатокъ еяльной индивидуальности. Одни поняли ея современный характеръ и привѣтствовали искреннее отраженіе близкихъ каждому настроеній и мыслей; другіе оставались слѣпыми къ внутреннимъ мотивамъ, раскрытымъ авторомъ, и имѣя въ виду только факты, называли безхарактерностью и умственной слабостью то, что въ сущности составляетъ доказательство героической силы характера. Къ критикамъ Анни Безантъ присоединились нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Гладстонъ, написавшій въ «Nineteenth Century» статью по поводу ея автобіографіи *). Статья эта рѣшила судьбу книги, сдѣлавшейся сразу знаменитой, какъ все, о чемъ обмолвится хоть однимъ словомъ Гладстонъ. Характерно, что

*) True and false conceptions of the Atonement. By the Right Hon. W. E. Gladstone, M. P. (Nineteenth Century September 1894).

при всей цѣльности и положительности своего міросозерцанія. Гладстонъ поднимаетъ свой авторитетный голосъ въ защиту книгъ, весьма далекихъ, казалось-бы, отъ его душевнаго міра. Онъ ввелъ въ моду, если можно такъ выразиться, дневникъ Банкирцевой въ Англїи; теперь онъ выступилъ со статьей о м-сѣ Безантъ. Есть значить пѣчто стихійное въ теченїяхъ времени, если отраженіе ихъ проникаетъ даже въ сознаніе людей, далеко стоящихъ отъ самыхъ теченій, но чуткихъ къ явленіямъ окружающей жизни.

Статья Гладстона носитъ совершенно снціальннй характеръ. Авторъ возстаегъ противъ взгляда Анни Безантъ на ученіе англиканской церкви объ искупленіи Иисусомъ Христомъ грѣховъ челоѳчества. Онъ доказываетъ неосновательность ея критики ученія церкви и вдеаетъ въ разсужденія чисто догматическаго характера. Все его доказательства направлены на защиту одного пункта, смущавшаго Анни Безантъ и приведшаго ее къ разрыву съ церковью. Но прежде чѣмъ войти въ подробности догматическаго характера, Гладстонъ даетъ въ нѣсколькихъ словахъ общую характеристику автобіографіи: «Книга эта», говоритъ онъ, «представляетъ большой интересъ. Она внушаетъ симпатію къ автору, не только какъ къ челоѳку высоко одаренному, но какъ къ искателю правды, хотя, къ сожалѣнію, въ одномъ пунктѣ разсказа разсужденія ея вызываютъ непрїятное впечатлѣніе». Последнїя слова относятся къ спорному вопросу о согласованіи невинныхъ страданій Христа съ представленіемъ о сира-ведливости Бога.

Знн. Венгерова.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Трудно передать исторію чьей-бы то ни было жизни, но это становится еще гораздо болѣе труднымъ, когда дѣло идетъ о собственномъ жизнеописаніи. Даже въ лучшемъ случаѣ разсказъ будетъ носить отпечатокъ тиеславія. Единственнымъ оправданіемъ для такого рода описаній служить то, что жизнь челоѳка средняго уровня отражаетъ въ себѣ много другихъ жизней и въ столь тревожное время, какъ наше, можетъ представить собой опытъ не одного, а нѣсколькихъ жизнеописаній. Такимъ образомъ, пишущій автобіографію, дѣлаегъ это для того, чтобы цѣной извѣстнаго страданія пролить свѣтъ на нѣкоторыя изъ задачъ, безпокоящихъ современниковъ; быть можетъ, ему удастся тѣмъ самымъ протянуть руку помощи брату, борющемуся въ темпотѣ, и ободрить его въ моментъ упадка духа. Все мы, мужчины и женщины, безпокойнаго и чуткаго поколѣнія, окружены силами, которыя смутно сознаемъ, но не понимаемъ. недовольны старыми идеями и нѣсколько боимся новыхъ, жадно набра-

сываемся на матеріальные результаты знаній и науки, но вопросительно глядимъ на ея отношеніе къ душѣ, чуждаемся суевѣрій, но еще болѣе чуждаемся атеизма, отворачиваемся отъ пустыхъ оболочекъ, пережитыхъ вѣрованій, но чувствуемъ непреодолимое стремленіе къ духовнымъ идеаламъ. Все мы испытываемъ ту-же тревогу, тѣ же страданія, такъ-же полны смутныхъ надеждъ и страстной жажды знанія. Поэтому возможно, что опытъ одной изъ насъ можетъ послужить на пользу другимъ; возможно, что исторія души, которая вышла въ путь одна, среди мрака, и пришла къ свѣту, преодолѣла бурю и пришла къ миру, сможетъ внести проблескъ свѣта и успокоенія въ мракъ и бурю другихъ жизней.

ГЛАВА I.

«Изъ вѣчнаго въ преходящее».

1-го октября 1847 г., какъ мнѣ достоверно извѣстно, я впервые открыла глаза и узрѣла свѣтъ лондонскаго дня въ 5 ч. 39 м. пополудни.

Мнѣ всегда неприятно вспоминать, что я родилась въ Лондонѣ, между тѣмъ какъ три четверти моей крови и все мое сердце принадлежатъ Ирландіи. Мать моя была чистокровная ирландка, отецъ-же былъ ирландцемъ по матери, а по отцу принадлежалъ къ Девоинширской семьѣ Вудовъ. Вуды принадлежали къ коренному типу англійскихъ фермеровъ, и завѣдывали своей землей честнымъ и независимымъ образомъ. Въ позднѣйшее время они начали тяготѣть къ интеллектуальнымъ занятіямъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Матвій Вудъ избранъ былъ лондонскимъ меромъ и сражался на сторонѣ королевы Каролины противъ ея благочестиваго и милостиваго царственнаго супруга; онъ же оказалъ существенную помощь герцогу Кентскому и возведенъ былъ за свои услуги въ баронство царственной дочерью герцога Кентскаго. Съ тѣхъ поръ родъ Вудовъ далъ Англій лорда канцлера въ лицѣ благороднаго и чистаго душой лорда Гэтерла, и многіе другіе члены семьи отличались на разныхъ путяхъ служенія отечеству. Но я все-таки не могу преодолѣть нѣкоторой досады на нихъ за то, что они внесли англійскую кровь въ жилы моего отца, имѣвшаго мать ирландку, родившагося на сѣверѣ Ирландіи и воспитавшагося въ Дублинскомъ Trinity College. Ирландскій языкъ звучитъ особой гармоніей для моихъ ушей, ирландская природа особенно близка моему сердцу. Только въ Ирландіи случается, что нетомленная, одѣтая въ лохмотья женщина отвѣтитъ вамъ ласково на вопросъ какъ пройти къ какому нибудь старому памятнику: «Вотъ, родная», скажетъ она, «поднимись только на пригорокъ и заверни за уголъ, а тамъ тебѣ великій укажетъ дорогу. И тамъ ты увидишь мѣсто, гдѣ блаженный святой Патрикъ ступилъ на нашу землю, и да благословитъ онъ тебя». Въ другихъ странахъ, старыя женщины, при такой нищетѣ, не бываютъ такими веселыми,

привѣтливыми и разговорчивыми. И съдѣ, кромѣ Ирландіи, увидите вы населеніе цѣлаго города, выспавшее на воззаль, чтобы попрощаться съ подожкиной переселенцевъ, и образующее сплошную массу мужчинъ и женщинъ, которые спуютъ взадъ и впередъ и налѣзаютъ одинъ на другаго, ради послѣдняго поцѣлуя отъѣзжающихъ; все одновременно и плачутъ и смѣются, стараются ободрить друзей, и въ воздухѣ чувствуется такое волненіе, что вы начинаете ощущать стѣсненіе въ горлѣ и слезы навертываются на ваши глаза въ моментъ отхода поезда. Гдѣ, кромѣ Ирландіи, случится вамъ трыстнѣ по улицамъ на плохой тараталкѣ, рядомъ съ какимъ-нибудь молчаливымъ Джерви, который, узнавши вдругъ, что за вами слѣдятъ шпионы изъ «замка», дѣлается разговорчивымъ и привѣтливымъ и начинаетъ показывать вамъ по пути все, что можетъ представить какой-нибудь интересъ? Да будутъ благословенны словоохотливость и теплыя сердца этого народа, которымъ такъ легко руководить, но такъ трудно помыкать! Да будетъ благословенна древняя страна, иѣкогда обитаемая могущественными мудрецами и превратившаяся въ позднѣйшее время въ островъ святыхъ! онъ еще превратится опять въ островъ мудрецовъ, когда колесо судьбы опишетъ полный кругъ.

Мой дѣдушка со стороны матери былъ типичный ирландецъ. Въ дѣтствѣ я чувствовала къ нему большое почтеніе и иѣкоторый страхъ. Онъ принадлежалъ къ захудалому ирландскому роду Морисовъ и въ молодости очень весело прокутилъ вмѣстѣ съ своей красавицей женой, столь же легкомысленной какъ онъ самъ, все оставшееся у него состояніе. Въ старости, несмотря на бѣлизну своихъ длинныхъ и густыхъ волосъ, онъ при малѣйшемъ поводѣ обнаруживалъ горячіесть ирландской крови, былъ вспыльчивъ до бѣшенства, но очень легко успокоивался. Мать моя была второй дочерью въ многочисленной семьѣ, все болѣе и болѣе увеличивающейся въ то время, какъ денежныя средства все болѣе оскудѣвали. Моя мать взята была на воспитаніе своей пезамужней теткой, память о которой перешла черезъ дѣтство моей матери въ мое собственное и оказала вліяніе на складъ характера обѣихъ насъ. Тетка эта, какъ большинство потомковъ захудалыхъ родовъ въ Ирландіи, очень гордилась своимъ генеалогическимъ деревомъ, основаніе котораго коренилось въ пезобѣжныхъ «короляхъ». Специальные короли тетки были «Семь королевъ Франціи», «Милезкіе короли», и дерево, показывавшее это происхожденіе, раскинулось во всемъ своемъ величій на пергаментѣ, который украшала камшиъ скромной гостиной. Этотъ уродливый документъ былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія для маленькой Эмили, благоговѣнія совершенно незаслуженнаго, какъ я осмѣливаюсь думать, недостойными королями, съ которыми она, къ счастью, была въ самомъ отдаленномъ родствѣ. Изгнанные изъ Франціи вѣроятно не безъ достаточнаго основанія, они отирались моремъ въ Ирландію и тамъ продолжали вести

своей безпутной, грабительской образъ жизни. Но такъ удивительно изменилась все теченіе времени, что эти порочные и жестокіе выходцы сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ нравственнаго термометра въ домѣ добродушной ирландской дамы первой половины нашего вѣка. Мать моя рассказывала, что когда въ дѣтствѣ она совершила какой-нибудь проступокъ, тетка ея поднимала глаза надъ очками и, окидывая строгимъ взглядомъ провинившуюся, говорила: «Эмилія, твое поведеніе недостойно происхожденія отъ семи королей Франціи». И Эмилія съ своими сѣрыми ирландскими глазами и густыми черными локонами принималась плакать отъ раскаянія и стыда за свое ничтожество; у нея шевелилось смутное сознаніе, что эти царственные, несомнѣнные для нея, предки презирали-бы ее, миниатюрную, милую дѣвочку, столь недостойную ихъ мялдаго величія.

Эти фантастическія тѣни прошлаго имѣли сильное вліяніе на нее въ дѣтствѣ и заставляли ее бѣжать всего недостойнаго и мелочнаго. Она готова была цѣной всякихъ страданій спастись отъ малѣйшей тѣни безчестія и привила мнѣ, своей единственной дочери, тотъ-же гордый и страстный ужасъ передъ позоромъ или заслуженнымъ осужденіемъ. Мнѣ внушалось, что нужно всегда ходить съ поднятой головой передъ людьми и сохранять незапятнанное имя, потому что страданіе можно перенести, но безчестіе никогда. Женщина хорошаго круга должна предпочитать голодную смерть долгамъ; если у нея сердце разрывается отъ боли, она должна сохранять улыбку на лицѣ. И часто думала о томъ, что эти уроки замкнутости и горделиваго чувства чести были странной подготовкой къ моей бурной жизни, принесшей съ собой столько осужденій и клеветъ: несомнѣнно, что эта привитая мнѣ съ дѣтства чувствительность къ сужденіямъ о мой личной чистотѣ и личной чести увеличивала мои страданія при столкновеніяхъ съ возмущеніемъ общества; остроту этихъ страданій пойметъ только тотъ, кто прошелъ черезъ такую-же школу самоуваженія, какъ я. И все-таки, быть можетъ, мое воспитаніе привело еще къ одному результату, перевѣшивающему по своему значенію усиленіе страданія въ жизни; во мнѣ образовался настойчивый внутренній голосъ, поднимавшійся и внутренне устанавливающій чистоту моихъ намѣреній. когда меня касалась низкая ложь; онъ побуждалъ меня съ презрѣніемъ глядѣть на враговъ, не снисходить до оправданій или защиты своихъ дѣйствій, и говорить самой себѣ, когда наиболѣе громко раздавались осужденія: «я не такая, какой вы меня считаете, и вашъ приговоръ не можетъ измѣнить моей натуры. Вы не можете сдѣлать меня низкой, что-бы вы обо мнѣ ни думали, и я никогда не стану въ своихъ собственныхъ глазахъ такой, какъ я вамъ теперь кажусь». Такимъ образомъ, гордость послужила мнѣ щитомъ отъ нравственнаго униженія, потому что хотя я и потеряла уваженіе общества, я не могла-бы стергѣть пятна на себѣ въ собственныхъ глазахъ—а это вещь не безполезная для женщины, отруб-

занной, какъ я была одно время, отъ дома, друзей и общества. Поэтому миръ праху старой тетушки и ея безмысленныхъ королей, которымъ я все-таки кое-чѣмъ обязана. Съ благодарностью отношусь я къ памяти этой никогда не виданной мною женщины за ея заботы о воспитаніи моей матери, самой любящей и нѣжной, гордой и чистой изъ женщинъ. Какъ хорошо, если можно оглянуться на образъ матери, какъ на идеальное всею самымъ дорогое и высокаго въ дѣтствѣ и первой юности, когда лицо ея составляло красоту дома, а любовь ея была и солнцемъ и щитомъ. Никакое позднѣйшее чувство въ жизни не можетъ загладить отсутствіе идеальной привязанности между матерью и ребенкомъ. У насъ эта привязанность никогда не уменьшалась и не ослабѣвала. Хотя моя переѣздна въры и общественный остракизмъ, навлеченный этимъ, причинили ей болѣзненные страданія и ускорили даже ея смерть, въ наши сердечныя отношенія это не внесло ни малѣйшей тѣни; хотя противъ ея просьбъ было труднѣе всего устоять въ позднѣйшіе годы и я терпѣла страшныя муки въ борьбѣ съ нею, даже это не образовало пропасти между нами, не вносило холода въ наши взаимныя отношенія. И я думаю о ней сегодня съ той-же любовью и благодарностью, съ какой относилась къ ней при жизни. Я никогда не видѣла женщины болѣе самоотверженно преданной тѣмъ, кого она любила, болѣе страстно ненавидящей все мелкое и низкое, болѣе чувствительной въ вопросахъ чести, болѣе твердой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе нѣжной. Она сдѣлала мое дѣтство свѣтлымъ, какъ сказочный міръ, она охраняла меня до самаго моего замужества отъ всякаго страданія, которое могла отстранить или перенести вмѣсто меня и страдала больше чѣмъ я сама во все тяжелыя минуты моей позднѣйшей жизни. Умерла она въ маѣ 1874 года въ маленькомъ домикѣ, который я наняла для насъ въ Норвудѣ; горе, бѣдность и болѣзнь надорвали ея силы до наступленія старости.

Самыя раннія мои воспоминанія связаны съ домомъ и садомъ въ Гровъ-Родъ Ст. Джонсъ Вудъ, гдѣ мы жили, когда мнѣ было три и четыре года. Я вспоминаю мать, хлопочущую около обѣденнаго стола, чтобы придать всему уютный и привѣтливый видъ къ приходу мужа; мой братъ, который на два года старше меня, и я—ждемъ напу; мы знаемъ, что онъ радостно поздоровается съ нами, и что до обѣда взрослыхъ намъ еще удастся поиграть и пошалить съ нимъ. Я помню, какъ 1-го октября 1851 года я выскочила рано утромъ изъ моей маленькой кроватки и торжествующимъ голосомъ провозгласила: «папа! мама! мнѣ четыре года». Въ тотъ-же день мой братъ, понявшій, что я сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ старше, спросилъ съ значительнымъ видомъ за обѣдомъ: «нельзя-ли дать Анни сегодня ножъ, такъ-какъ ей исполнилось четыре года?»

Въ томъ же 1851 г. я испытала большое огорченіе, когда меня

не повели на выставку, находя, что я еще слишкомъ малъ: смутно помню, какъ братъ, чтобы утѣшить меня, принесъ мнѣ разноцветную складывающуюся картинку, изображавшую все прелести выставки, такъ что мое любопытство еще сильнѣе разгорѣлось. Какія все это отдаленныя, бѣдныя, ничего не значащія воспоминанія. Какая жалость, что ребенокъ не можетъ подмѣчать и наблюдать, не можетъ запоминать и такимъ образомъ пролѣтъ свѣтъ на то, какъ зарождаются впечатлѣнныя вышшняго міра въ человѣческомъ сознаніи. Если-бы только мы могли вспомнить видъ предметовъ, когда они впервые отпечатлѣлись на нашей свѣтчатой оболочкѣ; если-бы вспомнить, что мы чувствовали, когда впервые стали относиться сознательно къ вышнему міру, когда лица отца и матери начали выдѣляться изъ окружающаго хаоса и дѣлаться знакомыми предметами, появленіе которыхъ вызываетъ улыбку, а исчезновеніе — плачь; если-бы только память не облекалась туманомъ, когда въ позднѣйшіе годы мы хотимъ вернуться мыслью назадъ, въ темную пору дѣтства, сколько-бы мы вынесли уроковъ на пользу бродящей теперь въ потемкахъ психологін, какъ много вопросовъ могли-бы быть разрѣшены, отвѣтотвъ на которые мы напрасно добиваемся на западѣ.

Слѣдующая сцена, ясно выступающая въ моей памяти на фонѣ прошлаго, относится ко времени смерти отца. Событія, послужившія причиной его смерти, извѣстны мнѣ изъ рассказовъ матери. Отецъ мой всю свою жизнь продолжалъ любить профессію, къ которой готовился въ юности; имѣя много знакомыхъ среди медиковъ, онъ иногда ходилъ съ ними по больницамъ или работалъ въ анатомическомъ театрѣ. Случилось разъ, что, вскрывая трупъ челоѣвка, умершаго отъ скоротечной чахотки, отецъ мой порѣзалъ себѣ палець о край грудной кости. Рана залѣчивалась съ большимъ трудомъ, палець распухъ и былъ сильно воспаленъ. «Я бы на вашемъ мѣстѣ, Вудъ, далъ себѣ ампутировать палець», сказалъ одинъ знакомый хирургъ, осмотрѣвшій палець черезъ нѣсколько дней. Но другіе стали смѣяться надъ его совѣтомъ, и отецъ мой, хотѣвшій было согласиться на ампутацію, рѣшилъ предоставить дѣло природѣ.

Около половины августа 1852 г. онъ промокъ, схвативъ въ дождь на имперіалѣ омнибуса, и схватилъ сильную простуду, легшую ему на грудь. Призванъ былъ одинъ изъ знаменитыхъ тогдашнихъ докторовъ, столь-же искусный въ своемъ дѣлѣ, какъ грубый въ обращеніи. Онъ внимательно осмотрѣлъ отца, выслушалъ грудь и вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи матери. «Что же съ нимъ такое?» спросила она, безъ особеннаго волненія ожидая отвѣта и думая только, что мужу будетъ неприятно просидѣть нѣсколько времени дома безъ дѣла. «Не падайте духомъ», послѣдовалъ неосторожный отвѣтъ доктора. «У него скоротечная чахотка и онъ не проживетъ болѣе шести недѣль». Мать моя подалась назадъ при этихъ словахъ и упала на земь, какъ камень. Но любовь одержала верхъ надъ

горемъ, и черезъ полчаса она опять была у постели мужа, не отступая уже отъ него ни днемъ, ни ночью до самой его смерти.

Меня подвляли къ нему на кровать, «чтобы попрощаться съ дорогимъ папой», за день до его смерти, и я помню, какъ я испугалась его широко раскрытыхъ глазъ и страннаго голоса, которымъ онъ бралъ съ меня обещаніе слушаться и любить маму, потому что папы уже больше не будетъ. Помню, какъ я настаивала на томъ, чтобы папа поцѣловалъ Шерри, кукалу, которую я получила отъ него въ подарокъ за нѣсколько дней до того, и какъ я стала плакать и сопротивляться, когда меня хотѣли увести изъ комнаты. Отецъ умеръ на слѣдующій день, 30 октября; меня съ братомъ отравили къ дѣдушкѣ, отцу матери, и мы вернулись домой только чрезъ день послѣ похоровъ. Когда наступилъ моментъ смерти, силы оставили мою мать и ее вынесли безъ чувствъ изъ комнаты. Мнѣ рассказывали потомъ, что, придя въ себя, она стала настойчиво требовать, чтобы ее оставили одну, и заперлась въ своей комнатѣ на ночь; на слѣдующее утро мать ее, убѣдивши наконецъ дочь вступить ее къ себѣ въ комнату, отшатнулась при взглядѣ на нее и крикнула: «Боже, Эмилиа, да вѣдь ты совѣмъ сѣдая!» Такъ оно и было; черная, блестящая масса ее волосъ, придававшихъ особую прелесть ее лицу своимъ контрастомъ съ большими сѣрыми глазами, послѣдила отъ страданій этой ночи; въ моихъ воспоминаніяхъ лицо матери представляется всегда въ рамкѣ серебристыхъ, гладко зачесанныхъ волосъ, бѣлыхъ какъ только что вывашиій снѣгъ.

Я слышала отъ другихъ, что взаимная любовь моихъ родителей была тѣмъ-то истинно прекраснымъ, и несомнѣнно, что это отразилось на характерѣ матери во всю ее дальнѣйшую жизнь. Отецъ былъ человѣкомъ въ высшей степени интеллигентнымъ и блестяще образованнымъ; математикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знатокъ классическихъ языковъ, онъ владѣлъ въ совершенствѣ французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ, испанскимъ и португальскимъ, зналъ немного древне-еврейскій и древне-ирландскій, и увлекался изученіемъ древнихъ и новыхъ литературъ. Онъ больше всего любилъ сидѣть съ женой, читая ей велухъ въ то время какъ она работала, то переводы какого-нибудь иностраннаго поэта, то мелодично передавая звучныя строфы «Queen Mab». Много занимаясь философій, онъ проникъ глубокимъ скептицизмомъ: мнѣ рассказывалъ одинъ очень религіозный родственникъ, что матери моей приходилось часто выходить изъ комнаты, чтобы не слушать его легкомысленныхъ насмѣшекъ надъ догматами христіанской церкви.

Его мать и сестра были строгими католичками и когда онъ умиралъ ввели священника въ его комнату; послѣднему однако пришлось сейчасъ же удалиться, въ виду гнѣва умирающаго и настойчивости жены, рѣшившей

не допускать къ мужу вѣстника ненавистной ему религiи, чтобы не омрачать его послѣднихъ минутъ.

Очень начитанный въ области философскихъ знанiй, отецъ мой былъ выше ортодоксальной религiи своего времени; а его жена, безграничная любовь которой исключала всякую критику, старалась согласовать свою религiозность съ его скептицизмомъ, говоря, что «женщина должна быть набожна», а мужчина имѣеть право все читать и думать что угодно, лишь-бы онъ оставался при этомъ честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Но результатомъ его свободныхъ взглядовъ на религiю было постепенное измѣненiе ея вѣрованiй и нѣкоторыя уступки раціонализму. Въ позднѣйшiе годы она съ удовольствiемъ читала произведенiя такихъ людей, какъ Джоуэтъ, Колензо, Стэнли. Послѣднiй изъ нихъ казался ей идеаломъ джентльменства въ христіанствѣ, мягкости, широты взглядовъ и красиваго благочестiя. Нагота обычнаго евангелическаго богослуженiя оскорбляла ея вкусъ такъ-же, какъ бездоказательность евангелическихъ принциповъ возмущала ея разсудокъ. Она любила сознавать свое христіанство въ возвышающей и художественной обстановкѣ, принимать участiе въ богослуженiи среди торжественной музыки и въ художественно настроенныхъ храмахъ.

Вестминстерское аббатство было ея любимой церковью, благодаря царящему въ немъ полумраку и торжественности; рѣзныя кресла, въ которыхъ размѣщается хоръ и откуда раздается мѣрное пѣнiе, красота разноцвѣтныхъ оконъ, выступающихъ арокъ, сплоченныхъ въ отдѣльные группы колоннъ, богатая гармонiя органичныхъ звуковъ, прахъ великихъ людей прошлаго вокругъ, память о прошломъ, составляющая какъ-бы часть самаго строенiя—все это придавало въ ея глазахъ особую величавость религiи, возвышало ея душу.

Мнѣ, относившейся къ религiи болѣе страстно, такая элегантная и утонченная набожность казалась опасной для истины вѣры; ее-же неприятно поражала горячность моей вѣры и проявленiя ея въ жизни; ей это казалось крайностью, несоотвѣтствующей изящному равновѣсiю, которымъ должна обладать благородная женщина. Она была человѣкомъ старыхъ понятiй, я-же по природѣ принадлежала къ фанатическимъ натурамъ. Я часто думаю, возвращаясь въ мысляхъ къ прошлому, что у нея нерѣдко просилась наружу не высказываемая никогда фраза, которая вырвалась наконецъ предъ самой смертью: «дорогая моя», сказала она, «ты не огорчала меня никогда ничѣмъ кромѣ твоихъ собственныхъ страданiй; ты всегда была слишкомъ полна мыслью о религiи». И послѣ того, она прошептала какъ-бы про себя: «Да, въ этомъ несчастьи Анни; она слишкомъ религiозна». Мнѣ кажется, что голосъ умирающей матери сказалъ истину, и умирающiе глаза обнаружили глубокую пронизатель-

ность. Хотя въ тотъ моментъ, когда я стояла на колѣняхъ предъ ея кроватью, я была еретичкой, отъ которой отшатнулось общество. Сердце мое полно было вѣры, сказавшейся въ страстности моего отрицанія религій и революціонномъ протестѣ противъ догматовъ, унижающихъ разумъ и не удовлетворяющихъ душу. Я ушла одна въ мракъ не потому, что религія была мнѣ недоступна, а потому, что она была недостаточна для меня; она была слишкомъ ничтожна, банальна, слишкомъ малаго требовала для себя, слишкомъ много сообразовалась съ земными интересами, была слишкомъ расчеллива въ своихъ компромиссахъ съ общественными условіями. Римско-католическая церковь, если-бы она овладѣла мною, какъ это чуть-чуть не случилось, поручила-бы мнѣ какую-нибудь опасную и требующую жертвъ миссію и сдѣлала-бы изъ меня мученицу; церковь, установленная закономъ, превратила меня въ невѣрующую и въ врага религій.

Ребенкомъ я была склонна къ мистицизму и мое воображеніе было сильно развито въ религіозномъ направленіи; я даже обладала въ нѣкоторой степени способностью видѣть видѣнія и необыкновенные сны. Эта способность присуща всемъ кельтическимъ расамъ и дѣлаетъ ихъ «супернатуральными» въ глазахъ болѣе нормальныхъ народовъ. Такъ, въ день похоронъ моего отца, мать моя сидѣла съ широко открытыми, глядящими въ одну точку глазами и съ напряженнымъ блѣднымъ лицомъ — этотъ образъ до сихъ поръ не изгладился изъ моей памяти, до того сильно онъ подѣйствовалъ на дѣтское воображеніе — она мысленно слѣдила за погребальнымъ шествіемъ шагъ-за-шагомъ, и вдругъ съ громкимъ крикомъ «теперь все кончено» унала безъ чувствъ. Она потомъ разсказывала, что слѣдовала за гробомъ, присутствовала при панихидѣ и проводила гробъ до могилы. Достовернѣе, во всякомъ случаѣ, слѣдующій фактъ: нѣсколько недѣль спустя, она отправилась на кладбище въ Кенсаль-Гринъ, гдѣ похороненъ былъ ея мужъ, и ее сопровождалъ одинъ родственникъ; онъ не смогъ найти могилы, и въ то время какъ другой кто-то пошелъ справиться у сторожа, мать моя сказала: «Если вы только можете привести меня къ часовнѣ, гдѣ происходила первая часть службы, я найду сама могилу». Эта мысль показалась, конечно, нелѣпой ея провожатому, но онъ не хотѣлъ спорить съ удрученной своимъ горемъ вдовой и привелъ ее въ часовню. Она оглянулась вокругъ себя, вышла изъ дверей часовни и пошла по дорогѣ, по которой несли гробъ, и дошла такимъ образомъ до самой могилы, гдѣ ее засталъ ея знакомый, пришедшій указать мѣсто. Могила была на нѣкоторомъ разстояніи отъ часовни и не находилась на одной изъ главныхъ аллей; она была обозначена только небольшимъ деревяннымъ шестомъ съ номеромъ на немъ, но на разстояніи это не могло облегчить поисковъ, потому что всѣ могилы

обозначены одинаково и шестовъ не видно издали. Какъ она отыскала могилу, осталось неразгаданной тайной въ семьѣ, потому что, конечно, никто не повѣрилъ ей чистосердечному разсказу о томъ, что она присутствовала на похоронахъ. Для моихъ теперешнихъ знаній это объясняется очень просто, я теперь знаю, что сознание можетъ покидать тѣло, принимать участіе въ событіяхъ, происходящихъ на разстояніи, и при возвращеніи передавать физическому сознанию свои впечатлѣнія. То обстоятельство, что она просила провести ее въ часовню, имѣеть большое значеніе, доказывая что въ ней пробуждалось воспоминаніе о томъ, что она прежде уже шла съ этого мѣста къ могилѣ; она могла пайти могилу только въ томъ случаѣ, если выйдетъ изъ того же мѣста, изъ котораго выходила раньше. Другое проявленіе этой превышающей физическіе законы способности было нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда мой маленькій братишка, тосковавшій и плакавшій до изнеможенія «о папѣ», заснулъ у нея на рукахъ. На слѣдующее утро она сказала своей сестрѣ: «Альфъ скоро умретъ». У ребенка не было никакой опредѣленной болѣзни, но онъ замѣтно таялъ и ее старались утѣшить надеждой на то, что съ наступленіемъ весны къ нему вернется утраченное за зиму здоровье. «Нѣтъ», отвѣчала она. «Ребенокъ спалъ около меня въ прошлую ночь, и я видѣла Вильяма (т. е. ея мужа), который сказалъ мнѣ, что хочетъ имѣть Альфа около себя, но что двое другихъ могутъ остаться со мной». Напрасно ее увѣряли, что это ей приснилось, что совершенно естественно видѣть ей во снѣ мужа, о которомъ она постоянно думаетъ, и что ея тревога о ребенкѣ объясняетъ содержаніе сна. Ничто не могло разубѣдить ее въ томъ, что она видѣла мужа, и что сказанное имъ должно исполниться. Она поэтому не была поражена когда въ ближайшемъ мартѣ въ колыбелькѣ ребенка лежала безжизненная восковая фигурка.

Мнѣ съ братомъ позволили взглянуть на умершаго ребенка прежде чѣмъ его положили въ гробъ; я вижу его до сихъ поръ, блѣдшаго и прекраснаго, съ чернымъ пятномъ посрединѣ бѣлаго воскового лба, и я помню мертвенный холодъ охватившій меня, когда я поцѣловала маленькаго брата. Я въ первый разъ коснулась смерти. Черное пятно произвело на меня странное впечатлѣніе, и только много вѣремени спустя я узнала отчего оно произошло. Мнѣ разсказали, что какъ только ребенокъ умеръ, мать страстно поцѣловала его въ лобъ. Какая страшная мысль, что прощальный поцѣлуй матери отпечатлѣлся первымъ признакомъ разложенія на лицѣ ребенка!

Я упоминаю объ этихъ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ не потому что считаю ихъ замѣчательными или необыкновенными; они только показываютъ, что воспримчивость къ впечатлѣніямъ нефизическаго свойства, была одной изъ характерныхъ чертъ моего дѣтства, и существовала также въ другихъ членахъ моей семьи. Мы получаемъ въ наслѣдство стѣ

родителей свою физическую природу, а восприимчивость къ психическимъ ощущеніямъ составляетъ одно изъ свойствъ физической природы; въ нашей семьѣ, какъ почти во всѣхъ ирландскихъ семьяхъ, всё вѣрило въ «духовъ»: мать моя рассказывала мнѣ, какъ она слышала жалобный плачь домашней феи предъ смертью кого-то изъ членовъ семьи. Для меня въ дѣтствѣ всякіе эльфы и феи были реальными существами и мои куклы казались мнѣ такими-же дѣтьми, какъ я сама. Маріонетки были для меня живыми созданіями и трагедіи, которыя онѣ разыгрывали, стоили мнѣ много слезъ; до сихъ поръ помню, какъ и разъ убѣжала при видѣ приближающагося кукольнаго театра, и зарылась въ подушки у себя въ комнатѣ, чтобы не слышать какъ будутъ бить угнетеннаго ребенка въ представляемой драмѣ и какъ онъ будетъ плакать. Всё предметы, окружающіе меня, казались мнѣ живыми, и цвѣтала цвѣты съ тѣмъ-же чувствомъ, какъ ласкала котятъ, и чудесно проводила время, переживая всевозможныя выдуманныя сказки среди моихъ игрушекъ, только считавшихся неодушевленными. Но въ этой жизни среди созданій фантазіи сказалась серьезная сторона, когда въ нее вмѣшался элементъ религіи.

ГЛАВА II.

Для матери моей началось теперь время борьбы и заботъ. До того, со времени своего замужества, она не знала денежныхъ заботъ, потому что ея мужъ зарабатывалъ вполне достаточно для своей семьи; онъ казался на видъ очень здоровымъ и сильнымъ и никакая забота не омрачала ихъ мыслей о будущемъ. Умирая онъ былъ увѣренъ, что оставляетъ жену и дѣтей обеспеченными, по крайней мѣрѣ, отъ денежныхъ затрудненій. Въ этомъ онъ ошибся. Я не знаю никакихъ подробностей, но знаю, что когда все выяснилось, вдовѣ и дѣтямъ ничего не осталось, кромѣ незначительной суммы наличныхъ денегъ. Рѣшеніе, къ которому мать моя пришла въ виду этихъ обстоятельствъ, очень характерно. Два родственника ея мужа, Вестернъ и сэръ Вильямъ Вудъ, предлагали ей воспитать ея сына на свой счетъ, отдать его въ хорошую городскую школу, а потомъ помочь ему сдѣлаться коммерсантомъ, содѣйствуя ему своимъ вліяніемъ въ лондонскихъ дѣловыхъ сферахъ. Но отецъ и мать мальчика рисовали себѣ совершенно инымъ будущее старшаго сына; его готовили къ поступленію въ одну изъ спеціальныхъ школъ, а затѣмъ въ университетъ; онъ долженъ былъ избрать одну изъ «ученыхъ профессій», — сдѣлаться настоятелемъ, какъ этого желала мать, или юристомъ, какъ надѣялся отецъ. Чувствуя близость смерти, отецъ мой ни на чемъ такъ не настаивалъ, какъ на томъ, чтобы Гэрри получилъ какъ можно лучшее воспитаніе, и вдова его твердо рѣшила исполнить это послѣднее желаніе. Въ ея глазахъ го-

родская школа не была «самымъ лучшимъ воспитаніемъ», и прлацкая гордость возмущалась при мысли, что сынъ ея не будетъ «университетскимъ человѣкомъ». На голову молодой вдовы посыпалось множество попрековъ за ея «глушую гордость»; особенно усердствовали женскіе члены семьи Вудовъ, и ея непоколебимость въ слѣдованіи своему рѣшенію послужила предметомъ сильнаго взаимнаго охлажденія между ними и ею. Но Вестеръ и Вильямъ, хотя тоже осуждали ее до нѣкоторой степени, все таки остались ея друзьями и оказывали ей помощь на первыхъ порахъ ея тяжелой борьбы. Послѣ долгихъ размышленій, она рѣшила, что сынъ ея будетъ воспитываться въ Гарроу, гдѣ плата сравнительно недорого для приходящихъ учениковъ, и что потомъ онъ отправится въ Кэмбриджъ или въ Оксфордъ, смотря по тому, какое направленіе примутъ его интеллектуальные вкусы. Это было смѣлой программой для вдовы безъ всякихъ средствъ, но она выполнила ее цѣликомъ, потому что трудно себѣ представить болѣе твердую волю въ слабомъ тѣлѣ, чѣмъ у моей матери.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы переехали въ Гарроу, поселились временно въ меблированныхъ комнатахъ надъ фруктовой лавкой и мать моя принялась подыскивать подходящій для насъ домикъ. Лавочникъ былъ человѣкъ чрезвычайно напыщенный, любилъ говорить длинными періодами и очень покровительствовалъ молодой вдовѣ; мать моя вернулась разъ домой и со смѣхомъ разсказала, какъ онъ ободрялъ ее, говоря, что онъ надѣется, что ей удастся устроиться, если она будетъ усердно работать. «Посмотрите на меня!» сказалъ онъ, надуваясь отъ сознанія своей важности:—«я былъ когда-то бѣднымъ мальчишкой безъ гроша денегъ, а теперь я человѣкъ состоятельный и имѣю приморскую виллу, куда отправляюсь каждый вечеръ». Эта «приморская вилла» долго потѣшала насъ, когда мы проходили мимо нея, отправляясь гулять. «Вотъ приморская вилла м-ра Х.», скажетъ кто-нибудь смѣясь, и всѣ вторили ему. Я тоже смѣялась, чтобы не отстать отъ старшихъ, хотя разница между пригородной и приморской виллой не была для меня явнѣе, чѣмъ для почтеннаго лавочника.

Матери моей удалось найти семью, съ удовольствіемъ отдавшіую на ся попеченіе своего маленькаго сына для совмѣстнаго обученія съ Гэрри; это дало ей возможность нанять учителя для подготовки обоихъ мальчиковъ къ школѣ. У учителя была искусственная нога изъ пробковаго дерева, и это было для меня источникомъ постояннаго огорченія, потому что во время утренней молитвы, когда мы всѣ становились на колѣни, нога эта торчала прямо позади; мнѣ это казалось непочтительнымъ и неприличнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало сильное желаніе протянуть точно также и свою ногу. Около года спустя мать пріискала домъ, очень подходящій къ задуманному ею предпріятію, т. е. къ тому, чтобы съ

позволенія д-ра Вогана, тогдашняго директора Гарроуской школы, взять къ себѣ въ пансіонъ нѣсколькихъ мальчиковъ и обезпечить тѣмъ самымъ средства для воспитанія своего сына. Д-ръ Воганъ, который вѣроятно почувствовалъ симпатію къ кроткой и сильной вѣстѣ съ тѣмъ жеппицѣ, сдѣлался съ этой минуты ея некренимъ другомъ и помощникомъ; совѣты и усердное содѣйствіе его самого и его жены очень способствовали успѣху, завершившему ея труды. Онъ поставилъ только одно условіе, давая ей разрѣшеніе о которомъ она просила, а именно, чтобы у нея въ домѣ жила кто-нибудь изъ учителей школы, такъ чтобы мальчички не были лишены домашняго репетитора. Это условіе она, конечно, охотно приняла, и дѣло шло на ладъ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, пока сынъ ея не кончилъ школы и не отправился въ Кембриджъ.

Домъ, который она тогда наняла, къ сожалѣнію, спесенъ теперь, и его замѣнила отвратительная новомодная постройка изъ краснаго кирпича. Домъ былъ старій и причудливо построенный; фасадъ былъ обвитъ розами, сзади вился плющъ. Домъ стоялъ на пригоркѣ, на полпути между церковью и школой, и предназначался для приходскаго священника, но тотъ долженъ былъ переселиться въ другое мѣсто, потому что отсюда было слишкомъ далеко къ той части деревни, гдѣ у него было больше всего работы. Въ гостиную вела старомодная полудверь, полуокно, бывшая для меня источникомъ постоянныхъ огорченій, потому что какъ только мнѣ надѣвали новое платье, и непременно рвала его объ эту дверь, когда мчалась черезъ нее въ садъ; навѣтъ большой, расположенный по наклону холма садъ былъ полонъ чудныхъ старыхъ деревьевъ, ихть и лавровъ, шелковичныхъ деревьевъ, яблонь, грушевыхъ и другихъ деревьевъ, не говоря уже о безчисленныхъ кустахъ смородины и кружевника и земляничныхъ грядкахъ на солнечной сторонѣ. Въ саду не было ни одного дерева, на которое я-бы не взбиралась, и одно дерево въ особенности, португальскій лавръ, было моею излюбленною лѣтнею резиденціей. Тамъ у меня была своя спальня, гостиная, кабинетъ и кладовая, запасы для кладовой доставляли мнѣ фруктовыя деревья, съ которыми мнѣ позволялось распоряжаться какъ мнѣ угодно, а въ кабинетѣ я сидѣла по цѣлымъ часамъ съ своею любимою книгой, мильтоновскимъ «Потеряннмъ раемъ», который я всему предпочитала. Какъ перажалась, вѣроятно, птицы, когда съ вѣтокъ дерева, на которомъ сидѣла, раскачиваясь маленькая фигурка, раздавались торжественныя и звучныя строфы Мильтона, передаваемая слабымъ дѣтскимъ голосомъ. Я любила изобѣгать Сатану, декламировать величественныя рѣчи героическаго мятежника, и много счастливыхъ часовъ я провела въ мильтоновскомъ раю и аду въ обществѣ Сатаны и Божественнаго Сына. Гавріила и Абдіэля. Въ саду была еще терраса, спускавшаяся къ кладбищу, сухая въ самую сырую погоду и окруженная старымъ деревяннымъ барьеромъ, обросшимъ

розами всевозможныхъ оттѣнковъ: розы стариннаго дома были какія-то совершенно особенныя. Терасса заканчивалась маленькой бесѣдкой, черезъ раскрытую дверь которой открывалась одна изъ самыхъ очаровательныхъ панорамъ въ Англіи. Холмъ круто спускался у ногъ зрителя и затѣмъ тянулась длинная полоса лѣсовъ до самыхъ башенъ Виндзорскаго замка, видѣвшася на далекомъ горизонтѣ. Это былъ тотъ видъ, на который никогда не уставалъ глядѣть Байронъ, лежа на одномъ изъ плоскихъ камней кладбища — мѣсто это до сихъ поръ носитъ названіе могилы Байрона—и который онъ воспѣлъ въ своихъ стихахъ.

Читатель, если вамъ придется когда-нибудь быть въ Гарроу, попросите позволенія пройти въ старыи садъ, и вы испытаете на себѣ дѣйствіе этого внезапнаго откровенія красоты, когда откроете маленькую дверцу бесѣдки въ концѣ терассы.

Въ этотъ домъ мы переселились, когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, и въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ онъ былъ моимъ роднымъ домомъ, который я покидала съ сожалѣніемъ и куда возвращалась съ радостью.

Вскорѣ послѣ нашего переезда я въ первый разъ въ жизни уѣхала отъ матери. Придя разъ въ гости къ одной семьѣ, жившей по сосѣдству, я застала у нихъ въ гостиной незнакомую хромую даму съ энергичскимъ лицомъ, принявшемъ удивительно мягкое выраженіе, когда она улыбнулась вѣжлившей въ комнату дѣвочки. Она сейчасъ-же подозвала меня къ себѣ и усадила къ себѣ на колѣни; на слѣдующій день знакомая, у которой мы встрѣтились, пришла къ моей матери и спросила ее, согласится-ли она отдать меня на воспитаніе ея племянницѣ, при чемъ я буду пріѣзжать домой на праздники, но воспитаніе мое будетъ всецѣло лежать на ней. Сначала мать моя и слышать объ этомъ не хотѣла, потому что до того мы съ ней ни разу не разставались и моя любовь къ ней доходила до культа, ея ко мнѣ—до самозабвенія. Ее убѣдили однако, что выгоды сдѣланнаго ей предложенія совершенно нецѣнными для моего воспитанія, что жизнь въ домѣ, полномъ мальчиковъ, можетъ нехорошо отозваться на моемъ воспитаніи—я уже тогда карабкалась на деревья и играла въ крикетъ не хуже любого изъ нихъ—и что придется послать меня въ школу, если мать не предпочтетъ предложенія, представляющаго все выгоды школы безъ ея темныхъ сторонъ. Мать моя, наконецъ, согласилась и было рѣшено, что миссъ Марриатъ возьметъ меня съ собою, когда поѣдетъ домой.

Миссъ Марриатъ—любимая сестра капитана Марриата, извѣстнаго романиста—была не замужемъ и имѣла большое состояніе. Она ухаживала за своимъ братомъ во время его болѣзни, кончившейся смертью, и послѣ того жила вмѣстѣ съ матерью въ Винбльдонъ-Паркѣ. Послѣ смерти матери, она стала искать полезнаго дѣла и предложила одному изъ своихъ братьевъ, обремененному большимъ количествомъ дочерей, взять одну

изъ нихъ къ себѣ въ домъ и дать ей хорошее воспитаніе. Когда она была въ Гарроу, я по счастливой случайности пошла ей на глаза и поправилась ей; она подумала, что воспитывать двухъ дѣвочекъ вмѣстѣ удобнѣе, чѣмъ одну, и предложила поэтому моей матери взять меня.

Миссъ Марриатъ имѣла большой талантъ къ преподаванію и занималась имъ съ особымъ наслажденіемъ. Отъ времени до времени она присоединяла къ намъ еще какого-нибудь ребенка, иногда мальчика, иногда дѣвочку. Вначалѣ вмѣстѣ съ Эми Марриатъ и со мной учился еще одинъ маленькій мальчикъ, Вальтеръ Поупсъ, сынъ священника, имѣвшаго большую семью; съ нимъ она занималась нѣсколько лѣтъ и потомъ, великодушно подготовивъ его, опредѣлила въ школу.

Она выбирала «своихъ дѣтей», какъ она любила называть насъ, очень опредѣленнымъ образомъ; она брала дѣтей изъ хорошихъ семей, хорошо воспитанныхъ, но поставленныхъ въ такія матеріальныя условія, что взявши на себя заботы объ ихъ дальнѣйшемъ образованіи и воспитаніи, она существенно облегчала положеніе несостоятельныхъ родителей. Для нея было особымъ наслажденіемъ придти съ своей помощью тогда, когда стремленіе дать хорошее воспитаніе дѣтямъ наиболѣе удручаетъ бѣдныхъ и гордыхъ въ то-же время людей. Мы всеъ называли ее «тетей», потому что «миссъ Марриатъ» звучало слишкомъ холодно и церемонно. Она учила насъ всему, за исключеніемъ музыки, для которой былъ особый учитель; мы писали сочиненія, читали вслухъ по-англійски и по-французски, а позже и по-нѣмецки, и получили благодаря ей здоровое, солидное образованіе. Я не могу выразить словами своей благодарности за все, чѣмъ я обязана ей, не только потому, что она меня многому научила, а потому, что вселила въ меня любовь къ знанію, не покидавшую меня съ тѣхъ поръ никогда въ моихъ трудахъ.

Ея система воспитанія можетъ представить интересъ для всякаго, кто хочетъ воспитывать дѣтей съ наименьшей затратой труда и наиболѣе пріятнымъ образомъ для самихъ дѣтей. Во-первыхъ, мы никогда не пользовались учебниками для чтенія и писанія, и не учили грамматики по книгѣ. Мы писали письма о всемъ, что видѣли во время прогулокъ или пересказывали прочитанные рассказы; эти сочиненія миссъ Марриатъ перечитывала съ нами, исправляя орфографическія и грамматическія ошибки, стиль и благозвучность написаннаго; всякую неуклюжую фразу она произносила вслухъ, чтобы показать, какъ некрасиво она звучитъ, каждую ошибку въ передачѣ видѣннаго она тщательно выставляла на видъ. Наши письма заключались въ передачѣ видѣннаго наканунѣ и это пробуждало и воспитывало въ насъ наблюдательность. «Боже, да о чемъ-же я стану писать!» вырывалось иногда у какого-нибудь ребенка, склонившагося надъ грифельной доской. «А развѣ ты не гулялъ вчера?»—спрашивала, чети въ отвѣтъ. «Да», вздыхалъ мальчикъ. «да о

чемъ-же тутъ разсказывать?» «Какъ о чемъ? Ты гулялъ цѣлый часъ по полямъ и ничего не видѣлъ, маленькій слѣпуша? Будь ужъ сегодня повнимательнѣе во время прогулки». Затѣмъ любимымъ урокомъ, очень полезнымъ для правописанія, былъ слѣдующій: мы составляли цѣлые списки словъ, которыя одинаково звучатъ, но различными образомъ пишутся, и соперничали другъ съ другомъ въ томъ, чей списокъ длиннѣе. Наши французскіе уроки—какъ въослѣдствіи и нѣмецкіе—начинались съ чтенія. Нѣмецкіе уроки начались съ чтенія «Вильгельма Телля» и глаголы, которые задано было списать, были взяты изъ прочитаннаго. Мы много учили наизусть, но всегда вещи, которыя этого стоили; у насъ совершенно не были въ ходу сухіе вопросы и отвѣты, которые такъ по сердцу дѣливымъ преподавателямъ. Мы знакомились съ исторіей изъ чтеній вслухъ во время общихъ занятій рукодѣліемъ—мальчиковъ учили обращаться съ иглой наравнѣ съ дѣвочками. «Только дѣвочкамъ къ лицу шитье», сказалъ разъ съ возмущеніемъ одинъ изъ мальчиковъ. «Только маленькому ребенку къ лицу бѣгать за дѣвочкой, если нужно пришить пуговицу», отвѣчала тетя. Географію мы учили, рисуя географическія карты изъ составныхъ частей и составляя нѣмыя карты, для которыхъ каждое государство—для карты цѣлаго материка—и каждая провинція или графство для карты отдѣльныхъ государствъ вырѣзывались въ настоящемъ ихъ видѣ. Я любила большія государства въ то время и чувствовала большое удовольствіе, когда составивши Россію, видѣла, какая большая часть карты занята ею.

Единственная грамматика, которую мы когда-либо учили, была латинская и то не ранѣе того, какъ посредствомъ письменныхъ работъ познакомились съ ея правилами. Тетя терѣть не могла дѣтей, заучивающихъ наизусть не понятныя имъ вещи, и воображающихъ, что знаютъ ихъ. «Что ты хочешь этимъ сказать, Анни?» спрашивала она меня иногда на урокъ. Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ попытокъ объясненія, я отвѣчала: «право, тетя, я это знаю про себя, но не могу объяснить». «Въ такомъ случаѣ, право, Анни, ты этого не знаешь про себя, а то-бы ты могла объяснить такъ, чтобы и я поняла про себя». Такимъ образомъ, она прививала намъ здоровую привычку ясности мысли и выраженія. Латинскую же грамматику она предпочитала другимъ, какъ болѣе совершенную и какъ основу новыхъ языковъ.

Миссъ Марриачъ поселилась въ очень живописномъ мѣстѣ, въ Фернъ-Гилѣ, въ Дорсетшѣйрѣ, на берегахъ Девона и жила тамъ пять лѣтъ, составляя центръ мѣстной благотворительности. Она завела воскресную школу, навѣщала бѣдныхъ, помогая вездѣ, гдѣ видѣла нужду, посылая больнымъ пищу со своего стола. Характерно, что она никогда не дарила бѣднымъ альбомовъ съ картинками, но откладывала часто во время обѣда самые аппетитные куски и относила ихъ больнымъ, чтобы возбудить у

нихъ аппетитъ. Денегъ она почти никогда не давала, но находила поденную работу или старалась принскать постоянныя занятія для нуждающихся въ помощи. Очень требовательная къ самой себѣ и непреклонная относительно всякой неустойчивости и нечестности въ другихъ, она оказывала хорошее вліяніе и тогда, когда вызывала любовь и когда внушала страхъ. Она принадлежала къ одной изъ самыхъ строгихъ евангелическихъ сектъ. По воскресеньямъ не допускались чтенія никакихъ книгъ, кромѣ Библіи или религіознаго журнала, но она все-таки старалась разнообразить этотъ день разными способами: общими прогулками по саду, пѣніемъ гимновъ, всегда привлекательныхъ для дѣтей, разказами о миссіонерскихъ путешествіяхъ Мофата и Линингстона, столкновенія которыхъ съ дикарями и съ дикими звѣрьми были такъ-же интересны, какъ повѣсти Майнъ-Рида. Мы заучивали тексты изъ Библіи и гимны, и однимъ изъ любимыхъ развлеченій были «Загадки изъ Библіи», въ родѣ описаній какой-нибудь сцены изъ Библіи, которую нужно было узнать по описанію. Затѣмъ мы давали въ свою очередь уроки въ воскресной школѣ, потому-что тетьа говорила намъ, что бесполезно учиться, если мы не будемъ стараться помогать тѣмъ, которыхъ никто не учитъ. Уроки для воскресной школы тщательно готовились по субботамъ; намъ всегда внушали, что трудъ, отдаваемый бѣднымъ, долженъ стоить какого-нибудь напряженія тому, кто его отдаетъ. Этотъ принципъ, объясняющій для нея слова священнаго писанія: «Отдамъ-ли я Господу своему то, что мнѣ ничего не стоитъ?» руководилъ всѣми ея словами и поступками. Когда во время какого-нибудь общественнаго бѣдствія, мы прибѣгали къ ней съ вопросомъ, чѣмъ-бы мы могли помочь бѣднымъ, голодающимъ дѣтямъ, она быстро отвѣчала: «чѣмъ-бы вы пожертвовали для нихъ?» И она прибавляла, что если-бы мы захотѣли отказаться отъ сахара, мы бы сэкономили этимъ каждый по шести пенсовъ въ недѣлю, которые и могли-бы послать нуждающимся. Я не думаю, чтобы можно было преподать дѣтямъ болѣе здоровый урокъ, чѣмъ это самоотверженіе для блага другихъ.

Каждый день, по окончаніи уроковъ, мы устраивали всякаго рода развлеченія, длинныя прогулки и катанія верхомъ на маленькомъ пони, который очень любилъ дѣтей; конюхъ училъ насъ крѣпко держаться на лямѣ, какіе-бы капризы лошадка ни проявляла; въ шумныхъ пикникахъ, которые мы устраивали въ живописныхъ окрестностяхъ Шармута, тетьа была самымъ веселымъ товарищемъ. Трудно себѣ представить болѣе здоровую обстановку, въ физическомъ и духовномъ отношеніи, чѣмъ жизнь въ этой тихой деревушкѣ. А какую радость приносили съ собой правдищи! Какъ пріятно было чувствовать гордость матери, имѣвшей хорошия свѣдѣнія объ успѣхахъ своей любимицы, какъ радостно было возобновлять знакомство съ каждымъ закоулкомъ въ старомъ домѣ и садѣ!

Наклонность къ мечтательности у ребенка ведетъ въ интеллектуальномъ отношеніи къ развитію воображенія; по отношенію-же къ религиознымъ чувствамъ въ ней таится зародышъ мистицизма, гораздо менѣе рѣдкаго среди дѣтей, чѣмъ это многіе думаютъ. Но безопасный матеріализмъ нашихъ дней — не философскій матеріализмъ немногихъ, а религиозный матеріализмъ большинства—вырываетъ пѣкные зародыши изъ дѣтской души и накладываетъ повязку на глаза, которые безъ этого могли-бы, быть можетъ, видѣть. Вначалѣ ребенокъ не дѣлаетъ различія между тѣмъ, что онъ «видитъ» и что ему «кажется»; одно столь-же реально для него, какъ и другое, и онъ играетъ съ созданіями своей фантазіи такъ-же весело, какъ съ живыми дѣтьми. Я лично всегда предпочитала въ дѣтствѣ первыхъ и никогда не знала, что такое одиночество. Но приходятъ взрослые, безцеремонно врываются въ самую средину сада, созданнаго воображеніемъ, тончутъ въ немъ цвѣты, разгоняютъ дѣтей, населяющихъ его, и говорятъ своими громкими, рѣзкими голосами: «не рассказывай такихъ небылицъ, Анни, у меня отъ нихъ морозъ по кожѣ пробѣгаетъ, мама будетъ сердиться на тебя». Но это влеченіе было во мнѣ слишкомъ сильно, чтобы быть подавленнымъ, и я находила себѣ пищу въ волшебныхъ сказкахъ, которыя я очень любила, и въ религиозныхъ аллегоріяхъ, которыя казались мнѣ еще болѣе увлекательными. Какъ и когда я научилась читать—этого я не помню, потому что не вспоминаю времени, когда-бы книга не была для меня предметомъ наслажденія. Къ пяти годамъ я уже, вѣроятно, свободно читала, потому что помню, какъ меня часто извлекали изъ подъ драпировки, въ которую я любила заворачиваться съ книжкой въ рукахъ, и какъ меня посылали идти играть, какъ подобаетъ пятилѣтнему малышу. Я часто до того углублялась въ книгу, что абсолютно не слышала, когда мое имя громко произносилось въ комнатѣ, такъ что меня часто брали за то, что я нахренно прячусь, между тѣмъ какъ я въ это время жила въ волшебномъ мірѣ или лежала, спрятавшись подъ спасительный капустный листъ при приближеніи великана.

Мнѣ было около восьми лѣтъ, когда я впервые натолкнулась на религиозныя аллегоріи, написанныя для дѣтей, и вскорѣ за этимъ послѣдовали Буньяновское «Шествіе Странника» и «Потерянный рай» Мильтона. Съ этихъ поръ неутомимая фантазія уносила меня постоянно въ волшебный міръ, гдѣ войны-дѣти захватываютъ территорію для своего отсутствующаго принца и несутъ знамя, на которомъ красуется красный крестъ, гдѣ дьяволы въ видѣ драконовъ окружаютъ странника, но должны отступить послѣ упорной борьбы, гдѣ ангелы сходятъ съ небесъ, разговариваютъ съ маленькими дѣтьми и даютъ имъ талисманы, которые предупреждаютъ ихъ объ опасности и утрачиваютъ силу, когда обладатели ихъ сходятъ съ истиннаго пути. Какъ скученъ и однообразенъ міръ, въ

которомъ приходится жить, думала я постоянно, когда мнѣ читали наставленія о томъ, какъ нести себя, не капризничать, быть опрятной и не теревить передника, сидя за обѣдомъ. Насколько легче было-бы быть христіанномъ, если-бы только получить щитъ съ краснымъ крестомъ и имѣть своимъ противникомъ настоящаго дракона, зная, что Божественный принцъ вознаградитъ улыбкой за побѣду. Несомнѣнно, что интереснѣе сражаться съ крылатымъ дракономъ, зная, что онъ хочетъ причинить зло, чѣмъ слѣдить за тѣмъ, чтобы оставаться всегда ровной и кроткой. Если-бы я была на мѣстѣ Евы въ саду, старая змѣя не обошла-бы меня: но какъ маленькая дѣвочка могла знать, что ей нельзя сорвать самаго румянаго, хорошенькаго яблочка съ дерева, если не было-бы змѣи, сказавшей, что его запрещено трогать? По мѣрѣ того, какъ я становилась старше, мои сны и грезы становились менѣе фантастичными, но все болѣе проникались энтузіазмомъ. Я читала рассказы о первыхъ христіанскихъ мученикахъ и страстно жалѣла, что родилась слишкомъ поздно, въ эпоху, когда нельзя уже претерпѣть муки за свою вѣру; я проводила цѣлые часы, въ грезахъ наяву, представляя себѣ, что я стою передъ римскими судьями, передъ инквизиторами доминиканцами, что меня бросаютъ на сѣденіе львамъ, пытаются, жгутъ на костре; однажды я увидѣла себя проповѣдующей великую новую вѣру громадной толпѣ народа, которая внимала мнѣ и, обращенная моими рѣчами, признала меня своимъ духовнымъ вождемъ. Но грезы мои кончались печальнымъ возвратомъ къ дѣйствительности, гдѣ не было мѣста для геройскихъ подвиговъ, не было львовъ, противъ которыхъ приходилось-бы выступать, не было суровыхъ инквизиторовъ, но были постоянныя скучныя обязанности, которыя приходилось исполнять. И я сильно огорчалась, что такъ поздно родилась на свѣтъ, что всѣ великія дѣла уже сдѣланы, и не предстояло возможности проповѣдывать новой религіи и пострадать за нее.

Съ восьмилѣтняго возраста религіозныя задатки моей натуры сильно развились, благодаря воспитанію, которое я получала. Подъ вліяніемъ Миссъ Марриатъ, мои вѣрованія получили сильную евангелическую окраску, но меня всегда приводила въ отчаяніе мысль, что я не пережила въ прошломъ момента «обращенія». Въ то время, какъ другіе рассказывали о своихъ ощущеніяхъ, о внезапной переменѣ, которую они вдругъ почувствовали въ себѣ, я съ грустью сознавала, что никогда не испытала на себѣ такой перемены, и что всѣ мои мечтательные порывы ничтожны въ сравненіи съ сильнымъ «сознаніемъ грѣховности», о которомъ говорятъ проповѣдники, и начинала съ грустью сомнѣваться въ томъ, что я «спасена». Затѣмъ у меня было безпокойное сознаніе, что меня часто хвалили за благочестивость, когда соревнованіе и тщеславіе играли большую роль, чѣмъ религіозное чувство; это было, наиримѣръ, когда я вы-

учила наизусть предшествующее англійскому переводу Библіи посвященіе королю Іакову; я это сдѣлала скорѣе изъ желанія отличиться своей памятью, чѣмъ изъ любви къ самому тексту. Звучный ритмъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ старомъ и новомъ Завѣтѣ ласкалъ мнѣ слухъ, и я чувствовала удовольствіе отъ повторенія ихъ вслухъ. Я любила это дѣлать, какъ любила декламировать для собственнаго удовольствія сотни стиховъ Мильтона, раскачиваясь на какомъ нибудь древесномъ суку, или разлегшись въ тѣни вѣтвей и глядя въ бездонную синеву небесъ до тѣхъ поръ, пока я впадала въ состояніе экстаза среди звуковъ и красокъ, и говорила на распѣвъ мелодичныя фразы и населяла синеву туманными образами. Легкость заучиванія наизусть и привычка декламировать привела меня къ хорошему знакомству съ библіей и къ умѣнію искусно пользоваться текстами. Это мнѣ очень пригодилось на излюбленныхъ методахъ молитвенныхъ собранійхъ, въ которыхъ мы все принимали участіе. Мы все по очереди должны были читать вслухъ и это было для меня мучительнымъ испытаніемъ; я ужасно робѣла, когда вниманіе присутствующихъ обращалось на меня, и съ трепетомъ ожидала по этому страшныхъ словъ: «теперь, Анни, обратись ты съ словомъ къ Господу». Но какъ только мнѣ удавалось произнести дрожащими губами первое слово, мой страхъ исчезалъ и я уносилась въ душевномъ порывѣ, изливавшаяся часто въ ритмическихъ фразахъ; въ концѣ, увы, я часто думала о томъ, что Богъ и тетьа замѣтили, вѣроятно, какъ хорошо я молилась—развитіе этого чувства тщеславія едва-ли имѣлось въ виду при устройствѣ молитвенныхъ собраній. Въ общемъ, кальвиническій отгѣнокъ преподаванія миссъ Марріатъ привилъ моей душѣ нѣкоторую болѣзненность, тѣмъ болѣе, что въ глубинѣ души я очень тосковала по матери. Я помню, какъ удивлена была моя мать во время одного изъ моихъ пріѣздовъ домой, когда прочла въ отчетѣ миссъ Марріатъ, что во мнѣ замѣтно отсутствіе веселости; дома, напротивъ, несмотря на свою любовь къ одиночеству, я отличалась веселымъ нравомъ; но вдали отъ дома я всегда тосковала, и кромѣ того суровость евангелическаго культа накладывала на меня нѣсколько мрачный отпечатокъ, хотя загробныя муки и адъ представлялся въ моихъ грезяхъ только въ томъ видѣ, какъ онъ рисуется въ «Потерянномъ Раю». Прочтя эту поэму, я представляла себѣ дьявола не чудовищемъ съ рогами и лошадиной ступней, а прекраснымъ, мрачнымъ архангеломъ, и я всегда надѣялась, что Іисусъ, идеальный принцъ моихъ грезъ, спасетъ его въ концѣ концовъ. Но предметами истиннаго ужаса для меня были неопредѣленные, туманныя существа, близость которыхъ я чувствовала около себя, хотя и не видѣла ихъ. Они были для меня до того ощутительны, что я отлично знала, въ какомъ мѣстѣ они стоятъ въ комнатѣ, и особенный ужасъ, который я чувствовала, заключался въ опасеніи, что я сейчасъ

увидѣннѣхъ. Если мнѣ случайно попадался въ руки разсказъ о привидѣннѣхъ, я не могла отдраться отъ впечатлѣннѣя по цѣлымъ мѣсяцамъ, и видѣла предъ собой каждый изъ описываемыхъ призраковъ; въ особенности преслѣдовала меня одна страшная старуха изъ романовъ Вальтеръ-Скотта; она скользила по полу, подходи къ моей кровати, вскакивала на нее какимъ-то не человѣческимъ движеннѣемъ и глядѣла на меня въ упоръ страшными глазами; я изъ-за нея цѣлыми недѣлями боялась ложиться въ постель. До сихъ поръ я такъ живо помню свое оцущеннѣе, что чувствую невольный ужасъ.

ГЛАВА III.

Дѣвичество.

Весной 1861 г. миссъ Марриатъ объявила о своемъ намѣреннѣи поѣхать за границу и попросила у моей матери позволеннѣя взять меня съ собой. У маленькаго ея племянника, котораго она усыновила, сдѣлался катарактъ глаза, и она хотѣла повезти его къ одному знаменитому окулисту въ Дюссельдорфѣ. Эми Марриатъ отозвали домой послѣ смерти ея матери, которая умерла, родивъ сына; миссъ Марриатъ усыновила ребенка, назвавъ его именемъ своего любимаго брата Фредерика (капитана Марриата). Мѣсто Эми заняла дѣвочка нѣсколькими мѣсяцами старше меня, Эмма Маннъ, одна изъ дочерей священника, женатаго на миссъ Стэнли, близкой родственницѣ или даже, если я не ошибаюсь, сестры миссъ Мэри Стэнли, знаменитой сестры милосерднѣя во время крымской кампаннѣи.

Въ теченнѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы усердно занимались нѣмецкимъ языкомъ, чтобы знать болѣе или менѣе хорошо языкъ страны, въ которую собирались ѣхать; насъ прнучали также къ французскому разговору, въ которомъ мы упражнялись за обѣдомъ, такъ что мы не были совершенно «безпомощными иностранцами», когда двинулись въ путь изъ доковъ Св. Екатерины и очутились на слѣдующнѣй день въ Антверпенѣ среди вавилонскаго смѣшеннѣя языковъ, какъ намъ показалось съ перваго взгляда. Во что здѣсь превратился нашъ французскнѣй языкъ, который мы учились такъ тщательно произносить! Мы совершенно потерялись среди оливокъ кричащихъ и спорящихъ между собой носильщиковъ и не могли разобрать ни слова. Но миссъ Марриатъ оставалась на высотѣ положеннѣя, будучи уже опытной путешественницѣей; ея французскнѣй языкъ блестяще выдержалъ испытаннѣе и помогъ намъ благополучно добраться до отеля. На слѣдующнѣй день мы отправились черезъ Лахенъ въ Боннъ, прелестный городокъ, расположенный на границахъ живописной мѣстности, волшебный входъ въ которую образуетъ Роландеэкъ. Въ Боннѣ наше пребываннѣе обошлось не безъ приключеннѣй. Тетя была пожилой дѣвицей, которая видѣла во всѣхъ молодыхъ людяхъ волковъ, которыхъ

нужно не подпускать къ ея подростаящимъ агнятамъ. Бони дъ была увнверситетскимъ городомъ, и въ немъ господствовало въ то время пристрастіе ко всему англійскому. Эмма была полной, бѣлокурой дѣвушкой съ вѣжливымъ цвѣтомъ лица и тишиной въ англійскихъ дѣвушкахъ веселостью и невинной шаловливостью; я-же была худенькой, блѣдной брюнеткой, у которой настроенія дикой веселости постоянно чередовались съ крайней задумчивостью. Въ пансіонѣ, гдѣ мы жили вначалѣ, въ «Château du Rhin», предестномъ домѣ, выходящемъ на широкій голубой Рейнъ, жили случайно въ то-же время два сына герцога Гампльтона, маркизь Дугласъ и лордъ Чарльсъ съ своимъ гувернеромъ. Они занимали весь бель-этажъ, а мы имѣли гостиную въ нижнемъ этажѣ и спальни въ верхнемъ. Юноши узнали, что миссъ Марриатъ не любила, чтобы ея «дѣти» разговаривали съ гѣмъ-нибудь изъ мужской компаніи. Это открыло для нихъ неистощимый источникъ забавы. Они парадировали на лошадяхъ передъ нашими окнами, отирались кататься верхомъ какъ разъ тогда, когда мы выходили гулять и при нашемъ появленіи снимали шапки и отившались глубокіе поклоны; они подбарауливали насъ на зѣтничѣ и почтительно желали намъ добраго утра, ходили въ церковь и становились такъ, чтобы видѣть нашу скамью. При этомъ лордъ Чарльсъ, обладавшій способностью шевелить всею кожей черепа, двигалъ вверхъ и внизъ своими волосами до тѣхъ поръ, пока мы не могли сдерживать больша смѣха. Черезъ мѣсяць всѣ эти продѣлки заставили тетю покинуть предестный «Château du Rhin» и поселиться въ какой-то женской школѣ, къ великому нашему неудовольствію; но и тамъ она не нашла покоя. Студенты преслѣдовали насъ повсюду, сентиментальные вѣмцы съ слѣдами шпата на лицѣ нашептывали намъ комплименты, проходя мимо; все это было невиннымъ дѣтскимъ вздоромъ, но строгая англійская лэди считала это «неприличнымъ», и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Боннѣ, насъ отослали на каникулы домой въ знакъ немилости. Но за эти три мѣсяца мы сдѣлали много прелестныхъ экскурсій, взбранись на горы, катались по быстрому теченію Рейна, бродили по живописнымъ долинамъ. У меня осталась въ памяти цѣлая картинная галерея, въ которую я могу забраться, когда хочу представить себѣ что-нибудь прекрасное; я вспоминаю тогда о мѣсяцѣ, сербрущемъ Рейнъ у подошвы Драксенфельза, о задернутомъ туманомъ островѣ, гдѣ жила красавица, навсегда освященная любовью Роланда.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя мы пріѣхали къ миссъ Марриатъ въ Парижъ, гдѣ прожили семь мѣсяцевъ среди удовольствій и интересныхъ занятій. По средамъ и субботахъ мы были свободны отъ уроковъ и проводили долгіе часы въ картинной галереѣ въ Луврѣ, изучая собранныя туда отовсюду образцы искусства. Не было ни одной красивой церкви въ Парижѣ, которую-бы мы не посетили за эти недѣли; церковь St.

Germain de L'Auxerrois—та, изъ которой былъ поданъ сигналъ въ Варшавскую почтъ—была моею любимой; въ ней сохранились самыя совершенныя по глубинѣ и прозрачности красокъ цвѣтныя стекла. Величественная краса Notre Dame, нѣсколько кривое великолѣпие Sainte Chapelle, внушительный мрачный видъ St. Roch были изучены нами до подробностей. Кромѣ того, мы любили смѣшиваться съ веселою толпою, двигающеюся по Елисейскимъ полямъ, по направленію къ Булонскому лѣсу, гулять по Тюльерійскому саду и взобраться на всея памятники, откуда открывался видъ на Парижъ. Имперія была тогда въ самомъ разгарѣ своего блеска и мы часто любовались, глядя на блестящій конвой, окружавшій императорскую коляску, на ихъ развѣвающіеся и блестящіе на солнцѣ плюмажи; въ самой-же коляскѣ сидѣла обаятельно прекрасная императрица рядомъ съ мальчикомъ, который робко, но съ какой-то особенной граціей кланялся приветствующей его толпѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Николаевич Ге.

Биографическій очеркъ.

Статья первая.

Передо мною нѣсколько читателей. Я обращаюсь къ нимъ и спрашиваю: «Видали вы когда-нибудь, господа, рукописи покойнаго нашего Ге?»—Одни отвѣчаютъ: «Нѣтъ, не видали».—Другіе: «Видѣли».—«Ну, значитъ, говорю я первымъ, съ вами миѣ нельзя и говорить про этотъ предметъ. Вы не видѣли, и сужденія никакого у васъ быть не можетъ. А вы, господа, тѣ, что видали рукописи Ге, позвольте миѣ васъ спросить: что вы про нихъ скажете?»—«Скажемъ то, отвѣчаютъ они миѣ, что рукописи эти ужасъ какія неразборчивыя. Что называется, просто чортъ ногу сломить. Ничего не разберешь. Надо большую привычку, надо большое стараніе, чтобъ разобрать что-нибудь. А главное, надо чтобъ былъ тутъ какой-то большой интересъ у васъ, чтобъ не бояться никакихъ трудностей, чтобъ пожертвовать на это нѣсколько времени и глазами, и терпѣніемъ, чтобъ привыкнуть къ этимъ чертамъ и черточкамъ, къ этимъ каракулькамъ, усекамъ, разводамъ и хвостикамъ, къ этимъ недопискамъ и перенескамъ, къ этимъ безчисленнымъ зачеркнутымъ, опять взятымъ назадъ, опять перечеркнутымъ и опять возстаповленнымъ строкамъ, изъ которыхъ состоятъ тексты».—«Ну, и что-же, скажите: игра не стоила свѣчъ?»—«Стоила, стоила, отвѣчаютъ одни съ одушевленіемъ и сіяющими глазами. Стоила, да еще какъ стоила! Сколько мы нашли огня, жизни, сердца, въ разобранныхъ наконецъ чертахъ, — какъ мы наслаждались много-много разъ! Какъ мы сами себя благодарили за то, что рѣшились!» — «Нѣтъ, не стоила, вяло и скучливо возражаютъ другіе: только одно мученіе. И отъ чего это происходитъ, что онъ такъ невыносимо писалъ? Видно учителя чистописанія были у него прескверные, или онъ самъ, Богъ его знаетъ отчего, не-

брежень и халатенъ былъ касательно собственнаго-же своего дѣла. И могъ-бы, да не старался. Мученье съ нимъ, да и только! Ничего мы не разобрали у него, да кажимь, и разбирать-то не стоитъ! Судя по кое-какимъ словамъ и строкамъ, что удалось понять въ этомъ мараши, ничего важнаго тамъ у него на бумажкахъ нѣтъ. Одно — путаница, другое — пелѣница, третье — капризная претензія, и больше ничего»...

И вотъ, выслушавши обѣ стороны, я говорю: «А знаете, что я скажу вамъ, господа, если только вы согласитесь выслушать меня. Знаете, что мнѣ кажется? Что рукопись Гё, что онъ самъ—это совершенно одно и то-же. Весь Гё, отъ головы до ногъ, вся его натура, весь характеръ, вся его дѣятельность, вся его жизнь—это одна сплошная рукопись, написанная худою, спутанною каллиграфіей. На каждомъ шагу — неразборчивыя черты и неразборчивыя фразы, на каждомъ шагу—закорючки, уски и разводы, недонески и переписки, обманывающія и смущающія глазъ, заводящія въ какіе-то смутные коридоры, откуда, кажется, какъ будто-бы и выхода нѣтъ. Но пусть глазъ вашъ попривыкнетъ и къ разводамъ, и къ ускимъ, и къ недонескамъ, и къ темнымъ коридорамъ, пусть у васъ только горитъ внутри жажда узнанія, свѣтлое желаніе разобрать и уразумѣть, и скоро каракульки и непонятныя черты передъ вами исчезнутъ, и вы поймете эту сложную патуру, полную совершенствъ, но и недочетовъ, блестящихъ качествъ, но и достойныхъ всякаго сожалѣнія несовершенствъ, всегда полную жара душевнаго, стремленія къ истинѣ и глубокимъ источникамъ жизни.

Но для того, чтобъ судить и понимать, надобно прежде всего знать факты. А фактовъ-то, именно, почти никто у насъ и не знаетъ, всего менѣе тѣ, которые о Гё всего болѣе говорятъ и пишутъ—презирающіе его, или глумящіеся надъ нимъ: ихъ-то именно всего больше среди пишущей русской публики. Каково-же это, не знаяши дѣла, да судить о немъ? Это уже вовсе нигуда не годится. Можно себѣ вообразить, чего надо ожидать отъ такихъ итоговъ, отъ такихъ рѣшеній, отъ такихъ разсказовъ и воспоминаній, гдѣ что ни слово, то выдумка, то незнаніе, гдѣ что ни размысленіе, то карикатурный провалъ. Одни изъ враговъ и непонимателей громко провозглашаютъ, что Гё «былъ зафденъ средой». другіе, что вышнія обстоятельства, эпоха, время, были для него самыя неблагопріятныя, третьи, что во всемъ томъ, что имъ не нравится въ Гё, виновата русская литература, одна русская литература, и никто больше, четвертые, что вредно художнику имѣть «идеи», а надо быть безъ нихъ, пятые, что Гё умышленно не хотѣлъ учиться своему искусству и совершенствовать его, а нарочно оставлялъ его на степени эмбриона и недопоска, шестые съ милою усмѣшкою объявляютъ: «Гё! Да вѣдь это «геній не у дѣла», да вѣдь онъ былъ просто чудакъ какой-то, старичокъ, въ родѣ выжившаго изъ ума, подъ вліяніемъ непонятныхъ или

непереваренныхъ имъ теорій, седьмые, что Гё любилъ только ораторство-вать, себя самого слушать, а дѣла не дѣлать, восьмые, что вообще го-воря, Гё былъ только неудачникъ, хотя въ началѣ своей жизни и да-валъ произведенія, достойныя стать наравнѣ съ самымъ высокимъ, что создано величайшими мастерами. И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Какая во всемъ тутъ громадная гора легкомыслія, поверхностности, ка-кая торопливая враждебность, какая неспособность понимать сущность и требованія искусства, какая близорукость при разборѣ человѣческой патуры!

Я не стану, въ настоящую минуту, перебирать и разсматривать каждыя изъ этихъ то печальныхъ, то карикатурныхъ обвиненій—ихъ сами со-бой опровергнуть тѣ факты, изъ которыхъ будутъ состоять настоящія мои статьи, но съ меня будетъ, пока, довольно, указать на ту изуми-тельную логику, которая присутствуетъ въ одномъ изъ приведенныхъ мною обвиненій—въ послѣднемъ.

«Гё всю жизнь былъ неудачникъ!» Какъ неудачникъ! Да въдъ по словамъ самихъ порицателей, онъ создалъ (въ началѣ своей художе-ственной жизни) такое произведеніе, которое можетъ стоять рядомъ съ созданиемъ величайшихъ художниковъ міра, свою «Тайную вечерю». А что эти слова значатъ? Они просто-на-просто значатъ: Гё былъ гений. Но въдъ это какое великое дѣло: быть гениемъ! Это такое неизрѣчен-ное счастье, не то что для самого художника, а для всѣхъ людей, и ны-нѣшнихъ и будущихъ, это такое громадное счастье, что что-бы потомъ ни произошло съ художникомъ, онъ можетъ со спокойною совѣстью ска-зать: «Нынѣ отпущаеши, Господи, раба своего. Я сдѣлалъ то, что надо было. Я далъ людямъ нѣчто великое, и я счастливъ, и бояться мнѣ больше ничего не надо, хоть пускай меня сію секунду хоронять».

Неудачникъ! Да такіе-ли бывають неудачники? Вотъ неудачники: «музыкантъ Леммъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» у Тургенева, вотъ пе-чальный «учитель рисованія» у Перова, вотъ учитель самого Гё, съ которымъ мы встрѣтимся ниже, въ 1-й-же главѣ біографіи,—всѣ тѣ люди, которые сгорали желаніемъ что-то сдѣлать, чѣмъ-то быть, и никогда ничего у нихъ не выходило. Но сдѣлать «великое созданіе», стоящее Микель-Анжеловъ и иныхъ, и потомъ считаться «неудачникомъ», что за безобразіе, что за чепуха! Сдѣлать «великое созданіе», это значить быть не «неудачникомъ», не «бессильнымъ», а «удачникомъ», громад-нымъ «силомъ», не челоѣкомъ, достойнымъ только плача, сожалѣнія, насмѣшекъ и постыднаго подтруниванья («гений не у дѣла»), а чело-вѣкомъ, вызывающимъ самыя горячія симпатіи, восторги, аллодисменты.

Это я говорю только съ точки зрѣнія порицателей, мое-же собствен-ное мнѣніе о произведеніяхъ Гё—иное, и я его выскажу ниже.

Со времени смерти Н. Н. Ге (2 іюня 1894), у меня въ рукахъ накопился огромный матеріалъ о немъ. Автобіографическія записки Гё,

воспоминанія о немъ ближайшихъ родственниковъ (брата, сына, не-вѣстки), друзей, товарищей по гимназій, университету, академіи худо-жествъ, по заграничной жизни, наконецъ по жизни на родинѣ, въ Пе-тербургѣ и Малороссіи, множество писемъ, сообщенныхъ мнѣ со всѣхъ сторожъ, наконецъ множество печатныхъ статей о Гѣ, біографическихъ и критическихъ, все это, вмѣстѣ сложенное, дастъ мнѣ возможность сообщить читателямъ такой біографической и художественной матеріалъ объ усопшемъ нашемъ художникѣ, который уже и теперь можетъ, мнѣ кажется, считаться очень значительнымъ.

Да не пообѣтуетъ на меня читатель за то, что я привожу очень многочисленныя, очень длинныя выписки изъ автобіографіи Н. Н. Гѣ—за годы его дѣтства и юности, и изъ его писемъ—за годы его зрѣ-лаго возраста. Этотъ матеріалъ кажется мнѣ всего болѣе важнымъ и интереснымъ, а сверхъ того, наиболѣе необходимымъ и достовернымъ для того «портрета», который мнѣ хочется попробовать нарисовать съ Гѣ, въ кон-цѣ моихъ статей. Тамъ я надѣюсь представить его обликъ настолько вѣрный и правдивый, насколько это мнѣ доступно,—обликъ не только какъ тво-рящаго наединѣ, въ тиши своей мастерской, художника, но и какъ ху-дожника внутри окружавшей его русской вообще и художественной въ особенности среды. Последнее всего болѣе касается, конечно, отношеній его къ «Товариществу передвижныхъ выставокъ», гдѣ онъ былъ однажды однимъ изъ главныхъ починателей и организаторовъ, и которому онъ всей душой, всѣмъ сердцемъ былъ преданъ до послѣдняго своего вздоха. По его собственнымъ словамъ, съ которыми мы встрѣтимся дальше, онъ своего до-рогого Товарищества никогда «не предавалъ» и «не продавалъ».

I.

ДѢТСТВО.

Для періода дѣтства Н. Н. Гѣ, а потомъ для времени пребыванія его въ гимназій, университетѣ кіевскомъ и петербургскомъ, у меня былъ подъ руками матеріалъ очень обширный и удовлетворительный. Сюда относится, болѣе всего, автобіографическія записки самого Гѣ, сохранившіяся во множествѣ большихъ и малыхъ набросковъ, болѣе или менѣе обдѣланныхъ текстовъ и вариантовъ, и даже иногда — вполне готовыхъ для печати рукописей; далѣе, сюда относятся очень цѣнныя «Воспоминанія о Н. Н. Гѣ, какъ матеріалъ для его біографіи», статьи Григорія Николаевича Гѣ, родного брата покойнаго художника (напе-чатано въ «Артистѣ» 1894); затѣмъ, словесныя сообщенія мнѣ сына Н. Н. Гѣ, Петра Николаевича Гѣ; наконецъ, словесныя-же сообщенія мнѣ академика, скульптора Пармена Петровича Забѣллы, товарища Н. Гѣ по кіевской гимназій и по Академіи Художествъ.

На основаніи этого матеріала я и составилъ первыя три главы настоящей біографіи, вездѣ отдавая, конечно, первое мѣсто собственноручнымъ автобіографическимъ запискамъ самого Гѣ.

По фамиліи—Гѣ французы. Первый изъ иностранцевъ этого рода, появившійся въ Россіи, былъ Матвѣй Гѣ, дворянинъ — эмигрантъ, покинувшій Францію въ концѣ прошлаго вѣка, во время большой революціи, и пріютившійся въ Россіи вмѣстѣ со множествомъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Онъ поселился въ Москвѣ и завелъ тамъ фабрику. Старшая его дочь, Викторія, вышла замужъ, въ Москвѣ-же, за негоціанта Гильфердинга, дѣда извѣстнаго слависта Ал. Фед. Гильфердинга. Сынъ-же его Іосифъ поступилъ въ военную службу, въ орденскій кирасирскій полкъ, стоявшій въ Полтавской губерціи. Онъ остался въ Россіи католикомъ и свѣтскимъ французомъ, и даже всю жизнь плохо говорилъ по-русски, но это нисколько не мѣшало ему плѣнять русскихъ дамъ французскими блестящими салонными качествами и кружить имъ головы. Наконецъ онъ женился на славившейся красотою малороссіянкѣ, дочери полтавскаго помѣщика, Дарьѣ Яковлевнѣ Коростовцевой. Сынъ ихъ Николай былъ, конечно, крещенъ въ русской вѣрѣ и сталъ вполне русскимъ, потому что съ самаго рожденія все дѣтство провелъ въ русскомъ помѣстьѣ. Потомъ его свезли въ Петербургъ и отдали въ Дворянскій Полкъ. Тамъ онъ прошелъ весь курсъ, выпущенъ былъ офицеромъ въ 1814 году, послѣ взятія Париза прожилъ нѣсколько лѣтъ со своимъ полкомъ во Франціи, и успѣлъ тамъ довольно значительно подвинуть свое самообразованіе впередъ. Возвратясь въ Россію, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя вполне сельскому хозяйству.

Разсказывая про него и хваля его за многія хорошія качества, твердость духа, настойчивость, умѣнье устранивать свои дѣла, такъ что онъ даже привелъ свое имѣніе въ блестящее положеніе, Григ. Ник. Гѣ называетъ его «убѣжденнымъ вольтеріанцемъ». Это было дѣло возможное: проживши нѣсколько лѣтъ во Франціи, Ник. Осип. Гѣ легко могъ примкнуть къ вольтеровскимъ идеямъ, бывшимъ тогда еще въ сильномъ ходу во Франціи, но трудно понять, что за «убѣжденный вольтеріанецъ» онъ былъ потому у себя на родинѣ, когда, по словамъ того-же Григ. Ник. Гѣ, его отецъ ничуть «не отрѣшался отъ общей тогдашней закваски, и собственноручно билъ своихъ слугъ и служанокъ за каждую оплошность». Надо полагать, что онъ вполне принадлежалъ къ тому русскому поколѣнію, про которое талантливый гусарь, Денисъ Давыдовъ восклицалъ!

‘ «А глядишь, нашъ Мирабо
 Старога Гаврилу
 За измятое жабо
 Хлещеть въ усъ да въ рыло»..

По счастью, всё «блестящія качества» этого рода остались при самомъ «вольтеріанцѣ», и онъ ихъ не передалъ своимъ дѣтямъ. Дѣйствовавшія на нихъ вліянія были совѣмъ иныя.

Ник. Осип. Ге былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака съ дѣвицей Садовойкой, въ Воронежѣ, у него было три сына: Осипъ, Григорій и Николай. Послѣдній и былъ тотъ Николай Николаевичъ Ге, знаменитый художникъ, который составляетъ предметъ настоящей статьи. Онъ родился въ Воронежѣ, 15 февраля 1831 года, и спустя три мѣсяца, мать его умерла отъ страшной холеры, гулявшей тогда по всей Россіи *). Отца не было дома, онъ былъ, по всегдашнему, въ дѣловыхъ разъѣздахъ. Подробности этого времени и всей тогдашней ихъ жизни рассказываетъ самъ Н. Н. Ге, и я ихъ тотчасъ приведу въ подлинныхъ его словахъ, но напередъ обращу здѣсь вниманіе читателя только на то, что дѣтство Ге прошло въ деревнѣ, среди женщинъ, точь въ точь какъ это случилось, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, съ Глинкой. Отецъ Ге былъ рѣдко дома, матери его уже не было на свѣтѣ, и попеченіе о мальчикахъ имѣли, какъ и у Глинки, двѣ женщины: бабушка и няня. Можетъ быть, именно отъ этого въ значительной степени характеръ обоихъ, и Глинки и Ге, получилъ тотъ мягкій, деликатный, кроткій, въ значительной части женскій складъ, который такъ рѣзко отличалъ ихъ отъ многихъ современниковъ, подвергавшихся совершенно другимъ вліяніямъ въ дѣтствѣ. Оба, и Глика и Ге, съ восторгомъ рассказываютъ про свою бабушку и няню (Григ. Ник. называлъ эту послѣднюю Натаней, но самъ Н. Н. Ге нигдѣ, ни на словахъ, ни на письмѣ, никогда во всю жизнь не называлъ ее иначе, какъ просто «няней»). Были у Ге и тетки, одна изъ нихъ, тетка по отцѣ, Александра Осиповна, въ первомъ замужествѣ Матушевичъ, во второмъ—княгиня Друцкая-Соколинская, жила въ началѣ 30-хъ годовъ въ домѣ у своего брата, Ник. Осип. Ге, и Григ. Ник. Ге говоритъ, что всё три мальчика (Осипъ, Григорій и Николай) были въ первые свои годы «на рукахъ у тетки Александры Осиповны»; но самъ Ге ни единымъ словомъ нигдѣ ея не упоминаетъ, и ни въ чемъ не замѣтно ни малѣйшаго ея вліянія на судьбу племянника. Мы поэтому несколько и не будемъ останавливаться на ея личности, но зато обратимъ все наше вниманіе на бабушку, Дарью Яковлевну, къ 30-мъ годамъ обратившуюся изъ блестящей красавицы—въ старую, дряхленькую, слабую

*) Биографы Н. Н. Ге показываютъ день его рожденія совершенно различно. Григ. Ник. Ге говоритъ, что Н. Н. Ге родился 9 февраля, А. И. Сомовъ (*Каталогъ картинной галереи академіи художествъ*)—17 февраля, Ф. И. Булгаковъ (*Наши художники*)—15 февраля. Я останавливаюсь на этомъ послѣднемъ числѣ, потому что, сколько мнѣ извѣстно, оно указано самимъ Н. Н. Ге.

характеромъ, добрую и богомольную старушку,—и на няню Наташу, сильно повліявшую на весь душевный складъ Н. Н. Гѣ.

Старшіе братья Гѣ вышли совсѣмъ другими людьми, чѣмъ ихъ братъ Николай. У нихъ тоже были выдающіяся способности, но только совсѣмъ другія, чѣмъ у ихъ младшаго брата. Старшій, Осипъ, имѣлъ большія способности и любовь къ математикѣ, и этимъ славился какъ въ кievской гимназіи, такъ впослѣдствіи и въ петербургскомъ университетѣ. Однако онъ на своемъ вѣку ничего особеннаго не произвелъ, и послѣдніе годы своей жизни прожилъ, безъ всякаго особеннаго дѣла, на хуторѣ у своего брата Николая. Второй братъ, Григорій, былъ еще смолоду красивый, стройный мальчикъ, а потомъ юноша; въ кievской гимназіи отличался, вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, способностью къ рисованью, котораго не покидалъ также и впослѣдствіи, и въ своемъ кругу (по его собственнымъ словамъ), «успѣлъ стяжать славу какъ рисовальщикъ военныхъ сценъ и въ особенности какъ карикатуристъ». Онъ не покидаетъ рисованья и теперь, и доказалъ недавно свое умѣнье прекраснымъ видомъ «мастерской Н. Н. Гѣ», на его хуторѣ, нарисованнымъ нынче лѣтомъ, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти этого послѣдняго, и изданнымъ теперь въ «Артистѣ». Въ своемъ 20 лѣтнемъ возрастѣ онъ служилъ въ гродненскихъ гусарахъ, и былъ такой великій мастеръ по части верховой ѣзды, что состоялъ одно время инструкторомъ въ образцовомъ полку, въ Гатчинѣ, и отъ самого императора Николая I получилъ однажды, въ подарокъ, изящный хлыстъ.

Любопытнымъ кажется мнѣ вопросъ: какія національности вошли въ составъ натуры и всего душевнаго и духовнаго склада Ник. Ник. Гѣ? Безъ сомнѣнія, въ его жилахъ текла кровь не одной національности, а нѣсколькихъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что тутъ была и кровь французская, и кровь малороссійская, первая, какъ прямое наслѣдіе отъ дѣда Осипа Матвѣевича и отъ прадѣда Матвѣя Гѣ; кровь малороссійская являлась въ немъ наслѣдіемъ отъ бабушки Дарьи Яковлевны, урожденной Коростовцевой. Но кто была его мать, Садовская? Полька или русская? Григ. Ник. Гѣ говоритъ — полька. «Ник. Осип. Гѣ, рассказываетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», женился первымъ бракомъ, въ Воронежѣ, на круглой сиротѣ, дочери сосланнаго туда поляка Якова Садовскаго». Но Петръ Николаевичъ Гѣ, сынъ живописца, и его супруга, Екатерина Ивановна, рассказываютъ мнѣ (и я не могу не считать ихъ рассказъ вполне достовернымъ), что еще при жизни ихъ дяди, Осипа Николаевича Гѣ, они оба не разъ бывали свидѣтелями горячихъ споровъ и преній Ник. Ник. Гѣ съ его братомъ Осипомъ: второй утверждалъ, что ихъ мать была родомъ—полька, а Николай Николаевичъ Гѣ—малороссійка; они говорятъ, что этотъ послѣдній приводилъ въ пользу своего убѣжденія очень вѣскія доказательства. Я

оставлю, покуда, этотъ вопросъ перешеннымъ, но въ концѣ своихъ статей о Н. Н. Гѣ, послѣ изложенія всѣхъ фактовъ его жизни, попробую разсмотрѣть, какія національности и какія крупныя элементы вошли въ составъ его натуры, и художественной и вообще человѣческой. Въ заключеніе этого своего вступленія, скажу еще разъ, что Н. Н. Гѣ родился въ Воронежѣ, по снуетя немного лѣтъ перевезенъ былъ въ Подольскую губернію. Григ. Ник. Гѣ говоритъ: «Скоро послѣ второго своего брака, Ник. Осип. Гѣ продалъ свой домъ въ Воронежѣ и перѣхалъ съ семьей въ Кіевъ. Еще годъ снуетя онъ купилъ на Подолѣ село, въ Могилевскомъ уѣздѣ, и поселился въ немъ, гдѣ и умеръ».

Такимъ образомъ, при поступленіи своемъ въ кіевскую гимназію, Н. Н. Гѣ пріѣхалъ туда уже не изъ Воронежа, а изъ Подольска.

«Родился я, говоритъ Н. Н. Гѣ, въ 1831 году въ большую холеру. Отца не было дома по службѣ, мать умерла отъ холеры, оставивъ меня 3-мѣсячнымъ. Я слышалъ въ дѣтствѣ, и вѣрю этому, что насъ, троихъ дѣтей дворянскихъ, т. е. моихъ братьевъ, 2-хъ и 3-хъ лѣтъ, крѣпостные люди снесли за городъ, къ воспитательницѣ моей матери, которая жила за 7 верстъ въ подгородномъ селѣ и мы такимъ образомъ уцѣлѣли отъ этого страшнаго бича. Они-же дали знать отцу моему и матери его, моей бабушкѣ, которая явилась на нашу выручку, и съ тѣхъ поръ для меня стала матерью.

«Началось мое младенчество. Объ немъ трудно рассказывать, какъ о свѣтѣ утромъ, до восхода солнца, но всякій отлично знаетъ и помнитъ то, что я помню: я какъ будто вижу эти лучшіе годы жизни».

Пропосытея передъ его воображеніемъ былыя сцены, старыя разговоры съ няней, съ бабушкой. Няня говоритъ: «Бѣдный сирота, иѣтъ у тебя матери!»—«А гдѣ-же она?»—«На небѣ».—«А я увижу ее?»—«Да, когда помрешь, увидишь»—«Какая-же она?»—«Она чистая какъ ангель, вся въ бѣломъ...» Потомъ представляется другая сцена, изъ того времени, когда маленькому Колѣ было всего четыре года.

«Присѣла на полъ милая няня, мальчикъ обнялъ няню, смѣется съ няней, увидѣлъ знакомые большіе голубые глаза, цѣлуетъ ихъ, плачетъ. Стало жалко нянѣ и себя, и питомца.—«Ничего, ничего, я такъ».—«Нѣтъ, расскажи». Слезы смѣнились просьбой. Няня быстро вѣтаетъ и показываетъ питомцу тѣло все избитое, израненное. Четыре года отъ роду исполнилось дитяти и я не забылъ съ тѣхъ поръ то, что потомъ назвалъ неволей народной. Крѣпкое кольцо ручопокъ обвивало шею няни, когда грозило ей горе. Можетъ быть не разъ своей безпомощностью онъ защищалъ ее...» Разказанная сцена, такъ сильно вѣзвѣвшаяся въ воображеніе маленькаго мальчика, относилась къ тому, что въ семействѣ Гѣ, въ 30-хъ годахъ, главнымъ хозяиномъ и владыкой, послѣ отца,

Николая Осиповича, былъ отставной солдатъ, Огурцовъ, истинное наслѣдіе аракеевскихъ временъ: жестокій, злой, безсердечный, муштровавшій всѣхъ, кто могъ отъ него зависѣть, съ тѣмъ самымъ палочнымъ варварствомъ, съ какимъ прежде муштровали его самого въ полку. Онъ былъ нѣчто въ родѣ управителя, дворецкаго, онъ всѣмъ распоряжался, онъ всѣмъ завѣдывалъ, особливо во время частыхъ отлучекъ хозяина, спокойно терпѣвшаго его, сообразно съ тогдашними всеобщими понятіями. Всѣ въ домѣ передъ нимъ трепетали. Особливо онъ ненавидѣлъ молодую, добрую, хорошую няню, быть можетъ всего болѣе за то, что она пользовалась всѣми симпатіями бабушки и ея внучатъ. Онъ однажды подкараулилъ, какъ ее поцѣловалъ въ саду молодой учитель, Востоковъ (впослѣдствіи на ней женившійся). Огурцовъ варварски за это съ нею расправился, и управы на него за это не могло быть никакой. Бабушка и ея внуки могли только плакать, горько рыдать—и ничего болѣе. Но безобразія Огурцова только усиливали любовь, состраданіе и глубокія сердечныя симпатіи дѣтей къ своей милой нянѣ. Н. Н. Гѣ восклицаетъ:

«Добрая, милая няня, равной тебѣ не встрѣчалъ я болѣе, а по сердцу, по любви никогда тебя не забуду, учительница правды, учительница жизни! Ты своею чистою кроткой народной любовью освѣтила мое младенчество и завѣщала мнѣ чуткость къ чужому горю».

«Длинная комната, бревенчатыя стѣны. Въ углу много образовъ, восковыхъ недогорѣвшихъ свѣчей. На постели сидитъ милая добрая бабушка въ бархатныхъ сапогахъ и сухою съ длинными пальцами рукою гладитъ по головѣ своего спротку-внука, меньшого, а потому и любимого. И внуку, и бабушкѣ хорошо, мирно, тепло; она только что кончила утреннюю молитву, такъ по крайней мѣрѣ думаетъ внучекъ. Вдругъ двери распахнулись и влетаетъ сверстникъ внука, Платошка, и сквозь слезы быстро не то проситъ, не то ждетъ. Бабушка спокойно указываетъ ему своей доброй рукою мѣсто подъ своей постелью, и туда Платошка съ радостью, смѣшанной со страхомъ, ныряетъ. Въ дверяхъ, слѣдомъ за Платошей, вырастаетъ старикъ съ военной выправкой, твердо, но почтительно спрашиваетъ: «не здѣсь-ли Платоша?» и бабушка милымъ кроткимъ малороссійскимъ выговоромъ говоритъ: «онъ уже не будетъ, не будетъ; ступай, Огурцовъ», и Огурцовъ, сраженный этой добротой, уходитъ, а внучекъ все видѣлъ, все понялъ; самъ ни слова, но еще и еще все болѣе любитъ бабушку, и живъ ея образъ въ немъ даже чрезъ 50 лѣтъ.

«Пріѣхалъ отецъ, въ домѣ все засуетилось. Я вижу въ окно потныхъ лошадей съ закрученными хвостами. Ямщикъ въ грязи, хорошо знакомая бричка—бричка Чичикова, я въ ней ѣздилъ на каникулы.

Читая впоследствии про настоящую чичиковскую бричку, я зналъ, что тамъ изюмъ, орѣхи и множество сладкихъ вещей. Вытаскиваютъ вещи, въ томъ числѣ Платошку. Его привезли въ мѣшкѣ. Я слышалъ тогда же, что его мой отецъ купилъ за 25 рублей. Его одѣли одинаково со мной и поставили товарищемъ. Опъ былъ потомъ мнѣ другомъ, товарищемъ, учителемъ, слугой. Все это во мнѣ было перемишано, и до сихъ поръ я не могу этого раздѣлнить, несмотря на очень точное раздѣленіе, существующее кругомъ меня.

«Прибѣжала няня и стала разсказывать, какъ въ Алексѣевскомъ монастырѣ поднимали колоколь и купецъ упалъ съ колокольни и умеръ: весь сталъ синий. До сихъ поръ эти два понятія остались у меня вмѣстѣ: когда слышу, что кто-нибудь умеръ, мнѣ представляется, что онъ непременно синий, и я удивленъ, находя, что мертвый иногда желтый.

«Сидитъ бабушка, а вокругъ нея много монаховъ, странниковъ. Одинъ, я помню, съ длинными волосами, босой и съ палкой, на которой привѣшено много цвѣтовъ. Множество нищихъ, бѣдныхъ женщинъ и одна, какъ теперь вижу, туго обвязанная чернымъ платкомъ, ласкаетъ меня, и изъ-за платка выпираетъ сдѣланнаго изъ дерева или волка, или собаку, или лошадь—самое дорогое для меня животное. Когда-же снѣгъ или грязь, монахи сидятъ по стульямъ кругомъ желтой залы, и у каждаго подъ сапогами листъ газетной бумаги, чтобы снѣгъ или грязи не оставался на полу. И все они послушно поднимаютъ свои ноги, когда Михайло, маленький человѣчекъ, кладетъ имъ газеты подъ ноги. Они такъ и сидятъ, и кротко бесѣдуютъ съ бабушкой. Одинъ изъ этихъ монаховъ хорошо рисовалъ; онъ написалъ бабушкѣ «Отче нашъ», какъ печатно, и съ первой буквой Θ золотомъ, а мнѣ нарисовалъ сѣрую лошадь съ поднятымъ хвостомъ и турецкимъ сѣдломъ, акварелью. Для меня этотъ подарокъ былъ истиннымъ торжествомъ. Я первый разъ видѣлъ хорошо нарисованную лошадь.

«Я началъ рисовать не помню когда; помню только, что нарисовалъ на полу мѣломъ лошадей и архимандрита въ мантии, что мнѣ ужасно нравилось. Бабушка замѣтила, что лошадей рисовать можно на полу, а архимандрита нельзя; что по полу ходятъ и топчутъ, что грѣшно, и стала мнѣ давать листки бумаги, чтобы я священные предметы рисовалъ на бумагѣ. Это я исполнялъ, и всегда отдавалъ бабушкѣ.

«Еще одно тяжелое воспоминаніе: сижу я съ няней у окна, противъ дома площадь, на ней учатъ солдатъ. Солдаты въ своихъ необычныхъ платьяхъ ходятъ не такъ какъ все, ходятъ правильными квадратами, линиями и вотъ вдругъ выносятъ одного. Что съ нимъ? Его страшно били и потомъ вынесли замертво.

«Какъ любилъ я конюшню, и вмѣстѣ ненавидѣлъ и боялся. Любилъ я Гришку кучера и лошадей. Гришка съ прямыми волосами, съ лицомъ

въ веснушкахъ. да и съ руками, покрытыми веснушками, возьметъ бывало меня на руки: чувствую я его твердыя, крѣпкія плечи, обниму его шею, и мы пройдемъ такъ мимо большой черной собаки Дубинки, которая иногда срывалась съ цѣпи и поднимала смятеніе во дворѣ, какъ во время бури: всѣ тогда бросались въ двери, въ калитки, нищѣ вмѣстѣ съ нами— все поскорѣе на заперъ. Одинъ Гришка, безстрашный, поймаетъ тогда Дубинку, привяжетъ ее опять на цѣпь, и мы пройдемъ съ нимъ мимо. въ конюшню. Гришка дастъ мнѣ погладить всѣхъ лошадей—ихъ большую добрую, умную морду съ прекрасными глазами, съ волнистой гривой, а иногда и посадитъ меня на караковую: и сидишь на ней съ трепетомъ сердечнымъ, отъ радости и страха. Но это мѣсто радости— было тоже и мѣстомъ горя, ужасныхъ волея — когда Огурцовъ наказываетъ.

II.

Гимназія.

«Мы жили въ деревнѣ. Осенью 1840 года, изъ деревни Подольской губерніи, мои старшіе два брата отправлялись въ Кіевъ, въ гимназію. Меня, какъ младшаго (всего 10-ти лѣтъ), пожалѣли и оставили дома до Нового года. Мнѣ было завидно смотрѣть на братьевъ, которые уѣзжали, и тоскливо было оставаться дома безъ товарищей, да еще осенью и зимой, когда приходилось сидѣть дома — гулять не пускали. Наконецъ настала зима, и къ новому году отецъ мой собрался ѣхать въ Кіевъ. Меня стали снаряжать въ дорогу, сшили мнѣ шубу изъ заячьяго мѣха, мѣхъ былъ зашитъ коленкоромъ, такъ какъ заяцъ лѣзетъ. Собрались въ дорогу, закутали меня, матица положила мнѣ краюшку хлѣба за пазуху; по обычаю, посидѣли, поплакали, простились, посадили меня въ кибитку, отецъ тоже сѣлъ, и поѣхали. Ѣхали мы не долго, дня три, не больше. Дорога была хорошая, ѣхали скоро,—должно быть, на почтовыхъ. Приѣхали въ Кіевъ.

«Кіевъ былъ не тотъ, какъ теперь. Онъ былъ главнымъ образомъ на Печерскѣ,—Московская и Никольская улицы были главныя улицы,— въ Лишкахъ, какъ и теперь, затѣмъ на Подольѣ и на Старомъ Кіевѣ, который кончался у Золотыхъ воротъ, гдѣ и былъ валъ, защищающій городъ. Остальное—были пустыри и провалья, ноенвіеіе разныя названія. На одномъ изъ пустырей строился университетъ и мѣсто это называлось «Новое строеніе». Остановились мы въ извѣстной тогда «Зеленой гостиницѣ», изъ оконъ которой виденъ былъ плацъ для военныхъ упражненій.

«Отецъ мой бралъ моихъ братьевъ въ отпускъ, ходили мы всѣ трое по улицамъ, заходили каждый день въ кондитерскую Беккера, на Московской улицѣ. Разумѣется, время свободы и гулянья пролетѣло быстро.

Отец свелъ меня въ 1-ю гимназію, въ Липкахъ, гдѣ теперь духовное училище. Директоръ А. Г. Петровъ задалъ мнѣ задачу: раздѣлить простое число на 9,—я не могъ. Петровъ посоветовалъ отцу отдать меня въ частный пансіонъ на эти полгода: тамъ мнѣ будетъ легче и тамъ меня приготовить. Отецъ согласился и отдалъ меня въ пансіонъ Гедуана, гдѣ я и пробылъ до лѣта.

«Номню живо то свое ощущеніе, когда я, простившись съ отцомъ, остался одинъ, въ первый разъ среди незнакомыхъ мнѣ людей, въ чужомъ домѣ. Мнѣ было жутко, спротивно, но не страшно, скорѣе любобытно.

«Кончилось мое дѣтство», такъ обыкновенно все говорятъ. Мнѣ кажется—это не такъ. Мое дѣтство продолжалось, и продолжалось еще долго. Все то, что составляло незыблемый, внутренній міръ, чтò меня руководило до сихъ поръ въ жизни — оставалось тѣмъ-же неизмѣняемымъ, пезыблемымъ. Измѣнилась внѣшняя обстановка, измѣнились люди, окружавшіе меня. Няни не было, слуги, друзья—остались дома. Бабушка хотя жила далеко, даже и послѣ пансіона, когда я былъ уже въ гимназіи, но ко мнѣ все-таки приходили богомолки въ черныхъ платкахъ и приносили отъ бабушки скринку, обшитую желѣзомъ и наполненную подарками бабушки: тетрадки въ видѣ сердца съ молитвами, очищенные орѣхи и пастилу, собственноручно приготовленную бабушкой, и оиать я этимъ добрымъ богомолкамъ отдавалъ пустую скринку, и оиать ее получалъ, пока бабушка не умерла».

«Гедуанъ, небольшого роста французъ, съ рыжими короткими бакенбардами и добрымъ лицомъ, ласково обнялъ меня и повелъ къ себѣ, въ свою семью, къ женѣ и дѣткамъ, двумъ дѣвочкамъ-близнецамъ. Тутъ я остался до вечера, а затѣмъ вошелъ въ число учениковъ, которыхъ было немного, человекъ 15, и которые жили вмѣстѣ съ семействомъ Гедуана. Я скоро освоился, подружился и съ товарищами, и съ дѣвочками, въ особенности съ той, которая хотѣла рисовать, а у меня были краски. Онѣ были до того похожи между собой, что прежде чѣмъ называть, я смотрѣлъ на родимое пятнышко на вискѣ—тогда я зналъ, что говорю съ ней, а не съ другой...

«Я какъ-то захворалъ. М-ше Гедуанъ взяла меня къ себѣ почевать. Рано утромъ я проснулся. Маленькая комната, ихъ спальня, вся залита солнцемъ. Дверь растворена прямо въ садикъ, и м-г Гедуанъ, въ одномъ жилетѣ, возится въ садикѣ. Канарейки поютъ во весь голосъ. Комната, обстановка, дверь въ садъ, Гедуанъ въ бѣломъ жилетѣ, съ черными руками въ землѣ, канарейки, м-ше Гедуанъ, большая, добрая французенка съ орлинымъ носомъ, съ большими очками—все мнѣ показалось необычайно, не такъ, какъ у насъ дома. Когда я былъ впоследствии въ Парижѣ, я оиать встрѣчалъ эту картину, и всегда она мнѣ напоминала и Кіевъ, и дѣтство.

«Весна въ Кіевѣ. Тепло. Оживленіе природы кіевской, богатой всѣми сторонами. Одинъ Днѣпръ чего стоитъ! Начались наши прогулки. Благодаря одному изъ товарищей, Анненкову, отецъ котораго занимался раскопками древностей и строилъ Десятинную церковь на мѣстѣ древней, мы ходили на эти работы. Я въ первый разъ услышалъ, что есть на свѣтѣ древность. Каждый разъ я узнавалъ что-нибудь новое. Я долго испытывалъ это новое для меня впечатлѣніе остатковъ прежней жизни. Позже я понялъ, что услыхъ Н. И. Костомарова въ Кіевѣ, независимо отъ его дарованія, усиливался отъ приунытія остатковъ древней жизни, которые, связанные съ современной обстановкой, невольно звали искать такихъ-же остатковъ древняго человѣка среди живущихъ теперь. Это самое я позже не только чувствовалъ, но понималъ и въ Римѣ, читая римскую исторію для своихъ художественныхъ цѣлей. Это-же чувство впоследствии вызвало у меня живой образъ Петра Великаго въ Петербургѣ.

«И вотъ, эта возможная, свѣтлая, умная, просвѣщенная жизнь была смущена, огорчена человѣкомъ жестокимъ, ненавистникомъ дѣтей, нанимъ единственнымъ надзирателемъ. Это былъ опять тотъ-же Огурцовъ. Онъ изобрѣталъ способы улучшить наказанія. Онъ ставилъ на колѣни съ двумя толстыми книгами въ рукахъ, поднятыхъ кверху. Каждый ученикъ долженъ былъ имѣть вырѣзанную изъ бумаги форму гитары, для подкладыванія подъ колѣни, такъ что наказанные должны были вкладывать платки въ панталоны. Онъ билъ квадратной линейкой по головѣ, и одинъ разъ разломалъ ее на чьей-то головѣ. Онъ рвалъ уши,—завитокъ уха отдѣлялся трещиной, которая покрывалась постояннымъ струпомъ. За каждую ошибку онъ давалъ щелчокъ въ ухо. О сѣченіяхъ я уже не говорю. Удивительная вещь—отецъ мой выносилъ наказаніе, которое называлось субботки, т. е. сѣченіе всѣхъ въ субботу, виноватыхъ—за вину, а невинныхъ, чтобъ они не портились. Это было въ началѣ столѣтія, въ то время никто не возмущался такими наказаніями и этотъ педагогъ, вѣроятно, до старости оставался имъ, сохраняя свой взглядъ на подобныя наказанія. Въ наше время, одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ, навѣрно не злой человѣкъ, соболѣзновалъ, что пельзя съчъ, или что мало съкуютъ, а сто лѣтъ тому назадъ, Екатерина Великая подписала уставъ Академіи Художествъ съ такимъ параграфомъ: «тѣлесныя наказанія во всей Академіи и въ училищѣ запрещаются и надъ нижними служителями, дабы юношество не видѣло ни малаго примѣра суровости; а употреблять къ поправленію оныхъ другія пристойнѣйшія средства; когда-жъ и то не помогаетъ, то отъ Академіи ихъ отрѣзывать, а за тяжкія преступленія отсылать въ опредѣленные по закону мѣста (Уставъ импер. Академіи Художествъ, 10. § 7).

«Настало лѣто. За мной пріѣхали, чтобы везти домой въ деревню.

Товарищи бронзалась со мной, а Галле, учитель рисованія, неожиданно для меня произнесъ рѣчь, обращенную ко мнѣ. Въ этой рѣчи онъ про- рочилъ мнѣ славу художника. Я почувствовалъ любовь и благодарность за это благородное обращеніе къ ученику. Оно не могло не блестять въ то время, когда оскорбить, уничтожить, принизить—считалъ своимъ дол- гомъ каждый, за малыми исключеніями. Неправистники учениковъ стоялъ тутъ-же рядомъ.

«Къ августу мѣсяцу этого-же года, дорогой нашъ дядя повезъ насъ въ Кіевъ, меня, чтобы опредѣлить въ гимназію. Мы любили нашего дядю, онъ былъ братъ отца, моложе его десятью годами. Онъ побаи- вался отца, какъ и мы, а съ нами былъ какъ товарищъ.

«Бхали мы на своихъ. Время было превосходное: тепло, фруктовъ много. Мы бхали пять дней. Эти переѣзды были самое дорогое въ дѣтствѣ: дорога нарушаетъ порядки, обыкновенное, скучное; все было ново, необычайно. Останавливались мы рано. Заходъ солнца, новое мѣсто, постоянный дворъ, пріятные запахи сѣна, навоза. Вести лошадей на водо- поной верхомъ къ рѣчкѣ, къ колодцу, быть съ истиннымъ другомъ всѣхъ дѣтей, съ кучеромъ, ужинать, гулять и потомъ спать на полу, на сѣнѣ, рапо, до свѣта вставать, чувствовать эту утреннюю прохладу, къ жарѣ опять останавливаться, часто въ лѣсу или въ полѣ, не въ селѣ—все это тоже особія новыя впечатлѣнія; даже мухи не несомы, а пріятны своимъ жужжаніемъ. Эти жидовскія комнаты съ особеннымъ запахомъ мѣла и ржавыми стеклами, съ заповѣдами на дверяхъ! Мы, грѣшныя, часто выдирали ихъ оттуда, какъ бумажки и, разумѣется, не разбирая, что написано по-еврейски, бросали. Но, какъ ни хорошо, а наконецъ Ва- сильковъ, Глевиха, Пески и... Кіевъ. Конецъ очарованію! Я это чувство и теперь испытываю, подъѣзжая къ Кіеву, хотя и по желѣзной дорогѣ, и съ другой стороны.

«Пожили мы съ дядей на Печерскѣ, на постояломъ дворѣ. Помню, какъ братъ мой выбросилъ за окошко цѣлую шапку шелухи отъ орѣ- ховъ и попалъ на шляпу какому-то господину, проходившему мимо. Тотъ обидѣлся, вѣжалъ въ комнату, а милый дядя сталъ его уговаривать и доказывать, что это простая неосторожность, безъ злого умысла, и тотъ наконецъ успокоился. Да! но и это время прошло! И дядя, горюя самъ, наконецъ отвезъ меня въ первый пансіонъ при первой гимназій въ Липкахъ, на углу Лютеранской и Левашевской улицы *).

«Ученики были на дворѣ. Простаясь съ дядей, я пошелъ одиноко. и увидѣлъ стоящаго между двухъ высокихъ липъ (онѣ и сейчасъ рос- туть) новичка, не въ казенномъ платьѣ, а въ такомъ, какъ и я былъ

*) Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ при кіевской гимназій было три «пансіона». В. С.

одѣтъ. Я къ нему подошелъ, и узналъ, что и онъ сегодня поступилъ въ первый классъ. Мы обрадовались, стали сразу и товарищами на «ты», и друзьями. Намъ стало легче—одиночество пропало. Фамиліи его была Бендзинскій.

«Съ этого дня мы начали нашу жизнь въ пансіонѣ, и черезъ шесть лѣтъ въ одинъ день вышли. Мы были друзьями все время, онъ любилъ особенно музыку, я—рисованье. Онъ былъ круглый сирота, у него была только сестра, которая воспитывалась въ другомъ семействѣ, и онъ ее не зналъ. У него ничего не было: въ продолженіе шести лѣтъ у него, буквально, ни разу не было ни одного гроша. Окончивъ гимназію и поступивъ въ университетъ, разумѣется, въ число казеннокоштныхъ, онъ продолжалъ ходить въ гимназическомъ платѣ. Онъ самъ плохо зналъ исторію своей семьи. Въ немъ принималъ участіе одинъ только человѣкъ, ему чужой, органистъ Украинскій; онъ-же давалъ ему уроки музыки. Самъ Бендзинскій былъ сердечный, скромный и чрезвычайно умный и любознательный юноша. Въ свободное время мы не ходили въ отпускъ, мы съ нимъ читали, и перечли все, что можно было, все путешествія. Путешествіе Кука насъ очень интересовало. Прочли Вальтеръ-Скотта, что было Диккенса, своихъ писателей старыхъ, въ особенности, Загоскина, войну 12-го года Михайловскаго. Данилевскаго. Къ намъ присоединилось еще шесть товарищей. Бендзинскій и на нихъ имѣлъ большое вліяніе.

«Среди насъ установился высшій уровень, который у насъ сохранился все время. Благодаря ему, мы не держались съвернаго обычая—угнетать меньшихъ. Я испыталъ на себѣ, что такое угнетеніе и вотъ по какому поводу. Затѣвали домашній театръ. На черномъ дворѣ, на сѣновалѣ, приготавлились декораціи учениками высшихъ классовъ. Мнѣ страстно захотѣлось посмотрѣть, а можетъ быть, и поработать, и я рѣшился пробраться туда. Я вылѣзъ изъ окна второго этажа пансіона на крышу крыльца, которое граничило съ чернымъ дворомъ и, соскочивъ туда во дворъ, побѣжалъ къ лѣстницѣ сѣновала. Я поднялся по ней съ біеніемъ сердца, отъ радости и страха. Я уже чувствовалъ дорогой запахъ скипидара, красокъ, я поднялъ доску входа и вошелъ. Въ ту-же минуту на меня посыпались пинки съ гикомъ и крикомъ, и меня вытолкали вонъ. Ни просьбы, ни мольбы не помогли. Надо мной захлопнули доску. Я-было пріютился на лѣстницѣ, меня не оставляла надежда, но скоро насталъ конецъ, я долженъ былъ испытать еще одну муку: на меня вылили цѣлое ведро помоевъ, и я въ такомъ видѣ пошелъ домой уже законнымъ путемъ, рискуя попасть на глаза начальству; слава Богу, привратникъ милостиво пропустилъ.

«Но и Бендзинскаго тоже обидѣли. Добрый, нѣжный учитель не повѣрилъ ему однажды, что онъ и любитъ, и повимаеть музыку. Онъ

возвратилъ ему одно его сочиненіе, сказавъ, что это «не его». Вѣдпый Бендзинскій, какъ истинный философъ, спокойно перенесъ это: взялъ свой трудъ и подѣлился имъ только съ нами.

«Вначалѣ мы еще застали въ пансіонѣ нѣкоторую свободу, предоставленную ученикамъ. Такъ наиримѣръ, по праздникамъ, тѣ, которые не ходили въ отпускъ, имѣли право проситься въ городъ на нѣсколько часовъ. Мы съ Бендзинскимъ не ходили въ лавки, мы ходили гулять подалеже, иногда просиживали все время на горахъ, любуясь Днѣпромъ, или сходили внизъ—къ нему. Зимой мы ходили къ отцу нашего товарища Краузе, лектору университета, у котораго была богатая коллекція гравюръ, онъ любовно намъ предлагалъ ее разматривать, или просто ходили сидѣть на горѣ надъ Крецатикомъ, чтобы подышать свободнымъ воздухомъ, а не пансіонскимъ, хоть и холодно было сидѣть на снѣгу.

«Я жилъ по старому, но только болѣе опредѣленно. Моя жизнь раскололась на двое. Одна половина—это былъ мой внутренній міръ, моя вѣра въ добро, любовь, правду, знаніе; сюда-же я относилъ и искусство, тогда состоявшее для меня изъ рисованія по сѣбѣстамъ и праздникамъ, а также и вообще въ свободное время; другая—исполненіе какихъ-то обязанностей, навязанныхъ мнѣ, и мнѣ непонятныхъ столько-же, какъ и отношеніе къ людямъ, холодное, офиціальное, безразличное. Я чувствовалъ, что все это нежелательное не отъ меня зависитъ, и я его исполнялъ на столько, на сколько механически требовалось. Этотъ лишній грузъ каждый выдаетъ, когда наступаетъ минута, что можно бросить. Сравнивая обѣ эти половины, существующія для дѣтей, я теперь къ сожалѣнію нахожу, что первая, своя, совѣмъ умалаялась у насъ тогда, а вторая, чужая, выросла до невѣроятности и до ненужныхъ размѣровъ. Впрочемъ, не только товарищи, но даже и начальство, были все болѣе дѣтя, а потому стояли ближе къ намъ, дѣтямъ, и потому, будучи съ нами одного и того-же образа мыслей, дѣлали нашу жизнь болѣе простою и ясною. Къ тому-же и срокъ ученія былъ противъ теперешняго гораздо короче: всего 6 лѣтъ.

«Среди начальниковъ, мы встрѣтили замѣчательнаго человѣка, дорогаго для насъ—директора гимназій Александра Григорьевича Петрова. Онъ былъ человѣкъ средняго роста, съ большой головой, покрытой черными волосами. Добрые и умные глаза, большая нижняя губа, какъ у античныхъ головъ, бросались въ глаза. Говорилъ онъ по русски, прибавляя «съ» къ концу словъ,—говорилъ громко и пріятно, былъ вообще человѣкъ простой и добрый,—мы его любили и уважали. Онъ жилъ не съ нами, но никто не зналъ, былъ онъ въ пансіонѣ или нѣтъ: сигналовъ о прибытіи его не было: часто онъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ, а мы этого и не знали.

«Вечеръ—8 ч. Весь пансіонъ, поужинавъ, спускается по лѣстницѣ въ нижній этажъ—спальни. Ночники на дверяхъ въ притолкахъ, съ плавающими свѣчами, слабо освѣщаютъ анфиладу комнатъ; быстро раздѣваясь, всѣ укладываются въ постели. Католики еще разъ творятъ молитвы на колѣняхъ, у постели; русскіе, закутавшись въ одѣяло, про себя, засыпая молятся, хотя бабушка не сидитъ около, а далеко. Вдругъ входитъ директоръ и несетъ большую бумагу. Зная, зачѣмъ пришелъ директоръ, кто не успѣлъ заснуть накидываетъ на себя одѣяло, всѣ сбѣгаютъ къ директору, вытаскиваютъ свѣчу изъ ночника и онъ читаетъ, то что-нибудь изъ Гоголя, то извѣстіе, что наконецъ подняли колонны на Исакиевскій соборъ. Всѣ слушаютъ со вниманіемъ — куда дѣвался сонъ! Къ полночи кончается мирная бесѣда и всѣ расходятся. Директоръ никогда не пропускалъ случая, чтобы не выразить своего одобренія какимъ-нибудь маленькимъ подаркомъ: то онъ подаритъ карандашъ, бумагу, политинажъ, циркуль, резинку, шахматы, ножикъ.

«У насъ любили музыку,—много учениковъ изъ поляковъ отлично играли на фортепіано. Часто Александръ Григорьевичъ заставлялъ меня слушающимъ хорошую игру. Тогда онъ на цыпочкахъ подходилъ ко мнѣ, подсаживался и слушалъ самъ, и никогда не оскорблялъ меня замѣчаніемъ, почему я не занимаюсь уроками. Онъ зналъ, что и музыка что-то дорогое, что и она образовываетъ человѣка.

«Я помню, какъ одинъ разъ, во время контрактовъ (кіевской ярмарки) онъ встрѣтилъ насъ, оставшихся въ пансіонѣ на праздники Рождества, на Подолѣ, около контрактובהго дома. Онъ вошелъ въ этотъ домъ съ нами, чтобы купить каждому что-нибудь. Меня онъ подвелъ къ картинамъ, литографіямъ, и предложилъ выбрать что-нибудь себѣ по вкусу, а когда я выбралъ небольшую литографію, онъ остановилъ меня, говоря: «ты не церемонься, выбирай, что лучше!», и самъ мнѣ выбралъ большую литографію «лошадь». Онъ зналъ, что я дома по праздникамъ рисовалъ рисунокъ со Штейбена «Ватерлоо», и желалъ дать мнѣ что-нибудь крупное, чтобы помочь работѣ. Вотъ какой былъ у насъ директоръ! Кто его зналъ, тотъ не могъ его забыть. Черезъ 30 лѣтъ, въ семидесятыхъ годахъ, я встрѣтилъ его однажды въ Петербургѣ, на Англійской набережной. Я подошелъ къ нему, снялъ шляпу и сказалъ: «Дорогой Александръ Григорьевичъ, я счастливъ, что могу теперь вамъ сказать, какъ я васъ любилъ и уважалъ мальчикомъ-гимназистомъ, за ваше доброе, человѣческое и просвѣщенное отношеніе ко мнѣ».

«Къ сожалѣнію, онъ оставался не долго съ нами. Когда мы узнали окончательно, что онъ насъ оставляетъ, мы цѣлымъ пансіономъ, до ста человѣкъ, пошли не парами, какъ обыкновенно ходили, а толпой, къ нему на квартиру, выразить наше сожалѣніе. Мы это сдѣлали не по внушенію кого-бы то ни было, а прямо отъ своего сердца—намъ было

жалко разставаться съ такимъ другомъ. Онъ насъ принялъ радостно. Посадить насъ всѣхъ было невозможно,—мы, какъ вода, залили его домъ собою. И мы растаяли.

«На его мѣсто поступилъ нашъ-же инспекторъ, отставной артиллеристъ, человекъ добрый, но онъ не могъ замѣнить Александра Григорьевича.

«Кромѣ А. Г. Петрова, у насъ были еще дорогіе намъ учителя: учитель латинскаго языка—Невинскій, географіи—Свитушковъ, математики—Гренковъ и Тихомандрицкій (онъ-же профессоръ университета), русской словесности—Арсеньевъ и русской исторіи—извѣстный Ник. Ив. Костомаровъ. Всѣ эти почтенные учителя знали свой предметъ, любили его, и потому у нихъ и мы учились съ охотой, съ радостью, по крайней мѣрѣ, тѣ, которые хотѣли учиться; для тѣхъ-же, которые не хотѣли учиться, былъ выходъ изъ III-го класса въ военную службу — въ юнкера.

«Учитель латинскаго языка Невинскій (полякъ), съ помощью аудиторовъ, зналъ, какъ занимается каждый, и что нужно сдѣлать, чтобы помочь ему, чтобы онъ успѣвалъ. Его сынъ тутъ-же учился съ нами, онъ къ нему относился совершенно равно, какъ и ко всѣмъ остальнымъ. Всѣхъ аудиторовъ онъ иногда приглашалъ къ себѣ въ семью, и былъ любезенъ и внимателенъ, какъ самый близкій родной. Когда всѣ разѣзжались на праздники и мало оставалось учениковъ въ пансіонѣ, или сироты, или бѣдные, или дѣти далеко живущихъ родителей, добрый Невинскій бралъ меня къ себѣ, и разъ, и два, и три, и всегда бывало приласкаетъ оставшагося. Семья учителя ласкала чужое дитя, какъ свое, и въ чужой семьѣ опять радость воскресала—образъ доброй бабушки.

«Съ математикомъ Гренковымъ я познакомился такъ: нашъ преподаватель въ I-мъ классѣ заболѣлъ, и Гренковъ пришелъ его замѣнить. Встрѣтивъ въ спискѣ мою фамилію (мой старшій братъ Осипъ былъ хорошій математикъ), онъ вызвалъ меня и—разочаровался. Я показался ему слишкомъ медленнымъ, онъ даже щелкнулъ меня пальцами по лбу. Но когда я перешелъ въ слѣдующіе классы и сталъ учиться у него, онъ меня полюбилъ. Въ высшемъ классѣ, преподавая физику, онъ бывало позоветъ меня къ себѣ въ кабинетъ и говоритъ: «Милый человекъ, вотъ тебѣ сочиненіе—ты добавь все точиѣе. Мы не успѣемъ, по времени, прочесть. Да я приду къ тебѣ помочь» — и онъ дѣлалъ это каждую недѣлю. Значитъ онъ давалъ мнѣ уроки изъ любви къ ученику. А то еще бывало: «Прийди, голубчикъ, получилъ я новую машинку въ кабинетъ, такъ вынемъ ее и попробуемъ». И радостны ученикъ и учитель, и возятся они цѣлые часы вмѣстѣ. Онъ былъ въ такихъ случаяхъ со мною не какъ учитель, а какъ товарищъ, пріятель.

«Тихомандрицкій превосходно преподавалъ геометрію, его всѣ любили.

Онъ никогда не спрашивалъ тѣхъ, которые занимались и знали предметъ. Онъ вызывалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было повторить новый урокъ, показавшійся непонятнымъ классу.

«Арсеньевъ, большой поклонникъ Жуковского, былъ чрезвычайно нѣжный, добрый человѣкъ. Относился ко всемъ ровно, уважалъ учениковъ занимающихся. Я помню, когда послѣ исполненныхъ мною декораций онъ меня вызвалъ и вдругъ остановилъ: «Нѣтъ, говорить, ты не можешь не знать и не учиться! Ты художникъ, ты понимаешь прекрасное,—я видѣлъ твои работы!» И затѣмъ никогда меня не спрашивалъ. И теперь скажу по совѣсти, онъ былъ правъ, я никогда не роговалъ не приготовить какой-бы то ни было урокъ. Онъ потерялъ жену, проживши немного съ ней, годъ или около этого. Онъ такъ страдалъ, что мы, мальчишки, видѣли его горе. Одинъ разъ, онъ, читая, коснулся подобнаго же горя, наклонился къ каедрѣ и горько заплакалъ. Мы, мальчишки-шалуны, какъ одинъ человѣкъ поняли горе человѣка, замолкли, потомъ тихо по очереди начали читать, чтобы не смущать человѣка, и такъ дошли до конца класса.

«Николай Ивановичъ Костомаровъ былъ любимѣйшій учитель всехъ: не было ни одного ученика, который-бы не слушалъ его разсказовъ изъ Русской исторіи. Онъ заставилъ чуть не весь городъ полюбить русскую исторію. Когда онъ вѣталъ въ классъ, все замирало, какъ въ церкви, и лилась живая, богатая картинами, старая жизнь Кіева,—всеъ превращались въ слухъ. Но—звонокъ, и всеъ было жаль, и учителю, и ученикамъ, что время такъ быстро прошло. Самый страстный слушатель былъ нашъ товарищъ, полякъ, впоследствии докторъ, Сагатовскій. Николай Ивановичъ никогда никого не спрашивалъ, никогда не ставилъ балловъ. Вывало, учитель нашъ кидаетъ намъ какую-то бумагу и говоритъ скороговоркой: «Вотъ, надо проставить баллы. Такъ вы уже сами это сдѣлайте», говоритъ онъ, и что-же—никому не было поставлено болѣе 3-хъ балловъ. Нельзя—совѣстно, а вѣдь было тутъ до 60-ти человѣкъ. Или какой-нибудь слабый летитъ съ вопросомъ: «Ник. Ив., а по чему (по какому учебнику) отвѣчать на экзаменѣ?»—«Какъ хотите, это ваше дѣло». Что общаго между знапіемъ и экзаменомъ?

«Уроки Н. И. были духовные праздники, — его урока всеъ ждали. Впечатлѣніе было таково, что учитель Линиченко, поступившій на его мѣсто, у насъ въ послѣднемъ классѣ цѣлый годъ не читалъ исторіи, а читалъ русскихъ авторовъ, сказавъ, что послѣ Костомарова онъ не будетъ читать намъ исторію. Такое-же впечатлѣніе онъ производилъ и въ женскомъ пансіонѣ, а потомъ въ университетѣ. Въ женскомъ образцовомъ пансіонѣ воспитывалась моя жена, она мнѣ это потомъ передавала.

«Среди учителей былъ у насъ маленькій человѣкъ, и ростомъ, и своею скромностью, и сознаниемъ своего ничтожества. Это учитель ри-

сованія. Для меня-же этотъ человѣкъ былъ самая близкая душа. Онъ былъ художникъ, да еще несчастный. Исторія его проста: онъ былъ человѣкъ безъ роду, безъ племени, какъ говорятъ, бѣдный человѣкъ, но Богъ далъ ему дарованіе. Онъ попалъ въ Академію Художествъ, прекрасно рисовалъ, былъ ученикомъ профессора Егорова. Егоровъ, какъ стипендіе, признавалъ только рисунковъ, и потому полюбилъ Бѣляева за строгій рисунокъ. Бѣляевъ съ глубокимъ чувствомъ повторилъ слова Егорова, обращенныя къ нему: «Алексѣвичъ! я въ тебѣ вижу себя». Но, несмотря на это, съ Ѳедоромъ Алексѣвичемъ (таково было его имя) случилось горе—у него умерла невѣста. Онъ заболѣлъ, чуть не умеръ, а, выздоровѣвши, увидѣлъ себя внѣ Академіи, безпомощнымъ, безъ средствъ. Случайно попался онъ на глаза попечителю кіевскаго округа фонъ-Брадке. Этотъ взялъ его и назначилъ учителемъ рисованія въ гимназію въ Кіевѣ—вотъ тутъ онъ и погибалъ.

«Всякій знаетъ, что такое урокъ рисованія въ гимназіи. Это время гульбы: шумъ, гамъ, крикъ. Ѳедоръ Алексѣвичъ приладилъ доску на каюдерѣ, и тонко художественно-очищеннымъ карандашомъ съ шарикомъ на остріѣ мягко кладетъ витрихи. Вдругъ съ боку нарочно или не нарочно толчокъ подъ руку—карандашъ ломается и дѣлаетъ безобразную линію во весь рисунокъ. Ѳедоръ Алексѣвичъ съ досады хватаетъ доску и ищетъ своего врага, но, разумѣется, тотъ исчезъ. Ѳедоръ Алексѣвичъ опять начинаетъ свою сизифову работу. И вотъ, среди этихъ варваровъ, какъ онъ называетъ ихъ и въ душѣ и на словахъ, онъ встрѣчаетъ мальчика, который во всѣ свободныя минуты только и дѣлаетъ, что рисуетъ. Ѳедоръ Алексѣвичъ, разумѣется, любитъ этого мальчика и потому еще больше боится, чтобы онъ не попалъ на его карьеру, а потому кроется отъ него. Но я неудержимо стремлюсь къ нему—иду къ нему.

«Онъ жилъ на Екатерининской улицѣ. Маленькая комната, на полу вездѣ разсыпано сѣмя для голубей, которые тутъ-же ходятъ; стоитъ мольбертъ, на немъ неоконченная картина, масляными красками «Меркурій усыпляетъ Аргуса», шкатулка съ красками еще въ пузырькахъ, овальные палитры, гипсовые головы, клятки для голубей, этюды, рисунки по стѣнамъ, запахъ сигары, и милый, кроткій Ѳедоръ Алексѣвичъ, въ одномъ жилетѣ, сидитъ добрый, грустный, молчаливый, перебираетъ на гитарѣ грустные мотивы. Я мало разговаривалъ съ нимъ, и наслаждался имъ.

«Каждый годъ, къ акту, я готовилъ массу рисунковъ всякаго жанра акварелей. Тутъ было все—и головы, и виды. Ѳедоръ Алексѣвичъ все раскладываетъ на столѣ и любовно меня благодаритъ. Мы съ нимъ представляемъ дѣятельность по искусству за всѣхъ. Бѣдный Ѳедоръ Алексѣвичъ! Онъ мнѣ одинъ разъ показалъ мѣсячные баллы, гдѣ мнѣ

былъ поставленъ за всѣ мѣсяцы полный баллъ 5. Онъ и самъ зналъ, что это ничего не стоитъ, но хотѣлъ чѣмъ-нибудь отблагодарить меня.

«Когда я получилъ вторую золотую медаль въ Академіи Художествъ, я заѣхалъ къ нему, проѣздомъ черезъ Кіевъ. Онъ мнѣ сказалъ грустнымъ голосомъ: «Я зналъ, что ты будешь художникомъ, — я тебѣ не говорилъ этого, я боялся тебя соблазнить. Нѣтъ больше горя, какъ быть художникомъ!» Онъ воскресъ отъ унынія передъ смертью: онъ сочинилъ эскизъ: «Освобожденіе крестьянъ», но, не окончивъ, умеръ. Я не видалъ эскиза, — мнѣ рассказывали *).

«Учителя были дорогіе люди, они были свѣтлыя точки нашей жизни. Но были и будни — жизнь наша дома. Мы жили съ нашими врагами — съ нашими надзирателями. Всѣ они были люди необразованные. Разумѣется, имъ было не легко оставаться поневолѣ цѣлыя сутки съ сотней мальчишекъ, которые, доведенные до полного раздраженія, готовы были на всякія безумія. Единственное средство, къ которому они всегда прибѣгали, это — держатъ насъ на своихъ мѣстахъ. Но это было для насъ пыткой, и вотъ иногда дѣлался бунтъ — взрывъ. Гасились лампы, свѣчи, и сто человѣкъ стучали, кричали, кидали мебель, — однимъ словомъ, былъ адъ. Это не дѣлалось по заговору, а просто не хватало у насъ терпѣнія, загоралась первая потребность выйти хоть на минуту изъ этого ужаснаго угнетенія. Да это и не были педагоги, а просто сбродъ. Тутъ были всякіе люди. Былъ французъ, котораго любимое занятіе было говорить о гадостяхъ. Онъ былъ лучше всего, когда былъ пьянъ: тогда онъ садился на одинъ стулъ, протягивалъ ноги на другой и спалъ. Былъ тоже

*) Въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Н. Н. Гѣ» Грлг. Ник. Гѣ говоритъ: «Впослѣдствіи, ставъ уже извѣстнымъ художникомъ, Н. Н. говаривалъ, что чувствуетъ себя сильно обязаннымъ своему учителю рисованія въ гимназіи. Мнѣ никогда не върплось въ искренность этой благодарности... Бѣляевъ не могъ ни въ комъ зародить художника...» и т. д. Но дѣло идетъ повсе не о «зарожденіи художника» кѣмъ-бы то ни было, это есть дѣло немислмое и несбыточное, а только о воодушевленіи къ художеству того, у кого есть по натурѣ искреннее расположеніе къ нему. И къ такому воодушевленію другихъ былъ, судя по всѣмъ рассказамъ Н. Н. Гѣ, вполне способенъ добродушный, честный сердцемъ, безкорыстный и преданный своему искусству Бѣляевъ. Для этого нѣтъ надобности быть самому особенно талантливымъ человѣкомъ. Бѣляевъ талантомъ вовсе и не былъ, а живопись любилъ, и самымъ симпатичнымъ, сердечнымъ образомъ настаивалъ къ тому, сколько могъ, и своего любезнаго ученика, Н. Н. Гѣ. Какъ-же этому послѣднему было всего этого не чувствовать, и не быть искренно благодарнымъ своему дорогому учителю? Впрочемъ, рассказы Н. Н. Гѣ вполне подтверждаются другимъ, вполне достовернымъ свидѣтелемъ: академикомъ и извѣстнымъ нашимъ скульпторомъ Парменомъ Петровичемъ Забѣлло, который былъ ученикомъ кievской гимназіи въ одно время съ Н. Н. Гѣ, самъ уже начиналъ любить искусство и съ успехомъ занимался рисованьемъ, къ чему его очень энергично и любовно поощрялъ тотъ-же симпатичный горемыка-учитель *Θ. А. Бѣляевъ.*

одинъ швейцарецъ, старый, въ парикъ: бывало схватить кого-нибудь изъ учениковъ и летить мазуркой по всей анфиладѣ семи комнатъ, и не только дѣлаетъ безчинства, но мѣшаетъ заниматься. Былъ еще грекъ—старикъ, одинъ полякъ, еврей иѣмецкій и даже одинъ графъ. Но ни объ одномъ ничего нельзя сказать, самое лучшее—забыть.

«У насъ были въ ходу наказанія фдой. Иные ученики официально никогда не обѣдали. Разумѣется, товарищи всегда носили имъ часть своей фды и обыкновенно на спинѣ, за курткой; чтобы пища (говядина, алады) не унала, куртка придерживалась натянутой такъ, что жиръ стекалъ по спинѣ. И вотъ, этотъ грузъ спѣшилъ въ скрытое мѣсто, гдѣбы начальство не помѣшало. Такое мѣсто—отхожее, и тамъ наказанный и обѣдаетъ. Или прислуга спрячетъ пищу, завернутую въ бумагу, подъ подушку.

«Надъ этими надзирателями стояла цѣлая лѣстница начальства: инспекторъ, директоръ, инспекторъ учебныхъ заведеній округа, помощникъ попечителя, попечитель. Къ намъ имѣли отношеніе первые три. Инспекторъ былъ полтавскій помѣщикъ, добрый человѣкъ, но не могшій ничего дѣлать—онъ ничего и не дѣлалъ.

«Директоръ былъ (какъ уже выше сказано) отставной артиллеристъ; онъ былъ въ сущности человѣкъ добрый, но руководить или вліять онъ не могъ. Его занимала вѣшняя сторона, а онъ особенно возбуждался, когда заведенію предстояло посѣщеніе высшаго начальства.

«Нашу церковь, какъ находящуюся въ Липкахъ, посѣщали лица высшихъ сословій, которыя жили преимущественно въ Липкахъ. Появились новопривзжія двѣ дамы, двѣ сестры П. Желая пользоваться ихъ обществомъ, началъ посѣщать нашу церковь и генералъ-губернаторъ Бибииковъ. Вотъ по поводу этихъ посѣщеній нашъ добродушный директоръ-артиллеристъ и принялся приводить нашъ вѣшній видъ въ порядокъ. Прежде всего насъ остригли, затѣмъ насъ начали строить такъ, чтобы линіи головъ были вѣрны. Директоръ бѣгалъ, пригибался чуть не до земли, чтобы видѣть чистоту линій; затѣмъ шли быстрые вопросы: кто спереди, кто сзади, кто справа, кто слѣва? Бибииковъ, разумѣется, насъ не видѣлъ; мы-же видѣли и его, и его свиту, а въ пей тогда состоялъ даже одинъ поэтъ: Аскоченскій, въ синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами. Къ намъ въ пансіонъ даже дошло его поэтическое посвященіе двумъ П., напечатанное на голубой бумажкѣ золотомъ.

«А вотъ, когда насъ увидѣлъ Бибииковъ, тутъ мы и почувствовали его обращеніе. Онъ встрѣтилъ насъ, однажды, идущихъ цѣлымъ пансіономъ, человѣкъ 100, замѣтилъ у одного ученика незастегнутыми одну или двѣ пуговицы на курткѣ, тотчасъ остановилъ насъ и закричалъ: «Другой разъ я тебя здѣсь выпорю, ежели это случится!» Намъ всемъ стало стыдно за него.

«Инспекторъ учебныхъ заведеній округа, крѣпко сутуловатый человекъ, но чрезвычайно занятый собой, что видно было и въ одеждѣ, и въ прическѣ, пришелъ одинъ разъ къ намъ въ пансіонъ. На мою бѣду меня взяла охота рисовать виды изъ моего путешествія домой на каникулы, въ Подольскую губернію. Я нарисовалъ на доскѣ два вида: мѣстечка Мурафы и города Могилева на Днѣстрѣ: оба мѣста замѣчательно красивыя панорамой. Нарисовавъ, я подписалъ оба. Входитъ Могилянский (фамилія инспектора), увидаль эти рисунки, нарисованные на доскѣ мѣломъ, остановился и громкимъ голосомъ сердито спросилъ: «кто рисовалъ?» Я назвалъ себя. Онъ вдругъ обругалъ меня и прогналъ на мѣсто. Не только я, но и всѣ товарищи удивились и не поняли, въ чемъ дѣло. И только когда прибѣжалъ инспекторъ и объяснилъ, въ чемъ дѣло, тогда мы, зная причину, пришли въ недоумѣніе. Дѣло было въ томъ, что Могилянский шелъ въ сопровожденіи надзирателя Мураида, грека, и рисунки принялъ какъ что-то обидное для нихъ обоихъ: Могилянский и Могилевъ, Мураида и Мурафа. Вотъ до какихъ тонкостей достигала глупость!

«Въ 1871 году, когда была выставлена картина моя «Петръ и царевичъ Алексѣй», я видѣлъ, какъ онъ, Могилянский, подошелъ къ картинѣ, долго смотрѣлъ и все пожималъ плечами, выражая недоумѣніе. Должно быть, онъ припомнилъ старую исторію своего воспитательства.

«Ожидали пріѣзда великаго князя Михаила Павловича. Разумѣется, приготовленій было безъ конца. Инспекторъ нашъ, артиллеристъ, маленькаго роста, худенькій, мечется, строитъ насъ, выстригши вѣхъ подъ гребенку. Составили изъ насъ особыя колонны; ночью насъ будили, учили стоять—кому спереди, кому справа, кому слѣва. Инспекторъ чуть не ложится на полъ, чтобы выслѣдить линію головъ. Потомъ убѣгаетъ въ растворенныя двери и оиать появляется, стараясь войти величественно: «Здравствуйте, дѣти!» И мы должны кричать въ одинъ голосъ привѣтъ. Мы это продѣлывали цѣлый мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ кричали, кричали. Пріѣхалъ великій князь, вошелъ въ залу и, посмотрѣвъ на потолокъ, сказалъ: «А, совершенно по-петербургски выстроено», и затѣмъ еще спросилъ про шкапы, такъ какъ тутъ стояли шкапы съ книгами. А потомъ пошелъ скоро дальше, а насъ и забыть. А мы-то учились, учились кричать—и ни къ чему.

«Пріѣхалъ царь, вошелъ въ залу, поздоровался. Мы прокричали. Подошелъ ближе,—я видѣлъ его ясно, онъ мимо меня проходилъ. Портретъ Крюгера похожъ, но выраженіе лица было не такое строгое. Въ зеленомъ военномъ сюртукѣ, до того вытертомъ, что видно подтканье. На рукѣ, опущенной, на мизинцѣ, красномъ отъ крови, широкое золотое

кольцо, почти во весь сустав. Старшіе изъ насъ носили погоны на плечахъ. Государь спросилъ: «что это значитъ?» Увидаль наши воротники, застегнутые и подпирajúціе горло, въ особенности маленькимъ, велѣлъ сръзвать воротники, чтобы дать свободу движенію головы. Противъ насъ стояли студенты: у одного студента были бакенбарды по модѣ, охватывающіе все лицо и горло. Государь замѣтилъ, что бакенбарды носить можно, но подъ горломъ—брить. Потомъ остановился и началъ рассказывать, что въ кіевскомъ институтѣ дѣти говорятъ хорошо по-русски, а въ полтавскомъ все говорятъ по-малорусски, несмотря на все старанія весьма почтенной директрисы. Затѣмъ уѣхалъ. Воротники намъ сръзали, а студентамъ запретили носить бакенбарды.

«Прошло три года. Нѣтъ болѣе директора прежняго. Артиллеристъ сталъ директоромъ. Пошли смотрѣ; насъ весь день приковывали къ мѣсту. «Зачѣмъ тутъ сидишь?» — «Слушаю музыку!» — «А уроки на-завтра?» — «Я готовъ!» — «Все равно, ступай на мѣсто, безпорядокъ».

«Праздникъ. «Позвольте пойти погулять на горы». — «Зачѣмъ?» — «Погулять». — Нельзя. Нужно, чтобы кто-нибудь тебя взялъ и ручался за тебя». — «Да прежде пускали, у меня никого нѣтъ». — «Такъ было прежде, теперь нельзя». — Въмѣсто исторіи втаскивали къ намъ въ классъ громаднѣйшую доску, всю въ дырахъ. Намъ преподается новая наука—хропология, и вотъ артиллеристъ-директоръ съ восторгомъ излагаетъ, какъ колышками можно пройти всю исторію, и стоитъ только выучить наизусть года и знать краски: желтые колышки—Франція, синіе—Германія, зеленые—Россія и т. д. Мы бились, бились, да такъ и бросили. Никто не могъ овладѣть этою нелѣпостью. Но все намъ на каждомъ шагу запрещалось: ходить нельзя, читать нельзя, слушать музыки нельзя; сиди на мѣстѣ—это главное. И вотъ пошли мы писать на листѣ года, мѣсяцы и дни, сколько остается намъ еще этого ужаснаго времени.

«Въ эти шесть лѣтъ сначала было хорошо и легко, зато послѣ—стало тяжело. И вотъ подъ конецъ, когда дѣбалось все хуже и хуже, эта жизнь стала похожа на тюремную жизнь. Я не былъ въ тюрьмѣ, но читалъ Достоевскаго, и находилъ отдаленное сходство съ нашею прежнею кіевскою гимназическою жизнью.

«Однако-же, несмотря на нашу замкнутость, несмотря на усилившуюся строгость, по мѣрѣ приближенія къ 1848 году, идеи чловѣколюбія и разума проникали къ намъ. У насъ были свои вопросы и мы ихъ рѣшали. Несмотря на раздѣленіе насъ на двѣ національности, на поляковъ и русскихъ, вражды у насъ не было, и этотъ вопросъ насъ со-

вѣмъ не занималъ: насъ занималъ вопросъ крѣпостной. У насъ были слуги, крѣпостные родителей, которыхъ, въ видѣ охраны дѣтямъ даже отъ начальства, посылали родители. Они были вмѣстѣ съ тѣмъ слугами въ пансіонѣ, т. е. слугами всѣхъ. И вотъ, по поводу этихъ слугъ, у насъ шли споры. Среди насъ, хотя и немного, но были угнетатели слугъ, будущіе крѣпостники — имъ и доставалось отъ большинства товарищей за дурное обращеніе со слугами.

«Всѣ мы поступали въ гимназію съ полной дѣтской вѣрой, а выходили мы безъ нея. Она не была поддержана соответствующимъ развитіемъ, которое мы встрѣчали въ предметахъ свѣтскаго образованія. Это обстоятельство имѣло громадное значеніе въ эпоху нашей современной жизни, и въ этомъ обстоятельствѣ нужно будетъ искать причину многихъ явленій нашего времени. Но о личныхъ страданіяхъ, какъ-бы они ни были тяжелы, можно забыть, когда настало уже общее обновленіе жизни и всѣ недостатки педагогіи названы. А потому я могу въ заключеніе сказать только одно: я, лично, выходилъ изъ гимназіи съ аттестатомъ въ рукахъ, сознавая всю несправедливость угнетенія моей личности, и потому считалъ себя обязаннымъ никогда и никого не угнетать. Думаю, что я былъ не одинъ.

«Наконецъ, гора свалилась; послѣ этого страшнаго безумнаго экзамена за шесть лѣтъ, кончено мученіе, можно жить, думать, познавать, заниматься дѣломъ. Желанный родителями, желанный всѣми аттестатъ на право поступленія въ университетъ—полученъ. Въ 1847 году я сдѣлался студентомъ кіевского университета, по математическому факультету».

III.

Университетъ.

Въ кіевскомъ университетѣ Н. Н. Гѣ пробылъ всего годъ, и воспоминаній объ этомъ времени сохранилось въ его черновыхъ наброскахъ очень немного. Вотъ главныя подробности изъ этого періода.

«Переимѣнился мой красный воротникъ на синій. Уроки или классы переименованы въ лекціи, ихъ не «говорятъ», а «читаютъ». Въ гимназіи были у меня товарищи, были и друзья среди товарищей, учителей, начальства. Въ университетѣ товарищей уже болѣе для меня нѣтъ, изъ старыхъ друзей осталось всего нѣсколько, да и тѣ разбились на факультеты—ничего общаго у насъ нѣтъ. Профессора какіе-то чужіе, далекіе, незнакомые. Что-то новое, официальное, громадное, почти все захватило. Ходятъ студенты въ сборной, одинъ другому чужіе. Инспекторъ подходитъ ко мнѣ и вѣжливо проситъ сбрить усы, о которыхъ я въ первый разъ узналъ, что они есть.

«Въ аудиторію двери растворены, появляется профессоръ исторіи, въ шубѣ. Исчезаетъ шуба, какъ скорлупа орѣха, и орѣхъ очищенный, профессоръ, входитъ прямо на кафедру и продолжаетъ лекцію, начатую давно, давно. Звонокъ. Студентъ ловитъ минуту, подаетъ бумажку профессору къ подписанію *). «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ профессоръ,—миѣ все равно, что у васъ будетъ въ головѣ; а я отвѣчать своимъ карманомъ не желаю», и юркнулъ опять въ свою скорлупу—въ шубу.

«Но и тутъ нашелся одинъ живой человѣкъ—хранитель университетскаго музея, когда-то прежде бывший крѣпостной человѣкъ, любившій искусство и бывший въ Петербургѣ. Несчетное число разъ разспрашивалъ я его, заставлялъ рассказывать миѣ подробно, какія фигуры въ «Помпее» Брюлова (тогда славившейся по всей Россіи): въ Петербургѣ я еще не бывалъ, ни гравюръ, ни литографій у насъ въ университетѣ не было. Но онъ такъ зналъ картину, что могъ-бы, кажется, нарисовать ее всю»...

Въ кievскомъ университетѣ Н. Н. Ге оставался недолго, всего одинъ годъ. Старшій его братъ, Осипъ, былъ уже тогда въ петербургскомъ университетѣ и сталъ звать брата Николая тоже переѣхать въ Петербургъ, жить съ нимъ вмѣстѣ и поступить въ петербургскій университетъ. Н. Н. Ге съ удовольствіемъ послушался и въ 1848 году перешелъ въ Петербургъ, и поступилъ на математическій факультетъ, на которомъ находился старшій братъ. Онъ этому такъ радовался, что передъ отъѣздомъ разрисовалъ всю свою кievскую квартиру углемъ—фигуры въ ростъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, первымъ его дѣломъ было бѣжать въ Академію Художествъ, посмотреть «Помпею» Брюлова, до такой степени наполнявшую все его воображеніе. «Пріѣхалъ, увидалъ «Помпею» и не могъ наглядѣться», пишетъ онъ.

Но самъ университетъ не произвелъ на него особенно благопріятнаго впечатлѣнія. «Опять пошло все то-же новое — это знаменитыя имена профессоровъ. Встрѣчая ихъ на улицѣ, я снималъ передъ ними шапку, даже послѣ выхода изъ университета. Я уважалъ ихъ труды, но ни одного не зналъ. Не было мѣста, гдѣ-бы я могъ хоть съ однимъ познакомиться. Но было въ этомъ огромномъ, механически составленномъ обществѣ, особое общество, какъ государство въ государствахъ—это большое общество студентовъ-музыкантовъ. Они играли всѣ вмѣстѣ, составляя одинъ общій большой оркестръ, они давали концерты, все это группировалъ вмѣстѣ большой любитель музыки, инспекторъ. Я ходилъ слушать музыку, но людей не зналъ и не узнавалъ»...

*) Эта бумажка—право на полученіе книги изъ университетской библіотеки, для научныхъ занятій.

Инспекторъ, про котораго здѣсь рѣчь идетъ, былъ Ал. Ив. Фигуръ, дѣйствительно великій любитель музыки, особенно квартетной. У него бывали по зимамъ квартетные вечера, гдѣ онъ самъ игралъ на альтѣ, а съ конца 1840-хъ годовъ онъ устроилъ симфоническіе концерты, происходившіе въ залѣ университета, большею частью по воскресеньямъ, и гдѣ оркестръ, довольно многочисленный, конечно всего болѣе по части струнныхъ инструментовъ, и очень недурной, исполнялъ подъ управленіемъ прекраснаго дирижера, Карла Шуберта, множество хорошихъ вещей, всего болѣе Бетховена и другихъ классиковъ. Эти концерты играли громадную роль въ дѣлѣ развитія музыкальности не только университетскихъ студентовъ, но и всей тогдашней петербургской публики. Сѣровъ и Воронинъ, тогда еще юноши, точно лекціи музыки слушали, присутствуя на этихъ концертахъ. Для Гѣ, вовсе не музыканта, университетскіе концерты составляли утѣшеніе и радость. Университетъ мало еще удовлетворялъ его, ему нужна была художественная жизнь, художественныя ощущенія, и онъ находилъ ихъ, на недѣлѣ—въ залахъ Эрмитажа, по воскресеньямъ—въ университетской залѣ на концертахъ. «Но нельзя развѣ ходить и въ университетъ и въ Академію Художествъ, читаемъ мы въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ его. Искусство перетянуло, и я поступилъ въ Академію».

Это совершилось такъ. Къ внутреннему голосу, звавшему его къ кистямъ и палитрѣ, присоединился тоже и голосъ извнѣ. Гѣ, однажды, совершенно случайно, встрѣтилъ на одной изъ петербургскихъ улицъ стараго товарища по кievской гимназій, Шармена Петровича Забѣллу, и разговорился съ нимъ сердечно, душевно, какъ иной разъ разговариваютъ съ знакомымъ, неожиданно встрѣченнымъ на чужой сторонѣ. Такія встрѣчи бывають иногда очень важны даже между людьми мало знавшими другъ друга, мало прежде бывшими вмѣстѣ. Такъ было и на этотъ разъ. Н. Н. Гѣ печально повстрѣчалъ П. П. Забѣллу, Богъ знаетъ почему сильно обрадовался ему: вѣдь въ кievской гимназій онъ никогда не былъ съ нимъ близокъ—развѣ одно только сближало ихъ, то, что оба, еще мальчиками, очень любили рисовать. Но, принявшись разсказывать прежнему товарищу свое нынѣшнее житье-бытье, свою прилежную, старательную жизнь по части науки, въ университетѣ, Н. Н. Гѣ неожиданно-пегаданно услышалъ, что Забѣлла—художникомъ сталъ, въ художники пошелъ, что онъ поступилъ въ Академію Художествъ, учителя тамъ. «А я?», подумалъ про себя Гѣ: и давно, еще раньше встрѣчи пробудившаяся мысль поднялась и заиграла. Разсказы о классахъ, о художественной работѣ, среди толпы товарищей, быстро воспламенили молодого человека, и онъ потребовалъ отъ Забѣллы, чтобы имъ видаться, да еще и почаще. Это состоялось, и скоро для Гѣ оставаться еще дальше въ университетѣ, заниматься тѣмъ, что ему было не свойственно—па-

укой, сдѣлалось невыносимо, это стало казаться ему совершенною невозможностью.

Онъ рѣшилъ, что ему надо дѣлать и разомъ круто повернулъ со своею жизнью. Онъ вышелъ изъ петербургскаго университета, пробивъ тамъ всего два года, и поступилъ въ Академію Художествъ.

Вначалѣ, по прїѣздѣ въ Петербургъ, онъ жилъ на одной квартирѣ со старшимъ своимъ братомъ Осипомъ. Но собиравшееся тамъ общество было ему совершенно неподходящее: вѣчныя карты, вино, шумъ, гамъ, праздные и пустыя разговоры—все это было не по немъ, и онъ отъѣхалъ на свою собственную отдѣльную квартиру, состоящую всего изъ одной комнаты. Но теперь, рѣшившись идти по художеству, онъ нашелъ, что ему всего лучше и нужнѣе жить вмѣстѣ съ товарищами-художниками, учениками Академіи художествъ, какъ и онъ самъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Это произошло въ 1859 г.

Ему тогда было всего 19 лѣтъ, и однакожь въ эту минуту онъ совершилъ, одинъ, самъ съ собою, самый рѣшительный и важный переломъ въ своей жизни.

В. Стасовъ.

ИЗГНАННИКЪ.

Въ таинственномъ сумракѣ ночи,
При розовомъ блескѣ дневномъ,
Идетъ онъ, потушивши очи,
Идетъ онъ, поникнувъ челомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ небесный Владыка
Мятежнаго духа изгналъ,
Его преклоненнаго лика
Никто никогда не видалъ.

Незримый, идетъ онъ, не зная,
Откуда, зачѣмъ и куда,
И поступь его неземная
Скользитъ по землѣ безъ слѣда.

Но слышитъ его приближенье,
Но чуетъ зловѣщій приходъ
Все то, что живетъ лишь мгновенье,
Все то, что вѣками живетъ.

И тамъ, гдѣ пройдетъ онъ, завянутъ
На высохшихъ стебляхъ цвѣты,
И вѣрить сердца перестанутъ
Обманамъ лукавой мечты.

Тамъ хмурая смерть воцарится,
Порывы любви охладить,
И то, что изъ праха родится,
Въ безчувственный прахъ обратитьъ.

Такъ гибельный путь совершая,
Покорный вельню Творца,
Отъ края земли и до края
Идетъ онъ, идетъ безъ конца...

К. Львовъ.

Переселенческое дѣло съ начала 80-хъ годовъ *).

Стоитъ хотя немного присмотрѣться къ переселенческому движенію въ Россіи, чтобы замѣтить правильное его возрастаніе почти изъ года въ годъ. До 80-хъ годовъ оно было совсѣмъ незначительно. Но за первую половину 80-хъ годовъ (1881—85) число переселившихся (перешедшихъ чрезъ Волгу въ восточныя губерніи Европейской Россіи) достигло 53,000 душъ. Для второй половины 80-хъ годовъ мы имѣемъ такія цифры: въ 1886 году чрезъ Тюмень прошли 11,862 переселенца, 1887—13,810, 1888—26,129, 1889—28,341, 1890—33,720, 1891—67,994, 1892—80,015, 1893—58,018, 1894 (до 1-го іюля) 57,000. За 10 лѣтъ, съ 1885 года и до 1 іюля 1894, чрезъ Тюмень прошло 387,000 душъ. За тотъ-же періодъ число переселенцевъ, прошедшихъ чрезъ Оренбургъ, превышаетъ 60,000. Отъ наблюдателя переселенческаго движенія не ускользнетъ и другой фактъ—участіе среди переселенцевъ представителей все большаго числа губерній и областей. Мы имѣемъ для Томской губерніи подробныя свѣдѣнія за 10-лѣтній періодъ, съ 1884 по 1893 годъ. За первые года этого десятилѣтія переселенцы были выходцами изъ 22—25 губерній, при чемъ довольно крупныя цифры, больше 100 семей на губернію, приходились только на Курскую, Тамбовскую, Вятскую и Пермскую; въ послѣдніе-же годы десятилѣтія переселенцы были представителями 50—60 губерній; движеніе уже не ограничивалось средними черноземными и густонаселенными поволжскими губерніями; оно захватило и отдаленныя окраины Европейской Россіи—Подольскую и Астраханскую, Гродненскую и Ставропольскую, Петроковскую и Кубанскую область. И для тѣхъ губерній, гдѣ оно 10—8 лѣтъ тому назадъ выражалось совсѣмъ незначительными цифрами, оно является теперь замѣтнымъ фактомъ обществен-

*) Изъ рѣчи, произнесенной 18 декабря 1894 года на общемъ собраніи общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ.

ной жизни. За 1887 годъ въ Томской губерніи была отмѣчена только 1 семья изъ Черниговской губ., а за 1893—528 семей, изъ Казанской въ 1884—10, въ 1885—13, а въ 1893—294 семьи, изъ Кіевской въ 1886—2 семьи, 1891—2, а въ 1893—587, изъ Симбирской въ 1884—1, 1888—1, 1890—4, а въ 1893—187.

Что-же побуждаетъ всю эту массу покидать родину и за тысячи верстъ отыскивать новой осѣлости? Пусть сытые бездѣльники говорятъ о какомъ-то бродячемъ инстинктѣ русскихъ людей, который гонитъ ихъ изъ наснаженнаго гнѣзда и мѣшаетъ развитію чувства домовитости, которое является однимъ изъ важныхъ условій для успѣховъ народнаго хозяйства. Мы должны знать, должны твердо помнить, что за рѣдкими исключеніями всѣхъ этихъ людей гонитъ только нужда. Вспомните хотя немногія изъ массы свѣдѣній, накопленныхъ въ нашей литературѣ, — и вы скажете, что не должно быть двухъ мнѣній о причинахъ, которыя двигаютъ крестьянина изъ курскихъ, тамбовскихъ и черниговскихъ деревень въ Барнаульскій или Минусинскій округъ, на Сырь-Дарью или Амуръ. Вы видите нужду въ ея грозномъ образѣ, когда слышите отъ переселенцевъ Курской губерніи, что въ покинутомъ ими селѣ Бѣломъ, гдѣ болѣе 600 дворовъ, на наличную душу мужескаго пола приходится только 1½ десятины земли и никакихъ выгоновъ и сѣнокосовъ, когда слышите, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ за арендованіе десятины земли на 1 посѣвъ платятъ 20—30 рублей. Вы какъ-бы переживаете нужду переселенцевъ, когда выходцы большого села Бабина Курской губерніи говорятъ вамъ, что тамъ только 3 домохозяина имѣютъ по 3 лошади, а 1/3 вовсе не имѣютъ лошадей. Вы изумляетесь, какъ не покинули родной деревни еще десятки лѣтъ тому назадъ выселенцы изъ большой слободы Логовой Бѣлгородскаго уѣзда, гдѣ весь полевой надѣлъ не превышаетъ 1/4 десятины на душу, и гдѣ платятъ по 40—50 рублей за десятину земли, арендуемой подъ посадку свекловицы. Вы живо чувствуете всю неприглядность жизни на родинѣ, когда выселенцы изъ Мамадышскаго уѣзда, жалуясь, что душевой надѣлъ составляетъ 1½ десятины на душу, говорятъ о повсемѣстной въ уѣздѣ вырубкѣ лѣсовъ, образованіи множества размывовъ, снесеніи съ полей нахотнаго слоя, о полномъ исчезновеніи рѣчекъ, гдѣ 40—35 лѣтъ тому назадъ работало много мельницъ. Вы говорите, что нужно оставить родной кровъ, когда переселенцы изъ Самарской губерніи съ очень малымъ земельнымъ надѣломъ рассказываютъ о хозяйствѣ арендаторовъ: цифры, точныя цифры свидѣтельствуютъ, что даже въ урожайный годъ, при 80 пудахъ пшеницы на десятинѣ, чистый доходъ съемщика едва-ли выше нуля. До послѣдняго времени мы располагали многочисленными свѣдѣніями этого рода, разсѣянными въ сотняхъ томовъ. Но лѣтомъ нынѣшняго года канцелярія комитета министровъ обобщила этотъ разбросанный матеріалъ и опредѣлила по губерніямъ число

рабочихъ рукъ, которыя не находятъ занятія на мѣстѣ. Для 7 сѣверныхъ черноземныхъ губерній избытокъ рабочихъ рукъ опредѣляется въ 542,000 мужчинъ, для 3 южныхъ черноземныхъ—386,000, 3 юго-западныхъ—386,000, бѣлорусскихъ и литовскихъ—211,000. Официальное изданіе насчитываетъ для Россіи болѣе двухъ милліоновъ мужчинъ, которые нуждаются въ переселеніи; съ женщинами и дѣтьми это дастъ намъ слѣдующее 6 милліоновъ душъ. Неразрывная связь между нуждою и стремленіемъ переселиться доказывается и тѣмъ фактомъ, что даютъ наиболѣе переселенцевъ губерніи, гдѣ особенно велико число малоземельныхъ и безземельныхъ. Томская губернія получила всего болѣе переселенцевъ отъ губерній Курской, Тамбовской, Полтавской, Воронежской, Черниговской, и именно въ этихъ губерніяхъ число малоземельныхъ очень велико: ихъ насчитываютъ 635,000 душъ въ 7 среднихъ черноземныхъ губерніяхъ, больше 535,000 въ 3 южныхъ черноземныхъ.

Говорить-ли мнѣ объ условіяхъ, при которыхъ передвигаются эти люди на дальній востокъ? Въ этой самой залкѣ не разъ были живо изображены бѣдствія переселенцевъ въ пути и многолѣтнее неустройство на мѣстѣ водворенія. Каждый годъ газеты приносили во множествѣ извѣстія о томъ, какія невзгоды постигаютъ переселенцевъ даже въ Тюмени, гдѣ сдѣлано сравнительно довольно много для доставленія имъ начальныхъ жизненныхъ удобствъ. Скопленіе въ баракахъ въ 3—4 раза большаго числа людей, нежели то было-бы одобрено гигиеной, зараженность всѣхъ помѣщеній, огромное число больныхъ и умирающихъ. Каждый годъ (и еще не дальше какъ лѣтомъ нынѣшняго года) письма и телеграммы изъ Нижняго, Казани, Тюмени напоминали, что недостаетъ пароходовъ для быстрой перевозки всѣхъ переселенцевъ, что многія тысячи вынуждены ждать очереди 2—3—4 недѣли и болѣе. Каждый годъ сердце русскихъ людей сжималось отъ боли, что пароходы и баржи, на которыхъ перевозятся переселенцы, служатъ обширными покойницкими. Даже за май и іюнь нынѣшняго года были получены такія извѣстія: съ двухъ баржъ, которыя везли изъ Тобольска въ Барнаулъ 1,100 переселенцевъ, сняли 43 покойника, а съ парохода «Наслѣдница», который везъ изъ Тюмени въ Томскъ 2,000 переселенцевъ, сняли 107 покойниковъ. Напомню, наконецъ, что хотя переселенцы пользуются пониженной платой за переѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, однако, каждый годъ многія тысячи идутъ пѣшкомъ, многіе везутъ на тачкахъ своихъ маленькихъ дѣтей. Что-же находимъ мы на мѣстѣ водворенія? Кто пришелъ подъ урожай и хотя съ небольшими денежными средствами, тотъ легко устраиваетъ свое хозяйство. Урожай или недородъ — то-же, что выигрышъ или проигрышъ въ лотерей: нельзя угадать ихъ. А о размѣрѣ средствъ отдѣльныхъ переселенческихъ семей говорить опись, ежегодно производимая въ Томскѣ. За 4 года (1890—1893) были опрошены 14,509

семей относительно денегъ, съ которыми онѣ прибыли въ Томскъ. Оказалось, что 265 семей имѣли хорошія деньги—болѣе 300 рублей каждая; 800 семей имѣли по 100—300 рублей, т. е. средства достаточныя или почти достаточныя; 1,021 семья имѣла по 50—100 рублей, т. е. гораздо меньше, чѣмъ нужно для устройства хозяйства; 3,327 принесли съ собой крайне скудныя средства, по 10—50 рублей и, наконецъ, 9,096 семей пришли нищими, имѣли менѣе 10 рублей или не имѣли ничего. Итакъ, 8% принесли съ собой хорошія или достаточныя средства, 7% недостаточныя, 23% пришли почти безъ средствъ и 62% пришли нищими. Вдумайтесь въ эти цифры! Почти $\frac{2}{3}$ переселенцевъ находятся въ крайней нуждѣ и притомъ за много тысячъ верстъ отъ родины, вдали отъ односельчанъ, которые могутъ хоть чѣмъ-нибудь поддержать въ черный день, въ краю безлюдномъ, гдѣ расчистка пашни изъ-подъ лѣса нерѣдко требуетъ огромнаго труда и порядочныхъ запасныхъ средствъ, чтобы прокормиться до новаго урожая.

Съ начала 80-хъ годовъ частная благотворительность направляется и на переселенцевъ. Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» становится въ Европейской Россіи средоточіемъ, куда поступають dobroхотныя даванія. Но главнымъ мѣстомъ организованной благотворительности служатъ комитеты въ городахъ Сибири—Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Минусинскѣ, Читѣ и Владивостокѣ. Возникнувъ въ качествѣ частныхъ соединеній отдѣльныхъ лицъ, нѣкоторые комитеты получили уставы, которые и дѣлають ихъ болѣе прочными учрежденіями. Въ концѣ-же 80-хъ годовъ возникло общество содѣйствія переселенцамъ на Сѣверномъ Кавказѣ, а 6 ноября 1890 года былъ утвержденъ уставъ нашего общества.

Дѣятельность благотворительныхъ обществъ, возникшихъ для содѣйствія переселенцамъ, принимала, главнымъ образомъ, слѣдующія формы. 1) Переселенцамъ выдавались безвозвратныя пособія и безпроцентныя ссуды. 2) Устранялись бараки въ главныхъ пунктахъ скопленія переселенцевъ. 3) Оказывали переселенцамъ медицинскую помощь въ больницахъ и приѣмныхъ покояхъ, устроенныхъ при баракахъ. 4) Покупали для переселенцевъ лошадей и телѣги, а также плоты (такъ дѣйствовала переселенческой благотворительный комитетъ въ Читѣ, тѣмъ облегчая движеніе переселенцевъ по Амуру). Мы не располагаемъ точными данными для опредѣленія размѣра помощи переселенцамъ со стороны частной благотворительности. Составляя, въ среднемъ, нѣсколько десятковъ тысячъ ежегодно, эта помощь устраняеть только малую частицу нужды, которая обнаруживается среди переселенцевъ.

¹⁸⁸³ По мѣрѣ того какъ развивалось переселенческое движеніе, правитель-
ство начинало считать его предметомъ своихъ заботъ. Первою мѣрою за истекшее 10-лѣтіе было устройство въ 1883 году переселенческой конторы въ Батракахъ на Волгѣ; до сооруженія уральской дороги здѣсь

проходила большая часть переселенцевъ, направляясь на востокъ Европейской Россіи и въ Сибирь. Постройка дороги изъ Перми въ Тюмень измѣнила направленіе переселенческаго движенія: Тюмень и Томскъ сдѣлались важнѣйшими станціями, и въ эти города были назначены особые чиновники по переселенческимъ дѣламъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ такіе чиновники были назначены въ Уфу, Оренбургъ, Самару, Владивостокъ, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Барнаулъ. На нихъ возложена обязанность наблюдать за переселенческими партіями на мѣстахъ, помѣщать въ бараки, оказывать чрезъ врачей медицинскую помощь, содѣйствовать скорѣйшему передвиженію до мѣста новой осѣдлости. Въ главныхъ пунктахъ, Тюмени и Томскѣ, были построены для переселенцевъ бараки и при нихъ больницы. Законъ (послѣдовавшій за нѣкоторыми частными узаконеніями) 13 іюля 1889 года о переселеніи сельскихъ обывателей и мѣщанъ на казенныя земли занимаетъ самое выдающееся мѣсто въ переселенческой политикѣ послѣдняго десятилѣтія. Законъ разрѣшилъ переселяться на казенныя земли Европейской Россіи, Тобольской и Томской губерній, областей Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской. Въ апрѣлѣ 1892 года законъ былъ распространенъ на Енисейскую и Иркутскую губерніи. Заслуживаетъ вниманія отношеніе закона къ землевладѣнію. Земли ноступаютъ переселенцамъ не въ собственность, а въ безсрочное пользованіе съ запрещеніемъ отчуждать участокъ и обременять его долгами. Переселенцамъ предоставляется опредѣлить на сельскомъ сходѣ объ установленіи подворнаго или общиннаго владѣнія землей. Первое, удерживая за государствомъ верховное право на землю, отводимую переселенцамъ, можетъ получить въ будущемъ такое практическое значеніе: если-бы съ теченіемъ времени лучшіе пріемы сельскохозяйственнаго труда и большая плотность населенія возвысили цѣнность и доходность этихъ земель, а число душъ въ данномъ поселеніи не увеличилось, то государство будетъ въ правѣ открыть новымъ поселенцамъ доступъ на эти земли съ пониженіемъ нормы надѣла. Предоставленіе-же сельскимъ сходамъ права самостоятельно рѣшать относительно формы владѣнія землею выражаетъ бережное отношеніе къ такому важному факту, какъ строй землевладѣнія. Законъ даетъ переселяющимся нѣкоторыя льготы. Въ первые годы по водвореніи (два для Европейской Россіи и три для Азіатской), переселенцы освобождаются отъ всякихъ сборовъ, которые причитаются казнѣ; для мѣстностей Азіатской Россіи сборы и платежи опредѣляются на второе трехлѣтіе въ половинномъ размѣрѣ. Переселенцамъ отсрочивается отбываніе воинской повинности и разрѣшается, до окончательнаго перечисленія, пользоваться ссудами для продовольствія и обмѣненія полей на тѣхъ-же условіяхъ, на какихъ пользуются мѣстные крестьяне. Къ послѣдному пятилѣтію относится также пониженіе для переселенцевъ желѣзнодорожнаго тарифа. За истекшее десятилѣтіе казна отпускала на переселеніе

и нѣкоторыя денежныя средства, до 150,000 рублей въ годъ; большая часть этой суммы служила пособіемъ для переселенцевъ на Амуръ. Въ 1894 году на переселеніе израсходовано до 230,000. Кромѣ значительныхъ суммъ, выдаваемыхъ переселенцамъ на Амуръ, эти средства направляются въ распоряженіе чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ и выдаются переселенцамъ или въ качествѣ безвозвратныхъ пособій или въ качествѣ ссудъ, возвратъ которыхъ предоставляется на добрую волю заемщиковъ и не обезпечивается мѣрами понужденія. Одновременно съ назначеніемъ чиновниковъ по переселенческимъ дѣламъ, въ Сибири начали дѣйствовать отряды межевыхъ чиновъ для наръзки земельныхъ участковъ и отвода ихъ переселенцамъ. Сооруженіе сибирской желѣзной дороги, начатое въ 1891 году, снова напомнило о важности переселенческаго дѣла. Была признана необходимость заселить ближайшую къ желѣзной дорогѣ полосу земли. Для ускоренія этихъ работъ были усилены отряды межевыхъ чиновъ и въ распоряженіе сибирскаго комитета стали отпускать особыя средства на водвореніе переселенцевъ. Упомяну также о перемѣнѣ во взглядахъ цензуры на переселенческой вопросъ. Еще недавно обсужденіе этого вопроса въ подцензурныхъ изданіяхъ было крайне затруднено: вопросъ считался нецензурнымъ. Въ послѣдніе-же годы его обсужденію въ печати ставили меньше преградъ. Правда, я вынужденъ оговориться: изданіе руководства для переселенцевъ, предпринятое нашимъ обществомъ еще въ 1891 году, и до сихъ поръ, по независящимъ обстоятельствамъ, не видѣтъ свѣта.

Будь наша страна княжествомъ Шаумбургъ-Липпе или Рейссъ-Грейцъ, будь переселенія ежегодно необходимы для немногихъ тысячъ людей, то можно было-бы удовлетворяться перечисленными мѣрами: можно было-бы считать достаточнымъ, что частная благотворительность и государство, вмѣстѣ взятыя, ежегодно расходуютъ неполную четверть милліона. Но разъ рѣчь идетъ о необъятномъ царствѣ со 120-милліоннымъ населеніемъ, о странѣ, гдѣ, по признанію высшаго правительственнаго учрежденія—комитета министровъ—нѣсколько милліоновъ людей не могутъ упрочить на родинѣ свой хозяйственный бытъ, то граждане не могутъ мириться съ маленькими, частичными мѣропріятіями при рѣшеніи великихъ общественныхъ вопросовъ; сами собой выдвигаются требованія относительно переселенческой политики, требованія крупныхъ мѣръ, которыя соответствовали-бы и важности дѣла и государственному достоинству Россіи. Не упоминая о частичныхъ измѣненіяхъ, которыя должны быть сдѣланы въ законѣ 1889 г., мы положимъ въ основу отношенія государства къ переселенцамъ такія начала. 1) Должно получить господство убѣжденіе, что переселенія вызываются необходимостью, а потому и должны быть сняты все запреты, которыми нерѣдко стараются задержать крестьянъ, желающихъ искать удачи на дальнихъ окраинахъ. Но не довольно пожелать, чтобы мѣстная администра-

ція не удерживала отъ переселеній: ей должно быть вмѣсто въ обязанность заботиться о возможно большемъ содѣйствіи переселенцамъ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя поставлены въ особенно невыгодныя хозяйственные условия. Условиями, дающими поводъ къ такому ходатайству и побуждающими особенно тщательно изслѣдовать бытъ тѣхъ, кто желаетъ переселиться, должны служить: малый надѣлъ, меньше двухъ десятинъ на наличную мужескую душу въ черноземныхъ губерніяхъ и меньше $3\frac{1}{2}$ — въ нечерноземныхъ, безплодная почва, несчастные паносы и кочковатая болота, занимающія въ надѣлѣ обширныя площади, большая распространенность отхожихъ промысловъ, и именно для сельскохозяйственныхъ работъ, такъ какъ эти промыслы свидѣтельствуютъ о дурномъ положеніи крестьянскаго хозяйства. 2) Необходимо цѣлый рядъ мѣръ попеченія о переселенцахъ, находящихся въ пути, повсемѣстное упродоченіе медицинской помощи, устройство барачковъ, бань, внимательный надзоръ за пароходами, баржами и вагонами, которые перевозятъ ихъ и пр. 3) Работы по обмежеванію земель, отводимыхъ переселенцамъ, должны быть тѣсно связаны съ изслѣдованіемъ этихъ участковъ, въ отношеніи климата, почвы, воды. Только такое изслѣдованіе позволитъ избѣгнуть ошибокъ, теперь весьма частыхъ, когда партіи переселенцевъ отводятъ землю, или вовсе не пригодную для водворенія, или же по многимъ условіямъ не соответствующую навыкамъ, съ которыми переселенцы издавна сжились на родинѣ. Наконецъ, 4) кредитъ для переселенцевъ является краеугольнымъ камнемъ всего зданія. Ссуды, даваемые переселенцамъ, должны быть долгосрочными, такъ какъ покунка лошади, коровы, орудія образуетъ тѣ расходы хозяйства, которые соответствуютъ понятію объ основномъ капиталѣ. Начало погасительныхъ платежей должно быть отсрочено на 5—6 лѣтъ, къ тому времени, когда переселенцы уже успѣли устроиться на новомъ мѣстѣ. Бѣднѣйшимъ переселенцамъ должны быть выдаваемы безпроцентныя ссуды. Давая такую льготу, государство только въ малой мѣрѣ заглядитъ несправедливость, совершенную въ недавнемъ прошломъ: бѣднѣйшими переселенцами являются тѣ крестьяне, которые количественно и качественно были наиболѣе обдѣлены землею. Правильная постановка переселенческаго дѣла потребуетъ для развитія кредита гораздо большіхъ средствъ, нежели тѣ, которыя отпускаетъ въ настоящее время государственное казначейство. Разъ будутъ устранены неестественныя преграды, которыя теперь затрудняютъ переселенія, то ежегодное число переселенцевъ составитъ для ближайшихъ лѣтъ не менѣе 50,000 семей. Такъ какъ не больше 10 процентовъ могутъ обойтись собственными средствами, то нужны будутъ ссуды для 45,000 семей. По самому скромному расчету, семья переселенца въ Сибірѣ должна имѣть на обзаведеніе 150—170 р. Если опредѣлить средній размѣръ ссуды даже только въ 100 р. на семью, то общая сумма ссудъ составитъ $4\frac{1}{2}$ мил-

ліона рублей въ годъ. Прибавимъ къ этому $\frac{1}{2}$ милліона рублей въ годъ на коллективныя нужды новыхъ поселеній: устройство школъ, проложеніе дорогъ, осушеніе болотъ и пр. Эти цифры безконечно малы для Россіи съ ея государственными расходами въ 1 милліардъ рублей; но онѣ, все таки, достаточны, чтобы положить серьезное начало дѣлу, которое со временемъ достигнетъ гораздо большихъ размѣровъ.

Ставя государственной власти такія требованія, мы не должны сидѣть сложа руки, въ увѣренности, что одно правительство сдѣластъ все. Нѣтъ, всѣ мы, граждане, оцѣнивая переселенческій вопросъ въ его великомъ значеніи для народной жизни, должны неутомимо работать въ этой области, должны служить этому дѣлу и матеріальными средствами и личнымъ трудомъ. Чѣмъ чаще будемъ мы напоминать о скитальцахъ по русской землѣ, чѣмъ болѣе настойчиво будемъ стремиться къ облегченію ихъ нуждъ, тѣмъ болѣе будемъ расчищать путь для широкой, истинно-государственной переселенческой политики.

А. А. Исаевъ.

ПРОТИВОРѢЧІЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Вы спрашивали меня: 1) что я понимаю подъ словомъ «религія» и 2) считаю-ли я возможной нравственность независимую отъ религіи, какъ я понимаю ее?

Постараюсь по мѣрѣ своихъ силъ наилучшимъ образомъ отвѣтить на эти въ вышей степени важныя и прекрасно поставленныя вопросы.

Среди большинства людей современной культурной толпы считается вопросомъ рѣшеннымъ то, что сущность всякой религіи состоитъ въ происшедшемъ отъ суевѣрнаго страха передъ непонятными явленіями природы олицетвореніи, обоготвореніи этихъ силъ природы и поклоненіи имъ.

Мнѣніе это принимается безъ критики, на вѣру культурной толпой нашего времени и не только не встрѣчаетъ возраженія въ людяхъ науки, но болышею частью среди нихъ-то и находитъ самыя опредѣленныя подтвержденія. Если и раздаются изрѣдка голоса людей, какъ Макса Мюллера и другихъ, приписывающихъ религіи другое происхожденіе и смыслъ, то голоса эти не слышны и не замѣтны среди всеобщаго единодушнаго признанія религіи вообще проявленіемъ суевѣрія. Еще недавно въ началѣ настоящаго столѣтія самыя передовыя люди если и отвергали католичество и протестантство, какъ это дѣлали энциклопедисты конца прошлаго столѣтія, то никто изъ нихъ не отвергалъ того, что религія вообще была и есть необходимое условіе жизни каждаго человѣка. Не говоря о деистахъ, какъ Бернарденъ-де-С.-Шьеръ, Дидеротъ и Руссо, Вольтеръ ставилъ памятникъ Богу, Робеспьеръ устанавливалъ празднество высшаго существа. Но въ наше время, благодаря легкомысленному и поверхностному ученію Огюста Конта, искренно вѣрившаго, какъ и большинство французовъ, что христіанство есть не что иное, какъ католичество, и потому въ католичествѣ видѣвшаго полное осуществленіе христіанства, рѣшено и признано культурною толпою.

какъ всегда охотно и быстро принимающей самыя низменныя представленія, рѣшено и признано, что религія есть только извѣстная, давно уже пережитая фаза развитія человѣчества. Признается, что человѣчество пережило уже два періода: религіозный и метафизическій и теперь вступило въ третій высшій—научный и что всѣ явленія религіозныя среди людей суть только переживанія когда-то нужнаго духовнаго органа человѣчества, уже давно потерявшаго свой смысл и значеніе, въ родѣ ногтя пятаго пальца лошади. Признается, что сущность религіи состоитъ въ вызванномъ страхомъ передъ непонятными силами природы признаніи воображаемыхъ существъ и поклоненіи имъ, какъ это еще въ древности думалъ Демокритъ и какъ это утверждаютъ новѣйшіе философы и историки религіи.

Но, не говоря уже о томъ, что признаніе невидимыхъ сверхъестественныхъ существъ или существа произошло и происходитъ не всегда отъ страха передъ невѣдомыми силами природы, какъ свидѣтельствуютъ о томъ сотни самыхъ передовыхъ и высокообразованныхъ людей прошедшаго времени, Сократы, Декарты, Ньютоны, и такіе-же люди нашего времени, никакъ уже не изъ страха передъ невѣдомыми силами природы признающіе высшее сверхъестественное Существо, утвержденіе о томъ, что религія произошла отъ суетвѣрнаго страха люди передъ непонятными силами природы—въ дѣйствительности ничего не отвѣчаетъ на главный вопросъ: откуда взялось въ людяхъ представленіе о невидимыхъ сверхъестественныхъ существахъ?

Если люди боялись грома и молніи, то они и боялись-бы грома и молніи, но для чего-же они придумали какое-то невидимое сверхъестественное существо, Юпитера, которое гдѣ-то находится и кидаетъ иногда въ людей стрѣлами?

Если люди были поражены видомъ смерти, то они и боялись-бы смерти, а для чего-же они «придумали» души умершихъ, съ которыми стали входить въ воображаемое сношеніе? Отъ грома люди могли прятаться, отъ ужаса передъ смертью могли бѣжать отъ нея, но придумали они вѣчное и могущественное существо, отъ котораго они считаютъ себя въ зависимости, и живыя души умершихъ не отъ страха только, а по какимъ-то другимъ причинамъ. И въ этихъ-то причинахъ, очевидно, и заключается сущность того, что называется религіей. Кромѣ того, всякій человѣкъ, когда-либо, хоть-бы въ дѣтствѣ испытавшій религіозное чувство, по своему личному опыту знаетъ, что чувство это всегда вызываемо было въ немъ не высшими, страшными вещественными явленіями, а внутреннимъ, не ищущимъ ничего общаго съ страхомъ передъ непонятными силами природы, сознаніемъ своего ничтожества, одиночества и своей грѣховности. И потому человѣкъ и по высшему наблюденію и по личному опыту можетъ узнать, что религія не есть покло-

неніе божествамъ, вызванное суевѣрнымъ страхомъ передъ невѣдомыми силами природы, которое свойственно людямъ только въ извѣстный періодъ ихъ развитія, а ничто совершенно независимое отъ страха и отъ степени образованія человѣка и не могущее уничтожиться никакимъ развитіемъ просвѣщенія, такъ какъ сознаніе человѣкомъ своей конечности среди безконечнаго міра и своей грѣховности, т. е. неисполненія всего того, что онъ могъ-бы и долженъ былъ сдѣлать, но не сдѣлалъ, всегда было и всегда будетъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется человекомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій человѣкъ, какъ только онъ выходитъ изъ животнаго состоянія ребячества и перваго дѣтства, во время котораго онъ живетъ, руководясь только тѣми требованіями, которыя предъявляются ему его животной природой, всякій человѣкъ, проснувшись къ разумному сознанію, не можетъ не замѣтить того, что все вокругъ него живетъ, возобновляется, не умирая и неуклонно подчиняясь одному опредѣленному, вѣчному закону, а что онъ только одинъ, сознавая себя отдѣльнымъ отъ всего міра существомъ, приговоренъ къ смерти, къ исчезновенію въ безпредѣльномъ пространствѣ и безконечномъ времени и къ мучительному сознанію ответственности въ своихъ поступкахъ, т. е. сознанію того, что, поступивъ плохо, онъ могъ-бы поступить лучше. И, понявъ это, всякій разумный человѣкъ не можетъ не задуматься и не спросить себя: для чего это его мгновенное, неопредѣленное и колеблющееся существованіе среди этого вѣчнаго, твердо опредѣленнаго и безконечнаго міра? Вступая въ истинную человѣческую жизнь, человѣкъ не можетъ обойти этого вопроса.

Вопросъ этотъ стоитъ всегда передъ каждымъ человекомъ и всякій человѣкъ всегда такъ или иначе отвѣчаетъ на него. Отвѣтъ-же на этотъ вопросъ и есть то, что составляетъ сущность всякой религіи. Сущность всякой религіи состоитъ только въ отвѣтѣ на вопросъ, зачѣмъ я живу и какое мое отношеніе къ окружающему меня безконечному міру.

Вся-же метафизика религіи, всѣ ученія о божествахъ, о происхожденіи міра, суть только различныя по географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ, сопутствующіе религіи признаки. Нѣтъ ни одной религіи, отъ самой возвышенной и до самой грубой, которая не имѣла-бы въ основѣ своей этого установленія отношенія человѣка къ окружающему его міру или первопринципъ его. Нѣтъ ни одного самаго грубаго религіознаго обряда, такъ-же какъ и самаго утонченнаго культа, которые не имѣли-бы въ своей основѣ того-же самаго. Всякое религіозное ученіе есть выраженіе основателемъ религіи того отношенія, въ которомъ онъ признаетъ себя, какъ человѣка, а влѣдствіе этого и всѣхъ другихъ людей, къ міру или началу и первопринципъ его.

Выраженія этихъ отношеній очень многообразны, соотвѣтственно этнографическимъ и историческимъ условіямъ, въ которыхъ находится основатель религіи и народъ, усвоивающій ее; кромѣ того, выраженія эти всегда различно перетолковываются и уродуются послѣдователями учителя, обыкновенно на сотни, иногда на тысячи лѣтъ предварающаго пониманія массы; и потому этихъ отношеній человѣка къ міру, т. е. религіи кажется очень много, но въ сущности основныхъ отношеній человѣка къ міру или началу его есть только три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное и 3) христіанское или божеское.

Строго говоря, основныхъ отношеній человѣка къ міру только два: личное, состоящее въ признаніи смысла жизни въ благѣ личности, приобретаемомъ отдѣльно или въ соединеніи съ другими личностями, и христіанское, признающее смыслъ жизни въ служеніи Пославшему человѣка въ міръ. Второе-же отношеніе человѣка къ міру — общественное, въ сущности есть только расширеніе перваго.

Первое изъ этихъ отношеній — самое древнее, то, которое теперь встрѣчается между людьми, стоящими на самой низшей степени развитія, состоитъ въ томъ, что человѣкъ признаетъ себя самодовлѣющимъ существомъ, живущимъ въ мірѣ для приобрѣтенія въ немъ наибольшаго возможнаго личнаго блага, независимо отъ того, насколько страдаетъ отъ этого блага другихъ существъ.

Изъ этого самаго перваго отношенія къ міру, въ которомъ находится всякій ребенокъ, вступая въ жизнь и въ которомъ жило человѣчество на первой, языческой, ступени своего развитія и живутъ еще и теперь многіе отдѣльные самые нравственно-грубые люди и дикіе народы, вытекаютъ всѣ языческія древнія религіи, такъ-же какъ и низшія формы позднѣйшихъ религіи въ ихъ извращенномъ видѣ: буддизмъ *), таосизмъ, магометанство и друг. Изъ этого-же отношенія къ міру вытекаетъ и повѣйшій спиритизмъ, имѣющій въ основѣ своей сохраненіе личности и блага ея. Всѣ языческіе культы, обоготворенія такихъ-же какъ и человѣкъ, наслаждающихся существомъ. всѣ жертвоприношенія и моленія о дарованіи благъ земныхъ, вытекаютъ изъ этого отношенія къ жизни.

Второе языческое отношеніе человѣка къ міру — общественное, то, которое устанавливается имъ на слѣдующей ступени развитія, отноше-

*) Буддизмъ, хотя и требующій отъ своихъ послѣдователей отреченія отъ благъ міра и отъ самой жизни, основывается на томъ-же отношеніи самодовлѣющей и предназначенной къ благу личности къ окружающему ее міру, только съ той разницей, что прямое язычество признаетъ право человѣка на наслажденія, буддизмъ-же на отсутствіе страданій. Язычество считаетъ, что міръ долженъ служить благу личности, Буддизмъ считаетъ, что міръ долженъ исчезнуть, такъ какъ онъ производитъ страданія личности. Буддизмъ есть только отрицательное язычество.

нѣ, свойственное преимущественно возмужалымъ людямъ, состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается не въ благѣ одной отдѣльной личности, а въ благѣ извѣстной совокупности личностей: семьи, рода, народа, даже человѣчества (попытка религіи позитивистовъ).

Смысль жизни при этомъ отношеніи человѣка къ міру переносится изъ личности въ семью, родъ, народъ, въ извѣстную совокупность личностей, благо которой и считается при этомъ цѣлью существованія. Изъ этого отношенія вытекаютъ всѣ одного характера религіи патриархальныя и общественныя: китайская и японская религія, религія избраннаго народа—еврейская, государственная религія римлянъ, предполагаемая религія человѣчества—позитивистовъ. Всѣ обряды поклоненія предкамъ въ Китаѣ и Испаніи, поклоненія императорамъ въ Римѣ, зиждутся на этомъ отношеніи человѣка къ міру.

Третье отношеніе человѣка къ міру—христіанское, то, въ которомъ невольнo чувствуетъ себя всякій старый человѣкъ и въ которое вступаетъ теперь по моему мнѣнію человѣчество, состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается человѣкомъ уже не въ достиженіи своей личной цѣли или цѣли какой-либо совокупности людей, а только въ служеніи той Воли, которая произвела его и весь міръ для достиженія не своихъ цѣлей, а цѣлей этой Воли.

Изъ этого отношенія къ міру вытекаетъ высшее извѣстное намъ религіозное ученіе, зачатки котораго были уже у пифагорійцевъ, терапевтовъ, есеевъ, у египтянъ и у персовъ, у браминовъ, буддистовъ и таоситовъ въ ихъ высшихъ представителяхъ, но которое получило свое полное и послѣднее выраженіе только въ христіанствѣ—въ его истинномъ, неизвращенномъ значеніи.

Всѣ возможныя религіи, какія-бы онѣ ни были, неизбѣжно распредѣляются между этими тремя отношеніями людей къ міру.

Всякій человѣкъ, вышедшій изъ животнаго состоянія, неизбѣжно признаетъ то или другое или третье изъ этихъ отношеній, и въ этомъ признаніи и состоитъ истинная религія каждаго человѣка, несмотря на то, къ какому исповѣданію онъ номинально признаетъ себя принадлежащимъ.

Каждый человѣкъ непрѣменно какъ-нибудь представляетъ себѣ свое отношеніе къ міру, потому что разумное существо не можетъ жить въ мірѣ, окружающемъ его, не имѣя какого-либо отношенія къ нему. А такъ какъ отношеній къ этому міру человѣчествомъ до сихъ поръ выработано и намъ извѣстны только три, то всякій человѣкъ неизбѣжно держится одного изъ трехъ существующихъ отношеній и, хочетъ или не хочетъ того, принадлежитъ къ одной изъ трехъ основныхъ религій, между которыми распредѣляется весь родъ человѣчскій.

И потому весьма распространенное утвержденіе людей культурной толпы христіанскаго міра о томъ, что они поднялись на такую высоту развитія, что уже не нуждаются ни въ какой религіи и не имѣютъ ея, въ сущности только то, что люди эти, не признавая религіи христіанской, религіи, той единственной, которая свойственна нашему времени, держатся лизией—или общественной, или первобытной языческой религіи, сами не сознавая этого. Человѣкъ безъ религіи, т. е. безъ какого-либо отношенія къ міру, такъ-же невозможенъ, какъ человѣкъ безъ сердца. Онъ можетъ не знать, что у него есть религія, какъ можетъ человѣкъ не знать того, что у него есть сердце, но какъ безъ религіи, такъ и безъ сердца человѣкъ не можетъ существовать.

Религія есть то отношеніе, въ которомъ признаетъ себя человѣкъ къ окружающему его безконечному міру или началу и первопричинѣ его, и разумный человѣкъ не можетъ не находиться въ какомъ-нибудь отношеніи къ нему.

Но вы скажете, можетъ быть, что установленіе отношенія человѣка къ міру есть дѣло не религіи, но философіи или вообще науки, если разсматривать философію какъ часть ея. Я не думаю этого. Я думаю, напротивъ, что предположеніе о томъ, что наука вообще, включая въ нее и философію, можетъ установить отношеніе человѣка къ міру, совершенно ошибочно и служить главной причиной той путаницы понятій о религіи, наукѣ и нравственности, которая существуетъ въ культурныхъ слояхъ нашего общества.

Наука, включая въ нее философію, не можетъ установить отношенія человѣка къ безконечному міру или началу его, уже по одному тому, что прежде чѣмъ могла возникнуть какая-нибудь философія или какая-нибудь наука, должно было уже существовать то, безъ чего невозможна никакая дѣятельность мысли и какое-либо, то или другое отношеніе человѣка къ міру.

Какъ не можетъ человѣкъ посредствомъ какого-бы то ни было движенія найти то направленіе, по которому ему нужно двигаться, а всякое движеніе неизбежно совершается по какому-нибудь направленію, такъ точно невозможно посредствомъ умственной работы философіи или науки найти то направленіе, въ которомъ должна быть совершена эта работа, а всякая умственная работа неизбежно совершается по какому-нибудь уже данному ей направленію. И такое направленіе для всякой умственной работы указываетъ всегда религія. Всѣ пзвѣстные намъ философіи, начиная отъ Платона до Шопенгауера, всегда неизбежно слѣдовали даваемому имъ религіею направленію. Философія Платона и его послѣдователей была философіей *языческой*, изслѣдовавшей средства пріобрѣтенія наибольшаго блага какъ отдѣльной личности, такъ и совокупности личностей въ *государствѣ*. Средневѣковая философія, вытекающая

изъ того-же языческаго пониманія жизни, изслѣдовала способы спасенія личности, т. е. пріобрѣтенія наибольшаго блага личности въ будущей жизни и только въ своихъ теократическихъ попыткахъ трактовала объ устройствѣ обществъ.

Новѣйшая философія, какъ Гегеля, такъ и Конта, имѣетъ въ своей основѣ общественное религіозное пониманіе жизни. Философія пессимизма Шопенгауера и Гартмана, хотѣвшая освободиться отъ еврейскаго религіознаго міросозерцанья, невольно подпала религіознымъ основамъ буддизма. Философія всегда была и будетъ только изслѣдованіемъ того, что вытекаетъ изъ установленнаго религіей отношенія человѣка къ міру, такъ какъ до установленія этого отношенія нѣтъ матеріала для философскаго изслѣдованія.

Точно также и наука положительная въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такая наука всегда была и будетъ только изслѣдованіемъ и изученіемъ всѣхъ тѣхъ предметовъ и явленій, которые представляются подлежащими изслѣдованію, вслѣдствіе извѣстнаго установленнаго религіей отношенія человѣка къ міру.

Наука всегда была и будетъ не изученіемъ «всего», какъ это наивно думаютъ теперь люди науки (это и невозможно, такъ какъ предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію, безчисленное количество), а только того, что религія въ правильномъ порядкѣ и по степени ихъ важности выдвигаетъ изъ всего безчисленнаго количества предметовъ, явленій и условій, подлежащихъ изслѣдованію. И потому наука не одна, а есть столько-же наукъ, сколько есть ступеней развитія религіи. Каждая религія отбираетъ извѣстный кругъ предметовъ, подлежащихъ изученію, и потому наука каждаго отдѣльнаго времени и народа неизбѣжно носитъ на себѣ характеръ той религіи, съ точки зрѣнія которой она разсматриваетъ предметъ.

Такъ, языческая наука, возстановленная во времена возрожденія, процвѣтающая и теперь въ нашемъ обществѣ, всегда была и продолжаетъ быть только изслѣдованіемъ всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ человѣкъ получаетъ наибольшее благо, и всѣхъ тѣхъ явленій міра, которыя могутъ доставить его. Браминская и буддійская философская наука всегда была только изслѣдованіемъ тѣхъ условій, при которыхъ человѣкъ избавляется отъ удручающихъ его страданій. Еврейская наука (Талмудъ) всегда была только изученіемъ и разъясненіемъ тѣхъ условій, которыя должны быть соблюдены человѣкомъ для того, чтобы исполнить его договоръ съ Богомъ и удержать избранный народъ на высотѣ его призванія. Наука истинно-христіанская, та, которая только зарождается, есть изслѣдованіе тѣхъ условій, при которыхъ человѣкъ можетъ познать требованія высшей воли, пославшей его, и приложить ихъ къ жизни.

Ни философія, ни наука не могутъ установить отношенія человѣка къ міру, потому что отношеніе это должно быть установлено прежде, чѣмъ можетъ начаться какая-либо философія или наука. Онѣ не могутъ сдѣлать этого еще и потому, что наука, включая въ нее и философію, изслѣдуетъ явленія разсудочно и независимо отъ положенія изслѣдующаго и отъ чувствъ испытываемыхъ имъ. Отношеніе-же человѣка къ міру опредѣляется не однимъ разсудкомъ, но и чувствомъ, всей совокупностью духовныхъ силъ человѣка. Сколько-бы ни внушали и ни разъяняли человѣку, что все истинно существующее суть только идеи, что все состоитъ изъ атомовъ, или что сущность жизни есть субстанція или воля, или что теплота, свѣтъ, движеніе, электричество суть различныя проявленія одной и той-же энергіи, все это не уяснить человѣку, чувствующему, страдающему, радующемуся, боящемуся и надѣющемуся существу, его мѣста въ мірѣ. Такое мѣсто и потому отношеніе къ міру указываетъ ему только религія, говорящая ему: міръ существуетъ для тебя, и потому бери отъ этой жизни все, что ты можешь взять отъ нея; или: ты членъ любимаго Богомъ народа, служи этому народу, исполняй все то, что предписалъ Богъ, и ты получишь вмѣстѣ со своимъ народомъ наибольшее доступное тебѣ благо; или: ты орудіе высшей Воли, посланной тебя въ міръ для исполненія предназначеннаго тебѣ дѣла, познай эту волю и исполняй ее и ты сдѣлаешь для себя лучшее, что можешь сдѣлать.

Для пониманія данныхъ философіи и науки нужно подготовленіе и изученіе, для религіознаго пониманія этого не нужно: оно дано всякому, хотя-бы самому ограниченному и невѣжественному человѣку.

Для того, чтобы человѣку познать свое отношеніе къ окружающему его міру или началу его, ему не нужно ни философскихъ, ни научныхъ знаній—обиліе знаній, загромождающая сознаніе, часто даже препятствуетъ этому—а нужны только хотя временное отреченіе отъ суеты міра, сознаніе своего матеріальнаго ничтожества и правдивость, встрѣчающіяся чаще, какъ это и сказано въ Евангеліи, въ дѣтяхъ и самыхъ простыхъ малолученныхъ людяхъ. Отъ этого-то мы и видимъ, что часто самые простые, неученые и необразованные люди вполне ясно, сознательно и легко принимаютъ высшее христіанское жизнепониманіе, тогда какъ самые ученые и культурные люди продолжаютъ коснѣть въ самомъ грубомъ язычествѣ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ самыхъ утонченныхъ и высокообразованныхъ людей, полагающихъ смыслъ жизни въ личномъ наслажденіи или въ избавленіи себя отъ страданій, какъ полагалъ это умнѣйшій и образованнѣйшій Шопенгауеръ, тогда какъ русскій полуграмотный мужикъ-сектантъ безъ малѣйшаго усилія мысли признаетъ смыслъ жизни въ томъ самомъ, въ чемъ его полагали величайшіе мудрецы міра: Эпиктетъ,

Марки-Аврелия, Сенеки: въ сознаниі себя орудіемъ воли Божіей, сыномъ Бога.

Но вы спросите меня: въ чемъ же состоитъ сущность этого не научнаго и не философскаго способа познанія? Если познаніе это не философское и не научное, то какое-же оно? Чѣмъ оно опредѣляется? На эти вопросы я могу отвѣтить только то, что такъ какъ религіозное познаніе есть то, на которомъ зиждется всякое другое и которое предшествуетъ всякому другому познанію, то мы и не можемъ опредѣлять его, не имѣя для него орудія опредѣленія. На богословскомъ языкѣ познаніе это называется откровеніемъ. И названіе это, если не приписывать слову откровеніе невѣрнаго значенія, совершенно правильно, потому что познаніе это пріобрѣтается не изученіемъ и не усиліями отдѣльнаго человѣка или людей, а только воспріятіемъ отдѣльнымъ человѣкомъ или людьми проявленія безконечнаго разума, постепенно открывающаго себя людямъ.

Почему люди 10,000 лѣтъ тому назадъ не могли понять того, что смыслъ ихъ жизни не исчерпывается благомъ личности, а потомъ наступило время и людямъ открылось высшее — семейное, общественное, народное, государственное пониманіе жизни? Почему на нашей исторической памяти открылось людямъ жизнепониманіе христіанское? И почему оно открылось именно такому человѣку или такимъ людямъ и именно въ такое время, въ такомъ, а не въ другомъ мѣстѣ, въ такой, а не другой формѣ? Стараться отвѣтить на эти вопросы, отыскивая причины этого въ историческихъ условіяхъ времени, жизни и характера тѣхъ людей, которые первые усвоили это жизнепониманіе и выразили его, въ особенныхъ свойствахъ этихъ людей, все равно, что стараться отвѣтить на вопросъ о томъ, почему восходящее солнце освѣтило прежде именно тѣ, а не другіе предметы. Солнце истины, все выше восходя надъ міромъ, все болѣе и болѣе освѣщаетъ его и отражается на тѣхъ предметахъ, которые первые подпадаютъ освѣщенію лучей солнца и наиболѣе способны отражать ихъ. Свойства-же, дѣлающія однихъ людей болѣе другихъ способными воспринимать эту восходящую истину, не какія либо особенныя активныя качества ума, а напротивъ, суть рѣдко совпадающія съ большимъ и любопытнымъ умомъ пассивныя свойства сердца: отреченіе отъ суеты міра, сознаніе своего матеріальнаго ничтожества, правдивость, какъ мы это и видимъ на всѣхъ основателяхъ религіи, никогда не отличавшихся ни философскими, ни научными знаніями.

По моему мнѣнію, главное заблужденіе, болѣе всего другого препятствующее истинному прогрессу нашего христіанскаго человѣчества, состоитъ именно въ томъ, что люди науки нашего времени, сѣвшіе теперь на сѣдалищѣ Моисеевомъ, руководясь возстановленнымъ, во времена возрожденія, языческимъ міросозерцаніемъ, рѣшили, что хри-

стіанство есть пережитое уже людьми состояніе, а что, напротивъ, то языческое, общественное, древнее и дѣйствительно пережитое чело-вѣчествомъ пониманіе жизни, котораго они держатся, и есть самое высшее пониманіе жизни, такое, котораго неуклонно должно держаться чело-вѣчество. При этомъ они не только не понимаютъ истиннаго хри-стіанства, составляющаго то высшее жизнепониманіе, къ которому движется все чело-вѣчество, но даже не стараются понять его. Главный источникъ этого недоразумѣнія состоитъ въ томъ, что люди науки, разойдясь съ христіанствомъ и увидавъ несоотвѣтствіе съ нимъ своей науки, признали виноватой въ этомъ не свою науку, а христіанство, т. е. вообразили себѣ не то, что есть въ дѣйствительности, то есть, что ихъ наука на 1800 лѣтъ отстала отъ христіанства, уже охватившаго большую часть современнаго общества, а то, что христіанство будто-бы на 1800 лѣтъ отстало отъ науки.

Изъ этого-то извращенія ролей и вытекаетъ то поразительное яв-леніе, что нѣтъ людей съ болѣе запутанными понятіями о сущности истиннаго значенія религіи, о религіи, о нравственности, о жизни, чѣмъ люди науки; и еще болѣе поразительное явленіе то, что наука нашего времени, совершая дѣйствительно большіе успѣхи въ своей области изслѣ-дованія условій матеріальнаго міра, въ жизни людей оказывается ни на что не нужною, а иногда производящею даже вредныя послѣдствія.

И потому я думаю, что никакъ не философія и не наука уста-навливаютъ отношеніе чело-вѣка къ міру, а только религія.

Итакъ на первый вопросъ вашъ о томъ, что я понимаю подъ словомъ «религія», я отвѣчаю: Религія есть установленное чело-вѣкомъ между собой и вѣчнымъ и безконечнымъ міромъ или началомъ и пер-вопричиной его извѣстное отношеніе.

Изъ этого отвѣта на первый вопросъ самъ собою вытекаетъ и отвѣтъ на второй:

Если религія есть установленное отношеніе чело-вѣка къ міру, опре-дѣляющее смыслъ его жизни, то нравственность есть указаніе и разъясненіе той дѣятельности чело-вѣка, которая сама собою вытекаетъ изъ того или другаго отношенія чело-вѣка къ міру. А такъ какъ основ-ныхъ отношеній къ міру или началу его извѣстно намъ только два, если разсматривать языческое общественное отношеніе какъ распро-страненіе личнаго, или три, если разсматривать общественное языческое отношеніе какъ отдѣльное, то нравственныхъ ученій существуетъ только три: нравственное ученіе первобытное дикое, личное нравственное ученіе языческое или общественное, и нравственное ученіе христіанское, т. е. служеніе Богу—или божеское.

Изъ перваго отношенія чловѣка къ міру вытекаютъ общія всѣмъ языческимъ религіямъ ученія о нравственности, имѣющія въ своей основѣ стремленіе къ благу отдѣльной личности и потому опредѣляющія всѣ состоянія, дающія наибольшее благо личности и указывающія средства пріобрѣтенія этого блага. Изъ этого отношенія къ міру вытекаютъ нравственныя ученія: эпикурейское въ его низшемъ проявленіи, ученіе нравственности магометанское, обѣщающее грубое благо личности на этомъ и на томъ свѣтѣ, и ученіе свѣтской утилитарной нравственности, имѣющей цѣлью благо личности только на этомъ свѣтѣ.

Изъ того-же ученія, ставящаго цѣлью жизни благо отдѣльнаго чловѣка, а потому избавленіе отъ страданій личности, вытекаютъ нравственное ученіе буддизма въ его грубой формѣ и свѣтское ученіе пессимистическое.

Изъ втораго языческаго отношенія чловѣка къ міру, ставящаго цѣлью жизни благо извѣстной совокупности личностей, вытекаютъ нравственныя ученія, требующія отъ чловѣка служенія той совокупности, благо которой признается цѣлью жизни. По этому ученію пользованіе личнымъ благомъ допускается только въ той мѣрѣ, въ которой оно пріобрѣтается всею тою совокупностью, которая составляетъ религіозную основу жизни. Изъ этого отношенія къ міру вытекаютъ извѣстныя намъ нравственныя ученія древняго римскаго и греческаго міра, гдѣ личность всегда приносила себя въ жертву обществу, такъ-же и нравственность китайская; изъ этого-же отношенія вытекаетъ нравственность еврейская—подчиненіе своего блага благу избраннаго народа, и нравственность нашего времени, требующая жертвы личности для условнаго блага большинства. Изъ этого-же отношенія къ міру вытекаетъ нравственность большинства женщинъ, жертвующихъ всею своею личностью для блага семьи и главное дѣтей.

Вся древняя, отчасти средняя и новая исторія полна описаній подвиговъ этой самой семейно-общественной нравственности. И въ настоящее время большинство людей, только воображая себѣ, что они, исповѣдуя христіанство, держатся христіанской нравственности, въ дѣйствительности слѣдуютъ только языческой нравственности, и эту нравственность ставятъ идеаломъ воспитанія молодого поколѣнія.

Изъ третьяго христіанскаго отношенія къ міру, состоящаго въ признаніи чловѣкомъ себя орудіемъ высшей воли для исполненія ея цѣлей, вытекаютъ и соотвѣтствующія этому пониманію жизни нравственныя ученія, уясняющія зависимость чловѣка отъ высшей воли и опредѣляющія требованія этой воли. Изъ этого отношенія чловѣка къ міру вытекаютъ всѣ высшія, извѣстныя чловѣчеству нравственныя ученія: пифагорійское, стоическое, буддійское, браминское, таосійское въ ихъ высшемъ проявленіи и христіанское въ его настоящемъ смыслѣ, требующее

отреченія отъ личной воли и отъ блага не только личнаго, но и семейнаго и общественнаго во имя исполненія открытой намъ въ нашемъ сознаниіи воли того, кто послалъ насъ въ жизнь. Изъ этого другого или третьяго отношенія къ безконечному міру или началу его вытекаетъ дѣйствительная, величественная нравственность каждаго человѣка, несмотря на то, что онъ номинально исповѣдуетъ или проповѣдуетъ, какъ нравственность, или чѣмъ хочетъ казаться.

Такъ что человѣкъ, признающій сущность своего отношенія къ міру въ приобрѣтеніи для себя наибольшаго блага, сколько-бы онъ ни говорилъ о томъ, что онъ считаетъ нравственнымъ жить для семьи, для общества, для государства, для человѣчества или для исполненія воли Бога, можетъ искусно притворяться передъ людьми, обманывая ихъ, но дѣйствительнымъ мотивомъ его дѣятельности будетъ всегда только благо его личности, такъ что, когда представится необходимость выбора, онъ пожертвуетъ не своей личностью для семьи, для государства, для исполненія воли Бога, а всѣмъ для себя, потому что, видя смыслъ своей жизни только во благѣ своей личности, онъ не можетъ поступать иначе до тѣхъ поръ, пока не измѣнитъ своего отношенія къ міру.

Точно также сколько-бы ни говорилъ человѣкъ, отношеніе котораго къ міру состоитъ въ служеніи своей семьѣ (каковы бываютъ преимущественно женщины) или роду, народу (каковы бываютъ люди угнетенныхъ народностей, или политическіе дѣятели во время борьбы), что онъ христіанинъ, нравственность его всегда будетъ или семейная, или народная, а не христіанская, и когда явится необходимость выбора между благомъ семейнымъ, общественнымъ и благомъ личнымъ или благомъ общественнымъ и исполненіемъ воли Бога, онъ неизбѣжно выберетъ служеніе благу той совокупности людей, для которой, по его міросозерцаціи, онъ существуетъ, потому что только въ этомъ служеніи онъ видитъ смыслъ своей жизни. И точно также, сколько-бы ни внушали человѣку, полагающему свое отношеніе къ міру въ исполненіи воли посланнаго его, будто онъ долженъ, соотвѣтственно съ требованіями личности, семьи, народа, человѣчества совершать поступки, противные этой высшей волѣ, сознаваемой имъ во вложенныхъ въ него свойствахъ разума и любви, онъ всегда пожертвуетъ всѣми своими человѣческими связями для того, чтобы не отступить отъ воли посланнаго его, потому что только въ исполненіи этой воли онъ видитъ смыслъ своей жизни.

Нравственность не можетъ быть независима отъ религіи, потому что она не только есть послѣдствіе религіи, т. е. того отношенія, въ которомъ человѣкъ признаетъ себя къ міру, но она включена уже, *impliquée*, въ религію. Всякая религія есть отвѣтъ на вопросъ: каковъ смыслъ моей жизни? И религіозный отвѣтъ включаетъ въ себя уже извѣстное нравственное требованіе, которое можетъ становиться иногда

послѣ объясненія смысла жизни, иногда прежде его. На вопросъ о смыслѣ жизни можно отвѣчать такъ: смыслъ жизни въ благѣ личности, и потому пользуйся всеми благами, которыя доступны тебѣ; или смыслъ жизни въ благѣ извѣстной группы людей, и потому служи этой группѣ всеми своими силами; или смыслъ жизни въ исполненіи воли посланнаго тебя, и потому всеми силами стремись познать эту волю и исполнить ее. На тотъ-же вопросъ можно отвѣчать и такъ: смыслъ жизни твоей въ твоёмъ личномъ наслажденіи, такъ-какъ въ этомъ назначеніе человека; или смыслъ жизни твоей въ служеніи той совокупности, которой ты считаешь себя членомъ, такъ-какъ въ этомъ твое назначеніе; или: смыслъ жизни твоей въ служеніи Богу, такъ-какъ въ этомъ твое назначеніе.

Нравственность заключена въ даваемомъ религіей объясненіи жизни и потому никакъ не можетъ быть отдѣлена отъ религіи. Истина эта особенно очевидна на тѣхъ попыткахъ философовъ не христіанскихъ вывести ученіе о высшей нравственности изъ ихъ философіи. Философія эти видятъ, что нравственность христіанская необходима, что безъ нея нельзя жить; мало того, они видятъ, что она есть и имъ хочется какъ-нибудь связать ее съ своей не христіанской философіей и даже представить дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто нравственность христіанская вытекаетъ изъ ихъ языческой или общественной философіи. И они пытаются сдѣлать это, но именно попытки эти очевидно всего другого показываютъ не только независимость, но и полное противорѣчіе между христіанской нравственностью и языческой философіей.

Христіанская этика—та, которую мы сознаемъ вслѣдствіе нашего религіознаго міросозерцанія—требуетъ не только жертвы личности для совокупности личностей, но требуетъ отреченія отъ своей личности и отъ совокупности личностей для служенія Богу; языческая-же философія изслѣдуетъ только средства пріобрѣтенія наибольшаго блага личности или совокупности ихъ, и потому противорѣчіе неизбѣжно. Чтобы скрыть это противорѣчіе есть только одно средство—нагромождать отвлеченныя условныя понятія одно на другое. Такъ преимущественно и поступали философы со времени возрожденія, и этому-то обстоятельству—невозможности примирить требованія христіанской, признаваемой уже впередъ данной нравственности съ философіей, исходящей изъ языческихъ основъ, и вужно приписать эту страшную отвлеченность, неясность, непонятность и отчужденность отъ жизни новой философіи. За исключеніемъ Спинозы, исходящаго въ своей философіи изъ религіозныхъ,—несмотря на то, что онъ не числился христіаниномъ,—истинно христіанскихъ основъ, и геніальнаго Канта, прямо поставившаго свою этику независимо отъ своей метафизики, всѣ остальные философы, даже и блестящій Шопенгауеръ, очевидно придумываютъ искусственную связь между своей этикой и своей метафизикой.

Чувствуется, что христіанская этика есть нечто вперед данное, стоящее совершенно твердо и независимо отъ философіи и не нуждающееся въ подводимыхъ подъ нее фиктивныхъ подпоркахъ, а что философія только придумываетъ такія положенія, по которымъ данная этика не противорѣчила-бы ей, а связывалась-бы съ ней и какъ будто-бы вытекала изъ нея. Но все положенія эти кажутся оправдывающимися христіанскую этику только до тѣхъ поръ, пока они разсматриваются отвлеченно. Какъ только они прилагаются къ вопросамъ практической жизни, такъ не только несогласіе, но явное противорѣчіе философскихъ основъ съ тѣмъ, что мы считаемъ нравственностью, выступаетъ во всей силѣ.

Недавно ставшій столь извѣстнымъ несчастный Ницше особенно драгоцѣненъ обличеніемъ этого противорѣчія. Онъ неопровержимъ, когда онъ говоритъ, что все правила нравственности, съ точки зрѣнія существующей не христіанской философіи, суть только ложь и лицемеріе, и что человѣку гораздо выгоднѣе, и пріятнѣе, и разумнѣе составить сообщество *Uebermenschen* и быть однимъ изъ нихъ, чѣмъ тою толпою, которая должна служить подмостками для этихъ *Uebermenschen*. Никакія построенія философіи, исходящей изъ языческаго религіознаго міросозерцанія, не могутъ доказать человѣку, что ему выгоднѣе и разумнѣе жить не для своего желательнаго, понятнаго и возможнаго блага или для блага своей семьи, своего общества, а для чужого, нежелательнаго, непонятнаго и недостижимаго человѣческими ничтожными средствами блага. Философія, основанная на пониманіи жизни, заключающемся въ благѣ человѣка, никогда не будетъ въ состояніи доказать разумному человѣку, знающему, что онъ всякую минуту можетъ умереть, того, что ему хорошо и должно отказаться отъ своего желательнаго, понятнаго и несомнѣннаго блага даже не для блага другихъ, потому что онъ никогда не можетъ знать, какія послѣдствія будутъ отъ его жертвы, а для того только, что это должно или хорошо, что это категорическій императивъ.

Доказать это съ языческой философской точки зрѣнія невозможно. Чтобы доказать то, что люди все равны, что человѣку лучше отдать свою жизнь для служенія другимъ, чѣмъ заставить другихъ людей служить себѣ, попирая ихъ жизни, нужно иначе опредѣлить свое отношеніе къ міру: нужно показать, что положеніе человѣка таково, что ему больше дѣлать нечего, потому что смыслъ его жизни только въ исполненіи воли пославшаго его; воля-же пославшаго его въ томъ, чтобы онъ отдавалъ свою жизнь для служенія людямъ. А такое измѣненіе отношенія человѣка къ міру даетъ только религія.

То же самое и съ попытками вывести и примирить христіанскую нравственность съ основными положеніями языческой науки. Никакіе софизмы и извороты мысли не уничтожатъ того простаго и яснаго

положенія, что законъ эволюціи, лежащей въ основѣ всей науки нашего времени, зиждется на законѣ общемъ, вѣчномъ и неизмѣнномъ— на законѣ борьбы за существованіе и переживаніе способнѣйшаго (the fittest), и что потому каждому человѣку для достиженія блага своего или своего общества надо быть этимъ fittest и сдѣлать таковымаъ свое общество, чтобы погибнуть не ему и не его обществу, а другому, неспособнѣйшему.

Сколько ли стараются нѣкоторые натуралисты, испугавшіеся логическихъ выводовъ изъ этого закона и приложенія ихъ къ человѣческой жизни, затупить словами, заговорить этотъ законъ, всѣ попытки ихъ только еще очевидноѣе показываютъ неотразимость этого закона, руководящаго жизнью всего органическаго міра, а потому и человѣка, разсматриваемаго, какъ животное.

Какъ разъ въ то время, когда я писалъ это, вышла въ русскомъ переводѣ статья г-на Гексли, составленная изъ недавно прочитанной имъ въ какомъ-то англійскомъ обществѣ рѣчи объ эволюціи и этикѣ.

Въ статьѣ этой ученый профессоръ, такъ-же какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ извѣстный профессоръ Бекетовъ и многіе другіе, писавшіе о томъ же предметѣ, съ такимъ же неуспѣхомъ, какъ и его предшественники, старается доказать, что борьба за существованіе не нарушаетъ нравственности, и что при признаніи закона борьбы за существованіе основнымъ закономъ жизни нравственность можтъ не только существовать, но и совершенствоваться. Статья г-на Гексли переполнена всякими шутками, стихами и общими взглядами на религію и философію древнихъ и вслѣдствіе того такъ кудрява и запутана, что только съ большимъ трудомъ можно добраться до основной мысли ея. Мысль эта, однако, слѣдующая: законъ эволюціи противенъ закону нравственности, это знали древніе какъ греческаго, такъ и индѣйскаго міра. И философія и религія обихъ народовъ привела ихъ къ ученію самоотреченія. Это ученіе, по мнѣнію автора, неправильно, а правильно слѣдующее: существуетъ законъ, который авторъ называетъ закономъ космическимъ, по которому всѣ существа борются между собой и переживаетъ только способнѣйшее, the fittest. Закону этому подчиняется и человѣкъ, и только благодаря этому закону человѣкъ образовался такимъ, какимъ онъ есть теперь. Но законъ этотъ противенъ нравственности. Какъ-же примирить этотъ законъ съ нравственностью? А вотъ какъ: существуетъ социальный прогрессъ, который стремится задержать космическій процессъ и подставить подъ него другой процессъ—этический, цѣль котораго есть уже переживаніе не способнѣйшаго, the fittest, но лучшаго въ этическомъ смыслѣ. Откуда взялся этотъ этический процессъ, г-нъ Гексли не объясняетъ, но въ примѣчаніи 19-мъ говоритъ, что основа этого процесса состоитъ въ томъ, что люди, какъ и животныя,

съ одной стороны сами любятъ быть въ обществѣ и подавляютъ въ себѣ свойство вредное для обществъ, съ другой—члены общества силою подавляютъ поступки, противные благу общества. Г-ну Гексли кажется, что этотъ процессъ, заставляющій людей обуздывать свои страсти для сохраненія той совокупности, которой они состоятъ членами, и страхъ быть наказанными за нарушеніе порядковъ совокупности, и есть тотъ самый законъ этической, существованіе котораго ему нужно доказать.

Нравственность есть нѣчто постоянно развивающееся, растущее и потому ненарушеніе установленныхъ правилъ извѣстнаго общества, удержаніе ихъ какими-бы то ни было вышними средствами, о которыхъ, какъ объ орудіяхъ нравственности, говоритъ г-нъ Гексли, будетъ не только не утвержденіемъ, но нарушеніемъ нравственности. Всякій людоедъ, перестающій быть себѣ подобнымъ и поступающій сообразно съ этимъ, нарушаетъ порядокъ своего общества. Но несомнѣнно, что всякій истинно нравственный поступокъ, двигающій впередъ нравственность, будетъ всегда нарушеніемъ привычекъ общества. И потому, если въ обществѣ и появился законъ, по которому люди жертвуютъ своими выгодами для соблюденія цѣлости своего общества, то этотъ законъ не есть законъ этической, а большею частію напротивъ — законъ, противный всякой этикѣ, тотъ-же законъ борьбы за существованіе, только въ скрытомъ, латентномъ состояніи. Это та-же борьба за существованіе, только перенесенная изъ единицъ въ совокупности ихъ. Это не прекращеніе драки, а размахъ руки для того только, чтобы сильнѣе ударить.

Если законъ борьбы за существованіе и переживаніе способнѣйшаго, the fittest, есть вѣчный законъ всего живого (а онъ не можетъ не признаваться такимъ для человѣка, разсматриваемаго, какъ животное), то никакія путанныя разсужденія о социальномъ прогрессѣ и будто-бы вытекающемъ изъ него этическомъ, какъ deus ex machina выскочившемъ неизвѣстно откуда, законѣ, когда онъ намъ понадобился, не могутъ нарушить этого закона.

Если социальный прогрессъ, какъ увѣряетъ г-нъ Гексли, собираетъ людей въ группы, то та-же борьба и то-же переживаніе будутъ проходить между семьями, родами, народами и борьба эта не только не будетъ нравственнѣе, но еще жесточе и безнравственнѣе борьбы личностей, какъ мы это и видимъ въ дѣйствительности.

Если даже допустить невозможное, то, что все человѣчество черезъ тысячи лѣтъ однимъ социальнымъ прогрессомъ соединится въ одно цѣлое, будетъ составлять одинъ народъ и одно государство, то и тогда, не говоря уже о томъ, что борьба, упраздненная между народами, перейдетъ въ борьбу между человѣчествомъ и міромъ животныхъ, борьба всегда останется борьбой, т. е. дѣятельностью, въ корнѣ исключаящую возможность признаваемой нами христіанской нравственности. Не говоря

уже объ этомъ, и тогда борьба между личностями, составляющими совокупности, и между совокупностями: семей, родовъ, народностей несколько не уменьшится, а будетъ происходить только въ другой формѣ, какъ мы это и видимъ при всѣхъ соединеніяхъ людей въ общественныя группы. Семейные точно такъ-же ссорятся и борются между собой, какъ и посторонніе и часто еще больше и злѣе.

Точно также и въ государствѣ: среди людей, живущихъ въ государствѣ, продолжается та-же самая борьба, какъ и среди людей, живущихъ внѣ государства, только въ иныхъ формахъ. Если-же спасаются слабые и въ семьѣ, и въ государствѣ, то никакъ не отъ соціального соединенія, а оттого, что въ людяхъ, соединенныхъ въ семьи и въ государства, есть самоотверженіе и любовь. Если внѣ семьи изъ двухъ дѣтей выживетъ только the fittest, а въ семьѣ у доброй матери останутся жить оба, то это произойдетъ совсѣмъ не отъ соединенія людей въ семью, а оттого, что у матери есть любовь и самоотверженіе. А ни самоотверженіе, ни любовь никакъ не могутъ вытекать изъ соціального прогресса.

Утверждать, что соціальный прогрессъ производитъ нравственность, все равно, что утверждать, что постройка печей производитъ тепло.

Тепло происходитъ отъ солнца и печи-же производятъ тепло только тогда, когда въ печи положены дрова, т. е. работа солнца. Точно также и нравственность происходитъ отъ религій. Специальныя-же формы жизни производятъ нравственность только тогда, когда въ эти формы жизни вложены послѣдствія религіознаго воздѣйствія на людей—нравственность.

Печи могутъ топиться и тогда давать тепло или не топиться и оставаться холодными, точно также и соціальныя формы могутъ включать въ себя нравственность и тогда нравственно воздѣйствовать на общество или не включать въ себя нравственность и тогда оставаться безъ всякаго воздѣйствія на общество.

Нравственность христіанская не можетъ быть основана на языческомъ пониманіи жизни и не можетъ быть выведена ни изъ философіи, ни изъ науки не христіанской, не только не можетъ быть выведена изъ нихъ, но не можетъ даже быть согласована съ ними.

Такъ и понимала это всегда всякая серьезная и строгая, послѣдовательная философія и наука: «не сходятся наши положенія съ нравственностью, тѣмъ хуже для нея», совершенно правильно говорятъ такая философія и наука и продолжаютъ свои изслѣдованія.

Этичскіе трактаты, не основанные на религій и даже ланчскіе катехизисы нишутся и преподаются, и люди могутъ думать, что чело-вѣчество руководится ими, но это кажется только потому, что люди руководятся въ дѣйствительности не этими трактатами и катехизисами,

а религіей, которую они всегда имѣли и имѣютъ, трактаты-же и катехизисы эти только поддѣлываются подъ то, что само собой вытекаетъ изъ религіи.

Предписанія лической нравственности, основанныя не на религіозномъ ученіи, совершенно подобны тому, что сдѣлалъ-бы человѣкъ, который, не зная музыки, сталъ-бы на мѣсто капельмейстера и началъ-бы размахивать руками передъ исполняющими привычное дѣло музыкантами. Музыка по инерціи и по тому, чему научились музыканты отъ прежнихъ капельмейстеровъ, продолжалась-бы еще нѣкоторое время, но, очевидно, что маханіе палочкой незнающаго музыки не только не было-бы полезно, но непремѣнно со временемъ спутало-бы музыкантовъ и разстроило-бы оркестръ. Такая-же путаница начинается происходить и въ умахъ людей нашего времени, влѣдетвіе попытокъ руководителей преподавать людямъ нравственность, основанную не на той высшей религіи, которая начинается усваиваться и отчасти уже усвоена христіанскимъ человѣчествомъ. Попытки основать нравственность помимо религіи подобны тому, что дѣлаютъ дѣти, которыя, желая пересадить правящееся имъ растеніе, отрываютъ отъ него не правящійся имъ и кажуційся имъ лишнимъ корень и безъ корня втыкаютъ растеніе въ землю. Безъ религіозной основы не можетъ быть никакой настоящей, неспитворной нравственности, точно такъ-же какъ безъ корня не можетъ быть настоящаго растенія.

Итакъ, отвѣчая на ваши два вопроса, я говорю: «Религія есть извѣстное, установленное человѣкомъ отношеніе своей отдѣльной личности къ безконечному міру или началу его. Нравственность-же есть всегдѣшнее руководство жизни, вытекающее изъ этого отношенія».

Л. Толстой.

Исвая Поляна.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Расколъ въ радикальной журналистикѣ шестидесятихъ годовъ *).

Либеральное уподобленіе Тургенева Аскочепскому. — Бурныя событія эпохи. — Направленіе «Отечественныхъ Записокъ». — Громека и его заступничество за радикальные журналы. — Сатирическіе фельетоны Щедрина въ «Современникѣ». — Колебанія въ политическомъ направленіи «Современника». — Выходка противъ нигилистовъ. — Насмѣшка Щедрина надъ романою Чернышевскаго. — Первая схватка съ «Русскимъ Словомъ». — «Лукошко глубокомыслія» и «бутерброды глубокомыслія». — Отъѣздъ Щедрина и рѣшительная битва между обоими журналами. — Вмѣшательство Писарева. — Антоповичъ и Писаревъ о Чернышевскомъ. — Чернышевскій о Чернышевскомъ. — Победа «Русскаго Слова» и паденіе «Современника». — Прекращеніе обонхъ журналовъ и возникновеніе новыхъ изданій.

Статья IV.

1.

Медленно, но постоянно накапливались въ «Современникѣ» матеріалы, послужившіе причиною его полного разложенія. Борьба съ «Временемъ» и «Эпохою», разыгравшаяся въ невѣроятно скандальное явленіе, изумила и смутила самыхъ горячихъ его поклонниковъ. Не подлежало сомнѣнію, что «Современникъ» вступаетъ въ новый періодъ дѣятельности, и что за грубыми приемами его полемики, за густыми облаками той ѣдкой пыли, которую взбивали его расходившіеся сотрудники, уже не было ничего твердаго, устойчиваго, хорошо и глубоко прочувствованнаго. То, что было выраженіемъ свѣжаго настроенія и оригинальной мысли у Добролюбова,

*) «Современникъ» 1862 г. Мартъ: *Асмодей нашего времени*. — «Отечественныя Записки» 1862 г. Февраль: *Письма объ изученіи безобразія*. П. Прогрессивцова. — Тамъ же. Мартъ. *Современная хроника Россіи*. — Тамъ же. Апрель: *Современная хроника Россіи*. — Тамъ же. Май: *Современная хроника Россіи*. (Реакція противъ Базаровщины, отсутствіе вождей въ партіи передовыхъ, случайности, брызги, шероховато-

то, что составляло предметъ пылкаго и почти вдохновеннаго убѣжденія у Чернышевскаго, у Антоновича превратилось во что-то тяжеловѣсно бездушное, способное только раздражать, но не волновать умы. Мало-помалу журналъ лишился своихъ настоящихъ руководителей. У «Современника» не было болѣе ни философа, ни критика. Антоновичъ расширялъ свою извѣстность только благодаря своимъ скандальнымъ промахамъ, благодаря своей безцѣльной развязности въ выборѣ темъ, совершенно неподходящихъ для его литературныхъ способностей, но вызывающихъ на отвѣтъ людей съ настоящимъ талантомъ. Съ фатальнымъ постоянствомъ онъ дѣлалъ себя жертвою чужого остроумія и мѣткости и, желая подставить ногу другимъ, самъ летѣлъ къ нимъ подъ ноги. Люди разнородныхъ направленій увѣренно переступали черезъ него и шли своимъ путемъ, къ своей опредѣленной цѣли.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ промаховъ Антоновича надо признать статью его объ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева, относящуюся еще къ 1862 году. Только-что неудачно сразившись съ Юркевичемъ на фи-

сти, Унковскій и пр.). — Тамъ-же. Июнь (О прекращеніи на 8 мѣсяцевъ «Современника» и «Русскаго Слова» и приостановкѣ «Дня»). — Тамъ-же. Сентябрь: *Современная хроника Россіи*. (Положеніе обозрѣвателя становится затруднительнымъ). — Тамъ-же. Октябрь: *Современная хроника Россіи*. — Тамъ-же. Ноябрь: *Современная хроника Россіи*. (Громека обращается къ цензурѣ съ нѣсколькими словами, давно лежащими у него на душѣ. Несправедливость, невозможность и вредность преслѣдованія няглизма). — «Современникъ» 1863 годъ, № 1 — 2. *Литературный кризисъ*. М. Антоновича. *Петербургскіе театры*. — *Краткій обзоръ журналовъ за истекшіе восемь мѣсяцевъ*. — «Внутреннее Обозрѣвіе». — *Наша общественная жизнь*. — *Новыя основанія судопроизводства*. А. М. Унковскаго. — Тамъ-же. Мартъ: *Наша общественная жизнь*. — *Неуваженіе къ наукѣ*. М. Антоновича. — Тамъ-же. Апрель: *Наша общественная жизнь*. — *Свистокъ* № 9. — Тамъ-же. Май: *Наша общественная жизнь*. — Тамъ-же. Августъ: *Въ деревнѣ*. — Тамъ-же. Сентябрь: *Наша общественная жизнь*. — Тамъ-же. Ноябрь: *Наша общественная жизнь*. — Тамъ-же. Декабрь: *Наша общественная жизнь*. — «Современникъ» 1864. Январь: *Наша общественная жизнь*. — Тамъ-же. Февраль: *Наша общественная жизнь*. — Тамъ-же. Мартъ: *Наша общественная жизнь* («мальчики», вислоухіе, «юродствующіе»). — Тамъ-же. Апрель: *Современные романы*. — Тамъ-же. Октябрь: *Вопросъ, обращенный къ «Русскому Слову»* Посторонняго Сатирика. — Тамъ-же. Декабрь: «*Русскому Слову»* (предварительныя объясненія). — *Письмо въ редакцію* М. Салтыкова. — «Современникъ» 1865. Январь. *Литературныя мелочи* («Русскому Слову»). Девежное несчастіе съ г. Благо-свѣтловымъ, Посторонняго Сатирика. — «Отвѣтъ на вопросъ», письмо въ редакцію Д. Минаева. — Тамъ-же. Февраль: *Добросовѣстные мыслители и недобросовѣстные журналисты*. — *Промахи, М. Антоновича*. — Литературныя мелочи (Глуповцы въ «Русскомъ Словѣ»). Посторонняго Сатирика. — Тамъ-же. Мартъ: Современная эстетическая теорія (по поводу втораго изданія трактата Чернышевскаго «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности») М. Антоновича. — *Литературныя мелочи* (Барскіе лакеи въ «Русскомъ Словѣ». Г. Зайцеву). Посторонняго Сатирика. — Письмо въ редакцію «Современника» Варвары Писаревой. — Тамъ-же. Апрель: *Промахи*. М. Антоновича. — Тамъ-же. Май: *Литературныя мелочи* (къ читателямъ). Посторонняго Сати-

лософской почвѣ, Антоновичъ задумалъ дать реваншъ Тургеневу за его открытый разрывъ съ «Современникомъ», разрывъ, поощряемый Герценомъ, который, наблюдая издали за дѣятельностью Чернышевскаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, никогда вполнѣ имъ не сочувствовалъ, а некоторыхъ изъ нихъ не уважалъ, какъ людей *). Антоновичъ раздѣливается съ романомъ Тургенева въ статьѣ, носящей названіе «Асмодей нашего времени». По мнѣнію новаго критика «Современника», весь романъ Тургенева представляетъ собою плохой, поверхностный морально-философскій трактатъ, который, не удовлетворяя ума, тѣмъ самымъ производитъ непріятное впечатлѣніе и на наше чувство. «Негдѣ укрыться отъ душливаго зноя странныхъ разсужденій и хоть на минуту освободиться отъ непріятнаго, раздражающаго впечатлѣнія, производимаго общимъ ходомъ изображаемыхъ дѣйствій и сценъ», восклицаетъ Антоновичъ. Въ новомъ романѣ Тургенева нѣтъ никакого психологическаго анализа, и за исключеніемъ одной старушки, нѣтъ ни одного живого лица, ни одной живой души. Всѣ личности въ немъ — это идеи и

рива. — Тамъ-же. Іюнь: *Литературныя мелочи* (учебныя пристрастія по поводу брошюры Кавелина «Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ»). Мораль г. Краевскаго. Заключение. — Тамъ-же. Іюль: *Лес-реалисты*. М. Антоновича. — Тамъ-же. Августъ: *Итоги*. — «Русское Слово». 1864. Февраль: *Глуховымъ въ «Современникѣ»*. В. Зайцева. — *Цвѣты невиннаго юмора*. Д. Писарева. — Тамъ-же. Апрель: *Какойся, но не раскаявшійся фельетонистъ «Современника»*. — Тамъ-же, Сентябрь: *Нерешенный вопросъ* (статья первая). — Тамъ-же. Октябрь: *Нерешенный вопросъ* (статья вторая). — Отвѣтъ «Современнику». — Тамъ-же. Ноябрь: *Нерешенный вопросъ* (статья третья). — Тамъ-же. Декабрь: *Г. Постороннему Сатирику*. — «Русское Слово» 1865. Января. *Буря въ стаканъ воды, или копеечное великодушіе г. Посторонняго Сатирика*. Г. Е. Благовѣтлова. — Тамъ-же. Февраль: *Г. Постороннему и всякимъ прочимъ Сатирикамъ. Нѣсколько словъ г. Антоновичу*. В. Зайцева. — *Последнее объясненіе съ Постороннимъ Сатирикомъ «Современника»*. Г. Благовѣтлова. — Тамъ-же. Мартъ: *Прогноза по садамъ Россійской словесности*. Д. Писарева. — Тамъ-же. Май: *Разрушеніе эстетики*. Д. Писарева. — Тамъ-же. Сентябрь: *Посмотримъ*. Д. Писарева. — Тамъ-же. Отъ издателя. — Тамъ-же. Ноябрь: *Въ отпѣту объявленія „Русскаго Слова“*. Николай Соколова и Варфоломей Зайцева. — *Отвѣтъ П. Благовѣтленскаго и Г. Благовѣтлова и проч.* — «Отечественныя Записки» 1863. Мартъ: *Современная хроника Россіи*. — Тамъ-же. Май: *Замѣтка для редакціи „Современника“*. — «Отечественныя Записки» 1864. Іюнь: *Начало конца*. Очеркъ съ претензіей, вызванный расколомъ въ выплывъ. Incognito. — Тамъ-же. Сентябрь. *Покорившая просьба* (письмо въ редакцію). Провинціала. — Тамъ-же. Октябрь. *Опытъ о добродѣтели въ полемикѣ*. Incognito — «Отечественныя Записки» 1865. Іюль, книжка первая *Verba novissima*. Incognito. «Современная Летопись» 1864, № 2. *Романъ на берегахъ Новы*. — «День» 1865 г. *Журнальныя замѣтки*. Н. Б. №№ 17, 27, 30 и 40. — «Космосъ» 1869. Фельетонъ *Журнально-научное обозрѣніе*. (Литературное лицемѣріе «Отечественныхъ Записокъ»). — Тамъ-же. № 8. *Журнально-научное обозрѣніе*. (Литературная недобросовѣстность). — *Литературное паденіе*. П. Рождественскаго. С.-Петербургъ 1869.

*) Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцелю, изд. 1892 г. стр. 113.

взгляды, наряженные въ конкретную форму. Къ главному герою романа Тургеневъ питаетъ какую-то личную ненависть. Онъ мститъ ему на каждомъ шагу и мстительность Тургенева доходить до смѣшного, «имѣть видъ нѣсколькихъ щипковъ, обнаруживаясь въ мелочахъ и пустякахъ». Антоновичу кажется, что Тургеневъ хотѣлъ изобразить въ Базаровѣ «демоническую или байроническую натуру, что-то въ родѣ Гамлета», но, не справившись со своей задачей, романистъ придалъ своему герою черты, «по которымъ эта натура кажется самую дюжинную, по крайней мѣрѣ весьма далекою отъ демонизма». Базаровъ въ художественномъ изображеніи Тургенева не живая личность, а карикатура, «чудовище съ крошечной головкой и гигантскимъ ртомъ, съ маленькимъ лицомъ и преобладающимъ носомъ, и притомъ карикатура самая забѣстная». Вообще, заключаешь Антоновичъ, въ художественномъ отношеніи «Отцы и дѣти» совершенно неудовлетворительное произведеніе. Въ немъ нѣтъ общей нити, общаго дѣйствія, въ немъ «все какія-то отдѣльныя раскоди». Давъ эту блестящую оцѣнку одному изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній русскаго искусства, произведенію, составившему, можно сказать, цѣлую эпоху въ исторіи умственной культуры Россіи и написанному съ поразительною энергіею художественныхъ красокъ, Антоновичъ переходитъ къ главной обвинительной части своей статьи, въ которой доказывается, что Тургеневъ, своимъ романомъ, измѣнилъ дѣлу русскаго прогресса. «Отцы и дѣти», говоритъ онъ, написаны съ тенденціями, съ рѣзко очерченными теоретическими цѣлями. Въ нихъ слишкомъ явно выступаетъ самъ авторъ, его симпатіи, его «личная желчь» и раздраженіе. На всемъ протяженіи романа вы нигдѣ не встрѣтите ни искры сочувствія къ дѣтямъ, къ молодому поколѣнію. Стараясь набросить невыгодную тѣнь на Базарова, Тургеневъ слишкомъ погорячился, «перепустилъ» и сталъ выдумывать разныя небылицы. Для Антоновича ясно, что критика, видѣнная въ Тургеневѣ прогрессиста, просто ошибалась въ объясненіи его прежнихъ произведеній, внося въ нихъ свои собственные мысли и понятія, не свойственныя ихъ автору. Тургеневъ направилъ стрѣлы своего таланта, противъ того, чего онъ въ сущности не понималъ. Онъ слышалъ разнообразныя голоса, наблюдалъ оживленные споры, но въ своемъ романѣ онъ умѣлъ коснуться только верхушекъ тѣхъ явленій, которыя совершаются въ современномъ русскомъ обществѣ. Это произведеніе слабое во всѣхъ отношеніяхъ. Обозрѣвъ его съ разныхъ сторонъ, Антоновичъ приходитъ къ слѣдующему рѣшительному выводу: вотъ художество, которое дѣйствительно заслуживаетъ, если не отрицанія, то порицанія, вотъ искусство, не стоящее никакого сочувствія. По силѣ таланта, по значительности содержанія, «Отцы и дѣти» ничѣмъ не отличаются отъ романа Аскоченскаго *Асмодей нашего времени*. «Говоримъ совершенно искренно и серьезно и просимъ читателя не принимать наши слова въ смыслѣ

того, часто употребляемаго приѣма, расписывается Антоновичъ, посредствомъ котораго многіе, желая унизить какое-нибудь направленіе или мысль, удоболяютъ ихъ направленію и мыслимъ Аскоченскаго» *). Антоновичъ читалъ *Асмодей* въ то время, когда Аскоченскій еще ничѣмъ не заявилъ себя въ литературѣ и когда «Домашней Бесѣды» еще не существовало, и читалъ его съ полнымъ безпристрастіемъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей. И вотъ теперь впечатлѣніе, произведенное на него «Отцами и дѣтьми», поразило его чѣмъ-то давно пережитымъ, самъ Базаровъ представился ему знакомою фигурою. «Отцы и дѣти»—это, однимъ словомъ, новый «Асмодей» шестидесятыхъ годовъ.

Въ теченіе 1862 г. въ «Современникѣ» не появлялось ничего, болѣе характернаго и интереснаго въ литературномъ отношеніи. Нѣсколько небольшихъ статей Чернышевскаго и полемическая распря Антоновича съ Юркевичемъ, Тургеневымъ и Косицею—вотъ и все, чѣмъ ознаменовалъ свое существованіе «Современникъ» въ этомъ году. Но слава журнала была тогда еще въ своемъ зенитѣ, его враждебныя стычки съ многочисленными противниками приобрутали характеръ всероссійскихъ событій. А время надвигалось мрачное, озаренное кровавымъ блескомъ пожаровъ, встревоженное суровыми угрозами молодой Россіи. Эпоха, начавшаяся смѣлыми либеральными реформами, могла вдругъ, не справившись съ натискомъ новыхъ, свѣжихъ броженій, выродиться въ тяжелую, гнетущую реакцію. Отъ печати требовался особый политическій тактъ, чтобы дать бодрость настоящимъ работникамъ на поприщѣ прогресса. Общество, дорожившее реформами и имѣвшее право надѣяться на дальнѣйшее движеніе по пути либеральныхъ усовершенствованій, должно было сумѣть сохранить равновѣсіе и, переработавъ всѣ свои броженія, дать усиленный ходъ новымъ, точнымъ программамъ. Это было время настоящаго политическаго испытанія для культурныхъ силъ русскаго государства. Но, къ великому несчастію, не все оказалось на высотѣ историческаго момента. Журналы, не воспитанные ни въ какой серьезной политической школѣ, не привыкшіе принимать участіе въ гражданской жизни страны, вліяніи на ходъ вещей въскими, продуманными и послѣдовательными аргументами, съ одной стороны холодноствовали передъ всякими темными силами, предостерегали правительство противъ увлеченій широкимъ дѣломъ освобожденія, съ другой стороны—ненатово метались другъ на друга, затѣвали безцѣльныя, безобразныя полемическія вакханаліи и, въ горячкѣ минутныхъ страстей, оставляли безъ разъясненія настоящіе пункты политическаго разногласія. Среди дыма и огня молодого журнализма дѣло, темное дѣло, дѣлали только тѣ, которые разжигали запосчными вызовами партійные сноры и пользовались ими для своихъ скрытыхъ цѣлей.

*) «Современникъ» 1862 г., Май, *Асмодей нашего времени*, стр. 110.

чтобы въ рѣшительную минуту, круто натянувъ вожжи, повернуть разбѣжавшихся коней въ глухую сторону реакціи. Вліяніе Каткова входило въ курсъ жизни...

Майская книга «Современника» была послѣдней книгой журнала въ 1862 г. Въ заключеніе своей ежемѣсячной лѣтописи «Современная хроника Россіи», въ іюньской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ», извѣстный въ то время пылкій публицистъ С. Громека писалъ: «Окончивъ эту лѣтопись, мы прочитали объявленіе о прекращеніи на восемь мѣсяцевъ журналовъ Современникъ и Русское Слово. Офіціальное извѣстіе не объясняетъ, за что именно обрушилась кара на эти два журнала, оно сообщаетъ кратко, что, на основаніи вновь вышедшихъ временныхъ цензурныхъ правилъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, по взаимному соглашенію, признали нужнымъ сдѣлать такое распоряженіе». Далѣе, говоритъ Громека, Аксаковъ лишень права на изданіе газеты «День», и это послѣднее распоряженіе вызвано неисполненіемъ со стороны Аксакова цензурныхъ правилъ. «Аксаковъ самъ добровольно лишилъ страну своего полезнаго и честнаго голоса». Итакъ, не стало трехъ изданій, изъ которыхъ два—«Современникъ» и «День», совершенно противоположны другъ другу по духу и направленію. Славянофилы, пишетъ Громека, могутъ лишиться послѣдняго средства «открыто защищать свою теорію о любовномъ соглашеніи общества съ государствомъ и бесполезности какихъ-бы то ни было гарантій», умѣренные либералы и консерваторы «лишаются въ теченіе восьми мѣсяцевъ права бороться съ мнѣніями крайнихъ прогрессистовъ...» *). «Отечественныя Записки» выразили сожалѣніе, что два видныхъ журнала исчезли именно въ то время, когда въ литературѣ завязалась съ ними серьезная полемика, а Косица, вѣрный своей насмѣшливой манерѣ, трактуетъ это событіе въ болѣе или менѣе игривомъ тонѣ. Его счастливому настроенію нанесень ударъ. При его, всеѣмъ извѣстной, любви къ чтенію, при его страсти къ литературнымъ наблюденіямъ, отсутствіе двухъ названныхъ журналовъ не могло не показаться лишеніемъ. Изъ солнечной системы нашихъ журналовъ, пишетъ Косица, исчезли двѣ планеты... **).

«Отечественныя Записки», начавъ смѣлую борьбу съ дѣятелями «Современника» въ первые мѣсяцы 1862 года, нѣсколько сокращаютъ и суживаютъ ее во вторую половину этого года. Журналъ открыто порицалъ тѣ орудія, которыми они пользовались въ борьбѣ за свои убѣжденія и, постоянно усиливая обвиненія, доказывалъ, что политическая тактика извѣстныхъ журналистовъ должна повести къ реакціи. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» стали появляться статьи, написанныя въ стилѣ

*) «Отечественныя Записки», 1862 г., іюнь, *Современная хроника Россіи*, стр. 82—83.

**) П. Страховъ, *Изъ исторіи литературнаго nihilизма*, стр. 156—157.

«Свистка», въ которыхъ побивались главари «Современника» ихъ-же собственными средствами. Въ «Письмахъ объ изученіи безобразія», въ сатирическихъ фельетонахъ подъ названіемъ «Все и ничего», въ веселыхъ «Думахъ Синуса», въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ на литературныя темы и, наконецъ, въ наиболѣе яркомъ отдѣлѣ журнала, который составлялся подъ редакціей С. Громеки, «Отечественныя Записки» съ большою рѣзкостью, хотя и не всегда съ достаточнымъ талантомъ, выдвигали свою оппозицію безтактному поведенію и развращающимъ приѣмамъ «Современника». Многіе честные люди, пишущіе «Отечественныя Записки», горячо сочувствуя стремленіямъ «Современника», сильно не одобряютъ его балаганнаго тона и кривлянья. Но большинству, публикѣ, нравится въ «Современникѣ» именно то, что противно интересамъ литературы. Балаганъ есть народное увеселеніе, и «Современникъ» пользуется народною почвою, на которую сталъ твердой ногой. Нѣтъ, господа, насмѣшливо восклицаетъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», подписавшійся *Прогрессистовъ*, съ однимъ направленіемъ теперь далеко не уйдете, «будете-ли вы расходиться съ *Современникомъ*, будете-ли вы совпадать или даже превосходить его направленіе, подобно *Русскому Слову*—успѣха все-таки не будете имѣть, пока не обратитесь на путь безобразія. Въ настоящее время это единственный вѣрный путь къ литературной славѣ и журнальному благополучію. Истинно, истинно говорю вамъ: глупо дѣлаете, что не сѣдете на этотъ открытый и свободный путь» *). Наглость и упрямство въ больномъ почетѣ у толпы, продолжаетъ авторъ. Вотъ Громека хотѣлъ-бы вести полемику, съ уваженіемъ къ человѣческой личности и свободѣ чужихъ мнѣній, и его забиваютъ, непременно забываютъ. Альбертини вооружился противъ Чернышевскаго, но Чернышевскій мигнулъ только бровью и крѣтко произнесъ: «милое дитя, избѣгайте полемическихъ встрѣчъ съ нами», и вся храбрость полемическаго обозрѣвателя исчезла, какъ дымъ. Сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» не видятъ, что внѣ разудалой свистопляски нѣтъ спасенія. Не слышатъ они ежеминутно возрастающей силы свистуновъ, не чувтъ они, что скоро, скоро вся литература превратится въ неумолкаемый свистъ и гамъ.

Гордыя вершины
 Нашихъ свистуновъ
 Стали ужъ и нынѣ
 Выше облаковъ...
 Мощны силы вѣка,
 Сила ерупды.
 Подожди, Громека,
 Свиснешь, братъ, и ты!...

*) «Отечественныя Записки» 1862 г., Февраль. *Письма объ изученіи безобразія*, стр. 37.

Обозрѣвая въ насмѣливыхъ стишкахъ состояніе современной литературы, веселый Синеусъ видитъ закатъ славы Чернышевскаго и роскошную зарю литературной извѣстности Писарева *)... Вотъ, вотъ онъ воцарится на вакантномъ престолѣ русской критики.

Громека полемизируетъ съ Чернышевскимъ и его послѣдователями въ серьезномъ тонѣ, со свойственной ему горячностью. Его разсужденія носятъ волюнтаристскій либеральный характеръ. Вѣрный партизанъ всякаго рода реформъ въ политической и соціальной жизни страны, хотя и склонный къ наивной довѣрчивости по отношенію къ бюрократической машинѣ, человѣкъ безъ глубокаго таланта и настоящей политической прозорливости, Громека храбро воюетъ съ современнымъ ему нигилизмомъ, постоянно выкидывая надъ собою, съ пылкостью юноши, еще свѣжій флагъ оптимистическаго либерализма. Его тирады блещутъ краснорѣчіемъ, но его доводы не задѣваютъ глубины предмета. Его воззванія къ обществу и правительству не страдаютъ дѣланностью или афектаціей и какъ-бы выливаются изъ горячаго сердца, но въ нихъ ничто не завоевываетъ читателя. Указывая на постоянныя преувеличенія нигилизма, выступающаго съ отрицаніемъ почти слѣпымъ, направленнымъ безъ разбору во все стороны и при этомъ не дорожащаго своею нравственною репутаціею въ выборѣ орудій борьбы и самозащиты, Громека требуетъ полной свободы для печатнаго слова. Только свѣжій, здоровый воздухъ свободы, лишь только широкая гражданская жизнь и свободно развивающаяся мысль въ состояніи вылѣчить русское общество отъ охватившей его философской и гражданской чахотки. Нуженъ воздухъ, свобода, жизнь. Въмѣсто двусмысленныхъ полунамековъ и скорбныхъ вздоховъ должны выступить на сцену твердые умы и серьезные знанія, должна выступить вся наука, все теорія, все умственныя силы, при полномъ свѣтѣ которыхъ не будетъ мѣста никакому шарлатанству и отвратительному маскараду убѣжденій. Нужны новые идеалы для новыхъ построекъ. Нигилизмъ умѣстенъ только, какъ орудіе критики, какъ скептической постройка, ибо какъ только умами овладѣваетъ мысль о новомъ порядкѣ вещей, «архитекторы новыхъ идеаловъ получаютъ предпочтеніе передъ разрушителями старыхъ—идеалисты смѣяются нигилистовъ» **). Пусть скептицизмъ дѣйствуетъ свободно, безъ цензуры. Сколько выиграло-бы общество, если-бы скептицизму никогда не ставили никакихъ преградъ. Вспомните, какъ давно раздавались на Руси сильные голоса противъ рабства, тѣлесныхъ наказаній, судебной неправды, взяточничества и чиновничьяго грабежа. Вспомните все безчисленныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ крѣпостническому строю и полицейскому произволу.

*) Тамъ-же, *Думы Синеуса*, стр. 47—49.

**) «Отечественныя Записки», 1862 г., Апрель, *Современная хроника Россіи*, стр. 50.

Подумайте, сколько новыхъ силъ приобрѣлъ-бы творческій духъ, если-бы борьба съ неправдою развивалась непрерывно, именовъ самого государства, при помощи всего народа, общественнаго мнѣнія, всей науки. Предъявляя въ такой категорической формѣ свои политическія требованія, Громека тутъ-же, съ простодушіемъ человѣка, не знающаго жизни и не умѣющаго измѣрить силу и глубину раздора враждующихъ сторонъ, дѣтски-довѣрчиво треплетъ по шеѣ притихшаго звѣря эгоизма и властолюбія. Ему представляется, что положительныя силы общества естественнымъ образомъ сложились въ стройную, организованную систему, на которую можно твердо и спокойно опереться въ борьбѣ за историческія судьбы народа. Послѣ пылкихъ рѣчей въ приподнятомъ цивическомъ тонѣ странно читать наивныя разсужденія о непоколебимой вѣрѣ и неудержимой преданности своимъ убѣжденіямъ людей, ведущихъ постоянную, оборонительно-наступательную кампанію противъ настоящихъ прогрессивныхъ теченій. Протестантскій папосъ перебывается у Громеки наивными, симпатическими изліяніями по адресу тѣхъ, къ кому, казалось-бы, долженъ былъ относиться самый его протестъ. Въ сущности, онъ разобрался только въ одной сторонѣ дѣла, и его филиппики противъ дѣйствующей радикальной партіи гораздо болѣе продуманы и осмыслены по содержанію, ярки и мѣткі по формѣ, чѣмъ его слегка приторное заигрываніе съ силами и учрежденіями, сообразующимися только со своими уставами и пренебрежительно равнодушными къ его писательскимъ указаніямъ и увѣщаніямъ. Полемизируя съ «Современникомъ», Громека не хотѣлъ-бы, однако, чтобы отпоръ сопровождался озлобленіемъ противъ партіи движенія. Онъ негодуетъ только на то, что эта партія двигалась до сихъ поръ безъ всякаго такта, повторя вѣчно однѣ и тѣ-же фразы, одни и тѣ-же приемы. Одной и той-же пѣсней встрѣчала она каждое зобытіе. Одни и тѣ-же свистки посылала она, безъ разбору, и первому встрѣчному будочнику, и такимъ людямъ, какъ Костомаровъ. «Такъ можетъ дѣйствовать дикая орда, восклицаетъ Громека,—но такъ не дѣйствуютъ партіи, имѣющія самостоятельныхъ вождей, которые прежде, чѣмъ сдѣлать шагъ, обыкновенно взвѣшиваютъ тяжесть нравственной ответственности за него передъ обществомъ и исторіей *). Противопоставляя людямъ съ журнальнымъ задоромъ дѣйствительныхъ работниковъ на пользу народа, «Отечественныя Записки» рассказываютъ цѣлую исторію, въ которой А. М. Унковскій явился истинно дѣльнымъ, энергичнымъ заступникомъ крестьянскихъ интересовъ въ одномъ частномъ процессѣ: вотъ гдѣ настоящіе борцы за право и справедливость, вотъ гдѣ дѣло, а не краснорѣчивыя слова. Безъ шума и фразъ, скромные люди разсѣялись по всей русской землѣ и работаютъ

*) «Отечественныя Записки» 1862 г. май, *Современная хроника Россіи*, стр. 5.
Кн. 1. Отд. I.

въ одиночку, не ожидая рукоплесканій, не гоаясь ни за какими кличками, никому и ничему не лстя и не требуя ни отъ кого никакой лести для себя. И сколько такихъ дѣятелей, замѣчаетъ Громека, незримыхъ для публики. Это не тѣ храбрецы, гарцующіе и джигитующіе наканунѣ битвы, которые въ рѣшительную минуту осаживаютъ въ заднія шеренги, а люди робкіе и краснѣющіе въ предбитвенныхъ оргіяхъ, но смѣлые и доблестные на полѣ сраженія *).

Послѣ закрытія «Современника» Громека, какъ мы уже сказали, умѣряетъ пылъ своихъ нападеній на свирѣпое и распущенное поведеніе нѣкоторыхъ журнальныхъ ратоборцевъ. Мы бились съ нашими противниками, пишетъ онъ, пока они были сильны и стояли лицомъ къ лицу съ нами, и мы будемъ биться съ ними опять, когда они встанутъ на ноги. Но теперь мы можемъ только сожалѣть, что послѣднія стрѣлы, направленныя противъ нихъ, были опережены печальными событіями. «Не такой побѣды желали мы надъ ними **), замѣчаетъ Громека. Объясняясь съ нѣкоторыми своими противниками, обвинявшими «Отечественныя Записки» въ томъ, что они измѣнили свое прежнее направленіе, принявъ консервативный тонъ, подслащенный рѣдкими аккордами дешеваго либерализма, Громека съ большою стремительностью отражаетъ несправедливый и незаслуженный полемическій ударъ. Онъ всегда доказывалъ, что нигилизмъ есть только орудіе, а не цѣль. Онъ всегда горячо проповѣдывалъ, что есть заповѣдная черта, которую журналисты не должны переступить подъ страхомъ «погубить начатое дѣло и отдать его въ жертву реакціи». Преданный дѣлу свободы, онъ не могъ быть умѣренъ въ своей борьбѣ съ дѣятелями печати, которые не умѣютъ разрѣшать свою задачу надлежащимъ образомъ. Каждый неосторожный шагъ, каждое лишнее движеніе пугаетъ и волнуетъ его и, стоя между двухъ огней, «между пыломъ передовыхъ застрѣльщиковъ движенія и тяжелой артиллеріей консерваторовъ», онъ не могъ не возбуждать противъ себя недовольствіе всѣхъ партій ***).

Такъ воевали сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» съ радикальными дѣятелями русской печати. Но при этомъ, какъ мы уже сказали, увлекшись дурнымъ примѣромъ, солидный журналъ заводитъ у себя легкое подобіе осуждаемаго имъ самимъ «Свистка» и въ рядѣ статей выражаетъ свое порицаніе литературному и жизненному нигилизму. II. Прогрессистовъ всѣми силами старается натянуть на себя шутовскую маску, свиснуть оригинальными стихами, хлестнуть Чернышевскаго ехид-

*) Тамъ же, стр. 17.

**) «Отечественныя Записки», 1862 г., Октябрь, *Современная хроника Россіи*, стр. 43.

***) «Отечественныя Записки», 1862 г., Сентябрь, *Современная хроника Россіи*, стр. 3.

нымъ издѣвательствомъ. Но надо сказать правду, подражательная сатира «Отечественныхъ Записокъ», при отсутствіи въ ея творцахъ непосредственной веселости и того разгульнаго, своеобразно артистическаго темперамента, который можетъ сдѣлать завлекательнымъ для публики даже балаганный фарсъ, далеко отстаетъ отъ комическихъ представлений «Современника», съ ихъ раздражающимъ, распущеннымъ смѣхомъ, съ блестками яркаго литературнаго таланта среди безпорядочныхъ грудъ безпринципнаго юмористическаго хлама. Въ сатиры «Отечественныхъ Записокъ» не было вдохновенія, внезапныхъ всплесковъ обличительнаго творчества, того, что можетъ ошеломить, изумить, взволновать читательское воображеніе, не было удадой рѣшимости яростно шельмовать на глазахъ толпы самыя громкія репутаціи, самыя прославленныя имена. Скользя по готовымъ ритмамъ, прилаживая старыя формы къ случайнымъ сатирическимъ комбинаціямъ и перезванивая чужими римами, фельетонисты «Отечественныхъ Записокъ» дѣлали совершенно мертвое, безцѣльное дѣло, никого не задѣвающее, никого никуда не увлекающее. Въ сатиры «Современника», при всей ея разнузданности, при всемъ ея хищномъ цинизмѣ и наглымъ произволѣ въ набѣгахъ и экзекуціяхъ, была самобытная сила, кружившая голову своими неожиданными проявленіями. Несправедливая и наглая, она, тѣмъ не менѣе, представляетъ крупное литературное явленіе, съ которымъ необходимо считаться при изученіи судебъ русской литературы. Ея вліяніе мы видимъ и дониндѣ въ хлыщеватыхъ приемахъ нѣкоторыхъ писателей, пишущихъ дешеваго успѣха въ толпѣ, готовой аплодировать бойкому зубоскальству и принимать за талантъ всякое откровенное и дерзкое паясничество. Сатира «Отечественныхъ Записокъ»—эта блѣдная тѣнь сатиры «Современника»—не оставила по себѣ никакого слѣда, никакого вліянія.

Пылкія рѣчи Громеки, несмотря на ихъ воплѣтъ либеральное содержаніе, тоже представляютъ не особенное серьезное явленіе. Его полемика не имѣла истинно принципиальнаго характера, какой могла имѣть, на примѣръ, полемика Юркевича съ Чернышевскимъ, полемика Лаврова съ Антоновичемъ и Писаревымъ. Мы видимъ отчетливо, что онъ борется противъ грубыхъ формъ литературной агитаціи «Современника», но не знаемъ во имя какого самостоятельнаго, нераздѣляемаго «Современникомъ» принципа вызываетъ онъ на бой тѣхъ, кого онъ считаетъ своими противниками. Громека не выдвигаетъ на первый планъ своихъ теоретическихъ разногласій съ «Современникомъ», какъ это дѣлалъ еще недавно Дудыкинъ. Онъ не подчеркиваетъ ни научнаго, ни политическаго пункта раздора, изъ за котораго дѣйствительно стоитъ биться со страстью и вдохновеніемъ. Онъ не выставляетъ ни опредѣленной программы политическаго строя, противъ которой должны были-бы возражать радикальные дѣятели «Современника», ни извѣстнаго философскаго

ученіи, противоположнаго матеріалистической философіи Чернышевскаго, которое могло-бы притязать на какое-либо культурное значеніе въ современномъ обществѣ. Весь задоръ Громеки былъ направленъ исключительно противъ внѣшняго непримиренія въ поведеніи «Современника» и потому не могъ сгруппировать вокругъ него людей съ талантомъ, съ опредѣленными философскими и политическими убѣжденіями, людей, имѣвшихъ право заявить громогласный протестъ противъ свистопляски матеріалистовъ. «Отечественныя Записки», имѣвшія совершенно независимое положеніе въ журналистикѣ шестидесятихъ годовъ и не избѣгавшія откровенной критики, направленной и противъ передовыхъ застрѣльщиковъ движенія, и противъ тяжелой артиллеріи консерваторовъ, не поняли своей литературной задачи. Они не собрали въ своей редакціи настоящихъ, смѣлыхъ, можно сказать, историческихъ протестантовъ того времени, какими могли быть Юркевичъ и Лавровъ, и весь ихъ протестъ, съ патетическими рѣчами о свободѣ слова безъ цензуры, при наивномъ довѣрїи къ дѣятельности бюрократической машины, при ребяческой склонности откровенно заигрывать съ мощнымъ и злымъ звѣремъ, свелся на безсильную, умѣренную критику чужихъ приемовъ подъ флагомъ трезваго и уравновѣшеннаго либерализма. Эта склонность къ умѣренности и политической уравновѣшенности и погубила журнальную репутацію «Отечественныхъ Записокъ» того періода. Съ убѣжденіями Чернышевскаго, сдавленными узкимъ философскимъ кругозоромъ, носившими въ себѣ самихъ язву неизбежнаго самоограниченія въ будущемъ, лишенными истинно-научной стройности, философской глубины и свѣта, необходимо было бороться не во имя умѣренности, не во имя того или другого примирительнаго шаблона, а во имя широкихъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ поставленныхъ теоретическихъ и практическихъ задачъ. То, что имѣетъ характеръ неумѣреннаго размаха въ требованіяхъ и запросахъ Чернышевскаго, заслуживаетъ свободной критики не само по себѣ, а только по отношенію къ его теоретическимъ обоснованіямъ и аргументамъ. Только люди со страстью, съ смѣлымъ и независимымъ отношеніемъ къ дѣйствительности могли-бы состязаться съ Чернышевскимъ съ полнымъ правомъ и надлежащимъ успѣхомъ. Только люди изъ той-же партіи движенія и съ тою-же неутолимою жаждой свободнаго труда во всѣхъ сферахъ жизни, могли преодолѣть Чернышевскаго, сразившись съ нимъ во имя болѣе прогрессивныхъ и жизнеспособныхъ философскихъ началъ. Но такихъ людей радикальная партія злобно и недовѣрчиво отгоняла отъ себя, а умѣренно-либеральная не постигала во всю глубину и опростачливо выпускала изъ рядовъ боевой журналистики.

А Громека было рѣшительно не подъ силу справиться съ «Современникомъ».

Остановимся еще на одномъ очень типичномъ эпизодѣ, характер-

зующемъ публицистическій тактъ Громеки и отношеніе органа умѣреннаго либерализма къ своей журнальной задачѣ. Въ ноябрѣ 1862 года, почти передъ истеченіемъ срока приостановки «Современника» и «Русскаго Слова», Громека, въ пылу наивнаго увлеченія, поддавшись наплыву профессиональнаго великодушія, побуждающаго протянуть руку помощи утопающему антагонисту, совершенно неожиданно для читателей, выступаетъ въ роли ходатая передъ официальными учрежденіями за журналы, приостановленные въ началѣ этого года. Онъ обращается съ убѣдительною нотой къ цензурному вѣдомству, объясняя ему въ популярныя выраженія, что закрытіе журналовъ можетъ принести вредъ не только литературѣ, но и правительству. Онъ убѣдительнѣйше проситъ выслушать его: «На душѣ у насъ», говоритъ онъ, «давно лежитъ нѣсколько словъ, которыя выслушать ей (цензурѣ) будетъ не бесполезно, такъ какъ дѣло касается лично ея достоинства, а также достоинства литературы и выгодъ правительства». Вотъ уже около полугода, какъ литературное направленіе, извѣстное подъ именемъ нигилизма, устранено вовсе изъ печати, хотя цензурѣ должно быть извѣстно, что направленіе это пользуется сочувствіемъ общества, составляетъ необходимое явленіе, котораго нельзя вычеркнуть однимъ почеркомъ пера. Съ этимъ направленіемъ боролась почти вся журналистика, когда оно существовало наряду съ другими литературными явленіями и фактами. Теперь оно подъ запретомъ, окружено ореоломъ мученичества. Какъ быть? Что дѣлать тѣмъ людямъ, которые считали своимъ долгомъ бороться съ литературнымъ нигилизмомъ? «Честная и сколько-нибудь уважающая себя литература, пишетъ Громека въ своемъ оригинальномъ журнальномъ рапортѣ, не можетъ сражаться съ мнѣніями, которыя подвергаются преслѣдованію и запрещаются цензурой. Разумъ не можетъ подавать руки насилію». Когда преслѣдуется цѣлое литературное направленіе, продолжаетъ Громека, тогда всѣ прочія направленія, бывшія съ нимъ въ спорѣ, становятся въ униженное положеніе невольныхъ доносчиковъ». Онъ не можетъ вѣрить, чтобы гоненіе на упомянутые журналы было рѣшено продолжить. Онъ не можетъ вѣрить, чтобы правительство рѣшилось «продлить то положеніе вещей, при которомъ въ одно и то-же время заботятся объ улучшеніи крестьянскаго быта и запрещаютъ частнымъ людямъ защищать крестьянъ, даруютъ народу правильный судъ и защиту отъ административнаго произвола и преслѣдуютъ административнымъ порядкомъ лицъ, почему-либо не нравившихся начальству, хлопчутъ объ уничтоженіи произвольной цензуры и насильно выкидываютъ изъ литературы цѣлое направленіе». Громека надѣется, что цензура не воспрепятствуетъ его откровеннымъ и доброжелательнымъ строкамъ дойти по назначенію. Она должна понять, что нельзя скрыть отъ правительства опасенія, раздѣляемаго всѣмъ обществомъ. «Лучше ей имѣть теперь дѣло съ нашими, скромно выражаемыми

мыслями, чѣмъ остаться потомъ вовсе безъ дѣла, когда русская литература переселится за предѣлы европейской и азіатской Россіи», заключаетъ свою краснорѣчивую петицію пылкій, но наивно-безтактный Громека *).

Мы увидимъ ниже, какъ отнесся къ этому непрошенному заступничеству «Современникъ». Но нельзя не замѣтить, что въ такое странное положеніе «Отечественныя Записки» могли попасть только вслѣдствіе умѣренного характера своего собственного образа мыслей. Желая идти въ дружескомъ общеніи съ правительствомъ и, такъ сказать, поворачивая къ официальнымъ учрежденіямъ свою неизмѣнно добродушную фізіономію, такой публицистъ, какъ Громека, не ставилъ ничего серьезнаго на карту. Его литературно гражданственный поступокъ, какъ и вся его журнальная дѣятельность этого періода, не представлялъ ничего особенно рискованнаго, не былъ проявленіемъ настоящаго политическаго мужества. Его либерализмъ свободно разливался въ слегка риторическихъ тирадахъ подъ хладною сѣнью закона и канцелярскаго благомыслія. Испрашивая для «Современника» свободу, Громека не обнаруживалъ глубокаго идейнаго интереса, потому что, въ сущности, онъ самъ шокировался именно *крайностями* литературнаго пинглизма, неумѣренностью его требованій, безпощадностью его политической критики. Будучи чловѣкомъ съ ограниченной программой, онъ не могъ искренно желать, чтобы направленіе «Современника» свободно разливалось свои шумныя волны, тревожа умы и возбуждая страсти. Ослѣпленный оптимистическими надеждами, Громека думалъ, что радикальное движеніе, съ его бурными и беспорядочными взрывами, уже приходило къ концу, уступая мѣсто лояльному, умѣренному, аристократически выправленному либерализму, который приведетъ Россію, безъ борьбы и натиска, къ полному и безмятежному благополучію. Не разразись злосчастное запрещеніе надъ «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», пылкій Громека, помахивая и поигрывая своимъ «кнутикомъ рутиннаго либерализма», самъ выгналъ бы «дикую орду» радикаловъ на прямую и широкую дорогу прогресса. Уступивъ цензура его убѣдительнымъ увѣщаніямъ, и все опять направится тѣмъ же вѣрнымъ ходомъ: пройдя огонь журнальной полемики, радикальная печать очистится отъ своихъ язвъ и грѣховъ, и всѣ три органа русскаго прогресса—Правительство, «Отечественныя Записки» и «Современникъ»—дружнымъ шагомъ направятся къ общей дѣлѣ, оставивъ за своей спиной безсильно злобствующаго, тщетно надрывающегося въ патріотическихъ іереміадахъ Каткова.

Пылкій Громека въ своихъ отношеніяхъ съ «Современникомъ», въ

*) «Отечественныя Записки», 1862 г., ноябрь. *Современная хроника Россіи*, стр. 28—34.

самомъ дѣлѣ, былъ въ томъ двусмысленномъ положеніи, въ какомъ долженъ былъ оказаться всякій умѣренный либеральный дѣятель, ведущій борьбу съ направлениемъ, оказавшимся внѣ покровительства закона. Какъ мы уже сказали, онъ ничѣмъ не рисковалъ: ему ничѣмъ было рисковать, у него не было за душою ничего такого, чего онъ не могъ бы твердою рукою занести въ официально признанные проекты того времени. Въ борьбѣ съ Чернышевскимъ честное, твердое и недвусмысленное положеніе могъ занять только тотъ, кто, отправляясь отъ другого философскаго міровоззрѣнія, шелъ бы смѣлымъ, рѣшительнымъ путемъ къ столь же серьезнымъ и безошаднымъ выводамъ.

II.

Какимъ-то особеннымъ весельемъ и бодростью проникнуты первая книга «Современника» 1863 года. Редакція подобралась и, несмотря на отсутствіе Чернышевскаго, повела работу съ большою энергіею. Событіемъ дня долженъ былъ стать романъ Чернышевскаго «Что дѣлать», а среди постоянныхъ работниковъ журнала, въ качествѣ фактическаго со-редактора, появился новый блестящій талантъ, свѣжій и остроумный, несмотря на свою, не всегда опрятную болтливость, несмотря на отсутствіе внутренняго жара и протестантской сосредоточенности. Казалось, что «Современникъ» окрѣпѣлъ окончательно. Съ вѣдшей стороны онъ въ этомъ году отличается изобиліемъ литературныхъ матеріаловъ. Но внимательно вчитываясь уже въ первые книги, нельзя не почувствовать въ идейной сторонѣ дѣла какого-то разброда, разноголосицы, отсутствія духовно-сплоченной организаціи, направляющей всѣ силы журнала по опредѣленному пути. Фельетоны Щедрина, его многочисленныя работы въ разныхъ отдѣлахъ «Современника»,— статьи о театрѣ, письма изъ Москвы, многочисленныя библиографическія и полемическія замѣтки, наконецъ обширный вкладъ, сдѣланный имъ въ стихотворной и прозаической формѣ въ № 9 «Свистка» — все это, конечно, придавало журналу оживленіе, яркость, силу. Но, несмотря на все это, «Современникъ» уже утратилъ тотъ характеръ прямолинейной фанатической убѣжденности, какой онъ имѣлъ при Добролюбовѣ и Чернышевскомъ. Въ прежнемъ «Современникѣ» все кипѣло злобною нетерпимостью политическаго сектанства. Смѣхъ его сатиры звучалъ ехидно, вызывающе, задорно. Конрадь Лиліеншвагеръ, Яковъ Хамъ и другіе лицедѣи «Свистка», несмотря на блѣдность и сухость сатирическихъ талантовъ, несмотря на неразборчивость въ выборѣ своихъ жертвъ, умѣли добиваться своими средствами опредѣленно поставленной цѣли. Свистъ ихъ, оглашая журнальное поле, такъ или иначе собиралъ людей подъ опредѣленные знамена. Сатира возрожденнаго, или, вѣрнѣе говоря, перерожденнаго «Современника», съ юнымъ Щедринымъ во главѣ, при всей ея сочной и богатой талантливости,

ности, не заключала въ себѣ элементовъ истинно злого, непримиримаго обличенія. Въмѣсто рѣжущихъ слухъ свистковъ, въ ней слышались взрывы задорнаго, зубоскальнаго, порою распутнаго хохота, привлекающаго публику новизною и неожиданностью хлесткихъ и разухабистыхъ словечекъ и оборотовъ, но отучающаго отъ серьезнаго отношенія къ обличительной литературѣ вообще. Все то, что придаетъ настоящей сатирѣ глубоко серьезный и даже трагическій характеръ, все то, что зрѣетъ въ душѣ всякаго талантливаго писателя съ годами жизни, вся та горечь, которая ощущается въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Щедрина, совершенно отсутствуетъ въ его первыхъ фельетонахъ. Здѣсь бросается въ глаза бойкій и ядовитый умъ, разлагающій жизнь въ разныхъ ея пластахъ и направленіяхъ, безпокойный юморъ, мечущійся изъ стороны въ сторону, какъ дикій звѣрь въ клеткѣ, почти неперсераемый, вѣчно живой балагурный талантъ, превращающій въ рядъ интересныхъ, художественно-законченныхъ эпизодовъ всякую безформенную жизненную канитель. Но высокаго настроенія, духа, творящаго въ художественныхъ образахъ смѣлья и значительныя идеи, не видно въ этихъ блестящихъ, но часто совершенно безплодныхъ писаніяхъ молодого Щедрина. Россія неудержимо смѣялась, читая небывало самобытныя разсужденія о «дураковой плѣши» и «дураковомъ болотѣ», о «Ванѣ—бѣлыя перчатки» и «Машѣ—дырявое рубище», о «Цензорѣ въ попыхахъ» и «Сеничкиномъ ядѣ», но смѣхъ этотъ не былъ очищающимъ, отрезвляющимъ смѣхомъ. Читатели сбѣгались послушать забавнаго разсказчика, умѣющаго коварно подмигивать и ехидно поддразнивать тѣхъ, про кого нельзя сказать открытой правды, но самая обличительная тенденція автора, расплывчатая и неуловимая, нѣкого въ сущности не язвила, не убивала ничьей репутаціи. Имя Щедрина скоро стало гремѣть, какъ имя новаго таланта, щедро разбрасывающаго ходкую и звонкую монету анекдотическаго остроумія. Но люди съ настоящими духовными страстями и серьезнымъ отношеніемъ къ задачѣ журналистики знали, что въ этомъ видѣ вліяніе Щедрина не глубоко, и слава его не прочна. Мы уже видѣли, съ какою силою предостерегалъ Щедрина Достоевскій, призывая его на новый, болѣе отвѣтственный и болѣе достойный путь. Ниже мы увидимъ, какъ отнесся къ нему молодой Писаревъ, не разглядѣвшій даже за его юмористическими ужимками серьезнаго и многообѣщающаго таланта. Для того, чтобы выйти на другую литературную дорогу и возвести свою сатиру на степень важнаго общественнаго и художественнаго явленія, Щедрину нужно было многое пережить и перестрадать. Въ тяжелыхъ нравственныхъ испытаніяхъ, отъ которыхъ конвульсивно сжималась, трепетала и замирала вся русская жизнь, должна была отпасть отъ Щедрина вся та скверная пакость, съ которою онъ вышелъ изъ провинціальнаго, чиновно-дворянскаго трущобъ... Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при всей безсодержательности своихъ ран-

нихъ, обличеній, Щедринъ все-таки, съ самаго начала своей дѣятельности, заблнстала въ «Современникѣ», какъ звѣзда первой величины. Рядомъ съ бездушными и мертвыми писаніями Литтовича, его фельетоны, его публицистическія и критическія замѣтки, каждый штрихъ его молодого пера дышать жизнью, играютъ свободнымъ остроуміемъ.

Въ краткомъ обзорѣ журналовъ за истекшіе восемь мѣсяцевъ «Современникъ» отмѣчаетъ все то, что случилось безъ него на сценѣ русской литературы. Случая миновавшее съ настоящимъ, журналъ находитъ, что въ короткое время съ точностью опредѣлились главныя направленія, господствующія въ современной печати, ея настоящіе виды и стремленія. Журналы дѣйствуютъ теперь подъ опредѣленными знаменами, каждый на своей территоріи. Было время, когда «Современникъ» имѣлъ виды на сердечное примиреніе съ «Русскимъ Вѣстникомъ», но теперь всѣ его надежды на этотъ счетъ пропали. Физиономія «Русскаго Вѣстника» опредѣлилась, характеръ его установился окончательно. Отказавшись отъ своихъ преданій, Катковъ сталъ говорить безъ аллегорій и либеральныхъ прикрасъ, «произносить свои панегирики и катилліады твердымъ и рѣзкимъ голосомъ, не конфузясь и не мигая глазомъ». «Русскій Вѣстникъ» укрѣпился въ своей позиціи, и теперь уже нѣтъ никакой возможности поколебать его, остановить и урезонить. «Отечественныя Записки» затѣяли усердную борьбу съ нигилизмомъ, и на этомъ полѣ Громека, ихъ виднѣйшій сотрудникъ, приобрѣлъ себѣ широкую извѣстность. Его хроники производятъ сенсацію, ихъ читаютъ. Но пылкій публицистъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія гордиться своимъ положеніемъ среди дѣйствующихъ журналистовъ. Упомянувъ объ извѣстномъ ходатайствѣ Громеки передъ цензурнымъ вѣдомствомъ, «Современникъ» восклицаетъ съ раздраженіемъ: «Какое великодушіе и какая храбрость!.. Хроникеръ отважился ходатайствовать за Современникъ, который часто враждебно относился къ нему». Что сказать на это ходатайство? Кто посылалъ Громеку адвокатомъ въ правительственныя учрежденія отстаивать интересы того направленія, къ которому онъ самъ не принадлежитъ? «Современникъ» гнушается заступничествомъ «Отечественныхъ Записокъ», и въ ихъ ходатайствѣ видитъ только фарсъ, ловкій фарсъ, искусно рассчитанный на то, чтобы уронить противника и возвысить себя. О журналѣ Достоевскаго «Современникъ» отзывался съ полнымъ пренебреженіемъ. «Время» любитъ похвастать собственными своими достоинствами. Въ хвастовствѣ оно доходитъ до виртуозности, до настоящей хлестаковщины. Его сотрудники простые фразеры, перебивающіеся небольшимъ запасомъ постоянно повторяемыхъ метафоръ. Ихъ исходная мысль ложна, ихъ статьи—вздоръ и болтовня. Косица въ отсутствіи «Современника» не находилъ сюжета для своихъ писаній... *).

*) «Современникъ» 1863, № 1—2, *Краткій обзоръ журналовъ*, стр. 228—236.

Та-же мысль проводится и въ статьѣ Антоновича «Литературный кризисъ». Недавно еще казалось, пишетъ онъ, будто всѣ органы печати проникнуты однимъ духомъ, будто всѣ ея дѣятели идутъ къ одной цѣли и преслѣдуютъ одинаковые интересы. Но вотъ въ литературѣ совершился кризисъ, и единство въ цѣляхъ и стремленіяхъ ея выдающихся представителей исчезло. Возникли несогласія въ вопросахъ, прежде никого не смущавшихъ, вражда вышла за предѣлы литературнаго круга. Обличенія и бичеванія раздаются рѣже и рѣже, въ журнальныхъ исполнахъ и пигмеяхъ замѣтенъ большой упадокъ храбрости. Прежде литература находилась, можно сказать, въ эмбріональномъ состояніи. Трудно было замѣтить разницу между отдѣльными ея направленіями, во всемъ господствовалъ хаосъ и вавилонское столпотвореніе. Но вотъ подошло время, когда общія мѣста оказались недостаточными, когда потребовались прямые и опредѣленные сужденія, и тогда, вмѣсто бойкихъ рѣчей, потекли благоразумныя фразы и резонерство. Журналы сняли свои маски. Одинъ только «Современникъ» остался во гла вѣ настоящаго прогрессивнаго движенія общества и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, его програма приобрѣтеть литературную и политическую яркость. Антоновичу, вмѣстѣ съ другими сотрудниками журнала, казалось, что «Современникъ» теперь, какъ и прежде, пойдетъ путемъ авторитетнаго руководителя интеллигентныхъ массъ.

Однако, перебирая главныя статьи, напечатанныя въ первыхъ книжкахъ «Современника», мы не находимъ въ нихъ опредѣленной политической програмы. Между разсужденіями различныхъ авторовъ нѣтъ полной солидарности въ политическомъ тонѣ, нѣтъ гармоніи въ отдѣльныхъ оттѣнкахъ публицистическаго обсужденія текущихъ жизненныхъ вопросовъ. Нѣкоторыя статьи могли-бы по своей корректности въ отношеніи къ правительственнымъ реформамъ появиться въ журналѣ съ болѣе умѣренными либеральными запросами, другія страдаютъ отсутствіемъ настоящей юридической критики. Общія теоретическія мѣста, всплывающія въ статьяхъ Антоновича, отличаются крайнею ограниченностью правовыхъ представленій. Какъ-бы въ оправданіе своихъ узкихъ реалистическихъ требованій, Антоновичъ проводитъ въ упомянутой статьѣ своей слѣдующій странный взглядъ на роль теоретическихъ идей въ культурномъ процессѣ всякаго общественнаго развитія. Можно принять за правило, пишетъ онъ, что теоретическая высота какого-нибудь ученія совершенно не соответствуетъ практическимъ требованіямъ, выводимымъ изъ него. Теоретически-возвышенныя идеи ослабляли энергію въ людяхъ, отвлекали ихъ мысли отъ дѣйствительнаго міра, обращали ихъ къ безжизненнымъ и мечтательнымъ сферамъ. Провѣдуя пассивное терпѣніе и рабскую покорность, онѣ брали подъ свое покровительство все, что стремилось къ преобладанію и незаконному господству надъ людьми. Или

оправдывались и освящались всякія насилія, притѣсненія и угнетенія. Только ученія, съ виду не очень возвышенныя, занимавшіяся реальными предметами дѣйствительной жизни, говоритъ Антоновичъ, были всегда ученіями протестующими, заступались за слабыхъ и угнетенныхъ. Обойдите весь свѣтъ, восклицаетъ онъ, просмотрите всѣ отдѣлы жизни, и вы найдете оправданіе этимъ мыслямъ. Кто защищаетъ розгу, рабство, тотъ держится теоретически высокихъ понятій. Кто защищаетъ свободу и другія священныя права человѣка, тотъ не держится возвышенныхъ теоретическихъ понятій *)). Въ другой статьѣ, написанной по поводу книги Чичерина «Нѣсколько современныхъ вопросовъ», Антоновичъ глубоко-мысленно разсуждаетъ на тему о свободѣ и власти. При всей кажущейся солидности и либеральной безукоризненности этихъ разсужденій, въ нихъ нельзя усмотрѣть вѣянія настоящей свободной мысли, которую Антоновичъ могъ-бы съ правомъ противопоставить нѣсколько узкимъ, слегка лойальнымъ тенденціямъ Чичерина. По мнѣнію Антоновича, «свобода и власть съ закономъ вещи согласныя и тождественныя». Элементы власти и закона, говоритъ онъ, дѣйствительно необходимы для свободы, для всего, «какъ нища для человѣка»: они служатъ выраженіемъ свободы, огражденіемъ и утвержденіемъ ея. Приведа нѣкоторыя мысли Чичерина, что только свобода, подчиняющаяся закону, можетъ установить прочный порядокъ, что повиновеніе закону не должно быть сужено степенью его внутреннихъ достоинствъ, что, во избѣжаніе анархіи, обязанность повиновенія распространяется на всѣ юридическія уставы страны, радикальный критикъ «Современника», желая быть практичнымъ во что-бы то ни стало и не заноситься въ облака слишкомъ возвышенныхъ теорій, прибавляетъ слѣдующее: «Требованіе справедливое, въ практикѣ безъ него жить нельзя и неисполненіе этого требованія есть преступленіе ***)». Наука имѣетъ право на критику, она можетъ заявлять еще и другія требованія, но въ жизни приходится исполнять всякій законъ, каковъ-бы онъ ни былъ по существу.

Настоящей радикальной политической программы, съ рѣшительнымъ анализомъ предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ, мы въ «Современникѣ» этого періода не найдемъ нигдѣ. Иногда въ какой-нибудь статьѣ промелькнетъ дѣльное и дальновидное юридическое замѣчаніе, загорится въ намекъ смѣлое требованіе, но въ общемъ, какъ это и было вѣрно отмѣчено Громекою въ мартовской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1863 г. ***), «Современникъ» въ политическомъ отношеніи потерялъ ту боевую окраску, которую онъ имѣлъ при Чернышевскомъ. Онъ порою ярокъ въ словахъ, но его содержаніе потускнѣло, духъ его утратилъ свой

*) «Современникъ», 1863 г., № 1 и 2, *Литературный кризисъ*, стр. 105.

***) «Современникъ», 1863 г. мартъ, *Неуваженіе къ науцѣ*, стр. 98.

****) «Отечественныя Записки» 1863 г., мартъ: *Современная хроника Россіи*, стр. 26.

полетъ. Въ томъ же томѣ «Современника», гдѣ, въ прекрасной статьѣ Унковскаго «Новыя основанія судопроизводства», мы находимъ отголо-сокъ болѣе глубокихъ запросовъ серьезной части русскаго общества, гдѣ, среди обстоятельнаго и вполне компетентнаго разбора новыхъ принциповъ процесса, мы встрѣчаемъ твердое заявленіе, что начала и правила, соблюденіе которыхъ не обставлено никакимъ дѣйствительнымъ обезпеченіемъ, на практикѣ не имѣютъ никакого серьезнаго значенія *),—въ другой статьѣ, принадлежащей редакціи, во «Внутреннемъ Обзорѣніи», журналъ высказываетъ свою полную солидарность съ правительственными дѣйствіями. Мы стоимъ, говорится въ этомъ редакціонномъ отдѣлѣ, за привитіе къ народу русскому европейской цивилизаціи во всей ея широтѣ, съ сохраненіемъ нашего общиннаго устройства и съ устраненіемъ тѣхъ ошибокъ, которыя сдѣлали въ своемъ развитіи европейскія общества. Но затѣмъ, приступая къ разбору правительственныхъ мѣропріятій, «Современникъ» заявляетъ: «этимъ путемъ привитія къ нашей жизни европейской цивилизаціи идетъ и наше правительство». Перечисливъ всѣ главные реформы послѣдняго времени, авторъ заключаетъ: «Изъ неполнаго перечня поименованныхъ нами реформъ читатель видитъ, что наша жизнь обнята и тронута ими *сполна*. Если бы только половина ихъ совершилась съ желаннымъ успѣхомъ, Россія сдѣлала бы огромный шагъ впередъ на пути своего развитія **»». Радикальный журналъ, заодно съ «Отечественными Записками», расписывается въ своемъ полномъ удовлетвореніи, не пускаясь ни въ какую серьезную экономическую или политическую критику. Отъ всесторонняго, но часто безпредметнаго юношескаго протеста времени Добролюбова и Чернышевскаго, «Современникъ» перешелъ къ ординарному, умѣренно либеральному, безцѣльному резонерству въ униссонъ съ благожелательными канцелярскими проектами общегосударственнаго блага. Но какъ бы не сознавая совершившихся въ журналѣ, по волѣ судьбы, роковыхъ внутреннихъ перемѣнъ, разжигаясь соблазнительными традиціями крайней передовитости, «Современникъ», въ томъ же «Внутреннемъ Обзорѣніи», стараясь разогрѣть свою связь съ молодымъ поколѣніемъ, заводитъ направленскій разговоръ о нигилизмѣ и постепеновщинѣ. Признавъ, что даже части правительственныхъ преобразованій, которыя очевидно могли имѣть только характеръ политической постепенности, было бы достаточно, чтобы подвинуть Россію далеко по пути развитія, авторъ тутъ же начинаетъ доказывать, что въ постепеновщинѣ нѣтъ никакой определенной мѣры постепенности и что только нигилизмъ «силенъ своимъ единствомъ внутреннимъ, какъ въ цѣлой партіи, такъ и въ каждомъ ея членѣ». Въ другой статьѣ, принадле-

*) «Современникъ» 1863 г., № 1, *Новыя основанія судопроизводства*, стр. 392.

**) «Современникъ» 1863 г., № 1 и 2, *Внутреннее обозрѣніе*, стр. 292.

жащей перу Щедрина, мы находимъ сильно выраженное осужденіе виѣшней исторіи русскаго общества «со всеѣмъ ея мишурнымъ блескомъ, со всеѣмъ театральнымъ громомъ». Въ то самое время, когда журналы распѣвають дифирамбы событіямъ дня, внутри Россіи пишется другая исторія, исторія своеобразная, не связанная съ виѣшнею даже механически. «Эта исторія пишется втихомолку, говоритъ Щедринъ, и не ярко. Она не представляетъ собою силошного рапорта о благосостояніи и преуспѣяніи, но, напротивъ того, не чужда скромнаго сознанія безсилія, скромныхъ сѣтованій объ ошибкахъ и неудачахъ. Содержаніе ея раскрывается передъ нами туго и скорѣе поражаетъ абсентизмомъ и унылымъ воздержаніемъ, нежели проявленіями дѣятельной силы. Но тѣмъ не менѣе и эта вынужденная скромность, и это насильственное воздержаніе не могли безвозвратно загнать ее въ пучину безвѣстности *)».

Среди такихъ отрывковъ изъ различныхъ теорій о народномъ прогрессѣ и различныхъ политическихъ программъ, умѣренно-либеральныхъ, радикальныхъ и народническихъ, шумнымъ потокомъ, бурля и вскиная на встрѣчныхъ камняхъ, несетъ нѣсколько буфонствующая сатира молодого Щедрина. Чуткій ко всякой современности, художникъ съ огромнымъ и своеобразнымъ талантомъ, человекъ обширнаго ума и безпощадной наблюдательности, Щедринъ, по привычкѣ русскихъ либеральныхъ журналистовъ съ особеннымъ уваженіемъ относится къ литературному критику, не побрезгалъ раздѣлить съ неряшливымъ въ своихъ сужденіяхъ Антоновичемъ его неосмысленную антипатію къ классическому произведенію Тургенева «Отцы и дѣти». Антоновичъ говорилъ: «Базаровщина есть, можетъ быть, чистая клевета на литературное направленіе **»)»,—и Щедринъ тоже въ бойкой статейкѣ о петербургскихъ театрахъ, написанной съ веселымъ ехидствомъ, почти издѣвается надъ романомъ Тургенева. Базаровъ, по его мнѣнію, не есть что-нибудь серьезное. Тургеневъ написалъ свою повѣсть на тему о томъ, какъ «нѣкоторый хвастунишка и болтунишка, да вдобавокъ еще изъ проходимцевъ, вздумалъ приударить за важною барыней,—и что изъ этого произошло». Все остальное въ романѣ: «словопрениа съ братьями Кирсановыми, пребываніе юныхъ нигилистовъ у стараго нигилиста»—не больше, какъ эпизоды, которые «искусный писатель необходимо вынуждается вставлять въ свою повѣсть для того, чтобы она не была короче утиного носа». Разбирая далѣе пьесу Устрялова «Слово и дѣло», служившую какъ-бы отвѣтомъ Тургеневу на его романъ, Щедринъ язвительно упрекаетъ автора за то, что онъ искалъ въ произведеніи Тургенева какого-то особеннаго, сокровеннаго смысла. Этого смысла въ немъ нѣтъ, говоритъ

*) «Современникъ» 1863 г., май, *Наша общественная жизнь*, стр. 230—231.

**) «Современникъ», 1863 г., № 1—2. *Русская литература*, стр. 98.

Щедринъ, и вотъ почему «сочиненіе, имѣющее задачей опровергнуть Базарова, есть сочиненіе мнимое, сочиненіе, выступающее съ цѣлымъ запасомъ смертоносныхъ орудій затѣмъ, чтобы умертвить *клона* *)». Никакихъ серьезныхъ оговорокъ. Щедринъ вмѣстѣ съ Антоновичемъ является своеобразнымъ истолкователемъ замѣчательнѣйшаго литературнаго явленія, въ которомъ отразилась богатая, полная силъ жизнь молодого русскаго общества. Журналъ не усвоилъ опредѣленнаго отношенія къ нигилизму, подготовленному всею дѣятельностью Добролюбова и Чернышевскаго, и, увидавъ его въ художественномъ отраженіи, сдѣланномъ съ могучимъ талантомъ, накинулся на него съ совершенно неожиданными для сотрудниковъ «Современника» протестами. Даже беллетристическая эпопея Чернышевскаго, съ ея явно нигилистическими героями и романтическими подробностями, навѣянными мечтою о новыхъ людяхъ и нравахъ, не возбудила въ преемникахъ Чернышевскаго того сочувствія къ базаровскому типу, которое сразу овладѣло Писаревымъ и подняло его на высоту историческаго момента. Умъ безъ системы, съ пестрыми художественными интересами, съ природною склонностью видѣть все въ игривомъ освѣщеніи, съ раздраженнымъ недоверіемъ ко всему, что можетъ быть названо русскою дѣйствительностью, Щедринъ не сумѣлъ удержать Антоновича отъ безтактнаго глумленія надъ романомъ Тургенева, а также надъ тѣми реальными теченіями, которыя были захвачены въ «Отцахъ и дѣтяхъ». Русская жизнь узнавала себя въ новомъ типѣ, выкованномъ первокласснымъ художникомъ съ скульптурной рельефностью, поставленномъ передъ глазами со всею отчетливостью дѣйствительнаго, всѣмъ извѣстнаго факта. Но критика журнала, которая, казалось-бы, сразу должна была стать въ сочувственное отношеніе къ новому явленію, въ чемъ-то усомнилась, увлеклась пустыми придирками и, вдавшись въ совершенно безмысленныя по своей развязности эстетическія разсужденія и сближенія между Тургеневымъ и Аскоченскимъ, пошла въ разрѣзъ съ наиболѣе передовою и могущею въ то время жизненною волною. Въ фельетонахъ 1863 и 1864 годовъ яркій талантъ Щедрина, не проложившій себѣ опредѣленнаго русла, не овладѣвшій своими болѣе глубокими трагическими нотами, легкомысленно, стихійно, безыдейно плещется между противоположными явленіями, не проникая во внутрь ихъ, съ балагурнымъ хохотомъ скользя по ихъ внѣшнимъ очертаніямъ. Но мутныя волны неопредѣленной юмористической болтливости иногда вдругъ, бурно разыгравшись и закружась, выбрасываютъ на своихъ хребтахъ легкую, блестящую гнѣву настоящаго остроумія. Среди расплывчатыхъ, мучительно повторяющихся публицистическихъ разсужденій, пересыпанныхъ разными заковыристыми слов-

*) «Современникъ», 1863 г., № 1—2, *Петербургскіе театры*, стр. 183.

цами, моментами вспыхиваютъ грустно-юмористическіе образы настоящей, художественно-воспринятой русской дѣйствительности, и фельетоны, написанные ради временныхъ цѣлей, при случайныхъ перспективахъ, пріобрѣтаютъ живой литературный характеръ. Въ ежемѣсячныя хроникки Щедрина событія современной жизни заносятся какими-то пестро-раскрашенными обрывками, не освѣщенными одною властною, ярко-пылающею идеею. По своему характеру, по тону своего сатирическаго обличенія, эти фельетоны стоятъ въ полномъ противорѣчій съ тенденціозно-прямолинейною сатирою Добролюбова, съ фанатически рѣзкими, яростными обличеніями Чернышевскаго.

Уже въ первомъ фельетонѣ 1863 г. мы находимъ ту двойственность сатирическаго настроенія, которая дала въ послѣдствіи поводъ сотрудникамъ «Русскаго Слова», при болѣе яркомъ случаѣ, накинуться на Щедрина съ негодующимъ направленскимъ протестомъ. Бросивъ въ публику нѣсколько язвительныхъ намековъ на тему о «дураковой плѣши» и «дураковомъ болотѣ», посмѣявшись надъ русскою благонамѣренностью, начинающей свой день съ чтенія «Сѣверной Пчелы» и заканчивающей его блистательнымъ образомъ «на балѣ у безземельныхъ, но гостепріимныхъ принцессъ вольнаго города Гамбурга», мимолетно задѣвъ современную «сирену въ вицъ-мундирѣ» и рассказавъ маленькую сатирическую быль о «Сеничкиномъ ядѣ», Щедринъ заводитъ рѣчь на нѣсколькихъ страницахъ о нигилистахъ. Нигилисты обязаны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего, пишетъ онъ. Тявкнетъ-ли на улицѣ шавка, благонамѣренныя люди кричатъ: это нигилисты подучили ее. Пойдетъ-ли безъ времени дождь, благонамѣренныя люди кричатъ: это нигилисты заговариваютъ стихіи. Случился въ Петербургѣ пожаръ, пошли слухи о поджогахъ, благонамѣренныя патріоты пустили въ ходъ свою ненависть къ нигилистамъ. «Образовалась какаля-то неслыханная, потаенная литература, благонамѣренныя возопили: это они, это нигилисты». По сатирикъ готовъ заступиться за нигилистовъ. «Я нахожу, пишетъ онъ, что мальчишество—сила, а сословіе мальчишекъ—очень почетное сословіе». Самая остервенѣлость вражды противъ нихъ доказываетъ, что къ нимъ надо относиться серьезно. Не будь мальчишества, не держи оно общество въ состояніи постоянной тревоги новыхъ запросовъ и требованій, Россія уюдилась-бы «заброшенному полю, которое можетъ производить только ренейникъ и куколь». Выразивъ въ такихъ словахъ явное сочувствіе къ молодому поколѣнію, Щедринъ тутъ-же, подходя къ нѣкоторымъ конкретнымъ явленіямъ изъ той-же нигилистической волны, срывается съ своей прогрессивной позиціи и, уступая потребности въ сатирической карикатурѣ при видѣ стриженной дѣвicy, раздражается вульгарнымъ смѣхомъ и площаднымъ остроуміемъ. По временамъ, говоритъ онъ, фельетонистъ долженъ возвышаться до гражданской скорби. Напримѣръ, онъ

встрѣчаетъ въ обществѣ очень молоденькую и миловидную дѣвицу, до того молоденькую, что еще вчера родители «выводили ее въ панталонцахъ». Начинается разговоръ. Фельетонистъ, *натурально*, спрашиваетъ дѣвицу, читала-ли она произведеніе Анны Дараганъ и какъ оно ей понравилось? Дѣвица отвѣчаетъ, что недавно вышло въ переводѣ новое сочиненіе Шлейдена, и что Тургеневъ, написавши «Отцовъ и дѣтей», тѣмъ самымъ доказалъ, что онъ ретроградъ. Фельетонисту дѣлается весело. «Какой милый пузырь! И какъ вѣдь все это бойко. Ахъ, чортъ побори! Ахъ, чортъ тебя побори!» Но сообразивъ хорошенько, съ какимъ явленіемъ онъ имѣетъ дѣло, фельетонистъ вдругъ чувствуетъ, что онъ обязанъ отнестись къ дѣвицѣ съ меньшею игривостью и что, говоря о дѣвицѣ, обзывающей Тургенева ретроградомъ, онъ долженъ принять тонъ торжественный и даже скорбѣть: «торжествовать по случаю дѣвицы, а скорбѣть по случаю Тургенева» *)... Этотъ коротенькій эпизодъ, стоящій по соседству съ самобытными остротами о «дураковомъ болотѣ» и о «сиренѣ въ виць-мундирѣ», но находящійся въ тѣсной связи съ разсужденіями «Современника» о нѣкоторомъ хвастунишкѣ и болтунишкѣ изъ проходимцевъ—Базаровѣ, сразу освѣщаетъ нѣкоторую путаницу во взглядахъ на современныя явленія. Быть можетъ, Щедринъ понималъ въ глубинѣ души, что о ретроградствѣ Тургенева по поводу «Отцовъ и дѣтей» нельзя было говорить въ серьезъ. Его забавляетъ дѣвица, идущая въ своихъ разсужденіяхъ по стопамъ Антоновича, онъ рисуетъ ее, безъ всякаго сомнѣнія, въ грубо-комическомъ свѣтѣ... Впрочемъ, тутъ все нелѣпо, вздорно и перепутано. Нельзя понять, къ чему собственно относится этотъ циническій и высокоумѣрный хохотъ: можетъ быть, Щедринъ смѣется надъ наивностью разсужденій о ретроградствѣ Тургенева, а, можетъ быть, его просто разбираетъ пошловатый смѣшокъ при видѣ молоденькой стриженной дѣвицы-пузыря, разсуждающей не хуже Антоновича!

Съ каждымъ новымъ фельетономъ сатира Щедрина все болѣе и болѣе разгуливается, теряя опредѣленность содержанія, но приобрѣтая свой особый специфическій колоритъ. Рядомъ съ публицистическими и полемическими разсужденіями, фельетонистъ даетъ ходъ своему художественному таланту, воспроизводя отрывочными штрихами, въ юмористическомъ свѣтѣ, фигуры и факты изъ современной жизни. Нигдѣ не договаривая своей руководящей мысли, Щедринъ не жалѣетъ примѣровъ и анекдотовъ, чтобы представить русскую дѣйствительность въ ея непривлекательномъ видѣ. Образы, носящіе отпечатокъ разнородныхъ комическихъ типовъ, не расположены въ опредѣленномъ порядкѣ, не сгруппированы такъ, чтобы передать цѣльный художественный замыселъ. Смѣхъ сатирика сквозитъ главнымъ образомъ во внѣшнихъ описаніяхъ, своеобраз-

*) «Современникъ», 1863, № 1 - 2, *Наша общественная жизнь*, стр. 359.

ныхъ по стилю, яркихъ и смѣлыхъ, но лишенныхъ глубокаго психологическаго содержанія. И повсюду, въ каждомъ новомъ фельетонѣ Щедрина, такъ сказать направленная разработка текущихъ вопросовъ страдаетъ невыдержанностью и едва замѣтными, но несомнѣнно существующими противорѣчiями. Художникъ съ ограниченнымъ духовнымъ горизонтомъ, съ пристрастіемъ къ вѣшнымъ комическимъ рисункамъ, постоянно пересѣкаетъ дорогу тенденціозно-обличительному журналисту, взявшему на себя задачу продолжать дѣло Добролюбова и Чернышевскаго. Его фельетоны, составляя наиболѣе яркое мѣсто въ «Современникѣ» этого періода, являются лучшимъ доказательствомъ, что этотъ журналъ сбился съ своего опредѣленнаго пути и, шатаясь, бродитъ перепутанными окольными дорогами, безъ ясно поставленной цѣли, безъ отчетливо сознаваемаго руководящаго идеала.

Щелкнувъ мимоходомъ стриженую дѣвицу, Щедринъ въ слѣдующемъ фельетонѣ весело глумится надъ «благородными чувствами и хорошими мыслями, грозящими затопить русскую литературу въ такой-же степени, въ какой, съ другой стороны, затопляетъ ее сильно дѣйствующая благонамѣренность». Если благонамѣренность, говоритъ Щедринъ, отвратительна «вълѣдствіе своей цинически-легкой удовлетворяемости», то благородныя мысли и чувства «поражаютъ своей безтактностью и сухостью, рѣжутъ глаза своимъ безсиліемъ и ограниченностью». Точно издѣваясь надъ завѣтомъ Добролюбова и предписаніями Чернышевскаго, Щедринъ съ явной проницей задаетъ слѣдующіе вопросы, подкапывающіеся подъ всякую тенденціозную литературу: «возможно-ли, спрашиваетъ онъ, написать *благородную* ариметику, *похвальную* химию и не чуждую вопроса о воскресныхъ школахъ физиологію?» Конечно, невозможно: тамъ, гдѣ есть настоящее дѣло, тамъ никто не станетъ заботиться ни о чемъ, кромѣ правильнаго и точнаго его исполненія. Благородство чувствъ укоренилось только въ русской беллетристикѣ. Явились цѣлыя фаланги повѣствователей, романистовъ, фельетонистовъ, драматурговъ, которые рѣшили разъ навсегда, что талантъ—вздоръ, что знаніе жизни—нелѣпость и что главное заключается въ благородствѣ чувствъ, — не то пронзируетъ, не то раздраженно брюзжитъ сатирикъ. Въ поясненіе своей мысли Щедринъ тутъ-же набрасываетъ проспектъ идей, пригодныхъ для безталаннаго тенденціознаго искусства, прилагая къ нему нѣсколько веселыхъ пародій на современныя обличительныя произведенія: «Маша—дырявое рубище», «Полуобразованность и жадность — родныя сестры», «Сынъ откушника» *) и т. п.

Въ апрѣльской книгѣ «Современника» молодой сатирикъ схватывается на публицистической почвѣ съ помѣщикомъ Фетомъ и тутъ-же, въ девя-

*) «Современникъ», 1863, мартъ, *Наша общественная жизнь*.

томъ и послѣднемъ номерѣ «Свистка», даетъ нѣсколько образцовъ — въ стихахъ и въ прозѣ — своей разгульной юмористики. Подъ новымъ псевдонимомъ *Мих. Змиговъ-Младенцевъ*, онъ пишетъ «Московскія пѣсни объ искушеніяхъ и невинности», «Гимнъ публицистовъ», «Элегію». Затѣмъ онъ сочиняетъ «Три письма отца къ сыну», знаменитый «неблаговоный анекдотъ о г. Юркевичѣ», комедію въ четырехъ сценахъ, представляющую Каткова, Леонтьева и Павлова за чтеніемъ первой книги возобновленнаго «Современника» и, въ заключеніе, раздражается обличительнымъ сообщеніемъ о новой сектѣ «Сопѣлковцы», возникшей въ Москвѣ, сатирическими угрозами относительно содержанія будущихъ номеровъ «Свистка» и еще небывалой въ русской литературѣ «Пѣсней Московскаго дервиша». Эта пѣсня соединяетъ въ себѣ ѣдкую соль лучшихъ вдохновеній Конрада Лилленшвагера и шумиху поддѣльнаго юродства Кузумы Пруtkова, но въ ней чувствуется какой-то осатанѣлый разгулъ воображенія, ощущается сила стихійнаго таланта, мощно управляющаго богатымъ и упругимъ языкомъ сатирическихъ намековъ и чисто литературныхъ эффектовъ. Эта пѣсня звучитъ, какъ отголосокъ какихъ-то старыхъ и дикихъ татарскихъ напѣвовъ, дремлющихъ подъ пластами культурныхъ преобразованій и вдругъ пробуждающихся, среди торжествующихъ патріотовъ Москвы XIX вѣка, чтобы заглушить расплывчатый мотивъ русской національной пѣсни. Изступленный прилясъ азіатскаго деснота, бѣшено топчущаго нѣжные всходы молодой жизни, слышится въ этихъ отрывочныхъ строгахъ, съ ихъ пронзительными вскриками и монотоннымъ гудѣніемъ до неожиданности яркихъ словъ. Не выражая никакого опредѣленнаго, ясно продуманнаго обличительнаго протеста, стихотвореніе это, по своей силѣ и колоритности, является лучшимъ произведеніемъ «Свистка» за все годы его существованія и служитъ характернымъ финаломъ въ этомъ рядѣ сатирическихъ вакханалій.

Пѣснь Московскаго дервиша.

(Начинаетъ робко, тихимъ голосомъ).

Ужь я русскому народу
Показаль-бы воеводу.
Только даль-бы мнѣ ходу,
Ходу! ходу! ходу! ходу!

(Постепенно разгорячается).

Покатался-бъ! Напградся-бъ!
Наломался-бъ! Наплсялся-бъ!
Наругался-бъ! Насосался-бъ!
Насосался-бъ! Насосался-бъ!

(Разгорячается окончательно и, видя, что никто ему не возражаетъ, изъ условной формы переходитъ въ утвердительную).

Я російскую реформу,
Какъ негодную проформу,

Вылью въ принципную форму!

Форму! форму! форму! форму!

Нигилистовъ строй разрушу,

Уязвлю пязъ всладѣть душу:

Поощрять-бъ лишь—не струшу!

Итъ, не струшу! Итъ, не струшу!

(Въ изступленіи думаетъ, что все сіе совершилось).

Я цензуру приуможилъ,

Нигилистовъ уничтожилъ!

Землю русскую стреножилъ.

(Закатывается и не понимаетъ самъ, что говоритъ).

Ножилъ! пожилъ! пожилъ! пожилъ!

*Мил. Зміевъ-Младенцевъ *).*

Среди стихотворныхъ произведеній Саввы Наморднкова, Смарагда Бриллиантова, Фердинанда Тюльпанензона, Владиміра Монументова и Михаила Антипатова, украшающихъ послѣдній номеръ «Свистка», это стихотвореніе является настоящимъ дикимъ, но пышнымъ цвѣткомъ среди блеклой и сухой травы безсильныхъ сатирическихъ упражненій.

Въ слѣдующихъ книгахъ «Современника» Щедринъ, заѣвая по пути множество вопросовъ изъ текущей жизни, злобно и съ ехидствомъ полемизируетъ съ Громекою, отражая его пылкія по формѣ, но блѣдныя по содержанію публицистическія нападенія съ искусственнымъ уподобленіемъ нигилизма внезапно разорвавшейся бомбѣ. Съ необычайною энергіею Щедринъ формулируетъ нѣсколько вопросовъ для редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и затѣмъ, выслушавъ черезъ нѣкоторое время отвѣтъ этого журнала въ майской книгѣ**), вновь и окончательно отбрасываетъ отъ себя противника, у котораго не было ни сколько-нибудь замѣтнаго таланта, ни особеннаго политическаго такта для борьбы съ такимъ выдающимся по литературному дарованію соперникомъ***). Вообще его фельетоны этого года захватывали русскую жизнь съ разныхъ сторонъ и представляли единственный отдѣлъ журнала, въ которомъ трактовались событія дня бойко, ярко, ядовито, съ массою комическихъ иллюстрацій, вызывавшихъ веселый смѣхъ во всей читающей публикѣ. Сатира Щедрина, еще не опредѣлившаяся въ своемъ направленіи, хлестала насмѣшкой во всѣ стороны, никого не щадя, не соображаясь ни съ какими партійными лозунгами, руководясь однимъ только убѣжденіемъ, выраженнымъ съ обыкновенною силою въ характерномъ слогѣ, что вдохновенные глупцы едва-ли не вреднѣе, чѣмъ плуты, промышленяющіе ложью съ сознаніемъ****). Всѣ ли-

*) «Современникъ», 1863, Апрель, *Свистокъ*, стр. 71—72.

**) «Отечественныя Записки», 1863, Май, *Замѣтка для редакціи „Современника“*, стр. 190—194.

***) «Современникъ», 1863, Сентябрь, *Наша общественная жизнь*, стр. 147.

****) «Современникъ», 1863, Августъ, *Въ деревнѣ*, стр. 175.

тературные кружки могли остаться недовольными статьями талантливаго автора, отъ котораго ожидали совершенно иныхъ полемическихъ приемовъ. Ударяя направо и налево и при этомъ не давая никакого положительнаго матеріала для вѣрнаго сужденія о его собственныхъ политическихъ и нравственныхъ убѣжденіяхъ, Щедринъ самъ подготавливалъ противъ себя журнальную реакцію. Радикальная партія «Русскаго Слова» прямо покировалась этими фельетонами съ ихъ двусмысленными сужденіями о молодомъ поколѣніи, которыми Щедринъ такъ неудачно закончилъ свою журнальную дѣятельность въ «Современникѣ» 1863 г. Какъ должны были истолковать молодые радикальные дѣятели печати фразу Щедрина, что «такъ называемые нигилисты суть не что иное, какъ титулярные совѣтники въ первоначальномъ, дикомъ и нераскаянномъ состояніи, а титулярные совѣтники суть раскаявшіеся нигилисты», что со временемъ «изъ пламенныхъ мальчишекъ образуются не менѣ пламенные кашлунъ» *)? Положительнаго сочувствія къ новому движенію въ этихъ подозрительныхъ, обоюдострыхъ опредѣленіяхъ никто не могъ-бы увидѣть. Разныя комическія сцены, написанныя со смѣхомъ надъ россійскими постепеновцами, отрицающими всякіе историческіе прыжки по пути прогресса**), не выкупали явныхъ пробѣловъ фельетонной сатиры Щедрина въ отношеніи политической тенденціи «Современника». Надъ его головою собирались грозныя, полныя электричества тучи. Люди съ выдержаннымъ направленіемъ должны были раздражаться его безпринципнымъ издѣвательствомъ надъ всѣми явленіями русской жизни и тѣмъ сочувствіемъ, которое оказывала Щедрину пестрая толпа, падкая ко всякому шумному и безцеремонному балагурству. Катковъ не замедлилъ, со свойственной ему злобною силою, обрисовать характеръ всей его журнальной дѣятельности 1863 года. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ «Современной лѣтописи» 1864 года мы находимъ слѣдующія энергическія, приправленные реакціоннымъ перцемъ, слова о сатирическихъ приемахъ и манерахъ Щедрина. Всѣ его писанія Катковъ называетъ пустословіемъ, которое производитъ впечатлѣніе только потому, что на него накинута цензурная мантия, заставляющая неопытнаго читателя думать, что самое лучшее осталось внѣ круга, очерченнаго роковымъ «дозволено цензурою». «Цензура, восклицаетъ Катковъ,—вотъ жизненный эликсиръ либеральной петербургской прессы. Представьте себѣ, что нѣтъ цензуры, и читатель пробѣгаетъ напримѣръ курьезныя страницы, помещенныя въ послѣднемъ № «Современника» подъ заглавіемъ *Наша общественная жизнь*: онъ, конечно, ни минуты не затруднился-бы сказать, что это чепуха, и что ровно никакого смысла нѣтъ ни въ этомъ разсказѣ о какихъ-то ша-

*) «Современникъ», 1863, Декабрь, *Наша общественная жизнь*, стр. 240.

**) Тамъ-же, 1863, Ноябрь, *Наша общественная жизнь* («Ну, нѣтъ, прыгать я не согласенъ!»), стр. 161—164.

лунахъ, появляющихся, когда *начинается броженіе въ накопленныхъ въ-
камі курахъ глума*, и къ числу которыхъ причисляется Перопъ, Кали-
гула, какой-то исправникъ, вонедшій въ судъ съ собаками, ни въ этихъ
размышленіяхъ о наукѣ, отъ которой, по словамъ какихъ-то молодыхъ
людей, ни на волосъ толку не оказалось» *). Подъ сѣнью цензуры, пи-
шетъ съ лукавствомъ этотъ усердный ревнитель строгихъ цензурныхъ
установъ, ченуха превращается въ нѣкотораго рода анокалисисъ новаго
ученія. Фразы Каткова, всегда производившія на публику извѣстное впе-
чатлѣніе, должны были насторожить радикальную печать, которую онъ
всегда умѣлъ такъ или иначе взбудоражить и разстроить, возбуждая въ
ней междоусобныя распри, а тутъ еще подошелъ эффектный, истинно
скандальный случай, поднявшій на ноги всю молодую когорту «Русскаго
Слова». Январскій фельетонъ Щедрина 1864 г. въ «Современникѣ»
окончательно погубилъ радикальную репутацію журнала и вызвалъ про-
тивъ него цѣлую кампанію со стороны публицистовъ, явившихся на-
стоящими продолжателями Добролюбова и Чернышевскаго. Тучи, все бо-
лѣе и болѣе сгущавшіяся надъ «Современникомъ», наконецъ, разрази-
лись настоящей грозой и яркая молнія молодого таланта Писарева опа-
лила и свалила на земь этотъ старый и уже дуплистый дубъ. Журналъ,
который столько лѣтъ шелъ впереди всей періодической печати, лишен-
ный своихъ главныхъ, лучшихъ творцовъ и работниковъ, не могъ долго
просуществовать въ рукахъ людей безъ настоящей идейной выдержки.
Именно здѣсь, въ «Современникѣ», колебаніе и шатаніе извѣстныхъ тра-
дицій должно было особенно бросаться въ глаза по контрасту съ его не-
давнимъ прошлымъ. Малѣйшая публицистическая оплошность, малѣйшее
противорѣчіе, простительное для какого-нибудь менѣе опредѣливагося
журнала, выступало здѣсь съ особенной рѣзкостью, заигая негодованіе
въ обществѣ, дисциплинированномъ и привыкшемъ мыслить въ извѣ-
стномъ направленіи. Именно Щедринъ, съ его огромнымъ талантомъ,
при отсутствіи духовной цѣльности и строгой умственной школы, ока-
зался тѣмъ челоукомъ, который, въ стихійномъ охмѣленіи, грубо разиетъ
и растопталъ важнѣйшіе принципы съ фанатической страстью про-
думаннаго и выстраданнаго журнальнаго устава.

Сатирикъ «Современника»—странно сказать—насмѣялся надъ рома-
номъ Чернышевскаго и хватилъ въ два кнута по нигилисткѣ и нигилисту!

III.

Въ январѣ 1864 г. Щедринъ возвращается къ разговору о молодомъ
поколѣніи. Среди разныхъ малопонятныхъ иносказаній онъ обращается
вдругъ къ современному молодому поколѣнію съ слѣдующими не то иро-

*) «Современная Лѣтопись», 1864 № 2. *Романъ на берегахъ Неом.* стр. 12—13.

ническими, не то патетическими словами: «о, птенцы, внемлите мнѣ!.. Вы, которые надѣетесь, что откуда-то сойдетъ когда-нибудь какая-то чаша, къ которой прикоснутся засохшія отъ жажды губы ваши, вы всѣ, стучащіе и ни до чего не достукивающіеся, просящіе и не получающіе— всѣ вы можете успокоиться и прекратить вашу игру». Никакая чаша ни откуда не сойдетъ по той причинѣ, что она давно уже стоитъ на столѣ. Ничто не раскроется передъ этими птенцами, потому что жизнь дается только тѣмъ, кто подходитъ къ ней въ «благопристойной одеждѣ». «Ждите-же, птенцы, и помните, что на человѣческомъ языкѣ есть прекрасное слово *со временемъ*, которое въ себѣ одномъ заключаетъ всю суть человѣческой мудрости»... Это—великое слово, которое должно угѣшить всякаго, кто кстати употребить его. «Когда я вспоминаю, напримѣръ, пишеть Щедринъ, что *со временемъ* дѣти будутъ рождать отцовъ, а яйца будутъ учить куриць, что *со временемъ* зайцевская хлыстовщина утвердитъ вселенную, что со временемъ милыя нигилистки будутъ безстрастною рукою разсѣкать человѣческіе трупы и въ то-же время подпльсывать и подпльвать: *Ни о чемъ я, Дуня, не тужила* (ибо *со временемъ*, какъ извѣстно, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ), то спокойствіе окончательно водворяется въ моемъ сердцѣ, и я забочусь только о томъ, чтобы до тѣхъ поръ совѣсть моя была чиста». Затѣмъ, какъ-бы разгулявшись на счетъ нигилистки, Щедринъ набрасываетъ слѣдующую удивительную сцену, пригодную для обличительно-консервативнаго романа. Недавно, говоритъ онъ, одна нигилистка, вся содрагаясь отъ негодованія, рассказывала ему, что она была въ оперѣ и, по обыкновенію, обитала въ пятомъ ярусѣ, а между тѣмъ пресловутая Шарлотта Ивановна, вся блестящая и благоухающая, роскошествовала въ бель-этажѣ и «безстыдно предъявляла алкающей публикѣ свои обнаженные плечи и мятежный груди валь».

— И какъ она смѣла, эта скверная! визгливо заключила рассказчица, *топая ножкой*.

— Да вамъ-то что до этого?

— Помилуйте! я, честная нигилистка, задыхаюсь въ пятомъ ярусѣ, а эта дрянъ, эта гадость, эта жертва общественнаго темперамента... смѣетъ всенародно показывать свои плечи... Гдѣ-же тутъ справедливость? И неужели правительство не обратитъ, наконецъ, на это вниманія.

Собесѣдникъ сталъ доказывать нигилисткѣ, что если Шарлотта Ивановна имѣетъ возможность сидѣть въ бель-этажѣ, то вѣдь за то она не обладаетъ чистой совѣстью и что она, нигилистка, обладаетъ чистой совѣстью и, въ видѣ поправки, осуждена на сидѣніе въ пятомъ ярусѣ.

— Ну, согласились-ли бы вы промѣнить вашу чистую совѣсть на ложу въ бель-этажѣ?

— Конечно, нѣтъ! отвѣчала она, но какъ-то *такъ невнятно*, что пришлось повторить вопросъ.

Изобразивъ въ этомъ двусмысленномъ свѣтѣ нигилистку, сатирикъ тутъ-же выводитъ на сцену столь-же двусмысленнаго нигилиста, готоваго отстать отъ всего, что авторъ называетъ жизненными тренетайями, чтобы присосаться къ житейскому пирогу. На замѣчанія автора, что его разсужденія слишкомъ смахиваютъ на то, что пишется въ «Русскомъ Вѣстникѣ», нигилистъ съ какимъ-то меланхолическимъ цинизмомъ замѣчаетъ: «Э, батюшка! всѣ *тѣмъ* будемъ». Въ заключеніе этого пассажа Щедринъ съ злораднымъ юморомъ восклицаетъ: «Я сказалъ вещь резонную, когда утверждалъ, что нигилисты не что иное, какъ титулярные совѣтники въ нераскаянномъ видѣ, а титулярные совѣтники суть раскаявшіеся нигилисты» *).

Вотъ нѣсколько страницъ, на которыхъ, такъ сказать, окончательно переломила исторія «Современника». Въ словахъ «со временемъ, *какъ извѣстно*, никакое человѣческое дѣйствіе безъ пѣнія и пляски совершаться не будетъ», Щедринъ народировалъ романъ Чернышевскаго, и это было сейчасъ же отмѣчено въ печати. «Какъ извѣстно! восклицаетъ Страховъ въ октябрьской книгѣ Эпохи 1864 г. Несчастный! Откуда это извѣстно? Это могло быть извѣстно только изъ одной книги, — изъ романа *Что дѣлать!*»! Злобныя насмѣшки надъ нигилистами немедленно вызвали энергическій отпоръ со стороны «Русскаго Слова». Въ февральской книгѣ этого журнала мы находимъ двѣ статьи, направленные противъ Щедрина: одна, В. Зайцева—«Глушовцы, попавшіе въ Современникъ», другая Писарева—«Цвѣты невиннаго юмора». Съ возмущеннымъ чувствомъ оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ симпатіяхъ человѣка, Зайцевъ накидывается на Щедрина съ грубыми словами, взывая къ блюстителямъ направленскихъ идей «Современника». Онъ рѣзко бичуетъ Щедрина за его послѣдній фельетонъ и, подозрѣвая въ немъ скрытаго сторонника Каткова, старается сорвать съ него радикальную маску. Ему представляется, что Щедринъ притворно рядился въ костюмъ Добролюбова, «прежде, чѣмъ предстать предъ публикой въ своемъ собственномъ рубищѣ будирующаго сановника». Но желая ударить его по мнимой маскѣ, Зайцевъ грубо задѣваетъ его человѣческую личность, заявляя, что молодое поколѣніе брезгаетъ раздѣлять эти подонки остроумія игривыхъ экзекутивныхъ администраторовъ. Зайцевъ не обратилъ-бы вниманія на продѣлки Щедрина, если-бы онъ «выдѣлывалъ свои курбеты» гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Но нельзя равнодушно смотреть, пишетъ онъ, обращаясь къ фельетонисту, какъ вы администраторствуете на тѣхъ самыхъ страницахъ, гдѣ еще такъ недавно мы прочли *Что дѣлать*. Омерзи-

*) «Современникъ» 1864, январь, *Наша общественная жизнь*, стр. 25—28.

тельно видѣть самодовольнаго балагура, дошедшаго изъ любви къ безпричинному смѣху до осмѣиванья того, чѣмъ былъ вчера, и провозглашающаго глуховскую мораль въ родѣ слѣдующей: «яйца куриць не учать». Бросайте Добролюбова! ехидно восклицаетъ Зайцевъ: вѣдь онъ принадлежалъ къ итенцамъ. Отвернитесь отъ Чернышевскаго: вѣдь вась разбираетъ смѣхъ по поводу его романа «Что дѣлать»!... Щедричь юмористически намекаетъ на смѣлую беллетристическую утопію «Современника», изображая нигилистку, разсѣкающую трупъ съ припѣвомъ *Ни о чемъ я, Дуня, не тужила*. Но гдѣ это видано было, чтобы какой-нибудь администраторъ издѣвался надъ учрежденіемъ, украшаемымъ его собственной персоной! Зайцевъ даетъ волю своему негодованію. Дѣятели «Русскаго Слова» всегда сочувствовали «Современнику» и, чуждые барышническихъ расчетовъ, никогда не умалчивали, что это лучший изъ русскихъ журналовъ. «Современникъ» Добролюбовымъ и Чернышевскимъ возведенъ на настоящую авторитетную высоту. Онъ руководитъ молодымъ поколѣніемъ. И вотъ почему онъ, Зайцевъ, считаетъ себя въ правѣ обратить вниманіе уважаемыхъ сотрудниковъ *Современника* на новое направленіе, придаваемое этому журналу Щедринымъ. «Прошу ихъ вспомнить, пишетъ онъ, обличенія, которыми они часто преслѣдовали литературное ренегатство, и замѣтить, что Современникъ находится въ эту минуту на весьма скользкомъ пути. Послѣ Добролюбова, каждое слово котораго было запечатлѣно горячей симпатіей къ прогрессивной части русскаго общества, послѣ *Что дѣлать*, въ которомъ не видно ни малѣйшаго желанія лизоблюдничать — было-бы прискорбно видѣть Современникъ подражающимъ Русскому Вѣстнику въ брани и злобѣ на все, что старается высвободиться изъ подъ рутины и дышать по человѣчески». Зачѣмъ не смотритъ Антоновичъ за Щедринымъ, Антоновичъ, обрушившійся на Тургенева за его несочувствіе къ итенцамъ? Куда дѣвался Пыпинъ, тотъ самый Пыпинъ, который не можетъ издать книжки, не упрекнувъ въ предисловіи Тургенева «за пренебрежительный отзывъ его объ изученіи молодежью естественныхъ наукъ»: придирки Тургенева—верхъ голубиной кротости сравнительно «съ рычащими лѣснымъ воемъ островами» игриваго эксъ-администратора, издѣвающегося въ «Современникѣ» надъ «милыми нигилистками». Журналъ, уважающій себя, заключаетъ Зайцевъ, не можетъ совмѣстить въ себѣ тенденціи остроумнаго фельетониста съ идеями Добролюбова. Надо выбирать одно изъ двухъ: или идти за Чернышевскимъ, или смѣяться надъ нимъ *).

Въ той же книжкѣ «Русскаго Слова» Писаревъ въ рѣзкой, но талантливо написанной статьѣ производитъ критическую оцѣнку всей литературной дѣятельности Щедрина. По мнѣнію критика, Щедричь съ полною

*) «Русское Слово», 1864 г., февраль, *Глуховцы* стр. 34—42

справедливостью можетъ быть названъ однимъ изъ представителей чистаго искусства въ его новѣйшемъ видоизмѣненіи. Въ его произведеніяхъ не видно любви къ опредѣленной идеѣ, не слышно голоса взволнованнаго чувства. Принимаясь за перо, онъ не думаетъ о томъ, куда хватить его обличительная стрѣла—въ своихъ или чужихъ, въ титулярныхъ совѣтниковъ или въ нигилистовъ. Онъ пишетъ рассказы, обличаетъ неправду, смѣшитъ читателя, потому что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и любитъ потѣшиться съ добродушнымъ читателемъ надъ комическими явленіями жизни. Вотъ почему его сатира въ высшей степени безвредна, даже пріятна для чтенія, даже полезна съ гигиенической точки зрѣнія, потому что помогаетъ пищеваренію. Вотъ почему въ ней не слышатся никакія грустныя и серьезныя ноты, какъ у Диккенса, Теккерея, Гейне, Гоголя и вообще у всѣхъ «не дѣйствительно-статскихъ, а дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ». Измѣните слегка его манеру изложенія, отбросьте шалости языка и конструкціи, и вы увидите, что юмористическій букетъ въ писаніяхъ Щедрина значительно выдохнется. Когда Щедринъ только что началъ свою литературную карьеру, при первыхъ ракетахъ его забавнаго остроумія, провинціальныя чиновники сначала слегка переконфузились. Они подумали, что эти первые проблески таланта служатъ предвѣстниками сатирическаго грома. Но громъ не грянулъ, и догадливые провинціалы успокоились, возлюбили веселаго Щедрина и продолжаютъ любить его вплоть до настоящаго времени. При всей глубокой невинности и несложности тѣхъ пружинъ, которыми Щедринъ «надрыиваетъ животки почтеннѣйшей публикѣ», онъ никогда не дѣйствуетъ открыто, просто. Секретъ его тактики состоитъ въ томъ, пишетъ Писаревъ, повторяя отзывъ Каткова, чтобы говорить неясно, давая чувствовать, что у него остается что-то невысказанное. Въ его сочиненіяхъ, во всѣхъ безъ исключенія, нѣтъ ни одной новой идеи, но каждая идея показывается въ нихъ изъ подъ полы съ таинственными предосторожностями и лукавыми подмигиваніями, съ видомъ особенно глубокомысленнымъ. Самъ Щедринъ постоянно выступаетъ въ позѣ завятаго прогрессиста, но соскоблите лакъ съ его произведеній—и вы увидите невинность. Скоблите дальше, скоблите до самой сердцевины, и вездѣ вы встрѣтите одно и то-же—невинность да невинность, угнетенную по недоразумѣнію, угнетенную потому, что «угнетатели также обморочены таинственностью жаргона и сноровки». Щедринъ заимствовалъ изъ Добролюбовскаго «Свистка» манеру относиться недовѣрчиво къ нашему официальному прогрессу, но естественный, живой и сознательный скептицизмъ Добролюбова превратился у его подражателя въ пустой знакъ, въ кокарду, которую онъ пришилываешь къ своимъ рассказамъ, чтобы сообщить имъ колоритъ безукоризненной прогрессивности. Благодаря этому маневру, онъ приоб-

рѣль сочувствіе молодежи, съ которою у него нѣтъ ничего общаго. «Но мнѣ кажется, заявляетъ Писаревъ, что сочувствіе это необдуманно и не провѣрено критическимъ анализомъ». Молодежь смѣется, читая Щедрина. Молодежь привыкла встрѣчать его имя на страницахъ лучшаго русскаго журнала и потому ей не приходитъ въ голову отнести къ своимъ впечатлѣніямъ съ недоувѣріемъ и критикой. «Но мнѣ кажется, что вліяніе Щедрина на молодежь можетъ быть только вреднымъ, и на этомъ основаніи я стараюсь разрушить иедестьальчикъ этого маленькаго кумира, и произвожу эту отрицательную работу съ особеннымъ усердіемъ» *). Затѣмъ Писаревъ, въ пылу своего искренняго увлеченія естественными науками, совѣтуетъ Щедрина бросить Глузовъ и заняться популяризировавіемъ европейскихъ идей естествознанія и антропологіи. Пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, заключаетъ онъ свою статью, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ при его умѣнѣ владѣть русскимъ языкомъ и писать живо, весело.

Эти двѣ статьи «Русскаго Слова» глубоко уязвили Щедрина, и онъ рванулся на своихъ противниковъ — по выраженію «Отечественныхъ Записокъ», съ тѣлѣжной оглоблей въ рукахъ. Всѣ самыя грубыя и неприличныя ругательства, не имѣющія сами по себѣ никакого смысла, были пущены въ ходъ. Желая поддержать авторитетный тонъ «Современника», онъ высокоумно третируетъ злобствующихъ «мальчиковъ», этихъ «новыхъ Колумбовъ, искусно отыскивающихъ принципы *въ мѣрѣ личницы и ерунды*». Потерявъ душевное равновѣсіе, Щедринъ разливаетъ цѣлые потоки хулы и сквернословія, называя современное молодое поколѣніе «ядовитой слизью, которая незамѣтно заползаетъ всюду и разъѣдаетъ все, къ чему бы ни прикоснулась». Мальчики, говоритъ онъ, кишмя кишать въ этомъ мѣрѣ и ловко подставляютъ ногу всему, что не смотритъ на жизнь, какъ на милую бездѣлицу. Они идутъ по дорогѣ жизни, подплясывая, продолжаетъ онъ, сваливая грѣхъ съ больной головы на здоровую, они высовываютъ толпѣ языкъ и въ то же время ловко выкрадываютъ другъ у друга лакомые куски. «Это цѣлая каста, въ которой тренещетъ и бьется одинъ принципъ—неимѣнье никакихъ принциповъ». Приходя мало по-малу все въ большее бѣшенство, онъ раздражается между прочимъ слѣдующими постыдными фразами: «Не полѣнитесь наблюсти когда-нибудь, говоритъ онъ, за улыбками мальчика, за его пожатіемъ руки, вемотритесь въ разнообразныя оттѣнки тѣхъ и другихъ, и вы безъ труда догадаетесь, что это за *каналъскій зародышъ*. Въ этихъ улыбкахъ откроется для васъ весь внутренній мѣръ этой, если можно такъ выразиться, *заживо разлагающейся душонки*, со всѣмъ ея тайнымъ высокоувѣріемъ»... Обращаясь къ новымъ, оскорбившимъ его дѣятелямъ печати,

*) «Русское Слово», 1864, Февраль, *Цѣпты невиннаго юмора*, стр. 33.

Щедринъ называетъ ихъ *вислоухими* и *юродствующими*, которые «съ ухорскою развязностью» прикомандировываютъ себя къ прогрессивному дѣлу. Эти люди, нишеть онъ, считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодого поколѣнія, забывая, что *дрянь* есть явленіе, общее всѣмъ вѣкамъ и странамъ. Эти люди серьезно готовы признать «болтуна Базарова» за типъ современнаго прогрессиста. Переходя къ самымъ статьямъ Зайцева и Писарева, нишующихъ въ «невинномъ, но разухабистомъ органѣ невинной *нигилистской ерунды*», Щедринъ рассказываетъ своимъ читателямъ, какую бурю поднялъ его прошедшій фельетонъ въ мірѣ «вислоухихъ, юродствующихъ, лилипутовъ» — его безобидный фельетонъ, имѣвшій цѣлью сказать правдивое слово о молодомъ поколѣніи, «захламощенномъ различными услужливыми ревнителями». Но онъ никогда не самообольщался на счетъ вислоухихъ. Онъ всегда былъ того мнѣнія, что они однимъ своимъ участіемъ дѣлаютъ неузнаваемымъ всякое дѣло, къ которому прикоснутся, «подобно тому, какъ мухи лѣтомъ въ одну минуту засиживаютъ какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную». Надо оградить общество отъ горлопановъ, юродствующихъ и вислоухихъ «съ ихъ скуднымъ запасомъ умственныхъ способностей». Вислоухіе рисуются демократизмомъ, но весь ихъ демократизмъ состоитъ въ томъ, что «они ходитъ въ поддевкѣ и сморкаются безъ помощи платка». Они рисуются нигилизмомъ, но нигилизмъ свой доказываютъ только тѣмъ, что готовы во всякое время дня выбѣжать голыми на улицу. Они считаютъ себя социалистами, но «Россія даже не подозрѣваетъ, существуютъ ли они, эти пѣваго рода социалисты, взирающіе на жизнь, какъ на увесилительное заведеніе съ пѣніемъ и плясками!» Они ругаютъ его, Щедрина, за нѣсколько критическихъ замѣчаній о романѣ Чернышевскаго, а между тѣмъ всякій разумный человѣкъ, читая этотъ романъ, «сумѣетъ отличить живую и разумную его идею отъ сочиненныхъ и только портящихъ дѣло подробностей.» Вислоухіе обходятъ существенное содержаніе «Что дѣлать» и пріударяютъ на счетъ подробностей, среди которыхъ ихъ всего болѣе соблазняетъ «перспектива работать съ пѣніемъ и плясками»... Обрисовавъ въ такихъ ужасающихъ, отталкивающихъ и карикатурныхъ чертахъ наиболѣе типичныхъ представителей передовой Россіи того времени, Щедринъ приноситъ покаяніе въ своихъ проступкахъ передъ представителями отживающей Россіи, которыхъ обличала до сихъ поръ его сатира: «Да, я каюсь предъ вами, старые, отживающіе вѣкъ драбанты! Я былъ близорукъ, я не предвидѣлъ, что сквозь васъ прорастутъ драбанты новые, и гораздо болѣе ехидные, нежели вы. Я вѣрилъ въ какую-то звѣзду и умилялся, взирая на мальчиковъ, которые росли не по днямъ, а по часамъ. Оказалось, что это даже и не звѣзда совсѣмъ» *).

*) «Современникъ» 1864. Мартъ, *Наша общественная жизнь*, стр. 46.

Редакція «Русскаго Слова» отвѣтила немедленно. Въ неподписанной замѣткѣ подъ названіемъ «Кающійся, но не раскаявшійся фельетонистъ Современника», журналъ рѣзко и безпощадно разоблачаетъ всѣ скверныя стороны въ полемическомъ фельетонѣ Щедрина. Фельетонистъ «Современника» доказалъ въ самомъ дѣлѣ, что его чаша полна, но что въ ней заключается не нектаръ, а какая-то «желтая жидкость». Всѣ сотрудники «Русскаго Слова» обруганы казарменнымъ стилемъ, которому могъ бы позавидовать любой уличный листокъ. Отъ всѣхъ остротъ Щедрина «нахнетъ саломъ курдючкаго барана». Однако онъ не далъ никакого принципиальнаго отвѣта на возникшія въ печати сомнѣнія по поводу его выходки противъ нигилистовъ и Чернышевскаго. Онъ ничего толкомъ не объяснилъ, и въ его фельетонѣ, кромѣ ругани, ничего найти невозможно. «Насъ удивляетъ, пишетъ Русское Слово, какимъ образомъ редакція журнала, всегда отличавшагося тактомъ, позволила открыть у себя, вмѣсто легкаго литературнаго отдѣла, какой-то балаганъ, наполненный кривляньями и буфонствомъ». Къ чему этотъ безпредметный гамъ и стонъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ читатели привыкли встрѣчать настоящую полемику, не руководимую раздраженіемъ канцелярскаго самолюбія? Развѣ Добролюбовъ отхватывалъ тренака, когда вступалъ въ единоборство со своими противниками? Развѣ Чернышевскій клеветалъ на своихъ оппонентовъ, съ которыми онъ расходился во мнѣніяхъ? «Мы еще разъ предупреждаемъ Современникъ, пишетъ Русское Слово, что есть границы униженія, за которыми сочувствіе, такъ дорого купленное прежними его дѣятелями, уже трудно возвратитъ». Пусть редакція «Современника» обратитъ вниманіе, что въ ихъ кругѣ оказалась чужая овца. Щедринъ издѣвается надъ лучшей частью русскаго общества, но видано-ли гдѣ-нибудь, чтобы журналистика издѣвалась надъ тѣми людьми, съ которыми она находится въ естественной связи, отъ которыхъ она должна ожидать своихъ лучшихъ дѣятелей?.. *).

Косица и журналистъ, подписавшій Incognito, отвѣтили, каждый въ свое время, фальшивый вывертъ Щедрина въ его полемическомъ объясненіи по поводу Чернышевскаго. Ради здраваго пониманія дѣла, ради высшихъ интересовъ истины, писали «Отечественныя Записки», мы обязаны сказать, что увеселительное зданіе изъ хрустала и алюминія въ романѣ «Что дѣлать» вовсе не произвольная подробность. Объясненіе Щедрина, заявлялъ Косица въ «Библіотекѣ для чтенія» 1865 г., есть одна уловка, ибо подробности, которыя онъ осуждаетъ, глубочайшимъ образомъ связаны съ главною мыслью, съ основнымъ духомъ всего романа... Радикальная репутація Щедрина явно пошатнулась, и «Современ-

*) «Русское Слово», апрѣль, *Кающійся, но не раскаявшійся фельетонистъ Современника*, стр. 73.

никъ», такъ долго руководившій общественнымъ мнѣнiемъ Россiи, колебался въ своемъ положенiи. Два фельетона талантливаго, но опрометчиваго сатирика должны были окончательно погубить это изданiе, измѣнившее самому себѣ. Въ это-то время «Современникъ», надѣясь еще наверстать все потерянное въ летучей схваткѣ съ «Русскимъ Словомъ», усиливаетъ свою полемику съ Достоевскимъ и, какъ мы уже знаемъ, доводитъ ее до невѣроятнаго безобразiя, вызваннаго энергичный протестъ во многихъ столичныхъ и провинциальныхъ изданiяхъ. Не только литературная, но и нравственная репутацiя журнала стала шататься въ глазахъ публики. Щедрицъ и Антоновичъ каждымъ своимъ шагомъ все болѣе и болѣе рвали связь съ прежними лучшими дѣятелями, и новыя силы, шедшия на смѣну Добролюбову и Чернышевскому, не упустили случая, чтобы довести до конца разъ начатую борьбу съ «Современникомъ». Въ апрѣлѣ 1864 года Антоновичъ бросаетъ скрытый намекъ въ статьѣ о Писемскомъ противъ «критиковъ-дѣтей», увлекшихся новымъ романомъ Тургенева *). Онъ все еще не можетъ понять своей роковой ошибки, поставившей его въ ложное, двусмысленное положенiе по отношенiю къ молодому поколѣнiю. Ему все еще кажется, что Базаровъ есть карикатура на типъ этого молодого поколѣнiя. Лишенный всякаго критическаго чутя и художественнаго пониманiя, онъ все еще разгуливается насчетъ Тургенева и Базарова въ площадномъ тонѣ, безъ единого признака живого чувства, живой и непосредственной талантливости. «Современникъ» какъ-бы не хочетъ считаться съ взглядами Писарева, который сразу, еще въ мартѣ 1862 г., мѣтко оцѣнилъ произведенiе Тургенева въ статьѣ подъ названiемъ «Базаровъ». Онъ пренебрежительно трактуетъ человека съ настоящимъ критическимъ даромъ, по темпераменту какъ-бы призваннаго замѣнить Чернышевскаго въ современномъ прогрессивномъ движенiи русскаго общества. Съ наивностью самаго поверхностнаго публициста, непривычнаго взвѣшивать полемическiя силы своихъ соперниковъ, онъ самъ лѣзетъ на борьбу съ тою-же телѣжною оглоблею, которою бился Щедрицъ, и при томъ безъ его стихiйнаго размаха. Но Писаревъ могъ только вырости и показать свое природное дарованiе въ схваткѣ съ «Современникомъ». Типъ Базарова представлялся ему превосходнымъ художественнымъ воплощенiемъ его собственныхъ убѣжденiй, всѣхъ симпатiй и убѣжденiй молодого поколѣнiя, къ которому онъ принадлежалъ, и выйти на битву за Базарова, именемъ Базарова, подъ флагомъ реалистическаго радикализма, значило для него сразиться за святыню своихъ пылкихъ идейныхъ влеченiй и страстей. Онъ съ чувствомъ полного превосходства приступилъ къ полемикѣ съ «Современникомъ» и на противника, при-

*) «Современникъ», 1864, апрѣль, *Современные романы* (по поводу «Взбаломученнаго моря» А. Ф. Писемскаго и «Прizrаковъ» Тургенева), стр. 207.

крывающагося авторитетомъ изъятыхъ изъ борьбы дѣятелей, обратилъ свой остро-наоченный, удалецки-разбойническій ножъ. Въ трехъ статьяхъ, подъ интригующимъ заглавіемъ «Нерѣшенный вопросъ», онъ изложилъ, съ настоящимъ вдохновеніемъ, почти съ энтузіазмомъ, съ удивительнымъ литературнымъ краснорѣчіемъ, все свои главнѣйшія убѣжденія, основные принципы своего міровоззрѣнія. Со страстью юноши онъ вычерчиваетъ любимый имъ образъ Базарова, выражаетъ нѣсколько смѣлыхъ сужденій о нормальныхъ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною и съ протестантскимъ негодованіемъ набрасывается на поэзію и искусство въ такихъ фразгахъ, которыя, несмотря на дико-фальшивое содержаніе, по своей литературной чеканкѣ сами должны быть отнесены къ блестящимъ страницамъ русской критической литературы. Антоновичу онъ указываетъ на его грубыя ошибки, замѣчая при этомъ, что роль перваго критика совершенно не соотвѣтствуетъ его силамъ. На многихъ страницахъ своей статьи онъ обличаетъ его въ полномъ непониманіи художественной фигуры Базарова. Приведа одинъ изъ недѣльных комментаріевъ его, въ которомъ Антоновичъ упрекаетъ Базарова въ жестокости характера, Писаревъ вдругъ, измѣнивъ общему тону своей статьи, бросаетъ ему въ лицо нѣсколько комическихъ, издѣвательскихъ фразъ: «Ахъ, ты коробочка доброжелательная! Ахъ, ты обличительница копѣечная! Ахъ, ты лукошко глубокомыслія!» Послѣ всего случившагося, послѣ фельетоновъ Щедрина, нанесшихъ оскорбленіе Чернышевскому и молодому поколѣнію, Писаревъ уже не считаетъ необходимымъ сколько-нибудь щадить «Современникъ». Критика этого журнала опростоволосилась въ одномъ изъ важныхъ литературныхъ вопросовъ, и ея безтактный поступокъ по отношенію къ роману Тургенева надо какъ можно скорѣе загладить предъ русской читающей публикой. «Критика наша, съ полемиическимъ гнѣвомъ восклицаетъ Писаревъ, по обыкновенію смотритъ въ книгу и видитъ фигу, и на основаніи этой фіги изобличаетъ Базарова въ непочтительности, въ жестокости и во всякомъ озорствѣ. Долго придется Антоновичу раскапывать въ его статьѣ объ *Асмодей нашего времени*. Много вреда надѣлала эта статья. Сильно перепутала она понятія нашего общества о молодомъ поколѣніи. Такъ *никакостимъ* могъ именно одинъ только Современникъ» *). Таковъ былъ первый залпъ, сдѣланный по «Современнику» Писаревымъ. Въ полемиическую борьбу съ Антоновичемъ вмѣшался человекъ съ крупнымъ литературнымъ талантомъ и совершенно опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, которое онъ имѣлъ полное право соединять съ традиціями Чернышевскаго, человекъ, которому Чернышевскій протянулъ-бы руку, если бы въ это время его публицистическая дѣятельность уже не была закончена въ силу чисто внѣшнихъ обстоятельствъ.

*) «Русское Слово» Сентябрь, «Нерѣшенный вопросъ», стр. 42.

Зайцевъ не былъ опаснымъ соперникомъ для Антоновича: лишенные литературнаго таланта, съ самымъ ограниченнымъ кругозоромъ, оба они могли препираться до остервенѣнія, чуть не до кулачныхъ потасовокъ, изобличая другъ друга въ недобросовѣстности, но ни одинъ изъ нихъ, ни одною своею статьею, не вносилъ въ эту борьбу ничего, что имѣло-бы истинно литературный характеръ и значеніе. Ихъ полемическая схватка груба, безидейна по содержанію, скандальна по своей распущенности. Но Писаревъ, несмотря на дикость своихъ эстетическихъ принциповъ, несмотря на свою анти-литературную агитацію, былъ настоящимъ литераторомъ по темпераменту и по умѣнью обсуживать художественныя явленія и оцѣнивать литературное значеніе своихъ противниковъ. Его сильное, почти азартное, въ немногихъ строкахъ, нападеніе на критику «Современника» должно было произвести шломяющее впечатлѣніе. Въ этихъ рѣзкихъ фразахъ, почти вносящихъ диссонансъ въ общій тонъ его статьи, но обставленныхъ превосходно подобранными и блестяще-разработанными доказательствами, нельзя было не почувствовать цѣльнаго и чистаго фанатическаго убѣжденія. Нельзя было не видѣть, что Писаревъ не сдастся. Вѣрный и убѣжденный партизанъ Чернышевскаго, онъ былъ при этомъ настоящимъ, типическимъ выразителемъ наступившаго историческаго момента. Выйдя на защиту Базарова, онъ опирался на живыя силы современности. Стоя впереди реалистическаго движенія, онъ всѣми фибрами своей души былъ связанъ съ прогрессивной толпой того времени.

И «Современникъ» немедленно откликнулся на дерзкій вызовъ молодого таланта. Въ октябрѣ 1864 года Посторонній Сатирикъ (Антоновичъ) выражаетъ удивленіе по поводу статьи Писарева «Нерѣшенный вопросъ». По его мнѣнію, статья этой приличіе было-бы появиться въ «Эпохѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», даже въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но никакъ не въ радикальномъ журналѣ. Ему приходитъ въ голову, что помѣщеніемъ этой статьи «Русское Слово» хотѣло совершить какой-то фокусъ, чтобы вызвать въ журналистикѣ новый разговоръ о нигилистахъ и затѣмъ отречься отъ всякой солидарности съ этой статьей. Антоновичъ считаетъ себя вынужденнымъ обратиться къ редакціи «Русскаго Слова» съ вопросомъ: согласна-ли она съ этой статьей, раздѣляетъ-ли она всѣ сужденія ея автора о романѣ Тургенева и о критикѣ на этотъ романъ, помѣщенной въ «Современникѣ»? Антоновичъ не начнетъ своей полемики раньше, чѣмъ не получитъ печатнаго отвѣта на свой вопросъ. Сдѣлавъ такое приглашеніе, Посторонній сатирикъ обращается къ одному изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», Минаеву, съ вопросомъ, какъ онъ думаетъ о статьѣ «Нерѣшенный вопросъ»? Какъ вы относитесь къ дѣянію вашего сотоварища по журналу? допрашиваетъ онъ его. Такой-же вопросъ онъ предлагаетъ издателю журнала, Благосвѣтлову. Въ заключе-

не, разыгравъ съ хлестаковской наивностью роль заваленнаго дѣломъ челоуѣка, Антоновичъ важно заявляетъ о томъ, что ему нужно еще закончить полемику съ «Эпохою», что ему необходимо присматривать за двумя органами Краевскаго, не упуская при этомъ—Боже сохрани—изъ виду московской печати. Poleмика съ «Русскимъ Словомъ» подвернулась совсѣмъ не кстати, но нечего дѣлать, — ужь такъ и быть, онъ согласенъ: какъ только онъ получитъ отвѣтъ, онъ подниметъ перчатку, брошенную ему редакціей молодого журнала *).

«Русское Слово» отвѣтило твердо и ясно. Журналу незачѣмъ отрекаться отъ солидарности со статьею «Нерѣшенный вопросъ». Статьи эта оцѣниваетъ дѣятельность и современное значеніе тѣхъ людей, на сторонѣ которыхъ находятся всѣ симпатіи его сотрудниковъ. Авторъ этой статьи защищаетъ литературный типъ отъ той клеветы, которую взвела на него журналистика, и показываетъ важное значеніе базаровскаго элемента въ общественной жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ. Въ этомъ принципиальномъ отношеніи оба журнала разошлись еще въ 1862 г., со времени статьи Писарева «Базаровъ», но «Русскому Слову» нечего бояться полемики и угрозъ «Современника». Въ той-же книгѣ Зайцевъ отмѣчаетъ всю непристойность полемики Антоновича съ «Эпохою» **).

Въ декабрѣ того-же года Антоновичъ обращается къ «Русскому Слову» съ «Предварительными объясненіями». Онъ получилъ печатный отвѣтъ и потому долженъ былъ-бы начать полемику непосредственно, но тѣмъ не менѣе онъ находитъ нужнымъ вдаться въ нѣкоторыя прелиминарные переговоры. Прежде всего онъ долженъ упрекнуть Зайцева за то, что тотъ не понялъ смысла его полемики съ «Эпохою». Неужели, въ самомъ дѣлѣ, сотрудникъ «Русскаго Слова» не видитъ въ этой полемикѣ ничего, кромѣ непристойностей и личностей? Антоновичу представляется, что въ его базарной ругнѣ, обращенной на Достоевскаго, можно найти какой-то идейный смыслъ, и онъ рѣшается спросить Зайцева: «ужели вы не захотѣли-бы подписать ни одной изъ моихъ полемическихъ статей, ужели и вамъ кажется, какъ Отечественнымъ Запискамъ, что моя полемика не требуется для блага отечества и не проливаетъ свѣта на міровые вопросы?» Затѣмъ Антоновичъ, слегка укоровъ Зайцева за его отношеніе къ неграмъ, переходитъ къ главному вопросу о романѣ Тургенева. По его глубокомысленному толкованію, Тургеневъ показалъ «Русскому Слову» фигу, а оно стало цѣловать эту фигу, «приняло ее за идеаль, за комплиментъ», и «водянымъ настоємъ этой фигуры» стало разбалтывать свои критическія статьи. Похвалившись тѣмъ, что онъ всѣми признанъ за мове-

*) «Современникъ», 1864 г., октябрь. *Вопросъ, обращенный къ «Русскому Слову»*, стр. 288—290.

***) «Русское Слово» 1864 г., октябрь, *Отвѣтъ Современнику*, стр. 103—104 и *Сластофилы победили*, стр. 71.

тоннаго полемизатора, Антоновичъ заявляетъ, что онъ просто радъ тремъ знаменитымъ ругательнымъ фразамъ Писарева: онѣ развизываютъ ему языкъ и даютъ возможность не стѣсниться въ выраженіяхъ. Если его критика была названа лукошникомъ глубокомыслія, то отнынѣ онъ будетъ называть критику «Русскаго Слова» *бутербродомъ глубокомыслія*, и, говоря о «критикантахъ» этого журнала, онъ будетъ выражаться такъ: бутербродъ съ глубокомысліемъ Благосвѣтлова, бутербродъ съ глубокомысліемъ Зайцева, бутербродъ съ глубокомысліемъ Писарева. Тургеневскія фиги понравились бутербродамъ «Русскаго Слова»! Бутербродъ съ глубокомысліемъ Зайцева подсиживаетъ «Современникъ». Спросите у бутерброда съ глубокомысліемъ Зайцева, умѣетъ-ли Антоновичъ непристойно полемизировать? Други-бутерброды, коробочки и лукошки, давайте спорить!.. Развернувъ такимъ образомъ свое остроуміе, Антоновичъ не упускаетъ однако случая указать на то, что статью его о Тургеневѣ принялъ самъ Чернышевскій. Если его критика оказалась лукошникомъ глубокомыслія, значить *)...

Это предварительное объясненіе Антоновича «Русское Слово» встрѣтило съ нѣкоторою сдержанностью. Зайцевъ и сотрудникъ, подписавшійся «Защитный юмористъ», поздравили Посторонняго Сатирика съ остроумными бутербродами и въ насмѣшливыхъ выраженіяхъ указали ему на то, что онъ затѣваетъ полемику не по-рыцарски. Можетъ случиться, что онъ останется одинъ на этомъ турнирѣ, если не измѣнитъ своей тактики. Однако, при всей «аттенціи» журнала къ «Современнику», сотрудники «Русскаго Слова» считаютъ себя обязанными приготовиться къ преломленію рыцарскихъ копій **).

Такъ разжигали другъ друга своими «предварительными объясненіями» сотрудники двухъ радикальныхъ журналовъ, прежде чѣмъ начать излагать предъ публикой отѣнки своихъ принципиальныхъ несогласій. Не говоря пока ничего по существу, они потрясаютъ воздухъ дикимъ крикомъ, какъ готовящіеся къ бою полуварварскія орды, издали угрожающія другъ другу своими военными орудіями. Одни размахиваютъ тяжеловѣсными дубинами, другіе съ яростью показываютъ зловѣще сверкающіе ножи. Битва будетъ рукопашная, изступленная, безпощадная... Съ первой-же книги 1865 года «Современникъ» обрушится на «Русское Слово», и схватка разыграется по всей линіи. Ничто не укротитъ воюющихъ сторонъ, пока въ этомъ стихійномъ столкновеніи не выяснится окончательно, кто дѣйствительно сплещъ и способенъ побѣдоносно взять роль общественнаго руководителя. Журналы другихъ направленій будутъ злобно слѣдить за этой дракой въ средѣ радикальной партіи, а «Оте-

*) «Современникъ», 1864 г., декабрь. *Литературныя мелочи*, стр. 156—172.

**) „Русское Слово“ 1864 г. декабрь. *Г.Постороннему Сатирику Современника и Библиографическій Листокъ*, стр. 24—26.

чественныя Записки», примыкающія къ прогрессивному движенію, кружась подлѣ дерущихся, будутъ безсильно размахивать унылыми алебардами своего умѣренного либерализма.

IV.

Въ декабрѣ 1864 года Щедринъ уѣхалъ изъ С.-Петербурга, о чемъ онъ сообщилъ въ «Современникѣ» въ открытомъ письмѣ на имя Н. Некрасова. «Оставляя С.-Петербургъ, писалъ онъ съ сухимъ лаконизмомъ, я могу на будущее время быть только сотрудникомъ издаваемого вами журнала, не принимая болѣе участія въ трудахъ по редакціи». Поднявъ цѣлую бурю въ литературѣ своими фельетонами о нигилистахъ и насмѣшкой надъ оптимизмомъ Чернышевскаго, Щедринъ на время прекращаетъ свою публицистическую работу. Онъ поступаетъ на службу, назначается предсѣдателемъ пензенской казенной палаты и, оторвавшись отъ шумной дѣятельности передового журналиста, на нѣкоторое время почти скрывается съ литературнаго горизонта—до тѣхъ поръ, пока Некрасовъ не привлекаетъ его, въ 1868 году, къ ближайшему участію въ преобразованныхъ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ «Современникѣ», въ качествѣ главнаго дѣятеля, остался одинъ Антоновичъ. Только что окончивъ полемку съ «Эпохой» и уже раззадоривъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», Антоновичъ долженъ былъ выдержать новую битву съ этимъ журналомъ, который явнымъ образомъ продолжалъ традиціи Чернышевскаго. Въ этомъ новомъ спорѣ каждое его слово, послѣ смутившихъ публику фельетоновъ Щедрина, могло имѣть самое серьезное значеніе для «Современника». Антоновичу предстояла трудная задача вновь поднять репутацію изданія, которая, очевиднымъ образомъ, истощалась, падала, разлагалась. «Русское Слово» быстро выросло подлѣ редакціей энергичнаго и предусмотрительнаго человѣка, какимъ былъ Благосвѣтловъ. Его сотрудники, съ Писаревымъ во главѣ, уже успѣли привлечь къ себѣ сочувствіе публики, которая находила живую отголосокъ своихъ настроеній, своихъ надеждъ, своихъ запросовъ въ статьяхъ и замѣткахъ этого молодого журнала. Свѣжіе литературные работники шли въ редакцію Благосвѣтлова, гдѣ все, какъ нѣкогда въ «Современникѣ», кипѣло своеобразнымъ задоромъ и страстями протестантскаго реализма. Здѣсь они могли работать на большей свободѣ, не стѣняемые ничьимъ мелкимъ самолюбіемъ, которое въ «Современникѣ» этой поры, съ заносчивымъ Антоновичемъ во главѣ, должно было отпугивать всякую свѣжую уметвенную силу. Выдыхаясь въ области литературной и философской критики, «Современникъ» лишался того рычага, которымъ всегда управлялось въ Россіи общественное мнѣніе. Критика «Русскаго Слова», отвѣчавшая возрѣніямъ интеллигентной толпы, воспитанной на статьяхъ Чернышевскаго, критика, яркая по формѣ, смѣлая и рѣшительная въ своихъ требованіяхъ, критика, бле-

щущая настоящимъ природнымъ талантомъ, становилась центромъ новаго умственнаго движенія, въ которомъ Антоновичъ, лишенный серьезнаго литературнаго дарованія, уже не могъ играть никакой роли. Побѣда должна была остаться на сторонѣ «Русскаго Слова».

Въ январѣ Антоновичъ, связанный собственнымъ обѣщаніемъ, обращается къ двумъ дѣятелямъ враждебнаго органа. Съ поддѣльнымъ и вымученнымъ остроуміемъ, отдающимъ циническимъ бахвальствомъ, онъ упрекаетъ сотрудниковъ «Русскаго Слова» въ томъ, что они отлыниваютъ отъ прямыхъ объясненій съ нимъ. Нѣтъ, друзья мои, восклицаетъ онъ, не на того напали! и потомъ, переходя изъ оборонительнаго тона въ наступательный, прибавляетъ: «Я не позволю отвлечь себя отъ главнаго предмета, да и васъ не пусти отъ него ни на шагъ! Я васъ заставлю объясниться со мной». Не довѣряя добросовѣстности своихъ противниковъ, онъ будетъ формулировать свои сомнѣнія въ видѣ тезисовъ и вопросовъ. Каждый тезисъ или вопросъ будетъ стоять у него подъ номеромъ, такъ что, если какой-нибудь его противникъ пожелаетъ уклониться въ сторону, онъ укажетъ на него пальцемъ, онъ прямо *носомъ ткнетъ* его въ номеръ. Пусть дрожать всѣ эти бутерброды съ глубокомысліемъ Благосвѣтлова, Зайцева и Писарева. Онъ идетъ на нихъ войною и непременно одержитъ надъ ними побѣду. Пусть они посмотрятъ на трофей его прежнихъ сраженій: Косица лежитъ во прахѣ, «Эпоха» разбита въ дребезги... Предчувствуютъ-ли его теперешніе враги, что съ ними будетъ? «Что? обидѣлись? Вамъ неприятно, что васъ называли бутербродами, да? Вотъ то-то же и есть, *крошечка* г. Зайцевъ, *душечка* г. Благосвѣтловъ»... Затѣмъ, разбирая по пунктамъ свои грубые и мелочные перекоры съ «Русскимъ Словомъ», дѣловито нересматривая всѣ взаимныя характеристики съ остроумными уподобленіями лукошку, фигѣ, бутерброду, онъ побиваетъ Зайцева его илантаторскими тенденціями, а Благосвѣтлова, натянуваго на себя базаровскую маску, тѣмъ, что онъ нѣкогда велъ «уморительную» полемику противъ идей Чернышевскаго. По предметомъ принципиальнаго спора онъ считаетъ статью Писарева «Нерѣшенный вопросъ». Онъ уже два раза говорилъ «Русскому Слову»:— иду на васъ, онъ два раза предлагалъ ему отказаться отъ солидарности съ этой статьей. Теперь онъ предлагаетъ это редакціи въ послѣдній разъ и, если она не послушаетъ его, онъ *заставитъ* ее отказаться отъ «Нерѣшеннаго вопроса» и *расхлебать кашу*, которую заварилъ эта статья.

Въ заключеніе Антоновичъ пользуется неловкимъ объясненіемъ на щекотливую денежную тему Благосвѣтлова съ литераторомъ М. Вороновымъ, издѣвательски предлагая издателю «Русскаго Слова» расплатиться за провинившагося литератора изъ собственного кошелька.

Въ той же книгѣ Д. Минасвъ, неожиданно передавшійся на сторону

«Современника», отвѣчаетъ Антоновичу на его вопросъ о томъ, согласенъ ли онъ съ идеями, выраженными въ «Нерѣшенномъ вопросѣ». Бойкій пасквильянтъ оказался несолидарнымъ съ Писаревымъ. Сотрудникъ пошлаго «Будильника» никогда «не доходилъ до обожанія базаровскаго типа» и въ романѣ Тургенева видитъ только прологъ, прелюдію къ эпическимъ твореніямъ Писемскаго, Ключникова и Стебницкаго *).

Благосвѣтловъ, грубый не менѣе, чѣмъ Антоновичъ, но болѣе, чѣмъ онъ, ловкій и твердый, отвѣтилъ немедленно. Онъ вздвѣается надъ Антоновичемъ. Изъ обширнаго лексикона бранныхъ словъ онъ выбираетъ самыя кричащія. Посторонній Сатирикъ угрожаетъ рѣшительно истребить сотрудниковъ «Русскаго Слова». Онъ махаетъ руками и дѣлаетъ всевозможные ужасающіе жесты! Съ нимъ говорятъ спокойно, а онъ на полторы мысли ставитъ до пятисотъ вопросительныхъ знаковъ. Противники едва удостоиваютъ его отвѣта, но онъ не унимается. Размазня, предлагаемая въ статьяхъ Антоновича, заварена самимъ «Современникомъ», и пусть самъ «Современникъ» отвѣтитъ, считаетъ ли онъ себя солидарнымъ съ извѣстными фельетонами Щедрина о нигилистахъ и Чернышевскомъ, пусть онъ отвѣтитъ, какими рыцарскими побужденіями руководствовался Щедринъ, обративъ противъ «Русскаго Слова» цѣлую батарею разухабистаго остроумія. Антоновичъ безсовѣстно *лжетъ*, обвиняя его въ томъ, что онъ писалъ уморительную критику противъ Чернышевскаго. Онъ никогда не укорялъ Чернышевскаго ни въ чемъ постыдномъ и въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, пересмотрѣвъ его статьи, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ»... По вопросу о Вороновѣ, онъ съ презрѣніемъ откидываетъ отъ себя издѣвательство Антоновича, предлагая ему направить въ другую сторону его «копѣчную филантропію**»)... Посторонній Сатирикъ не остался въ долгу у Благосвѣтлова. Благосвѣтловъ *поднялъ свой носъ* и показалъ себя *о натурелъ*, говоритъ онъ. Голова его, «страдающая абсентизмомъ толку», совершенно притуплена заносчивостью и самомяніемъ. Антоновичъ зналъ, что его противникъ пойдетъ на самыя крайнія мѣры, чтобы спрятать свой *замаранный хвостикъ*, но онъ не ожидалъ отъ него безсовѣтнаго заширательства. Перепечатывая, по своему обыкновенію, всю замѣтку Благосвѣтлова, Посторонній Сатирикъ постоянно перебиваетъ ея текстъ назойливыми и развязными замѣчаніями въ скобкахъ. Намекая на то, что Благосвѣтловъ получилъ журналъ отъ графа Кушелева-Безбородко, Антоновичъ подноситъ противнику слѣдующее неприличное обвиненіе: «вы, г. Благосвѣтловъ, пишеть онъ, нѣкогда въ графской передней почивали на связкѣ парадныхъ гербовыхъ ливрей», и тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, при-

*) „Современникъ“ 1865 г., январь, *Литературныя мелочи*, стр. 157—172.

***) „Русское Слово“ 1865 г., январь, *Буря въ стаканъ воды*, стр. 166—171.

бавляетъ: по истинѣ вы бутербродъ и больше ничего! Бутербродъ съ размазней, да еще гнилой!.. Благосвѣтловъ спрашиваетъ о солидарности «Современника» съ Щедринымъ, и вотъ Антоновичъ отвѣчаетъ съ хитроуміемъ, достойнымъ постояннаго журнальнаго заправилы, что «Современникъ» вполне солидаренъ съ бранными фельетонами сатирика, «поколикъ они относятся къ г. Благосвѣтлову, а къ другимъ сотрудникамъ только относительно ихъ мнѣній, несогласныхъ съ Современникомъ». Печатавъ статьи Щедрина, «Современникъ» проникнуть былъ негодованіемъ на такихъ литературныхъ *шалопаяхъ*, какъ Благосвѣтловъ, и «хотѣлъ очищать литературу отъ *гнилыхъ и заразительныхъ бутербродовъ*». Антоновичъ не смѣшиваетъ своей полемики противъ Писарева и Зайцева съ полемикой противъ Благосвѣтлова. «Много чести для васъ, пишетъ онъ, если вы ихъ называете своими сотрудниками. Гораздо точнѣе назвать васъ *ихнемъ прихвостнемъ* или, лучше, человекомъ, загребаящимъ жаръ ихними руками *)».

Разбросавъ на пространствѣ двадцати страницъ множество самыхъ разнообразныхъ «бутербродовъ»,—съ глубокомысліемъ, съ шалонайствомъ, съ размазней, бутербродовъ простыхъ, гнилыхъ и заразительныхъ, и повторивъ на сотню ладовъ одни и тѣ-же обвинения противъ Благосвѣтлова, Антоновичъ въ той-же книгѣ «Современника» помѣщаетъ еще двѣ длинныхъ ругательныхъ статьи: одну (въ 15 страницъ) противъ «Краевскаго» и «Ду-дыш-кина» и другую (въ 38 страницъ) противъ Зайцева, отложивъ еще до слѣдующихъ книгъ громадную ругательную статью противъ Писарева. Подражая изо всѣхъ силъ Чернышевскому и памятуя его опрометчивое сужденіе о Шопенгауэрѣ, Антоновичъ, въ статьѣ о Зайцевѣ, съ видомъ знатока упрекаетъ послѣдняго за черезчуръ высокую оцѣнку этого философа. Шопенгауэръ, пишетъ онъ, былъ идеалистомъ, самымъ плохимъ идеалистомъ, идеалистическимъ философомъ самаго мелкаго калибра и самаго дурнаго качества. Если Зайцевъ позволялъ себѣ дурной отзывъ о Фихте, то о Шопенгауэрѣ ему слѣдовало-бы выразиться такъ: «А объ этой *дряни* ужъ и говорить не стоитъ, не стоитъ тратить на нее даже *милый рубль*». У Шопенгауэра нѣтъ ни системы, ни направленія, ни связи, ни послѣдовательности, нѣтъ ни одной глубокой философской мысли. Онъ забытъ уже въ самой Германіи **)...

Антоновичъ, Благосвѣтловъ и Зайцевъ обмѣнялись новыми возраженіями въ томъ-же невѣроятномъ тонѣ, дальше котораго, въ смыслѣ литературнаго неприличія,—нельзя было идти. Полемика приняла характеръ настоящей свалки. Оппоненты говорятъ другъ другу въ глаза невѣроятныя вещи, вытаскиваютъ на сцену интимнѣйшія подробности, не

*) „Современникъ“ 1865 г., февраль, *Глушцы въ Русскомъ Словѣ*, стр. 367—386.

**) «Современникъ», 1865 г., февраль, *Промаша*, стр. 258.

имѣющія никакого принципиальнаго значенія и, не щадя читающей публики, обзываютъ другъ друга самыми забористыми ругательными словами. Благосвѣтловъ не стѣсняется въ опредѣленіи литературной тактики Антоновича. Онъ обвиняетъ его въ полемическомъ шулерствѣ, въ хлестаковщинѣ. «Ахъ вы, лгунишка! Ахъ вы, силетникъ литературный! кричитъ онъ. Вы собираетесь посадить меня на ладонь и показать публикѣ, а я совѣтоваль-бы вамъ *спрятаться куда-нибудь въ сапогъ* и не показывать вашихъ безстыжихъ глазъ ни въ редакціи Современника, ни своимъ знакомымъ». Въ другомъ мѣстѣ Благосвѣтловъ обѣщаетъ поднести Антоновичу «вмѣстѣ съ грязнымъ хвостикомъ и колпакъ съ ослиными ушами», остроумно называя его при этомъ *хавроней*. Въ заключеніе онъ даетъ торжественное обѣщаніе не входить больше ни въ какія объясненія съ Антоновичемъ и сохранить настолько хладнокровія, чтобы не состязаться съ своимъ противникомъ его-же оружіемъ *).

Зайцевъ отвѣчаетъ отдѣльно Антоновичу и Постороннему Сатирику, какъ-бы двумъ различнымъ писателямъ. На приставанія своего противника, по поводу его впечатлѣній отъ полемики съ «Эпохой», онъ отвѣчаетъ довольно рѣшительно. Онъ убѣжденъ въ томъ, что Антоновичъ имѣлъ только одну цѣль—показать свою храбрость, и для этой цѣли онъ не пренебрегалъ никакими ругательствами и даже клеветой. Poleмика Антоновича съ «Русскимъ Словомъ» еще болѣе убѣдила Зайцева, что спрашивать его объ идеяхъ и принципиальныхъ соображеніяхъ дѣло совершенно безплодное. Poleмическіе приемы Антоновича возможны только въ той литературѣ, которая отразила въ себѣ все ужасы послѣдняго трехлѣтія. Такого-же мнѣнія объ Антоновичѣ держатся и два другихъ сотрудника «Русскаго Слова»—Писаревъ и Шелгуновъ, сообщаетъ Зайцевъ **)... Неизвѣстно, до чего-бы дошла ругательная изобрѣтательность полемистовъ, если-бы самый способъ исключительно словесныхъ пререканій не началъ казаться имъ слишкомъ слабымъ и недѣйствительнымъ для разрѣшенія этого литературнаго спора. По нѣсколько туманному и слегка смущенному заявленію, сдѣланному Антоновичемъ въ мартѣ 1865 года, въ полемику вошли новые, реальныя факторы: «Опасно полемизировать съ тѣми, ишетъ онъ, которые могутъ *послать на вашу квартиру двухъ огромныхъ дѣтлингъ гайдуковъ* для вашего вразумленія», гайдуковъ, которые «прибѣгаютъ къ такимъ *краснорѣчивымъ* увѣщаніямъ, что для удержанія ихъ требуются дворники и городовые ***)»).

Такъ закончился первый періодъ борьбы «Современника» съ «Русскимъ Словомъ». Три главныхъ воителя, Антоновичъ, Благосвѣтловъ и Зайцевъ, показали себя съ различныхъ сторонъ. Выступая то съ опу-

*) «Русское Слово», 1865 г., февраль, стр. 66—78.

***) «Русское Слово», 1865 г., февраль, стр. 57—65.

***) «Современникъ», 1865 г., мартъ, *Литературныя мелочи*, стр. 216.

щеннымъ, то съ поднятымъ забраломъ, Антоновичъ боролся изо всѣхъ силъ, одиноко отбиваясь тяжеловѣсною дубиною отъ не менѣе чѣмъ онъ наглыхъ, ничѣмъ не стѣсняющихся и лучше его поставленныхъ въ глазахъ молодого поколѣнія сотрудниковъ «Русскаго Слова». Развязно шельмуя своихъ противниковъ, онъ не сдумѣлъ при этомъ, однако, сказать ни единого слова, которое могло-бы примирить его съ тѣми, которые ждали отъ него оправданія или твердаго объясненія по поводу распущенныхъ фельетоновъ Щедрина. Въ этой полемикѣ онъ обнаружилъ только мелкое, метительное самолюбіе и полную неспособность держаться въ спорѣ на почвѣ чисто-литературныхъ интересовъ. Ни одна замѣтка его не проникнута какимъ-нибудь идейнымъ интересомъ. Съ первыхъ-же шаговъ онъ запутываетъ въ спорѣ обстоятельства и счеты, къ дѣлу совершенно не относящіяся. Не уважая чужихъ мнѣній, онъ и въ своихъ противникахъ умѣлъ будить только самыя низменныя страсти, и, оскорбляемые его выходками, они накидывались на него съ его-же орудіями. Но били сильнѣе, потому что были моложе и свѣжѣе его. Благосвѣтловъ сразу потерялъ самообладаніе и, какъ мы видѣли, брызнулъ цѣлымъ фонтаномъ сквернословія. А Зайцевъ, человѣкъ мелкій, наглый и, при всѣхъ своихъ критическихъ и философскихъ претензіяхъ, невѣжественный, не завлекаясь ни въ какіе серьезные споры, бойко поддавалъ колѣномъ...

Писаревъ, сидѣвшій въ это время въ крѣпости, какъ орленокъ въ клеткѣ, рвался къ полемикѣ. Человѣкъ съ темпераментомъ бойца, онъ не могъ оставаться спокойнымъ, читая, какими словами Антоновичъ поносилъ Благосвѣтлова. Фраза Антоновича о томъ, что Благосвѣтловъ есть только «прихвостень» его, Писарева, и Зайцева, разожгла въ немъ благородное товарищеское чувство. Не имѣя пока возможности лично сразиться съ общимъ противникомъ, онъ поручилъ своей матери, Варварѣ Писаревой, отдать въ «Современникъ» письмо на имя Николая Алексѣевича Некрасова, въ которомъ отъ его лица дѣлается твердое и рѣшительное заявленіе, имѣющее весьма важное значеніе для пониманія хода умственного развитія Писарева. Писаревъ вступилъ на почву литературнаго реализма подъ вліяніемъ Благосвѣтлова, который оторвалъ его отъ его прежнихъ эстетическихъ симпатій. «Своимъ превращеніемъ, пишетъ Варвара Писарева со словъ своего сына, онъ исключительно обязанъ Благосвѣтлову. Если, говорилъ онъ мнѣ часто, я сколько-нибудь понимаю теперь обязанности честнаго литератора, то я долженъ сознаться, что это пониманіе пробуждено и развито во мнѣ Благосвѣтловымъ. Сынъ мой видитъ въ Благосвѣтловѣ не прихвостня, а своего друга, учителя и руководителя, которому онъ обязанъ своимъ развитіемъ и въ совѣтахъ котораго онъ нуждается до настоящей минуты». Никогда Благосвѣтловъ не холопствовалъ передъ графомъ Кушелевымъ - Безбородко. Если-же упрекъ

этотъ былъ-бы справедливъ, онъ долженъ былъ-бы упасть и на Писарева. Если холопствовалъ редакторъ, то долженъ былъ холопствовать и его помощникъ. Позорить Благосвѣтлова и въ то-же время выгораживать Писарева невозможно: или оба они честные люди, или оба негодяи. «Таково глубокое убѣжденіе моего сына», заключаетъ свое письмо Варвара Писарева *).

При первой возможности Писаревъ схватывается съ Антоновичемъ лично. Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ перипетій перваго періода борьбы, онъ пользуется новыми матеріалами, чтобы доказать Антоновичу его уклоненіе съ пути Чернышевскаго. Антоновичъ въ это время успѣлъ напечатать подробный разборъ «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности», появившихся новымъ, вторымъ изданіемъ. Въ теченіе десяти лѣтъ взгляды Чернышевскаго успѣли пустить глубокіе корни въ русской литературѣ и въ настоящее время есть журналисты, которые доводятъ ихъ до крайностей, утрируютъ ихъ въ ущербъ ихъ дѣйствительному смыслу, говоритъ Антоновичъ. Считая себя одного хранителемъ философскихъ традицій Чернышевскаго, Антоновичъ полагаетъ нужнымъ изложить его эстетическую теорію въ ея первоначальномъ видѣ, какъ «она вышла изъ рукъ ея основателя или насадителя на русской почвѣ». Но пространно переданая эстетическія понятія Чернышевскаго, Антоновичъ, быть можетъ, не замѣтно для самого себя, прибавляетъ кое-какія черты къ тому, что было впервые напечатано въ магистерской диссертациі Чернышевскаго, принимая при этомъ тонъ «раціональнаго» оппонента «рьянымъ, но не слишкомъ раціональнымъ» послѣдователямъ этой новой теоріи. Въ послѣднее время, пишетъ Антоновичъ, нѣкоторые, возставая противъ ложныхъ направленій искусства, въ горячности и неразсудительности дошли до того, что стали возставать противъ искусства и эстетическаго наслажденія вообще. По мнѣнію Антоновича, такой «аскетическій» взглядъ на искусство понятенъ и возможенъ только у людей, которые тенденціозно придумываютъ разные кодексы человѣческихъ обязанностей, не считаясь при этомъ съ реальными свойствами и потребностями человѣческой натуры. «Эстетическое наслажденіе есть нормальная потребность... Искусство, какъ удовлетвореніе этой потребности, полезно, если бы оно даже ничего не давало человѣку, кромѣ эстетическаго наслажденія, если бы оно было просто *искусствомъ для искусства*, безъ стремленія къ другимъ высшимъ цѣлямъ» **). Подобными оговорками Антоновичъ обставляетъ свое изложеніе «Эстетическихъ отношеній», явнымъ образомъ бросая полемическія стрѣлы въ сторону Писарева. Этимъ маневромъ критикъ «Современника» думалъ смутить своихъ

*) «Современникъ» 1865 г., мартъ, *Письмо въ редакцію*, стр. 218—220.

**) «Современникъ» 1865 г., мартъ, *Современная эстетическая теорія*, стр. 68.

противниковъ, обвинивъ ихъ въ томъ, что они искажаютъ идеи Чернышевскаго, который, будто-бы, вовсе не отрицалъ эстетики, эстетическихъ наслажденій и важности «искусства для искусства». Придавая диссертациі Чернышевскаго болѣе широкій и толерантнѣйшій смыслъ, Антоновичъ этимъ самымъ однако давалъ такому противнику, какъ Писаревъ, очень опасное оружіе противъ себя. Выводы изъ сочиненія Чернышевскаго, безпристрастно сдѣланные, могли быть только разрушительными по отношенію къ искусству, и Писареву не стоило особеннаго труда показать всѣ отклоненія Антоновича отъ утилитарнаго реализма Чернышевскаго. Опираясь на собственное пониманіе трактата Чернышевскаго, Писаревъ спорилъ по этому поводу съ Антоновичемъ, имѣя въ виду не только подлинныя выраженія и слова того, кого считалъ своимъ авторитетомъ, но духъ и общія стремленія всей его философской дѣятельности, которая не допускала никакого компромисса хотя бы съ самыми слабыми отбѣнками идеалистическихъ понятій. Онъ развиваетъ доктрину Чернышевскаго именно въ томъ направленіи, которое наиболѣе соответствовало реалистическимъ тенденціямъ эпохи. Другими матеріалами Писаревъ не пользовался. Но если бы онъ пожелалъ, онъ могъ бы, въ дополненіе къ знаменитому трактату Чернышевскаго, воспользоуваться еще и другимъ его трудомъ, а именно критическимъ разборомъ «Эстетическихъ отношеній», напечатаннымъ въ юньской книгѣ «Современника» въ 1855 году, въ годъ выхода трактата, за подписью *И. П—ъ*, но, по несомнѣнно вѣрному въ данномъ случаѣ заявленію Антоновича, принадлежащимъ — какъ это ни странно сказать — самому Чернышевскому. Рецензентъ, руководимый, по комментарию Антоновича, желаніемъ дать ходъ своимъ идеямъ, рискнулъ представить критическій рефератъ о своемъ трудѣ, при чемъ онъ «съ достоинствомъ и безпристрастіемъ указалъ, какъ на хорошія стороны, такъ и на нѣкоторыя уиущенія въ своемъ сочиненіи» *). Съ удивительнымъ самообладаніемъ рѣшительнаго и нѣсколько коварнаго агитатора, не пренебрегающаго для завоеванія умовъ никакими средствами, Чернышевскій выдаетъ своему трактату, отвергнутому официальной русскою наукою, дипломъ отъ лица настоящей передовой философіи. Въ своей рецензій онъ хочетъ показать, «до какой степени вѣрно» Чернышевскій сдѣлалъ приложеніе къ частной области эстетическихъ понятій общихъ воззрѣній науки. «Въ средоточіи дѣла», въ системѣ современныхъ философскихъ идей можно найти полное оправданіе тому, что излагается въ «Эстетическихъ отношеніяхъ». Авторъ, говорится въ рецензій, обнаруживаетъ способность различать въ извѣстныхъ понятіяхъ элементы, согласные съ воззрѣніями современной науки, и элементы, съ ними несогласные. «Его теорія имѣеть

*) «Современникъ» 1865 г., мартъ, *Литературныя мелочи*, стр. 209.

внутреннее единство характера». Въ ней все принадлежитъ положительной наукѣ, хотя надлежащими примѣрами ее можно было бы поставить въ связь «съ интересами дня, которые занимають столь многихъ...» *).

Въ «Эстетическихъ отношеніяхъ» нѣтъ настоящаго изложенія той современной философіи, именемъ которой Чернышевскій защищаетъ Чернышевскаго, но не подлежитъ сомнѣнію, что, опираясь на эту философію, въ томъ видѣ, въ какомъ—судя по дальнѣйшимъ его статьямъ,—представляя ее себѣ Чернышевскій, Писаревъ могъ бы доказать свою полную правоту и послѣдовательность въ спорѣ съ Антоновичемъ. На его сторонѣ были идеи вѣка, а духъ учителя, еще живого, но уже отдаленнаго отъ своихъ вѣрныхъ учениковъ, виталъ надъ поколѣніемъ молодыхъ писателей, призывая къ окончательному, беспощадному разрушенію праздной эстетики. Антоновичъ, уже обнаружившій совершенное непониманіе молодыхъ продолжателей Чернышевскаго, теперь показалъ, что онъ никогда глубоко не понималъ и самого Чернышевскаго, съ его во всемъ радикальными, прямолинейными стремленіями. съ его темпераментомъ безтрепетнаго разрушителя, съ его узкимъ, одностороннимъ, но фанатически непреклоннымъ умомъ.

Писаревъ откликнулся на многочисленныя выходки Антоновича сначала въ статьяхъ «Прогулка по садамъ Россійской словесности» и «Разрушеніе эстетики», а потомъ, сразившись съ «Современникомъ» по вопросу объ «Эстетическихъ отношеніяхъ», далъ пространнѣй, горячо написанный отвѣтъ на полемическія статьи Антоновича, «Промахи» и «Лже-реалисты» — въ статьѣ подъ названіемъ «Посмотримъ», заключившей борьбу обоихъ журналовъ. И каждое изъ возраженій Писарева проникнуто сильнымъ чувствомъ убѣжденнаго человѣка. Онъ нападаетъ на Антоновича со страстью партизана извѣстной доктрины, которую его противникъ унижилъ своимъ фальшивымъ заступничествомъ. Антоновичъ оскорбляетъ его чувство порядочности своею полемическою неводержанностью и клеветническими приѣмами. У него нѣтъ самостоятельнаго міросозерцанія, нѣтъ Щедринской веселости, которая умѣла осмѣивать то, чего она не понимала,—и вотъ онъ собираетъ, вмѣсто логическихъ аргументовъ, въ спорѣ съ своими противниками всякаго рода сплетни и небылицы. У Антоновича не хватаетъ честности отказаться отъ своего «Асмодея», и защищая проигранное дѣло, онъ запутывается въ софизмахъ и заводитъ критику «Современника» въ тѣ дебри, въ которыхъ гнѣздится русское филистерство. Онъ сылетъ цѣлыми лукошками самаго неблагоприятнаго лганья и, чтобы оборонить свою репутацію, взваливаетъ отвѣтственность за свою нелѣпую статью о Тургеневѣ на Чернышевскаго.

*) «Современникъ» 1855 г., июнь, *Критика*, стр. 23—54.

который, принявъ ее для печати, тѣмъ самымъ будто-бы выразилъ свою солидарность съ нею *).

Въ статьѣ «Разрушеніе эстетики» Писаревъ вооружается противъ сдѣланнаго Антоновичемъ изложенія трактата Чернышевскаго, доказывалъ, что авторъ его имѣлъ въ виду полное истребленіе старой и вообще всякой эстетической теоріи. Эта цѣль сквозитъ во всѣхъ опредѣленіяхъ Чернышевскаго, въ его смѣломъ и рѣшительномъ анализѣ различныхъ эстетическихъ ученій, и она могла быть превратно истолкована только филлистерами или «самолюбивыми посредственностями, которыя считаютъ себя учениками автора и преемниками Добролюбова». Если Чернышевскій пользуется въ своемъ сочиненіи старыми терминами, то онъ дѣлаетъ это только потому, что въ 1855 году русское общество не было еще подготовлено къ пониманію его плодотворныхъ идей. Но теперь, черезъ десять лѣтъ, надо сдѣлать явную главную тенденцію Чернышевскаго. Пришла пора двинуть въ жизнь эту разрушительную силу, чтобы добиться отъ литературы иныхъ эффектовъ, иного воздѣйствія на общественную жизнь. Но что же дѣлаетъ Антоновичъ съ сочиненіемъ Чернышевскаго? Поворачивая «Современникъ» назадъ, въ тихую область безмятежнаго искусства, и сознавая недостаточность своихъ собственныхъ силъ для произведенія такой реакціи, онъ въ своемъ отступленіи хочетъ прикрыться «Эстетическими отношеніями». Онъ хочетъ доказать, что мысли Чернышевскаго въ настоящее время утрируются. Чтобы образумить черезчуръ рьяныхъ послѣдователей новой доктрины, онъ старается затормозить ихъ порывы яко-бы словами самого Чернышевскаго. Онъ хотѣлъ-бы, чтобы извѣстная книга залегла навсегда поперекъ той дороги, по которой движется русская мысль, и чтобы «Эстетическія отношенія» сами разрушили то дѣло, которое они создали! «О, г. Антоновичъ! О, гениальный г. Антоновичъ!» проницески восклицаетъ Писаревъ. «Вы себѣ даже и представить не можете, какую пропасть умственной нищеты и нравственной мелкости вы обнаруживаете въ самодовольной тирадѣ противъ горячности и неразсудительности какихъ-то *нѣкоторыхъ*. Вы говорите откровенно всѣмъ вашимъ читателямъ, что вы никогда не способны возвыситься до пониманія той нравственной философіи, которую два-три года тому назадъ поддерживалъ Современникъ. Писаревъ обвиняетъ своего противника въ нравственной «приземистости», которая не позволяетъ ему идти въ общемъ движеніи эпохи, въ неспособности работать по страсти, въ умственной дряхлости. Въ его эстетическихъ воззрѣніяхъ, изложенныхъ въ рецензій на книгу Чернышевскаго, онъ не видитъ ничего такого, что давало-бы ему поводъ раздираться съ Страховымъ, Incognito, Аверкіевымъ и Н. Со-

*) «Русское Слово» 1865 года, мартъ, *Прогулка по садамъ*. Глава XI, стр. 63—65.

ловьевымъ. Его новая реклама въ пользу искусства, издѣвается Писаревъ, заслуживаетъ «филлистерскихъ безешекъ» этихъ людей, работающихъ въ журналахъ съ инымъ направлениемъ, чѣмъ «Современникъ».

Въ двухъ статьяхъ, направленныхъ противъ Писарева *), Антоновичъ глумится съ обычною грубостью надъ критикомъ «Русскаго Слова». Всѣ литературныя статьи Писарева не больше, какъ фанфаронада, пустое фразерство, вводящее въ заблужденіе молодые умы, и для пользы литературы необходимо разрушить его пьедестальчикъ какъ можно скорѣе. У Писарева, этого «лучшаго цвѣтка въ саду реализма», нѣтъ ничего: ни самостоятельнаго міросозерцанія, ни какихъ нибудь серьезныхъ критическихъ преданій. Онъ отрекается отъ Добролюбова и доводитъ до абсурда рациональную теорію Чернышевскаго. За нимъ стоитъ Благосвѣтловъ, его наставникъ, его другъ, онъ недоношенное дѣтище Благосвѣтлова. Разбирая статьи Писарева о «Нерѣшенномъ вопросѣ», Антоновичъ въ сотый разъ повторяетъ, что Базаровъ—карикатура, сочиненная на молодое поколѣніе, и что Писаревъ, восхваляя «Отцовъ и дѣтей», всталъ подъ то самое знамя, подъ которое радостно бѣжало все отсталое, обскурантное, своекорыстное, пошлое. «Русское Слово» шло за триумфальной колесницей Тургенева, которому «Современникъ» никогда не проститъ его литературнаго преступленія. «Современникъ» всегда будетъ гордиться тѣмъ, что онъ не участвовалъ въ этомъ позорномъ торжествѣ **). «Понимательная» способность Писарева слаба и неудовлетворительна. Вотъ почему онъ такъ обрадовался Тургеневу, который оказался ему по силамъ. Вотъ почему онъ ухватился за Базарова,—за эту первую «реалистическую штуку, которую онъ могъ осилить и понять». *О, недоносокъ Благосвѣтловскій! О, недоразвившееся дитя Тургенева! О, скудоумный Писаревъ! ***)...*

Писаревъ въ громадной статьѣ «Посмотримъ» опровергаетъ всѣ возраженія Антоновича. Съ достоинствомъ умнаго и талантливаго писателя онъ выражаетъ сожалѣніе, что употребилъ въ статьѣ «Нерѣшенный вопросъ» черезчуръ рѣзкое выраженіе противъ Антоновича (лукошко глупокомыслия). Имѣя дѣло съ противникомъ, готовымъ, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ «фальсификаціи печатныхъ документовъ», онъ, по естественному чувству протеста и человѣческаго негодованія, схватился за то орудіе, которымъ боролись съ Антоновичемъ его товарищи, Благосвѣтловъ и Зайцевъ. Полемика приняла характеръ дикой оргіи, но теперь онъ намѣренъ шагъ за шагомъ прослѣдить всѣ аргументы «Современника», дать имъ оцѣнку, сравнить ихъ съ собственными доказательствами и, выведя все дѣло на полный свѣтъ общественнаго мнѣнія,

*) «Русское Слово» 1865 г., май, «Разрушеніе эстетики», стр. 31.

***) «Современникъ» 1865 года, апрѣль, стр. 315.

***) Тамъ-же іюль, «Лже-реалисты», стр. 74.

сказать послѣднее слово своему противнику, до будущей, вѣроятно не близкой, схватки. Въ точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ онъ опредѣляетъ свое отношеніе къ Благовѣстлову, еще разъ обрисовываетъ реалистическую теорію, свой взглядъ на Базарова и отношеніе къ Добролюбову и Чернышевскому. Горячій сторонникъ стараго «Современника», онъ никогда однако не жертвовалъ своею самостоятельною критикою и потому смѣло расходился съ Добролюбовымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находилъ его взглядъ невѣрнымъ и неосновательнымъ. Онъ не согласился съ его оцѣнкой романа Тургенева «Наканунъ», онъ рѣзко разошелся съ нимъ въ пониманіи таланта Писемскаго, къ которому Добролюбовъ относился съ полнѣйшимъ и отчасти даже афектированнымъ пренебреженіемъ. Онъ оцѣнилъ по своему и онять-таки въ разрѣзъ съ критикою Добролюбова стихотворныя произведенія Фета и Полонскаго. Никто не имѣетъ права называть его горячимъ приверженцемъ Добролюбова: онъ никогда имъ не былъ, хотя всегда считалъ Добролюбова очень умнымъ и очень честнымъ человѣкомъ. Антоновичъ не понимаетъ, что можно уважать писателя и въ то же время расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ, и слѣдуетъ только пожалѣть, что роль перваго критика въ «Современникѣ» досталась такому ограниченному человѣку *).

На этомъ закончилась полемика двухъ журналовъ. Въ борьбѣ «Русскаго Слова» съ «Современникомъ» обѣ стороны оказались виноватыми въ нарушеніи литературныхъ приличій, но побѣда, безъ всякаго сомнѣнія, осталась за тѣмъ журналомъ, въ которомъ работалъ Писаревъ. Это былъ моментъ настоящаго расцвѣта молодого журнала, въ которомъ и раньше статьи Писарева возбуждали всеобщій интересъ публики. Радикальное знамя было отбито у «Современника», и на полѣ журналистики «Русское Слово» могло считаться въ то время лучшимъ выразителемъ стремленій молодого общества. Экономическія статьи Н. Соколова, поверхностнаго знатока предмета, но бойкаго и разудалаго реалиста на экономической почвѣ, постоянныя статьи Н. Шелгунова, Щапова, Ткачева, Флоринскаго, беллетристическія работы Шеллера, Бажина, Потанина, Глѣба Успенскаго, и во главѣ каждой книги критическія статьи Писарева и Зайцева,—не могли не содѣйствовать полному и широкому успѣху журнала въ публикѣ съ передовыми запросами эпохи. Журналъ читался на-расхватъ, и каждая новая статья Писарева, уже ставшаго идоломъ толпы, возбуждала шумные толки во всѣхъ слояхъ общества. Потребность въ человѣкѣ, который замѣнилъ-бы Чернышевскаго, который велъ-бы смѣлою рукою молодяго поколѣнія, нашла себѣ полное удовлетвореніе въ его яркомъ талантѣ, безъ философской глубины, но съ порывами свободной души, не признающей никакихъ авторитетовъ, без-

*) «Русское Слово» 1863 г., сентябрь. *Посмотримъ*, стр. 14.

пощадно осмѣивающей всякую рутину, объявляющей войну всякимъ предразсудкамъ. Въ историческій моментъ пересмотра всѣхъ основъ русской жизни его бурная, разрушительная дѣятельность, не руководимая ни въ какой области никакими точными, научно-обоснованными, положительными критеріями, но проносившаяся удалымъ призывомъ надъ толпою, едва приходящею въ движеніе и отряхающею съ себя тяжелую дремоту долгодѣтняго бездѣйствія, должна была вызвать общее сочувствіе. «Русское Слово» сумѣло воспользоваться моментомъ, и, если-бы не правительственное запрещеніе въ 1866 году, оно, несмотря на нѣкоторые неизбежныя пертурбаціи въ составѣ сотрудниковъ, на выходъ изъ ихъ числа Зайцева и Соколова, огласившихъ въ печати свои пререканія съ Благосвѣтловымъ и на очень короткое время привлечшихъ на свою сторону даже Писарева, журналъ занялъ-бы въ обществѣ мѣсто прежняго «Современника». Благосвѣтловъ былъ несомнѣнно практичнымъ и умѣлымъ редакторомъ, а къ его услугамъ были всѣ выдающіеся таланты извѣстнаго направленія.

А «Современникъ» быстро склонялся къ полному упадку. Потолковавъ съ читателемъ въ защиту своей полемической разнузданности, еще разъ схватившись съ Краевскимъ, прогулявшись по брошюрѣ Кавелина «Мысли о современныхъ научныхъ направленіяхъ» и возразивъ газетѣ Аксакова на ея во многихъ отношеніяхъ справедливыя нападки, Антоновичъ закончилъ свою дѣятельность въ 1865 году комплятивной статью объ умственныхъ движеніяхъ въ XIX вѣкѣ, при всеобщемъ протестѣ печати и публики. Ни одно живое общество, въ которомъ еще не притупилось окончательно чувство нравственной безразличности, не могло не отвернуться отъ этого печальнаго героя нѣсколькихъ скандальныхъ исторій съ лучшими тогдашними журналами—«Временемъ», «Эпохою» и «Русскимъ Словомъ». «Отечественныя Записки», не принимавшія въ этой борьбѣ партій активнаго участія, въ нѣсколькихъ статьяхъ выражали свое презрительное отношеніе къ полемической тактикѣ воюющихъ сторонъ. Наше передовое движеніе, писали они, не есть чисто литературное движеніе. По самой глубокой своей сущности, говорилъ не безызвѣстный въ то время писатель Заринъ, скрывшій свою фамилію подъ псевдонимомъ Incognito, оно скорѣе анти-литературное движеніе *). Иронизируя надъ полемическими бойцами изъ «Современника» и «Русскаго Слова», этотъ писатель приводитъ по пунктамъ всѣ *verba novissima*, которыя были пущены ими другъ въ друга. «Противники до того одушевились, что, по сильному выраженію одного литератора, въ небесахъ небесъ заря загорѣлась». Обзорѣвъ всѣ стадіи этой междоусобной войны въ средѣ ради-

*) «Отечественныя Записки», 1865 г., т. CLVІІІ, *Предисловіе къ литературному обозрѣнію*, стр. 714.

кальной партіи, Заринъ заключаетъ свой фельетонъ слѣдующимъ меланхолическимъ разсказомъ, не безъ яда рисуящимъ положеніе современнаго читателя. Однажды онъ провелъ въ глубокихъ размысленіяхъ бессонную ночь вплоть до ясной зари. Когда небо побагровѣло на востокѣ, онъ услышалъ надъ самою крышею какой-то гоготъ и тяжелое маханье крыльевъ, на подобіе тѣхъ, которые издаются стаями низко летящихъ дикихъ гусей. Онъ поспѣшилъ открыть окно: то были дѣйствительно стаи, но не гусей... Онѣ летѣли съ противоположныхъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга, но направлялись какъ будто къ одному пункту, исхудалыя и голодныя. Очутившись одна отъ другой на полетъ стрѣлы, онѣ обмѣнялись вопросами и отвѣтами: «Товарищи, откуда?»—«Изъ Русскаго Слова»,—«Изъ Современника». То были стаи молодого поколѣнія, улетающія отъ уважаемыхъ прежде журналовъ... *).

Газета Аксакова «День» слѣдила за полемикою въ своемъ критическомъ отдѣлѣ, и когда Антоновичъ разразился своими знаменитыми бутербродами, сотрудникъ ея Н. Б. справедливо сказалъ, что новый духъ, вѣющій въ «Современникѣ»,—только духота отъ міазмовъ его разложенія и гніенія **).

Въ отвѣтъ на всѣ эти печатные толки «Современникъ», страннымъ образомъ воспользовавшись освобожденіемъ изъ подъ предварительной цензуры, рѣшился безпристрастно оглядѣть все свое прошлое. Въ августѣ 1865 года онъ печатаетъ передовую статью подъ названіемъ «Итоги». По неточному объясненію журнала, который очевиднымъ образомъ круто сворачивалъ на совершенно безобидную дорогу, «Современникъ» съ самаго начала вращался въ кругу интересовъ, отнюдь не имѣющихъ характера политической оппозиціи, и эта воздержность не была вовсе случайною, а «вытекала изъ сущности самаго его взгляда на свое дѣло». Оппозиціонная литература менѣе всего касалась вопросовъ политическихъ, и когда «Русскій Вѣстникъ» сталъ увлекаться политическимъ англоманствомъ, она «только осмѣивала конституціонныя вирши этой литературы». Она не признавала политическаго вопроса первостепеннымъ и потому соглашалась съ мнѣніями тѣхъ, которые утверждаютъ, что «всякое общество получаетъ на дѣлѣ только то, чего оно стоитъ, что администрація, законодательство и проч. на столько-же бываетъ чисто, справедливо и совершенно, на сколько чисто, совершенно и справедливо само общество, его взгляды и требованія». Она полагала, что *общество должно исправиться первое*—и потому вела агитацію только на эстетической и научной почвѣ. Съ нигилизмомъ «Современникъ» никогда не хотѣлъ имѣть ничего общаго, и когда Щедринъ насмѣялся надъ вислоухими и

*) «Отечественныя Записки», 1865 г., т. CLXI, *Verba novissima*, стр. 173.

**) «День» 1865 г., № 17, *Журнальныя замѣтки*, стр. 411.

нигилистами, журналъ поступилъ согласно съ своей программой. Съ «Русскимъ Словомъ» «Современникъ» порвалъ вслѣдствіе принципиальныхъ соображеній, предоставивъ ему вносить въ молодое общество духъ опошленія за собственный счетъ и не желая нести отвѣтственности за его дѣятельность предъ русскою литературою *)...

Въ 1866 г. «Современникъ» уже не представлялъ изъ себя ничего интереснаго въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Онъ прекратилъ свое существованіе въ связи съ жгучими событіями дня, отголосокъ которыхъ мы находимъ въ Апрельской книгѣ въ «Современномъ обозрѣніи» и въ патріотическомъ стихотвореніи Некрасова «Осипу Ивановичу Коммиссарову».

Итакъ, въ теченіе одного года закрылись два видѣйшихъ журнала. Но литературная жизнь съ ея умственными броженіями не остановилась. Въ короткое время сложились новыя комбинаціи журнальныхъ силъ, и на общественную арену вышли перерожденные «Отечественныя Записки» подъ верховенствомъ двухъ примирившихся враговъ, Некрасова и Краевскаго, «Дѣло» подъ управленіемъ Благосвѣтлова и двѣ вліятельныхъ газеты «Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» редакціи В. Корша. Закипѣла новая работа съ старыми и новыми героями на вершинахъ журналистики. Общественность, взбудораженная критической дѣятельностью Писарева, доведшаго ученіе Чернышевскаго до крайнихъ степеней отрицанія, но воспринявшая въ себя въ то же время благотворные элементы субъективнаго идеализма П. Лаврова, выдвинула нѣсколько молодыхъ дѣятелей, поведшихъ за собою поколѣніе семидесятыхъ годовъ. Расцвѣла слава тенденціозныхъ беллетристовъ съ такими талантливыми художниками, какъ Некрасовъ, Успенскій и возвратившійся къ литературѣ Щедринъ, умудренный тяжелыми впечатлѣніями жизни и сложившійся, наконецъ, въ опредѣленную направленскую силу. Въ области философіи и критики, послѣ преждевременной смерти Писарева, зацвѣтали новыя имена.

Но Антоновича никто изъ вліятельныхъ дѣятелей тогдашней журналистики не позвалъ въ свою компанію. Онъ пробовалъ найти приложеніе своимъ боевымъ склонностямъ въ ничтожномъ, популярно-научномъ обозрѣніи «Космосъ» и напечаталъ въ немъ нѣсколько научныхъ статей и критическихъ фельетоновъ, на которые, по справедливости, надо смотрѣть, какъ на начало полнаго паденія этого писателя. Зрѣлище расцвѣтающихъ безъ его участія «Отечественныхъ Записокъ» возбуждало въ немъ какую-то особую полемическую ярость. Онъ не могъ говорить объ этомъ журналѣ иначе, какъ объ органѣ «легкаго поведенія», съ опьяняющими вакханаліями фразерства и красноречія. «Нигдѣ не дѣлается

*) «Современникъ» 1865 г., августъ, *Итоги*, стр. 297—332.

такихъ типичныхъ масокъ честности, писать оны въ № 4 *Космоса*, такихъ прелестныхъ париковъ либерализма и такихъ ѣдкихъ, фальшивыхъ зубовъ сатиры, какъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Разматривая первую книгу «Отечественныхъ Записокъ» 1869 года, Антоновичъ никому не даетъ пощады. У одного автора, написавшаго статью на экономическую тему, оны усматриваетъ «кавальскую мысль о страданіи мужика». Противъ Некрасова оны обращаетъ его произведеніе «Кому на Руси жить хорошо» съ сомнительнымъ намекомъ на его исключительное житейское благополучіе. О статьѣ Лесевича «Философія исторіи на научной почвѣ» оны отзывается съ преувеличенно-саркастической гримасой: въ ней нѣтъ никакой опредѣленности, ничего, кромѣ громкихъ словъ и треска «философски-либеральныхъ фразъ», говоритъ оны,—да и «вранья въ ней вдоволь». Съ головы Н. Макецова оны размахисто сбрасываетъ «фиглярскій либеральный колпакъ», а Скабичевскому ставитъ удовлетворительный баллъ за отсутствие звонкихъ и хлесткихъ словъ, хотя совѣтуетъ ему при этомъ писать не такъ длинно и «размазно». Но что всего удивительнѣе, Антоновичъ не щадитъ и своего бывшаго соратника но полемицѣ съ журналами Достоевскаго и Благосвѣтлова, Щедрина, прощически предлагая ему передѣлать заглавіе своей сатиры такъ, чтобы оно лучше выражало его намѣреніе дѣйствовать содержаніемъ, а не «фразами и либеральными колпаками *)». Наконецъ, когда эти безтактныя выходки Антоновича возбудили понятный протестъ въ печати, оны выпустилъ, въ сотрудничествѣ съ другимъ лицомъ, небольшую брошюру съ открытымъ письмомъ на имя Некрасова и рядомъ позорящихъ этого замѣчательнаго поэта воспоминаній, которыя нельзя читать безъ отвращенія и живого негодованія **).

Мы рассмотрѣли главнѣйшіе эпизоды, составляющіе содержаніе журналистики шестидесятихъ годовъ, со стороны ея литературно-философскихъ и критическихъ тенденцій, не останавливаясь подробно на журнальной дѣятельности Писарева, которой мы посвятимъ отдѣльный очеркъ. Мы видѣли, какія силы въ ней участвовали и какъ эти силы сталкивались между собой. Мы видѣли, какъ различные дѣятели, не прошедшіе культурной школы, откровенно вносили въ литературу все свои страсти и грубые инстинкты, забрасывали другъ друга грязью, свирѣпо затанцовывали всякаго, кто не хотѣлъ или не могъ идти въ общемъ теченіи. Мы видѣли, какъ быстро расцвѣтали репутаціи людей, не перечившихъ настроенію времени, и какъ затмѣвались, меркли съ одной стороны имена тѣхъ, кто, какъ Юркевичъ, носилъ въ душѣ идеи грядущихъ поколѣній, и съ другой стороны имена тѣхъ, кто, какъ Антоновичъ, прилаживаясь

*) «Космосъ», 1869 г., № 4, стр. 35 и № 8. *Журнално-научное обозрѣніе*.

**) *Матеріалы для характеристики современной русской литературы*. Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ М. А. Антоновича. Спб. 1869 г.

къ господствующимъ тенденціямъ, не умѣлъ осмыслить и поддержать ихъ собственнымъ умомъ и талантомъ. Но среди всѣхъ этихъ невѣроятныхъ по распущенности полемикъ, скандаловъ и изобличеній—совершалась въ обществѣ незамѣтно для глаза отрицательная работа, которая углубляла умственное броженіе и этимъ подготовляла почву для новыхъ духовныхъ потребностей, для воспріятія новыхъ культурныхъ и научныхъ идей. Стихійно-разыгравшаяся оргія юношескихъ порывовъ и стремленій создала въ концѣ-концовъ цѣлую армію людей, не удовлетворенныхъ дѣйствительностью, людей, безпокойно ищушихъ новыхъ основъ для жизни, людей, которые изъ своей среды должны выдвинуть настоящихъ творцовъ на теоретической и практической почвѣ, свободныхъ отъ всякой рутины, смѣлыхъ и безпощадныхъ въ борьбѣ за всестороннее развитіе человѣческой личности съ мертвыми историческими наслоеніями.

А. Волюискій.

Книги, поступившія для отзыва въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника» въ теченіе декабря мѣсяца.

Авенариусъ В. П. Отроческіе годы Пушкина, біограф. повѣсть съ рисунками. Спб.

Анго А. Физика въ объемъ курса сред. учеб. зав., пер. П. И. Мамонтова. М. 1893. Ц. 3 р. 50 к.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій въ 4-хъ т., пер. съ датскаго подлинн. А. И. Гашенъ, т. III-й, вып. XII-й. Спб. 1894.

Базилевскій М. Чегуда Галепп (Абулгасанъ) его жизнь и дѣятельность. Од. 1894. Ц. 15 к.

Баскинъ В. С. П. И. Чайковскій (очеркъ его дѣятельности) изд. А. Ф. Маркса. Ц. 75 к.

Бахтіаровъ А. Пролетаріатъ и уличные типы Петербурга. Бытовые очерки. Спб. 1895. Ц. 1 р.

Берендтс Эдуардъ. Государственное хозяйство Швеціи, изслѣдованіе ч. I и II. Яросл. 1894 г. Ц. за оба тома 4 р.

Вальтеръ проф. Море и его жизнь. Пер. съ нѣмъ подъ ред. и съ прим. проф. А. П. Краснова. Х. 1894, Ц. 75 к.

Волкова М. Женщина-врачъ. Бесѣды о томъ, какъ охранять здоровье женщины, пачиная съ дѣтства и кончая періодами свиданія. Съ предисловіемъ проф. Имп. воев.-мед. акад. А. П. Лебедева. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Wyzewa Théodor. Chez les allemands l'art et les moeurs. Paris.

Гавкинъ Н. Карманный словарь иностран. словъ. Изд. 4-е. Коллекц. кармап. словар. подъ ред. Э. Гокниса. Кіевъ, 1895, Ц. 50 к.

Гарвей Николай. Сказки Дѣда - Всевида. Сборникъ дѣтскихъ сказокъ. Собрано по различнымъ источникамъ. Роскошное изд. А. Ф. Девриена. Спб., 1894.

Гриммъ Э. Д. Грахпъ, ихъ жизнь и обществ. дѣят. Біограф. библ. Ф. Павленкова. Спб., 1894, Ц. 25 к.

Густафсонъ Р. сказки. Иллюстр. бпл. Ф. Павленкова. Пастухъ и принцесса. Ц. 10 к. Храмъ пѣтвицы. Ц. 10 к. Корона морскаго царя. Ц. 10 к. Трп брата. Ц. 10 к. Парижская кукла. Ц. 10 к. пер. К. Тетюшиновой.

Диккенсъ Чарльзъ. Замогильныя записки Пиквикскаго клуба. 2 тома. Деш. бпл. М. Суворина. Ц. за 2 тома 1 р.

Жасминовъ. Графъ Александръ. Голубы е звука и бѣлыя поэмы. Спб. 1895, II. 1 р.

Жонневрэ А. Маленькій разношчикъ, съ франц. Гранстремъ. Съ 26 рис.

Загурскій Л. Н. Рецензія на сочиненіе «Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву» предст. прив.-доц. унив. св. Влад. магистр. П. Е. Соколовскимъ. Харк. 1894.

Ивановъ К. А. Средневѣковой городъ и его обитатели. Спб., 1895, Ц. 75 к.

Калинина А. Н. Рембрандтъ Его жизнь и худож. дѣят. Біограф. библ. Ф. Павленк. Спб., 1893. Ц. 25 к.

Коломбъ Ж. Дѣдушкина внучка, съ фр. М. Гранстремъ съ 89 рис. Спб. 1895.

Колтановскій А. Д. Общедоступное земледѣріе. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895, Ц. 75.

Крыловъ. Басни. Полное собраніе съ біограф. и примѣч. Дешев. библ. С. Суворина. Ц. 15 к.

Его-же басни. Полное собраніе съ біограф. и примѣч., 2 портр., видъ памяти. п. мог. Крылова и 27 рис. текста. Спб., 1895, Ц. 65 к.

Лабулэ Э. Голубыя сказки. Переводъ съ франц. Николая Гарвея, съ 150 рисунк. Изд. Девриена. Спб. 1894.

Ли Юнасъ. Осужденный на вѣкъ, расек. переводъ съ норвежскаго В. Мосоловой. Изд. «Посредъ» для штел. ч.т. М. 1894, Ц. 40 к.

Максимовъ А. Я. Наши задачи на Тих. океанѣ. полит. этюды. Спб. 1894, Ц. 1 р.

Малиновскій І. Ученіе о преступленіи по литовск. статуту. Кіевъ, 1894, Ц. 1 руб. 50 к.

М. М. Трп стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1895, II. 15 к.

Нелидова Л. Дѣвочка Лида, разсказъ для дѣтей, изд. 2-е. М. 1895, Ц. 1 р. 50 к.

Нефедовъ Ф. Д. Сочиненія т. II-й. М. 1895.

Петровъ А. Н. Спорные вопросы массіон дѣят. св. Кирилла философа на востокѣ Одесса, 1834.

Плутархъ. Сравн. жизнеоп., т. IX. вып. I-й. Артаксерксъ, Аратъ, дешев. библ. А. С. Суворина. Ц. 15 к.

Покровскій В. Истор. хрест. вып. X. М. 1894. Ц. 3 р.

Полиновскій М. Б. Мечты, вторая книга стихотвореній. Од. 1895. Ц. 75 к.

Потапенко И. Н. Встрѣча, очеркъ Качиопи С. А. Куртдедѣ, очеркъ пзъ крымской жизни. Прилож. къ журн. «Вокругъ Свѣта».

Рахмановъ В. В., врачъ. О работахъ вредныхъ для здоровья и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ. М. 1894. Ц. 3 к.

Розановъ В. Легенда о великомъ пивви зпторѣ Ф. М. Достоевскаго. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Скаврнская Марія. Изъ жизни и фантазій (ром., пов., рассказы). М. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Соловьевъ Евгений. Ротинильды ихъ жизни и капиталъ дѣят. бюбр очеркъ Біограф. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1894. Ц. 25 к.

Его-же. Н. М. Карамзинъ, его жизнь и учено-литер. дѣят. Біогр. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1894. Ц. 25 к.

Его-же. П. С. Тургеневъ, его жизнь и литерат. дѣят. Біогр. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1894. Ц. 25 к.

Стороженко А. Л. Марко проклятый, поэма на малороссійскомъ языкѣ. Деш. библ. А. С. Суворина. Ц. 15 к.

Стукаличъ В. К. Мальцевскіе заводы. Вптебекъ 1894.

Сумцовъ Н. Этюды о Пушкинѣ, вып. II-й. Варш. 1894. Ц. 1 р.

Суворинъ А. С. Онь въ отставку. Спены въ одвомъ дѣйствіи Спб. 1894. Ц. 50 к.

Тверской П. А. Очерки сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ. Спб. 1895. Ц. 2 р.

Тихомировъ Д. И. Изъ исторіи родной земли, очерки и рассказы, съ рис. и карт. въ текстѣ. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. Изд. 2-е. М. 1895.

Tolstoï comte Alexis, le Prince Sérébriany, roman historique trad. du russe par F. Léon Golschmann. P. 1895, prix 3 fr. 50 c.

Туганъ Лидія. На маякѣ, рассказъ. Спб. 1894. Ц. 20 к.

Успенскій Порфирій, епископъ. Книга бытія моего. Дневники и автобіограф. записки. Ч. I, съ 3-го. М. 1841 г.—1 м. 1844 г. Спб. 1894. Ц. 5 р.

Фламаріонъ К. Конецъ міра. Астрономическій романъ, переводъ Е. А. Предтеченскаго, изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895. Ц. 60 к.

Фулье Альфредъ, пер. съ франц. А. П. Татаринновъ, подъ ред. Н. Я. Грота. Декартъ,

съ прилож. главы пзъ «Ист. пов. философіи» В. Випдельбадта: «Барухъ Спиноза» изд. «Посред.» для лит. чт. М. 1895. Ц. 50 к.

Чижъ вр. проф. Обзоръ сочиненій по криминальной антропологии. Харьковъ 1894.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. I. Вступительная статья. Трагедіи: Отелло. Король Лиръ. Макбетъ. Т. II. Трагедіи: Гамлетъ. Ромео и Джульета. Тимонъ Афинскій. Спб. 1894. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к.

Шериданъ Ричардъ. Соперники, ком. въ 5 дѣйств., перев. съ англ. I. Вѣтрисскаго. Дешев. библиот. А. С. Суворина. Ц. 15 к.

Яковенко В. М. Огюсть Контъ, его жизнь и философія. дѣят. Біограф. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1894. Ц. 25 к.

Ярмонкинъ В. Убіенство Карно. Спб. 1894. Матеріалы по вопросамъ преподаванія естествознанія въ средней и пизшей школѣ, изд. подъ ред. М. П. Вараввы и Г. А. Кожевникова. М. 1894. Ц. 1 р.

Матеріалы по пзслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Прутской и Енисейской губ., т. II—вып. 6-й; т. III, т. IV—вып. 1—6. Ирк. 1894.

Настольный энциклопедическій словарь, вып. 26-й. Изд. Товарищ. А Гранатъ и К°. М. 1894. Ц. отд. вып. 40 к.

Настольный энциклопедическій словарь, вып. 95-й. Изд. А Граната и К°. М. 1894. Ц. кажд. вып. 40 к.

Обзоръ бакпнской нефтяной промышленности и свѣд. объ амер. нефт. промыслахъ за 1893 г. Баку 1894. Ц. 3 р.

Отчетъ о дѣятельности совѣта пзбрап. на VIII съѣздѣ нефтепромыш. Баку 1894.

Отчетъ первой одесской городской безплатной народной читальни за 1893 годъ. Одесса 1894.

Сто великихъ людей, кн. VI. Блаж. Августинъ. Бернардъ Клервоскій. Францискъ Ассизскій. Дешевая библ. А. С. Суворина. Ц. 20 к.

Триумфъ любви. Оригин. сборникъ переводныхъ стихотвореній А. П. Тамбовскій 3 й сборникъ. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія, сборникъ статей. Изд. моск. ком. грамотъ М. 1895. Ц. 1 р.

Малорусскія сказки. (Бытовія). М. 1895.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Нѣчто о призваніи печати и о полемикѣ.—Самарскія газеты о центральномъ земскомъ печатномъ органѣ.—Прощаніе съ сельскимъ учителемъ.—«Волжскій Вѣстникъ» о поэзіи въ жизни.—Самоубійство.—Купеческій обѣдъ въ Уфѣ.—Железная дорога по южному берегу Крыма.—Дешевый кредитъ и крымскіе крестьяне.—Концертъ Балакирева въ Варшавѣ.—Нашествіе мышей на югъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ литературныхъ кружкахъ господствовало убѣжденіе, что печать призвана служить дѣлу общественнаго развитія, что *вся* печать обязана идти съ этимъ знаменемъ, что *вся* она должна быть передовою; что газета или журналъ, которые ратуютъ противъ развитія, противодѣйствуютъ реформамъ, тѣмъ самымъ нарушаютъ прямой долгъ печати, являются ренегатами ея истиннаго призванія, уподобляются несправедливымъ судьямъ или лжесвидѣтелямъ на судѣ. Въ виду нашихъ условій, этотъ взглядъ по существу былъ вѣренъ. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ не признать, что бывають преобразованія, которыхъ необходимость очевидна для всѣхъ, кромѣ тѣхъ, чьи интересы ими могутъ быть затронуты. Ясно, что тотъ, кто въ 1860 году писалъ-бы противъ освобожденія крестьянъ или утверждалъ-бы, что у насъ взяточничества не существуетъ, измѣнялъ-бы долгу журналиста и писалъ-бы противъ совѣсти. По отношенію къ извѣстнымъ вопросамъ, такимъ, гдѣ вполне очевидно, на которой сторонѣ находятся интересы развитія, справедливости и гуманности, тотъ взглядъ на призваніе и долгъ печати, о которомъ я сказала, остается вѣренъ и въ настоящее время.

Пусть мнѣ не возражаютъ, что на общественныя и политическія дѣла можно «взирать» различно, въ согласіи съ общимъ своимъ «міровоззрѣніемъ». Это разумѣется само собой, объ этомъ напрасно и говорить. Но борьба между человѣческими «міровоззрѣніями» существенно различается отъ безплодной, происходящей въ безвыходномъ кругѣ борьбы между

стихіями природы. Результатами борьбы идей является постепенное усвое- ніе все большимъ и большимъ числомъ людей понятія о нѣкоторомъ без- спорномъ и необходимомъ уровнѣ правъ личныхъ и общественныхъ. Эти постепенные и уже несомнѣнные успѣхи общественнаго сознанія и со- ставляютъ сущность прогресса. Напрасно кто-нибудь сталь-бы нынѣ ссы- латься на свое «міровоззрѣніе» для оправданія невольничества или дер- жанія женщинъ взаперти, власти родителей надъ самой жизнью ихъ дѣ- тей, личной кабалы неисправныхъ должниковъ, необходимости въ уго- ловномъ судопроизводствѣ пытокъ и т. п.

Итакъ, есть въ каждое время нѣкоторый общесознанный минимумъ юридическихъ потребностей личныхъ и общественныхъ, котораго уже никто не можетъ отвергать съ искреннимъ убѣжденіемъ, и вся честная печать обязана содѣйствовать осуществленію этого уровня. Повторяю, что взглядъ, одушевлявшій нашу печать начала 60-хъ годовъ, вполне вѣренъ по существу. Но въ то время съ нимъ соединяли наивное пред- ставленіе, что *вся* печать въ дѣйствительности и будетъ честно служить дѣлу развитія и гуманности, что возможно общими успіями устранить въ печати случаи измѣны этому ея призванію, что это будетъ достигнуто путемъ надзора за собратьями, осужденія ихъ уклоненій, протеста про- тивъ ихъ отступничества. «Въ этомъ сказывалось благородное юношеское увлеченіе тогдашней русской печати, едва окрылившейся. Этимъ-же объ- асняются и нѣкоторыя преувеличенія, даже несправедливости, сотворен- ныя передовою печатью того времени, которая относилась со страстнымъ осужденіемъ къ чужимъ мнѣніямъ.

Какъ всякое человѣческое учрежденіе, печать, если и видѣть въ ней храмъ общественнаго служенія, неизбѣжно вмѣститъ въ себѣ и торгашей и даже предателей. Таково несовершенство всякаго учрежденія: всѣхъ заставить честно служить идеалу, за всѣхъ пору- читься—нельзя. Припоминаю страстную и талантливую статью г. Е. Мар- кова объ адвокатахъ, появившуюся лѣтъ съ десятокъ тому назадъ. Сущ- ность ея была въ томъ, что на сословіе присяжныхъ повѣренныхъ рус- ское общество сперва смотрѣло, какъ на союзъ защитниковъ правъ лич- ныхъ и общественныхъ, а потомъ глубоко разочаровалось, найдя въ нѣ- которыхъ изъ нихъ—людей преданныхъ только личнымъ профессиональ- нымъ интересамъ, готовыхъ братья за завѣдомо грязныя дѣла, словомъ думающихъ не о принципахъ, но только о деньгахъ. Не знаю, былъ-ли еще г. Е. Марковъ молодъ въ то время, когда написалъ свою катил- нарію противъ адвокатовъ, измѣнившихъ «истинному своему призванію». Но въ основаніи его статьи лежала именно та мысль, что возможно отъ всѣхъ людей одного призванія ожидать вѣрнаго, честнаго его исполненія. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности бываетъ иначе, и какъ нельзя, даже при существующемъ сословномъ контролѣ, устранить принятіе нѣкото- рыми адвокатами дѣлъ несправедливыхъ, такъ точно и въ печати нельзя ожидать, что всѣ стануть неуклонно исполнять нравственное призваніе.

Затѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ элементарныхъ гарантій для личности и первоначальныхъ основъ самоуправленія и правосудія, но всеѣмъ другимъ вопросамъ, менѣе яснымъ, мнѣнія могутъ и искренно расходиться, подвліяніемъ какъ «міровоззрѣнія», такъ и интересовъ разныхъ національностей и общественныхъ группъ. Итакъ, борьба въ печати неизбежна и при всей страстности, можетъ являться вполне добросовѣстной съ обѣихъ сторонъ, при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) если ни одна изъ нихъ не отрицаетъ тѣхъ очевидныхъ общественныхъ потребностей, о которыхъ упомянуто выше, то-есть не стремится къ насилію надъ правами личными и общественными или къ постановленію виѣ закона какой-либо общественной или національной группы въ государствѣ; 2) если въ полемикѣ ни одна изъ сторонъ не прибѣгаетъ къ недостойному приему компрометирования своего противника, призывая на него мѣры строгости, и 3) если она для подкрѣпленія своихъ отзывовъ и мнѣній не обращается къ помощи завѣдомаго искаженія фактовъ и словъ, если не усиливается привить обществу ядъ лжи, не вноситъ путаницу въ понятія посредствомъ намеренной фальсификаціи.

Я далека отъ нетерпимости къ мнѣніямъ, которыхъ не раздѣляю, но которыя имѣю хоть какую-нибудь возможность считать искренними. Пусть-бы «Гражданинъ» не занимался никакими «подвохами» либеральнымъ газетамъ и журналамъ, но усленно проводилъ-бы идеи въ такомъ напримѣръ родѣ, что всеѣмъ дворянамъ должно производиться жалованье, независимо отъ того, состоятъ-ли они въ должности земскихъ начальниковъ или не состоятъ. Пусть-бы «Моск. Вѣдомости» были чисты отъ всякихъ грѣховъ, но горячо совѣтовали-бы, чтобы всеѣ газеты и журналы, выходящіе въ Россіи, какъ русскіе, такъ и нѣмецкіе, польскіе, финскіе добровольно стали печататься церковно-славянскимъ шрифтомъ. И въ такихъ предложеніяхъ я былъ-бы готовъ признать искреннее убѣжденіе, видѣть въ нихъ лишь продуктъ особаго міровоззрѣнія. Но какъ оба названныя и другія имъ подобныя столпчныя изданія, такъ и нѣкоторыя провинціальныя газеты, идущія по слѣдамъ первыхъ, безпрестанно выступаютъ съ такими обличеніями, розысками, обвиненіями и утвержденіями, которыхъ признавать добросовѣстными, истекающими изъ убѣжденія нѣтъ уже никакой возможности.

Напримѣръ «Гражданинъ» въ прошломъ мѣсяцѣ приставалъ съ розыскомъ намереній и обнаруженіемъ «дна души» сперва къ «Русскимъ Вѣдомостямъ», затѣмъ къ «Вѣстнику Европы». Отъ московской газеты онъ требовалъ признанія въ томъ, что именно она разумѣла подъ такими выраженіями, какъ «правовой строй» и «правовыя условія», и самъ сейчасъ же подеказывалъ, что подъ этими словами разумѣлось нѣчто «не русское», нѣчто такое, что Россіи могутъ навязывать только недоброжелатели ея. Еще опредѣлительнѣе «Гражданинъ» формулировалъ свое обвиненіе противъ «Вѣстника Европы»: мы всеѣ знали, что подъ довѣріемъ къ передовымъ уметственнымъ силамъ общества и подъ сопря-

численіемъ къ правительству независимаго общественнаго мнѣнія — заявляла газета — надо разумѣть опытъ понемногу ввести въ Россіи конституціонныя начала... Но въ теперешнее время что могутъ значить пожеланія Россіи такихъ великихъ задачъ, коихъ величіе должно заключаться въ привлеченіи къ правительству какихъ-то передовыхъ умственныхъ силъ и какого-то независимаго общественнаго мнѣнія?..

Очевидно, нельзя считать добросовѣстными подобныхъ приѣмовъ, какъ невозможно было-бы въ наше время считать искренними и такія «убѣжденія», что слѣдовало бы возстановить крѣпостное право и что не нужно никакихъ законовъ, такъ какъ они будто-бы составляютъ только «формальность», а достаточно «однихъ распоряженій и усмотрѣній каждаго администратора, особыхъ для каждаго отдѣльнаго случая. Въ такихъ вещахъ нынѣ уже никто искренно убѣжденъ быть не можетъ.

Точно такъ, нельзя считать добросовѣстными и истекающими изъ дѣйствительнаго убѣжденія тѣ безчисленныя искаженія фактовъ, съ какими нѣкоторыя столичныя, а за ними и немногія провинціальныя газеты обсуждаютъ разныя явленія жизни на окраинахъ. Въ этомъ дѣлѣ предводительство издавна принадлежитъ «Моск. Вѣдомостямъ». Новѣйшее сплошное искаженіе въ этомъ родѣ представляла ихъ варшавская корреспонденція по поводу извѣстнаго «разговора съ польскимъ депутатомъ», помѣщеннаго въ «Нов. Времени». Обнаруживать этого искаженія въ частностяхъ я не буду, такъ какъ оно касается и исторіи, и географіи, и политики, что завело-бы меня слишкомъ далеко. Достаточно сказать, что въ «разговорѣ», гдѣ передавались вѣрныя или невѣрныя, но во всякомъ случаѣ примирительныя взгляды члена польской депутаціи, явившейся въ Петербургъ для всѣмъ извѣстной дѣли, авторъ корреспонденціи видитъ не что иное, какъ «финаль траги-комедіи, разыгранной въ Вѣнѣ Леваковскимъ и польскимъ коло», то-есть финаль демонстраціи въ рейхсратѣ, враждебной Россіи!

И что это за «коло»? Почему не сказать польскій парламентскій кружокъ, но именно «польское коло»? Останавливаюсь на этомъ по той причинѣ, что здѣсь проявляется одинъ изъ характерныхъ, обычныхъ приѣмовъ нѣкоторыхъ нашихъ газетъ въ обсужденіи дѣлъ окраинъ и въ полемикѣ съ польской, нѣмецкой и финляндской печатью. Я уже въ прошлый разъ замѣтилъ, что въ полемикѣ этой играетъ большую роль простое «перевортыванье словъ», рассчитанное на то, что въ глазахъ людей не мыслящихъ самая странность чужихъ названій и словъ можетъ подрывать сочувствіе даже къ такимъ интересамъ и желаніямъ, которые ничего незаконнаго въ себѣ не заключаютъ. Въ балтійскихъ газетахъ возраженія «Моск. Вѣдомостямъ» появляются лишь рѣдко; въ варшавскихъ — никогда. Но если бы, положимъ, «Rigasche Zeitung» или «Dörptsche Zeitung» удалось, въ какомъ-нибудь болѣе мелкомъ случаѣ, доказать, что «Моск. Вѣд.» напели совершенную неправду, перепутали имена, сочинили небывлицу, тогда ихъ легко сразить (въ чьемъ мнѣніи это другой вопросъ)

весьма простымъ полемическимъ пріемомъ: «что-бы тамъ ни говорили разные цейтуинги, мы хорошо знаемъ симпатіи балтовъ къ фатерланду». Въ самомъ дѣлѣ, стѣдуетъ-ли разбирать, что тамъ говорятъ какія-то цейтуинги? Самое названіе ихъ такъ забавно, что ничего серьезнаго отъ нихъ и ожидать нельзя. Или—«фатерландъ»? Симпатіи остзейскихъ иѣмцевъ къ Германіи, въ смыслѣ умственной и нравственной связи съ нею, естественны, а какой-либо мечты о политической съ нею связи у нихъ и въ помысленіи не бывало, хотя-бы уже потому, что при этомъ пруссаками тотчасъ были-бы отмѣнены все балтійскія привилегіи. Но не смѣшно-ли хотя и въ нравственномъ только смыслѣ сочувствовать «фатерланду»? И многимъ помощникамъ столоначальниковъ, позволю себѣ предположить, что даже и нѣкоторымъ изъ гг. столоначальниковъ, казалось, что дѣйствительно смѣшно и что иѣмцы ужасно глупы, хотя и воображаютъ о себѣ Богъ знаетъ что.

Или вотъ: финляндцы собираются на сеймъ и обсуждаютъ разные свои «чухонскіе порядки», которыми дорожатъ. Ну, не странно-ли дорожить чухонскими порядками, не смѣшны-ли сами-по-себѣ всякія чухонскія претензіи, въ чемъ-бы онѣ ни заключались? Такъ и «коло». Пусть-бы еще польскіе депутаты въ австрійскомъ рейхсратѣ имѣли свой кружокъ... а то какое-то «коло». И много указывалось такихъ учрежденій или понятій, которыя будто-бы лишались всякаго права на вниманіе въ силу самыхъ своихъ названій. Можно серьезно говорить объ интересахъ дворянства, но интересы «шляхты»—это разница. Въ Польшѣ, какъ извѣстно, существовали «кляшторы», и доселѣ существуютъ «костелы». Это, какъ-будто, совѣмъ не то, что испанскіе монастыри и церкви Madeleine, Notre-Dame или Sacré Coeur въ Парижѣ. Въ послѣднюю посылается изъ Москвы колоколь. Церкви себѣ, какъ наши, никто ихъ эглизами не называетъ. А то какіе-то кляшторы да костелы, стоитъ-ли и говорить о нихъ? А если варшавская депутація пріѣдетъ, чтобы стать въ ряды русскихъ депутацій, то и въ этомъ проявляется «работа политикановъ, чтобы отъ Россіи отхватить отъ моря до моря весь западъ отъ Ильмени. Западной Двины, Днѣпра и Таврическаго полуострова»... по выраженію «Моск. Вѣдомостей». И тѣ-же помощники столоначальниковъ содрогаются, не имѣя въ виду, что и шишуть-то это изъ Варшавы—другіе помощники столоначальниковъ, также желающіе усиленія окладовъ и повышеній, и прямо заинтересованные въ томъ, чтобы никакихъ «примиреній» не было, а вѣчно оставалось-бы представленіе о «козняхъ», которыя будто-бы не удаются лишь потому, что даже и мелкіе чиновники въ Варшавѣ не имѣютъ времени въ винтъ играть; не такъ, какъ ихъ счастливые собратья въ Петербургѣ. Прибавлю-ли, что какія-либо заявленіе или возраженіе въ печати еврея упраздняются однимъ почеркомъ пера, какъ «жидовскія», и что это многимъ кажется вполнѣ добросовѣстнымъ, убѣдительнымъ и достаточнымъ...

Въ первой своей статьѣ о провинціальной печати я останавливался на быстромъ ея ростѣ, разумѣя число изданій, и принималъ это число въ около 300. Оказывается, я ошибался на цѣлую четверть. По официальнымъ свѣдѣніямъ, которыя приведены въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», изданій, выходящихъ въ провинціи—440, а въ обѣихъ столицахъ—338. Даже если изъ первой цифры исключить газеты и журналы, издаваемые въ Царствѣ Польскомъ и въ балтійскихъ губерніяхъ, то все-таки останется фактъ, что провинціальная печать численностью уже превзошла столичную. Этому, быть можетъ, содѣйствовало и то обстоятельство, что столичныя газеты за послѣдніе годы нѣсколько завяли. И вотъ, жители провинціи, зная, что статьи безцвѣтныя будутъ и въ мѣстномъ органѣ, стали выписывать его, соблазняясь удобствомъ и дешевизной.

И всѣхъ-то періодическихъ изданій въ Россіи, включая и губернскія вѣдомости, только 778. Въ одномъ Нью-Йоркѣ—если считать мелкіе листки издаваемые разными обществами—выходитъ болѣе періодическихъ изданій, чѣмъ во всей Россіи. Характерна въ особенности малочисленность политическо-литературныхъ газетъ и журналовъ въ столицахъ: на общее число столичныхъ изданій—338, ихъ всего 41. Число ихъ возрастаетъ почти незамѣтно и этимъ обуславливается какъ-бы монополія нѣсколькихъ, однажды успѣвшихъ пріобрѣсть наибольшую распространенность. Нельзя не пожелать, чтобы число политическо-литературныхъ газетъ и журналовъ въ столицахъ могло увеличиться. Чѣмъ болѣе изданій съ широкою программой, тѣмъ разнообразнѣ освѣщеніе фактовъ и тѣмъ вѣрнѣе печать можетъ представлять общественное мнѣніе.

«Самарскій Вѣстникъ» спорить съ «Самарскою Газетою» по вопросу о необходимости общаго, центрального органа печати, который-бы спеціально разработывалъ земскіе вопросы. Замѣчу мимоходомъ, что «Самарская Газета» въ нынѣшнемъ году преобразилась, сдѣлалась гораздо полнѣе и стала печататься лучшимъ шрифтомъ, на порядочной бумагѣ. Вотъ мнѣніе газеты: у земствъ есть общіе вопросы, которые, однако, рѣшаются ими разнообразно отчасти просто потому, что мѣропріятія однихъ земствъ неизвѣстны другимъ. А между тѣмъ, каждому земству необходимо пользоваться опытами другихъ земствъ. Вопросы общіе, «какъ практическіе, такъ и принципіальные, — разсуждала газета, — должны рѣшаться болѣе или менѣе однообразно и рѣшеніе должно быть извѣстно всѣмъ, а это возможно только въ общемъ земскомъ органѣ». Затѣмъ газета вспоминала о пользѣ, какую приносило «Земство» покойнаго Кошелева. «Конечно, говоритъ она, время существованія «Земства» значительно отличалось отъ настоящаго, какъ отличалось и само земство»; но центральный земскій органъ и теперь можетъ быть полезенъ. Мѣстные сборники, издаваемые многими земствами, не могутъ замѣнить его. А такъ-какъ петербургское земство предполагаетъ съ будущаго года издавать ежедневную земскую газету, то «С. Г.» предлагала, чтобы всѣ земства помогли этому предпріятію, какъ сотрудничествомъ, такъ и небольшими денеж-

ными взносами, съ тѣмъ, чтобы газета петербургскаго земства едѣлалась центральнымъ земскимъ органомъ.

«Самарскій Вѣстникъ», въ свою очередь, ставитъ вопросъ такъ: или каждому губерническому земству имѣть свой отдѣльный органъ, или-же всѣмъ земствамъ имѣть одинъ, центральный. «Вѣстникъ» высказывается противъ общаго органа и за отдѣльные. Но аргументы имъ приводимые не убѣдительны. Они заключаются въ томъ, что центральный органъ «едва-ли будетъ въ состояніи объять и должнымъ образомъ освѣтить многоразличныя мѣстные земскія нужды». Далѣе поясняется, что «разныя мѣстности нашего обширнаго отечества, по своимъ климатическимъ, почвеннымъ, этнографическимъ, бытовымъ и инымъ условіямъ, находятся далеко не въ одинаковомъ положеніи». Противъ матеріальной помощи земской газетѣ въ Петербургѣ отъ другихъ земствъ «Вѣстникъ» возстаетъ на основаніи прежнихъ примѣровъ. Затѣмъ газета довольно туманно говоритъ о завершеніи въ земствѣ какой-то «объединительной работы на мѣстахъ», но каковомъ завершеніи могъ-бы уже съ пользой для дѣла «на твердо подготовленной почвѣ, вырости и желательный центральный земскій органъ». «Вѣстникъ» говоритъ, что онъ еще въ прошломъ году рекомендовалъ самарскому земству «имѣть свой специально-земскій органъ печати». Отчего—не основать или не издавать, но «имѣть?» Это нѣсколько наводитъ на размышленіе. Но все равно, разъ газета высказывалась за мѣстный земскій органъ, понятно, что она не жаелетъ общаго.

Но дѣло не въ различіи климатическихъ и другихъ условій обширнаго отечества, различіи, въ которомъ никто не сомнѣвался, а въ томъ, что всѣмъ земствамъ въ дѣйствительности представляются вопросы общіе и каждому земству необходимо знать, какъ они рѣшаются въ разныхъ мѣстахъ. Да, наконецъ, уже была дѣльная, посвященная земскимъ вопросамъ, еженедѣльная газета «Земство», раньше «объединительной работы на мѣстахъ и твердо подготовленной почвы»... Какъ нынче пишутъ!.. Не на старательно, но на твердо подготовленной почвѣ!.. Да на такой-то именно почвѣ ничего и не выростеть. Успѣху «Земства» способствовало сотрудничество земцевъ разныхъ губерній, а прежнія неудачи въ предоставленіи земствамъ такихъ средствъ, какъ 150 и 300 рублей бывшимъ изданіямъ не могутъ служить поводомъ къ тому, чтобы другія земства не вступали въ соглашеніе съ земствомъ петербургскимъ или московскимъ для изданія общаго органа. Пожалуй и лучше было-бы, если бы центральное земское изданіе выходило въ Москвѣ. Если-бы другія земства рѣшились ассигновать на пособіе центральному органу хотя-бы по 300 рублей въ распоряженіе московскаго земства, что составило-бы помощь около 10 тысячъ рублей, то вполне вѣроятно, что московское земство согласилось-бы основать такой центральный органъ и само обставило-бы его солидно съ матеріальной стороны.

Корреспондентъ «Самарскаго Вѣстника» изъ одной волости Ставропольскаго уѣзда сообщаетъ: «въ концѣ октября насъ постигло большое

горе: всѣми уважаемаго и чтимаго учителя нашего Ф. В. Тимонова, за старостью, попросили оставить учительскую должность, которую онъ несъ въ нашей школѣ 35 лѣтъ, безпорочно и честно, отдавая всецѣло себя на просвѣщеніе темнаго люда». Изъ корреспонденціи видно, что г. Тимоновъ оказалъ большія заслуги, перевоспиталъ нѣсколько поколѣній грубыхъ и безнравственныхъ мальчишекъ (такъ говоритъ корреспондентъ) въ грамотныхъ и полезныхъ молодыхъ людей. Это—такая заслуга, выше которой найдутся немногія. Въ школѣ зажгли нѣсколько лампъ и свѣчь, и въ присутствіи трехъ священниковъ и членовъ волостного правленія, которые всѣ научились грамотѣ отъ г. Тимонова, ученики прощались съ учителемъ. Въ одной изъ рѣчей было сказано; «великое, святое дѣло было ваше... Не только въ здѣшнемъ, но и въ сосѣднихъ селахъ почти нѣтъ дома, гдѣ-бы не было грамотнаго и это все—ваши ученики; грамотные въ трехъ сосѣднихъ селахъ отъ 10 до 40 лѣтъ, волостной старшина, писарь, даже священникъ, всѣ—ваши ученики, съ любовью называющіе васъ своимъ учителемъ».

И вотъ, такого учителя «попросили уйти». Это—новый примѣръ того, о чемъ я говорилъ въ прошлый разъ по другому, сходному случаю. Учитель или учительница пріобрѣли сочувствіе цѣлаго населенія, нравственный авторитетъ, въ силу котораго могутъ не только учить, но и хоть сколько-нибудь воспитать учащееся поколѣніе, могутъ и личною помощью найти для школы, а ихъ вдругъ переводятъ на другое мѣсто или увольняютъ. Допуская даже, что такія неудачныя перемѣны дѣлаются безпристрастно, въ нихъ все-таки нельзя не видѣть ошибочнаго взгляда нѣкоторыхъ инспекторовъ на значеніе самой личности преподавателя: какъ будто-бы все дѣло — въ школѣ, а учитель все равно какой, лишь-бы не порочный. Казалось-бы излишне разъяснять, что весь успѣхъ дѣла, особенно въ школѣ начальной, зависитъ отъ личныхъ качествъ учителя. Корреспондентъ «Самарскаго Вѣстника» рассказываетъ, что старый учитель часто читалъ дѣтямъ книги и объяснялъ прочитанное, развивалъ въ нихъ любознательность, такъ что ученики и сами «наперерывъ читали всѣ книги, находившіяся въ училищѣ и бібліотекѣ»; что школа въ лицѣ этого руководителя совершенно передѣлывала учениковъ и въ нравственномъ отношеніи.

Приведу кстати другой примѣръ огромнаго вліянія личности наставника на учениковъ. По поводу недавняго прекращенія старѣйшей изъ одесскихъ газетъ, а именно «Одесскаго Вѣстника», который просуществовалъ 75 лѣтъ, нѣкто прислалъ въ «Московскія Вѣдомости» воспоминаніе о бывшемъ редакторѣ одесской газеты Картамышевѣ—какъ о педагогѣ. Сорокъ лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, когда авторъ этой статейки учился во 2-й одесской гимназій, гдѣ Картамышевъ былъ преподавателемъ русскаго языка. Итакъ, самъ авторъ уже не молодой человекъ, но вспоминая объ учителѣ, говоритъ, что «имѣлъ счастье» знать его. «Онъ сумѣлъ вдохнуть въ насъ, мальчиговъ, любовь къ своимъ кумирамъ, любовь,

которая, я убѣжденъ, на всю жизнь осталась у всѣхъ его учениковъ». Они знали на память цѣлыя поэмы Пушкина, цѣлаго «Ревизора». Авторъ письма и двое его друзей въ гимназiи нерѣдко собирались и наизусть повторяли себѣ сцены или главы поэмъ... Въ то время «громадное большинство учителей — пишетъ авторъ — постоянно говорили ученикамъ, и въ шутку, и серьёзно, всякія пошлости и грубости, попрекая ихъ или поповскимъ происхожденіемъ или «жидовскою» національностью и т. п., по изъ устъ К. Б. (Картамышева) никогда не выходило ни одного не только грубаго, но сколько-нибудь рѣзкаго слова». Одного ученика-еврея, который прилежно учился, но ужасно произносилъ русскія слова, Картамышевъ взялъ подъ особое попеченіе, постоянно заставлялъ его читать вслухъ, «неутомимо поправляя каждое слово — и менѣе чѣмъ черезъ полгода произношеніе мальчика стало неузнаваемымъ». О томъ, какова была привязанность учениковъ къ талантливому и доброму учителю, достаточно свидѣтельствуетъ фактъ, что не видавъ его 40 лѣтъ, бывший ученикъ такъ заключаетъ свое письмо: «живъ-ли еще нашъ незабвенный учитель?.. Если до него дойдутъ эти строки, то пусть на склонѣ своихъ лѣтъ приметъ онъ ихъ, какъ слабую дань безконечно обязаннаго и безконечно благодарнаго его ученика».

На «ultra-книжное направленіе въ школѣ» сѣтуеть въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» авторъ статьи «Потухающая Искра». «Чудакомъ — говоритъ онъ — представляется теперь тотъ человѣкъ, который «носится» съ какимъ-нибудь стихотвореніемъ... поэзія сдана въ архивъ воспоминаній; красота природы кто нибѣ интересуется? Только живописцы, да еще развѣ дачники нѣмецкаго происхожденія». А между тѣмъ, «если та психическая способность, которая даетъ мѣсто «поэзіи», является однимъ изъ самыхъ существенныхъ отличій и преимуществъ человѣка надъ животными, если она — въ родствѣ съ тѣмъ, что называется альтруистическимъ настроеніемъ, если отсутствіе этой «жилки» или «искры» дѣлаеть человѣка черствымъ и ничѣмъ восполнено быть не можетъ, то игнорировать эту способность непозволительно и ее надо культивировать воспитаніемъ».

Полагаю, что въ наше время многіе уже согласятся съ этимъ. Но если такъ, то поздненько же мы «хватились» за умъ — черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, какъ интеллигенція воспитывалась на догматѣ, что «сапоги лучше Шекспира», что если такая дребедень, какъ поэзія и искусство, и можетъ быть терпима, то исключительно подъ условіемъ, чтобы она играла роль служебную, проводила въ умы такія реальныя истины, что не слѣдуетъ брать взятку, обижать рабочаго и т. п. И почему, спрашивается, это «реально» — не брать взятку и не обчитывать рабочаго? Спорѣ же наоборотъ.

Если теперь многіе думаютъ такъ, какъ авторъ статьи «Волжскаго Вѣстника», сознаютъ, что чего-то весьма существеннаго недостаетъ въ настроеніи нашего общества, въ самомъ отношеніи нашемъ къ жизни, что вкусы наши грубы, что мы слишкомъ сухи, что намъ невыразимо

скучно, такъ что единственное, всеобщее для насъ спасеніе отъ скуки— «убивать» все свободное время за картами—то вспомнимъ, что мы воспитались на пренебреженіи къ искусству и, какъ говорить казанская газета, «разучались читать книгу природы». Мы штудируемъ природу, но смыслъ ея намъ чуждъ, она ничего не говоритъ намъ, а только лежитъ предъ нами, какъ трупъ на анатомическомъ столѣ. Но не одно литературное направленіе привело насъ къ этой черствости, сухости и нестерпимой скукѣ. Новыя поколѣнія прошли черезъ школу, поставленную сурово, школу, которая огромное большинство приходившихъ къ ней за образованіемъ выбрасывала за бортъ, предоставляя имъ плыть по морю житейскому недоучками. Новѣйшее же поколѣніе людей образованныхъ, уже работающихъ на разныхъ поляхъ дѣятельности, прошло черезъ возобладавшій снова духъ чиновнической формалистики, духъ подтягиванія, борьбы за существованіе со своими, жесткаго, отрицательнаго отношенія къ чужимъ, а политическое воспитаніе заимствовало у публицистики самохвальства, травли и особаго рода «обличеній»—уже не для пользы общества, но ради вреда, наносимаго обличаемымъ. Послѣ всего этого, удивляться ли признакамъ «очерствѣнія душъ вообще», о которыхъ говоритъ авторъ казанской газеты, и силѣ повальной карточной эпидеміи, какъ ее описалъ г. Буква въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»? Иного и исхода нѣтъ, какъ карты, да и не будетъ, развѣ что во многомъ измѣнятся наши обстоятельства.

Вѣроятно потому, что я не умѣю играть въ карты, мнѣ понравилась упомянутая статья Буквы. «Одинъ сдаетъ, другой тасуетъ, а третій насъ кричить. Этимъ стѣшкомъ дешеваго юмористическаго пошиба—говорить онъ—опредѣляется и исчерпывается повседневное времяпрепровожденіе громаднаго большинства русскаго образованнаго общества, нашей городской интеллигенціи... Въ теченіе дня русская интеллигенція снискиваетъ себѣ пропитаніе, вечеръ она повсемѣстно отдаетъ повальной игрѣ въ карты... Въ карты играютъ всюду, во всей Европѣ, но отнюдь не такъ, какъ у насъ... Въ среднесословномъ классѣ буржуазіи и трудовой интеллигенціи роль и значеніе картъ очень скромны, почти незамѣтны... Иностранцы играютъ въ карты случайно, довольно рѣдко и, главное, коротко... На карты смотрятъ какъ на невинное времяпрепровожденіе и денежный ихъ интересъ совершенно ничтоженъ... Въ домашней жизни иностранцевъ карты нигдѣ не приняты... У насъ же онѣ принижаютъ, опошляютъ и грабятъ, обкрадываютъ общественную мысль и отзывчивость... поглощаютъ и зря растрачиваютъ чудовищную массу нашего вниманія, анализа, остроумія, нашей памяти, воспримчивости, сообразительности... въ этомъ жалкомъ увлеченіи, ослѣпленіи и самообманѣ—серьезная и глубокая общественная драма». Но, молвлю и я, не играющій, слово въ нѣкоторое объясненіе этой эпидеміи. Что же дѣлать, когда время было такое, что его надо было «убивать?» Или сонъ, или карты.

Наше время матеріалистическое, люди думаютъ только о наживѣ,

не знаютъ никакихъ идеаловъ и въ жизни слѣдуютъ девизу Сардананала: «ѣшь, пей и веселись, все прочее ничто». Проще можно это выразить такъ: человѣкъ все болѣе разумѣетъ себя какъ животное и отъ жизни требуетъ только того, что въ ней находитъ животное. Но есть исключенія. О нихъ свидѣлствуютъ—самоубійства. Нѣтъ примѣровъ самоубійства животныхъ. Они и носятъ это названіе потому, что и не ищутъ ничего кромѣ *жизни*, въ ея «реальномъ» значеніи. Если они сыты, если имъ тепло, они вполне довольны. Самоубійца, когда онъ разстается съ выпавшей ему тяжелой долей, въ убѣжденіи, что существованіе его «я» не прекратится смертью тѣла—очевидный идеалистъ, болѣе несомнѣнный, чѣмъ тѣ, которые сами называютъ себя такими; ибо одно дѣло — говорить объ убѣжденіи, а другое—рѣшить свою судьбу на основаніи убѣжденія, удостовѣривъ тѣмъ всю его искренность и силу. Но и тогда, если человѣкъ думаетъ, что за выстрѣломъ въ високъ нѣтъ никакой будущности, если онъ просто прекращаетъ свою жизнь, недовольствуясь тѣмъ, что онъ сытъ и что ему тепло, онъ все таки—идеалистъ несомнѣнный, такъ какъ онъ, значить, разумѣлъ жизнь не въ Сардананаловскомъ смыслѣ, предъявляя къ ней требованія выше уровня ѣды, питья и тепла, и довольствоваться одними этими удобствами отказался.

Это размышленіе вызвано недавнимъ самоубійствомъ молодыхъ дѣвушки и мужчины въ Москвѣ на Тверской. Дѣвушка жила при отцѣ, кондитерѣ, молодой человѣкъ служилъ гдѣ-то. Они были сыты, но они отказались отъ жизни. Пришли ночью въ гостиницу, закусили, легли на коверъ: одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ стѣну, чтобы провѣрить револьверъ, потомъ выстрѣлилъ въ високъ другому и себѣ. Можно предположить, вопреки описанію, что стрѣляла женщина, а не мужчина, такъ какъ у нея рана въ правый високъ, а у него въ лѣвый. Неудобно стрѣлять себѣ въ лѣвый високъ, то-есть лѣвой рукою. Что правая рука убиитаго, который лежалъ навзничъ, находилась близъ револьвера, еще не даетъ указанія на то, кто стрѣлялъ. Это были клинскій мѣщанинъ Крючковъ и калужская мѣщанка Переплетчикова. Самоубійство рѣшено ими не въ гостиницѣ, такъ какъ они принесли съ собой записки, въ которыхъ просятъ никого не винить въ ихъ смерти. Но характерно то, что ими было принесено съ собой и чистое бѣлье. Они закусили, это было послѣднее свиданіе. Чистое бѣлье они надѣли, какъ русскій солдатъ это дѣлаетъ передъ сраженіемъ, чтобы явиться на судъ загробный въ чистой одеждѣ. Итакъ, они вѣрили, что послѣднее ихъ свиданіе не будетъ послѣднимъ, а отъ однихъ сытости и тепла, какими они могли пользоваться въ Москвѣ, они отказались. Вѣроятной причиной было то, что отецъ не соглашался на ихъ бракъ, а Крючковъ векорѣ долженъ былъ отбывать воинскую повинность. Страхъ передъ разлукою, любовь... Все равно, но это уже не грубый матеріализмъ.

Перейдемъ къ болѣе веселой картинѣ нравовъ. Купцы въ Уфѣ праздновали открытіе новыхъ торговыхъ каменныхъ «корпусовъ». По мѣрѣ

открытія въ корпусахъ торговли, кушцы другъ другу устраивали обѣды, а потомъ рѣшили, съ освященіемъ послѣдняго корпуса, «отобѣдать съ помпой». Тутъ и пьянство, и краснорѣчіе, и сближеніе съ нужнымъ человѣкомъ. Все шло хорошо и плавно лилась рѣчь головы. Но вотъ, когда уже наиболѣе солидные, какъ подобаеть всѣмъ благомыслящимъ россиянамъ, усѣлись за винтъ, въ компаніи, оставшейся за столомъ, поднялся еще одинъ ораторъ, который, по словамъ «Самарской Газеты», не былъ уже въ состояніи произнести ничего, кромѣ: «Милости гу-гу-дари!» На этомъ—говоритъ газета,—рѣчь оборвалась; ораторъ упалъ на столъ, раздался трескъ и звонъ; воинственные люди выскочили изъ сосѣдней комнаты и началась свалка. Оказалось, что когда ораторъ заговорилъ, то его соперникъ выдернулъ изъ подъ него стулъ... Тѣмъ не менѣе, свалка началась безъ разбора обстоятельствъ дѣла и едва удалось прекратить безпорядокъ». Отлично это развитіе драматическаго дѣйствія: ораторъ упалъ, выскочили воинственные люди и началась свалка безъ разбора обстоятельствъ дѣла... Но, пожалуй, еще лучше конецъ разсказа: «на утро участники торжества говорили—сколько денегъ стоили намъ обѣды, а удовольствія никакого». Положимъ, заплатитъ дорого и въ результатѣ получить затрепщину—какое ужъ тутъ удовольствіе. Но чего-же желали и чего могли ожидать тѣ господа, которыхъ культура уже дошла до плавныхъ заобѣденныхъ рѣчей, но которые еще не отвыкли драться? Они получили все то удовольствіе, какое они способны вмѣстить: ѣли, чрезмѣрно пили, играли въ винтъ, перетягивались на палкахъ, побили посуду, задали себѣ потасовку. Что-же имъ еще надо и чего имъ не доставало: музыки что-ли или философской бесѣды?

Въ Ялтѣ былъ нынче огромный наплывъ пріѣзжихъ, такъ что за комнату платили нѣсколько рублей въ сутки, а многіе совсѣмъ не находили помѣщенія и должны были уѣхать. На южномъ берегу Крыма, куда стекаются больные, существуютъ лишь нѣсколько пунктовъ, гдѣ они могутъ находить помѣщеніе, врачей и аптеку. Главные изъ нихъ—Ялта, Алупка, Симеиъ и Балаклава, которая, впрочемъ, уже не считается на южномъ берегу, такъ какъ лежитъ по сю сторону Байдарскихъ воротъ, откуда начинается признанное южное побережье. Это побережье—узкая полоса, состоящая изъ двухъ, трехъ низшихъ уступовъ близкихъ къ морю горъ. По немъ идетъ прекрасное шоссе, устроенное княземъ Воронцовымъ; оно вьется съ горы на гору, по самому краю возвышенности, постоянно угрожая паденіемъ въ бездну.

Въ немногихъ пунктахъ, приспособленныхъ для больныхъ, перебивали ихъ тысячи. Въ Ялтѣ сколько-нибудь «привѣтливое» помѣщеніе можно найти только въ двухъ лучшихъ гостиницахъ, особенно въ той, которая отдѣлена отъ пыльной улицы садомъ. Тамъ хорошо, но и въ обыкновенное время было очень дорого, а можно себѣ представить, какъ было теперь. Въ частныя же помѣщенія обращаться просто страшно, такъ какъ всѣ они пахнутъ іодоформомъ, то-есть свидѣтельствуютъ о недавней

кончинѣ квартирантовъ. Въ виду этихъ условій возникла мысль о проведеніи желѣзной дороги по самой нижней ступени побережья, вдоль воды. Какъ передаетъ «Южный Край», инженеромъ Баталинымъ представленъ въ административныя сферы проектъ соединенія Севастополя съ Ялтой желѣзной дорогою. Мысль этого предпріятія въ томъ, что «при устройствѣ желѣзной дороги съ частыми поѣздами, въ родѣ парового или электрическаго трамвая, явится возможность устроить массу остановочныхъ пунктовъ, а слѣдовательно, каждое южно-бережное имѣніе, каждая деревушка могутъ сдѣлаться удобными и сравнительно дешевыми дачными мѣстами, гдѣ каждый пріѣзжій въ состояніи будетъ, по своему вкусу и средствамъ, найти подходящее для себя помѣщеніе».

Это хорошая мысль, но только легко-ли ея осуществленіе? «Нѣкоторые — говорить «Южный Край» — указываютъ какъ на неудобство проектируемой дороги, на то, что подъ ея полотно придется отчуждать части садовъ, виноградниковъ и прелестныхъ парковъ; но это—ошибка, такъ какъ весь новый путь проектированъ по береговой полосѣ на высотѣ отъ 2 до 5 сажень надъ уровнемъ моря, при чемъ путь пролегаетъ выемками по откосамъ скалъ и крутымъ берегамъ или идетъ насыпями, съ подпорными стѣнками, по откосамъ или большимъ камнямъ, которыми усажены берегъ отъ Балаклавы до Ореанды, и которые, по поэтичному выраженію г. Баталина, сама природа вѣками подготовила какъ прочное основаніе насыпи желѣзнодорожнаго пути; такимъ образомъ, весь путь будетъ пролегать по землямъ совершенно неудобнымъ, лишеннымъ растительности и цѣны... На всемъ протяженіи не придется сносить ни одной постройки, срубить ни одного деревца». Вотъ, въ этомъ послѣднемъ я сомнѣваюсь, хотя вполне сочувствую распредѣленію большихъ по всему южному берегу Крыма, вмѣсто сосредоточенія ихъ въ четырехъ-пяти пунктахъ, насквозь проникнутыхъ заразою. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ скалистые отроги выходятъ къ самому морю, напримѣръ на востокъ отъ Сименса и въ Ай-Тодорѣ. Придется взрывать эти концы скалъ. А насыпи съ подпорными стѣнками не будутъ-ли размыты волненіемъ? Волненіе таково, что въ Ялтѣ, въ купальнѣ, иногда надо сильно держаться за лѣстницу и то волна бросаетъ на нее. Затѣмъ, низшая ступень берега въ разныхъ имѣніяхъ, напримѣръ въ Алушкѣ и Ливадіи, входитъ въ паркъ, засажена каштанами, кипарисами, дубами, магноліями, розовыми кустами. Итакъ, при проведеніи желѣзной дороги едва-ли возможно «не срубить ни одного деревца». Но если при всемъ томъ, проведеніе желѣзной дороги по самой «пляжѣ» возможно, то это будетъ дѣло полезное, хотя оно и подорветъ благосостояніе нынѣшнихъ санитарныхъ и эксплуататорскихъ пунктовъ крымскаго побережья.

Говоря о Крымѣ, не оставляю безъ вниманія свѣдѣній объ успѣхахъ русскаго винодѣлія, сообщенныхъ въ одномъ изъ декабрьскихъ нумеровъ «Новороссійскаго Телеграфа». Въ Крыму, двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1874 году, «выдѣлывалось» вина до 1 м. ведеръ, а въ прошломъ году

уже выдѣлано 1 м. 360 т. ведеръ. Еще гораздо большій уестьхъ винодѣлія замѣчается въ Бессарабин, гдѣ вмѣсто 3 м. ведеръ вина, выработанныхъ въ 1874 году, получилось теперь болѣе 11 милл. ведеръ. Бессарабскія вина, вслѣдствіе своей дешевизны, идутъ въ больномъ количествѣ во Францію, гдѣ обрабатываются въ разные сорта винъ французскихъ, которыя идутъ и въ Россію съ марками разныхъ grands vins. На Кавказѣ «выдѣлывается» вина 13½ милл. ведеръ, то есть болѣе чѣмъ въ Крыму и Бессарабин. взятыхъ вмѣстѣ. Въ общемъ итогѣ, т. е. присоединяя производство донской, астраханской и туркестанской областей, русское винодѣліе вырабатываетъ въ годъ до 27 милл. 300 т. ведеръ. Но почему не просто производить, а «вырабатываетъ?» Это наводитъ на мысль, что не только въ Москвѣ, но и на родинѣ винограда не онъ одинъ идетъ въ вино.

Останемся еще на минуту въ Крымѣ. Извѣстно, какъ тяжелы условія частнаго земледѣльческаго кредита. Въ сравненіи съ ними условія крестьянскаго банка представляются благодѣніемъ, а между тѣмъ оказывается, что въ губерніяхъ, гдѣ крестьяне, несмотря на бѣдность почвы, составили себѣ нѣкоторыя сбереженія, къ крестьянскому банку обращаются мало или вовсе не обращаются, предпочитая, при покупкѣ земли, помощь дорогого частнаго кредита. Такъ въ первые годы послѣ открытія отдѣленій крестьянскаго банка въ Вильнѣ и Ковнѣ, они дѣлали всего менѣе десятка операцій въ годъ. Теперь «Крымскій Вѣстникъ» сообщаетъ, что таврическое отдѣленіе крестьянскаго банка прекращаетъ свои операціи и закрывается. За все время существованія таврическаго отдѣленія банка были совершены при его помощи всего 3—4 сдѣлки, «но и тѣ оказались столь неудачными, что банкъ вынужденъ былъ пустить съ молотка купленную при его посредствѣ землю кліентовъ». Въ то же время «крестьяне самымъ широкимъ образомъ пользуются кредитомъ во всѣхъ его видахъ, стараются брать возможно максимальныя суммы—изъ частныхъ, акціонерныхъ земельныхъ банковъ». Какъ объяснить, что крестьяне предпочитаютъ дорогой акціонерный кредитъ—дешевому государственному? Вотъ объясненіе: «мы убѣдился — говоритъ «Крымскій Вѣстникъ»—что крестьяне избѣгаютъ его (крестьянскаго банка) помощи вполне осмысленно. По ихъ словамъ, крестьянскій банкъ пугаетъ ихъ массою совершенно излишнихъ формальностей, длинною процедурою и строго установленною нормою выдаваемыхъ ссудъ. Чтобы избѣгать всего этого, они предпочитаютъ имѣть дѣла съ акціонерными банками, которые, хотя и берутъ лишній процентъ, но зато упрощаютъ дѣла до послѣдней возможности». Прошлый періодъ создалъ крестьянскій банкъ, онъ же создалъ и значительное умноженіе чиновничества и усиленіе духа бюрократизма.

Въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ за послѣднее время говорилось о примиреніи съ поляками и поляковъ съ русскими. Понятно, что при этомъ всегда указывается на принятіе или на прекращеніе тѣхъ

или другихъ мѣръ. Слѣ, конечно, значать много, мѣшая сближенію двухъ народовъ. Такое сближеніе необходимо должно пойти за какимъ-либо облегченіемъ. Отмѣчу, что первымъ провозвѣстителемъ такого оборота явился талантливый композиторъ г. Балакиревъ. Онъ какъ-то особенно полюбилъ Шопена. Шопень, которому, вмѣстѣ съ Шуманомъ, Рубинштейнъ отводилъ первыя мѣста въ новѣйшемъ музыкальномъ творествѣ, былъ сынъ француза, гувернера въ домѣ графа Скарбка, и польки, родился въ Польгѣ, всегда считалъ себя полякомъ и свой извѣстный похоронный маршъ написалъ на событіе, закончившее польскую исторію. Маршъ этотъ написанъ на польскій текстъ.

Впрочемъ, вся музыка Шопена, по духу и даже оборотамъ, польская, а не французская. Особенно полюбивъ Шопена, нашъ маэстро Балакиревъ отыскалъ мѣсто его рожденія—Желизову Волю, возбудилъ вопросъ о постановкѣ тамъ памятника; мысль эта встрѣтила сочувствіе и памятникъ поставленъ. Недавно Балакиревъ былъ въ Варшавѣ и на концертѣ игралъ только Шопена. Я считалъ его только композиторомъ, не зная, что онъ блестящій исполнитель-піанистъ. Его художественная, нервная игра, одушевленная любовью къ передаваемому автору, какъ мнѣ передавали, вызвала восторгъ публики, наполнявшей залу въ концертѣ русскаго артиста, что тамъ, само по себѣ, явленіе совсѣмъ исключительное. Извѣстный артистъ московской оперы Корсовъ рассказывалъ мнѣ, что въ Варшавѣ онъ, концертируя съ Тамберликомъ, имѣлъ болѣе уснѣхъ, чѣмъ этотъ знаменитый пѣвецъ, потому только, что спѣлъ романсъ по-польски. Польское общество крайне впечатлительно.

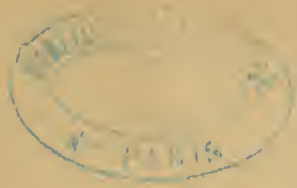
За какіе именно грѣхи насъ караетъ небо не рѣшусь отгадывать. Вижу только что «бичи» приходятъ на насъ въ болѣешемъ числѣ, чѣмъ нѣкогда на Египетъ. То саранча, то суслики, то муха какая-то особенная, то вѣтрянская чума, то холера, то просто «недородъ хлѣбовъ» безъ объясненія причинъ, то таможенная война съ Германіей, то внезапное распространеніе дифтерита, то массовая продажа имѣній банками, то наконецъ—мыши. Надъ Египтомъ во время оно разразились послѣдовательно семь язвъ. Надъ нами больше. И какое ихъ разнообразіе... Точно и на язвы есть мода.

Нынче моднымъ экономическимъ бѣдствомъ является неожиданное и едва-ли объяснимое размноженіе въ южныхъ губерніяхъ — мышей. *Nascitur ridiculus mus* въ огромномъ количествѣ. Не совсѣмъ *ridiculum* однако, что мыши поѣдаютъ все, даже упряжь,—даже людей. Отчего ихъ прежде не было въ такомъ числѣ и не слѣдуетъ-ли видѣть въ этомъ признакъ времени? Какъ изъ немалыхъ умственныхъ силъ столь многочисленнаго народа, при данныхъ условіяхъ, результатъ получается не особенно важный, такъ и «горы разрѣшаются — *parturiunt montes* — а родится «смѣшная мышь». «Крысы и мыши—читаю въ «Одесск. Листкѣ»—изрыли всѣ поля, какъ пишетъ священникъ села Затникова Подольской губерніи, сѣнокосы, изрѣзали въ мелкіе куски солому, подрыли столбы и

стѣны строеній и овладѣли всею движимостью хозяевъ; пшеница, рожь, кукуруза, обивка экипажей, мука, крупа, сыръ, масло, молоко въ кладовыхъ и погребахъ—все это дѣлается ихъ достояніемъ... Рассказываютъ сплошь и рядомъ, что стоги сѣна совершенно цѣлые снаружи оказывались до тла обѣдненными внутри... Неосторожно взобравшійся на такой стогъ проваливался внутрь его—въ настоящее царство крысъ и мышей». А вотъ примѣры. Рассказъ «Кіевлянина»: «нѣсколько времени тому назадъ исчезъ старикъ, крестьянинъ въ одномъ изъ селъ близъ Боярки; всѣ поиски его на первыхъ порахъ были безуспѣшны. Черезъ нѣсколько дней послѣ исчезновенія старика, одинъ крестьянскій мальчикъ влѣзъ на скирду хлѣба и неосторожно провалился внутрь ея; мальчикъ сталъ неистово кричать и былъ извлеченъ изъ скирды крестьянами. Мальчикъ оказался облѣпленнымъ мышами и все тѣло его было въ ранахъ отъ укусовъ мышей. Внутри скирда оказалась вся пустой, выѣденной мышами, а на днѣ—обглоданный скелетъ. Оказалось, что найденныя кости принадлежали исчезнувшему старику, который былъ заживо съѣденъ мышами».

Есть нѣмецкая легенда о томъ, что мыши съѣли епископа, польская легенда, что мыши съѣли короля, Полея. Эти легенды повѣствуютъ о случаяхъ бывшихъ раньше X столѣтія. Если у насъ нынѣ случается то же самое, то есть, что мыши съѣдаютъ людей, то нѣтъ-ли въ этомъ указанія, что намъ еще не къ лицу* говорить о fin de siècle, разумѣя XIX столѣтіе, а слѣдуетъ относить себя немножко подальше въ прошедшее. Шутки въ сторону, но все-таки курьезно, что въ результатѣ столь восхваляемыхъ «Московскими Вѣдомостями» и г. Суворинымъ нашихъ успѣховъ явилось невиданное еще никогда размноженіе и могущество мышей. *Nascitur ridiculus mus.*

Л. Прозоровъ.

НѢТЬ БѢДНОСТИ ВЪ РОССІИ!

На западѣ Европы за все берутся неумѣло. Тамъ уже давно борются съ бѣдностью и, конечно, безъ всякаго успѣха. А почему? А потому, что ведутъ борьбу неумѣло, не по-русски. Русскій человѣкъ всегда понималъ борьбу въ смыслѣ рукопашной. Памятуя, что наши предки въ рукопашную одолѣвали всякаго врага, мы и на бѣдность должны идти въ рукопашную. Но такъ какъ бѣдность кулаковъ не имѣетъ, то для примѣненія рукопашной въ данномъ случаѣ необходимо передѣлать борьбу противъ бѣдности въ борьбу противъ бѣдныхъ. Для вящей остротки нужно сначала у бѣдныхъ потребовать, чтобы они не смѣли быть бѣдными, а становились богатыми.

Наша печать, по наивности или по другимъ причинамъ, стала рѣшительнымъ образомъ поддерживать такой походъ на бѣдныхъ. Въ концѣ прошлаго года она захлебывалась отъ восторга въ ожиданіи того денежнаго дождя, который долженъ былъ оросить русскую землю въ формѣ всякихъ кредитовъ изъ преобразуемаго государственнаго банка. Въ ожиданіи этого дождя, мы писали, что скоро «будутъ дни и веѣмъ будутъ рубли, а значитъ — будетъ и счастье, довольство и миръ на Руси. Все это, говорятъ, случится очень скоро и произойдетъ очень просто, т. е. *въ кредитъ*. Вся страна вплоть до самой глухой деревни будетъ покрыта густой сѣтью разныхъ кредитныхъ учрежденій, распространяющихъ кредиты разныхъ видовъ и формъ. Кредитъ будетъ открытъ для всѣхъ имущихъ и неимущихъ. Въ этомъ вся суть долга. До сихъ поръ, мы, не замѣчая своихъ національныхъ особенностей, признавали закономъ для всѣхъ среднихъ народовъ, что будто бы кредитъ можетъ помогать только кредитоспособнымъ, т. е. имущимъ людямъ, а для неимущихъ остается только благотворительность. Но, вѣдь, при постоянныхъ толкахъ объ оскудѣніи, проскользнувшихъ до официальнаго признанія, пожалуй, всю страну пришлось-бы подвергнуть режиму благоотво-

рительности. Этотъ то выводъ и указываетъ на тѣсныя границы понятія о кредитоспособности, которыя нужно расширить признаніемъ доступности кредита и для всѣхъ немущихъ. Въ такомъ случаѣ мужикъ долженъ прекратить свои жалобы на гнетъ нищеты и толки объ оскудѣніи должны смолкнуть. Нужно мужику земли, пусть онъ беретъ ее въ кредитъ, нужно ему построить избу, пусть онъ строитъ ее въ кредитъ, нужна лошадь, пусть онъ купитъ ее въ кредитъ и т. д. вплоть до хлѣба на пропитаніе и обѣщаніе полей» *).

Къ сожалѣнію, всѣ эти предсказанія теперь оправдались. Государственный банкъ уже преобразованъ и теперь начался кредитный походъ на бѣдныхъ. Открыты кредиты всѣхъ видовъ и формъ. По деревнямъ разъѣзжаютъ мѣстные агенты банка и призываютъ испробовать счастья въ кредитъ. Но самымъ характернымъ въ этомъ отношеніи комментариемъ является объявленіе калужскаго отдѣленія государственнаго банка. Какъ сообщаютъ въ «Руск. Жизнь», «въ Калугѣ разосланы по домамъ и вывѣшены на видныхъ мѣстахъ большіе листы бумаги, на которыхъ напечатано «извѣщеніе» мѣстнаго отдѣленія государственнаго банка. Въ этомъ историческомъ извѣщеніи сказано, что «новый уставъ государственнаго банка открываетъ самую широкую помощь всѣмъ русскимъ людямъ, которые честно и трудолюбиво занимаются какимъ-либо дѣломъ: земледѣльчествомъ ли, торговлей ли или какимъ либо промысломъ и ремесломъ. Теперь никто изъ нихъ не можетъ пожаловаться, что «нѣтъ денегъ» на какой-нибудь хозяйственный оборотъ, потому что всякій, самый бѣдный, но добросовѣстный труженикъ можетъ за самый небольшой процентъ легко получить деньги изъ госуд. банка на самыхъ легкихъ условіяхъ. Ссуды выдаются и на веденіе хозяйства подъ залогъ земли, и на покупку сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, и на развитіе овцеводства, хмѣлеводства, и на всякія иныя, хотя бы самыя маленькія, но вѣрныя предпріятія. Словомъ, всякій сельскій хозяинъ, всякій ремесленникъ, всякій торговецъ при нуждѣ въ средствахъ на какой-либо полезный оборотъ можетъ смѣло идти въ мѣстное отдѣленіе госуд. банка, объяснить, въ чемъ его нужда, и просить его денежной помощи, не стѣсняясь, что ему нужна самая небольшая, хотя бы въ десяткахъ рублей, сумма».

Калужское отдѣленіе государственнаго банка ясно понимаетъ смыслъ всей кредитной политики и прямо заявляетъ, что теперь никто не можетъ жаловаться на то, что нѣтъ денегъ. Толки объ оскудѣніи и нищетѣ должны смолкнуть. Въ Россіи теперь не можетъ быть бѣдности: не лѣнись, иди въ банкъ, бери деньги и богатѣй въ кредитъ. За лѣность всякій понесетъ должную кару. Настанетъ время уплаты всякихъ сборовъ и недоимокъ и тогда скажется лѣность. Ссылаться на отсутствіе

*) См. «Сѣверн. Вѣстн. 1894 г., № 1.

денегъ нельзя: теперь никто не можетъ сказать, что нѣтъ денегъ; деньги даются всѣмъ, на все и подъ все. Можно было заложить хлѣбъ и получить ссуду для уплаты сборовъ и недонмокъ. На недостатокъ хлѣба тоже ссылаться нельзя въ обычные годы. Не было сѣмянъ для посѣва, можно было получить ссуду на покупку сѣмянъ; не было лошади для работы на нивахъ, можно было получить ссуду на покупку лошади, не хватило земли для посѣва, ссуда выдается и на покупку земли. Словомъ, никто на бѣдность ссылаться не можетъ, ибо и самой бѣдности въ Россіи впродъ быть не должно.

Однако, представимъ себѣ, что и на самомъ дѣлѣ всѣ рискнули бы попытать счастья въ кредитъ и бросились въ банкъ брать ссуды подъ все и на все. Это было-бы небывалое зрѣлище всеобщаго ажіотажа и всеобщей спекуляціи. Разразился-бы такой крахъ, предъ которымъ поблѣднѣла-бы вся исторія съ операціями Джонъ-Ло. Къ счастью, разные классы населенія уже успѣли испытать въ достаточной мѣрѣ благія послѣдствія разныхъ ссудъ. Настала, было, даже явная реакція. Увлеченіе ссудами и влеченіе къ кредиту уступили мѣсто желанію освободиться отъ долговъ. Новые правила и объявленія о разныхъ новыхъ ссудахъ подъ все и на все изданы въ моментъ этой реакціи. Сдержанность населенія по отношенію къ зазывающимъ объявленіямъ и правиламъ становится вполне понятной. Также понятно, что она въ извѣстныхъ сферахъ вызываетъ недовольство обывателей. По обыватель навѣрное сдастся и уступить.

Не многіе рискнуть быть обвиненными въ лѣности. Сдержанность можетъ уступить мѣсто вполне понятной слабости попытать и поиграть въ счастье. Эта слабость, при данныхъ условіяхъ, является трудно преодолимой и вполне извинительной. Большинство землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ основательно поддаются такому соображенію, что, моль, хуже не будетъ. Колоссальная задолженность, безъ всякой надежды на улучшеніе положенія, оставляетъ мѣсто только одному «авось». Зазывающія объявленія сдѣлаютъ свое дѣло и населеніе попытается выпутаться изъ сѣтей колоссальной задолженности при помощи новыхъ долговъ. Вся политика возрожденія Россіи пойдетъ по правилу: клинъ клиномъ вышибай. Положимъ, что это будетъ даже національно. Замоскворѣцкіе купцы, обычай предковъ сохраняя, всегда такъ выгоняютъ хмѣль. Но въ дѣлахъ они держались иной политики. Теперь и они соблазняются. Вѣдь сама казна говоритъ: бери деньги и попытай счастья въ долгъ и ради долговъ.

Событія пойдутъ медленно, но приведутъ къ тѣмъ-же результатамъ, какъ если бы и всѣ сразу рѣшили сбросить иго бѣдности въ долгъ и бросились въ банкъ. Симптомы уже имѣются въ наличности. Есть одинъ родъ ссудъ, по отношенію къ которому сдержанность населенія должна была скорѣе всего уступить страху быть уличеннымъ въ лѣности. Мы имѣемъ въ виду ссуды подъ хлѣбъ.

Ссуды подь хлѣбъ должны были задержать паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и въ то-же самое время дать возможность населенію уплатить разные сборы и недоимки. Говоря другими словами, ссуды подь хлѣбъ должны были отнять поводъ къ жалобамъ на безвыходное положеніе, извиняющее неисправное отбываніе повинностей и податей. Вѣдь если за хлѣбъ предлагаютъ дешевую цѣну, то никто не принуждаетъ его продавать. Иди, бери ссуду подь хлѣбъ и уплачивай подати и сборы. Но, само собою понятно, что ссуды подь хлѣбъ могли выдаваться только по соображенію съ существующими хлѣбными цѣнами, при необходимомъ ихъ уменьшеніи для залога, т. е. въ размѣрѣ 75, 80 проц. рыночной стоимости хлѣба. Но представимъ себѣ, что ссуды подь хлѣбъ выдавались-бы полностью въ размѣрѣ рыночной его цѣны. Отъ этого суть дѣла нисколько не измѣнились-бы. Доходность земли сильно отстала отъ суммы тѣхъ платежей, которые приходится покрывать доходами отъ земледѣлія. Хлѣбъ, заложенный или проданный даже по средней рыночной цѣнѣ, не далъ-бы сумму, достаточную для покрытія всѣхъ слѣдующихъ платежей и сборовъ. Однако, есть крупная разнища между продажей и залогомъ хлѣба. При залогѣ приходится платить проценты и погашеніе, для уплаты которыхъ деньги добываются у разныхъ благодѣтелей. Въ результатѣ, всякій взявшій ссуду оказывается въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ тотъ, кто продалъ хлѣбъ и къ ссудѣ не прибѣгалъ. Получившій ссуду, при помощи этой ссуды, не можетъ покрыть всѣ слѣдующее платежи, какъ и прямо продавшій хлѣбъ. За тѣмъ и другимъ остается недоимка, но получившій ссуду, кромѣ этого долга, т. е. недоимки, будетъ имѣть и новый долгъ по ссудѣ. Онъ обязанъ, кромѣ недоимки, уплачивать проценты и погашеніе по полученной ссудѣ. Даже въ хорошія времена трудно признать такое положеніе особенно легкимъ, а при данныхъ условіяхъ—это прямая дорога къ безповоротной несостоятельности.

Въ такомъ положеніи уже оказалась та часть населенія самарской губерніи, которая воспользовалась ссудами подь хлѣбъ. Мѣстные земства ходатайствовали предъ правительствомъ о выдачѣ новой ссуды для спасенія отъ ссудъ, полученныхъ подь хлѣбъ въ прошломъ году. Ходатайство было отклонено. Навѣрно, въ скоромъ времени и въ другихъ мѣстностяхъ обнаружатся тѣ-же благія послѣдствія выдачи ссудъ подь хлѣбъ.

Для выдачи ссудъ подь хлѣбъ въ качествѣ посредниковъ были приглашены земство и частные банки. Большинство земствъ, къ счастью, отклонило это предложеніе, и послѣ зрѣлаго обсужденія пришло къ тому заключенію, что ссуды подь хлѣбъ дѣлу не помогутъ, а вызовутъ не мало хлопотъ, которыя, въ свою очередь, и расходовъ вызовутъ не мало. Тѣ-же немногія земства, которыя согласились вести операціи по выдачѣ ссудъ подь хлѣбъ, неизбѣжно окажутся въ критическомъ положеніи. Они должны принять на себя отвѣтственность за цѣльность и сохранность за-

ложенаго хлѣба или за исправную уплату ссуды съ процентами. Въ томъ и другомъ случаѣ, всѣ земскіе плательщики могутъ быть обременены неоплатными долгами предъ казною по ссудамъ, полученнымъ нѣкоторыми изъ нихъ подъ залогъ хлѣба. Рискъ и прямое нарушеніе интересовъ всѣхъ земскихъ плательщиковъ въ пользу скромнаго меньшинства явно противорѣчатъ основнымъ началамъ земскаго положенія. Къ сожалѣнію, предложеніе земствамъ принять на себя посредничество по выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ являлось весьма авторитетнымъ вызовомъ къ такому нарушенію основныхъ началъ земскаго самоуправленія и основныхъ статей Полож. о земск. учрежденіяхъ.

Этотъ вызовъ, однако, явился болѣе стѣснительнымъ для частныхъ банковъ, въ виду ихъ постоянныхъ сношеній съ государственнымъ банкомъ. Въ то-же самое время банки могли оказаться, пожалуй даже еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ земство. Однако, они во-время поняли опасность. «Бирж. Вѣд.» на-дняхъ утверждали, что попытка къ выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ при посредствѣ частныхъ банковъ потерѣла «грандіозное фіаско». Къ счастью, грандіозное фіаско выразилось пока только въ томъ, что банки вемотрѣлись въ дѣло и неохотно ведутъ эти посредническія операціи или явно отъ нихъ уклоняются. Замѣтите, что такое уклоненіе отъ операціи, предложенной и пропагандируемой государственнымъ банкомъ, въ свою очередь, является крупнымъ рискомъ. Государственный банкъ можетъ чувствительно выразить свое недовольство всякому ослушнику изъ частныхъ банковъ, обрѣзавъ его кредитъ и т. п. Итакъ, операція по выдачѣ ссудъ является дѣломъ до крайности рискованнымъ. И если бы частные банки постарались быть на высотѣ того довѣрія, которое имъ было оказано государственнымъ банкомъ, и изъ всѣхъ силъ принялись-бы за развитіе покровительствуемой операціи, то банковскій кризисъ оказался-бы неизбежнымъ. Дѣло кременчугскаго банка еще не выяснено. Быть можетъ и оправдаются газетныя сообщенія о томъ, что лопнувшій банкъ въ конецъ разстроилъ свои дѣла, благодаря операціямъ по выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ. Въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго, хотя-бы кременчугскій банкъ вообще принадлежалъ къ числу благоустроенныхъ кредитныхъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что операція по выдачѣ ссудъ подъ хлѣбъ почти всецѣло опредѣляется характеромъ хлѣбной торговли. Наша-же хлѣбная торговля въ общемъ является азартной, спекулятивной игрой. Любому банку связаться съ такой отраслью отечественной торговли.—значить и самому вступить въ спекулятивную азартную игру. И тутъ рѣчь идетъ не объ однихъ хлѣботорговцахъ. Что касается самихъ сельскихъ хозяевъ (земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ), то банки, конечно, знаютъ, что ихъ платежная способность по старымъ долгамъ не внушаетъ никакого довѣрія и что, порываясь къ ссудамъ подъ хлѣбъ, они затягиваютъ петлю задол-

женности. Такіе играющіе въ счастье кредиторы—весьма опасные кліенты для всякаго банка: тысячи такихъ кліентовъ-игроковъ могутъ и банкъ увлечь по той-же дорогѣ. И еще неизвѣстно, чѣмъ кончатся операціи по выдачѣ ссудъ подѣ хлѣбъ для самого государственнаго банка. Уже въ газетахъ попадались извѣстія о томъ, что залоги кое-гдѣ оказались неисправными и кое-гдѣ назначены къ продажѣ. Это только начало того оставленія залоговъ (хлѣба) за государствомъ, которое имѣло мѣсто по отношенію къ землямъ, заложеннымъ въ крестьянскомъ банкѣ.

Такая судьба ждетъ и тѣ громадныя кредиты, которые могутъ быть разобраны на покунку живого и мертваго инвентаря. Нѣтъ спора, живой и мертвый инвентарь сильно уменьшился въ количественномъ и качественномъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ уменьшились и средства для обработки земли. Причины, въ силу которыхъ инвентарь исчезалъ и исчезаетъ, — всѣмъ извѣстны. Раньше и скота, и лошадей, и орудій во дворахъ было больше, при полнѣйшемъ отсутствіи ссудъ на приобрѣтеніе живого и мертваго инвентаря. Все это стало уходить со двора...—никакъ не потому, что своевременно не были открыты кредиты на приобрѣтеніе живого и мертваго инвентаря. Конечно, нужно было бы своевременно открыть кредитъ для удержанія во дворахъ скота и орудій, но, увы, такіе кредиты не могли быть изобрѣтены. Спрашивается, почему-же по той же торной дорогѣ не уйдетъ со двора и тотъ живой и мертвый инвентарь, который теперь будетъ приобрѣтенъ на банковскія ссуды? Въдѣ эти ссуды не являются специальнымъ противоядіемъ противъ тѣхъ причинъ, которыя эманципируютъ мужика отъ скота и орудій. Пока эти послѣднія причины будутъ дѣйствовать, до тѣхъ поръ и скотъ, и орудія будутъ убывать въ той-же самой громадной прогрессіи. Разница будетъ состоять только въ томъ, что теперь скотъ и орудія пока продаются для недоимокъ, а потомъ они будутъ продаваться и для недоимокъ, и для уплаты погашенія и процентовъ по полученнымъ ссудамъ. Событія пойдутъ болѣе быстрымъ темпомъ. Населеніе, помимо задолженности по казеннымъ сборамъ, окажется задолженнымъ и по ссудамъ на приобрѣтеніе инвентаря. Въ то-же самое время государство окажетъ большую услугу для централизаціи имущества въ рукахъ деревенской аристократіи.

Всякому извѣстно, что кредитное награжденіе землею, при помощи ссудъ отъ крестьянскаго банка, оказалось далеко не безвыгоднымъ для скупщиковъ земли. Банкъ сыгралъ видную роль въ дѣлѣ распродажи этимъ скупщикамъ тѣхъ земель, которыя были приобрѣтены на банковскія ссуды. Для большей ясности приведу еще одинъ примѣръ. Теперь, какъ извѣстно, вслѣдъ за чинами полиціи, ѣдущими на взысканіе сборовъ и недоимокъ, шествуютъ мѣстные скупщики. Крестьянское имущество продается за недоимки съ публичныхъ торговъ. За отсутствіемъ на этихъ торгахъ конкурентовъ, скупщики играютъ далеко не безвыгод-

вую для нихъ роль вѣчныхъ статистовъ. Не явились они,—торги несо-
стоялись-бы за отсутствіемъ покупателей. Теперь имъ предстоятъ новыя
обильныя жатвы при распродажѣ живого и мертвaго инвентаря, пріобрѣ-
теннаго на банковскія ссуды. Это будетъ замѣчательная поддержка для
нашего деревенскаго кулацкаго капитализма и его кабалныхъ тенденцій.
Какъ при теперешней распродажѣ крестьянскаго имущества за одніи не-
доимки, такъ и при предстоящей распродажѣ того-же имущества за не-
доимки и долги по ссудамъ, кулаки послѣ торговъ будутъ снисходить къ
просьбамъ мужика и перѣдко будутъ возвращать ему въ пользованіе
купленное имущество на условіяхъ поливійнаго закабаленія. Мужикѣ дѣ-
латься некуда, онъ бралъ и будетъ брать назадъ свое имущество изъ
рукъ кулака и закабаленіе народа будетъ идти быстрыми шагами впередъ

Кулакъ только благодаря этому закабаленію и можетъ вести свои
кредитныя операціи среди обнищавшаго и не кредитоспособнаго насе-
ленія. Ни процентъ, ни возвратъ ссуды его не интересуютъ, а ему нужно
именно закабаленіе населенія, какъ самая вѣрная статья постоянныхъ
и громаднхъ доходовъ на почвѣ чисто крѣпостныхъ отношеній. Воз-
становленіе крѣпостнаго права на оригинальныхъ началахъ кулацкаго
капитализма пойдетъ быстрыми шагами впередъ, а рядомъ съ этимъ въ
области промышленнаго капитализма можетъ установиться такая вакха-
налія, предъ которой поблѣднѣютъ времена желѣзнодорожной горячки.

Во время этой горячки дороги являлись предлогомъ и всѣ хва-
тались за концессіи. Такъ и теперь всѣ погонятся за ссудами, а
фабрики и заводы попрежнему будутъ оставаться только предлогомъ.
Мы говоримъ: «попрежнему» въ виду того, что у насъ нѣтъ настоящей
промышленности, а имѣется только эксплуатація благъ таможеннаго та-
рифа. Фабрики и заводы строятся, капиталы затрачиваются на разныя
quasi-предпріятія не для переработки продуктовъ, не для эксплуатаціи
благъ природы, а для эксплуатаціи благъ таможеннаго тарифа. Если те-
перь будетъ добавлена эксплуатація ссудъ на постройку фабрикъ и за-
водовъ, на покупку машинъ и орудій, то и отъ нея не откажутся.

Не касаясь вполне яснаго вопроса о насажденіи капитализма за счетъ
и на средства государства, не мѣшаетъ остановиться на самомъ планѣ
насажденія фабрикъ и заводовъ въ кредитъ. Если существующіе фабрики
и заводы получаютъ громадныя барыши на эксплуатаціи благъ, доста-
вляемыхъ таможенными ставками, то по этимъ барышамъ нельзя судить
о томъ, какое количество фабрикъ могло-бы съ успѣхомъ работать въ
Россіи. Въ Россіи потребление продуктовъ фабрично-заводской промыш-
ленности сокращается не только вслѣдствіе ихъ дороговизны, но и
вслѣдствіе постоянного и быстрого пониженія покупательскихъ силъ какъ
у массы деревенскаго населенія, такъ и у среднихъ классовъ городского
населенія. Фабрики и заводы могутъ нормально развиваться только при

такомъ-же болѣе или менѣе нормальномъ развитіи покупательныхъ силъ у населенія. Въ кредитъ можно покрыть фабрикамп и Дагомею, и Китай, и Россію съ однимъ и тѣмъ-же успѣхомъ. Фабрики и заводы подвляніемъ кредитнаго дождя могутъ расти, какъ грибы и крахъ разразится всюду съ неменьшей быстротой. Мыльные пузыри будутъ вездѣ лопаться съ однимъ и тѣмъ-же трескомъ. Есть крупное различіе между спросомъ на кредитъ и нуждой въ немъ для нормально-развивающейся промышленности и торговли и стремленіемъ путемъ кредита покрыть страну фабриками и заводами. Строить фабрики и заводы потому, что для ихъ постройки выдаются дешевыя ссуды,—весьма легко. Но кто въ концѣ концовъ расплатится за все это кредитное насажденіе промышленности и торговли? Конечно не тѣ, кто строитъ въ кредитъ фабрики и заводы. Для этой цѣли имѣются опредѣленные классы населенія, именуемые и до сихъ поръ податными. Они много вынесли и выносятъ золотой дождь желѣзнодорожной горячки. Но всему существуетъ предѣлъ. Изъ предшествующаго ясно, чѣмъ закончится новая кредитная горячка. Но нужно замѣтить, что народъ еще до сихъ поръ не отдышался отъ прежней политики желѣзнодорожнаго культивированія страны, какъ уже наступаетъ новый приступъ желѣзнодорожной горячки.

Желѣзныя дороги занимаютъ свое опредѣленное мѣсто въ насажденіи богатства и культуры. Всякая богатая и культурная страна, несомнѣнно, должна быть изрѣзана желѣзнодорожными линиями. Мы рѣшили поступить просто и безъ затѣй покрыли страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ; значить, и мы культурны и богаты. Желѣзнодорожные статистики, измѣряющіе степень умственного и матеріальнаго прогресса страны протяженіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, несомнѣнно и насъ запишутъ на подобающее мѣсто. Дорого обошлось намъ это мѣсто. Милліарды ушли на такое легкое полученіе опредѣленнаго мѣста въ ряду культурныхъ странъ, а народъ по прежнему продолжаетъ возить свои какіе ни на есть продукты, не прибѣгая къ услугамъ желѣзныхъ дорогъ, и самъ передвигается по пѣшему хожденію. Былъ этотъ народъ безъ школъ, безъ школъ остается и теперь. Думаютъ, что мужика можно загнать въ вагонъ при помощи удешевленныхъ тарифовъ. Но теперь уже поздно: въ какой-бы тамъ пропорціи ни понижали желѣзнодорожные тарифы, все-таки никогда не удастся имъ догнать пониженіе у мужика средствъ на передвиженіе. Прошлый годъ «Вѣстн. Фин.» въ обзорѣ цѣнъ на рабочія руки прямо заявилъ, что изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ черниговской губерніи рабочіе не могли двинуться съ мѣста даже по пѣшему хожденію, такъ какъ не съ чѣмъ было двинуться въ путь. Всякому знающему деревню извѣстно, что въ такомъ положеніи находятся не одни уѣзды одной губерніи. Но, конечно, мужикъ заплатитъ недоборы желѣзныхъ дорогъ, если они окажутся особенно чувствительными послѣ пониженія пассажирскаго тарифа.

Правда, для мужика готовится новый соблазнъ. Теперь, говорятъ, онъ не пользуется услугами желѣзныхъ дорогъ потому, что станціи рѣдки. Ему нужно, положимъ, проѣхать 100 верстъ, но до станціи желѣзной дороги онъ долженъ пройти 60—70 верстъ пѣшкомъ, а остальное можетъ проѣхать и по желѣзной дорогѣ. Конечно, мужикъ предпочитаетъ самъ пройти и провезти что нужно и на протяженіи остающихся 30—40 верстъ. Теперь ему настраивать подъѣздныхъ путей. Выйдетъ онъ за деревню, а тутъ и станція. Просто неловко идти пѣшкомъ. Положимъ, на дняхъ сообщалось въ газетахъ о томъ, что товары изъ Москвы въ Калугу и обратно перевозятся гужомъ. Значитъ, и до сихъ поръ гужевая доставка грузовъ такъ дешева, что смѣло можетъ конкурировать съ желѣзными дорогами. «Новое Время» проговорилось, что суть дѣла и состоитъ именно въ этомъ звѣрскомъ обычаѣ: есть желѣзная дорога, а грузы везутъ на лошадихъ рядомъ съ рельсами.

Газета сообщила, что на устройство подъѣздныхъ путей рѣшено затратить 450 м. рублей, при чемъ въ слѣдующемъ 1895 г. будетъ израсходовано изъ этой суммы 10 м. рублей. «Новое Время» категорически заявило, что ему извѣстно изъ официальныхъ источниковъ, какими ближайшими соображеніями вызвано ассигнованіе 450 м. рублей на подъѣздные пути. Все эти ближайшія соображенія, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ они изложены въ «Нов. Врем.», сводятся къ тому, что теперь ежегодно расходуется отправителями хлѣба на гужевую доставку его къ желѣзнодорожнымъ станціямъ около 50 милліоновъ рублей въ годъ. Спрашивается, кто эти гг. отправители хлѣба? Конечно, не крестьяне, а скучники хлѣба по деревнямъ и землевладѣльцы. Крестьянамъ гужемъ или на подъѣздныхъ путяхъ нечего подвозить къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Теперь эти крестьяне потеряютъ тѣ 50 м. р., которые они зарабатывали на гужевой доставкѣ хлѣба и другихъ продуктовъ къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Подъѣздные пути, при существующей системѣ вагеновъ, въ концѣ концовъ могутъ быть построены только на средства главной массы плательщиковъ. Такимъ образомъ, крестьяне внесутъ почти все 450 м. руб. для того, чтобы землевладѣльцы и хлѣботорговцы перестали имъ платить за извозъ 50 м. р. въ годъ. Это, по мнѣнію «Нов. Врем.» значитъ бороться съ бѣдностью и служить равномѣрно трудамъ всехъ классовъ населенія.. Газета при этомъ даже не вспомнила, что въ Россіи нѣтъ школы, а 450 м. р. ассигнуется на подъѣздные пути. Итакъ, мы попрежнему будемъ насаждать культуру и богатство путемъ желѣзныхъ дорогъ, а не путемъ борьбы съ невежествомъ, приковавшимъ народъ къ нищетѣ. У насъ будетъ сеть подъѣздныхъ путей стоимостью въ 450 м. руб. и попрежнему не будетъ школы?..

И. Кузнецовъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

Школьная борьба въ Лондонѣ.

I.

Выборы въ училищный совѣтъ... Не правда-ли, какая скучная и по-жалуй мелкая тема? Что такое училищный совѣтъ, хотя-бы и Лондона въ сравненіи съ парламентомъ? То-ли дѣло выборы въ парламентъ съ ихъ «имперскими» интересами, съ ихъ общегосударственными вопросами и сложными задачами! Однако, только-что закончившіеся выборы въ это учрежденіе въ Лондонѣ представляютъ въ высшей степени интересное явленіе въ англійской жизни; вызванная ими борьба широко охватила всѣ общественные слои, а результаты ихъ полны гораздо болѣе глубокаго значенія, чѣмъ иные парламентскіе выборы. Но раньше чѣмъ говорить о нихъ, скажу нѣсколько словъ о лондонскомъ училищномъ совѣтѣ вообще.

Онъ существуетъ съ 1870 г. и состоитъ изъ 55 членовъ, избираемыхъ каждое трехлѣтіе. Избирательное право принадлежитъ каждому плательщику школьнаго налога. Для избранія своего школьнаго совѣта Лондонъ раздѣляется на одиннадцать участковъ, каждый изъ которыхъ избираетъ извѣстное число членовъ. Преподаваніе въ училищахъ, подвѣдомственныхъ совѣту, бесплатное. Училища содержатся, отчасти, на счетъ спеціального городскаго налога и, отчасти, на счетъ суммъ, выдаваемыхъ правительствомъ, которое имѣетъ, поэтому, право контроля надъ училищами, и если какое-либо изъ нихъ не отвѣчаетъ требованіямъ гигиены или министерской программѣ преподаванія, то лишается субсидіи. Наоборотъ, успѣшное обученіе и *расширеніе* программы влекутъ за собою повышеніе размѣровъ правительственной субсидіи. Программа преподаванія въ школахъ, за исключеніемъ двухъ—трехъ обязательныхъ предметовъ, зависитъ всецѣло отъ самаго училищнаго совѣта, который все

больше и больше старается придать ей практической характеръ. И поэтому рядомъ съ элементарно-научными предметами идетъ и преподаваніе кухоннаго искусства, стирки бѣлья, шитья, кройки и другихъ домо-водственныхъ знаній, полезныхъ для дѣвочекъ, и, съ другой стороны, рисованія, лѣйки, производства разныхъ издѣлій изъ дерева, глины, бумаги, картона и др., а также другихъ предметовъ, полезныхъ въ практической жизни для мальчиковъ. Большое мѣсто отводится хорошему пѣнію, а въ нѣкоторыхъ школахъ и инструментальной музыкѣ, — физическимъ упражненіямъ и естественноисторическимъ прогулкамъ. Въ послѣдніе годы обращено особое вниманіе на устройство вечернихъ классовъ и на расширеніе круга преподаванія для тѣхъ изъ учениковъ, которые выказываютъ склонность къ дальнѣйшему образованію, такъ чтобы ученику элементарной школы представлялось возможнымъ добраться до университета. Развитіе-же техническаго, профессиональнаго образованія входитъ въ кругъ заботъ лондонской городской думы и другихъ учрежденій, какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ. Всѣ тѣ школы, которыя вѣдаетъ училищный совѣтъ, называются board-schools, въ отличіе отъ voluntary schools, частныхъ школъ, принадлежащихъ разнымъ религіознымъ обществамъ или состоящихъ въ вѣдѣніи особенныхъ попечителей, назначаемыхъ согласно завѣщаніямъ основателей школъ или на основаніи другихъ какихъ-либо порядковъ. До 1870 года, т. е. до принятія парламентомъ билля о содержаніи школъ государствомъ, эти voluntary schools, или лучше—церковныя школы, были единственными разсадниками элементарнаго образованія въ Англии. Съ перваго-же года своего появленія общественныя школы начинаютъ энергично вытѣснять церковныя и частныя. Въ настоящее время, напр., въ Лондонѣ изъ 800,000 школьныхъ дѣтей больше двухъ третей посѣщаютъ первыя, и лишь около 250,000 учатся въ церковныхъ школахъ. Элементарныя-же учебныя заведенія, содержимыя частными лицами, почти совершенно исчезли. И эта замѣна церковныхъ школъ общественными все больше увеличивается, несмотря на то, что билль 1870 года проектировалъ послѣднія лишь какъ дополненіе къ первымъ.

Прогрессъ школьнаго дѣла въ Лондонѣ, начиная съ 1870 г. безостановочно росъ въ ширь и въ глубь. Преподаваніе постепенно улучшалось и число училищъ росло съ ростомъ населенія. Годъ изъ года возводятся новыя и новыя школьныя зданія, громадныя, свѣтлыя и просторныя; все больше и больше открываются при нихъ школы плаванія, гимнастическія залы и рекреаціонные дворы; стѣны въ классахъ все богаче и богаче украшаются художественными картинами, географическими картами, діаграммами и рисунками. Кабинеты переполняются коллекціями и разными учебными пособіями; назначаются награды за прилежное ученіе, за аккуратное посѣщеніе классовъ, за поведеніе. Разныя общества, осно-

ванныя съ цѣлью развлеченія бѣдныхъ дѣтей, вносятъ веселье и свѣтъ въ самыя угрюмыя, мрачныя и приниженыя дѣтскіе мірки, устраивая свои такъ называемыя «счастливыя вечера». Сотни и тысячи дѣтей изъ самыхъ бѣдныхъ семей посѣщаютъ эти вечера, происходящіе разъ или два въ недѣлю въ стѣнахъ каждой школы, слушаютъ на нихъ музыку, сказки и разказы, лакомятся разными сластями и занимаются играми подъ руководствомъ людей, посвящающихъ свой досугъ и деньги на развлеченіе дѣтей. Лѣтомъ дѣлаются усилія перенести хоть на одинъ день каждаго школьника или школьницу изъ городекой атмосферы за городъ, на «лоно природы». Устраиваемыя ежегодно состязанія между училищами въ игннн, физическихъ упражненіяхъ и декламацин содѣйствуютъ объединенію школьниковъ, пріучаютъ ихъ къ художественнымъ и торжественнымъ обстановкамъ, къ общественности. Состязанія обыкновенно проходятъ въ Хрустальномъ Дворцѣ или въ Альбертовой Залѣ и другихъ помѣщеніяхъ, способныхъ вмѣстить многія тысячи дѣтей. Словомъ, все болѣе и болѣе прилагаются старанія какъ къ улучшенію умственного образованія, такъ и къ развитію добрыхъ чувствъ ребенка, художественнаго вкуса и физическихъ силъ его. И все-бы шло отлично, всѣ работали-бы дружно и гладко, и выборы въ училищный совѣтъ обратились бы въ одну лишь формальность, если-бы въ него съ самаго начала не проникли люди, которые смотрятъ на школу не какъ на самостоятельный культурный факторъ, а какъ на прислужницу извѣстнымъ доктринамъ, церковнымъ или политическимъ.

Въ первые годы постѣ основанія училищнаго совѣта Лондонъ какъ-бы праздновалъ медовый мѣсяцъ своихъ общественныхъ школъ. До ста тысячъ дѣтей не посѣщали школъ; нужно было строить зданія, выработать систему преподаванія, создать армію учителей и учительницъ; словомъ, работы было по горло. Мало по малу дѣло было поставлено на должную высоту, школьная машина двигала всѣми своими рычагами — и колеса плавно завертѣлись. Но не успѣлъ училищный совѣтъ освободиться отъ нетерпящихъ отлагательствъ обязанностей, какъ возгорѣлась борьба. Долго сдержанное негодованіе нашло себѣ выходъ, скрытыя несогласія всплыли на поверхность—и грянуль бой. И какъ это ни странно, споръ открылся изъ-за «компромисса». Думали вселить окончательно духъ мира и согласія въ элементарное образованіе лондонскихъ дѣтей, а вышло наоборотъ. Дѣло въ томъ, что при разсмотрѣнн парламентомъ въ 1870 г. школьнаго законопроекта былъ поднятъ вопросъ о религіозномъ преподаванн въ имѣвшихъ открытыя общественныхъ школахъ. Нужно-ли религіозное преподаваніе, а если—да, то какой религіи учить?—Долго волновали эти вопросы англійское общество и явились серьезнымъ камнемъ преткновенія для билля. Наконецъ было принято, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, предложеніе Форстера, тогдашняго министра, внесеннаго школьный

законопроектъ. Форстеръ, какъ строгій квекеръ съ вѣковыми традиціями, переходившими въ его семьѣ изъ рода въ родъ, считалъ религіозное преподаваніе необходимымъ въ элементарныхъ общественныхъ школахъ Англии, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы дѣти родителей, не желающихъ такого преподаванія, освобождались отъ уроковъ религіи и отъ молитвы. Подъ религіознымъ преподаваніемъ Форстеръ подразумѣвалъ исключительно чтеніе библіи (новаго и ветхаго завѣта). «Я совершенно увѣренъ, сказалъ онъ, защищая свой законопроектъ,—что изъ чтенія и объясненій библіи дѣти ознакомятся съ великими истинами христіанской жизни и поведенія, чего, конечно, мы всѣ одинаково желаемъ, но что никакія попытки не будутъ дѣлаться, чтобы набивать дѣтскія головки совершенно имъ непонятными теологическими догмами. Подъ религіознымъ преподаваніемъ я подразумѣваю простыя нравственныя наставленія и истины, почерпнутыя изъ библіи, безъ обученія какимъ-либо особымъ доктринамъ. Это преподаваніе предоставляетъ библіи самой говорить за себя и не прибѣгаетъ къ толкованію спорныхъ мѣстъ».

Предложеніе Форстера, какъ сказано выше, было принято съ оговоркой. Она состояла въ томъ, что если училищный совѣтъ какого-либо города или графства пожелаетъ совершенно исключить библію изъ круга учебныхъ предметовъ, то онъ въ правѣ это сдѣлать. Велѣдствіе этого во многихъ мѣстахъ Англии и Уэльса вовсе не читается библія въ общественныхъ школахъ. Лондонскій-же училищный совѣтъ въ первомъ году своего существованія рѣшилъ ввести религіозное преподаваніе. Но какое? По закону, какъ мы видѣли, нельзя преподавать катехизисъ какой-нибудь религіи, но вѣдь можно всегда такъ читать библію и такъ толковать ее, что и катехизиса не нужно. Начались опять споры, закончившіеся слѣдующимъ компромиссомъ: «въ училищахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи совѣта, читать библію и сопровождать чтеніе такими объясненіями и наставленіями въ принципахъ морали и религіи, какія могутъ быть доступны пониманію дѣтей». Этотъ компромиссъ и оказался потомъ той каплей яда. Появились партіи въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, казалось-бы, менѣе всего мѣста партійности; съ годами засѣданія совѣта обратились въ парламентскіе дебаты; появились «вожди» и «сторонники» и возникли всѣ тѣ вредныя стороны, которыя сопровождаютъ всякую партійную борьбу. Настоящее дѣло обратилось въ игру страстей: «политика» затмила собою истинное значеніе многихъ вопросовъ—и школьному дѣлу стала грозить страшная опасность остановиться въ своемъ развитіи. Произонло это потому, что засѣванія въ совѣтѣ клерикалы никакъ не могли мириться съ тѣмъ, что въ большинствѣ лондонскихъ школъ учителя не толкуютъ библіи такъ, какъ учитъ самая ортодоксальная въ Англии церковь. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, достаточно было заспорить по одному вопросу, чтобы разойтись по многимъ другимъ. Со временемъ обѣ стороны споръ свой

перенесли изъ комитетовъ въ засѣданія совѣта, сдѣлавъ его публичнымъ и открывъ передъ глазами изумленнаго общества религіозную распрю, въ нѣкоторомъ родѣ напоминающую церковныя соборы, время реформациі. Особенно энергично велась борьба за послѣднее трехлѣтіе, въ теченіе котораго клерикальная партія была въ большинствѣ. Ожесточенная нападками противниковъ, подзадоренная ими и вознесшаяся успѣхомъ на выборахъ, она рѣшила нанести ошелмляющій ударъ «прогрессистамъ», т. е. партіи отстаивающей компромиссъ: вмѣсто словъ «въ принципахъ религіи и морали», какъ было въ компромиссѣ 1871 г., она предложила принять слова: «въ принципахъ *христіанской* религіи и морали», и когда послѣ упорной борьбы, это было принято совѣтомъ, она пошла еще дальше и изготвила циркуляръ учителямъ, въ которомъ объяснила, чему слѣдуетъ учить подъ видомъ «христіанской религіи». Циркуляръ этотъ оказался настолько ортодоксальнымъ и идущимъ въ разрѣзъ со всѣми традиціями протестантской Англіи, что возстановилъ противъ себя какъ учителей лондонскихъ школъ, такъ и все общество нонконформистовъ и даже пасторовъ и епископовъ англиканской церкви. Раздавшіеся протесты не могли однако отклонить зазнавшееся и слишкомъ увѣренное въ себя клерикальное большинство, которое и утвердило циркуляръ. Изданіе его было послѣднимъ выстрѣломъ клерикаловъ. Шумъ, поднятый циркуляромъ, пробудилъ всѣхъ и все. Лондонцы, никогда прежде не интересовавшіеся выборами въ училищный совѣтъ, встрепенулись и загудѣли; газеты, церковныя каедры, политическія организаціи—все это затрубило, заволновалось и зашевелилось. Благо трехлѣтіе училищнаго состава членовъ подходило къ концу—и всѣ стали лихорадочно готовиться къ выборамъ, къ этому приговору высшаго суда.

II.

Предвыборная борьба официально открылась около 1-го ноября. Къ этому времени стали извѣстны имена кандидатовъ, напечатаны ихъ манифесты и открыты мѣстные комитеты. Кромѣ двухъ главныхъ училищныхъ партій, выступили съ своими кандидатами и такія организаціи, дѣятельность которыхъ, казалось-бы, лежитъ внѣ училищнаго совѣта. На сценѣ появились и соціалъ-демократы, и позитивисты, и общества трезвости, и секуляристы, и кандидатъ «римско-католическаго вѣроисповѣданія», и «лицо еврейской религіи» и просто «независимые», безъ особой клички. На избирателя такъ и сыпались манифесты со всѣхъ сторонъ.

«Англичане!—говорилъ одинъ манифестъ:—если вы позволите ритуалистамъ прибрать къ своимъ рукамъ воспитаніе вашихъ дѣтей, то вы не стоите того, чтобы топать нашу свободную страну, и подвергаете опасности наслѣдіе вашихъ отцовъ, пожертвовавшихъ за него

жизнью своей,—гражданскую и религіозную свободу. Вотируйте только за протестантскаго, прогрессивнаго кандидата».

«Англичане!—гласилъ другой манифестъ:—если вы хотите сохранить Англiю вѣрующею и счастливою, свободной и честной, не ввергайте ее въ тьму кромѣшную, въ безбожіе. Вотируйте только за «умѣренныхъ» (такъ называли себя клерикалы),—за церковь и религію!»

Третій разосилъ объ партіи, предлагая совершенно исключить библію изъ общественной школы, предоставивъ религіозное преподаваніе церкви, семьѣ и воскресной школѣ; четвертый требовалъ даровыхъ завтраковъ и обѣдовъ для школьничковъ и ссылался на примѣръ Парижа, гдѣ муниципалитетъ кормитъ школьничковъ; пятый кандидатъ рекомендовалъ себя «независимымъ представителемъ интересовъ дѣтей», объясняя однако очень туманно, въ чемъ, по его мнѣнію, заключаются эти интересы и т. д.

Главнымъ предметомъ вниманія были однако лишь объ старыя школьныя партіи, которыя чѣмъ ближе ко дню выборовъ, тѣмъ яростнѣе нападали другъ на друга. Центральнымъ вопросомъ въ борьбѣ этихъ двухъ партій былъ, конечно, вопросъ религіозный; всѣ-же другіе пункты обвиненій и разногласій припутывались безъ всякой органической необходимости.

— Они (прогрессисты) въ Бога не вѣруютъ,—убѣждали избирателей клерикалы:—Они хотять совѣмъ уничтожить религію въ школахъ.

— Врутъ, врутъ они! отвѣчаютъ прогрессисты. — А вы вотъ полюбуйтесь, какую книжицу ихъ вожакъ смастерилъ. Вотъ, не угодно-ли — указывали они на книжку г. Райли.

Дѣйствительно, книжка съ точки зрѣнія англичанъ оказалась ужъ очень не хорошей. Райли, вождь умѣренныхъ, прямо сочинилъ молитву за римскаго папу, и это въ протестантской Англiи! «Да это еще что!»—добавляли его противники: — «Намъ доподлинно извѣстно, что г. Райли состоитъ членомъ общества св. Осмонда, а это общество имѣетъ цѣлью возвращеніе Англiи къ католицизму». Избиратель пораженъ открытіемъ и не прочь купить книжку Райли, чтобы собственными глазами убѣдиться въ вѣроломствѣ его, но Райли тоже не дуракъ и даетъ приказъ своимъ книготорговцамъ изъять изъ продажи предательское произведеніе впредь до окончанія выборовъ. Это въ свою очередь не проходитъ незамѣченнымъ, газеты живо подхватываютъ извѣстіе объ изъятіи книжки изъ продажи и преподносятъ его читателямъ съ подобающими комментаріями. На другой день является опроверженіе, и т. д. Или:

— Прогрессисты — моты! Если они окажутся въ большинствѣ, то растранижатъ обывательскія денежки направо и налево.

Среди всѣхъ этихъ взаимныхъ обвиненій двухъ главныхъ партій, то тутъ, то тамъ прорываются голоса другихъ кандидатовъ. Всѣ эти кандидаты, какъ-бы ни была велика разница въ ихъ мнѣніяхъ по школьному

вопросу, сходятся однако въ одномъ и имѣютъ одно общее. что заставляеть ихъ съ одинаковой силой вступать въ напряженную избирательную кампанію, это—особенно сильно развитое чувство гражданственности, дѣлающее каждаго изъ нихъ способнымъ высоко цѣнить общественную дѣятельность и гордиться ею. Только благодаря своему высокому гражданскому развитію, англичане всегда имѣютъ громадный выборъ кандидатовъ даже на самое незначительное выборное мѣсто, не дающее не только никакихъ матеріальныхъ выгодъ, но въ большинствѣ случаевъ всегда стоящее еще громадныхъ денегъ, чтобы добиться его или остаться при немъ. Такъ и теперь. Званіе члена училищнаго совѣта — не Богъ вѣсть какое; выгоды—никакихъ, а хлопотъ причиняеть много и времени отнимаетъ массу; и все-таки на 55 мѣсть явились 96 кандидатовъ. Среди этихъ 96 кандидатовъ было много женщинъ и стариковъ, для которыхъ, казалось-бы, предвыборная агитація слишкомъ затруднительна. Однако всѣ они, и мужчины и женщины, и старые и молодые, ринулись въ борьбу съ такой энергіей и стремительностью, съ такимъ огнемъ и искренностью, что, глядя на нихъ, невольно завидуешь ихъ вѣчной молодости, ихъ вѣрѣ и жизнерадостности. Три недѣли подъ рядъ всѣ искатели этого скромнаго званія члена лондонскаго училищнаго совѣта ежедневно говорили на митингахъ, а въ послѣднюю недѣлю по три, четыре раза и больше въ день, въ разныхъ мѣстахъ своего участка; говорили и на открытомъ воздухѣ и въ переполненныхъ залахъ, въ скверную и хорошую погоду. Каждый изъ кандидатовъ подвергается, кромѣ того, еще цѣлому перекрестному допросу со стороны избирателей. Какъ овъ поступить въ такомъ-то случаѣ, подаетъ-ли въ совѣтъ голосъ за то или за другое. Если-же кандидатъ состоялъ членомъ совѣта при прежнемъ составѣ, то допросъ еще усложняется отчетомъ о его прежней дѣятельности. А тутъ приходится еще отбиваться отъ газетныхъ нападокъ, отвѣчать на «письма въ редакцію», принимать депутаціи, опровергать распространяющіеся слухи и т. д. А слуховъ во время всякой избирательной кампаніи не оберешься. И чѣмъ кандидатъ популярнѣе, чѣмъ у него больше шансовъ на избраніе, тѣмъ болѣе шумно кипитъ кругомъ него борьба.

Въ описываемую мною избирательную кампанію самые единодушные и многочисленныя митинги были тѣ, которые устраивали «независимые», какъ соціалъ-демократы, секуляристы и др. Нѣкоторые изъ митинговъ соціалистовъ носили даже торжественно-театральный характеръ. На одномъ собраніи, наприимѣръ, въ участкѣ Гекни, въ глубинѣ эстрады были выстроены въ нѣсколько рядовъ двѣсти дѣтей, одѣтыхъ въ красныя «фригійскія» шапочки, съ красными шарфами черезъ плечо и съ красными флагами въ рукахъ. При каждомъ взрывѣ аплодисментовъ дѣти высоко поднимали флаги и махали ими въ воздухѣ. На такого рода собраніяхъ

присутствовалъ главнымъ образомъ все свой брать; чужихъ было мало, а тѣ, которые были здѣсь, не считали нужнымъ выступать противниками, такъ какъ все одно, не этимъ кандидатамъ попасть въ училищный совѣтъ. И дѣйствительно, когда 23 ноября подсчитали число поданныхъ голосовъ, за каждаго кандидата отдѣльно, то оказалось, что, кромѣ одного, никто изъ независимыхъ не попалъ въ совѣтъ. Это не значитъ, что въ совѣтъ не были избраны ни одинъ социалистъ или секуляристъ и т. п., но попали они туда, какъ представители той или другой главной партіи, а не какъ сами по себѣ. Этотъ результатъ показываетъ, что лондонцы на этотъ разъ очень серьезно отнеслись къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ и отлично поняли, въ чемъ собственно заключается споръ, т. е. слѣдуетъ-ли обратить лондонскія школы въ орудіе пропаганды доктрины одной какой-нибудь секты или сдѣлать ихъ орудіями общаго просвѣщенія.

На этотъ разъ подача голосовъ происходила отъ 8 часовъ утра до 9 вечера 22-го ноября; голоса-же подсчитали на другой день, къ концу котораго были объявлены результаты: клерикалы опять оказались въ большинствѣ, но сильно посрамленными; вмѣсто прежняго большинства въ 15 человекъ, они имѣютъ теперь больше прогрессистовъ всего тремя голосами, но и это большинство на самомъ дѣлѣ лишь кажущееся, такъ какъ общее число голосовъ, поданныхъ за прогрессистовъ, на 130,000 больше, чѣмъ получили клерикалы, и такимъ образомъ нравственная побѣда осталась за первыми.

С. Рыбаковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

На Новый годъ.—Желательные успѣхи.—Отпоръ со стороны «Моск. Вѣдомостей», «Гражданина» и «Новаго Времени».—Назначеніе графа Шувалова въ Варшаву.—Отношенія съ поляками.— $3\frac{1}{2}\%$ золотой заемъ.—Указъ о кредитныхъ билетахъ.—Эпизодъ изъ финансовой исторіи.—Новый пассажирскій тарифъ.

На новый годъ принято желать счастья и успѣха въ дѣлахъ близкимъ и друзьямъ. Мы выразимъ пожеланіе, чтобы съ новымъ годомъ насталъ періодъ болѣе быстрыхъ успѣховъ всего русскаго народа въ благосостояніи и умственномъ развитіи, чтобы общественный духъ оживился, а общественная дѣятельность стала бодрѣе; чтобы для всѣхъ уяснился путь, на которомъ достигнутся общее согласіе въ плодотворной работѣ, путь, на которомъ разсѣется туманъ недоразумѣній, недовѣрія и исчезнетъ ихъ плодъ—та общественная апатія, которая всѣхъ насъ, было, одолѣла.

Путь это тотъ-же самый, который былъ намѣченъ великими преобразованіями, пробудившими Россію послѣ 30-лѣтняго застоя, тотъ самый, на который Россія вступила при Петрѣ Великомъ, послѣ многовѣкового отчужденія отъ Европы и цѣпенія въ восточной косности. Это путь мощнаго государственнаго почина въ дѣлѣ народнаго образованія, развитія всѣхъ народныхъ силъ, поставленія равнаго для всѣхъ и всѣхъ охраняющаго закона на мѣсто произвола бывшихъ московскихъ воеводъ, заимствованія отъ опередившихъ насъ народовъ и знанія, и всѣхъ полезныхъ улучшеній.

Какъ величайшій нашъ преобразователь, Петръ отрѣшился отъ старомосковского взгляда, что всякое новшество грѣховно, а все иноземное есть бусурманское и поганое, что все у насъ должно быть собственнаго образца и домашняго изготовленія — и наука, и обычаи, и порядки—такъ и послѣдователь его, новый преобразователь смѣло сокрушилъ иго рабства, не внимая себялюбивымъ интересамъ и мрачнымъ предсказаніямъ, что воля народная будетъ гибельна для народа. Такъ и этотъ монархъ, обновитель русской жизни, по примѣру петровскаго зеркала за-

коновъ, поставилъ на столѣ правосудія тѣ «уставы», которые дѣйствительно создавали судъ правый, не лихоимный, независимый и гуманный.

Вотъ единый, указываемый самой исторіею, путь для будущаго русскаго развитія, для успѣховъ русскаго быта и русской мысли, для роста русскаго народа, его значенія и могущества среди народовъ міра.

Какъ мелки и тѣсны, въ сравненіи, тѣ произвольныя, взаимно пересѣкающіяся и безвыходныя проселочныя дороги, на которыя хотѣли-бы повернуть будущность Россіи разные приверженцы застоя, усердно хлопочущіе въ настоящее время о томъ, чтобы Россія не восприимла снова къ живой и плодотворной работѣ, къ развитію своихъ силъ физическихъ и духовныхъ... Одинъ рекомендуетъ всю будущность великаго народа замкнуть въ узкую рамку «дворянской идеи»; другой все спасеніе указываетъ только въ умноженіи и усиленіи бюрократизма; третій помахиваетъ на-сторону значкомъ «Россія для русскихъ», который или ничего не значитъ, такъ-какъ само-собою разумѣется, что каждая страна существуетъ для своихъ гражданъ, или означаетъ только мелкую чиновническую заботу о томъ, чтобы къ служебному широгу не допускались инородцы. Какіе все это мелочныя, узкіе и произвольно избираемые переулки, въ сравненіи съ тѣмъ величавымъ, несомнѣннымъ путемъ къ успѣхамъ, который уже начертанъ самой нашею исторіею...

Петръ приступилъ къ дѣлу съ заботъ о народномъ образованіи. Въ эпоху реформъ смѣта вѣдомства народнаго просвѣщенія утроилась, а въ помощь себѣ, въ дѣлѣ обученія начальнаго, правительство призвало имъ-же созданныя земскія учрежденія. И распространеніе образованія въ народѣ сдѣлало успѣхи огромныя, сравнительно съ тѣмъ, что было у насъ въ половинѣ столѣтія, но еще слишкомъ недостаточныя по мѣрѣ народныхъ потребностей къ концу вѣка. Благодаря усиленію налоговъ и успѣшному ихъ поступленію въ 1893 и въ минувшемъ нынѣ 1894 годахъ, даже такой чрезвычайный расходъ, какого требуетъ постройка сибирской желѣзной дороги, могъ быть производимъ изъ бюджетныхъ средствъ, безъ обращенія къ спеціально для него назначенному источнику. Нынѣ внесенъ еще проектъ о постройкѣ цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ мѣстнаго значенія. Но когда средства казны позволяютъ столь большія затраты для цѣлей торговыхъ и промышленныхъ, возможно надѣяться, что у государства найдутся и сравнительно небольшіе финансовыя ресурсы для дѣла народнаго образованія, которые дали-бы возможность осуществить въ ближайшіе-же годы всеобщее народное обученіе.

Мы не обсуждаемъ теперь спеціально этого вопроса и напомнимъ только, что во многихъ земствахъ онъ поставленъ на очередь и ихъ трудами будетъ выясненъ, но едва-ли ими можетъ быть практически разрѣшенъ. Разрѣшить его можетъ только государство или непосредственно, или предоставленіемъ пособій на устройство народныхъ школъ. Тогда народное образованіе снова выдвинулось-бы на первый планъ въ земской дѣятельности и закинула-бы земская работа, для чего необходимо нѣко-

торое смягченіе въ отношеніи къ земской школѣ со стороны инспекторскаго надзора.

На средней ступени народнаго образованія представлялось-бы желательнымъ устраненіе его раздвоенности. Общеобразовательная школа должна имѣть одинъ типъ, а рядомъ съ нею могутъ быть училища спеціальнаго характера, профессиональныя. Нынѣшнія реальныя училища не удались ни въ смыслѣ общеобразовательныхъ, ни въ значеніи спеціальныхъ, такъ какъ практическихъ специалистовъ они не выпускаютъ, а въ высшіе спеціальныя институты попадаетъ только малая часть оканчивающихъ курсъ реальныхъ училищъ. Но программа гимназій должна, при объединеніи средней школы, сдѣлать значительныя уступки точнымъ знаніямъ. Наконецъ, на вершинѣ училищной системы, въ университетахъ, какъ и во всѣхъ отрасляхъ жизни, было-бы полезно устранить недовѣріе, прокравшееся въ силу печальныхъ недоразумѣній. Настроеніе это отразилось въ уставѣ 1884 года, который упразднилъ въ университетахъ выборное начало. Между тѣмъ, главные очаги просвѣщенія, почти на столько же, какъ и суды, нуждаются въ нѣкоторой самостоятельности отъ переходящихъ, личныхъ административныхъ вліяній.

То-же самое примѣнимо и къ земскимъ учрежденіямъ. Въ чемъ заключалась самая идея ихъ созданія? Очевидно—въ такомъ убѣжденіи законодателя, что мѣстными хозяйственными дѣлами лучше могутъ распоряжаться представители населенія, чѣмъ чиновники. Но если это такъ, то не составляло-ли противорѣчія этой мысли поставленіе земствъ въ новѣйшее время въ прямую подчиненность мѣстной администраціи? Замѣтимъ, что мысль эта до такой степени была несогласна съ дѣйствительными потребностями и съ установившимися уже въ обществѣ взглядами, что на дѣлѣ мѣстная администрація не особенно ревниво, въ большинствѣ губерній, воспользовалась вновь предоставленными ей правами. Стало-быть, они были излишни. Но нѣкоторый вредъ отъ ихъ установленія сказался въ томъ, что во многихъ мѣстахъ, начиная съ самой Москвы, прежніе, заслуженные, авторитетные земскіе дѣятели устранились и новыя составы управъ далеко уступаютъ прежнимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Верховной власти, которая желаетъ блага народа, необходимо непосредственно слышать общественный голосъ, нестѣсенное заявленіе о нуждахъ и положеніи народа. Такимъ голосомъ у насъ является только печать и потому именно въ Россіи этимъ голосомъ слѣдуетъ особенно дорожить. Еще за нѣсколько лѣтъ до освобожденія крестьянъ произошло фактически, даже безъ особыхъ законовъ, значительное облегченіе для печати. Первый примѣръ нѣкоторой широты и смѣлости въ обсужденіи былъ поданъ въ официальномъ «Морскомъ Сборникѣ», подъ покровительствомъ главнаго сотрудника преобразованій того времени, покойнаго великаго князя Константина Николаевича. Раньше всѣхъ преобразованій состоялось въ ту эпоху именно нѣкоторое фактическое расширеніе правъ печати. Мы не преувеличиваемъ ея значенія. Голосъ печати не есть го-

лось доверенныхъ отъ общества людей. Но все таки онѣ имѣютъ ту цѣлу, что независимо, или по меньшей мѣрѣ, что среди разныхъ, заявляемыхъ въ печати мнѣній, не трудно найти тѣ, которыя искренно хотятъ сказать правду, какъ ее понимаютъ. Этимъ нельзя не дорожить и русская печать заслуживала-бы нѣкотораго вниманія и облегченія въ исполненіи законной ея задачи.

Мы не будемъ хотя-бы вкратцѣ повторять того, что говорили въ прошлый разъ о необходимости воспользоваться предпріятыми нынѣ пересмотромъ судопроизводства въ такомъ смыслѣ, чтобы согласовать наши старыя, дореформенныя учрежденія съ новыми, съ предоставленіемъ власти карательной однимъ только судамъ. Напоминаемъ объ этомъ лишь съ цѣлью сколько-нибудь осязательно представить тотъ путь, который не только, по нашему убѣжденію, вѣрно и безопасно ведетъ къ развитію, но и представляется единственнымъ возможнымъ для какихъ-либо успѣховъ въ будущемъ. На этотъ путь Россія уже вступила съ 60-хъ годовъ и другого нѣтъ, остается только слѣдовать по нему впередъ. Въ поступательномъ движеніи возможны задержки; но прекращеніе его немыслимо.

Мы не имѣемъ притязанія начертывать программы русской будущности, хотя-бы и ближайшей. Если-же мы отмѣчаемъ тѣ или другія рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ и прямо указываемъ на нѣкоторые этапы пути, какъ мы его разумѣемъ, то это мы обязаны сдѣлать хотя-бы для того, чтобы обнаружить всю несостоятельность и несправедливость обвиненій въ «доктринерствѣ», «безпочвенныхъ фантазіяхъ» и даже въ «связи съ бреднями западно-европейскаго революціонизма». обвиненій, которыя такъ безцеремонно предъявляются нашими ретроgrадами противъ если не всей, то весьма значительной части русской интеллигенціи, желанія которой и мы стараемся выразить. Гдѣ-же безпочвенность и хотя-бы доктринерство въ указанныхъ нами волюнѣ реальныхъ потребностяхъ, которыя прежде были уже или на половину удовлетворены, или въ принципѣ признаны, такъ что дальнѣйшіе успѣхи въ томъ-же направленіи представлялись только вопросомъ недалекаго времени?

Мы говорили въ прошлый разъ и о необходимости серьезнаго почина для поднятія народнаго хозяйства и правильнаго содѣйствія переселеніямъ. Здѣсь мы также далеко расходимся съ ретроgrадами, которые заботятся только объ усиленіи надзора надъ крестьянскимъ управленіемъ и даже частной жизнью крестьянъ. Въ системѣ налоговъ необходимо стремиться и далѣе къ возможному облегченію классовъ, работающихъ руками, привлекая къ большому участию въ налогахъ громадную силу капитала, которая все болѣе подчиняетъ себѣ все производство и господствуетъ надъ современными общественными отношеніями. И въ этихъ желаніяхъ нѣтъ ни доктринерства, ни безпочвенныхъ фантазій.

Скорѣе-же именно наши обвинители хотятъ кормить Россію только словами: «отрезвелеміемъ», «возвышеніемъ авторитета», который и нынѣ

стоитъ на неоспоримой высотѣ, «возвращеніемъ домой», и другими вещами въ этомъ родѣ, неосвязаемыми, невѣсомыми, неопредѣленными и совершенно непроеводительными. Развѣ это не «фантазія», не дѣйствительное пренебреженіе къ реальнымъ потребностямъ, въ честь пустыхъ словъ, когда «Новое Время» утверждало, что намъ стоило пожертвовать милліономъ жизней и милліардомъ рублей, для того, чтобы въ самихъ себѣ возбудить сознаніе о необходимости «возвращенія домой», и что такое сознаніе вознаградило насъ за всѣ тѣ жертвы, вполнѣ окушило ихъ? Развѣ не легкомысліе въ отношеніи къ реальнымъ интересамъ и предпочтеніе имъ именно однихъ словъ, изъ которыхъ, какъ говорится, «шубы не сошьешь», проявляется въ слѣдующемъ разсужденіи «Гражданина»: «допустивъ, что произошло «стѣсненіе общественныхъ силъ» противъ прежнихъ размѣровъ и «экономическое, такъ сказать, ослабленіе Россіи», издатель газеты заявляетъ: «я позволю себѣ сказать, что обоимъ фактамъ не придаю серьезнаго значенія (!), сравнивая ихъ съ главнымъ благомъ, которое Россія добыла; это благо есть—отрезвленіе».

«Возвращеніе домой», «отрезвленіе» быть могутъ и «благами», но только это—блага весьма неопредѣленные и непроеводительныя. Что-жъ мы дальше-то станемъ дѣлать съ ними? Населеніе быстро умножается, возрастаетъ безземелье, учащаются неурожаи, въ народномъ образованіи и общественномъ развитіи наступилъ застой. Надо-же какими-нибудь реальными средствами устранить реальные недочеты. Ну, пусть мы «возвратились домой», «отрезвились», пусть ежечасно повторяемъ себѣ, что «Россія для русскихъ», но вѣдь надо-же работать, необходимы улучшенія, нарастаютъ новыя потребности, самая жизнь идетъ впередъ. А содержатся-ли въ приведенныхъ «жалкихъ словахъ» какія-либо положительныя указанія на средства помочь народу, удовлетворить потребности общества, устранить «экономическое, такъ сказать, ослабленіе Россіи» и «стѣсненіе общественныхъ силъ», явленія, которыхъ наличность готовъ допустить самъ «Гражданинъ?»

«Новое Время», какъ отставной либеральный органъ, само сознаетъ, что на однихъ девизахъ, въ родѣ «Россія для русскихъ», далеко не уѣдешь, и потому считаетъ необходимымъ при самомъ восхваленіи этого девиза прибавить къ нему вещи посущественнѣе, пореальнѣе, такія, которыя сами по себѣ ничего общаго съ тѣмъ девизомъ не имѣютъ. «Я говорю,— пишетъ издатель этой газеты,—что надо очень много сдѣлать для народа, для головы его, для сердца и для кармана... Я отъ всей души желаю добраго духа, *новыхъ усилій и новыхъ людей*, и они будутъ, и безъ нихъ нельзя обойтись». Но вѣдь «народный карманъ», «новые люди» это уже нѣчто совѣмъ иное, чѣмъ «Россія для русскихъ». Положимъ, эти вещи прилетены только для «сдобренія» той похвалы застою, которая была настоящей цѣлью статьи и «Гражданинъ» ловко поймалъ на этомъ «Новое Время».

«И г. Суворинъ,—говоритъ онъ,—не воздержался противъ теченія

и тоже заиѣлъ пѣсенку про какія-то умственные сокровища интеллигенціи, которыми обогатилась Россія за послѣдніе годы и къ которымъ надо прибѣгать для блага Россіи помимо чиновниковъ теперь... Г. Суворинъ даже дальше идетъ въ своей конкретности: онъ дерзаетъ ставить на одну доску чиновника и журналиста... Мы понимаемъ либеральность... Но почему г. Суворинъ, который себя теперь не причисляетъ къ либераламъ, тоже ждетъ какихъ-то новыхъ силъ; чтобы быть логичнымъ, надо признать, что эти новыя силы долженъ звать на помощь тотъ, кто старыми силами былъ недоволенъ». «Гражданинъ» находитъ страннымъ, что выхваляя старое, «Новое Время», вслѣдъ за тѣмъ, взываетъ къ новымъ силамъ. Но вѣдь въ этомъ и заключается особенность «Новаго Времени», что ратуя за старыя, престарѣлыя вещи, оно всегда старается придать имъ «современный» видъ. Оно не рѣшается стоять за ретроградное безъ всякихъ оговорокъ. Нѣтъ, и несомнѣнное старье газета всегда подновляетъ и украшаетъ снаружи, какъ архитекторы старѣйшимъ изъ петербургскихъ домовъ, при помощи штукатурныхъ украшеній, придаютъ видъ только-что отстроенныхъ, въ современномъ вкусѣ.

«Новое Время» рѣшительно стоитъ за прошлое, «въ основу котораго, по его убѣжденію, легло правило: Россія для русскихъ». А самое это правило или начало газета изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: «надо постепенно дать больше простора коренному русскому населенію, надо его возвысить образовательно и политически»... Но если это еще «надо» сдѣлать, значитъ это не дѣлалось. И если именно сущность принципа «Россія для русскихъ» заключается въ томъ, что «коренному населенію необходимо дать больше свободы и самоуправленія, чѣмъ инородцамъ», то стало быть и самый этотъ принципъ доселѣ еще примѣненъ не былъ, и нельзя утверждать, что въ «основу» прошлаго легло это правило, котораго примѣненіе еще только необходимо впредь. Населеніе земскихъ губерній есть именно коренное. Итакъ, статья должна была доказать, что въ первые годы по введеніи земскихъ учреждений, это коренное населеніе пользовалось меньшими «свободой и самоуправленіемъ», чѣмъ инородческія губернія, а что нынѣ земскія учрежденія постепенно приобрѣли болѣе «простора», въ чемъ и выразилось осуществленіе въ недавнемъ прошломъ правила «Россія для русскихъ».

Впрочемъ, мы не скажемъ, что любопытно-бы знать, какъ «Новое Время» объяснить это самопротиворѣчіе, ибо мы видимъ, что и «новыя силы», и «просторъ», и «самоуправленіе» въ разсужденіи этой газеты являются только какъ штукатурная орнаментика, плохо пристающая къ старымъ, осѣвшимъ и мѣстами давшимъ трещины кирпичнымъ стѣнамъ, противъ какой-либо поправки въ которыхъ именно и ратуетъ «Новое Время», вмѣстѣ съ «Гражданиномъ» и «Московскими Вѣдомостями», отличаясь отъ нихъ только фейерверкомъ словъ, который тѣ, болѣе степенныя и менѣе стѣсняющіяся ретроградныя газеты, какъ мы

видимъ, приводить даже въ нѣкоторое недоумѣніе относительно истинной цѣли «Новаго Времени». Пусть наши слова послужатъ къ успокоенію этихъ органовъ: «Новое Время» хочетъ того-же, что и они и орнаментальными его фразами они не должны смущаться.

Къ сожалѣнію, дѣйствительность прямо не соответствовала правилу «Россія для русскихъ» въ томъ смыслѣ, какъ его теперь формулируетъ «Новое Время». Именно для «образовательнаго возвышенія» коренныхъ губерній, для предоставленія имъ большей свободы и самоуправленія дѣлалось слишкомъ мало. Главное вниманіе было обращено на окраины. Тамъ была учреждена и цѣлая сеть государственныхъ народныхъ училищъ, которыхъ почти нѣтъ въ коренной Россіи, на Западѣ преимущественно строились желѣзныя дороги, на окраинахъ были обезпечены быть православнаго духовенства и строили церкви на государственныя средства, въ то время, какъ наиримѣрь, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ народныя школы учреждало только земство, а сельское духовенство оставалось на добротныхъ приношеніяхъ прихожанъ.

Предоставленіе коренному населенію большей свободы и самоуправления предполагало-бы, что для преуспѣванія университетовъ московскаго, казанскаго, харьковскаго, петербургскаго приняты новыя мѣры, даны новыя средства. Но этого не было. Легче было измѣнить составъ профессоровъ въ Варшавѣ и Юрьевѣ, что особенныхъ жертвъ отъ казначейства не требовало...

Фельдмаршалъ Гурко уволенъ отъ должности варшавскаго генералъ-губернатора и на важный этотъ постъ назначенъ бывший посолъ въ Берлинѣ графъ Шуваловъ, которому ввѣрено также и командованіе войсками варшавскаго военнаго округа. Этой перемѣнѣ придаютъ большое значеніе, такъ какъ, по выраженію «Новаго Времени» — «постъ варшавскаго генералъ-губернатора, можно сказать, по преимуществу политической постъ, гдѣ искусство и осторожность дипломата очень выгодно для дѣла могутъ дополнить твердость воина». I. В. Гурко, — человекъ исключительно военный, неутомимый и строгій командиръ войскъ. Графъ П. А. Шуваловъ, командовавшій авангардомъ арміи генерала Гурко въ послѣднюю войну, послѣ занятія Софіи, отрядомъ, преслѣдовавшимъ отсутствовавшія турецкія силы и проникавшимъ въ глубь непріятельской страны, съ постепеннымъ овладѣніемъ Филиппополемъ, Адрианополемъ и другими городами, до двухъ переходовъ къ самой турецкой столицѣ, бесспорно — тотъ изъ нашихъ генераловъ, который имѣетъ, послѣ ген. Гурко, наибольшія боевыя заслуги и этимъ, съ военной точки зрѣнія, объясняется его назначеніе командующимъ дѣйствующею арміею на западной границѣ. Но онъ — человекъ не только военный, но и государственный, къ тому-же умѣющій добродетельствомъ, тактомъ и любезностью привлекать къ себѣ, какъ онъ то доказалъ, занимая трудный постъ русскаго посла въ томъ государствѣ, которое стоитъ во главѣ тройственнаго союза.

Иностранная печать весьма сочувственно отзывалась о новомъ назначеніи гр. Шувалова. Взглядъ германскихъ и австрійскихъ газетъ на это назначеніе характеризуется «Новымъ Временемъ» такъ, что онѣ видятъ въ немъ «важный симптомъ во многихъ отношеніяхъ» и приписываютъ ему такой смыслъ, «что отнынѣ Привислянскимъ краемъ предполагается управлять болѣе мягко, хотя и безъ всякихъ послабленій извѣстными вождельніями нѣкоторой части польскаго населенія».

Переходя отъ новаго назначенія, въ которомъ и наши газеты видятъ нѣкоторый политическій отгѣнокъ, къ самому польскому вопросу, болѣе или менѣе затрогиваемому при этомъ случаѣ, мы выскажемъ такое убѣжденіе, что польскій вопросъ въ границахъ Россіи уже утратилъ политическое значеніе. Но польскій вопросъ есть жгучій вопросъ справедливости, полной гражданской равноправности. Польскія губерніи обфдѣли. Малоземелье ощущается въ нихъ въ неравномерно большей степени, чѣмъ въ русскихъ. Вѣдѣтіе возростанія населенія, крестьянскія земли, несмотря на «положеніе» 1864 года, которымъ не допускается дробленіе участковъ ниже минимума 6 морговъ, фактически дѣлятся на болѣе мелкія части, а такъ какъ крупная промышленность существуетъ только въ Лодзи, Згержѣ, Сосновцахъ, Домбровѣ и Варшавѣ, да и въ нихъ развилась вовсе не широко, а въ послѣдніе годы находится въ застоѣ, то среди малоземельнаго и безземельнаго крестьянства возникло сильное стремленіе къ эмиграціи за границу, частью—временной, на заработки, а частью и окончательной. Въ Америкѣ нынѣ считается уже польское населеніе свыше милліона душъ.

При стѣпенномъ положеніи крестьянства, не могутъ развиваться ремесла, а промышленность Царства разсчитываетъ главнымъ образомъ на сбытъ въ Имперію. Между тѣмъ, въ недавнее время сдѣланы были такіе измѣненія въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, которыя съ одной стороны затруднили польскимъ фабрикамъ сбытъ на востокъ, а съ другой облегчили привозъ хлѣбовъ изъ отдаленныхъ губерній къ западной границѣ. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, которое сдѣлало невыгоднымъ сельское хозяйство и во внутреннихъ губерніяхъ, отразилось еще сильнѣе на сельскомъ хозяйствѣ въ пограничной области, которое въ большей степени разсчитано на вывозъ. Но когда цѣна на рожь и пшеницу въ Берлинѣ и Гамбургѣ бываетъ ниже, чѣмъ въ Ельцѣ и Саратовѣ, то сельское хозяйство въ губерніяхъ Царства прямо переживаетъ кризисъ.

Положеніе работающаго образованнаго класса въ тѣхъ губерніяхъ сильно ухудшилось, вѣдѣтіе постепенно все большаго устраненія поляковъ отъ заработка на желѣзнодорожной и административной службѣ. Бывшіе мѣстные чиновники, инженеры и техники, даже мелкіе служащіе на желѣзныхъ дорогахъ должны были искать себѣ мѣсть внутри Россіи; но лишь меньшинство ихъ имѣли сбереженія, которыя-бы позволили ѣхать далеко и ждать подходящихъ мѣсть; да и во внутреннихъ губерніяхъ ихъ неохотно принимали, развѣ въ Сибири и въ Средней Азій.

Остальные-же, служившіе прежде въ Царствѣ, иные десять, двадцать лѣтъ, люди семейные, принуждены были приискывать себѣ безъ разбора какія-бы то ни было занятія, лишь-бы заручиться самымъ тонкимъ кускомъ хлѣба. Вслѣдствіе того, въ Царствѣ можно найти образованныхъ людей, которые пошли въ писцы, въ сторожа, а кто попалъ въ приказчики тотъ считаетъ себя счастливымъ. Короче, въ Царствѣ Польскомъ въ настоящее время надъ всѣмъ господствуетъ *нужда*.

Въ какой мѣрѣ эту нужду можно устранить мѣрами экономическими, въ какой—допущеніемъ мѣстныхъ жителей къ закрывшимся для нихъ въ послѣдніе годы заработкамъ—этого мы въ частности разсматривать не будемъ. Скажемъ только, что въ этомъ именно заключается нынѣ существенный шагъ, практическая часть польскаго вопроса, и въ ней нѣтъ ничего политическаго. Это, повторяемъ, вопросъ гражданской справедливости и равноправности, вопросъ равнаго попеченія о нуждахъ всѣхъ частей государства.

Но совершенно непрактично ставить для этого такое условіе, чтобы сперва сами поляки «прониклись» такими и такими-то чувствами. Требовать сперва «чувствъ» непрактично потому, во-первыхъ, что чувства измѣняются постепенно, въ зависимости отъ впечатлѣній, а не внезапно, какимъ-либо моментальнымъ дѣйствіемъ воли; во-вторыхъ и потому, что какъ-же узнать перемену въ чувствахъ и не странно-ли откладывать равноправность до какого-то удостовѣренія въ томъ, что люди чувствуютъ и въ достаточной-ли мѣрѣ они уже чувствуютъ то, что-бы слѣдовало?

Въ такую ошибку впадаетъ «Гражданинъ», хотя двѣ его статьи о польскомъ вопросѣ отличаются новымъ, по сравненію съ прежнимъ, болѣе спокойнымъ и примирительнымъ тономъ. Онъ требуетъ отъ поляковъ «добросовѣстности и собственной инициативы въ подчиненіи себя русскому государственному началу», такъ «чтобы эта идея всасывалась въ жизнь съ молокомъ матери, затѣмъ первою школою семьи, священникомъ въ церкви и на духу, и наконецъ, школою всѣхъ возрастовъ». Но неужели, откладывать установленіе чего-либо нормальнаго? Газета признаетъ далѣе, что «если этого отождествленія собственной инициативы поляковъ съ стремленіями правительства нѣтъ», то это и объясняетъ, какъ является недоувѣріе къ нимъ «и управленіе начинаетъ страдать всѣми непріятными для поляковъ послѣдствіями неровной, эпизодической и неизбѣжно притѣснительной политики». «Новое Время» разсуждаетъ что правительство не можетъ отказаться въ царствѣ отъ государственнаго языка и русскія власти не могутъ обращаться къ мѣстному обществу по-польски. Но будто-бы газета не знаетъ, что рѣчь идетъ теперь даже не объ этомъ, будто ей неизвѣстно, что есть публично выставленныя надписи, которыми воспрещается самой публикѣ говорить по-польски? Почему ученики-нѣмцы и татары могутъ говорить по-нѣмецки и по-татарски, почему на этихъ языкахъ публика можетъ разговаривать вездѣ—въ Ригѣ, Симферополѣ и Казани; почему только по-польски прямо за-

прещено говорить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Вильнѣ и Гроднѣ? Напримѣръ, въ Вильнѣ, всего годъ тому назадъ, отобраны были отъ всѣхъ владѣльцевъ магазиновъ и лавокъ росписки въ томъ, что въ этихъ заведеніяхъ не будетъ допускаемо разговора по-польски. Но само-собой разумѣется, что на слѣдующій-же день это не могло быть исполнено, за невозможностью «привлечь» всѣхъ покупателей и торговцевъ. Спрашивается, къ чему-же было предпринимать мѣры ненужныя, неисполнимыя и только раздражающія? Такихъ мѣръ легко не принимать, легко и отменить ихъ.

Въ концѣ ноября былъ выпущенъ новый конверсіонный заемъ въ 100 милл. р. золотомъ, съ размѣромъ интереса $3\frac{1}{2}\%$, по курсу $94\frac{1}{2}$ за сто номинальныхъ. Заемъ этотъ предназначенъ для выкупа 5% облигацій 11 желѣзныхъ дорогъ. Три съ половиной процента при полученіи вмѣсто $100-94\frac{1}{2}$ рублей, это составляетъ почти 4% на реализованный капиталъ. Такъ какъ 5% облигацій выкупается на $69\frac{1}{2}$ м. р. зол., то пониженіе на 1% ежегодной уплаты съ этой суммы даетъ 695 т. р. сбереженія на процентѣ. Однако, новый заемъ выпущенъ не на сумму, потребную для замѣны 5% облигацій, но на 100 м. р. з., т. е. на $30\frac{1}{2}$ м. р. з. больше. А такъ какъ $3\frac{1}{2}\%$ съ этой излишней суммы составляютъ болѣе 1 м. р. з., то въ результатѣ нынѣшняго займа является увеличеніе нашей задолженности на $30\frac{1}{2}$ м. р. з., на 81 годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не уменьшеніе, но увеличеніе ежегоднаго бюджетнаго расхода по системѣ государственнаго кредита.

Замѣчательно, что всѣ наши конверсіонные займы дѣлались на суммы, превышавшія тотъ размѣръ выпусковъ, какой требовался для замѣны или погашенія высокопроцентныхъ займовъ. Начиная отъ управленія финансами И. А. Вышнеградскаго и наступленія періода конверсій, мы постоянно имѣли уже не дефициты, а излишки въ годовомъ бюджетномъ хозяйствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно росла и общая сумма нашей задолженности. Относительно новаго $3\frac{1}{2}$ -процентнаго золотого займа въ правительственномъ сообщеніи сказано, что «назначеніе остальной суммы (реальныхъ 25 м. р. з. выше $69\frac{1}{2}$ м. р. з.) еще не установлено окончательно, но безусловно предрѣшено не обращать ни малѣйшей части выручки новаго займа на бюджетныя потребности, какъ обыкновенныя, такъ и чрезвычайныя». Но если даже и на чрезвычайныя текущія потребности (напр. на сибирскую дорогу или перевооруженіе арміи) этотъ излишекъ не пойдетъ и если назначеніе его еще не установлено, то изъ этого слѣдуетъ, что не имѣлось въ виду и опредѣленной потребности для лишнихъ 25 м. р. з. реализованныхъ, за которые въ будущемъ придется уплатить $30\frac{1}{2}$ м. р. з. Если излишки выпускаемыхъ суммъ конверсіонныхъ займовъ идутъ на увеличеніе запасовъ золота, находящагося въ распоряженіи казначейства, то спрашивается, какова собственно цѣль этого увеличенія, такъ какъ о возстановленіи размѣна нѣтъ и рѣчи, и не составляетъ-ли теріемый процентъ на наличное золото такой суммы.

которая значительно уменьшаетъ выгоду отъ пониженія размѣра интереса по выкупленнымъ прежнимъ займамъ.

Къ этимъ замѣчаніямъ мы прибавимъ еще одно. Въ указѣ о новомъ займѣ находится обязательство не приступать къ выкупу этого займа въ теченіе 10 лѣтъ и освобожденіе его облигацій навсегда отъ внутреннихъ налоговъ на доходы съ капитала. Оба эти условія рассчитаны на возможно-большій успѣхъ займа, но первое идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ объясненіемъ нашихъ конверсій (основанныхъ въ сущности на продолжительной разсрочкѣ погашенія), что, при наличности средствъ, въ каждый данный моментъ можно погасить часть продолженныхъ займовъ. Второе же условіе — освобожденіе навсегда отъ налога — создастъ очевидное неравенство. Почему-же держатели другихъ фондовъ подлежатъ купонному налогу, а подписчики на новые займы не подлежатъ налогу съ капитала, на существованіе котораго у насъ ссылаются противъ введенія общаго подоходнаго налога?

Но послѣ этихъ оговорокъ, мы должны признать, что успѣхъ новаго займа былъ блестящій. По официальнымъ цифрамъ, подписка въ одномъ Парижѣ покрыла заемъ въ 30 разъ и даже наличными деньгами было внесено 600 милл. франковъ, вмѣсто 400 милл., составлявшихъ сумму займа. Въ Берлинѣ вся сумма займа также была покрыта въ 10 разъ. Въ Лондонѣ, гдѣ разверстки не въ обычаѣ, подписка на нашъ заемъ была прекращена «нѣсколько минутъ спустя по открытіи кассы», такъ какъ въ теченіе этихъ минутъ было подписано на 25 милл. фунтовъ, что составляетъ болѣе, чѣмъ двойную сумму займа. Въ реализаціи этого займа принялъ участіе и лондонскій домъ Ротшильдовъ, который давно уже сторонился отъ русскихъ фондовъ. Въ общемъ итогъ повсемѣстная подписка дошла почти до 5 миллиардовъ рублей золотомъ, т. е. превысила сумму займа въ 50 разъ. Въ «правительственномъ сообщеніи» по поводу результатовъ займа, огромный успѣхъ его приписывался миролюбивой политикѣ Россіи, подтвержденной при новомъ царствованіи. Тамъ-же поставилось на видъ, что курсъ 94½ за 100 для 3½-процентнаго займа является небывалымъ въ исторіи нашихъ финансовъ. Правда, прошлогодній золотой заемъ былъ реализованъ по 97¼, но то былъ заемъ 4-процентный.

Ближайшимъ по дешевизнѣ къ вышнему 3½-процентному представлялся 3-процентный золотой заемъ, вынужденный П. А. Вышнеградскимъ. Сравнивая курсы выпуска этихъ двухъ займовъ, получается, что на реализованный въ дѣйствительности капиталъ, по трехъ-процентному уплачивается 4,22% въ годъ, а по трехъ-съ-половиной-процентному нѣсколько меньше 4%, т. е. на ¼ процента менѣе. Но половина суммы 3% займа не могла быть реализована и была взята назадъ. Въ прежнес-же время займы наши могли реализоваться лишь на условіяхъ гораздо менѣе выгодныхъ. Такъ первый конверсионный 4% заемъ 1888 года былъ вынужденъ по курсу 85, 6-процентный 1883 года по 98,

5-процентный 1855 г. по 91,3, т. е. ниже, чѣмъ нынѣшній 3½-процентный; въ 40-хъ-же годахъ пятипроцентные займы реализовались по 77 и даже низшимъ курсамъ. Но понятно, что въ усиленіи и упроченіи русскаго кредита по сравненію съ періодами дореформенными проявляется уже не столько мирная политика послѣднаго времени, сколько преобразование условій русскаго быта, постройка желѣзныхъ дорогъ, ростъ промышленности, разработка нефтяныхъ источниковъ и проч. Въ сороковыхъ годахъ Россія была страной съ вышней точки зрѣнія болѣе бѣдной чѣмъ нынѣ, а спеціально русскіе финансы были слабы.

Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялся указъ, которымъ заканчивается характерный эпизодъ въ исторіи нашихъ финансовъ. Въ указѣ повелѣно: кредитные билеты, временно выпущенные въ обращеніе по случаю восточной войны 1877—78 гг. присоединить къ кредитнымъ билетамъ *постояннаго* выпуска. На нужды той войны потребовалось выпустить на 417 м. р. кредитныхъ билетовъ. Такая необходимость являлась послѣ того, какъ въ 1862 году была уже сдѣлана попытка возстановить размѣнъ бумажныхъ денегъ на металлъ. Тогдашній министръ финансовъ М. Х. Рейтеръ держался общепризнаннаго въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ положенія, что кредитные билеты составляютъ *обязательства* банка передъ публикою, подлежація уплатѣ, т. е. размѣну и что если размѣнъ былъ временно приостановленъ (какъ-то было и въ Англіи, и Соединенныхъ Штатахъ) вслѣдствіе понужденія банка къ выпускамъ за счетъ казначейства, неоплаченнымъ банку казначействомъ, то *долгъ* лежитъ на казначействѣ, которое обязано дать банку средства для погашенія тѣхъ выпусковъ и приведенія кредитной циркуляціи въ такое состояніе, чтобы размѣнъ могъ быть возстановленъ. Этому теоретическому положенію соответствуетъ еще такой практической взглядъ, что если бумажныхъ денегъ выпущено слишкомъ много, сверхъ потребности страны въ мѣновыхъ знакахъ, то это производитъ дороговизну, которая и можетъ быть устранена только сокращеніемъ бумажно-денежнаго обращенія до необходимаго уровня. Если же при погашеніи кредитныхъ билетовъ, спеціально въ видахъ возстановленія размѣна, было извлечено ихъ изъ обращенія, столько, что осталось ихъ уже менѣе, чѣмъ ихъ нужно рынку, какъ мѣновыхъ знаковъ, то оставшіеся билеты тотчасъ начнутъ дорожать, курсъ ихъ поднимется, можетъ дойти до рагі даже раньше возстановленія размѣна, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ облегчится, а на мѣсто недостающаго количества мѣновыхъ знаковъ тотчасъ появится въ обращеніи соответствующее количество металла.

Таковы, повторяемъ, взгляды на банковые (кредитные) билеты, существовавшіе доселѣ въ финансовой теоріи и практикѣ. На основаніи ихъ, чрезъ три года по окончаніи войны и когда уже была сдѣлана финансовая ея ликвидація, министромъ финансовъ А. А. Абазой пеходатайствованъ былъ указъ 1 января 1881 года о немедленной уплатѣ казначействомъ банку 17 м. р. за временно-выпущенные билеты и уплаты ему-

же за нихъ по 50 м. р. ежегодно въ теченіе 8 лѣтъ, такъ чтобы къ концу этого періода всѣ 417 м. р. временныхъ кредитныхъ билетовъ были извлечены изъ обращенія и погашены. Правда, при этомъ предоставлялось банку производить погашеніе по соображенію съ потребностью денежнаго обращенія. Но эта оговорка, очевидно, касалась только выбора времени для погашенія—въ предѣлахъ 8-ми лѣтняго срока, а не предоставляла банку погашать ихъ въ этотъ срокъ или не погашать въ теченіе хотя-бы 13 лѣтъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ нечѣмъ было назначать уплату банку по 50 м. р. въ годъ, въ теченіе опредѣленнаго, 8-ми лѣтняго срока.

Но что-же произошло въ дѣйствительности? Указъ 1881 г. исполнялся въ продолженіе трехъ лѣтъ и казначействомъ были уплачены банку 167 м. р. Но банкъ извлекъ изъ обращенія и уничтожилъ бумажныхъ денегъ только на немного болѣе половины этой суммы, всего на 87 м. р. Причиною того было, какъ теперь объясняютъ, что *недостатокъ* кредитныхъ билетовъ, при отсутствіи металлическаго обращенія, угрожалъ-бы затрудненіями для всего торгово-промышленнаго оборота. Но какимъ-же образомъ? Оттого-ли, что если-бы банкъ уничтожилъ кредитныхъ билетовъ на 167 м. р., то при *недостаткѣ* ихъ онъ былъ-бы принужденъ ограничить свои операціи по учету векселей и ссудамъ подъ бумаги? Но такого недостатка у банка не могло быть потому, что онъ получилъ отъ казначейства наличными деньгами сумму 167 мил. рублей, получилъ ихъ только для ихъ уничтоженія и стало быть вполне могъ это сдѣлать, нисколько не ослабляя своихъ собственныхъ оборотныхъ средствъ.

Однако, послѣ упомянутыхъ трехъ лѣтъ, въ 1884 году, при министертвѣ Н. Х. Бунге, изданъ былъ указъ о разрѣшеніи казначейству производить ежегодную уплату банку 50 м. р. «не только» наличными деньгами, но и рентой. Результатомъ было, что дальнѣйшія уплаты банку производились уже только рентою. Такимъ образомъ были выплачены банку еще 250 м. р. кред., что съ предшествовавшими 167 м. р. и составило сумму 417 м. р., подлежащую погашенію. Но такъ какъ изъ переданныхъ банку рентъ на капиталъ 250 м. р. дѣйствительно реализовано было въ 1884 г. только на 26½ м. р. кред., да 1889 г. возвращено банкомъ казнѣ и ею уничтожено на 50 м. р. кред., то рента на остальную сумму 173½ м. р. составляла цѣнность совершенно призрачную и не приносила банку никакихъ процентовъ. Стало быть, въ конечномъ результатѣ указъ 1881 г. былъ приведенъ въ исполненіе на столько, что изъ 419 м. р. временныхъ выпусковъ было уничтожено 87 м. р.

Другая же, гораздо большая часть временныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ осталась, и нынѣ ихъ находится въ обращеніи не менѣе чѣмъ въ 1881 году, а именно на сумму 1.121.281.634 рубля. При нынѣшнемъ управленіи финансами было признано предпочтительнымъ изъ непогашенныхъ банкомъ, хотя уплаченныхъ ему казначействомъ билетовъ отдѣлить

92³/₄ м. р. на постройку сибирской дороги. Но ресурсъ этотъ, какъ уже было сказано выше, доселѣ не былъ тронуть, такъ какъ возрастаніе доходовъ (и займы замѣтимъ) такъ увеличили паличность средствъ, что можно было обойтись безъ упомянутого источника. Затѣмъ, на основаніи нынѣшняго указа, будетъ уже произведена окончательная ликвидація всего финансоваго предиріятія 1881 года. Фиктивная рента, переданная банку, уничтожается, а вся оставшаяся сумма кредитныхъ билетовъ, «временно—нынѣшнихъ» на военныя потребности, присоединяется къ «постоянному» бумажно-денежному обращенію. Мы не будемъ при этомъ входить въ частности измѣненія, имѣющаго чисто-бухгалтерскій характеръ. Нельзя не признать, что при существующихъ условіяхъ невозможно возстановленіе размѣна и это одно объясняетъ все.

Но мы должны замѣтить, что теоретическія соображенія, какія приводились для объясненія этой ликвидаціи, едва-ли могутъ измѣнить общепринятую теорію о банковыхъ билетахъ, какъ обязательствахъ, подлежащихъ уплатѣ. Предоставивъ банку ренту чисто номинальную, напрасно и ссылаться на то, что ее нынѣ реализовать убыточно, такъ какъ она 5 процентная. Говорятъ еще, что уничтожить неоплатную сумму кредитныхъ билетовъ невозможно потому, что «если-бы даже это и повело за собою возвышеніе вексельнаго курса, то вызвало-бы новое, нежелательное колебаніе цѣнъ, къ которымъ успѣли уже примѣниться въ продолженіе протекшихъ 17 лѣтъ, какъ торгово-промышленная дѣятельность страны, такъ и общественная жизнь. «Съ другой стороны—объясняютъ еще—надлежитъ имѣть въ виду, что съ дальнѣйшимъ ростомъ страны естественно увеличивается потребность въ мѣновыхъ знакахъ, которая притомъ не уравнивается усовершенствованіемъ пріемовъ денежнаго обращенія; подтвержденіемъ истекающей отсюда необходимости въ усиленіи обращенія служитъ то, что, начиная съ 1888 г., правительство, въ періоды оживленія торговыхъ оборотовъ, вынуждалось къ производству особыхъ временныхъ (уже въ новомъ значеніи) выпусковъ кредитныхъ билетовъ, подѣ обеспеченіе золотомъ, каковыхъ остается въ обращеніи на 75 милл. рублей».

Мы не оспариваемъ данныхъ практическихъ необходимостей, но повторимъ только, что теоретическая ихъ мотивировка слишкомъ самобытна, но общепринятой теоріи не измѣняетъ. Временные выпуски, собственно съ коммерческой цѣлью, практиковались государственнымъ банкомъ и гораздо ранѣе 1888 года, но какъ всякая операція коммерческаго кредита, они погашались въ полгода. Если съ 1888 года остается такихъ выпусковъ на 75 милл. руб., то при нынѣшней ликвидаціи, быть можетъ, и ихъ слѣдовало зачислить въ категорію «постояннаго выпуска». Во всякомъ случаѣ, взгляды на бумажныя деньги—только какъ на мѣновые знаки, а не долговыя обязательства, не примется въ теоріи потому, что при немъ предполагалось-бы, что казначейство можетъ добывать себѣ сколько угодно средствъ, лишь-бы выпуски не превышали предполагае-

ую потребность рынка въ неимѣющихъ внутренней цѣнности мѣновыхъ знакахъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ вступилъ въ дѣйствіе новый пассажирскій тарифъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, выпедшій изъ инициативы министерства финансовъ и представляющій его заслугу. Пассажирское движеніе сильно оживилось и въ результатѣ можно предвидѣть, что доходъ, несмотря на большое пониженіе платъ, не уменьшится. Мы уже говорили о томъ, что въ экономическомъ смыслѣ было-бы важнѣе уменьшеніе платъ въ мѣстномъ движеніи, на разстояніяхъ меньшихъ чѣмъ 160 верстъ. Но возраженія въ этомъ смыслѣ противъ того, что теперь сдѣлано, мы готовы признать несправедливыми, въ виду того, что это—только опытъ, за которымъ, въ случаѣ его успѣшности, можетъ послѣдовать и пониженіе платъ на короткія разстоянія. По свидѣтельству желѣзнодорожной статистики, весьма, впрочемъ, недостаточной, пассажирское движеніе на разстояніи менѣе 160 верстъ составляетъ чуть-ли не три четверти всего итога движенія. Говорятъ: почему-же не сдѣлано важнѣйшее, а только меньшее? Но не сдѣлали на первый разъ именно потому, что боялись рискнуть большею частью всего дохода, боялись недобора въ главномъ, краткомъ пассажирскомъ движеніи. Если произведенная нынѣ реформа окажется успѣшной, то нельзя сомнѣваться, что будетъ удешевлено и сообщеніе на близкихъ разстояніяхъ, а это будетъ уже имѣть большое экономическое значеніе.

Въ частности, мы замѣтимъ, что уменьшеніе платъ на большія разстоянія (выше 1000 верстъ) быть можетъ нѣсколько преувеличено. Мы знаемъ случаи, что вмѣсто прежнихъ 39 рублей во II классѣ, теперь платятъ только 13 руб. Зато на разстоянія среднія (500—700 верстъ) скидка могла-бы быть нѣсколько больше. Затѣмъ, остался нерѣшеннымъ вопросъ объ обратныхъ билетахъ. Почему за 1300 верстъ, считая туда и обратно, приходится платить во второмъ классѣ 19 рублей, а за 1300 верстъ въ одинъ конецъ—15 рублей? Не все-ли равно для дохода, ѣдетъ-ли пассажиръ только впередъ или совершаетъ обратную поѣздку? Затѣмъ, замѣтимъ, что билеты льготные отмѣнены даже для служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, но льгота сохранена для офицеровъ. Такъ, служащій на варшавской дорогѣ, если ѣдетъ по своей надобности въ Вильно, во второмъ классѣ, платитъ 9 руб. съ копейками, а офицеръ платитъ 7 руб. съ копейками до Эйдкунена. Даже въ этомъ временномъ тарифѣ, очевидно, нужны еще нѣкоторыя поправки.

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

1.

Нѣчто о Петербургскихъ собраніяхъ и кружкахъ.

Въ зимніе мѣсяцы общественная жизнь Петербурга движется ускореннымъ темпомъ. Городъ, заброшенный на окраину государства, окруженный широкими просторами унылыхъ и бѣдныхъ болотистыхъ равнинъ съ рѣдкимъ населеніемъ, съ маленькими и скучными городишками, городъ, гдѣ живутъ чиновники и тоскуютъ русскіе литераторы, городъ, далекій отъ настоящихъ центровъ подлинной русской жизни, имѣетъ, все таки, въ самой атмосферѣ своей что-то влекущее къ нему и бодрящее; въ его каменныхъ стѣнахъ, подъ его млечными туманами чувствуется трепеть новыхъ мыслей, еще полувывсказанныхъ, но уже выяснившихся въ напряженномъ сознаніи столичнаго обывателя, чувствуется жажда иныхъ укладовъ жизни. Вошло въ привычку упрекать русское общество тѣмъ, что оно вяло, равнодушно, инертно, что карты и сигареты поглощаютъ исключительно его вниманіе. Упреки едва-ли основательные: масса общества всегда и вездѣ бываетъ болѣе или менѣ неподвижною, а русское общество выдѣляетъ изъ своей среды не мало людей, одержимыхъ безпокойнымъ стремленіемъ трудиться для общественной пользы. Условія нашей общественности заставляютъ, по всей вѣроятности, этихъ людей тратить гораздо больше усилій на осуществленіе своихъ плановъ, чѣмъ въ другихъ, болѣе культурныхъ странахъ, но это уже не вина общества. Если бы можно было сравнивать не результаты, а затрачиваемыя усилія, то, весьма вѣроятно, оказалось-бы, что русская общественная жизнь не такъ бѣдна, какъ это можетъ показаться. Бываетъ и такъ, конечно, что самыя безкорыстныя и самоотверженныя усилія пропадаютъ даромъ, подъ гнетомъ болѣе или менѣ странныхъ обстоятельствъ. Но человѣкъ, въ какихъ-бы обстоятельствахъ онъ ни жилъ, на какой-бы ступени развитія ни находился, не можетъ не стремиться къ общественному разсмотрѣнію

интересующихъ его вопросовъ. Русскій народъ никогда не былъ чуждъ этого стремленія. Вотъ этому-то стремленію и отвѣчаютъ всѣ тѣ общества и кружки въ Петербургѣ, научные, литературные, педагогическіе, дѣятельность которыхъ оживляется, обыкновенно, зимою. Во всѣхъ этихъ обществахъ и кружкахъ подымается много вопросовъ, имѣющихъ немаловажное общественное значеніе: освѣщается, напр., невозможное въ санитарномъ отношеніи состояніе жилищъ здѣшнихъ рабочихъ (докладъ женщины-врача Покровской въ обществѣ охраненія народнаго здравія), указывается на необходимость придти на помощь кустарямъ (докладъ г. Штанге); дѣлается иногда въ этихъ обществахъ и настоящее дѣло, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ. Большой публики бѣольшая часть здѣшнихъ общественныхъ собраній не собираетъ, приходитъ больше учащаяся молодежь, студенты, слушательницы курсовъ, учительницы начальныхъ городскихъ училищъ; эта-же молодежь составляетъ и значительную часть той публики, которая собирается на публичныя лекціи. Видно, что у всей этой публики интересъ широкій, но неопредѣленный, что-то въ родѣ чутья: тянется къ чему-то, поучиться, умныхъ рѣчей послушать.

Но гдѣ есть умныя рѣчи и горячія, искреннія стремленія, тамъ бываетъ всегда и примѣсь непониманія и неумѣнія: умныя рѣчи смѣняются или заглушаются безтолковымъ галдѣньемъ, собесѣдники не понимаютъ или не слушаютъ и не слышатъ другъ друга. Случается иногда, въ разгарѣ преній, подымается откровенный человѣкъ и негодующимъ тономъ заявляетъ:

— Я слушаю, слушаю и ничего не понимаю. Объясните, пожалуйста..

Случается и такъ, что говорить ораторъ о чемъ-то долго и убѣдительно, горячо и громко, но о чемъ именно—неизвѣстно: слышны какіе-то жованные звуки, да видна вѣспотѣвшая отъ натуги, взъерошенная, дикая фигура оратора, которая мѣрно раскачивается взадъ и впередъ, раскачивается и безнадежно-унылою правильностью, наводящею тоску и головокруженіе.

Или вотъ, напр., въ обществѣ трезвости: собрались, выбрали председателя собранія, приступили къ выборамъ членовъ комитета, усѣгли нашумѣться и накричаться, и вдругъ одинъ изъ членовъ заявляетъ:

— Считаю собраніе незаконнымъ!

Или вотъ еще, напр., въ педагогическомъ музеѣ соединенное засѣданіе отдѣловъ: имени Коменскаго и обще-педагогическаго. Отдѣлъ имени Коменскаго работаетъ уже около двухъ лѣтъ надъ изданіемъ сочиненій знаменитаго славянскаго педагога, да и само по себѣ, казалось-бы, имя Коменскаго не должно было-бы возбуждать недоумѣнія у лицъ, занимающихся педагогическими вопросами. А вотъ нашелся-таки молодой человѣкъ протестующаго вида, съ артистически-длинными волосами, членъ отдѣла имени Коменскаго, который счелъ умѣстнымъ вдругъ выразить свое непониманіе того, кто онъ такой, этотъ Коменскій?

Въ засѣданіи, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, и которое происходило 10 декабря, шелъ вопросъ о соединеніи этихъ двухъ отдѣловъ въ одинъ, который долженъ былъ-бы именоваться, по предложенію г. Модзалевскаго, обще-педагогическимъ отдѣломъ имени Коменскаго. Вопросъ, какъ вопросъ: у людей заинтересованныхъ должно было найтись, конечно, не мало, что сказать за это соединеніе и противъ него; и въ самомъ дѣлѣ, были пренія, приводились разные доводы. Но такъ какъ на долю русскихъ людей рѣдко выпадаетъ счастье убѣждать и доказывать, то и здѣсь, въ предѣлахъ несложнаго вопроса, должна была сказаться какою-нибудь курьезомъ наша непривычка спорить. Говорить противъ соединенія извѣстный педагогъ, авторъ нѣсколькихъ книгъ по педагогикѣ и психологій.

— Если отдѣлы соединятся,—соображаетъ онъ,—то будетъ уже не два предѣдателя, а одинъ; будетъ, вообще, меньше руководителей; а чѣмъ больше руководителей, тѣмъ лучше.

Почему лучше? Это и не доказывается: это считается аксіомой. Извѣстно, предѣдатели, секретари работаютъ, а прочіе члены ждуть руководства. Но въ чемъ? Какое руководство нужно людямъ, которые собираются обсуждать педагогическіе вопросы? Чѣмъ больше соберется людей, тѣмъ меньше на долю каждаго придется руководства, но зато тѣмъ больше будетъ обсужденія. А ужъ если гнаться за руководствомъ, такъ лучше членамъ всякаго общества разбиться по-парно: руководитель и руководимый, такъ по-парно и собираться: руководитель изложить свои мысли, руководимый ихъ хорошенько запомнить.

Вѣда только въ томъ, что и. руководство бываетъ иногда довольно неудачливое: предѣдатели зачастую говорятъ очень много, а руководство преніями все какъ-то ускользаетъ у нихъ изъ рукъ. Получаются пренія безсвязныя, длинныя, съ беспорядочными скачками въ разные стороны, съ томительными, ненужными повтореніями. Вотъ, напр., засѣданіе комитета грамотности 13 декабря. Прочитана смѣта на 1895 годъ. Возраженій не слышно. Предѣдатель предлагаетъ принять смѣту цѣликомъ или обсуждать ее по статьямъ. Но собраніе не успѣло или не захотѣло рѣшить вопроса, какъ обсуждать смѣту: цѣликомъ, по статьямъ,—подымается одинъ изъ членовъ и говоритъ, что количество остатковъ отъ предыдущаго года ежегодно уменьшается, а это показываетъ, что комитетъ тратитъ сверхъ своихъ средствъ. По этому поводу завязываются пренія. Большинство собранія, повидимому, склоняется къ мысли, что количество остатковъ не важно, что цѣль комитета вовсе не въ накопленіи остатковъ; спорящіе начинаютъ уже въ третій и четвертый разъ повторять свои соображенія. Очевидно, пора кончить разговоръ объ этомъ, но никто не знаетъ, какъ это сдѣлать, чтобъ кончить, потому что каждый хочетъ, чтобъ согласились съ нимъ. Наконецъ, одинъ изъ членовъ комитета, г. Ан. Кремлевъ, говоритъ:

— Такъ какъ вопросъ объ остаткахъ не имѣетъ существеннаго зна-

ченія, то я предлагаю закончить пренія и голосовать простой переходъ къ очередному порядку.

Оборотъ совершенно правильный и ясный: кому не жаль остатковъ, тотъ можетъ высказаться за простой переходъ къ другимъ статьямъ смѣты; кто хочетъ выбрать путь накопленія остатковъ, тотъ будетъ голосовать противъ,—и если это послѣднее мнѣніе восторжествуетъ, собранію останется только рѣшить, что-же дѣлать со смѣтой, составленной на такихъ основаніяхъ, которыя отвергнуты собраніемъ: возвратить-ли ее правленію комитета, передѣлать-ли ее въ этомъ-же засѣданіи, принять-ли иное рѣшеніе. Но,—очередной порядокъ! Кто-жь его знаетъ, что это такое, этотъ очередной порядокъ! И предсѣдатель, повидимому, принялъ этотъ очередной порядокъ за личное себѣ оскорбленіе.

— Господа, заговорилъ онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ въ отвѣтъ на предложеніе объ очередномъ порядкѣ:—я, право, даже не понимаю, о чемъ тутъ говорить. Мнѣ 40 лѣтъ приходится имѣть дѣло со смѣтами, и увѣряю васъ, что остатки не имѣютъ никакого значенія.

Но это было, конечно, только повтореніе того, что уже и раньше говорилось, повтореніе мало убѣдительное, — и разговоръ объ остаткахъ продолжался еще съ четверть часа, — пока случайно не перескочили къ другимъ, болѣе интереснымъ статьямъ смѣты.

Досадныя неловкости и беспорядочность такихъ преній дѣлаетъ людей раздражительными, а раздраженный человекъ не всегда умѣетъ быть достаточно вѣжливымъ къ своему противнику,—и поэтому пренія часто приводятъ къ обмѣну колкостей, совершенно ненужныхъ. Напр., при разсмотрѣніи той-же смѣты одинъ изъ членовъ указываетъ, что доходъ коммисіи по присканію средствъ показанъ въ слишкомъ большомъ размѣрѣ, большемъ, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы, и что было-бы осторожнѣе эту цифру предположеннаго дохода уменьшить. Юный докладчикъ смѣты почему-то оскорбился этимъ замѣчаніемъ, повидимому совершенно необходимымъ ни для кого, и принялся возражать, очень горячо и очень странно, что смѣту составляли взрослые люди, что они знали, что дѣлали. На посторонняго наблюдателя, не посвященнаго въ мелочныя подробности былыхъ столкновеній между членами комитета, неприятное впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ незрѣлый и неумѣтный задоръ. Впрочемъ, нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и невѣжливость къ другимъ сплетаются и съ нѣсколькими страннымъ, неуважительнымъ отношеніемъ къ себѣ самому. «Взрослые» люди не стѣсняются заявлять, что они слушаютъ, слушаютъ и ничего не понимаютъ. Нѣкто, при обсужденіи той-же смѣты, заявилъ собранію, что онъ — профанъ, и очень настойчиво повторялъ это словечко въ примѣненіи къ себѣ. Казалось-бы, если профанъ, такъ и не говори о томъ, чего хорошо не знаешь; но вышло такъ, какъ будто-бы самое это званіе профана даетъ право и возможность смотрѣть на вещи здраво и судить о нихъ правильно. И словечко «профанъ» понравилось собранію,—всѣ завидовали остроум-

ному оратору, сумѣвшему сказать свое слово. нѣкоторые пробовали даже повторить его, примѣняя къ себѣ, но это выходило уже не то: не было того разбѣга и свѣжести,—и подь конецъ вечера остроумнаго оратора стали, кажется, называть уже не по фамиліи, а просто г. Профанъ.

Впрочемъ, стремленіе сказать непременно свое и по своему, хотя-бы и въ качествѣ профана, стремленіе само по себѣ симпатичное; здѣсь чувствуется боязнь стадности и рутины, нелюбовь къ слишкомъ строгой дисциплинѣ, та нелюбовь, которою вообще отличается нашъ русскій народъ. Мягкой славянской натурѣ особенно близка эта боязнь обезличенія, боязнь излишняго единомыслія, и эта боязнь сказывается иногда тамъ, гдѣ ее совсѣмъ не ожидаешь встрѣтить. Читаль, напр., въ педагогическомъ музеѣ 10 декабря проф. А. Д. Вейеманъ докладъ объ учительской семинаріи Шиллера въ Гиссѣ, учрежденной для приготовления учителей гимназій. Семинарія существуетъ уже болѣе 10 лѣтъ, но только въ самое послѣднее время проф. Шиллеру удалось устроить такъ, что все преподаватели въ его гимназій и семинаріи болѣе или менѣе единомысленны съ нимъ въ педагогическихъ вопросахъ. Это даетъ возможность вести учебно-воспитательное дѣло особенно стройно и успѣшно и создаетъ изъ семинаріи проф. Шиллера большую нравственную силу. При обсужденіи доклада возникъ вопросъ: хорошо-ли было-бы, если бы и въ нашихъ русскихъ гимназійхъ было единомысліе между директоромъ и всеми учителями,—и это единомысліе было единогласно осуждено. Нѣмцамъ оно, можетъ быть, и годится: у нихъ сильно развита общественная жизнь, общество интересуется и учебными заведеніями, родители имѣютъ больше возможности знать, что дѣлается въ гимназійхъ, и, слѣдовательно, могутъ болѣе сознательно выбирать. А у насъ это единомысліе было-бы вредно. У насъ даже говорятъ: хорошо, если въ гимназій директоръ и инспекторъ не въ ладахъ, а какъ только они сѣлись,—бѣда. А вотъ и яркій примѣръ вреда учительскаго единомыслія, примѣръ, избобрѣтенный однимъ изъ участвующихъ въ преніяхъ и, повидимому, покорившій остальныхъ своею убѣдительностью: «представьте, если бы Л. Н. Толстой открылъ свою гимназію, да пригласилъ-бы туда своихъ единомысленниковъ,—вѣдь это что-же было-бы? Было-бы отъ чего притти въ ужасъ!».. Конечно, кто-же изъ благоразумныхъ читателей пожелаетъ, чтобъ его сынъ сдѣлался толстовцемъ!

Итакъ, русскіе родители не любятъ, чтобы ихъ дѣти находились подь опредѣленнымъ руководствомъ: пусть лучше ихъ тянутъ въ разные стороны. Зато «взрослымъ» людямъ хочется «нобольше руководителей», хоть они и сами «знаютъ, что дѣлаютъ». Во всемъ этомъ мало логики, но много самобытной психологій. Мы не хотимъ, чтобъ насъ убѣждали,—мы сами знаемъ; намъ больше правится внушеніе.—психологію толпы у насъ удобно изучать. Но такъ какъ толпа не обходится безъ героевъ, то и у насъ, надъ смутными волнами робкихъ стремленій, вспыхиваютъ яркіе образы самоотверженныхъ людей...

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. К р и т и к а.

La science du point d'honneur par A. Croabbon, 1 partie. Paris. 1894 г.

Въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія нѣкій французъ графъ де-Шатовилляръ собралъ въ Парижѣ цѣлую комиссію изъ 76 (!) лицъ лучшаго общества, опытныхъ въ вопросахъ чести и дуэли, и выработалъ въ ихъ сотрудничествѣ цѣлый кодексъ правилъ о дуэли. Кодексъ этотъ въ 1836 году появился въ печати подъ названіемъ: «Essai sur le duel». Вскорѣ онъ былъ переведенъ на англійскій, нѣмецкій, итальянскій и испанскій языки, а въ Германіи и Австріи даже удостоился названія «международнаго кодекса». Нынѣ Кроаббонъ написалъ къ нему солидный (584 стр.) комментарий.

Въ этомъ тождествѣ томѣ авторъ даетъ подробнѣйшій сводъ правилъ и обычаевъ дуэли, господствующихъ по преимуществу во Франціи, но примѣнимыхъ, конечно, и въ другихъ странахъ. И надо отдать ему справедливость: онъ, кажется, «все видѣлъ, высмотрѣлъ», предвидѣлъ всѣ mogućия возникнуть недоумѣнія (напр.: можно-ли драться съ кривоглазымъ? стр. 126; можно-ли драться дѣду за внука? стр. 79) и далъ на нихъ подробно мотивированныя рѣшенія. Поэтому его книга можетъ вполне разсчитывать на честь считаться полнымъ практическимъ руководствомъ для всѣхъ любителей и невольниковъ дуэли.

Особенно любопытна первая часть, гдѣ Кроаббонъ проводитъ различіе между обидой простой, тяжкой и насиліемъ. Это различіе необходимо точно опредѣлить, такъ какъ на него опирается основное правило дуэли: обиженный первой степени (простая обида) выбираетъ оружіе; обиженный тяжко—выбираетъ оружіе и дуэль. Наконецъ, оскорбленный насиліемъ—выбираетъ оружіе, дуэль и разстоянія. Не лишено своеобразнаго интереса примѣненіе этихъ правилъ для опредѣленія правъ обманутаго мужа (стр. 51—56). Тутъ авторъ считаетъ нужнымъ рѣшить вопросы, что надо понимать подъ обманутымъ мужемъ, какова природа и основа-

не права мужа и какова природа ущерба, наносимаго ему. Оказывается, подь обманутымъ мужемъ разумѣется «тотъ, чья жена нарушаетъ супружескую вѣрность, отдавая не своему законному собственнику (sic: légitime propriétaire!!), а кому-нибудь другому свое тѣло, душу, любовь, которыя она поклялась ему сохранить неприкосновенными». Отсюда вытекаетъ, что существуютъ два сорта невѣрности: нравственная и матеріальная, которыя, конечно, сообщаютъ разныя права мужу по отношенію къ оскорбителю. За сѣмъ оказывается, что «мужу принадлежитъ право исключительной собственности (!) на физическую и моральную личность жены и это право обосновываетъ понятіе супружеской чести, которую онъ долженъ защищать съ ревнивой заботливостью, подь страхомъ, въ противномъ случаѣ, подвергнуться общественному презрѣнію». Отсюда понятно, что «ущербъ», наносимый мужу при измѣнѣ жены, заключается въ узурпаціи принадлежащихъ ему правъ. Не правда-ли, со страннымъ складомъ понятій сталкиваемся мы тутъ? Не правда-ли, вѣсть чѣмъ-то захлываемъ отъ этого «тонкаго» юридическаго анализа?

Средній части книги сообщаютъ подробныя свѣдѣнія о порядкѣ производства разнаго рода дуэлей, о правахъ и обязанностяхъ дуэлянтовъ, секундантовъ, арбитровъ, «жюри чести» и прочихъ сопричастныхъ дуэлянтскихъ лицъ. Мы полагаемъ, что эти части съ удовольствіемъ изучитъ любой бреттеръ. И представляемъ себѣ, съ какой первной дрожью будетъ перелистывать ихъ какой-нибудь «невольникъ чести», стараясь познакомиться съ правами и обязанностями своего дикаго положенія.

Здѣсь намъ особенно не понравилось одно замѣчаніе г-на Кроаббона. «Стрѣлять въ воздухъ хотя и не запрещается прямо правилами дуэли, но служить признакомъ дурного тона» (стр. 227). Не стрѣлять въ чело-вѣка—дурной тонъ! Excusez du peu! Характерно также и слѣдующее. Предложеніе извиненій должно быть сдѣлано заблаговременно. На мѣстѣ поединка уже не время извиняться. И только потому, что законодательство, не входя во все тонкости вопросовъ чести, требуетъ отъ секундантовъ предложеній противникамъ примириться, они должны исполнить эту пустую формальность (стр. 147). Видите-ли, какъ тяжело нести эту рыцарскую обязанность—дуэлировать! Законодательство, грубое, не входящее въ «тонкости», обставляетъ ее нелѣпыми постановленіями! Такъ вѣдь если тяжело, то бросьте! Давно пора! Зачѣмъ вамъ, бѣднымъ, падать подь непосильной тяжестью? И подь чѣмъ вы гнете спину? Подь какой-то «рыцарскою» обязанностью! Скажите пожалуйста! Да вѣдь «рыцарство»—то есть продуктъ эпохи грубой, невѣжественной, кровавой! Зачѣмъ вамъ понадобилась эта окровавленная ветвь среднихъ вѣковъ? Вы лишены исторической перспективы: то, что было хорошо для эпохи поголовнаго звѣрства, то дико и нелѣпо для эпохи гуманной!

Заключительная часть тома посвящена отвѣтственности уголовной, гражданской и церковной, которой подлежать дуэлянты и секунданты. Тутъ сводъ постановленій разныхъ европейскихъ законодательствъ. По

рядомъ съ этимъ, чтобы успокоить читателя, все предусмотрѣнный авторъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ избѣжать этой отвѣтственности или, по крайней мѣрѣ, какъ смягчить ее. Указаны у него способы, какъ легальные, такъ и экстралегальные. Не знаемъ только, тотъ или другой способъ рекомендуетъ слѣдующій совѣтъ. Извѣстно, что во Франціи дѣла о дуэляхъ разсматриваются или судомъ исправительной полиціи или судомъ присяжныхъ, смотря по тяжести послѣдствій дуэли. Такъ Кроаббонъ рекомендуетъ постараться попасть на судъ присяжныхъ: онъ молъ снисходительно относится къ дуэли и чаще оправдываетъ. Вы понимаете, что это значить? Оказывается выгоды, слышите-ли, выгоды убить человѣка или тяжело ранить, чѣмъ не убить или ранить легко!

Но довольно! Постараемся скорѣй забыть то своеобразное впечатлѣніе, которое оставило въ насъ чтеніе этой книги. Вѣдь подумайте, это ни больше ни меньше, какъ трактатъ о томъ, изъ-за чего и какъ можно, нѣтъ, мало того: — *должно* убивать человѣка! Неужели намъ до сихъ поръ нужны подобныя трактаты?

Кроаббонъ оправдываетъ необходимость «de la législation du point d'honneur», какъ онъ выражается, тѣмъ, что уголовный законъ молчитъ о многихъ оскорбленіяхъ, его наказанія не удовлетворяютъ оскорбленнаго и наконецъ онъ не можетъ охватить всѣхъ оскорбленій тонкаго, деликатнаго чувства (стр. 1). А дуэль можетъ? спросимъ мы его. Онъ даже и не поднимаетъ этого вопроса. Онъ просто вѣрнѣ въ дуэль. И мы знаемъ, почему онъ такъ наивно вѣрнѣ: потому-что онъ *любитъ* дуэль. Да, любить! Не даромъ онъ такъ старательно упражнялся въ стрѣльбѣ изъ пистолета подлѣ Виши! (Объ этомъ авторъ сообщаетъ на стр. 401). Только вотъ для такихъ любителей дуэли, старательно готовящихся къ ней въ продолженіе всей своей жизни, она и можетъ имѣть смыслъ.

Да и кого можетъ удовлетворить дуэль? Развѣ она можетъ удовлетворить оскорбленное чувство порядочнаго человѣка? Этотъ предразсудокъ только развизываетъ руки нѣкоторымъ наглецамъ. Они дѣйствуютъ нагло, омерзительно и продолжаютъ считать себя и даже считаться «порядочными» людьми, такъ какъ готовы каждую минуту «дать удовлетвореніе» оскорбленному. И г. Кроаббонъ еще болѣе укрѣпляетъ ихъ въ сознаніи ихъ «правъ и обязанностей».

Общественное мнѣніе давно возстаетъ противъ дуэли. Да иначе и быть не можетъ. Дуэль есть остатокъ старины, той старины, когда дворянство составляло прочную корпорацію. И дуэль была средствомъ для защиты корпоративной чести *). На каждаго дворянина его «дворянство» налагало рядъ чисто вишинихъ обязанностей, составлявшихъ несложный кодексъ его дворянской чести. Для поддержанія этой чести вовсе

*) Нашъ новый законъ о дуэляхъ стоитъ на той-же почвѣ. Онъ разрѣшаетъ дуэль только для военныхъ, т. е. для корпорацій и въ той мѣрѣ, въ какой требуетъ ея корпорація (судъ офицеровъ).

не требовалось действительно «честнаго» поведенія, а достаточно было съ оружіемъ въ рукахъ накидываться на всякаго, кто усомнится въ ней. И это было какъ нельзя удобнѣе для дворянина, потому что быть нравственнымъ его не учили, а фехтовать и стрѣлять учили. Надо думать, что мы давно переросли несложныя претензіи старой «дворянской чести» и понимаемъ честь глубже и шире, чѣмъ наши средневѣковые предки.

Б. Библиографія.

1. ВЕЛЛЕТРИСТИКА. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дѣтскія тѣни. Разказы *Д. Мамна-Сибиряка*. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1894 г. Ц. 80 к.

Печальная картина развернется передъ будущимъ историкомъ, если ему попадутся «Дѣтскія тѣни» г. Мамна-Сибиряка, и невольно возникнетъ въ душѣ сомнѣніе: да былъ-ли правдивъ писатель, парисовавшій эту ужасную картину. Къ сожалѣнію для насъ, современниковъ, этого вопроса существовать не можетъ. Мы знаемъ хорошо, что талантливый авторъ правъ, рисуя передъ нами вереницу дѣтскихъ типовъ, действительно производящихъ впечатлѣніе тѣней. Эти дѣти слишкомъ слабо связаны съ жизнью, на ихъ долю отпущено слишкомъ мало жизненныхъ силъ и смерть быстро принимаетъ эти маленькія тѣни подъ свое покровительство. Родители передали этимъ дѣтямъ свою нервозность, свои болѣзни, свои пороки, родители, сходясь другъ съ другомъ безъ любви, не могли передать своимъ наследникамъ запаса жизненной энергіи и, такимъ образомъ, передавъ имъ свои недостатки, не дали средствъ самозащиты. Желая чѣмъ-нибудь поддержать жизненные силы своихъ дѣтей, родители хотятъ исправить дурное качество крови хорошимъ качествомъ молока и напимаютъ здоровыхъ деревенскихъ коридницъ. Въ результатъ получается новая дѣтская тѣнь, — крестьянскій ребенокъ, лишенный материнскаго молока и материнской ласки.

Тема, взятая г. Мамнымъ-Сибирякомъ, огромна и, само-собою разумеется, что изданные очерки далеко не исчерпываютъ этой темы. Но внимательный читатель можетъ замѣтить, что если тутъ обрисованы далеко не все «дѣтскія тѣни», зато вдали видѣется еще вереница тѣней, тѣней не названныхъ, но присутствіе которыхъ невольно чувствуется. Это материнскія тѣни. Большею частью, когда говорить о несовершенствахъ нашего воспитанія, упоминаютъ только о дѣтяхъ, какъ о жертвахъ

этого несовершенства и забываютъ, что большею частью тамъ гдѣ капаютъ дѣтскія слезы, материнскія слезы льются ручьями.

«Дѣти». Разказы не для дѣтей. *Сары Гутцлеръ*. Переводъ Л. П. Шелгуновой. Изданіе М. М. Ледерле и К^о. Спб. 1894 г.

Разказы Сары Гутцлеръ служатъ прекрасной иллюстраціей того положенія, въ которомъ находятся будущіе граждане и граждачки западной Европы. Но если сравнивать произведенія обоихъ авторовъ, то невольно бросается въ глаза, что иностраннѣе авторъ, рисуя дѣтскія нечаша, выбираетъ своихъ героевъ преимущественно изъ пролетаріата и если описываетъ несчастье ребенка изъ зажиточнаго семейства, то это несчастье мимолетное, случайное и какъ таковое исчезаетъ. Русскій писатель, вѣрный завѣтамъ исторіи, невольно показываетъ, что и при изобиліи бываетъ отсутствіе порядка и «маленькіе люди» гибнутъ и въ подвалахъ и въ самой роскошной обстановкѣ. Русскій писатель указываетъ на ошибки и пороки взрослыхъ людей, на недостатки социальнаго устройства и на то ужасное зло, которое простекаетъ изъ такого положенія вещей для подросткающаго поколѣнія. Задача иностраннаго автора иъ-сколько уже. Онъ главнымъ образомъ старается обратить вниманіе на внутренній міръ ребенка, указываетъ на тѣ искры добра и любви, которыя такъ безжалостно топчутся взрослыми, исключительно благодаря собственной близорукости. Очень можетъ быть, что родители, такъ называемаго испорченнаго ребенка, прочтя такіе разказы, задумаются надъ вопросомъ: а гдѣ у нашего ребенка та искра, которая только ждетъ заботы и ухода, чтобы разгорѣться въ пламя; итъ-ли у него тѣхъ добрыхъ задатковъ, которые только временно заглохли и при первой искренней ласкѣ готовы воспринять и оживить всю душу, какъ лѣтній дождь оживляетъ засохшіе цвѣты.

Соблазны міра. Ромашъ *М-съ Бреддонъ*. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1894 г. Ц. 1 р.

Извѣстная пословица «не въ деньгахъ

счастьемъ неоднократно служила темой для различныхъ литературныхъ произведений. Фирма «Посредникъ» неоднократно проводила эту избитую, но постоянно забываемую истину въ своихъ изданіяхъ и, конечно, не могла не обратить вниманія на удачную разработку излюбленной темы въ романѣ извѣстной англійской писательницы м-съ Бреддонъ.

Герой романа молодой писатель Джерардъ Гиллердонъ, измученный бѣдностью и безпорядочной жизнью, рѣшается покончить съ собой. Неожиданно доставшееся наследство заставляетъ его отказаться отъ своего намеренія и вчерашній бѣднякъ, превратившись въ миллионера, старается получить возможно большее количество счастья, не жалея дешево доставшихся денегъ. Все что такъ манитъ бѣняка; все удовольствія, развлечения все становится доступнымъ для Гиллердона, но между тѣмъ, онъ чувствуетъ недовольство, неудовлетворенность, онъ чувствуетъ, что счастья нѣтъ. Къ недовольству, къ сожалѣнію, не совсемъ кстати примѣшивается по волю автора смертельный недугъ, который рано или поздно долженъ покончить расчеты героя съ жизнью, и герой тщетно мечется среди соблазновъ міра въ поискахъ за счастьемъ, а смерть подступаетъ къ нему все ближе и ближе. Среди этой безпорядочной жизни герой встрѣчаетъ молодую дѣвушку, сходится съ ней, разбиваетъ ей жизнь и проходитъ дальше такой-же неудовлетворенный и несчастный. Почти наканунѣ смерти, охваченный холодомъ и ужасомъ приближающагося конца, онъ вспоминаетъ о брошенной имъ женщинѣ и старается исправить причиненное зло. Это раскаяніе примиряетъ его наконецъ и съ жизнью и съ необходимостью разлуки съ міромъ, соблазны которого такъ долго манили его къ себѣ. Романъ читается съ интересомъ.

Святочные рассказы. *И. И. Познякова.* III. Мятель. Спб. 1894 г. Ц. 10 к. Изданіе книжнаго магазина П. В. Ликовникова.

Изъ подъ пера г. Познякова иногда выходятъ весьма удачныя вещи. Къ такимъ вещамъ несомнѣнно принадлежатъ и рассказы «Мятель», который прочтете не безъ интереса маленькими читателями всѣхъ классовъ общества. Авторъ очень просто и художественно рисуетъ положеніе маленькаго крестьянскаго мальчишки, оставленнаго дома родителями, уѣхавшими въ лѣсъ за хворостомъ и задержанными сильной мятелью. Мальчишкѣ деть въручать родителей, а мать сбѣжать къ нему и оба чуть не замерзаютъ въ снѣгу, но къ счастью все обходится благополучно. Рассказъ изданъ довольно изящно и цѣна его недорога.

Какъ я была маленькой. Изъ воспоминаній ранняго дѣтства. *В. И. Желтковой.* Изданіе 2-е Спб. 1894. Ц. 1 р. 269 стр.

Въ прошлой книжкѣ «Свернаго Вѣстника» мы дали отзывъ о повѣсти г-жи Желтковой «Мое отрочество». Теперь же вышла новымъ изданіемъ ея повѣсть, представляющая собою первую часть разобранной недавно: въ ней авторъ рассказываетъ о своемъ раннемъ дѣтствѣ — и рассказываетъ лучше, живѣе, чѣмъ ей удается воспроизвести предъ читателями свое отрочество. Что составляетъ интересъ этой книжки? Фабулы никакой, нѣтъ разсказа, сдѣланныя обстоятельствомъ, которые держали-бы читателя около себя въ напряженномъ вниманіи и увлеченіи—но интересъ въ книжкѣ, тѣмъ не менѣе, много. Весь онъ—въ правдивости и живности ея содержанія, искренности и теплотѣ изложенія. Это—просто картинки изъ жизни ребенка, но этотъ рядъ картинокъ пестрый, яркій, богатый.. Онѣ даже пересказу не поддаются, но онѣ живы, вѣрны, детальны; читателя любого возраста завлекутъ онѣ, а не только ребенка. Онѣ—не простая болтовня, не переливаніе изъ пустаго въ порожнее, какихъ такъ много въ нашихъ дѣтскихъ книжкахъ: онѣ говорятъ о чело-вѣкѣ (правда, маленькомъ еще чело-вѣкѣ), объ его мысляхъ и чувствахъ, объ его внутренней жизни—и все это сообщаютъ онѣ образами, яркими и живыми, безъ морализирования, безъ сентиментальности, безъ педагогической скуки.

Иллюстрированная сказочная бібліотека Ф. Павленкова. Спб. 1894.

Г-ну Павленкову пришла хорошая мысль издать какъ можно дешевле сказки всѣхъ выдающихся писателей культурныхъ народовъ. Составъ всей задуманной бібліотеки предполагается въ двѣсти книжекъ. Пока ихъ вышло 40 книжкомъ, а именно: сказки Андерсена (30 книжкѣ), Гауфа (6 кн.) и Густафсона (5 кн.). Желательно скорѣй имѣть все это изданіе, такъ какъ оно даетъ богатый выборъ сказокъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Вопросъ только одного: какъ почтенный издатель справится со сказками русскихъ писателей? Многие изъ лучшихъ нашихъ авторовъ находятся еще въ цѣпкой собственности гг. издателей-книжниковъ. Попробуй-ка онъ вырвать сказки Жуковского изъ когтей г. Гаазинова, «Аленькій цвѣточекъ» Аксакова отъ г. Мартынова, «Ковчегъ-горбунокъ» Ершова—отъ г. Лещова,—сейчасъ-же издатель уцѣлится за своихъ кормальцевъ и завопятъ, что еще не истекла 50-лѣтняя давность со времени смерти этихъ писателей... Да, иностранныхъ сказочниковъ г. Павленковъ издаетъ свободно, а русскихъ врядъ-ли ему удастся выпустить въ желательной полнотѣ: наши издатели сейчасъ тормоза пустятъ въ ходъ.

Библіотека сказокъ, собранныхъ братьями Гриммъ. Переводъ подъ редакціей А. Терешкевича. Изданіе книжнаго магазина А. Г. Кольчугина. М. 1894. Ц. по 20 коп.

Хорошенькія сказочки братьевъ Гриммъ, такъ правящіи дѣтямъ, собраны въ четыре довольно объемистыя (по 120 слишкомъ страницъ), опрятно, крупнымъ шрифтомъ и съ сносными рисунками отпечатанныя, притомъ недорогая книжка. Переводъ хорошъ. Чтеніе—вполнѣ подходящее для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ,—чтеніе занимательное и полезное, развивающее воображеніе и литературный вкусъ.

Незамѣнимые. Сказка *Георга Эберса*. Переводъ Л. Спичной. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе“. Спб. 1894. Ц. 15 коп. 55 стр.

Поэтическую сказку знаменитаго писателя, отличную переведенную г-жою Спичной, усердно рекомендуемъ для чтенія дѣтямъ дѣтъ отъ 8-ми. Она полна воспитательнаго смысла и каждаго ребенка наведетъ на серьезные, плодотворныя размышленія. Княгиня Видувильдъ вообразила, что она и ея мужъ незамѣнимы; но ей пришлось убѣдиться въ противномъ: они дѣйствительно, оказались «незамѣнимы», но только въ другомъ смыслѣ. Когда Волотный духъ предсказалъ имъ скорую смерть при неполненіи поставленныхъ имъ тяжелыхъ условій, они обратились къ народу въ надеждѣ, что найдутся многіе, которые изъявятъ готовность идти за нихъ на казнь; но въ народѣ не нашлось никого, кто-бы изъявилъ такую готовность. Дѣйствительно-же «незамѣнимы» они оказались лишь тогда когда все свои дѣятельности обратили на служеніе своему народу: тутъ ужъ въ народѣ скоро сложилась молва объ ихъ «незамѣнимости».

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. 3-е изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Югансона. Кіевъ и Харьковъ. 1894. Ц. 35 коп. 444 стр.

Чрезвычайно дешевой и объемистой сборникъ этотъ, украшенный нѣсколькимъ недурными рисунками, содержитъ въ себѣ 35 произведеній лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Жуковского, А. и Л. Толстыхъ, Дашилевскаго, Гоголя, С. Аксакова, Достоевскаго, Одоевского, Тургенева, Некрасова. Тутъ-же есть сказки и менѣе знаменитыхъ писателей: Садовникова, Ершова и В. Крестовскаго. Выборъ очень хорошъ. Не следовало-бы однако включать «Вій» Гоголя какъ настраивающій воображеніе дѣтей болѣзненно. Есть произведенія и не въ сказочномъ родѣ, кн. «Двудушка Мазай—зайцы» Некрасова; по это не портитъ книжку, такъ какъ такіа пѣсы все-же остаются прекрасными произведеніями, въ какой сборникъ ихъ ни поставь. Вообще, книжка вполнѣ оправдываетъ свой успѣхъ: въ короткое время она выходитъ уже третьимъ изданіемъ и, навѣрно, ей суждено выдержать еще много изданій.

Миша Вершинскій. Повѣсть для дѣтей *Лидіи Тураевъ*. Спб. 1894. Ц. 25 коп. 64 стр.

Вотъ эта книжка не оправдываетъ ни своей цѣны, да и успѣха, вѣроятно, не оправдаетъ, потому что такового ей не дожидаться. Безвѣстное повѣствованіе о мальчикѣ, который сначала былъ «нехорошій», а потомъ очень быстро, подъ влияніемъ хорошихъ, самъ сталъ „хорошій“. Такіе рассказы появляются у насъ сотнями, и сотнями-же забываются.

Какъ жилось маленькой мушкой въ Москвѣ-старушкѣ. Не былъ и не сказка. *С. Ф. Либровича*. Съ рисунками Э. Соколовскаго. Изданіе книгопродавца Ф. А. Югансона. Кіевъ и Харьковъ. 1894.

Передъ нами лежитъ цѣлая куча книжекъ г. Либровича—все въ такомъ-же родѣ, какъ та, заглавіе которой мы только-что выписали. Заглавія остальныхъ не выписываемъ: это взяло бы у насъ слишкомъ много мѣста, котораго эти книжки, право же, не стоятъ, потому что это—сплошная, беззащитничав. рыночная чепуха, и сказать объ ней стоить лишь въ томъ смыслѣ, чтобы предупредить покупателей, которые, чего добраго, польстятся на заманчивый видъ этихъ книжекъ. Изданы онѣ очень оригинально, въ какую-то микроскопическую долю листа, въ форматѣ шахматной кѣтки, такъ что даже въ кармазѣ кукольнаго платья ихъ легко уместить можно. Это какія-то книжки-игрушки. Издаваемые не столько для чтенія, сколько для забавы дѣтямъ. Ни педагогія, ни литература въ нихъ, по выраженію Тургенева, «и не почевали». Мушка, забравшись въ чепчикъ къ своей барынь, ѣдетъ съ нею изъ Петербурга въ Москву и тутъ осматриваетъ разныя достопримѣчательности старинныя... Вотъ когда можно воскликнуть вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановой: «*Богъ знаетъ, что вы говорите, Аванасій Ивановичъ!*».

Отроческіе годы Пушкина. *В. И. Авераріуса*. Спб. 1894 г.

Мы очень мало знаемъ жизнь нашихъ выдающихся писателей, а между тѣмъ біографія дѣйствительно замѣчательнаго чловека всегда интересна. Отрочество и зрѣлые годы Пушкина также преисполнены бытового и индивидуальнаго значенія. Повѣсть г. Авераріуса о поступленіи и пребываніи Пушкина въ царскоесельскомъ лицей полна живыхъ образовъ, его дяди-поэта, Василія Львовича Пушкина, лицейскаго директора Малюцкаго, надзирателей, слугъ, товарищей (Пушкин, Дельвига, Кюхельбекера), сотрудниковъ по изданію лицейскаго журнала, устройенію театра и т. д. Означенная книга является такимъ образомъ вполнѣ исторической повѣстью, объясняющей вмѣстѣ съ тѣмъ, и личный характеръ поэта, и исторію развитія его поэтическаго дара сначала въ собственной литературной семьѣ и затѣмъ въ школьномъ кружкѣ—маленькихъ поэтовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что историко-литературная повѣсть г. Авераріуса о Пушкинѣ выдержала два изданія,

но настоящее третье издание впервые иллюстрировано картинками, изображающими юного Пушкина въ различныхъ эпизодахъ его жизни.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Очеркъ исторіи церковно-приходской школы. Выпускъ первый. Отъ основанія школы при Св. Владимірѣ до монгольскаго ига. *С. Миропольскаго.* Приложение къ журналу «Церк. Вѣдомости». Спб. 1894.

Г. Миропольскій недоволенъ земскою школою: въ ней дѣти, по его мнѣнію, воспитываются «въ духѣ международномъ, въ духѣ рационализма, индиферентизма». А вотъ «судьбы нашей школы», церк.-прих., представляютъ «величавую, поучительную и трогательную картину»,—и г. Миропольскій намѣренъ представить первый опытъ ея исторіи. Взглядъ автора на исторію нашей начальной школы, по его словамъ, подтверждается фактами. Но уже пзъ введенія видно, что авторъ не намѣренъ слишкомъ стѣсняться фактами; напр., авторъ полагаетъ, что въ царствованіе Александра II духовенство открыло множество церк.-прих. школъ, а учрежденіе земствъ только привлекло къ школѣ (уже существующей?) новыя средства. Затѣмъ авторъ развѣртываетъ блестящую картину древняго нашего просвѣщенія, картину совершенно «особенную», такъ что «исторія во всемъ мѣрѣ не представляетъ ничего подобнаго»: христіанство чрезвычайно быстро принято и усвоено; о вліяніи древняго язычества и говорить не стоить, такъ оно ничтожно; школы были открыты повсемѣстно и доступны для всѣхъ; зловредныхъ земскихъ школъ вовсе не было, все были школы церковныя; насильно дѣтей въ школы не посылали, объ обязательномъ обученіи не было и рѣчи; учителя обходились «любовнымъ обычаемъ»; школа не только обучала (чтенію, письму и пѣнію), но и воспитывала въ духѣ церковности и патриотизма и т. д.,—словомъ, картина безъ тѣней, очень восторженная и вполне согласная, если не съ фактами, то съ воззрѣніями и пожеланіями автора. Повидно, что дѣду, въ защиту котораго выступаетъ г. Миропольскій, трудно помочь такимъ «исторіямъ»: при всѣхъ заслугахъ церк.-прих. школы, все-же невѣжество народа поразительно. Вопросъ о выборѣ между земскою школою и церк.-приходскою разрѣшается проще, не благонамѣренными разглагольствованіями, хотя-бы и на историческія темы, а самою жизнью: земство въ лучшую пору своей дѣятельности (а въ значительной мѣрѣ и теперь) и могло, и хотѣло устранять хорошія школы, — сельское духовенство само тяготится своими школками и не ищетъ для нихъ ни времени, ни средствъ.

Э. Берендтсъ, проф. демадовскаго юридическаго лицея. **Государственное хозяйство Швеціи.** Ч. II. Вып. I и II. Ярославль. 1894.

Первая часть этого солиднаго труда явилась въ печати въ 1890 г., послужила магистерскою диссертацией автора, защищенной имъ въ Петербургскомъ университетѣ. Эта первая часть была посвящена исторіи государственнаго хозяйства Швеціи до 1809 г. Нынѣ являющаяся вторая часть излагаетъ эту исторію вплоть до послѣдняго времени. Каждый образованный человѣкъ съ удовольствіемъ и съ большой пользой для себя прочтетъ это сочиненіе. Въ русской вообще бѣдной политической литературѣ о Швеціи до сихъ поръ не было ровно ничего. Пр. Берендтсъ богато пополняетъ этотъ пробѣлъ. Его трудъ, пока еще неоконченный (ожидается 3-й выпускъ 2-ой части, вмѣняющей представить обзоръ государственныхъ доходовъ и расходовъ Швеціи), всесторонне ознакомитъ русское общество съ этой интересной въ политико-экономическомъ отношеніи страной. Мы особенно рекомендуемъ этотъ трудъ въ виду того, что вопросъ о надежной постановкѣ государственнаго хозяйства, кромѣ теоретическаго интереса, приобретаетъ все болѣе и болѣе живучее практическое значеніе. Современное государство все шире и шире раздвигаетъ свою хозяйственную дѣятельность. И человѣкъ, не относящійся безучастно къ развивающейся вокругъ него государственной жизни, долженъ ознакомиться съ научнымъ рѣшеніемъ вопросовъ о задачахъ, предѣлахъ и формахъ хозяйственной дѣятельности государства. Въ этомъ ему хорошо можетъ помочь трудъ проф. Берендтса тѣмъ болѣе, что онъ написанъ живымъ, легкимъ, подчасъ даже увлекательнымъ языкомъ.

А. Н. Максимовъ. **Наши задачи на тихомъ океанѣ.** Политическіе этюды. Спб. 1894 г.

Прямо скажемъ: мы противъ подобнаго этюдоваго. Мы болѣе чѣмъ съ недовѣріемъ отнесемся къ людямъ, которые кричатъ «къ оружію» въ то время, когда всѣ доброжелательные люди убѣждены, что не въ оружіи, а въ разоруженіи единственное спасеніе государства. А. Н. Максимовъ въ восторгѣ отъ «трехвѣкового, богатырскаго, безпримѣрнаго движенія Россіи на Востокъ» (стр. 12). Но онъ находитъ, что для закрѣпленія за нами тихо-океанскаго побережья еще нужно стѣлать «кое-что», какъ онъ выражается (стр. IV). Это «кое-что» оказывается цѣлою политической программой. Такъ, намъ нужно быть какъ можно болѣе на сторожѣ съ Китаемъ, который былъ будто-бы искони нашимъ злѣйшимъ врагомъ и съ которымъ намъ предстоитъ чуть-ли не неминуемая война и даже не поздиѣ, какъ въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе (стр. 29). Въ виду этого намъ необходимо вступить въ самое сердечное соглашеніе съ Японіей: она де всегда была къ намъ дружески расположена. Нынѣ нужно ее убѣдить, что для нея прямой расчетъ

отказаться отъ Кореи и предоставить намъ установить надъ послѣдней свой протекторатъ. Но для успѣха этой политики надо прежде всего всегда имѣть въ виду англичанъ. Ихъ интересы на крайнемъ Востокѣ «диаметрально противоположны» нашимъ. Поэтому «намъ не слѣдуетъ *никогда* входить въ какое-либо соглашеніе съ Англійю на берегахъ Тихаго океана» (стр. 140). Надо твердо помнить, что «просвѣщенные мореплаватели считаютъ изгнаніе Россіи съ береговъ Тихаго океана законною цѣлью всей своей политики» (стр. 127). Поэтому для насъ является неотложной необходимостью усилить нашъ Тихоокеанскій флотъ и въ особенности развитъ крейсерство, это узаконенное пиратство, противъ котораго уже давно высказывается международное право.

Въ виду самой свѣжей современности затрогиваемыхъ авторомъ вопросовъ, многіе съ интересомъ прочтуть его кивку, бойку, даже слишкомъ бойко написанную. Только... впрочемъ и безъ нашего предувѣдомленія читатели отнесутся осторожно какъ къ изложенію авторомъ фактовъ, которое по своему языку напоминаетъ военную релянцію о побѣдѣ, такъ и къ его выводамъ, отъ которыхъ вѣтъ «коковскимъ глазомъ-ромъ», если вспомнить это выраженіе Щедрина

Отчетъ за 1893 г. Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнауль.

Подѣлимся съ читателями утѣшительнымъ фактомъ. Въ Сибири существуютъ нѣсколько обществъ попеченія о народномъ образованіи (напр. Томское, Красноярское, Курганское). Отчетъ одного изъ нихъ — Барнаульскаго — передъ нами. Это общество дѣйствуетъ уже 10 лѣтъ. Въ отчетномъ году оно состояло изъ 468 членовъ и имѣло доходъ въ 4,252 р. 30 к. Если вспомнить, что въ Барнауль всего около 20 т. жителей, то эти цифры окажутся утѣшительными. Общество основало и содержитъ двѣ школы (къ 1 января 1894 г. 223 учащихся), снабжаетъ немущихъ учащихся учебными пособиями, одеждою и даже завтракомъ, поддерживаетъ двѣ библиотеки [одна изъ нихъ безплатная]. И притомъ оно постоянно стремится расширить свою дѣятельность. Такъ выпъ оно озачеено устройствомъ книжнаго склада. Въ истекшемъ году оно обращалось съ ходатайствомъ о разрѣшеніи воскресныхъ школъ, но получило отказъ на томъ основаніи, что «по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 1го іюня 1862 г., все существовавшія воскресныя школы закрыты впредь до преобразованія ихъ на новыя началахъ, какового преобразованія до сего времени не послѣдовало». Также неудачна была просьба общества о разрѣшеніи народныхъ чтеній. Такъ какъ для разрѣшенія въ Барнауль народныхъ чтеній потребовалось-бы измѣненіе Высочайше

утвержденныхъ 24 декабря 1876 г. правилъ объ устройствѣ народныхъ чтеній въ *губернскихъ* городахъ, то почетный западно-сибирскаго учебнаго округа «не призналъ возможнымъ» возбудить подобное ходатайство для одного *уезднаго* города. Такъ поощряется у насъ общественная пассивность!

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Сборникъ статей. Изд. московск. комитета грамот. въ пользу воскресныхъ школъ. Москва. 1895.

Изъ восьми статей, составляющихъ эту книгу, семь посвящены воскреснымъ школамъ, и въ одной говорится о книжныхъ складахъ въ провинціи; эта статья В. П. Вахтерова, вмѣстѣ съ другою статьею того же автора «Воскресныя школы и повторительные классы» представляетъ интереснѣйшія страницы книги. Г. Вахтеровъ сообщаетъ исторію нашихъ городскихъ и сельскихъ воскресныхъ школъ и сближаетъ ее съ аналогичными движеніями въ зап. Европѣ. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, поражаетъ наша отсталость (не мѣшающая, конечно, завѣшнымъ людямъ похвалиться тѣмъ, что мы — пародъ совсѣмъ особенный); въ то время, какъ Швейцарія имѣетъ около 6000 воскресныхъ, Финляндія — болѣе 5000, остзейскія губерніи — 483, вся остальная Россія имѣетъ ихъ не болѣе 300. А у насъ воскресныя школы для взрослыхъ были-бы особенно полезны при той поразительной дикости большинства народа, любопытные примѣры которой приводитъ, между прочимъ, и г. Вахтеровъ (стр. 78—81). Было время, когда воскресныя школы были весьма популярны въ обществѣ, — и тогда онѣ сыграли весьма важную роль: онѣ наглядно показали преимущество новыхъ способовъ обученія и возможность достигать успѣховъ безъ внѣшнихъ мѣръ побужденія. да и современная практика этихъ школъ представляетъ не мало поучительнаго въ спеціально-педагогическомъ отношеніи, какъ это видно изъ статей объ обученіи грамотѣ и арифметикѣ въ воскресныхъ школахъ. Такъ какъ въ книгѣ содержится не мало интереснаго не только для педагоговъ, но и для всѣхъ интересующихся народнымъ просвѣщеніемъ, то нельзя не пожелать возможно широкаго распространенія этой книги въ обществѣ. Чистая прибыль съ изданія пойдетъ въ пользу воскресныхъ школъ.

Проектъ устройства летучаго отряда частныхъ преподавателей по медицинскимъ наукамъ въ г. Тифлисѣ. Д-ра *Г. П. Островскаго*. Тифлисъ. 1894.

Обширность нашего отечества, а также отсутствіе университетовъ на окраинахъ обрекаетъ большинство провинціальнахъ врачей на постепенное отвыканіе отъ науки, что не можетъ не отражаться на интересахъ больныхъ, а стало быть и всего общества. Д-ръ Островскій предлагаетъ для борьбы съ указаннымъ зломъ періодическое

приглашеніе специалистовъ, которые бы читали мѣстнымъ врачамъ практическіе курсы по разнымъ отдѣламъ медицины.

Мысль эту нельзя назвать неосуществимой, но для ея проведенія въ жизнь необходима, какъ для всякаго новаго дѣла, громадная энергія. Въ томъ-же, что она принесетъ пользу, невозможно сомнѣваться. Летучіе отряды для усовершенствованія врачей должны быть предпочтены летучимъ отрядамъ, отправляемымъ для леченія народа, такъ какъ эти послѣдніе отряды могутъ подорвать авторитетъ мѣстныхъ врачей и породить неизбѣжныя недоразумѣнія среди ихъ пациентовъ.

Брошюра д-ра Островскаго читана имъ въ засѣданіи Кавказскаго медицинскаго общества. Къ сожалѣнію, при ней не приложены пренія, и о судьбѣ проекта мы ничего не знаемъ.

Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и обработанныя П. В. Шейномъ.

Едва-ли между собирателями произведеній пародной словесности можно указать болѣе почтеннаго дѣятеля, какъ П. В. Шейнъ. Уже въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ нашимъ географическимъ обществомъ были изданы обработанный г. Шейномъ объемистый сборникъ произведеній блгурской народной поэзіи, къ которому критика отнеслася очень благосклонно и за который г. Шейну была присуждена уваровская премія. Но такъ какъ накопившійся въ рукахъ Шейна матеріалъ былъ столь обилень, что не могъ умѣститься весь въ изданіи географическаго общества и кромѣ того, послѣдующія повѣдки г. Шейна и труды его сотрудниковъ еще болѣе увеличили его собраніе, то изданіе послѣдняго предприняла императорская академія наукъ. Первый томъ «матеріаловъ» въ видѣ двухъ частей появился еще въ 1887—90 годахъ, а теперь вышелъ и второй. Произведенія пароднаго творчества вошедшія въ этотъ томъ обнимаютъ 705 страницъ. Здѣсь помѣщены сказки, анекдоты, легенды, преданія, воспоминанія, пословицы, загадки, привѣтствія, пожеланія, божба, проклятія, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. Уже по этому простому перечню можно судить, какъ богато и разнообразно содержаніе втораго тома „матеріаловъ“. Это богатство и разнообразіе объясняется тѣмъ, что въ записи произведеній пароднаго творчества и сообщеній ихъ г. Шейну приняла участіе масса лицъ.

И. Гамовъ. Очерки далекой Сибири. Изданіе книжнаго магазина Сыркина. Ц. 35 к. Г. Гомель. 1894 г.

Страшно впечатлѣніе производить эта брошюрка: это—не беллетристическое произведеніе, ни научное описаніе, ни этнографическое пслѣдованіе. Авторъ собралъ свои замѣтки о Приленскомъ краѣ, напе-

чатанныя въ газетахъ и журналахъ, и получило нѣчто странное. Для беллетристики — эти очерки слишкомъ сухи, для научнаго сочпенія—ненаучны, для пслѣдованія—мало самостоятельны. Можетъ быть у г. Гамова и есть кое-какія самостоятельныя наблюденія, но они такъ перепутаны съ фактами общезвѣстными, что разграничить одно отъ другаго нѣтъ возможности, да и самъ авторъ не дѣлаетъ себѣ труда уяснить, что въ его сообщеніяхъ новаго, что — стараго. Авторъ прожилъ нѣкоторое время въ Сибирѣ, хотѣлъ нѣчто сдѣлать, но будущи лишены всякой литературной и научной подготовки, неслго этого. Желаніе украсить изложеніе поэтическими описаніями природы— тоже надо отнести къ числу неосуществленныхъ авторомъ дѣлей. Если смотрѣть на эти очерки, непредъявляя никакихъ серьезныхъ требованій, то нѣкоторый интересъ представляютъ главы «Скопцы въ ссылкѣ» и «Меряки и Мерячество на Ленѣ». Въ главѣ о скопцахъ авторъ передаетъ ихъ жалобы: «Вѣдь вовъ наши въ Румыніи живуть на слободѣ, никому вреда не дѣлають, въ турецкую войну многіе изъ нихъ отъ царя медали получили за перевозку тяжестей. И за что только насъ такъ строго прелѣдуютъ? Всякій воленъ въ своей вѣрѣ» (стр. 77). Тутъ-же маленькій ударъ колытомъ по поводу «Крейцеровой Сонаты». Г. Гамову неизвѣстно, по его признанію, «написалъ-ли впечатлительный графъ» эту сонату подъ влияніемъ проповѣди какого-либо скопца, но только его соната и послѣдствіе *поразительная* фотографія скопческаго ученія. Тѣ-же тексты отъ Матфея и тѣ-же исходные пункты скопческой секты». Какъ видно изъ этой выдержки изъ языка, г. Гамова неотличается грамотностью (выходить, что гр. Толстой написалъ сонату), а эпитеты—удачностью («поразительная фотографія», «впечатлительный графъ» и т. п.).

Мерячествомъ называется въ Сибирѣ одна изъ курьезныхъ формъ психическихъ болѣзней. На совершенно здороваго повидному человѣка находятъ странное состояніе, въ которомъ онъ продѣлываетъ разныя пелъности: пляшетъ, бьетъ окружающіхъ, стрѣляетъ. По словамъ Гамова, одинъ изъ меряковъ сознавался ему, что во все время припадка онъ сохраняетъ полное сознаніе, но чувствовать при этомъ, что дѣлаетъ все это не онъ, а какъ будто кто-то другой. Послѣ пароксизма слѣдуетъ реакція и упадокъ силъ. Мерячество заразительно, легко сообщается другимъ и вообще припадки посылаютъ раздражательный характеръ. По пмѣющимся въ нашей медицинскій литературѣ даннымъ меряки во время пароксизма теряютъ сознаніе. Во всякомъ случаѣ нѣкоторые факты, сообщенные г. Гамовымъ, заслуживаютъ вниманія врачей-психіатровъ.

Записка о предпріятіи Общества

Эльборусь. Краткое описание Карачаевскаго рудоноснаго округа. Изданіе Правленія Общества Эльборусь. Спб. 1894.

Цѣль книжки совершенно особая: Правленіе сказаннаго общества напрягаетъ всѣ успія, чтобы утвердить почтенную публику въ блестящей будущности ихъ предиріянія, для каковой цѣли приводится и письмо проф. Ниостранцева, и цѣлый рядъ штатъ «въ классическихъ сочиненій». Цитаты эти должны доказать, что Карачаевскія жилища не могутъ излѣкнуться на глубинѣ, чего отъ души, конечно, желаемъ, но исключительная цѣль книжки избавляетъ насъ отъ обязанности высказывать мнѣніе по поводу ея.

III. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МЕДИЦИНА.

Школьно-гигіеническія стремленія новѣйшаго времени въ Германіи. Д-ра А. С. Виреніуса. Спб. 1894.

Извѣстный спеціалистъ по школьной гигиенѣ, д-ръ Виреніусъ, горячо и убедительно доказываетъ необходимость участія врачей въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ школьнаго дѣла. Брошюра представляетъ разборъ взглядовъ нѣмецкаго профессора-педагога Шиллера, который считалъ возможнымъ высказать, что педагоги не нуждаются во вмѣшательствѣ врачей. Д-ръ Виреніусъ возражаетъ фактами, ссылаясь на переутомленіе, слабость здоровья учениковъ и даже слѣды вырожденія.

Брошюра получаетъ большій интересъ, если вспомнить, что все высказанное въ ней имѣетъ значеніе не для одной Германіи.

О самозащитѣ организмовъ. Проф. М. П. Черипова. Москва. 1894. Шарль Рише. **Самозащита организмовъ.** Пер. съ франц. д-ра *Вальтера*. Спб. 1895.

Проф. Чериповъ разсматриваетъ собственно невосприимчивость къ заразнымъ болѣзнямъ и указываетъ на способы борьбы организмовъ съ вредными микробами и продуктами ихъ жизнедѣятельности. Этотъ интересный вопросъ разобранъ согласно послѣднему слову науки, а простота изложенія автора дѣлаетъ брошюру вполне доступной для неспеціалистовъ.

Сочиненіе Рише по своему содержанию значительно полнѣе: въ немъ разобраны способы борьбы организма со всѣми дѣйствующими на него вредными вліяніями, а именно съ чрезмернымъ согрѣваніемъ и охлажденіемъ, раненіями, микробами, внутренними и вѣншими ядами. Глава о микробахъ слабѣе брошюры проф. Черипова. Кроме того, у Рише есть крайности, на которыя нельзя не обратить вниманія. Онъ слишкомъ увлекается ученіемъ о цѣлесообразности процессовъ организма и договаривается до такихъ вавр курьезовъ, что человѣкъ «обильно потѣетъ, чтобы охладиться» (30) или что при воспаленіи суставовъ боли являются для того, чтобы человекъ давалъ

суставамъ больше отдыха, необходимаго для исцѣленія (42).

Переводъ въ общемъ хорошъ, но напрасно г. Вальтеръ не считалъ нужнымъ избѣгать такихъ словъ, какъ напр. «*профузный потъ*» вмѣсто *проливной* (стр. 72). Врачамъ, равно какъ и другимъ труженикамъ пера, слѣдовало бы не мѣшкать, а помогать самозащитѣ русскаго языка отъ вторженія инородныхъ словъ.

Путеводитель по небу. К. Покровскаго, ассистента астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго Университета. Москва. 1894 г. Ц. 2 р.

Авторъ въ предисловіи отмѣчаетъ весьма отрадное явленіе, а именно возрастаніе интереса къ астрономіи въ нашемъ обществѣ. Чтобы дать руководство для любителей астрономовъ г. Покровскій и написалъ свою книгу, при чемъ, конечно, онъ имѣлъ въ виду наблюденія невооруженнымъ глазомъ или съ трубами малаго диаметра (отъ 2—5 дюймовъ). Точно также и при выборѣ рисунковъ, авторъ имѣлъ въ виду наблюдателей съ скромными средствами, такъ какъ рисунки популярныя изданій сдѣланы по большей части по наблюденіямъ при помощи гигантскихъ инструментовъ. При такой цѣли, понятію, г. Покровскій совершенно не касается теоретической стороны вопросовъ. Изложеніе при всей сжатости, весьма ясное. Книга, вообще, написана, повидимому, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Кроме рисунковъ въ текстѣ, къ книгѣ приложены четыре карты звѣзднаго неба и карта луны.

А. Шевелевъ. О двойныхъ звѣздахъ. Очерки астрономіи вып. I. Москва. Типогр. Снегиревой. 1894 г. Брошюра эта содержитъ краткое изложеніе ученія о двойныхъ звѣздахъ. Близкое знакомство автора ограничивается, повидимому, русскими источниками.

Д. Г. Ошакій Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Кіевъ

Учебникъ географіи Россійской Имперіи, какъ видно изъ «Историческаго обзора учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1877 г.», у насъ и прежде было не мало, но послѣдніе же годы появилось много новыхъ. Общій вѣсъ этимъ учебникамъ, какъ «одобреннымъ», такъ и не одобреннымъ, недостатковъ—рутинность и переираваніе фактовъ. Книжка г. Ошакіа представляетъ попытку, хотя и не во всемъ удачную, отступить отъ установленнаго рутиннаго и внести въ курсъ нѣкоторые новые элементы. Такъ, авторъ удѣляетъ въ своемъ учебникѣ мѣсто геологическимъ свѣдѣніямъ (подъ рубрикою «подпочва»). Къ сожалѣнію, въ томъ видѣ въ какомъ они сообщаются учебникомъ, свѣдѣнія эти едва ли могутъ быть доступны учащимся. Въ етъ граниты, гнейсы, кварцы, шпаты и т. д. и т. д., должны,—намъ кажется,—быть для проходящихъ

географію Россіи «темной водой во облацѣхъ». Придавая великое значеніе почвѣ и подпочвѣ, г. Опацкій и всю Европейскую Россію дѣлитъ, въ частномъ ея обзорѣ, на отдѣльные районы сообразно почвеннымъ условіямъ.

Общая или неорганическая химія. Лекція Ф. М. Флавицкаго проф. Импер. Казанскаго университета. Съ 96 рис. въ текстѣ. Казань. 1894. Ц. 3 р. 50 к.

Авторъ поступилъ совершенно основательно, замѣнивъ устарѣвшее наименованіе неорганической химіи — другимъ: общая химія. Послѣ введенія, содержащаго изложеніе закона вѣчности матерій, закона постоянства состава, закона кратныхъ отношеній, атомической гипотезы и т. п., авторъ даетъ частное описаніе металлоидовъ и ихъ отношенія къ водороду, а потомъ трактуетъ объ отношеніи металлоидовъ къ кислороду, сѣрѣ и галогдамъ. Слѣдующій отдѣлъ посвящается металламъ и ихъ солямъ, при чемъ сначала трактуются металлы щелочи, двухатомные и трехатомные металлы, а потомъ слѣдуетъ изложеніе періодическаго закона и естественной системы элементовъ, послѣ чего, наконецъ, идетъ рѣчь объ элементахъ III — VIII группъ, о мѣди, серебрѣ, золотѣ и ртути. Врядъ-ли этотъ порядокъ изложенія имѣетъ преимущество передъ общепринятымъ. «Полагая въ основу представленіе Н. Н. Бекетова объ интерференціи или взаимномъ уничтоженіи атомнаго движенія, какъ причинъ химическаго взаимодействія элементовъ, говоритъ авторъ, — мы можемъ построить довольно цѣльную гипотезу о сущности различія ихъ между собою» (стр. 421). Г. Флавицкій даетъ краткое изложеніе своей гипотезы, которая, по его мнѣнію, объясняетъ не только существенныя стороны химическаго средства (избирательность и атомность), но и самый законъ періодичности является слѣдствіемъ періодическаго измѣненія положенія плоскостей движенія атомовъ. Авторъ дѣлаетъ также небольшое дополненіе къ гипотезѣ Крукса, относительно причины происхожденія различныхъ элементовъ изъ первичной однородной матеріи.

По Круксу, различіе атомнаго вѣса элементовъ могло быть обусловлено различіемъ температуры, при которой элементы образовывались. Съ пониженіемъ температуры этой первичной матеріи формировались элементы все съ большими и большими атомными вѣсами. «По моему мнѣнію, образованіе ихъ (элементовъ), изъ первичной матеріи, говоритъ г. Флавицкій, должно было сопровождаться выдѣленіемъ огромнаго запаса энергіи. Это обуславливало то или другое электрическое состояніе среды, что и вліяло избирательно на агрегацію атомовъ первичной матеріи, приводя къ образованію электроположительныхъ или электроотрицательныхъ элементовъ, въ зависимо-

сти отъ электрическаго состоянія среды ихъ образованія» (стр. 425). Все это излагается однако кратко, мимоходомъ, даже съ нѣкотораго рода оговоркой (стр. 417) по поводу прееущества такихъ мечтаній на страницахъ учебника. По нашему, эти мечтанія гораздо болѣе развиваютъ слушателя, чѣмъ зазубриваніе десятка различныхъ способовъ добыванія того или другого соединенія, способовъ, иногда далеко неважнаго теоретическаго значенія. Къ числу недостатковъ учебника надо отнести шероховатый, тяжелый языкъ.

Проф. И. А. Оболенскій. Пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа и при изслѣдованіи вещественныхъ доказательствъ, съ 22-мя рис. въ текстѣ и IX табл. Спб. 1894. Изданіе К. Л. Риккера.

Руководство проф. Оболенскаго, являясь чуть-ли не первымъ обстоятельнымъ и оригинальнымъ трудомъ въ нашей отечественной судебно-медицинской литературѣ, пополняетъ собою весьма существенный пробѣлъ въ этой области. Руководство это состоитъ изъ введенія, въ которомъ авторъ разбираетъ формальную сторону вопроса, идвухъ главныхъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ описываетъ судебно-медицинское изслѣдованіе трупа и вскрытіе труповъ младенцевъ, разбираетъ весьма обстоятельно вопросъ о дѣтубійствѣ, а также не мало мѣста уделяетъ описанію признаковъ различныхъ видовъ насильственной смерти. Второй отдѣлъ посвященъ изслѣдованію вещественныхъ доказательствъ, и въ немъ съ большимъ интересомъ читается глава объ изслѣдованіи волосъ, главнымъ образомъ, — объ изслѣдованіи окрашенныхъ и фальшивыхъ волосъ. Изслѣдованію этому, являющемуся однимъ изъ главныхъ указаній при разрѣшеніи вопроса о тождествѣ длиннаго лица или трупа, до сихъ поръ почти во всѣхъ руководствахъ по судебной медицинѣ, уделяется сравнительно мало мѣста; авторъ, излагаетъ этотъ вопросъ во всей его полнотѣ, сообщая при этомъ и свои изслѣдованія. Наконецъ весьма обстоятельно изложеннымъ является судебно-химическое изслѣдованіе частей человѣческаго тѣла. Книжка снабжена прекрасными рисунками и таблицами, вслѣдствіе чего изложеніе нѣкоторыхъ главъ является для читателя въ болѣе освѣщенномъ видѣ. Хотя цѣль автора, какъ говорится въ предисловіи, и состояла въ томъ, чтобы дать нашимъ судебнымъ медикамъ — узкимъ и городскимъ врачамъ — конспективное и схематическое руководство, которымъ они могли бы воспользоваться при исполненіи своихъ судебно-медицинскихъ обязанностей и, въ особенности, дачи судебно-медицинскихъ мнѣній, основанныхъ на точныхъ современныхъ научныхъ данныхъ, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ думать, что руководство это будетъ встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ не только нашими су-

дебный медиком, но и лицам, изучающим судебную медицину, для которых оно может служить прекрасным руководством при прохождении ими означеннаго курса.

Уходъ за грудными дѣтьми. *Врача Г. Фридмана.* Симферополь 1894. Ц. 45 к.

Советы д-ра Фридмана должны быть признаны вполне рациональными и, конечно, принесутъ матерямъ не мало пользы. Нѣкоторая неполнота брошюры объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что авторъ задумалъ одновременно издать и вторую часть, на которую онъ не разъ и властаетъ въ текстѣ, по которой очевидно пока не издава.

Д-ръ Фридманъ имѣетъ способности къ популяризаціи, и нельзя не пожелать, чтобы онъ не заглохъ. Слѣдовало бы ему только избѣгать на будущее время нѣкоторыхъ недостатковъ, попадающихъ въ изданную имъ брошюру.

Такъ на стр. 10 онъ говоритъ, что беременной «слѣдуетъ *воспретить чтеніе* (курсивъ подлинника) книгъ, газетъ, писемъ, а сообщать ей одиъ лишь интересныя и пріятныя вѣсти». Но во первыхъ пріятнаго не такъ много, чтобы его можно было растянуть на 9 мѣсяцевъ, а во вторыхъ *воспретить чтеніе* повлекло бы за собой вредную, и для матери, и для ребенка отсталость интеллектуальной жизни. Слѣдуетъ избѣгать такихъ крайнихъ взглядовъ: конечно, беременная не должна очень волноваться, но въдъ и газеты, и серьезные книги, напр., брошюру д-ра Фридмана и др. можно читать не только безъ волненія и безъ вреда, но и съ пользой.

На стр. 34 авторъ говоритъ о градусникѣ для измѣренія степени жара: «онъ безъ оправы и называется градусникомъ Цельсія». Читатели могутъ подумать, что всякій градусникъ безъ оправы называется термометромъ Цельсія. Не совсемъ точно и описание качества вина на стр. 74, гдѣ говорится: «Она должна быть не слишкомъ ужъ старою, доброй, ласковой... и т. д. Конечно, слово «слишкомъ» относится только къ первому прилагательному, но это выражено не такъ ясно, какъ въ слѣдующемъ выражаться въ популярныхъ брошюрахъ.

IV. КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Какие способы даетъ законъ для борьбы съ пьянствомъ? Составилъ *И. П. Дружининъ*. Изданіе книжнаго склада А. М. Казыковой. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.

Отъ времени до времени появляются въ газетахъ повѣствованія о возникновеніи въ деревняхъ обществъ трезвости, о приговорахъ, послѣдованныхъ крестьянами для закрытія кабаковъ, о назначеніи штрафовъ за пьянство и т. п. Иногда же приходится узнавать, что освобожденіе деревни отъ кабака достигалось только послѣ самой отчаянной борьбы, что иногда дѣло доходило и до псаля, а бывали пріемы, что пре-

кращеніе питья водки цѣлой деревней признавалось ближайшимъ началомъ за бунтъ и вызывало со стороны послѣдняго кроткія увѣщательныя мѣры. Все это конечно можетъ происходить только при совершенномъ незнаніи тѣхъ законовъ, которые даютъ средства для борьбы съ пьянствомъ. Поэтому нельзя не пожелать наиболѣе широкаго распространенія книжки *И. П. Дружинина*, заглавіе которой мы привели выше. Въ своей книжкѣ г. Дружининъ указываетъ подробно на тѣ законы, посредствомъ которыхъ можно бороться съ кабакомъ. Онъ указываетъ главнымъ образомъ на тѣ ограниченія, которыя мы съвѣсна торговля спиртными напитками и на то какъ можно пользоваться этими ограниченіями. Въ заключеніи говорится о важности единодушія въ борьбѣ съ кабакомъ и о пользѣ обществъ трезвости. Книжка написана довольно пошито, а наиболѣе важные пункты напечатаны крупнымъ шрифтомъ. Въ виду полезности этой книжки, было-бы желательно нѣкоторое ея удешевленіе.

Въ защиту вина. Изданіе *Е. А. С.* Казань. 1894 г. Ц. 20 к.

Совсемъ другое впечатленіе производить книжка «въ защиту вина». Уже въ самомъ заглавіи фальшивъ такъ какъ въ содержаніи доказывается вредъ вина, и заглавіе придумано для привлеченія вниманія. Доказательства вреда спиртныхъ напитковъ представляють рядъ свидѣній понадерганныхъ какъ попало, изъ различныхъ изданій. Эти свидѣнія приправлены полемическими выходками противъ «жидовъ» и «либераловъ», якобы притѣвующихъ распространенію трезвости. Все эти разсужденія размазаны на двадцати четырехъ страничкахъ въ 16-ую долю и продолжаютъ за двадцать копѣекъ!

Куроводка-Марья. Разсказъ о крестьянкѣ Марѣ, какъ она хорошихъ куръ развела. *И. Селивановскаго.* Вятка. 1894 г. Ц. 5 к.

Книжка г. Селивановскаго представляетъ собою популярное руководство къ разведенію куръ, изложенное въ беллетристической формѣ. Эта форма дѣйствительно представляетъ большія удобства и авторъ пользуется ей не въ первый разъ для распространенія въ народѣ практическихъ свидѣній полезныхъ въ крестьянскомъ быту. Къ сожалѣнію, въ лежащей передъ нами книжкѣ есть одиъ весьма существенный недостатокъ, который сильно подрываетъ довѣріе читателей къ тому, что говоритъ авторъ. По всей вѣроятности г. Селивановскій самъ никогда разведеніемъ куръ не занимался и кромѣ того не особенно хорошо знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ. Разсказъ написанъ очевидно по книжкамъ и потому въ немъ встрѣчаются такіе промахи, которые непремѣнно бросятся въ глаза мужику и заставятъ его отнестись къ разсказу скептически. Если подсчитать тѣ расходы, которые произвела Марья для веденія своего

дѣла, то окажется, что они совершенно не подь силу среднему крестьянскому хозяйству доступны только болѣе или менѣе крупнымъ землевладѣльцамъ. Беллетристическая форма, конечно, очень заманчивое средство для популяризаціи знаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ она требуетъ и наибольшаго вниманія и самыхъ разнообразныхъ знаній и таланта.

Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе. *Н. Ѡ. Сумцова.* Харьковъ. Изданіе Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. 1894 г. Ц. 1¹/₂ к.

Изданія Харьковскаго общества показываютъ, что это дѣло ведется людьми знающими, опытными и, что самое главное, любящими свое дѣло и стремящимися къ его постоянному развитію и улучшенію. Книжка г. Сумцова представляетъ этому положенію вѣское доказательство: давая читателю ясное представленіе о причинѣ происхожденія овраговъ, о пользѣ и вредѣ ихъ и о средствахъ къ уничтоженію этого вреда, и о наилучшемъ эксплуатированіи овраговъ. Книжка иллюстрирована вѣсколькими незамысловатыми, но понятными рисунками.

О работахъ вредныхъ для здоровья и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ. Сост. врачъ *В. В. Рахмановъ.* № 183. Москва. 1894 г. Ц. 3 к.

Издателей книгъ для народа неоднократно упрекали въ томъ, что они почти все свое

вниманіе обращаютъ на беллетристику и даютъ очень мало книгъ съ практическими и научными свѣдѣніями. Эти упреки отчасти справедливы, но надо принять во вниманіе и ту трудность, съ которой сопряжено составленіе такихъ книгъ для народа и болѣе медленное ихъ распространеніе. «Посредникъ» давно обратилъ вниманіе на это: пробѣлъ, но пополняетъ его все-таки довольно медленно и книжка г. Рахманова является давно жданной гостьей на книжномъ народномъ рынкѣ. Книжка эта написана просто и ясно. Въ первыхъ главахъ ея сообщаются основныя правила гигиены и описываются антигигиеничныя условія различныхъ работъ на фабрикахъ и заводахъ и объясняется тотъ вредъ для организма, который приносятъ эти работы. Въ слѣдующихъ главахъ говорится о тѣхъ ядовитыхъ веществахъ, присутствіе или добываніе которыхъ вредно дѣйствуетъ на организмъ. Въ заключеніе дается къ сожалѣнію единственный совѣтъ, который можетъ быть исполненъ работникомъ, и то не всегда—это оставить вредную работу и искать болѣе здоровую. Конечно, очень часто бываетъ, что работникъ и радъ-бы послѣдовать благому совѣту, да не можетъ за неимѣніемъ другой работы, но бываетъ, что люди теряютъ здоровье только благодаря своему незнанію. Поэтому нельзя не пожелать книжкѣ г. Рахманова возможно большаго распространенія.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Обѣдъ въ честь П. Д. Боборыкина. — Поль Верлэгъ. — Извлеченія изъ отчетовъ секретари и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Юбилейный обѣдъ въ честь П. Д. Боборыкина.

29 декабря въ рестораціи «Медвѣдь» состоялся обѣдъ въ честь П. Д. Боборыкина, устроенный его почитателями и друзьями, въ виду исполнившагося тридцатилѣтія его литературной дѣятельности. Въ обѣдѣ этомъ принимали участіе представители разныхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ сотрудничалъ и сотрудничаетъ этотъ неутомимый писатель. Были М. М. Стасюлевичъ, К. К. Арсеньевъ, В. Д. Спасовичъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. В. Григоровичъ, редакторъ «Края» г. Пильцъ, В. И. Немировичъ-Данченко и многіе другіе поэты, беллетристы и адвокаты, причастные къ литературѣ. На обѣдѣ присутствовали и писательницы-женщины: С. И. Смирнова, О. А. Шапиръ, Е. П. Лѣткова, Л. Я. Гуревичъ и др. Обѣдъ этотъ, искусно и изящно устроенный извѣстнымъ всему литературному міру П. И. Вейнбергомъ, удался на славу и прошелъ шумно, весело, среди многочисленныхъ рѣчей, обращенныхъ къ юбиляру, проникнутыхъ необычайною для торжественныхъ случаевъ искренностью и тактомъ изысканной, но справедливой оцѣнки личности и литературной дѣятельности П. Д. Боборыкина. Говорили Вейнбергъ, Григоровичъ, Спасовичъ, Пильцъ, Стасюлевичъ и многіе другіе, увлекаемые общимъ настроеніемъ и оживленными репликами юбиляра. Мы-бы съ удовольствіемъ воспроизвели нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей, но, отмѣчая обѣдъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и въ послѣднюю минуту, предъ выпускомъ книги, мы имѣемъ возможность включить въ нашъ отчетъ только нижеслѣдующее небольшое привѣтствіе, сказанное отъ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» А. Волынскимъ:

Многоуважаемый Петръ Дмитріевичъ!

Задумываясь надъ тѣмъ, что собрало въ этой залѣ тѣснымъ кругомъ всѣхъ, которые въ настоящую минуту выражаютъ вамъ свою искреннюю симпатію и глубокое уваженіе, я все яснѣе и яснѣе вижу основную черту

вашего характера, составляющую вмѣстѣ съ тѣмъ типическую особенность вашего литературнаго таланта. Эта черта точно опредѣляетъ ваше мѣсто въ русской художественной литературѣ, богатой разнообразными творческими силами, не повторяющими другъ друга. Есть люди—и таково большинство,—которые живутъ только непосредственно, такъ сказать, не задумываясь надъ жизнью, не проникаясь никакими сознательно поставленными цѣлями. Жизнь этихъ людей, не представляя никакого движенія, не вліяетъ на умственную культуру общества, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда они сталкиваются съ новыми явленіями исторіи, можетъ даже служить препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія. Они не двигаются съ мѣста и никого не приводятъ въ движеніе. Они растутъ и увядаютъ, какъ трава, которую легко затоптать всякому прохожему. Есть таланты, которые живутъ и развиваются непосредственно и, заключая въ себѣ множество природныхъ, почти стихійныхъ силъ, воспитываютъ умы въ эстетическомъ направленіи, будятъ возвышенныя настроенія и безотчетныя стремленія къ свѣту. Они растутъ, какъ могучія деревья, высоко, раскидисто, давая утомленнымъ людямъ прохладную тѣнь, шумя гармонически своими вершинами при дуновеніи освѣжающаго вѣтра. Ихъ творчество вдохновенно непосредственно, ихъ произведенія проникаютъ въ душу, не возбуждая въ ней никакихъ опредѣленныхъ жизненныхъ требованій. не направляя ихъ на опредѣленныя дороги. Но есть таланты, по преимуществу проникнутые сознательностью, вступающіе въ міръ съ опредѣленной задачей—будить сознательную жизнь въ другихъ и, зорко слѣдя за исторіею своего времени, постоянно улавливать въ ней то, что отличаетъ сознательную жизнь человѣка отъ безсознательнаго процесса природы. Эти таланты, проникнутые живымъ темпераментомъ, инстинктивною потребностью содѣйствовать развитію людей, вѣчно вдохновляемые зрѣлищемъ общественныхъ превращеній, постоянно являются энергичными дѣятелями въ каждомъ обществѣ, въ которомъ подъ омертвѣвшими формами историческаго строя таятся живые умственные интересы, любовь къ искусству и научно-философской мысли. Эти таланты не только живутъ, но и проповѣдуютъ жизнь,—жизнь во что-бы-то ни стало, съ вѣчною борьбою противъ всякой косности, противъ всѣхъ устарѣвшихъ формъ, давящихъ молодые побѣги. Они носятъ въ себѣ пылкое убѣжденіе, что жить надо, что страхъ передъ неизбежною смертію есть удѣлъ дряблыхъ натуръ, что жизненная эволюція должна поглощать всѣ наши помыслы, силы и влеченія. Этимъ талантамъ, призывающимъ къ жизни и движенію, дана въ удѣлъ благодарная роль, особенно въ эпохи, когда, по винѣ историческихъ обстоятельствъ, культура даннаго общества замерла въ своемъ теченіи... Къ такимъ немногочисленнымъ въ Россіи талантамъ принадлежите вы. Петръ Дмитріевичъ. Вы вносите элементы броженія въ слегка притихшее сознаніе современнаго общества. Ловя и воплощая въ живыхъ образахъ смѣняющія другъ друга теченія русской жизни, вы обнаруживаете передъ обществомъ его послѣдовательныя ви-

доизмѣненія, сочувственно отмѣчаете все то, что обладаетъ силою для будущаго развитія. Эта блестящая черта вашего художественнаго таланта сдѣлала васъ въ послѣдніе годы особенно цѣннымъ дѣятелемъ въ текущей русской литературѣ. Эта черта дала вамъ неизсякаемую жизненную силу работать въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, повсюду возбуждая живые вопросы и горячіе споры, которые сами по себѣ имѣютъ большое значеніе для развитія общественной мысли. Эта черта сдѣлала васъ и внѣ постоянной сферы вашего литературнаго служенія, внѣ художественной беллетристики, на поприщѣ критики и научной философіи, однимъ изъ самыхъ интересныхъ литературныхъ дѣятелей. Во всемъ, что вы дѣлаете, говорите и пишете, неизмѣнно слышится бодрый призывъ къ жизни, къ дѣятельности, къ освобожденію умовъ отъ всякой рутины, отъ гнета всякихъ искусственныхъ шаблоновъ. Мнѣ остается пожелать вамъ еще долго быть свидѣтелемъ русской жизни, увидѣть и художественно отмѣтить въ ней какія-нибудь новыя, серьезные видоизмѣненія въ различныхъ ея областяхъ.

Поль Верлэнъ.

Послѣ смерти Леконта-де-Лиля, во Франціи, т. е., точнѣе въ Парижѣ, возникъ вопросъ: кто теперь первый французскій поэтъ? Тогда одному изъ сотрудниковъ «Journal» пришла въ голову мысль собрать голоса самихъ поэтовъ, спросивъ ихъ «кто, по ихъ мнѣнію, долженъ замѣнить Леконта-де-Лиля, по отношенію къ славѣ и къ значенію въ глазахъ молодыхъ писателей?» На этотъ вопросъ получилось сто восемьдесятъ девять отвѣтовъ, которые и напечатаны въ одномъ изъ номеровъ журнала «La Plume». Наибольшее число голосовъ (семьдесятъ семь) получилъ Поль Верлэнъ, за нимъ идетъ Хозе-Марія де-Эредія—38 голосовъ, Франсуа Коппе—26, Ришпэнъ—21, Леонъ Диркель—15, Катуэль Мендесъ—14 и т. д. Зола получилъ четыре голоса, Поль Бурже—одинъ. Одинъ-же голосъ получилъ и Метерлинкъ. Нѣкоторые изъ поэтовъ ограничились простымъ перечисленіемъ любимыхъ именъ; другіе-же прислали цѣлыя оцѣнки того или другаго писателя. Наибольшее число этихъ оцѣнокъ досталось на долю П. Верлэна. Интересно отмѣтить эти оцѣнки, такъ какъ Верлэнъ—одинъ изъ наиболѣе спорныхъ поэтовъ нашего времени. Одни прямо не признаютъ его, другіе превозносятъ до небесъ. Одинъ изъ «молодыхъ» поэтовъ, Жюль Буа, пишетъ между прочимъ: «Нане восхищеніе, и до, и послѣ смерти академика Леконта де-Лиля, всецѣло принадлежитъ божественному пронойцѣ Полю Верлэну». Жозефъ Декларей написалъ, что слава и уваженіе должны-бы теперь перейти къ «великому Верлэну, если бы онъ давно уже не завоевалъ себѣ ихъ по праву сильнаго, а не по праву наслѣдника». «Золотая корона и пурпурная мантия принадлежатъ Полю Верлэну, этому бѣдняку, который богаче всѣхъ насъ», пишетъ Стюаръ Мерриль. «Имя Верлэна само собою является отвѣтомъ и всѣ комментаріи совершенно бесполезны» (Мишо

д'Юмиакъ). «Нашимъ поэтомъ всегда былъ и будетъ милый Поль Верлэнъ. Онъ не замѣнитъ Леконта де-Лиля: онъ уже давно замѣнилъ его. Онъ—то обаятельное и утѣшительное зеркало, куда мы смотримся сердцемъ и умомъ, съ нашими страданіями и нашимъ идеаломъ. Онъ по крайней мѣрѣ не отрицаетъ божественнаго великолѣпія христіанства и не поддается оболъщенію разрушающаго мрака Нирваны. Все это относится къ славіи Верлэна. Что касается уваженія, этой буржуазной формулы восхищенія, то въ немъ слишкомъ много холодности и условной сдержанности по отношенію къ такому глубокому, искреннему и вдохновенному поэту, какъ авторъ «Sagesse» и «Among». Развѣ когда нибудь думали объ уваженіи къ Бодлэру? И мы, мы любимъ Верлэна, а это лучше всякаго уваженія» (Габріэль Мурэ). «До смерти Леконта де-Лиля, Поль Верлэнъ былъ величайшимъ поэтомъ конца нашего вѣка; смерть перваго не умалила значенія втораго» (Ксавье Привасъ). «Развѣ рѣчь идетъ только объ уваженіи? Не лучше-ли говорить о любви, когда дѣло касается избраннаго нами учителя? если да, то мы выбираемъ Поля Верлэна, божественнаго, несчастнаго пѣвца безсмертной любви» (Луи Раймонъ). «Для насъ, для молодой школы, Верлэнъ выше всѣхъ несетъ свою лиру. А между тѣмъ его знаютъ только въ Англии, въ Бельгійи и Голландіи. Французскій министръ изящныхъ искусствъ не знаетъ его и, раздавая пенсіи ничтожнѣйшимъ писателямъ, не можетъ помочь прелестному поэту-мечтателю, автору «Ariettes oubliées» и «Fêtes galantes» (Адольфъ Реттэ). Въ очень многихъ отвѣтахъ высказывается несогласіе съ тѣмъ, что Леконтъ де-Лиля былъ первымъ поэтомъ Франціи. Для «молодыхъ» онъ былъ слишкомъ старъ, старъ по манерѣ, а не по годамъ. По годамъ и Поль Верлэнъ чуть не старикъ (ему уже за пятьдесятъ), а между тѣмъ въ похвальныхъ отзывахъ о немъ сходятся представители самыхъ послѣднихъ и самыхъ разнообразныхъ «школъ». Послѣ декадентовъ, однимъ изъ столповъ которыхъ считался П. Верлэнъ, уже народилось нѣсколько поколѣній писателей: декадентовъ смѣнили «символисты», за ними явилась «романская школа», затѣмъ, почти сейчасъ-же, «инструментисты», основавшіе свою «школу»—Groupe philosophique-instrumentiste; потомъ родились «веристы»—родные братья натуралистовъ, и въ послѣднее время явились «независимые». Извѣстно, что Поль Верлэнъ отрекается отъ всякой клички и не признаетъ никакихъ школъ. Онъ хочетъ быть только *поэтомъ*. Не потому-ли въ оцѣнкѣ его таланта сходятся самые разнообразные люди, самыя разнообразные требованія?

Извлеченія изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

I. Съ 24-го октября по 26-е декабря 1894 года Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ имѣлъ 4 засѣданія, въ конхъ разсмотрѣно было 109 дѣлъ. Въ этихъ засѣданіяхъ назначены были:

1. Пенсія въ 3000 р. въ годъ одному писателю.

2. Срочная ссуда въ 125 р., на 2 мѣс., одному писателю.

3. Безсрочныя ссуды: одному писателю 200 р., одному писателю 125 р., двумъ писателямъ по 100 р. и двумъ писателямъ по 50 р.

4. Продолжительныя пособія: по 15 р. въ мѣсяцъ одному писателю на 3 мѣсяца, вдовамъ двухъ писателей на 6 мѣс. по 5 р. въ мѣс., одной писательницѣ на 6 мѣс., матери одного пок. писателя и вдовѣ одного писателя на годъ.

5. Единовременныя пособія: два въ 100 р. одному писателю и одной писательницѣ; одно въ 60 р. вдовѣ одного писателя; пять 50 р. — тремъ писателямъ, семьѣ одного писателя и одной писательницѣ; одно въ 30 р. одному писателю; шесть въ 25 р. тремъ писателямъ; семьѣ одного писателя и вдовамъ одного писателя и одного ученаго; два въ 10 р. двумъ писателямъ.

6. Плата за обученіе: три въ 30 р. за трехъ сыновей одного писателя; одна въ 45 р. за дочь одного писателя. Затѣмъ, за дочь одного пок. писателя постановлено платить до окончанія ею курса, а дочь одного писателя помѣщена на безплатную вакансію.

Кромѣ того, по разнымъ дѣламъ было совершено три ходатайства и одно посредничество съ газетой о гонорарѣ.

Отказано было въ 23-хъ просьбахъ: 19 разъ — въ пособіяхъ и 4 — въ ссудахъ.

II. Съ 1-го января по 20 декабря текущаго года поступило въ капиталы общества:

Неприкосновенный	100 р.		
Именные *)	19.156	» 05	к.
Расходный	24.047	» 77 ¹ / ₄	»
Ссудный (возвратъ ссудъ).	1,625	» —	»
На счетъ переходящихъ суммъ	3.277	» 44	»
			48,206 р. 26 ¹ / ₄ к.

За то же время выдано изъ капиталовъ:

Именныхъ (ва памятникъ Г. З. Елисѣеву)	774 р.	—	к.
Расходнаго	24,128	» 69	»
Ссуднаго	2,330	» —	»
Со счета переходящихъ суммъ	5,903	» 43	»
			33,136 р. 12 к.

Перерасходъ расходнаго капитала, бывший къ 1-му января 1,047 р. 74 к., составивъ къ 20-му декабря	1,128	» 65 ³ / ₄	»
Свободный остатокъ ссуднаго капитала представлялъ	143	» 40	»
Въ долгахъ по ссудамъ числялось	2,856	» 60	»

Наличныя же средства Общества заключались:

Въ процентныхъ бумагахъ на номинальную сумму	289 325	» —	»
На текущихъ счетахъ и въ кассѣ Общества.	11,263	» 90 ¹ / ₂	»

*) Въ именныхъ капиталахъ 10,000 руб. (въ капиталъ имени М. Е. Салтыкова), а въ расходномъ 5,000 руб. поступили отъ г. Левиса-офъ-Менора по сдѣлкѣ съ нею Общества.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Палата депутатовъ и К. Перье. — Мадагаскарская экспедиція. — Дѣло Дрейфуса. — Начало сессіи германскаго сейма. — Парламентская сессія въ Италіи. — Обвиненіе противъ Крипи.

Въ одной недавней «прокламаціи» французскихъ социалистовъ-депутатовъ сказано, что: «въ виду опасности, угрожающей ему отъ народнаго сознанія и народной совѣсти, капитализмъ, для своего спасенія, возвелъ на постъ президента республики такого человѣка, который служитъ символомъ и орудіемъ богатаго и реакціоннаго класса». Депутаты имѣли полное право высказать такое мнѣніе, котораго мы опровергать не можемъ, такъ какъ въ предшествующей статьѣ сказали то-же самое. Но въ числѣ именъ, подписанныхъ подъ такимъ взглядомъ на «миссію» г. Перье находилось и имя депутата Мирмана, который нынѣ отбываетъ воинскую повинность въ стрѣлковомъ полку. Вызванный начальствомъ къ отвѣту, Мирманъ объяснилъ, что онъ не подписывалъ той прокламаціи, но что товарищи имѣли право поставить подъ нею его имя и что онъ ихъ не осуждаетъ. Тогда Мирмана засадили на двѣ недѣли въ карцеръ, то-есть, подвергли депутата заключенію безъ разрѣшенія палаты. Правда, на запросъ по этому поводу военный министръ объяснялъ, что Мирманъ арестованъ не какъ депутатъ, но какъ стрѣлокъ; однако, это объясненіе напоминаетъ подпись подъ нѣсколькими гугенотами, повѣшенными нѣкогда въ одной изъ испанскихъ колоній: «*non comme Français, mais comme hérétiques*». Фактически сидитъ все таки депутатъ и притомъ не за военную провинность, но за солидарность свою съ политическимъ заявленіемъ. Генералъ Мерсье энергически доказывалъ, что невозможно допустить участіе солдата въ политической демонстраціи. Но хотя столь-же очевидно, что не слѣдуетъ допускать арестованія депутата безъ согласія палаты, вопреки закону, однако, какъ только военный министръ сослался на необходимость поддержанія воинской дисциплины, то несмотря, и на явную въ данномъ случаѣ неправильность, и на неособенную популярность генерала Мерсье въ палатѣ, она высказала одобреніе правительству большинствомъ 350 голосовъ противъ 149.

Это новый примѣръ уже отмѣченнаго нами явленія: что во всѣхъ вопросахъ, которые относятся къ «поддержанію порядка», палата даетъ огромныя большинства правительству, независимо отъ степени своего расположенія къ тому или другому министру, то-есть оказываетъ поддержку прямо президенту республики—въ исполненіи той главной «миссіи», которая на него возложена, и это составляетъ основную черту настоящаго политическаго положенія.

Что огромныя большинства по вопросамъ охраненія «порядка» означаютъ скорѣе иѣкую «диктатуру», предоставляемую главѣ государства въ извѣстномъ направленіи, а не личное къ нему сочувствіе или особое расположеніе къ министерству удостовѣряется тѣмъ, что въ дѣлахъ иного рода большинства въ пользу правительства вдругъ оказываются микроскопическими или даже вовсе не оказываются. Такъ, палата на мѣсто умершаго Бурдо, человѣка близкаго г. Перье, избрала своимъ президентомъ не г. Меліна, умѣреннаго республиканца, котораго предпочло-бы правительство, но г. Бриссона, такъ какъ многіе «умѣренные» не явились въ засѣданіе, и Бриссонъ былъ избранъ радикалами и социалистами. Надо напомнить, что Бриссонъ своимъ виднымъ участіемъ въ раскрытіи «панамскихъ» злоупотребленій пріобрѣлъ себѣ особый правственный авторитетъ и въ лицѣ его крайнія партіи имѣютъ своего кандидата, достойнаго занять постъ президента республики, въ случаѣ если-бы Казиміръ Перье сложилъ съ себя эту должность. При нынѣшнемъ составѣ палаты депутатовъ и сената это-бы, вѣроятно, не удалось. Но еще въ гораздо болѣе степени вѣроятно, что при слѣдующихъ выборахъ—если только анархисты не начнутъ снова своихъ попытки устрашенія—число представителей наиболѣе передовыхъ идей въ палатѣ депутатовъ возрастетъ.

Остановиваясь на этой вѣроятной перспективѣ, мы сдѣлаемъ замѣчаніе, на первый взглядъ, пожалуй, нѣсколько странное, а именно, что французскимъ радикаламъ слѣдовало-бы принять во вниманіе политическій урокъ, данный папою Львомъ XIII. Онъ устранилъ французское духовенство отъ борьбы противъ республики и въ пользу легитимизма; онъ, въ своей извѣстной энцикликѣ «de conditione officium» высказалъ даже, что изысканія мирныхъ средствъ къ улучшенію положенія рабочихъ классовъ вполнѣ согласно съ духомъ христіанства и должно встрѣчать въ церкви сочувствіе. Мы, конечно, не хотимъ сказать, что радикалы должны разсчитывать на эту весьма проблематическую помощь и вступить въ союзъ съ епископами. Какъ-бы епископы ни думали о социальныхъ вопросахъ, они прежде всего имѣютъ и всегда будутъ имѣть въ виду интересы католической церкви и при томъ ея интересы не только оборонительные, но, по возможности, и наступательные, такъ какъ политической цѣлью католицизма всегда остается господство церкви надъ гражданскимъ обществомъ. Склонный къ «компромиссамъ» Левъ XIII устранилъ французское духовенство только отъ борьбы съ одной формою правленія въ пользу другой формы правленія, но вовсе не отъ борьбы за

власть церкви надъ обществомъ, какова-бы ни была форма правленія. Вѣдь бывали-же и республики, проникнутыя клерикальнымъ духомъ. Не говоря о пропавшихъ вѣкахъ, былъ такой примѣръ въ первой половинѣ нашего столѣтія—въ республикѣ Парагвайской. Для цѣлей католицизма не все-ли равно, каковъ образъ правленія?

Но французское духовенство продолжало до настоящаго времени бороться за монархизмъ—просто по традиціи и противъ своего практическаго интереса въ данное время, такъ-какъ вражда къ республикѣ какъ-бы оправдывала борьбу передовыхъ партій съ самымъ существованіемъ церкви. Враждебное отношеніе церкви къ революціи конца прошлаго столѣтія было естественно, такъ-какъ тогда были конфискованы церковныя имущества, упразднены монастыри, духовенство преслѣдовалось и даже была попытка установить государственный культъ богини разума. Та-же вражда нѣсколько еще объяснялась и при революціи 1848 года, когда муниципальный совѣтъ Парижа дебатировалъ о томъ, признавать-ли существованіе *Etre Suprême* и рѣшилъ утвердительно большинствомъ только одного голоса. Французскіе ксендзы въ то время страстно мечтали о наступленіи такого правленія, которое разогнало-бы всѣхъ этихъ «фармазоновъ». Такимъ правленіемъ и была вторая имперія. А послѣ ея низверженія, прежняя борьба со стороны духовенства, на сколько она не ограничивалась только обороною, а имѣла характеръ наступательный, велась уже только по традиціи.

Такъ было со стороны духовенства, но и со стороны радикальной партіи. Прежде, выше, необходимѣе всего она ставила обузданіе «поповъ», отнятіе у нихъ средствъ дѣйствія, изгнаніе изъ школъ законоучителей, монахинь «милосердія»—изъ госпиталей, капелановъ—изъ полковъ. И эта черта—борьба съ церковью, и даже вражда къ самому христіанству, стремленіе къ передѣлкѣ народа въ смыслѣ безвѣрія,—доселѣ остается характерною чертой французскихъ радикаловъ, чертой, которая отличаетъ ихъ отъ радикаловъ въ другихъ странахъ, гдѣ передовая партія относится лишь съ равнодушіемъ къ тому, къ чему французскіе радикалы относятся доселѣ со страстной ненавистью. Имъ и нынѣ дороже всякихъ соціальныхъ идеаловъ — старій Вольтеръ, который написалъ «*écrasez l'infâme*». И не только радикалы, но даже многіе умѣренные *esprits forts* во Франціи болѣе всего одушевлены враждою къ католичеству, какъ, напримѣръ, былъ покойный Жюль Ферри.

Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ, какъ католическая религія перестала быть государственною и духовенство лишилось всякой матеріальной власти, эта задача лишилась политическаго значенія и отчасти даже прямо препятствуетъ возобладанію въ государственной жизни передовыхъ политическихъ теченій. Дѣло въ томъ, что и нынѣ во Франціи почти вся женская половина населенія и очень значительная часть населенія мужского вовсе не хотятъ насильственной радикальной передѣлки себя и своихъ дѣтей въ «безысловѣдныхъ» республиканцевъ. Правда, дви-

женіе идей и только-что упомянутыя историческія событія сдѣлали то, что во Франціи уже болѣе, чѣмъ въ какой-либо европейской странѣ, находится противниковъ какихъ-бы то ни было религіозныхъ вѣрованій. При переписи 1881 года, до 8 милліоновъ гражданъ изъ общаго числа 38 милл., то-есть почти четверть, не отвѣтили на вопросъ о вѣроисповѣданіи. Это серьезный фактъ, характеризующій именно современную Францію. Но имъ все-таки не опровергается то, что среди большинства населенія еще много людей, подающихъ голоса за кого угодно, лишь-бы не за радикаловъ, именно потому, что французскіе радикалы прежде всего—враги религіи. Французской радикальной партіи слѣдовало-бы понять, что эта борьба, при нынѣшнихъ условіяхъ, вовсе не имѣетъ перво-степенной важности и поддерживается именно только въ силу партійной *традиціи*. Если-бы французскіе радикалы стали относиться къ религіи и духовенству не страстно, и только равнодушно, какъ англійскіе и германскіе, то это несомнѣнно увеличило-бы ихъ шансы на будущихъ выборахъ и возможность сколько нибудь серьезныхъ государственныхъ предпріятій для улучшенія быта рабочихъ классовъ.

Огромныя большинства въ пользу правительства состоялись и по мадагаскарскому дѣлу. Для предпріятія экспедиціи на Мадагаскаръ правительство въ ноябрѣ назначило дивизію (15 тыс. чел.) и на расходы потребовало 65 милл. фр. Изъ этой суммы 11³/₄ милл. были назначены на морскіе транспорты, 10 милл. на жалованье, 6 милл. на продовольствіе, 8 милл. на сухопутную и рѣчную перевозки, 6 милл. на упряжь и ремонтъ, 3 милл. на телеграфный кабель отъ мозамбикскаго побережья Африки на Мадагаскаръ и т. д. Палата, какъ и печать, относилась холодно къ этому предпріятію. Но министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото заговорилъ о чести Франціи, о важности французскихъ торгово-промышленныхъ интересовъ, несомнѣнности правъ Франціи на протекторатъ надъ Мадагаскаромъ, признаваемыхъ Англіею и Германіею, сказали, что говасы, которыхъ преобладаніе надъ всѣмъ островомъ признается Франціею съ 1883 года, постоянно нарушали трактатъ 1885 года о протекторатѣ Франціи; что послѣдній отвѣтъ тананаривскаго министра Райниляривори французскому чрезвычайному комиссару Лемпире-де-Вилеру составляетъ отрицаніе самаго того трактата, что колебанія Франціи усиливаютъ дерзость говасовъ и тотъ-же министръ недавно выразился такъ, что «французы лаютъ, но не кусаются». Военный министръ генералъ Мерсе объяснилъ, что палата волиѣ свободно можетъ рѣшить вопросъ объ экспедиціи, такъ-какъ доселѣ на Мадагаскаръ еще не двинуто впередъ ни одного солдата, но что отдѣлить для этой экспедиціи изъ общаго мирнаго состава войскъ 15 тыс. чел. волиѣ удобно, тѣмъ болѣе, что миръ въ Европѣ обезпеченъ, какъ новымъ заявленіемъ русскаго правительства, такъ и увѣреніями другихъ кабинетовъ. На предложеніе одного депутата, чтобы для экспедиціи на Мадагаскаръ назначены были исключительно колоніальныя войска, состоящіи отчасти изъ завербованныхъ

въ Африкѣ и восточной Индіи туземцевъ, генераль Мерсье возразилъ, что невозможно допустить раздѣленія французской арміи на двѣ категоріи: войскъ боевыхъ и войскъ небоевыхъ, что часть силъ, нужныхъ для экспедиціи, будетъ взята въ Африкѣ, а другая часть будетъ составлена изъ охотниковъ, которые вызовутся изъ рядовъ войскъ, находящихся въ Европѣ.

Палата относилась къ экспедиціи безъ всякаго увлеченія. Войны въ Тонкинѣ и Аннамѣ, затѣянные покойнымъ Жюлемъ Ферри, внушили странѣ нерасположеніе къ дальнимъ предпріятіямъ. Но министерство съ одной стороны ссылалось на честь Франціи, а съ другой—поставило вопросъ о довѣрїи. Депутатомъ Буше внесено было предложеніе, чтобы экспедиція ограничивалась занятіемъ портовъ и другихъ прибрежныхъ пунктовъ, но президентъ совѣта объявилъ, что правительство можетъ согласиться только «на полную операцію». Тогда предложеніе Буше было отвергнуто большинствомъ 381 противъ 168, а затѣмъ основной вопросъ о самой экспедиціи былъ рѣшенъ утвердительно большинствомъ 390 противъ 142.

Такимъ образомъ Франція втягивается въ серьезное военное предпріятіе, котораго размѣры не могли быть предвидѣны съ точностью. Хотя военный министръ и увѣрялъ, что правительство потребовало сразу 15,000 чел. и 65 милл. фр., потому что отказалось отъ прежняго пріема испрашивать средства и посылать войска въ далекія экспедиціи «малыми пакетами», но въ самой французской печати высказывается мнѣніе, что и времени, и людей, и денегъ для подчиненія говасовъ потребуется вдвое больше, чѣмъ разсчитываетъ министерство. И это весьма вѣроятно. Островъ Мадагаскаръ, отдѣляемый отъ восточнаго берега южной Африки широкимъ (въ нѣсколько сотъ верстъ) Мозамбикскимъ проливомъ, имѣетъ примѣрно такую поверхность, какъ сама Франція. Климатъ береговъ его, гдѣ французы занимаютъ пунктъ Маюнгю и портъ св. Маріи и въ декабрѣ уже заняли торговый портъ Таматаву, болотистый и въ высшей степени вредный для европейцевъ. Вотъ чѣмъ объяснялось предложеніе, чтобы туда не посылалось европейскихъ войскъ. Этимъ же обстоятельствомъ опровергалось и предложеніе Буше, чтобы экспедиція ограничилась занятіямъ только прибрежныхъ пунктовъ. Переходъ отъ Маюнгю къ Тананаривѣ составитъ около 600 верстъ, какъ отъ Петербурга до Москвы. Но изъ нихъ первая четверть пути пролегаетъ по болотамъ, а далѣе идетъ вверхъ—не гладкимъ скатомъ, но террасами, и такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на короткомъ разстояніи идутъ подъемы въ 150—400 сажень высоты. Чтобы пройти 600 верстъ при такихъ условіяхъ въ знойномъ климатѣ потребуются мѣсяцы. Въ Парижѣ для этого считаютъ достаточными три мѣсяца, но можетъ оказаться, что нужно будетъ и больше времени. Походъ внутрь страны можетъ начаться только въ бездождную половину года—съ конца апрѣля по половину октября. Но изъ этихъ 6 мѣсяцевъ надо еще выкинуть май, въ которомъ сильный зной, наступаая послѣ полугодовыхъ дождей, производитъ страшные міазмы, которые поражаютъ европейцевъ смертельною «мадагаскарскою» лихорадкой. Стало быть оста-

ются пять мѣсяцевъ для пути и военныхъ дѣйствій, которыя во всякомъ случаѣ затруднятъ его. Мальгачи вообще воинственны, а преобладающій народъ—говасы имѣютъ постоянную армію въ 35000 чел. Хотя это народъ и полу-цивилизованный только, но сѣвероафриканскіе кабилы, берберы и суданцы показали въ свое время французамъ и англичанамъ, какое сопротивление могутъ оказывать и полудикія войска, если они снабжены хорошимъ оружіемъ. А объ этомъ въ данномъ случаѣ ужь позаботятся англичане. На западѣ отъ острова Мадагаскара — англійскія владѣнія въ южной Африкѣ, а на востокѣ — принадлежатъ Англии же островъ св. Маврикія. Правда, будетъ блокада, но ужь и раньше, чѣмъ она будетъ вполне установлена, говасы могутъ получить транспорты ружей новыхъ системъ, хотя бы и малокалиберныхъ, какими вооружены французы. И дѣйствительно, есть уже одно, требующее однако подтвержденія извѣстіе, что ружья и боевые припасы доставлены говасамъ въ большомъ количествѣ и будто къ нимъ прибыло много англійскихъ офицеровъ. †

Впрочемъ, въ теченіе декабря французскія газеты уже мало занимались мадагаскарскою экспедиціей, да пожалуй и самому военному министерству причинило болѣе хлопотъ дѣло капитана Дрейфуса. Такъ какъ это дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, то свѣдѣнія о немъ, хотя и имѣются, но не вполне достоверны. Артиллерійскій капитанъ Дрейфусъ состоялъ при главномъ штабѣ и возбудилъ противъ себя подозрѣнія сперва полиціи тѣмъ, что велъ знакомство съ женщинами, которыя, по ея свѣдѣніямъ, занимаются шпионствомъ. Ближайшее начальство стало слѣдить за Дрейфусомъ и вскорѣ убѣдилось, что онъ бралъ къ себѣ на домъ такія «секретныя» дѣла, которыя, по правиламъ, не должны быть выносимы изъ отдѣленія штаба. Это уже подало поводъ для энергическихъ мѣръ расслѣдованія. Говорятъ, будто у германскаго военного агента при посольствѣ черезъ подкупленнаго слугу были похищены бумаги, съ которыхъ были сняты копіи, а съ одного документа—фотографія и затѣмъ эти бумаги были возвращены на мѣсто. Должно быть улики противъ Дрейфуса были ясны, такъ какъ судъ единогласно призналъ его виновнымъ въ измѣнѣ. По настоянію генерала Мерсье, Дрейфусъ судился судомъ военнымъ, который призналъ его измѣнцу преступленіемъ политическимъ. А такъ какъ французское законодательство, въ которомъ существуетъ смертная казнь за убійство и за оскорбленіе дѣйствіемъ начальника въ рядахъ, не полагаетъ ея за преступленія политическія, то судъ приговорилъ Дрейфуса къ высшей допущенной въ законѣ мѣрѣ наказанія—къ безсрочному заключенію.

Дѣло это страстно волновало парижскую публику. Передъ зданіемъ, гдѣ засѣдалъ судъ собирались огромныя толпы, среди которыхъ шли толки о неравномѣрности въ карахъ. Высказывалось удивленіе, что военная измѣна признана политическимъ преступленіемъ, за которое не полагается смертной казни, между тѣмъ какъ покушенія анархистовъ караются смертью, какъ будто они не имѣютъ политическаго характера въ

гораздо большей степени; что солдатъ за ударъ нанесенный унтеръ-офицеру во фронтѣ подлежитъ разстрѣлянiю, а офицеръ предающій иностранцамъ повѣренныя ему военныя тайны могъ бы быть разстрѣлянъ только въ военное время и т. п. Эти толки не остались безъ влiянiя, и по слухамъ военный министръ внесетъ проектъ закона о назначенiи смертной казни за измѣну военныхъ и въ мирное время.

Дрейфусъ будетъ сосланъ въ Новую Каледонiю, такъ какъ кассационная его жалоба не была уважена высшимъ военно-судебнымъ присутствiемъ. Въ публикѣ измѣнникъ возбуждалъ страстное негодованiе, а генералъ Мерсье сдѣлался вдругъ популярнымъ (въ публикѣ, но не въ палатѣ) за то, что настоялъ на уличенiи Дрейфуса и на привлеченiи его именно къ военному суду.

Толки о сближенiи Англiи съ Россiей, о которыхъ мы упоминали въ предшествующемъ обзорѣ, поддерживаются доброжелательнымъ тономъ, съ какимъ англiйская печать начала обсуждать русскiя дѣла и признавать высшiе интересы Россiи. Въ торiйскомъ органѣ «Saturday Review» недавно появилась примѣчательная статья, которая побуждаетъ насъ возвратиться къ вопросу о проливахъ, соединяющихъ Черное море съ Средиземнымъ. Мысль статьи заключается въ томъ, что теперь уже не въ интересахъ Англiи преграждать русскому флоту выходъ изъ Чернаго моря, такъ какъ въ случаѣ войны съ Россiей, англiйскiй флотъ могъ-бы угрожать только русскому побережью Чернаго моря, между тѣмъ какъ русскiя войска прямо двинулись-бы въ Индiю, то-есть могли-бы нанести сильный ударъ могуществу Великобританiи. Авторъ статьи допускаетъ даже, что если-бы Россiя владѣла Константинополемъ, то это могло-бы быть скорѣе выгодно для Англiи, такъ какъ тогда дѣйствiя англiйскаго флота противъ Константинополя могли-бы удержать Россiю отъ нападешя на Индiю.

Новый германскiй канцлеръ началъ свои отношенiя съ рейхстагомъ съ заявленiя, что «вступленiе его въ составъ правительства не означаетъ никакой перемѣны въ системѣ управленiя»; что «не во всемъ онъ будетъ слѣдовать примѣру своего предшественника, но съ существующими фактами будетъ считаться, лояльно исполнитъ принятыя обязательства и будетъ стараться удовлетворить справедливыя требованiя сельскаго хозяйства». Иными словами—вступленiе князя Гогенлоэ не означаетъ реакцiи: онъ готовъ будетъ входить въ соглашенiе съ партiею центра, тѣмъ болѣе, что считаетъ полезнымъ «содѣйствiе государства нравственному влiянiю духовенства», и будетъ считаться также съ интересами крупнаго землевладѣнiя.

Внесенный въ рейхстагъ проектъ закона, направленный противъ «партiи переворота», не расширяетъ правъ полицейской власти, но содержитъ измѣненiя въ законахъ уголовныхъ и устанавливаетъ право задержанiя печатныхъ произведенiй, если въ нихъ будетъ найдено что-либо входящее въ категорiю тѣхъ правонарушенiй, противъ которыхъ направлены карательныя мѣры новаго закона. За публичныя, могущiя угро-

жать общественному порядку нападки на религію, монархическое начало, на учрежденія семьи и собственности полагается штрафъ до 600 марокъ или тюремное заключеніе до 2 лѣтъ. За распространеніе ложныхъ слуховъ съ цѣлью компрометировать государственныя учрежденія и власти, виновные нынѣ подлежатъ наказанію въ томъ случаѣ, если доказано, что они знали о ложности сообщаемыхъ ими извѣстій, а въ настоящемъ проектѣ это опредѣленіе расширяется въ такомъ смыслѣ, что виновными будутъ признаваемы и тѣ, которые «должны были» знать, что сообщаютъ извѣстія ложныя. Къ преслѣдуемымъ воззваніямъ или возбужденіямъ къ сопротивленію власти, разрушенію зданій, грабежу и вымогательству въ настоящемъ проектѣ приравнивается и одобреніе или восхваленіе преступленій этого рода. За возбужденіе къ-либо лицъ военнослужащихъ къ возмущенію въ опредѣленномъ случаѣ проектъ устанавливаетъ заключеніе въ рабочемъ домѣ, а за возбужденіе общее, не въ какомъ-либо опредѣленномъ случаѣ—простое заключеніе. Сверхъ того, въ проектѣ предоставляется военному вѣдомству право исключать изъ списковъ запаса тѣхъ чиновъ, которые подверглись заключенію болѣе чѣмъ на 6 недѣль за какіе-либо проступки противъ порядка и власти.

Итакъ, въ проектѣ не заключается никакихъ ограниченій права сходакъ и правъ печати, которыхъ желалъ прежній президентъ прусскаго министерства графъ Эйленбургъ. Но нельзя не признать, что самыя опредѣленія новаго закона весьма растяжимы: чего нельзя подвести подъ «одобреніе, восхваленіе и подстрекательство?» Вопросъ о томъ, какой пріемъ будетъ оказанъ этому проекту въ рейхстагѣ еще нельзя считать предрѣшеннымъ первыми неудачами, какія уже выпали на долю правительства въ краткую сессію, бывшую до праздниковъ.

Первое засѣданіе рейхстага въ новомъ, выстроенномъ для него зданіи, 6 декабря (24 ноября) началось рѣчью президента, воздававшего хвалу архитектору и заключившему провозглашеніемъ «hoch!» въ честь императора. Депутаты—соціалисты избѣгаютъ такихъ засѣданій, какъ напр. при открытіи и закрытіи сессіи, когда можетъ быть произнесенъ этотъ возгласъ. Но на этотъ разъ не всѣ изъ нихъ предвидѣли его вѣроятность и онъ застигъ нѣсколькихъ изъ нихъ намѣстахъ, въ томъ числѣ Либкнехта и Зингера. Вся палата встала, а соціалисты остались сидѣть. Тогда поднялась буря, которая еще усилилась, когда Зингеръ сказалъ, что соціалисты не могутъ принять участія въ такомъ привѣтствіи въ виду извѣстныхъ словъ, что солдаты, «въ случаѣ приказанія, должны стрѣлять въ нашихъ отцовъ, матерей, братьевъ и сестеръ». Въ слѣдующемъ засѣданіи Либкнехтъ объяснилъ, что соціалисты не намѣрены были дѣлать демонстраціи, но что они и прежде никогда не участвовали въ вставаньѣ въ честь императора, такъ какъ они по убѣжденію—республиканцы.

Тогда правительство потребовало согласія рейхстага на судебное преслѣдованіе Либкнехта «за оскорбленіе величества». Требованіе это поддерживали самъ канцлеръ и прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, а про-

тивъ этого требованія говорили представители партій центра, польской и даже національ-либеральной. Вся германская печать рѣшительно высказалась противъ преданія суду депутата за слова, произнесенныя въ палатѣ и къ тому-же ни оскорбленія, ни даже никакого правонарушенія не составлявшія, такъ-какъ Либкнехтъ высказалъ чисто-теоретическое предпочтеніе республиканской формы, а вовсе не призывъ къ ея осуществленію или хотя-бы увѣренность, что она въ ближайшее время будетъ осуществлена. Рейхстагъ большинствомъ 169 голосовъ противъ 53 отказалъ въ согласіи на судебное преслѣдованіе Либкнехта, принявъ при этомъ также оговорку, что желательно усиленіе дисциплинарной власти самаго рейхстага по отношенію къ его членамъ.

Примѣчательно, что въ то время какъ республиканское народное представительство во Франціи даетъ правительству огромныя большинства каждый разъ, какъ только дѣло касается социалистовъ, германскій сеймъ, въ которомъ всѣ партіи, не исключая ни католическаго центра, ни поляковъ, и кромѣ именно однихъ социалистовъ, проникнуты «лояльностью», отказалъ правительству въ согласіи на преслѣдованіе Либкнехта.

Другая неудача имперскихъ министровъ въ рейхстагѣ представилась въ томъ, что это собраніе разошлось на праздники, не приступивъ къ разсмотрѣнію упомянутаго выше законопроекта о дополненіи уголовныхъ законовъ и закона о печати, въ смыслѣ борьбы съ социалистами. При самомъ внесеніи законопроекта, одинъ изъ статсъ-секретарей объяснилъ его дѣль и значеніе. Но какъ только тотъ-же Зингеръ обратилъ вниманіе рейхстага, что не было налицо законнаго числа депутатовъ для законодательныхъ постановленій, рейхстагъ рѣшилъ не приступать до праздниковъ къ разсмотрѣнію этого закона и бюджета и тутъ-же отсрочилъ свои засѣданія на три недѣли, до 8 января (26 декабря). Повторимъ, что эти неудачи еще не предрѣшаютъ судьбы самаго законопроекта. Такъ какъ въ немъ нѣтъ ограниченія права сходовъ, къ которому былъ-бы нерасположенъ центръ, то еще можетъ быть, что проектъ и пройдетъ, хотя-бы въ измѣненномъ видѣ. Самое поведеніе социалистовъ въ рейхстагѣ создали нѣкоторую вѣроятность такого результата. Но всѣ въ палатѣ, кромѣ консерваторовъ, не особенно расположены въ пользу предлагаемыхъ мѣръ. Особенно право предварительнаго задержанія печатныхъ произведеній едва-ли пройдетъ. Если новый канцлеръ не позаботится достаточно подготовить почву, давъ какія-либо положительныя обѣщанія центру, то вполне возможно, что и весь проектъ будетъ отвергнутъ. Вообще, нынѣшняя сессія рейхстага является съ признаками нѣкакого кризиса во внутреннихъ дѣлахъ Германіи. Съ «новымъ курсомъ», то-есть съ личною инициативою Вильгельма II въ дѣлахъ уже свикались, пока въ ней видна была нѣкоторая общая мысль—отказъ отъ Бисмарковской политики борьбы на всѣ стороны, желаніе устранить раздраженіе. По крайней мѣрѣ, къ этому сводился «новый курсъ» при управленіи графа Каприви, который, хотя и считался лишь исполнителемъ идей императора, но какъ человекъ

умѣренный, умный и обладающій большимъ тактомъ, умѣлъ какъ-то «объединять» ихъ и придавать имъ именно общій смыслъ—примиренія. Но съ того момента, какъ Каприви былъ внезапно уволенъ безъ всякаго парламентскаго къ тому повода и «новый» курсъ смѣнился какимъ-то «новѣйшимъ», въ Германіи все сбилось съ толку, перестаютъ понимать, чего-же наконецъ желаетъ императоръ и заявленія его начинаютъ сами вызывать глухое пока, но общее раздраженіе. Высказываются даже такія подозрѣнія, будто Вильгельмъ II намѣренъ измѣнить самую имперскую конституцію, что уже несомнѣнно повело-бы къ кризису, такъ какъ въ прочихъ владѣніяхъ, входящихъ въ имперію, нерасположеніе къ Пруссіи не только не уменьшилось, но въ настоящее время возросло.

Если въ Германской имперіи «курсъ» политическихъ дѣлъ колеблется и становится неяснымъ, то въ Италіи, наоборотъ, курсъ вполне определенъ и постояненъ; король Гумбертъ хочетъ во что бы-то ни стало играть великодержавную роль. Италія, съ населеніемъ свыше 30 милліоновъ, является великою державой и признана такою. Пруссія, напомнимъ, сдѣлалась великою державой при Фридрихѣ II, когда населеніе ея не доходило и до 4 милл. Но при этомъ она держала 240 тыс. чел. постоянного войска, то-есть цѣлыя шесть процентовъ населенія находились подъ ружьемъ. И Пруссія вынесла это напряженіе силъ. Какими народными лишениями и страданіями это достигалось—иной вопросъ; но Пруссія не только не пала, а въ результатѣ ряда дальнѣйшихъ войнъ подчинила себѣ всю Германію и оказалась сильнѣе Франціи. Если-бы къ современной Италіи примѣнить расчетъ 6 проц. населенія подъ ружьемъ, то она могла-бы держать въ мирное время армію въ 1 милл. 800 тыс. солдатъ, между тѣмъ какъ современный списочный составъ итальянской арміи даже по военному положенію, вмѣстѣ съ ополченіемъ, далеко не доходитъ до такой цифры, составляетъ всего немного болѣе 1 милліона, а въ мирное время Италія содержитъ только 232 тыс. солдатъ, т. е. нѣсколько даже менѣе, чѣмъ ихъ имѣлъ Фридрихъ II при 4-хъ милліонномъ населеніи.

Вотъ гдѣ характерно проявляются, во-первыхъ, разница между прежною и современною стоимостью содержанія арміи, и во-вторыхъ—различіе между самымъ происхожденіемъ государствъ и между духомъ двухъ періодовъ, раздѣленныхъ столѣтіемъ. Средства войны и условія содержанія войскъ такъ измѣнились, что Италіи и при 30 милліонномъ населеніи трудно содержать такую армію, какую имѣлъ Фридрихъ II. Итальянское королевство имѣетъ происхожденіе революціонное, между тѣмъ какъ прусское королевство болѣе вѣка тому назадъ было сколочено мечомъ и представляло собой малое государство, но дѣйствительно великодержавную казарму.

Для того, чтобы при учрежденіяхъ Италіи и при настроеніи ея народа возможно было играть великодержавную роль съ значительнымъ обремененіемъ народа, необходимы чрезвычайныя усилія внутренней по-

литики. Вотъ почему изворотливый и энергическій г. Криспи оказывается для короля единымъ человѣкомъ, соответствующимъ положенію. При слабой промышленности, при бѣдности народной массы и всеобщемъ недовольствѣ, вызываемомъ высотой налоговъ, г. Криспи сумѣлъ въ концѣ минувшей сессіи добиться отъ палаты возвышенія налоговъ еще на 100 милл. лиръ, при чемъ предъявилъ въ военномъ бюджетѣ сокращеніе на 7 милл. лиръ, т. е., за уступку 7 получилъ новыхъ 93 милл. Теперь уже министръ финансовъ допустилъ возможность, что и въ росписи на 1895 годъ окажется дефицитъ примѣрно въ 100 милл. лиръ, стало быть потребуется новое возвышеніе налоговъ на такую сумму. Долго-ли выдержитъ это страна, сколько еще времени удастся г. Криспи такъ или иначе одерживать верхъ надъ оппозиціею въ палатѣ—этого опредѣлить нельзя. Но пока курсъ остается неизмѣннымъ.

Въ нынѣшней сессіи, какъ мы уже говорили, итальянскому премьеру представились новыя затрудненія — въ тѣхъ личныхъ обвиненіяхъ, съ какими противъ него выступилъ его предшественникъ Джолитти и которыми не замедлила воспользоваться оппозиція противъ правительственной политики. Трудно было предполагать, чтобы Криспи допустилъ слѣдствіе надъ дѣйствіями Джолитти во время ревизіи «римскаго банка», если бы въ рукахъ Джолитти могли быть какіе-нибудь документы, могущіе уличить самого нынѣшняго главу кабинета въ участіи въ «малой Панамѣ». И дѣйствительно, такихъ доказательствъ, повидимому, нѣтъ. Джолитти представилъ въ палату нѣсколько пакетовъ съ документами по дѣлу «римскаго банка» и просмотръ ихъ былъ порученъ особой комиссіею. Докладчикъ ея Чибраріо, въ засѣданіи 13 (1) декабря представилъ отчетъ объ этихъ документахъ, къ которымъ присоединены и нѣсколько писемъ сына и жены Криспи. Комиссія единогласно предложила всѣ документы опубликовать, кромѣ перепски между «римскимъ» и «національнымъ» банками, такъ-какъ она велась безъ вѣдома правительства и кромѣ упомянутыхъ писемъ, «которыя имѣютъ безусловно частный характеръ и чужды политики, а потому должны быть возвращены по принадлежности. Это заявленіе комиссіи было принято аплодисментами палаты и присутствовавшей публики и предложеніе комиссіи было утверждено.

Но хотя и было рѣшено, что документы, относящіеся къ дѣламъ «римскаго» банка, будутъ опубликованы, Имбриани, поддерживаемый оппозиціею, потребовалъ, чтобы всѣ документы были немедленно выставлены на просмотръ депутатовъ. Министерство заявило свое несогласіе съ этимъ и требованіе Имбриани было отвергнуто, но слабымъ большинствомъ. Почему министерство не согласилось на немедленный просмотръ всѣхъ представленныхъ Джолитти бумагъ каждымъ депутатомъ и не служить-ли это доказательствомъ, что въ нихъ есть что-нибудь компрометирующее самого Криспи? На это можно отвѣчать, что просмотръ документовъ былъ порученъ комиссіи, которая въ данномъ случаѣ была органомъ парламентарскаго слѣдствія; комиссія пришла къ постановленію

единогласному и предложеніе ея только что было принято палатой. Могло-ли министерство согласиться, чтобы послѣ этого еще сама палата въ полномъ составѣ приступила какъ-бы къ повѣрочному слѣдствію, съ просмотромъ всякихъ обвинительныхъ заявленій, хотя-бы они не имѣли отношенія къ дѣлу, и чтеніемъ частныхъ писемъ? Палата могла избрать тѣхъ или иныхъ людей въ составъ комиссіи, которой она поручила это дознаніе. Но однажды избравъ комиссію, не слѣдовало уже относиться съ недоувѣріемъ къ ея заключенію и утвердивъ его, возобновлять дознаніе въ полномъ собраніи. А такъ-какъ обвиненія Джолитти были направлены именно противъ Криспи, то если-бы палата рѣшила произвести еще просмотръ бумагъ въ самомъ засѣданіи, то такое рѣшеніе могло означать только признанію ея необходимости убѣдиться, не прикрыла-ли собственная ея комиссія виновности Криспи и вѣроятность, что хоть въ письмахъ сына и жены его можно найти такія вещи, которыя бросить на него тѣнь. Естественно, что если-бы палата приняла такое рѣшеніе, то Криспи долженъ былъ-бы немедленно подать въ отставку.

Предложеніе Имбриани было отвергнуто, но всего 188 голосами противъ 179, что, по дѣлу касавшемуся нравственнаго авторитета самого главы министерства, было слишкомъ недостаточно. Легко было предвидѣть, что на слѣдующій-же день около этой темы вертѣлись-бы всѣ нападки и на бюджетъ, и на излишнія вооруженія, и на полномочія военной власти въ Сициліи, словомъ, вся политика. Оставался выборъ: или уволить Криспи, или немедленно распустить палату. Но обвиненіямъ противъ Криспи король не вѣритъ и его одного считаетъ способнымъ справиться и съ оппозиціею, и съ затруднительнымъ положеніемъ дѣлъ. Поэтому выбрано было нѣчто среднее: королевскимъ декретомъ парламентская сессія была отсрочена. За этимъ можетъ послѣдовать распушеніе палаты и произведеніе новыхъ выборовъ. Но, быть можетъ, ловкій парламентскій тактикъ Криспи употребилъ отсрочку только какъ угрозу распушенія, въ расчетѣ, что черезъ мѣсяцъ, то-есть послѣ праздниковъ (хотя срокъ не означенъ въ декретѣ) умы успокоятся, многіе изъ вотировавшихъ съ оппозиціею возвратятся въ составъ правительственнаго большинства и что тогда, поставивъ, при удобномъ случаѣ, вопросъ о довѣріи, кабинетъ выйдетъ побѣдителемъ уже не съ девятью, но съ нѣсколькими десятками голосовъ перевѣса надъ оппозиціею.

Противъ этой отсрочки заявленъ былъ протестъ, составленный маркизомъ де-Рудини, адмираломъ Бриномъ и еще двумя депутатами: Цанарделли и Кавалотти. Въ этой комбинаціи бросается въ глаза, что въ составленіи протеста участвовали три бывшихъ королевскихъ министра и республиканецъ, поэтъ, миланецъ родомъ—Кавалотти. Какъ будто союзъ добывающихся возвращенія къ власти—съ представителемъ крайняго элемента», желающаго ея упраздненія. Нравственную сторону этого дѣла мы понимаемъ такъ: министерство имѣло право помѣшать палатѣ въ полномъ составѣ производить слѣдствіе, читать частныя письма и всякія

случайныя бумаги. Но для того, чтобы вполне очиститься передъ общественнымъ мнѣніемъ, г. Криспи долженъ допустить газетныхъ репортеровъ къ обзорѣнью писемъ его сына и жены. Такихъ документовъ, которые прямо уличали-бы самого Криспи, не можетъ быть, потому что въ такомъ случаѣ онъ не допустилъ-бы слѣдствія надъ дѣйствіями Джолитти. Но необходимо, чтобы исчезла всякая тѣнь подозрѣнія.

Съ другой стороны, агитація, которую устроилъ по этому случаю Кавалотти, что называется хватаетъ черезъ край. Обвиненій противъ Криспи онъ предъявляетъ слишкомъ много. Лучше было-бы вполне доказать что-нибудь одно, чѣмъ уличать Криспи въ томъ, что онъ первымъ бракомъ былъ женатъ на прачкѣ, что потомъ было «незаконное его сожителство» съ нынѣшней женой, которое онъ узаконилъ гражданскимъ бракомъ послѣ рожденія дочери, что онъ «хотѣлъ» дать орденъ Корнепіусу Герцу, что отъ панамскаго Рейнака онъ получилъ 50 т. франковъ и другое многое! Одинъ послѣдній фактъ, о которомъ упоминалось уже при панамскомъ дѣлѣ въ Парижѣ, если-бы было доказано, что Криспи, будучи министромъ, взялъ съ Рейнака деньги и взаменъ доставилъ ему какую-либо выгоду, былъ-бы совершенно достаточенъ, чтобы нравственно погубить Криспи. Но дѣло въ томъ, что Криспи—адвокатъ, былъ имъ до перваго своего вступленія въ министерство и въ промежуткѣ до занятія поста президента совѣта. Криспи, какъ адвокатъ, былъ повѣреннымъ Рейнака въ Италіи, гдѣ у того банкира было нѣсколько большихъ имѣній, и получалъ отъ него гонораръ, который могъ составить и 50 т. франковъ, т. е. 20 т. рублей. Весь вопросъ въ томъ, когда что было, и сдѣлалъ-ли что-нибудь Криспи за деньги, будучи министромъ? Если-бы нѣчто подобное было хоть на половину доказано, то едва-ли король могъ-бы оставить его главою правительства, едва-ли королева патронировала его дочь при недавней ея свадьбѣ, а наконецъ и Левъ XIII, быть можетъ, воздержался-бы отъ заявленія ему особеннаго участія разрѣшеніемъ ему церковнаго брака, послѣ развода съ первой женой, Розаліей Монмассонъ, которая, какъ говорятъ, въ самомъ дѣлѣ была прачкой, и вѣнчалась съ нимъ «неправильно», т. е. не въ костелѣ, а въ частной квартирѣ.

При этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить «безпокойнаго характера» романской расы, отличающаго ее отъ расы германской. Про полученныя якобы г. Криспи 50 т. франковъ гонорара или «не гонорара», а чего-нибудь иного съ Рейнака, идетъ разговоръ уже два года. А Бисмаркъ имѣлъ въ своемъ безотчетномъ распоряженіи, въ теченіе 20 лѣтъ, сто-милліонный фондъ, секвестрованный у бывшаго ганOVERскаго короля, и дѣлалъ изъ него такое употребленіе, какое ему было угодно, совершенно безотчетно. За 20 лѣтъ что составили одни проценты съ этого капитала? Между тѣмъ, всѣ росписки въ полученіяхъ изъ него, какъ извѣстно, уничтожены въ цѣляхъ политическихъ. Но никакой Кавалотти не выступалъ въ Германіи съ личными заподозрѣніями противъ бывшаго канцлера.

Д. Полонскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАЩАЯ

IV-й
ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ.

IV-й
ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

ВЫХОДИТЬ 1-го ЧИСЛА КАЖДАГО МѢСЯЦА.
въ размѣрѣ 18—20 печатныхъ листовъ.

Цѣль литературнаго и научно-популярнаго журнала „Міръ Божій“—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе, въ видѣ—1) оригинальныхъ и переводныхъ беллетристическихъ произведеній, какъ новѣйшихъ, такъ и классическихъ; 2) научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) критическихъ и библиографическихъ отзывовъ о важнѣйшихъ явленіяхъ современной литературы и 4) извѣстій о выдающихся событіяхъ текущей русской и заграничной жизни, литературы и науки. Имѣя въ виду не только юношество (подъ которымъ редакція разумѣетъ, конечно, не подростковъ 13—14 лѣтъ), не только образованную семью, но и читателей изъ различныхъ слоевъ общества, ищущихъ пополнить чтеніемъ свое образованіе, редакція заботится о тщательномъ подборѣ сочиненій и статей, дающихъ возможность съ одной стороны слѣдить за движеніемъ современной мысли, а съ другой—приобрѣтать систематическія знанія по наукамъ естественнымъ, общественнымъ и историческимъ.

Въ 1895-мъ году журналъ будетъ издаваться съ тѣми же сотрудниками и по той же программѣ, при чемъ для нанечатанія предполагается, между прочимъ слѣдующее:

„По новому пути“, романъ Д. Мамина-Сибиряка; „Исторія одной жизни“, повѣсть К. Станюковича; „Изъ прошлаго“, повѣсть А. Лугового; „Князь и кметы“, историческій романъ Крашевскаго; „Тайнственная исторія“, романъ Оноре Бальзака; „Процессы оплодотворенія въ растительномъ царствѣ“ (съ рисунками), проф. И. Бородина; „Окраска живогныхъ“ (съ рисунками), проф. Н. Холодовскаго; „Мозгъ и мысль“, проф. Челпанова; „Неорганическій міръ“ (съ рисунками), очерки В. Агафонова; „Основы психологій“ съ франц. подъ ред. проф. Г. Челпанова; „Исторія цивилизаціи до среднихъ вѣковъ“ (съ рисунками), Докудуръ, перев. подъ ред. Д. Корочевскаго; „Очерки русской культуры“ проф. Н. Милунова; „Біографія Ив. Серг. Тургенева“ (съ илльстр. портрет.) Ив. Иванова; „Изъ исторіи прессы“, А. Слѣпцова; „Маркъ Аврелій“, очеркъ Красноперова; „Добрые обычаи и нравы“ (изъ воспоминаній измѣлователя), Ф. Щербины; „Очерки народнаго труда“, Н. Мурашкинцевъ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой—7 р.; безъ доставки—6 руб., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С-Петербургѣ: въ главной конторѣ и редакціи—Лиговна, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Разсрочка черезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей. Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 5% съ наждаго экземпляра.

Изд. А. Давыдова.

Ред. В. Острогорскій.

Имѣются годовые экземпляры 1894 и 1893 года, за 1832 годъ всѣ экземпляры израсходованы.

3—2

Вышла и поступила въ продажу новая книга:

Сочиненія Ф. Д. Нефедова.

т. II, изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895 г. ц. 1 р. 50 коп.

Содержаніе: Дѣтство Протасова (повѣсть). — Въ туманѣ (изъ однихъ записокъ). — Не въ обычаѣ (повѣсть). — Лукавый попуталь (повѣсть).

Складъ книги: Москва, у издателя. Тамъ же продается первый томъ.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г. НА ЖУРНАЛЪ:

ОСКОЛКИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. ЛЕЙКИНА

Еженедѣльный (52 № въ годъ), иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступающій въ пятнадцатый годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1895 г. подъ той-же редакціей, по той-же программѣ и при участіи тѣх-же сотрудниковъ, какъ и въ 1894 г.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматъ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до 1000 юмористическихъ и карикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1300 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, рассказовъ, сценъ, шаржей, пародій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изрѣченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр.

Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки на премію.

Всѣ годовые подписчики получаютъ въ концѣ 1895 г. бесплатную премію: юморъ Э. М. Достоевскаго въ рисункахъ.

ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой: на годъ съ бесплатной преміей 9 р., на полгода безъ преміи 5 р., на три мѣсяца безъ преміи 3 р. За границу на годъ 10 руб. Безъ доставки и пересылки: на годъ съ бесплатной преміей 8 р., на полгода безъ преміи 4 р. 50 к., на три мѣсяца безъ преміи 2 р. 50 к.

Допускается разсрочка подписной платы черезъ гг. казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ главной конторой журнала «Осколки». Подписавшіеся съ разсрочкой получаютъ премію лишь по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала «ОСКОЛКИ» въ С.-Петербургѣ (Спасская ул., д. 17).

3—1

Редакторъ-издатель Н. Лейкинъ и Р. Голике.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 г., 18-й годъ изданія

на ежедневную политическ. и литературн. газету

КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ

издающуюся въ г. Севастополь.

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губ.

Условия подписки: съ дост. и перес. на годъ 8 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 3 р., на 1 мѣсяць 1 р. 25 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 апр. 3 р., къ 1 июлю 2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополь—въ редакціи „Крымскаго Вѣстника“, Екатерининская ул., д. Спиро, въ г. Симферополь—въ отдѣленіи конторы на Екатерининской ул., д. Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г. Синани, въ Мелитополь—въ книжномъ магазинѣ Лифшица, въ Бахчисаратѣ—у г. Колтупа, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и К^о, въ Феодосіи—въ отдѣленіи конторы „Крымскаго Вѣстника“ при типографіи Спиро, Полцейская ул., д. Карабанова.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Изд. съ 44-го вып. Т-ва Гранатъ и К° бывш. Т-ва А. Гарбель и К°.

Издание имѣетъ цѣлью въ общедоступномъ и сжатомъ изложеніи дать точныя и достаточно полныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ явленіямъ жизни и тѣмъ содѣйствовать разностороннему гармоническому развитію.

Въ изданіи принимаютъ участіе: проф. Д. Н. Анучинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. Ю. С. Гамбаровъ, М. Я. Герценштейнъ, приватъ-доцентъ Г. М. Герценштейнъ, В. А. Гольцевъ, В. Н. Григорьевъ, приватъ-доцентъ А. Г. Гусаковъ, Діонео, маг. А. И. Каминка, Я. Н. Колубовскій, проф. В. Ф. Левитскій, приватъ-доцентъ И. Л. Лось, проф. П. В. Лучицкій, проф. И. Н. Миклашевскій, приватъ-доцентъ П. Н. Милоковъ, С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, проф. Э. Л. Радловъ, М. Н. Ремезовъ, приватъ-доцентъ А. Р. Свирицевскій, А. П. Субботинъ, проф. А. С. Тауберъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. А. И. Чупровъ и др.

Все издание составитъ всего 8 томовъ (108 — 115 выпусковъ). Вышло 94 выпуска (составляющихъ 6 том. и 7 вып. 7-го тома) до слова Салиасъ; въ нихъ помѣщено 64,618 статей и замѣтокъ, 1,311 портретовъ и рисунковъ, 18 географическихъ картъ, хромо- и олеографій, таблицы рисунковъ, 2 серии «Снимковъ картинъ классическихъ художниковъ».

Цѣна тому (14 вып.) на обыкновенной бумагѣ 4 р. 20 к., на лучшей бумагѣ 5 р. 60 к., тому въ переплетѣ 4 р. 50 к. и 6 р. За пересылку прилагивается 10%. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена. Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 руб.; послѣ чего высылаются первые 6 томовъ съ наложеннымъ платежомъ въ 5 руб., остальные деньги выплачиваются трехмѣсячными взносами по 5 руб.

Подробные проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію бесплатно.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 1-го января 1895 года, при газетѣ „Сынъ Отечества“, будетъ выходить въ свѣтъ, за особую подписную плату, ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ, въ видѣ совершенно самостоятельнаго литературнаго журнала, подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

въ составъ которой входятъ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.)

(Въ годъ двѣнадцать книгъ или 4,000 страницъ большого формата).

Приступая къ выпуску новаго ежемѣсячнаго изданія „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“, мы не задаемъ цѣлью преслѣдовать какое-нибудь модное направленіе, а ставимъ себѣ исключительною задачею дать нашимъ читателямъ въ обиліи здоровый по идеямъ и надежашій въ смыслѣ художественнаго творчества матеріалъ для чтенія, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ писателей, имѣя въ виду, что высокія подписныя цѣны, существующія на большіе литературные журналы, къ сожалѣнію, большинству не доступны. Организуя редакціонный составъ въ пироккихъ размѣрахъ, мы пригласили къ участию извѣстныхъ писателей и журналистовъ, изъ коихъ многіе не только обѣщали свое сотрудничество въ будущемъ, но уже дали для помѣщенія въ первыхъ-же книжкахъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ въ 1895 году „НОВЫЯ“ свои литературныя произведенія.

Мы употребили все наши общія усилія, чтобы дать въ ежемѣсячныхъ книжкахъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ богатый по количеству, и интересный по качеству матеріалъ для чтенія, несмотря на скромную подписную годовую цѣну, которая возможна лишь исключительно въ виду обширности нашего издательскаго дѣла и нашей готовности отказаться, на первое время, отъ всякихъ прибылей, чтобы поставить дѣло на прочную почву.

Каждый томъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ будетъ содержать непременно одинъ новый вполне законченный романъ или повѣсть, притомъ отнюдь не перепечатку литературныхъ произведеній, бывшихъ уже въ печати, какъ это твердо практикуется въ послѣднее время. Соблюденіе послѣдняго условія совершенно выдѣляетъ наше новое изданіе изъ другихъ существующихъ дешевыхъ журналовъ. Въ книжкахъ „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“ въ 1895 году будутъ напечатаны слѣдующія НОВЫЯ оригинальныя произведенія, въ числѣ коихъ пѣкоторыя изъ вѣснѣныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей.

1) Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ) — „Злая судьба“ романъ изъ современной жизни 2) Яценскій, І. І. (Максимъ Бѣлинскій) — „Неоконченное дѣло“, большая повѣсть. 3) Мордовцевъ Д. Л. — „Ижусупельница“ (романъ изъ восточной жизни). 4) Карповичъ, Е. — „Дитя обители“ (историческій романъ изъ русской жизни). 5) Сафоновъ, С. А. — „Пезабудка“ (повѣсть). 6) Максимовъ, А. М. — „Счастье измѣнило“, Большой романъ. 7) Назарьева, В. К. — „Наша защитница“ Большой романъ изъ современной жизни 8) Леманъ, А. П. — „Порча жизни“, повѣсть. 9) Александровъ, А. — „Безъ исхода“. Романъ. 10) Свдой (псевдонимъ) А. П. — „Хорошо жить на свѣтѣ“. Большая повѣсть. 11) Заринъ, А. Е. — „Тихая пристань“. Романъ. 12) Дубровина, Е. О. — „Миценіе“. Романъ. 13) Тангевъ, кн. Е. А. — „Загадочный трупъ“. Романъ. 14) Казн-Бекъ, Юрій. — „Тайны минарета“ (изъ жизни черкесовъ до покоренія Кавказа).

Подписная цѣна на „ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ“ съ доставкою по Имперіи:

На годъ (за 12 книгъ) 4 р. на полгода (за 6 книгъ) 2 р. 50 к.

Первая книга „Дом. Библіотеки“ выйдетъ 1 января 1895 г.

Съ подпиской просятъ обращаться въ Главную

Контору: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста,

д. № 68—40.

4 Р.

4 Р.

3—3

„ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ“.

Таковъ девизъ вѣка. Но имѣющіе деньги не знаютъ, какъ убить время; а имѣющіе время—убиваются, что не хватаетъ денегъ. Между тѣмъ, ничто такъ значительно не сокращаетъ время за незначительныя деньги, какъ журналъ „Будильникъ“—всеобъемлющій, духоподъемный и назидательный.

Подпишитесь на журналъ „БУДИЛЬНИКЪ“ въ 1895 г.

Онъ будитъ не только въ установленныя часы, но непрерывно въ теченіе цѣлаго года. Главное достоинство „Будильника“—„привлечіе и вѣрность“ основному девизу серьезной сатиры. Не портится и не требуетъ поправокъ. Удобенъ въ гостиню, гдѣ занимаетъ гостей, и въ дорогѣ, гдѣ сокращаетъ путь. Каждому годовому подписчику высылаются полностью: 50 №№ журналовъ. Въ каждомъ № карикатура на серьезную тему, поразительныя картинки провинціальной и общественной жизни, отпечатанныя поразительными красками. Онъ будитъ всѣхъ, но провинцію, какъ сонную особу. „Будильникъ“ не только будитъ, но щекочетъ въ каждомъ номерѣ перомъ и карандашомъ. Какъ новость, черезъ № будутъ помѣщаться оригинальные юмористическіе разсказы, иллюстрированныя оригинально-остроумными художниками. Въ приложеніяхъ къ каждому №, для спеціального развлеченія читателей, введены: 1) юмористическій календарь, съ анекдотами, для ежедневнаго употребленія; 2) лучшія „смѣхотворныя“ пьесы веселаго репертуара, и 3) разсказы иностранныхъ юмористовъ, заграничнаго производства.

Годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будетъ выдава къ Настѣ премія „Будильника“ на 1895 годъ:

Альбомъ
рисунковъ

„ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ“

къ роману
И. И. Лажечникова.

Альбомъ „Ледяной домъ“ содержитъ: девять большихъ фототипій (сценъ), портретъ автора съ его факсимиле, отрывки романа, относящіеся къ иллюстраціямъ, краткій пересказъ содержанія романа и биографическій очеркъ И. И. Лажечникова, составленный извѣстнымъ бібліографомъ А. В. Сосицкимъ.

Полугодовые подписчики лишены преміи.

Для любящихъ разорочку платежа, редакторъ допускаетъ такую на условіяхъ уплаты при подпискѣ—5 р., а слѣдующіе 5 р.—не позже 1 іюня.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей—10 р., безъ преміи—
9 р.; на 1/2 года—5 р. Москва, Тверская, д. Спиридонова.

Слѣшите подпиской: время—деньги.

2 -1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 г.

„ЮЖАНИНЪ“

ГАЗЕТУ ЛИТЕРАТУРНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ

Выходитъ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ праздниковъ.

Въ будущемъ году газета намѣрена держаться избраннаго ею направленія, сосредоточивая вниманіе преимущественно на вопросахъ и явленіяхъ, имѣющихъ торговое, промышленное и экономическое значеніе для юга Россіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ГАЗЕТУ „ЮЖАНИНЪ“ съ доставкой и пересылкой: на 1 м. 1 р., 2 м.—1 р. 75 к., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 5 м.—3 р. 50 к., 6 м.—4 р., 7 м.—4 р. 60 к., 8 м.—5 р. 20 к., 9 м.—5 р. 80 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р.

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: въ гор. Николаевѣ (Херсон. губ.), въ конторѣ редакціи «Южанина», уголъ Соборной и Спасской улицъ, домъ О. И. Рюминой.

Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца.

Редакторъ-издатель. Полковникъ М. В. Рюминовъ.

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„ДОНЪ“

(ВЪ ВОРОНЕЖЬ)

на 1895 годъ.

Съ 1895 года газета „Донъ“ начинаетъ 28-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 27 лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія. Что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой въ Воронежъ: на годъ—6 р., на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 руб., на 1 мѣс.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 м.—2 руб. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СТЕПНОЙ КРАЙ“

Газета выходитъ въ Омскѣ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, а въ остальные дни телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.

Программа газеты слѣдующая:

1. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства. 2. Правительственные распоряженія. 3. Передовыя статьи, 4. Фельетонъ 5. Отчеты о засѣданіяхъ. 6. Литературное обозрѣніе. 7. Внутреннее обозрѣніе. 8. Корреспонденціи. 9. Отчеты банковъ и страховыхъ обществъ. 10. Городская хроника. 11. Переселенческое дѣло. 12. Метеорологическія наблюденія. 13. Почтовый ящикъ. 14. Справочныя извѣстія. 15. Частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Для внѣгородныхъ съ телеграммами: За годъ 7 р. 50 к., полгода—4 р. 50 к., 3 мѣсяца—3 р., 1 мѣсяць—2 р. Безъ телеграммъ: За годъ 5 р. 50 к., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣсяца—2 р. 50 к. 1 мѣсяць—1 р. 50 к.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Омскъ, редакція газеты „Степной Край“.

Издатель И. Г. Сунгуровъ.

1—1

Редакторъ П. Я. Яшеровъ.

„ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4) Послѣднія извѣстія (мѣтропріятія, слухи, проекты и т. п.) 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной) 7) Корреспонденціи. 8) Новости науки, литературы и искусства 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Земская и городская хроника. 12) Внѣшнія извѣстія. 13) Судебный отдѣлъ. 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научныя очерки и т. п.). 15) Библиографическія замѣтки. 16) Слѣсъ. 17) Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Вѣд.“.

Условія подписки: на годъ съ перес. 10 р., на 6 м. — 5 р. 75 к., на 3 м.—3 р., на 1 м. — 1 р. 20 к. 3—1

Е Ж Е Д Н Е В Н А Я

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУР., ПОЛИТИЧ. и КОММЕРЧЕСК. ГАЗЕТА

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

Открыта подписка на 1895 годъ (22-й годъ изданія).

Нашъ девизъ: „служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій“.

Двадцать одинъ годъ мы не останавливались ни передъ какими трудами, ни предъ какими затратами, ни предъ какими препятствіями, чтобъ создать на югѣ Россіи большой литературный и политическій органъ, который, служа мѣстнымъ интересамъ, въ то-же время замѣнялъ-бы провинціальнымъ читателямъ большія столичные газеты, сообщая и освѣщая всѣ выдающіеся факты общественной и политической жизни Россіи, Европы, всего міра. Наша задача—давать какъ можно больше фактовъ и придавать имъ яркое, всегда правдивое освѣщеніе.

На первомъ планѣ ставя обиліе сообщаемыхъ фактовъ и быстроту ихъ передачи, „Одесскій Листокъ“, кромѣ самой полной хроникъ общественной, городской, административной, военной, судебной, думской, земской, даетъ ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ и свѣдѣнія по телефону изъ Николаева. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ юга редакція имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ, которые немедленно сообщаютъ о всякомъ маломальски выдающемся фактѣ мѣстной жизни.

Этотъ матеріалъ, въ каждомъ номерѣ „Одесскаго Листка“ разрабатывается и освѣщается въ передовыхъ статьяхъ, касающихся вопросовъ дня какъ внутренней общественной, такъ и вышней политической жизни.

Въ ежедневныхъ фельетонахъ газеты печатаются: фельетоны общественной жизни гг. Барона Икса, Финна, В. Дорошевича, Фланера и Фигаро, литературно-критическіе фельетоны г. Чуйко, фельетоны по вопросамъ философіи г. Оболенскаго, научные, музыкальные и заграничные фельетоны за подписью М. Г. (псевдонимъ), беллетристическія произведенія гг. Круглова, Дешкина, Черноморца и друг., а также фельетонные наброски „злобъ дня“ Кишинева, Николаева, Херсона, Елисаветграда, Кіева и прочихъ городовъ юга и Крыма.

Кромѣ литературнаго и публицистическаго матеріала, въ газетѣ ежедневно печатаются коммерческія свѣдѣнія—какъ то: цѣны на хлѣбъ, колоніальныя товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монету, на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта.

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свое назначеніе служить самому широкому кругу читателей,—и наши читатели знаютъ, что мы постоянно стремимся еще болѣе улучшить содержаніе газеты, девизомъ всей нашей журнальной дѣятельности поставивъ одно стремленіе—впередъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ заявить, что въ „Одесскомъ Листкѣ“ постоянное ближайшее, ФАКТИЧЕСКОЕ (а не фиктивное) участіе принимаютъ: Н. И. БОРИСОВЪ, Ив. Емел. БУЛГАКОВЪ, Аксель Карл. ГЕРМОНІУСЪ Сем. Тит. ГЕРЦО-ВИНОГРАДСКІЙ, Власть Михайл. ДОРОШЕВИЧЪ, Констант. Ал. ДЕШКИНЪ, Александръ Вас. КРУГЛОВЪ, А. М. КОГЕНЪ, Вас. Як. ЛУЧИНСКІЙ, С. Б. ЛАЗАРОВИЧЪ, Леонидъ Ег. ОБОЛЕНСКІЙ, Александръ Спир. ПОПАНДОПУЛО, Алекс. Ант. СПИРО, Вл. Вик. ЧУЙКО, В. Д. ФЕДОРОВЪ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ: на города съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. три мѣсяца, 1 р. 30 к. въ мѣсяць.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ «ОДЕССКАГО ЛИСТКА» ВЪ ОДЕССѢ,
въ домѣ редактора-издателя «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго, рядомъ съ
Городскимъ театромъ. 2—1

„ОБРАЗОВАНИЕ“

педагогическій и научно-популярный журналъ.

Задачи „Образованія“—содѣйствовать распространенію въ нашемъ отечествѣ и развитію образованія (особенно народнаго и средняго общаго и профессиональнаго), помогать также самообразованію выясненіемъ и разработкой основныхъ вопросовъ психологій, педагогики, знакомствомъ съ тѣмъ, что дѣлается по этимъ вопросамъ на западѣ, а также ознакомленіемъ съ лучшими и болѣе доступными научными статьями по различнымъ отраслямъ знанія. Сверхъ большихъ статей педагогическаго характера (болѣе 30 статей въ годъ) и научно-популярныхъ (также болѣе 30 статей) отдѣлы: *Критика и библиографія* (рецензій книгъ научно-популярныхъ, учебныхъ, для народа и дѣтей). *Изъ жизни и литературы* (хроника). *Педагогическія движенія на западѣ*. *Статистика образованія*, *Разныя извѣстія*. *Изъ области знанія*. Въ приложеніяхъ будутъ даны отдѣльныя законченныя работы (педагогическія и научно-популярныя), полезныя для учащихся, учащихся и народа.

Въ редакціи журнала принимаютъ дѣятельное участіе *П. О. Каптеревъ*, *В. П. Острогорскій*, *Д. Д. Семеновъ* и *А. Н. Страннолюбскій*.

Въ вышедшихъ №№ за 94 г. помѣщены, между прочимъ, слѣд. статьи: 1. Изъ исторіи моего учительства (3 статьи), *Викт. Острогорскаго*.—2. Школы и школьники XVII в., *П. Каптерева*.—3. Письма о народной школѣ, *А. Анастасіева*.—4. Настоящее и будущее народн. учителя, *И. Фесенко*.—5. Наша учащаяся молодежь, *А. Острогорскаго*.—6. Объ экзаменахъ, *В. Синовскаго*.—7. Задачи народной школы, *Вл. Куницкаго*.—8. Народн. школа и ея вліаніе на народъ, *его-же*.—9. Начальное народное образованіе въ иностранныхъ государствахъ (4 статьи), *Е. Страннолюбской*.—10. Новая педагогическія движенія на Западѣ (5 статей), *Е. Страннолюбской* и *Е. Максимовой*.—11. Въ борьбѣ за школу, *Д. Семенова*. Научно-популярныя статьи.—12. Этюды по философіи наукъ, *А. Лаланда* (съ франц.) (7 статей).—13. Теорія прогресса по Кондорсе, *Е. Литвиновой*.—14. Психическія свойства женщинъ (5 лекцій), *П. Каптерева*.—15. Задачи нравственной философіи, проф. Циглера, перев. *А. Острогорскаго*.—16. Происхожденіе нравственности, *его-же*.—17. Что такое нравственность, *его-же*.—18. Долгъ и добродѣтель, *его-же*.—19. Развитіе вѣчи и мышленіе у ребенка, по Прейеру.—20. Способы самозащиты организма, *Ш. Рише*.—21. Микробы и значеніе ихъ, *С. Я.*—22. Пища въ школьномъ возрастѣ, д-ра *Виреніуса*. Сверхъ того, статьи по школьнымъ вопросамъ. (О грамматикѣ въ народной школѣ, *Е. А. Чебышевой-Дмитріевой*—Народныя книги, *Е. Свѣтлинковой*.—Натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ, *В. Н. Фармаковского* и др.). Всего помѣщено болѣе 80 статей. Мелкихъ сообщеній болѣе 150, до 100 рецензій и болѣе 100 сообщеній изъ области знаній. Въ приложеніи къ журналу книга проф. Моссо „Физич. воспитаніе юношества“ (съ италіанск. яз.).

Подписка на 1894 г. прекращена за расходомъ всѣхъ экземпляровъ. За 1892 и 93 гг. имѣется десятка два экземпляровъ. Ц. по 5 р. съ пересылкой.

НА 1895 ГОДЪ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

ЦѢНА за годъ, т.-е. за 12 №№, съ доставкою ПЯТЬ рублей. Для народныхъ учителей допускается взносъ подписной платы въ два срока. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою 10 процентовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ, въ гл. конторѣ редакціи (Гороховая, д. 18), а также въ кн. магаз. Фену и „Нов. Времени“. Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ обращаться непосредственно въ гл. контору редакціи.

ПОДПИСКА НА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1895 ГОДЪ.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная, без предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди—братья; ихъ долгъ—жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи къ благу общему.

Основная задача газеты—познание нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, ошибки и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества—вотъ тотъ матеріалъ, которымъ мы преимущественно стремимся дѣлиться съ труженниками-участниками общественной работы.

Общая нужда всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа—мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ все успѣлія, чтобы «Русская Жизнь» по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внешней политики была органомъ цѣльнымъ, живымъ, отзывчивымъ.

Подписная цѣна съ пересылкой для иногороднихъ: На годъ—9 р., полгода—5 р. 3 мѣсяца—3 р., одинъ мѣсяць—1 р.; для городскихъ—8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разрѣска допускается со взносомъ не меньше 1 рубля ежемесячно впередъ.

Новымъ полугодовымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть романъ Э. Золя «ДОКТОРЪ ПАСКАЛЬ», изданій «РУССКОЙ ЖИЗНИ», книга высылается бесплатно.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

3—1

Редакторъ-Издатель А. Пороховщиковъ.

1895 г.

Изданія годъ VI.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества,
состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физиологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общія обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія.

Журналъ выходитъ—пять разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Члены Психологическаго Общества и студенты университетовъ пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“ (Спб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Спб., Москва, Варшава), Вольфа (Спб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Арбатъ, д. Расцвѣтовой.

3—1

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

I Оригинальная и переводная статья. Педагогическіе курсы въ Черниговѣ. Д. Тихомирова.—Физическое воспитаніе юношества въ отношеніи къ современной системѣ школьнаго воспитанія. Е. Дементьева.—Еще къ вопросу объ умственномъ развитіи. Н. Соколова.—Глѣбъ Успенскій по вопросамъ воспитанія. М. К. Николаевой.—Fractur и Antiqua въ отношеніи къ здоровью глазъ. Проф. Цегендера.—Преступныя дѣти. В. Португалова.—Письма учителя. П. А. Приселкова.—Школа въ Англіи. Ив. Г.—II. Критика и библиографія. Литература маленькаго народа. Критическія бесѣды. XII. Разказы для самыхъ маленькыхъ дѣтей. А. Круглова.—Новыя книги. А. Круглова—К. Д. Ушинскій, какъ педагогъ—публицистъ. Проф. Ир. Сковрцова.—III. Мелкія сообщенія.—Что такое воспитаніе?—Что такое образованіе?—Воспитаніе личности въ ребенкѣ.—Общество Золушки.—Объ искусствѣ работать головою.—Къ вопросу объ искусствѣ чтенія.—IV. Хроника. Новый проект.—Льготы по образованію.—Физическое развитіе дѣтей въ городскихъ училищахъ.—Врачебно-санитарный надзоръ за начальными школами.—Изъ жизни народнаго учителя.—Отчетъ о курсахъ садоводства въ Оренбургѣ.—Образованіе въ С. Ш.—Малокровіе у школьничковъ.—Потеря зрѣнія новорожденными.—Успѣхи гимнастовъ.—Награды за объявіе дѣтей—Итоги гигиеническаго конгресса въ Будапештѣ.—V. Приложенія. Князь Бисмаркъ какъ педагогъ.—Дѣтскій языкъ (по наблюденіямъ матери). С. Сковрцовой.—Словарь къ предыдущей статьѣ.—IV. Объявленія.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Годовое изданіе, состоящее изъ 8 книжекъ, стоитъ безъ доставки 5 р.; съ доставкой 6 р.; полгода 3 р.—Гг. иногородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская Больница, квартира Глави. Д-ра).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

3—1

Редакторъ издатель Д-ръ *Е. А. Покровскій.*

„РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ предстоящемъ 1895 году вступаетъ въ 27 годъ своего существованія. РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ — газета русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, рассматривая явленія мѣстной жизни съ русско-государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ Имперією. Газета будетъ выходить ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ томъ же форматѣ, какъ и въ 1894 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ пересылки и доставки.

На годъ	6 руб. — коп.
— полгода	3 — — —
— 3 мѣсяца	1 — 50 —
— 1 мѣсяць	— 75 —

Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ.

На годъ	8 рублей.
— полгода	4 —
— 3 мѣсяца	2 —
— 1 мѣсяць	1 —

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкою на годъ пять руб. и на полгода три руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ. За границу на годъ 14 руб., на полгода 7 руб., на 3 мѣсяца 3 руб. 50 коп., на 1 мѣсяць 1 руб. 75 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ только съ перваго числа каждаго мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года, исключительно въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу Больш. и Малой Грѣшной ул., д. Лифшица № 27—2.

Редакторъ *Л. Н. Витвицкій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики и общественной жизни. III. Обзорнѣе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Вѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библиографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкою иногороднымъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
11	— 10	50 10	— 9	20 8	50 7	80 6	— 5	— 4	— 3	— 1	50

съ доставкою въ Харьковъ:

11	— 9	50 9	— 8	25 7	50 6	75 6	— 5	25 4	50 3	40 2	40 1	20
----	-----	------	-----	------	------	------	-----	------	------	------	------	----

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія привимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Пятры.

Открыта подписка на 1895 г. „РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ежедневное издание.

Открывая подписку на 1895 г. „Русскій Листокъ“ начинаетъ 6-й годъ своего изданія „Русскій Листокъ“ по прежнему считаетъ своей первой и главной задачей служеніе православію, самодержавію и народности. Въ „Русскомъ Листкѣ“ есть слѣдующіе отдѣлы: «Дѣйствія и распоряженія правительства»; «Распоряженія и назначенія по духовному вѣдомству»; «Факты и слухи»; «Дневникъ происшествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра»; «Военный Листокъ»; повседневныя событія московской жизни; повседневныя событія петербургской жизни; Телеграммы; «Желѣзнодорожный листокъ»; «Театръ и музыка» и «Изъ міра искусствъ»; «Обо всемъ» и «По городамъ и селамъ»; «Мелочи»; «Всякая всячина»; «Мимходомъ»; «Пѣсни дия»; «По Россіи»; «Торгово-промышленный листокъ» и «По сельскому хозяйству»; «Разныя извѣстія», биржевыя, рыночныя и справочныя свѣдѣнія.

Затѣмъ—за ту же пятирублевую плату — «Русскій Листокъ» время отъ времени даетъ своимъ подписчикамъ безъ всякой приплаты художественно исполненныя портреты Особъ Императорскаго Дома и выдающихся государственныхъ дѣятелей.

Въ наступающемъ подлинномъ году, „Русскій Листокъ“ будетъ выходить въ такомъ же форматѣ и будетъ заключать въ своихъ столбцахъ тотъ-же разнообразный матеріалъ, какъ и въ истекшемъ. На будущій годъ въ распоряженіи редакціи имѣются слѣдующіе романы: В. Ривалъ—„На смертный бой“, романъ въ 2-хъ частяхъ; Н. А. Хлопова—„Два міра“; А. П. Андреевскаго—„Темное дѣло“; С. Ѳ. Рыскина—два ром.: „Вѣчева баба“ и „Савва Кремневъ“, Д. С. Дмитріева—„Іоаннъ III, собиратель земли Русской“; ром. А. Д. Апраксина и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

5 руб. въ годъ, 3 руб. за 6 мѣсяцевъ, 70 коп. за одинъ мѣсяць.

Адресъ редакціи: Москва, Варсонофьевскій пер., домъ Поповой.

4—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

РУССКІЙ АРХИВЪ.

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебныя процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, перениска Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Русскій Архивъ въ 1895 году будетъ издаваться двѣнадцатью тетрадями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1895 году съ пересылкою и доставкою—9 руб. Для чужихъ краевъ—12 руб.

Подписка приним. въ Москвѣ, въ конторѣ „Русск. Арх.“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, д. 175. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ С.-Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Кіевѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по 1 руб., за три по 80 коп., за четыре и болѣе по 75 коп. каждая.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(32-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:			На города съ пересылкой:			За границу съ пересылкой:		
на 12 мѣсяцевъ	10 р.	— к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р.	— к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р.	— к.
„ 6	„ 5	50 „	„ 6	„ 6	— „	„ 6	„ 9	— „
„ 3	„ 3	— „	„ 3	„ 3	50 „	„ 3	„ 4	80 „
„ 1	„ 1	30 „	„ 1	„ 1	50 „	„ 1	„ 1	90 „

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-
праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности,
добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ
Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногородныхъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взпо-
сомъ годовой платы, допускается разсрочка, при непремѣнномъ условіи непосред-
ственного обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины: а) при
подпискѣ 6 р. и къ 1-му юня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта
3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ, дальѣйшая
высылка газеты приостанавливается. 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ТИФЛИССКУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(двѣнадцатый годъ изданія)

Условія подписки: съ пересылкою и доставкой: на годъ—10 р., на полгода —
6 р., на три мѣсяца — 3 р. 50 к., на одинъ мѣсяць — 1 р. 50 к. За границу: на
годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не
иначе какъ считая съ перваго числа любого мѣсяца).

Подписка и объявленія принимаются ВЪ ТИФЛИСЬ: въ конторѣ
газеты, Барятинская ул., № 8. 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1895 г.

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и вы-
ясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоз-
зрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній къ южной Руси.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

На годъ: съ пересылкой и доставкой 10 р., безъ доставки и пересылки 8 р. 50 к.,
за границу 12 р.

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а
также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ,

Издатель К. Гамалѣй.

2—2

Редакторъ В. Науменко.

Кн. 1.

7

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

„СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

газету общественно-политическую и литературную
(Изданія годъ восемнадцатый).

Собственники газеты, не преслѣдуя никакихъ матеріальныхъ выгодъ отъ изданія, употребяють всё средства, остающіяся отъ покрытія расходовъ по изданію, на улучшение и расширеніе газеты.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

На годъ 5 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 коп.

По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка годовой платы. Адресъ: Смоленскъ, д. Мѣшавскаго Общества, копѣра „Смоленскаго Вѣстника“. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

общественной жизни, политиня, литературы, промышленности и торговли

„КУРСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Условія подписки: съ перес. и дост.: на 12 м.—5 р., 6 мѣс.—2 р. 50 коп., 3 м.—1 р. 25 к., 2 м.—1 р., 1 м.—60 к.

Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца.

3—2

О Д Е С С А.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 годъ

(6-й годъ изданія)

на Акушерско-Фельдшерскій общедоступный медицинскій журналъ

„АКУШЕРКА“,

посвященный всёму отраслямъ медицины, обвиняющимъ кругъ дѣятельности
АКУШЕРОКЪ, ФЕЛДШЕРИЦЪ и ФЕЛДШЕРОВЪ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 3 руб. (допускается разсрочка по третямъ).

Подписка принимается: 1) Въ редакціи журнала „АКУШЕРКА“ въ Одессѣ (адресъ почтѣ извѣстенъ). 2) Во всёхъ книжныхъ магазинахъ. 3) Во всёхъ почтовыхъ конторахъ съ наложеніемъ платежа.

Цѣна „режнимъ экземплярамъ“ „АКУШЕРКИ“: за 1890 годъ—2 рубля (для подписывающихся же и на 1895 г. цѣна 1 руб. 50 коп.), за 1891, 1892, 1893 или 1894 г. по три руб. каждый (для подписывающихся же и на 1895 г.—по два руб.); за всё шесть лѣтъ вмѣстѣ—12 руб.

Редакторъ-издатель акушеръ АМБРОЖЕВИЧЪ.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 (XI Г.) НА ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Въ 1895 году Сиб. Вѣстн. выходитъ ежедневно съ прибавленіями; за исключеніемъ дней послѣдпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: годъ 9 р., ^{1/2} г. 4 р. 50 к., 3 м. 2 р. 25 к., 1 м. 75 к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходятъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прѣзвіе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія и т. д.). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.). 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.). 4) Воспоминанія. 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библиографія (отзывы о сочиненіяхъ по всемъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы. 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранное обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 года будетъ отличаться не меньшимъ богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Приобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Аиса-овыхъ, Ю. О. Самарина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ф. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтынова (Щедрина), В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: въ годъ—15 р., на полгода—7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяць—1 р. 25 к. Съ пересылкой за границу—18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 р., 6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя бібліотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи. Книги журнала 1890—1891 гг. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 гг. по 5 руб. за годъ. Пересылка оплачивается на мѣстѣ по расчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція „Русскаго Обозрѣнія“ (уг. Тверской и М. Гибзѣдниковскаго пер., д. Спиридопова).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА
„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

СЪ БЕЗПЛАТНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

«Сборника рѣшеній Уголовн. и Гражд. Кассац. Департаментовъ и Общ. Собр. Правит. Сената» и «Собранія узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ безъ предварительной цѣнзуръ. Годовая подписная цѣна съ дост. и перес. СЕМЬ руб. Допускается разсрочка при подпискѣ—4 р. и къ 1 апрѣля 3 рубля.

СПБ. Невскій пр., 59.

Программа: Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи и за границей.—Статьи и замѣтки по вопросамъ судебной и административной практики.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и за границы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельетонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшенія Правительства. Сената и циркуляры подлежащихъ министерствъ.—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, призванныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новыя книги и отзывы о нихъ (библіографія).—Объявленія.

Вмѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи „Юридической Газеты“ за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ.

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей,

имѣющей цѣлю—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Прирожденія—литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія.

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ такъ и женскихъ. Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходитъ не будетъ). ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подисной цѣны уменьшается на 1 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обихихъ столицъ. Гг. иногородныхъ просятъ обращаться

3—2

прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-Издатель д-ръ Е. А. Покровскій.

Открыта подписка на 1895 годъ (XI годъ)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ №№ въ годъ. Каждый № состоитъ изъ 16 стр. текста и отъ 6-ти до 8-ми рисунковъ русскихъ и заграничн. художниковъ. Содержание составляютъ романы, изображающіе приключенія и путешествія во всѣхъ частяхъ свѣта, описанія путешествій, интересные новѣсти и рассказы, хроника событій, научныя новѣстия, смѣсь. Въ журналѣ попрежнему будутъ участвовать: Д. П. Мамилъ-Сибирякъ, И. П. Потапенко, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. Н. Каравинъ, С. П. Мечъ, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ, Э. Р. Циммерманъ, проф. А. Н. Гренъ, С. А. Качиоли и многіе другіе.—Иностранная литература путешествій и приключеній: новый романъ Жюль Верна, съ рисунками; романъ изъ жизни донарей: „Снѣжная лилія“, съ художественными иллюстраціями; романъ изъ эпохи возстанія силаевъ: „Наслѣдникъ радни“, съ рисунками Клериса и мн. др. Очень оригинальный ром. военного характера, написанный капитаномъ Дапри и, кромѣ того, повѣсти, рассказы и очерки Стивенсона, Киплинга, Рейдера-Хаггарда, Андро, Лори, Канпве и друг.

Въ приложеніи будетъ помѣщено: 12 еженѣдныхъ иллюстрирован. лучшими заграничн. художниками книгъ.

Собраніе сочиненій МАЙНЪ-РИДА.

Кромѣ того, при долатѣ 1 рубля на упаковку и пересылку, годовые подписчики получаютъ РОСКОШНУЮ ПРЕМИЮ: огромную, размѣр. 17—27 вер., художественную олеографію, исполн. въ 40 крас.

„ТЕРЕКЪ ШУМИТЬ“ съ картины Сахарова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛА съ романами Майнъ-Рида, съ пересылкою и доставкою 4 р. въ годъ. 2 р. 50 к. за $\frac{1}{2}$ г. 1 р. 40 к. за $\frac{1}{4}$ г.

Допускается разсрочка годовой цѣны по одному рублю въ 3 мѣсяца.

Годовые подписчики, уплатившіе при подпискѣ за пересылку преміи, получаютъ ее немедленно, съ первыми №№ журнала.

Адресъ редакціи „Вокругъ Свѣта“: Москва, Валовая ул., д. т-ва И. Д. Сытина.
Редакторъ *Е. П. Киселевъ.* Издатель т-во *И. Д. Сытина.*

2—2

Открыта подписка на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

(Съ 1 ноября 1894 по 1 ноября 1895 года).

Сельскій Хозяинъ будетъ выходить попрежнему, безъ предварительной цензуры, подъ редакціей **К. И. Масляникова** (землевладѣльца Рязанской губ., селца Рюмки) по слѣд. программѣ: Правительственныя распоряженія. Сельскохоз. займственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельскохоз. хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Сельскохоз. хозяйственный фельетонъ. Агрикультура: „Изъ дневника неунывающего хозяина“. Вопросы и отвѣты. Библиографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезныя адреса. Объявленія.

Годовые подписчики получаютъ *бесплатное приложеніе*: Восьмой выпускъ „Альбома лошадей, скота, собакъ, куръ, наѣдокъ и т. п.“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ: безъ пересылки и доставки 5 р., съ доставкой въ Спб. 6 р., съ пересылкой и доставкой въ 6 р.; за полгода: безъ пересылки 3 р., съ доставкой въ Спб. 4 р., съ пересылкой и доставкой въ 3 р. 50 к.

Съ доставкой за границу за годъ 7 р., за полгода 4 р.

Гдѣ ИНОГОРОДНЫЕ ПОДПИСЧИКИ адресуются **ВЪ ГЛАВНУЮ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ „СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“** Спб., (Надеждинская ул., № 43). Для городскихъ подписчиковъ С.-Петербурга и Москвы имѣются *собственныя конторы* въ Спб. Невскій, № 63, и въ Москвѣ—Петровскій торгов. линіи Тульской Банкъ—

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1895 Г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТ. ЖУРНАЛЬ:

ГОДЪ XIV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XIV

Журналъ выходитъ попрежнему ежемѣсячно, перваго числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры.

Въ 1894 г. въ журналѣ были напечатаны: 1) **Горный ручей**, романъ *Г. Г. Ясинскаго*; 2) **Жельзоль и кровью**, историческій романъ изъ времяя завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева*; 3) **Съ добрыми сердцемъ**, повѣсть *А. А. Вилицкой*; 4) **Весною**, очерки *Ф. Д. Нефедова*; 5) **Неудача генерала Постромкова**, повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа: „Изъяны воли“); 6) **Золоченая богема**, романъ *В. Святлова*; 7) **Жизнь съзнаюна**, романъ *Н. О. Бажина*; 8) **Жертва паллози**, романъ *Е. В. Назаревой*; 9) **Наполеонъ I и Жозефина**, *П. В. Безобразова*; 10) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова*; 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу „Дневника“ Някитенка), *К. П. Медвѣдскаго*; 12) **Паиры и памирскій вопросъ**, *В. Острогорова*; 13) **Военное воздухоплаваніе**, *М. И. Венюкова*; 14) **Крестьянское хозяйство и паропное производствіе**, *И. О. Фесенко*; 15) **О задачахъ городского самоуправленія**, *А. Н. Котельникова*; 16) **Древнїе адвокаты и наши присяжные дщеры**, *В. В. Птицына*; 17) **Казенный ранишество**, *Н. Тембе*; 18) **Задачи женскаго образованія**, *П. Цакни*; 19) **Въ вопросу о народной перешен**, *Статистика*; 20) **Въ древней столицѣ Литовскаго княжества**, *Е. Н. Матросова*; 21) **Изъ американской жизни**, *В. Святловскаго*; 22) **Кавказскія минеральныя воды въ 1893 г.**, *Н. Щирскаго*; 23) **Закононость управленія и кодификація права**, *Н. П. Дружинина*; 24) **Д. В. Григоровичъ**, *К. Говорова*; 25) **Чехи на Волыни**, *А. Липранди*; 26) **Канализація или сфагнумъ?** *Д. Райскаго*; 27) **Наша драматическая трупа**, *В. Святлова*; 28) **На трехъ выставкахъ**, *И—а*; 29) **Первые шаги въ устройствѣ русской церкви въ Прагѣ**, *пр. П. А. Кутузова*; 30) **Наша журналистика**, *Ф—скаго*; 31) **Министерство земледѣлія**, *В. Г. Швецова*; 32) **Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе**, *Его же*; 33) **Двѣ системы средняго образованія**, *Одною изъ родителей*; 34) **Путь въ Берлинскому трактату**, *Б. К. П.*; 35) **Наша музыкальная жизнь**, *В. С. Баскина*; 36) **Юліанъ Отетунникъ**, историческій романъ *Феликса Дана*; 37) **Рабъ свѣта**, политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мэрримена*; 38) **Лурдъ**, романъ *Эмиля Зола*; 39) **Заслуженный успѣхъ** (по поводу книги Диминскаго: „Евреи и ихъ вѣроученіе“) *А. П. Пятковскаго*; 40) **И смѣхъ и горе**, фельетоны *Ефима Простосердова* и пр., и пр.

Годовая цѣна: 12 руб. безъ доставки; 13 руб. съ дост.; 14 руб. съ перес. иногороднымъ; за границу 17 руб. За полгода: 7 руб. съ пересылкой въ Россію; за границу—9 р.; За три мѣсяца: 3 р. 50 к. съ дост. и перес. въ Россію; за границу—5 руб. Книгопродавцамъ—уступка 50 к. съ годового экземпляра. Служащымъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Главная контора: Спб., Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.), д. № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВЛЮ ГАЗЕТУ

Орловскій Вѣстникъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ дост. въ Орлѣ и перес. въ др. города на годъ— 7 руб., 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

Подписка принимается и СЪ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 р., до выплаты всей суммы.

Подписка принимается только съ 1 и 15 чиселъ мѣсяца.

Адресъ редакціи: г. Орель, Зинovieвская улица, д. № 2.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ НА 1895 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Основанный въ 1870 году ежемѣсячный историческій журналъ «РУССКАЯ СТАРИНА», вступая въ 1895 году въ двадцать шестой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣрнѣе своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе исторические матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелими Русской земли, оставившими свои слѣды на попріахъ службъ государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «РУССКОЙ СТАРИНЫ» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ съ 1894 г. ввелъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщаются краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1895 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ А. Θ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Блдановскаго, Воробьева, Н. Θ. Дубровина, Жмакина, А. И. Ильинскаго, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, В. Я. Ольшевскаго, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Тучкову-Огареву, Н. К. Шиллера, Н. Л. Ширяева, В. И. Щенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

- 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроникки; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка аамфчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранцыне, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивныя документы; 14) Родословія.

По приѣзду прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированныя лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. 3—2

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО въ двухъ изданіяхъ:
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ выходитъ въ форматъ большихъ столичныхъ газетъ.

СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ и ЕЖЕМЕСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи совершенно реформирована, увеличена въ форматъ и дополнена всѣми отдѣлами. Въ каждомъ номерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событіями, а также общественною жизнью. Несмотря на весьма скромную подписную цѣну на газету, всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, специальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—**ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНИЯМИ**, а потому газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, въ обновленномъ видѣ и по обилію литературнаго матеріала, вполне замѣняетъ собою

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ и ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, годовые подписчики получаютъ:

- 1) **52** НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ въ видѣ иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщается въ теченіе года до 300 рисунковъ, а также и карикатуры.
- 2) **40** НУМЕРОВЪ „РОМАНЫ и ПОВѢСТИ“ русскихъ и иностранныхъ писателей, что составитъ въ годъ нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 3) **12** НУМЕРОВЪ „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ“, замѣляющихъ для семьи „Модный журналъ“.
- 4) „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ (съ картою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ 8 р. На полгода 4 р. 50 к. На три мѣс. 2 р. 50 к. На одинъ мѣс. 1 р.

ВТОРОЕ изданіе газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

выходитъ ЕЖЕДНЕВНО листами даже и въ дни слѣдующіе за праздниками въ годъ 360 номеровъ, въ форматъ меньше перваго, но по той же обширной программѣ и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый номеръ газеты входятъ всѣ выдающіяся новости изъ придворной, духовной, административной, военной, ученой, внутренней и иностранной жизни. Въ отдѣлѣ беллетристики: оригинальные романы, повѣсти, рассказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замѣтки, иллюстрія выдающійся интересъ, всегда дополняются художественными иллюстраціями

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ—4 р. | На полгода—2 р. 50 к. | На три мѣсяца—1 р. 50 к.

Годовые подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ могутъ получать, какъ новыя большія акварельныя картины: «БУРЛАКИ НА ВОЛГѢ», проф. И. Рѣпина, и «ЖЕРТВА ВОЛГИ», худ. С. Верещагина, такъ и прежнія изданія (картины и гравюры), уплачивая за каждый экземпляръ (съ доставкою)—ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

- 1) Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.
- 3) Е. И. В. Гос. Имп. АЛЕКСАНДРЪ II. (въ Вѣзѣ почившій). 4) Прот. ЮАННЪ СЕРГІЕВЪ Кюништадскій. Писатели: 5) Пушкинъ 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна каждого бюста на выборъ для подписчиковъ—четыре рубля, не подписчиковъ—пять рублей (безъ доставки).

Съ подпискою просить обращаться исключительно въ Главную Контору газеты:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аншкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, бесплатно.

ЛУЧЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1895 годъ.

Подписчики получаютъ за годъ съ достъ и перес. **ЗА ШЕСТЬ РУБ.**

- 1) Газету „Лучъ“ (два раза въ недѣлю) 104 номера.
- 2) Иллюстрирован. Миръ (разъ въ недѣлю) 52 „
- 3) Моды (разъ въ мѣсяць) 12 „
- 4) РОМАНЫ (разъ въ мѣсяць) 12 книгъ.

5) ГЛАВНАЯ ПРЕМИЯ 1895 года ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ сочиненій Вальтера Скотта.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ КНИГИ,

изъ коихъ семнадцать книгъ (первые восемь томовъ) уже вышли (изд. 1893 и 1894 г.) и новые годовые подписчики получаютъ ихъ даромъ съ первымъ номеромъ газеты за 1895 г., приславъ лишь пересылочныя семи копѣечныя марокъ (для удобства) или же деньгами соотвѣтственную сумму.

6) Портретъ Оца Юанна Сергіева (Крошнитадскаго); олеографія (десятью красками).

7) Стѣпной календарь на 1895 годъ.

8) ЛЮБИТЕЛЯМЪ олеографическихъ картинъ редакція предлагаетъ на выборъ до десяти картинъ, за коковыя уплачивается только за пересылку и укупорку по 1 руб. за каждую.

9) Въ числѣ книгъ приложеній будетъ данъ ПОЛНЫЙ томъ полнаго собранія сочиненій Марлинскаго (Алек. Бестужева), романъ Амалать-Бекъ. Прочія сочиненія Марлинскаго составятъ премию 1896 г.

Направленіе и редактированіе газеты „ЛУЧЪ“ остаются прежнія.

Подписку просимъ адресовать: Загородный просп., д № 6, въ Главную Контору.

Редакторъ-издатель **С. С. Окрейцъ.** 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г. (ГОДЪ 25) НА

«ЖУРНАЛЬ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА»

(при С.-Петербургскомъ университетѣ).

Журналь будетъ издаваться въ 1895 г. по той-же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныя науки, при тѣхъ-же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ 1894 году.

ОТДѢЛЫ ЖУРНАЛА: 1) Оригинальныя статьи; 2) Хроника законодательства и суда; 3) Критика и библиографія; 4) Указатель юридической литературы; 5) Замѣтки и извѣстія.

Журналь даетъ 10 ежем. книгъ (кромя іюля и августа), не менѣе 15 печ. листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ дост. въ Сиб. 8 р. Съ дост. въ Сиб. 8 р. 50 к. Съ перес. 9 р. Съ кассационными рѣшеніями Сената (съ дост. и перес.) 13 р.

Члены юрид. общ., студенты и вообще учащіеся, а также кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности платятъ половину, т. е. 4 руб. 50 к., а съ кассац. рѣш. 8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., съ кассац. рѣш. 8 р., остальные деньги въ іюль.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (Сиб. Новосакиевская, 14, кв. 7) и въ книжныхъ магазинахъ: Моргынова (Невскій 46), „Новаго Времени“, Рибкера (Невскій, 14), Анисимова (Садовая, 18), Ципзерлиана (Невскій, 20).

РЕДАКЦІЯ—Спаская, 16.

2—1

Редакторъ проф. В. ЛАТКИНЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

Годъ II.

„ХОЗЯИНЪ“

Цѣна 6 р.

Журналъ сельскаго хозяйства и экономіи, выходитъ еженедѣльно, по пятницамъ, безъ предварительной цензуры, тетрадями въ 20 и болѣе страницъ текста.

ПРОГРАММА:

Правительственныя распоряженія. Статьи по земледѣлю, скотоводству, огородничеству, садоводству, техническимъ производствамъ и пр. Статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ. Опыты и нужды хозяевъ черноземной и нечерноземной Россіи. Корреспонденціи. Телеграммы. Обзоры научно-хозяйственной литературы. Сельскохозяйственные рынки. Вопросы и отвѣты.

Годовые подписчики получаютъ 8 художественно исполненныхъ акварелей

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО АЛЬБОМА.

Въ журналѣ помѣщаются портреты, рисунки, чертежи и планы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ. Цѣна за годъ 6 р., за полгода 3 р.; разсрочка по 1 рублю въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ года.

Новые подписчики, высылающіе 6 р., получаютъ текущіе №№ журнала за 1894 годъ даромъ со дня полученія редакціей подписныхъ денегъ.

Выпускъ 1894 года сельскохозяйственнаго альбома (кормовыя растенія) высылается новымъ подписчикамъ на 1895 г. за 2 р. безъ пересылки.

Оставшіеся экземпляры журнала на 1894 годъ продаются по 6 рублей безъ пересылки.

Редакція и контора: С.-Петербургъ, Невскій, 12.

ДЛЯ ХОЗЯЕВЪ:

Подписчики журнала „Хозяинъ“ могутъ за 1 рубль помѣщать объявленія въ трехъ №№ журнала (въ размѣрѣ не болѣе 200 буквъ) въ особомъ отдѣлѣ.

Редакторъ А. П. Мертваго.

3—2

Издатель И. А. Машковцевъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

Издаваемый при главн. управленіи военно-учебн. заведеній.

Въ неофич. части 1894 г. были помѣщены слѣдующія статьи: О классномъ чтеніи эпическихъ и драматическихъ произведеній. М. Яна, пер. В. Яковлева.—Этюды выразительнаго чтенія. Д. Д. Коровикова.—Принципы правописанія и ихъ примѣненіе къ русскому языку. К. Житомірскаго.—О постановкѣ русскаго языка въ средней школѣ. И. Соломоновскаго. Дидактическое значеніе и мѣсто Библейской исторіи по взглядамъ германцевъ.—По поводу нашихъ предшественниковъ, добромъ поминаемыхъ. А. Н. Острогорскаго.—Къ вопросу о дѣтскихъ характерахъ. Е. П.—Замѣтка по поводу юбилея Лобачевскаго. И. П. Долбня.—Два направленія въ школьной математикѣ. В. П. Ермакова.—Роль памяти въ математикѣ. В. П. Ермакова.—Основные дѣйствія надъ періодическими десятичными дробями. Н. Соколова.—Простые физич. опыты и приборы. А. Королькова.—Знать и мочь въ естествознаніи. Ландсберга.—О нравственномъ воспитаніи. М. Демкова.—Статья И. Я. Герда, К. В. Ельницкаго, А. Флорова, А. А. Воголюбовой, В. Шидловскаго, А. С. Виреніуса и др.—Обзоръ дѣтской литературы за 1893 г. М. В. Соболева.—Критика и библиографія.—Рефераты.—Въ приложеніи: 1) Обзоръ дѣятельности Педагог. Музея. 2) Работы учрежденной Главнымъ Начальникомъ в.-у. з. комиссіи по обсужденію мѣръ для огражденія зрѣнія воспитанниковъ сихъ заведеній отъ порчи.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно. Подписная цѣна за годъ: съ доставкою и не рсылкой—5 р., за границу—6 р 50 к.

Подписка принимается въ редакціи: Слб., Фурштатская, 12/4, вв. 9.

Изданіе 1894 г. все разошлось по подпискѣ.

3—2

Редакторъ А. Острогорскій.

1895 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1895

на ежедневную политико-общественную, литературную и торгово-промышленную газету

„АСТРАХАНСКИЙ ВЪСТНИКЪ“

издаваемую въ формѣ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ газетъ и по ихъ программѣ, а именно:

- 1) Передовыя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ вопросовъ края.
- 2) Статьи и сообщенія, посвященныя изученію и разработкѣ вопросовъ торгово-промышленныхъ, городскихъ и сельско-хозяйственныхъ.
- 3) Мнѣніе печати по вопросамъ, касающимся края, а также нефтяного, рыбнаго и соляного промысловъ, судоходства и проч. съ критическою оцѣнкою ихъ.
- 4) Мѣстная хроника: дѣйствія и распоряженія Правительства, касающіяся края, мѣстныхъ административныхъ распоряженій, переимѣна по службѣ, происшествія и пр.
- 5) Торговый отдѣлъ.
- 6) Судебный отдѣлъ.
- 7) Телеграммы.
- 8) Корреспонденціи.
- 9) Текущая жизнь.
- 10) Политическій отдѣлъ.
- 11) Театральная и музыкальная хроника.
- 12) Фельетонъ.
- 13) Смѣсь.
- 14) Справочный отдѣлъ.
- 15) Объявленія.

Газета выходитъ не исключая и дней послѣбраздничныхъ

Подписка принимается въ Конторахъ Редакціи, въ Астрахани: при Паровой Новой Русской Типографіи (Пароходная ул., соб. д.) и въ д. Усейнова на Полицейской улицѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой въ Астрахани: за годъ 7 р., за полгода 4 р., за три мѣсяца 2 р. 50 к.; съ пересылкою во все города: за годъ 7 руб. 50 коп., за полгода 5 р. и за три мѣсяца 3 р. 25 к.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, все новыя годовыя подписчики, внесшіе полную годовую плату, будутъ получать газету со дня подписки до конца года БЕЗПЛАТНО.

3--2

ХVII годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г. годъ ХVII

на ежедневную политическую и литературную газету

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“.

Выходитъ по Воскресеньямъ (50 №№ въ годъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ—6 р., на $\frac{1}{2}$ г.—3 р. 50 к.

Льва, подписавшіяся не менѣе какъ НА ГОДЪ со дня подписки по 1-е января 1895 г. получаютъ газету БЕЗПЛАТНО. Учащіе въ НАЧАЛЬНЫХЪ училищахъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ, а именно: за годъ 4 рубля, за полгода 2 руб. 50 коп.

Въ настоящее время программа газеты слѣдующая:

- 1) Телеграммы „Сѣвери Телеграфъ. Агентства“.
- 2) Передовыя статьи.
- 3) Хроника мѣстной жизни.
- 4) Корреспонденціи изъ Приуралья и Сибири.
- 5) Статьи научнаго содержанія.
- 6) Статьи по вопросамъ Приуралья и Зауралья.
- 7) По Россіи.
- 8) За-границей.
- 9) Изъ газетъ.
- 10) Политическое обозрѣніе.
- 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ.
- 12) Критика и библиографія.
- 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учреждений, и ученыхъ обществъ Пермской губерніи.
- 14) Фельетонъ.
- 15) Литературный отдѣлъ.
- 16) Смѣсь.
- 17) Справочный отдѣлъ.
- 18) Объявленія.
- 19) Приложение: „Записки Уральскаго общества любителей естествознанія“.

Въ теченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Екатеринбургской Недѣли“, по примѣру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помѣщено ни одной перепечатки.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій просп., д. № 44).

3—2

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ.

Редакторъ П. Н. Галинъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

САМУЮ БОЛЬШУЮ И САМУЮ РАСПРОСТРАНЕННУЮ НА ЮГЪ РОССИИ

Е Ж Е Д Н Е В Н У Ю

(не менѣе 330 №№ въ годъ),

политическую, литературную, научную, общественную
и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловойскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лapidусъ (Laris), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиновъ, профессоръ Ф. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ и до сихъ поръ, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вместе съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во вѣншемъ техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія „Одесскихъ Новостей“, перешли въ новое роскошное помѣщеніе въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго, на углу Ришельевской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки:		Съ достав. и перес. въ другіе города:	
На 1 мѣсяць	— р 90 к.	На 1 мѣсяць	1 р. — к.
> 3 >	2 > 50 >	> 3 >	2 > 75 >
> 6 >	4 > 50 >	> 6 >	5 > — >
На годъ	8 > — >	На годъ	9 > — >

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ **5** коп. номеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ 3—1

Въ ОДЕССѢ, въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

Редакторъ-издатель А. Старковъ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ“,

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1895 году подъ тою-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ перес. въ другіе города, такъ и съ дост. въ Петербургъ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издателя — Карла Леонидовича Риккера (Петербургъ, Невскій, 14). Къ нему же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, и полученныхъ №№ и т. д.).

1835.—Вольшой семейный иллюстрированный журналъ—1895.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52

иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ въ общемъ изъ 3—4-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и съ копіями картинъ выдающихся художниковъ.

кроме 52 нумеровъ журнала подписчики получаютъ бесплатно

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ ИЗБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Романы и повѣсти: Додэ, Диккенса, Бреть-Гардта, Зола, Келлинга, Мопассана, Свифта, Сервантеса, Сенкевича и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15—20 листовъ. II. 40 НУМЕРОВЪ «Новые романы и повѣсти» современныхъ писателей (съ иллюстраціями). III. 24 НУМЕРА «Новѣйшихъ Модъ». IV. 40 НУМЕРОВЪ игръ, задачъ и ребусовъ. V. 15 НУМЕРОВЪ «Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій». VI. 12 ВЫКРОЕКЪ въ патуральную величину. VII. 12 «НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПЬЕСЪ». VIII. ЧЕТЫРЕ НУМЕРА «Образцовъ для выпиливанія. IX. 1 СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ (съ картою Россіи).

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

1) „НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ“. Эта новая оригинальная и весьма дѣльная премія состоитъ изъ большого фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящной оберткѣ, содержащая всегда, вездѣ и вѣсьмъ нужныя свѣдѣнія, въ особенности, эта книга принесетъ несомнѣнную пользу провинціальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) „Возвращеніе изъ гостей“, 2) „Соколыничій на охотѣ“, 3) „Какъ началась живопись“ и „Нападеніе волковъ“.

Кромѣ пяти бесплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ Главную Контору, новую большую акварельную картину (длины : 22½, вершка, вышины 16 вершковъ) воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина.

« ЖЕРТВА ВОЛГИ »

(Картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другія за прежніе года улачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ РУССКИХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. Цѣна за каждый металлическій бюстъ большого формата на выборъ, для подписчиковъ ЧЕТЫРЕ руб., а неподписчиковъ ПЯТЬ руб. (Безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. и по Имперіи) 8 р.— НА ПОЛГОДА 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб.—7 р. Въ Москвѣ—7 р. 50 к.

РАЗСРОЧКА ВЗНОСОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, въ столицѣ и другихъ городахъ Россіи, съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской просятъ обращаться исключительно въ Главную Контору:

Спб. Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, бесплатно.

НА

„НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

ПРОГРАММА „НУВЕЛЛИСТА“.

Въ 1895 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно каждое первое число тетрадями, заключающими въ себѣ: Салонныя пьесы извѣстныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки. Новые танцы (польки, вальсы, мазурки, кадрили). Русскіе романсы для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепиано. Легкія пьески для дѣтей для фортепиано и для скрипки съ фортепиано и дѣтскія пѣсенки.

Редакція „НУВЕЛЛИСТА“ обратитъ также особое вниманіе на дѣтскій отдѣлъ, пьесы котораго, подъ руководствомъ опытнаго педагога Н. А. Тивольскаго, будутъ распределены по степени трудности съ обозначеніемъ правильной аппюратуры.

Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ по крайней мѣрѣ въ 400 стр. большого нотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ, „НУВЕЛЛИСТЪ“ даетъ:

П Р Е М І Ю

Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ указанныхъ редакціею.

Подписная цѣна на годъ 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой 6 руб.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка черезъ ихъ казначеенъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Глиной конторѣ журнала „НУВЕЛЛИСТЪ“ при Музыкальномъ Магазиנѣ М. Вернарда, Б. Морская, 26. Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсона, Неглинный проездъ, 10. Въ Кіевѣ, у Идзиковскаго. Въ Казани, въ муз. магаз. „Восточная Лира“. 3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ МЕДИЦИНА“

(выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ по Воскресеньямъ).

Редакторы-издатели: прив.-доп. Д. П. Косоротовъ и д-ръ медиц. И. Я. Еоминъ.

1) Офіціальныя извѣстія—перемѣны въ служебномъ состояніи врачей, Высочайшія награды и административныя распоряженія по медицинскои части. 2) Оригинальныя статьи по всѣмъ отраслямъ медицины и по вопросамъ врачебнаго быта. 3) Лекціи русскихъ и иностранныхъ клиницистовъ. 4) Отчеты о засѣданіяхъ медицинскихъ обществъ. 5) Новости медицинскои литературы, врача-практика. 6) Земско-медицинское дѣло. 7) Врачебная кзуистика—описаніе замѣчательныхъ случаевъ изъ медицинскои практики въ Россіи и за границей. 8) Критика и библиографія. 9) Эпидемиологія и статистика—больничные отчеты и обзорѣнія по санитарному дѣлу. 10) Хроника и смѣсь. 11) Письма въ редакцію. 12) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ—8 р.; на полугодіе—4 р.; на три мѣсяца—2 р.

Адресъ редакціи: Фурштатская ул., д. 10, кв. 10. Адресъ конторы: Вас. Островъ. Большой просп., д. 71. Кромѣ того, подписка принимается въ книжн. магаз.: Рикера (Невскій, 14), Петрова (Нижегородская, 15), Карбасникова (Литейный пр., 46) и въ конторѣ Метцль (Сиб. и Москва). Иногородныхъ покорнѣйше просятъ обращаться исключительно въ контору.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г. (XIII г. изд.).

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Живая общедоступная форма, всеобъемлющая полнота и чуткая отзывчивость ко всему выдающемуся въ русской жизни, — вотъ тотъ девизъ, который избрала себѣ ризъ навсегда и котораго неуклонно держится наша газета.

ВСѢМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ на 1895 г. **ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО ДРУГОЕ ИЗДАНИЕ: ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ**

СЕМЬЯ

которая выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Изящная литература: романы, повѣсти и т. п. 2) Научныя обзорѣнія и критика: литературная, театральная и пр. 3) Историческіе очерки, путешествія. 4) Биографія. 5) Спортъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, парады и т. п. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ европейскихъ художниковъ. 10) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ. 11) Объявленія.

Еженедѣльно роскошно гравированные портреты іерарховъ, государственныхъ и общественныхъ дѣателей, представляющихъ интересъ дня. Такихъ портретовъ и рисунковъ будетъ дано, какъ и въ текущемъ году, болѣе 1000. Будутъ помѣщены и портреты общественныхъ дѣателей провинціи.

Такимъ образомъ „**НОВОСТИ ДНЯ**“, прилагая своимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО „СЕМЬЮ“**, несомнѣнно даютъ роскошную премію.

Подписная цѣна на „**Новости дня**“ вмѣстѣ съ журналомъ „**Семья**“ въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣс. 1 р.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 3 руб., а съ журналомъ „**СЕМЬЯ**“ 5 руб., порознь каждый по 3 р. въ годъ. Всѣ три изданія 13 руб.

Всѣ годовые иногородные подписчики съ первымъ номеромъ получаютъ бесплатно „**Современный Календарь**“ на 1895 годъ.

Адресъ: Москва, главная контора газеты „**Новости дня**“ и журналовъ „**Семья**“ и „**Новости иностран. литературы**“.

Торговый Домъ

Ж. Блокъ

ОСНОВАНЪ
1862

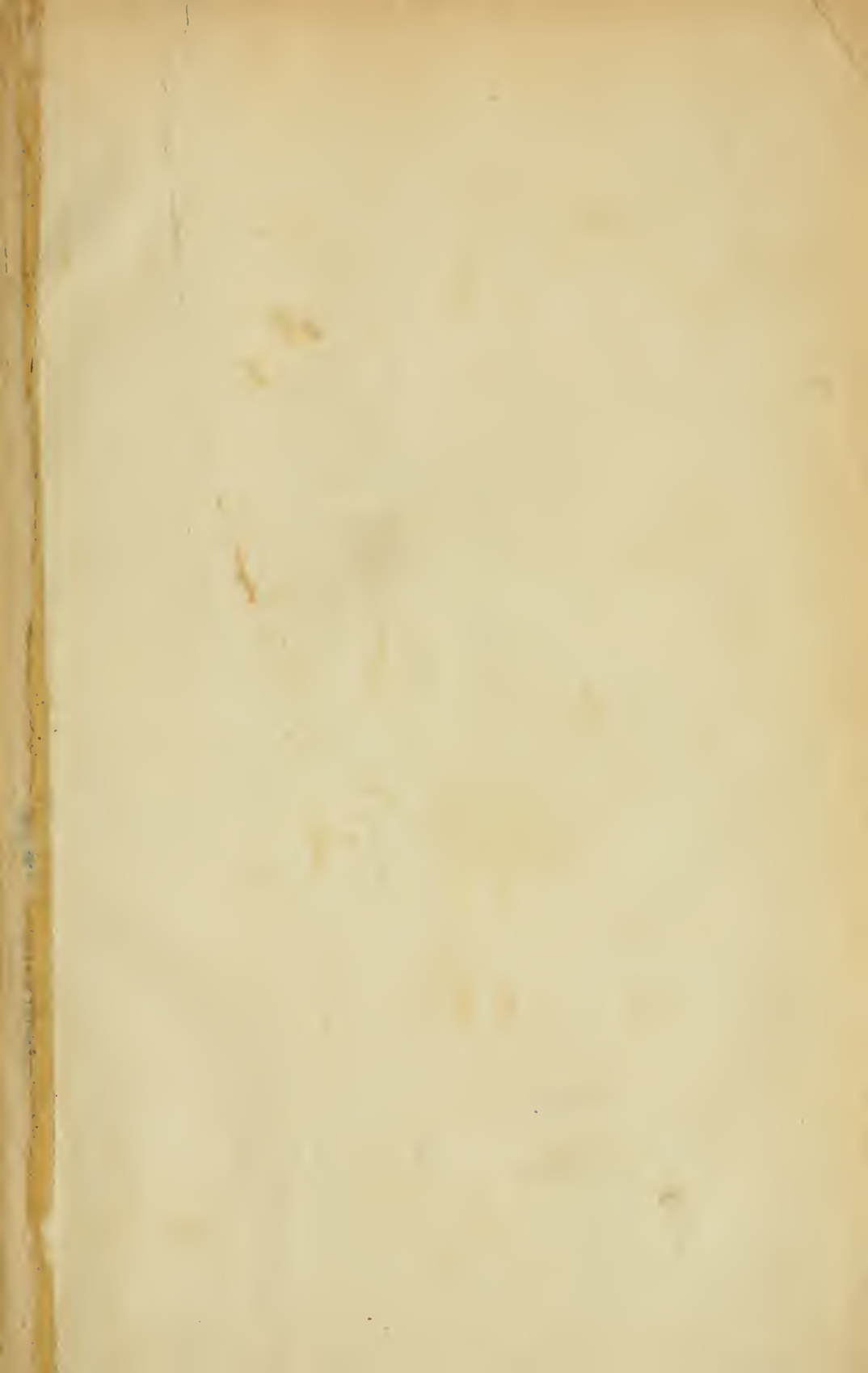
ГЛАВНАЯ КОНТОРА
МОСКВА
ОТДѢЛЕНІЯ:
ПЕТЕРБУРГЪ
ОДЕССА
ВАРШАВА
КОКАНДЪ

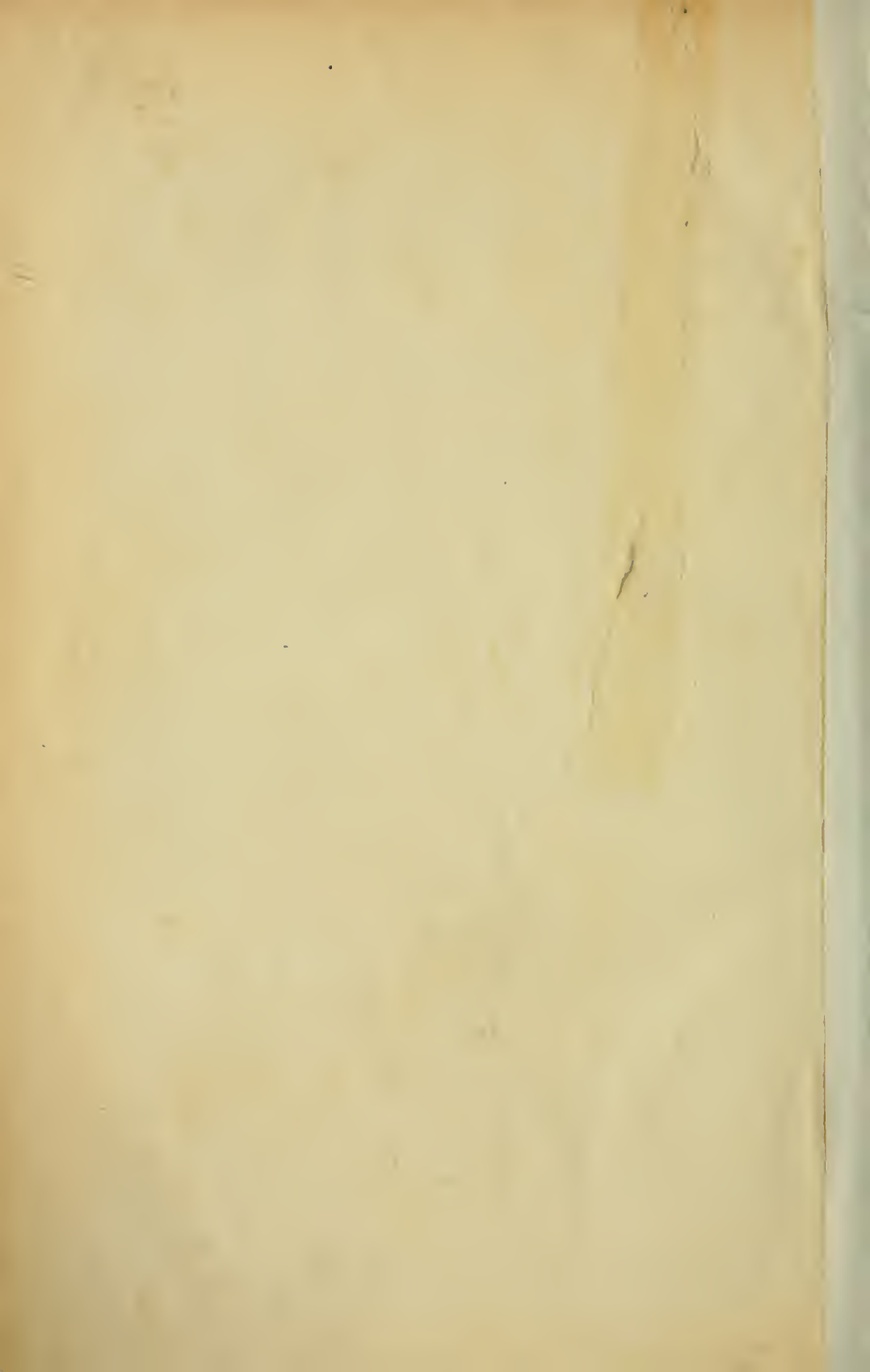
ЕКАТЕРИНБУРГЪ

Самый обширный
въ Россіи складъ:
ВЕЛОСИДОВЪ
ВЪСОВЪ * **ШВЕЙНЫХЪ**
ЛИШУЩИХЪ **МАШИНЪ**

Ф. Гагенъ Ф. Москва.

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно. При заказахъ просимъ упомянуть настоящій журналъ.

AP
50
S57
1895
no.1

Sievernii viestnik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

